

Журнал по юриспруденции

Вопросы российского
и международного
права

Том 13, № 6А, 2023.

С. 1-438.



Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Law Journal

Matters of Russian and International Law

June 2023, Volume 13, Issue 6A.

Pages 1-438.



ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Вопросы российского и международного права»

Том 13, № 6А, 2023

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5), профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук* – главный редактор журнала.

Исаенкова Оксана Владимировна – доктор юридических наук (5.1.3), профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующая кафедрой гражданского процесса, *Саратовская государственная юридическая академия* – заместитель главного редактора журнала.

Журкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук (5.1.4), заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, *Оренбургский государственный университет* – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4).

В журнале рассматриваются актуальные проблемы теории и практики российского, зарубежного и международного права. Освещаются дискуссионные вопросы теоретико-исторических, государственно-правовых, цивилистических, уголовно-правовых и международно-правовых наук. Предлагаются к обсуждению оригинальные концепции и современные трактовки правовых теорий, проводится анализ нормативно-правовых актов и практики их применения. Формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в области публичного и частного права.

Авторами материалов, представленных в журнале, являются руководители и ведущие специалисты государственных органов и коммерческих организаций, российские и зарубежные ученые, занимающиеся различными областями юридической науки и практики, а также аспиранты и докторанты.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Вопросы российского и международного права» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	А.Д. Керимов, доктор юридических наук (5.1.2; 5.1.5)
Заместитель главного редактора	О.В. Исаенкова, доктор юридических наук (5.1.3)
Заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4)	О.В. Журкина, кандидат юридических наук (5.1.4)
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с мая 2011 г. Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43670 от 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС». Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»: **42934** «Вопросы российского и международного права».

Цена договорная. Печ. л. 56,75. Формат 60x90/8.

Подписано в печать: 30.06.2023. Дата выхода в свет: 30.07.2023.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7477.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Matters of Russian and International Law"

June 2023, Volume 13, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5), Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences* (Russia) – editor-in-chief.

Isaenkova Oksana Vladimirovna – Doctor of Law (5.1.3), Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, *Saratov State Law Academy* (Russia) – deputy editor-in-chief.

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – PhD in Law (5.1.4), Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, *Orenburg State University* (Russia) – deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences".

The journal publishes articles on topical problems of the theory and practice of Russian, foreign and international law. The articles deal with controversial issues of theoretical and historical, state legal, civilistic, criminal legal and international legal sciences. The authors propose original concepts and modern interpretations of legal theories for discussion, carry out an analysis of normative legal acts and the practice of their application and formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving legislation and law enforcement practice in the field of public and private law.

The authors of the submitted materials are chief executives and leading experts of government bodies and commercial organizations, Russian and foreign scholars working in different fields of legal science and practice, as well as postgraduate and doctoral students.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Matters of Russian and International Law" ("*Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	A.D. Kerimov, Doctor of Law (5.1.2; 5.1.5)
Deputy editor-in-chief	O.V. Isaenkova, Doctor of Law (5.1.3)
Deputy editor-in-chief at the area of "Criminal legal sciences"	O.V. Zhurkina, PhD in Law (5.1.4)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since May 2011. The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43670 of 24.01.2011.

ISSN 2222-5129.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the Catalog of periodicals "Ural-Press": **42934** "Matters of Russian and International Law".

Contract price. 56.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Passed for printing on 30.06.2023. Date of release: 30.07.2023.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7477.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, кандидат философских наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов, Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Иностраннный член Академии наук Абхазии, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, помощник начальника по инновационному развитию научной деятельности, ФГКОУ ВО Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Клименко Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Начальник кафедры теории государства и права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Станкевич Зигмунд Антонович – доктор юридических наук, действительный член (академик) Российской академии социальных наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, советник президента Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР».

Юрьев Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, председатель московской коллегии адвокатов "Межрегион", профессор кафедры международного права и публично-правовых дисциплин, Российская академия адвокатуры и нотариата.

по направлению: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности, обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах), Университет прокуратуры Российской Федерации.

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Уральский юридический институт МВД России.

Рождественская Татьяна Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Садовникова Галина Дмитриевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Университет им. О.Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия).

Черкасов Константин Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

по направлению: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Батрова Татьяна Александровна – доктор юридических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского и предпринимательского права.

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Вершило Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия.

Головина Светлана Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный университет им. В.Ф. Яковлева, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Землякова Галина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Исаенкова Оксана Владимировна – заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Прасолов Борис Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин., Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина.

Соловьева Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Институт права, Башкирский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ.

Хныкин Геннадий Валентинович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права, МГУ им. М.В. Ломоносова.

по направлению 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Астанин Виктор Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом законодательства и сравнительного права интеллектуальной собственности, Республиканский научно-исследовательский институт интеллектуальной собственности.

Волосова Нонна Юрьевна – доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Оренбургский государственный университет.

Горшенков Геннадий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России».

Дуюнов Владимир Кузьмич – доктор юридических наук, профессор, Профессор кафедры «Уголовное право и процесс» ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет».

Егоров Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Журкина Ольга Вячеславовна – заместитель главного редактора по направлению «Уголовно-правовые науки» (5.1.4), кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет.

Захарцев Сергей Иванович – доктор юридических наук, доцент, советник генерального директора, рейтинговое агентство «Эксперт-РА».

Исламова Эльнара Рафисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Кардашевская Марина Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя.

Литвинов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, доцент.

Моисеева Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики, Российский государственный университет правосудия.

Нестеров Анатолий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский федеральный центр судебной экспертизы.

по направлению: 5.1.5. Международно-правовые науки

Керимов Александр Джангирович – главный редактор журнала, доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Павлов Павел Владимирович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Садыкова Эльмира Ленаровна – кандидат юридических наук («Международное право; Европейское право»), доктор политических наук («Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»), профессор, исполнительный директор, Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству.

Шумилов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ.

Энтин Марк Львович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Editorial Board

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

Al'bov Aleksei Pavlovich – Doctor of Law, PhD in Philosophy, Professor, Professor at the Department of the theory and history of state and law, Russian Customs Academy, Professor at the All-Russian State University of Justice (Russia).

Baburin Sergei Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, President of the Association of Law Universities, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, foreign member of the Academy of Sciences of Abkhazia, Professor at Moscow Witte University, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Baranov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Assistant to the Rector for Innovative Development of Scientific Activities, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Klimenko Aleksei Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of the theory of state and law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Stankevich Sigmund Antonovich – Doctor of Law, Full Member (Academician) of the Russian Academy of Social Sciences, Full State Councilor of the Russian Federation (the 3rd class), Advisor to the President of the Moscow Bar Association "TAMIR" (Russia).

Yur'ev Sergei Sergeevich – Doctor of Law, Professor, President of the Moscow Bar Association "Mezhregion", Professor at the Department of international law and public law disciplines, Russian Academy of Lawyers and Notaries (Russia).

5.1.2. Public legal (state legal) sciences

Vinokurov Aleksandr Yur'evich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of international cooperation in the field of public prosecutors' activities, ensuring representation and protection of the interests of the Russian Federation in interstate bodies, foreign and international (interstate) courts, foreign and international courts of arbitration (commercial courts), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Osintsev Dmitrii Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of administrative law and administrative activities of internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia).

Rozhdestvenskaya Tat'yana Eduardovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of financial law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Sadovnikova Galina Dmitrievna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Cherkasov Konstantin Valer'evich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of constitutional and administrative law, All-Russian State University of Justice (Russia).

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

Batrova Tat'yana Aleksandrovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil and business law, All-Russian State University of Justice (Russia).

Bogolyubov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of environmental and agrarian legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia).

Vershilo Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of land and environmental law, Russian State University of Justice (Russia).

Golovina Svetlana Yur'yevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of labor law, Ural State Law University (Russia).

Zemlyakova Galina Leonidovna – Doctor of Law, Docent, Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Isenkova Oksana Vladimirovna – Deputy Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Scientific-Consultative Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Prasolov Boris Vladimirovich – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of civil law disciplines, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Russia).

Solov'eva Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of civil procedure, Saratov State Law Academy (Russia).

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of civil law, Bashkir State University (Russia).

Khnykin Gennadii Valentinovich – Doctor of Law, Docent, Professor at the Department of labor law, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.1.4. Criminal legal sciences

Astanin Viktor Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legislation and comparative intellectual property law, Republican Scientific Research Institute of Intellectual Property (Russia).

Volosova Nonna Yur'evna – Doctor of Law, Docent, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of criminal law, Orenburg State University (Russia).

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

Grigor'ev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Russia).

Duyunov Vladimir Kuz'mich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of criminal law and procedure, Togliatti State University (Russia).

Egorov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Zhurkina Ol'ga Vyacheslavovna – Deputy Chief Editor at the area of "5.1.4. Criminal legal sciences", PhD in Law, Docent, Head of the Department of the organization of judicial, prosecutorial and investigative activities, Orenburg State University (Russia).

Zakhartsev Sergei Ivanovich – Doctor of Law, Docent, Advisor to the CEO, Expert RA rating agency (Russia).

Islamova El'nara Rafisovna – PhD in Law, Docent, Associate Professor at the Department of public prosecutors' supervision and participation of public prosecutors in criminal, civil and commercial proceedings, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia).

Kardashevskaya Marina Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of forensic science, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia).

Litvinov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Law, Docent (Russia).

Moiseeva Tat'yana Fedorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of forensic examinations and forensic science, Russian State University of Justice (Russia).

Nesterov Anatolii Vasil'evich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Russian Federal Center of Forensic Science (Russia).

5.1.5. International legal sciences

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Pavlov Pavel Vladimirovich – Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor, Professor at the Department of enterprise economics, Southern Federal University (Russia).

Sadykova El'mira Lenarovna – PhD in Law ("International Law; European Law"), Doctor of Political Science ("Political Problems of International Relations, Global and Regional Development"), Professor, Executive Director, Foundation for the Promotion of Strategic Dialogue and Partnership (Russia).

Shumilov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of international law, Russian Foreign Trade Academy (Russia).

Entin Mark L'vovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of European law, MGIMO University (Russia).

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

- Платонов Андрей Владимирович**
Зуев Андрей Вячеславович
Беседина Валентина Алексеевна
Турова Виктория Евгеньевна
Сравнительное правоведение в России в конце XIX-XX веков9
- Яо Линюань**
Сравнение правовой культуры Китая и России в социалистический период18

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

- Гапоненко Мария Викторовна**
Гапоненко Арина Викторовна
Проблемы осуществления федерального государственного пожарного надзора как формы оценки соответствия объектов защиты требованиям пожарной безопасности30
- Гусейнов Гаджи Магомедкамилович**
Рикматуллаева Жавгарият Валиюллаевна
Хизрибеков Хизрибек Магисович
Асельдеров Магомед Измудинович
Проблемные аспекты социальной работы с молодыми семьями Республики Дагестан38
- Косолапов Михаил Федорович**
Условия и конституционные ограничения рецепции международно-правовых стандартов в РФ48
- Богатырева Юлия Владимировна**
Анализ состояния административно-правового регулирования мониторинга правоприменения в деятельности органов внутренних дел58
- Сысолетина Оксана Георгиевна**
Об аспектах деятельности органов внутренних дел по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом65
- Чувахин Петр Игоревич**
Основы судебной системы княжества Монако74
- Чувахин Петр Игоревич**
Договорная правоспособность международных организаций83
- Топузов Дмитрий Иванович**
Понятие механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации92
- Голышкова Ольга Алексеевна**
Модникова Татьяна Николаевна
Пономарева Юлия Юрьевна
Фомина Мария Геннадиевна
Институт наставничества на государственной гражданской службе (часть II)100
- Меха Виктория Александровна**
Регулирование реализации национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития107
- Брыжова Елизавета Михайловна**
Особенности определения продуктовых границ в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках113

Частно-правовые (цивилистические) науки

Кулагина Нелли Павловна Кулагин Олег Александрович К вопросу о доступности правосудия	120
Вронская Мария Владимировна Дубинская Юлия Владиславовна Балдина Виктория Вячеславовна Банковская гарантия как способ обеспечения обязательств: механизм действия и возможные трудности при применении.....	129
Бандурина Наталья Владимировна Гаврилов Владислав Сергеевич Сироткин Илья Алексеевич К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике.....	136
Эшпулатов Тимур Авазович Проблема ограничения принципа свободы договора преимущественным правом покупки в корпоративном праве.....	145
Сулейманова Мисей Изамутиновна Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования	151
Моисеенко Михаил Иванович Илло Денис Анатольевич Правовое регулирование института обязательной доли в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС.....	159
Анарбаев Элдар Алгаппарович Зарубежный опыт реализации концессионного правового регулирования.....	167
Гезгиев Магомед Аюпович Частные (негосударственные) предприятия как субъекты административных правоотношений. Специфика статуса	177
Лапина Полина Сергеевна Правовое регулирование использования отходов недропользования: новеллы.....	185
Черенкова Мария Германовна Анагенез советского периода о неказании или ненадлежащем оказании медицинской помощи.....	194
Ковтун Надежда Анатольевна Думенко Татьяна Павловна Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетних спортсменов.....	202
Новиков Алексей Валерьевич Статус эксперта в правовом пространстве России.....	211
Рзаев Рамиль Гуммат оглы Сверхимперативные нормы и международный коммерческий арбитраж.....	219
Соколова Ольга Александровна Приостановление и прекращение трудового договора в период мобилизации	228
Кучковская Наталья Валерьевна Правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг.....	237
Кучковская Наталья Валерьевна Правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой деятельности.....	244
Тронин Сергей Александрович Законодательство о финансовой отчетности: роль права в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса.....	251

Тронин Сергей Александрович Юридические аспекты деятельности страховых компаний: роль государства в обеспечении стабильности и защиты прав потребителей	258
Забайкин Юрий Васильевич Лунькин Дмитрий Александрович Аграрно-правовое регулирование устойчивого экономического развития АПК	265
Забайкин Юрий Васильевич Лунькин Дмитрий Александрович Правовое регулирование устойчивого развития сельскохозяйственного производства.....	272
Забайкин Юрий Васильевич Лунькин Дмитрий Александрович Правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств	279
Ягунова Екатерина Евгеньевна Новиков Алексей Валерьевич Развитие российской правовой модели обеспечения вещных прав	285
Саакян Гаянэ Норайровна Чуракова Ксения Вячеславовна Ким Евгения Федоровна Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников: до и после COVID-19	292

Уголовно-правовые науки

Валуйсков Николай Викторович Механизмы защиты прав детей и роль психологических служб в системе ювенальной юстиции России на фоне мировой практики	300
Даниленко Ирина Анатольевна Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии	308
Журкина Ольга Вячеславовна Филиппова Елена Олеговна К вопросу о мотивах и целях убийства	317
Журкина Ольга Вячеславовна Смягчающие обстоятельства и их влияние на назначение наказания	325
Костин Андрей Васильевич Формы соучастия в преступлении	332
Левченко Ольга Владимировна Марина Елена Александровна Законность и этичность применения тактических приемов в досудебном производстве, их взаимосвязь	340
Колесов Владимир Иванович Пробация как концептуальная основа в процессе формирования духовно-нравственных качеств личности в местах лишения свободы	346
Шурухнов Николай Григорьевич Законодательные нормы, технические средства, информационные технологии, рекомендации как возможности интенсификации допроса	355
Новодон Владимир Вадимович К вопросу реализации административно-правового статуса сотрудников уголовного розыска в ходе оперативного задержания при раскрытии преступлений	365
Мнацаканян Людмила Александровна Цева Светлана Касимовна Курбанова Елена Михайловна Мифологема как инструмент исследования глубинной сущности серийного убийства	374

Рябова Оксана Васильевна	
Роль электронных доказательств в расследовании отдельных категорий преступлений	382
Майстренко Григорий Александрович	
Понятие, социально-правовая сущность и причины коррупции в российском государстве	392
Майстренко Григорий Александрович	
Система исполнения наказаний в России: история и современность	400
Трусова Елена Анатольевна	
Дефиниция, сущность и иные правовые особенности принудительных мер медицинского характера	407
Вакар Екатерина Александровна	
Общественная опасность угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью	416
Смирнова Полина Владимировна	
Предмет преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта	423
 <i>Международно-правовые науки</i>	
Хабирова Яна Флюоровна	
Изменения в политике энергосбережения в странах Европейского Союза после начала с февраля 2022 года, отраженные в юридических документах	430

Contents

Theoretical and historical legal sciences

Andrei V. Platonov

Andrei V. Zuev

Valentina A. Besedina

Viktoriya E. Turova

Comparative jurisprudence in Russia at the end of the XIX-XX centuries.....9

Yao Lingyuan

Comparison of the legal culture of China and Russia during the socialist period.....18

Public law (state and law) sciences

Mariya V. Gaponenko

Arina V. Gaponenko

Problems of implementation of federal state fire supervision in relation to commercial facilities in the aspect of a risk-based approach and current features of the implementation of state control (supervision)30

Gadzhi M. Guseinov

Zhavgariyat V. Rikmatullaeva

Khizribek M. Khizribekov

Magomed I. Asel'derov

Problematic aspects of social work with young families of the Republic of Dagestan.....38

Mikhail F. Kosolapov

Conditions and constitutional limitations of the reception of international legal standards in the Russian Federation48

Yuliya V. Bogatyreva

Analysis of the state of administrative and legal regulation of law enforcement monitoring in the activities of internal affairs bodies58

Oksana G. Sysoletina

On the aspects of the activities of internal affairs bodies to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad.....65

Petr I. Chuvakhin

Foundations of the judicial system of the Principality of Monaco.....74

Petr I. Chuvakhin

Contractual capacity of international organizations83

Dmitrii I. Topuzov

Concepts of the mechanism of realization and protection of human rights in the Russian Federation.....92

Ol'ga A. Golysheva

Tat'yana N. Modnikova

Yuliya Yu. Ponomareva

Mariya G. Fomina

Institution of Mentoring in the Public Civil Service (Part II)100

Viktoriya A. Mekha

Regulation of the implementation of national projects in the Russian Federation: problems and prospects of development.....107

Elizaveta M. Bryzhova

Specifics of defining product boundaries in cases of abuse of a dominant position in digital markets113

Private law (civilistic) sciences

Nelli P. Kulagina

Oleg A. Kulagin

On the issue of accessibility of justice120

Mariya V. Vronskaya

Yuliya V. Dubinskaya

Viktoriya V. Baldina

Bank guarantees as a way of securing obligations: the mechanism of action and possible application difficulties129

Natal'ya V. Bandurina

Vladislav S. Gavrilov

Il'ya A. Sirotkin

To the question of cross-border bankruptcy in modern legal practice136

Timur A. Eshpulatov

The problem of restricting the principle of freedom of contract by the preemptive right to purchase in corporate law145

Misei I. Suleimanova

Social Media Account as a Digital Asset: Issues of Digital Inheritance151

Mikhail I. Moiseenko

Denis A. Illo

Legal regulation of the institute of compulsory portion in the inheritance in legislation of the Eurasian Economic Union countries159

El'dar A. Anarbaev

Foreign experience in implementation concession legal regulation167

Magomed A. Gezgiev

Private (non-state) enterprises as subjects of administrative legal relations. The specifics of the status177

Polina S. Lapina

Legal regulation of the use of subsurface use waste: legislative innovations185

Mariya G. Cherenkova

Anagenesis of the Soviet period about non-provision or improper provision of medical care194

Nadezhda A. Kovtun

Tat'yana P. Dumenko

Problematic issues of the legal status of underage athletes202

Aleksei V. Novikov

Status of an expert in the legal space of Russia211

Ramil' G. Rzaev

Super-imperative rules and international commercial arbitration219

Ol'ga A. Sokolova

Suspension and termination of an employment contract during the mobilization period228

Natal'ya V. Kuchkovskaya

Legal aspects and mechanisms of protection of the rights of consumers of financial services237

Natal'ya V. Kuchkovskaya

Legal aspects of the use of algorithmic systems in financial activities244

Sergei A. Tronin

Financial reporting legislation: the role of law in ensuring transparency and openness of business251

Sergei A. Tronin	
Legal aspects of insurance companies' activities: the role of the state in ensuring stability and consumer protection	258
Yurii V. Zabaikin	
Dmitrii A. Lun'kin	
Agrarian and legal regulation of sustainable economic development of the agro-industrial complex	265
Yurii V. Zabaikin	
Dmitrii A. Lun'kin	
Legal regulation of sustainable development of agricultural production	272
Yurii V. Zabaikin	
Dmitrii A. Lun'kin	
Legal features of public administration of farms	279
Ekaterina E. Yagunova	
Aleksei V. Novikov	
Development of the Russian legal model for securing property rights	285
Gayane N. Saakyan	
Kseniya V. Churakova	
Evgeniya F. Kim	
Legal regulation of remuneration of medical workers: before and after COVID-19	292
<i>Criminal law sciences</i>	
Nikolai V. Valuiskov	
Mechanisms for protecting children's rights and the role of psychological services in the Russian juvenile justice system against the backdrop of world practice.....	300
Irina A. Danilenko	
Preliminary Investigation Judge on the example of the Italian experience	308
Ol'ga V. Zhurkina	
Elena O. Filippova	
On the question of motives and purposes of murder	317
Ol'ga V. Zhurkina	
Mitigation circumstances and their impact on sentence	325
Andrei V. Kostin	
Forms of complicity in crime	332
Ol'ga V. Levchenko	
Elena A. Marina	
Legality and ethics of the use of tactics in pre-trial proceedings, their relationship	340
Vladimir I. Kolesov	
Probation as a conceptual basis in the process of formation of the spiritual and moral qualities of a person in places of deprivation of liberty	346
Nikolai G. Shurukhnov	
Legislative norms, technical means, information technologies, recommendations as an opportunity to intensify interrogation.....	355
Vladimir V. Novodon	
On the issue of implementation of the administrative and legal status of criminal investigation officers in the course of operational detention in the disclosure of crimes	365
Lyudmila A. Mnatsakanyan	
Svetlana K. Tseeva	
Elena M. Kurbanova	
Mythologeme as a tool for studying the deep essence of serial murder	374

Oksana V. Ryabova	
The role of electronic evidence in the investigation of certain categories of crimes	382
Grigorii A. Maistrenko	
The concept, socio-legal essence and causes of corruption in the Russian state.....	392
Grigorii A. Maistrenko	
The system of execution of punishments in Russia: history and modernity	400
Elena A. Trusova	
Definition, essence and other legal features of coercive medical measures.....	407
Ekaterina A. Vakar	
Public danger of threatening to kill or inflict grievous bodily harm	416
Polina V. Smirnova	
The subject of crimes against traffic safety and transport operation.....	423

International legal sciences

Yana F. Khabirova	
Changes in the energy saving policy in the EU countries after February 2022 reflected in the legal documents.....	430

УДК 340

DOI: 10.34670/AR.2023.18.22.001

Сравнительное правоведение в России в конце XIX-XX веков**Платонов Андрей Владимирович**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
188662, Российская Федерация, Мурино, ул. Лесная, 2;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук,
социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
188662, Российская Федерация, Мурино, ул. Лесная, 2;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Беседина Валентина Алексеевна

Кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: valya_jur@mail.ru

Турова Виктория Евгеньевна

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: urist-zakon@mail.ru

Аннотация

В статье дана оценка развития сравнительного правоведения и развития компаративных исследований права в России в конце XIX – XX веков. Авторы акцентируют внимание на своеобразии теоретических и методологических подходов представителей русской сравнительно-правовой школы. В статье отмечено, что сравнительное правоведение имеет свое сложное и познавательное развитие. Сделан вывод, что в поле зрения компаративистики попадают события международного уровня,

где необходимо быть в курсе того, как действуют международные организации и межгосударственные объединения. В заключении отметим, что сравнительное правоведение XIX – XX веков имеет свое сложное и познавательное развитие. В дореволюционном периоде сравнительное правоведение занимало слабую нишу, поскольку отсутствовал опыт зарубежных стран. Многим теоретикам приходилось отправляться в европейские и азиатские страны, с целью поиска новых идей, концепций, совершенствования правовой системы Российского государства. В послереволюционный период теоретики долгое время не решались проводить сравнительное правоведение. Данную деятельность осуществляли лишь дореволюционные юристы. Однако ввиду возрастающего авторитета международного права в поле зрения компаративистики попадают события международного уровня, где необходимо быть в курсе того, как действуют международные организации и межгосударственные объединения, какие акты они издадут, каково отношение к соблюдению международно-правовых норм в изучаемых странах.

Для цитирования в научных исследованиях

Платонов А.В., Зуев А.В., Беседина В.А., Турова В.Е. Сравнительное правоведение в России в конце XIX-XX веков // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 9-17. DOI: 10.34670/AR.2023.18.22.001

Ключевые слова

Сравнительное правоведение, юридическая компаративистика, юриспруденция, общая теория права, правоведение, методологические приемы, сравнительно-исторический метод, научная доктрина, правовая система.

Введение

Сравнительное правоведение является разделом юридической науки, изучающей систематизацию права, как Российского государства, так и других зарубежных стран, их правовых институтов, принципов категорий и критериев.

Сравнительное правоведение является одной из актуальных наук, действующей в правотворческой деятельности, а также в деятельности международных организаций.

В доктрине российского правоведения выделяют гносеологическую и практическую цели. Гносеологическая цель сравнительного правоведения отображает закономерности развития правовых институтов, позволяя разграничить общее и частное.

Практическая цель позволяет понять правоведение, указав на преимущества и недостатки, существующие в гносеологической цели.

Изучение основ сравнительного правоведения является важным компонентом при развитии правового мышления не только теоретиков, но и практиков в юриспруденции, и позволит сделать свою работу не только масштабной, но и гибкой.

Основная часть

Сравнительное правоведение в научной юриспруденции трансформируется с 1827 года. Английский журнал «The Jurist» в 1827 году выпустил научную статью, употребив понятие

«comparative jurisprudence», что в переводе означает сравнительное правоведение.

С тех пор теории и практики юриспруденции начали использовать данное понятие в своих трудах, сравнивая правовую систему законодательства на определенном этапе времени.

На протяжении XIX-XX веков отечественное правоведение позволяло проводить сравнительный анализ, путем проведения границ и целеполагания.

Например, А. Филиппов, являясь русским историком права в своей книге по истории русского права писал следующее: «...если история права русского, как часть права общеславянского, должна быть поставлена в теснейшую связь с историей права других славянских народностей, то в свою очередь история права славянского, наряду с историей права германского, римского и других народов, должна мыслиться как составная часть всеобщей или общей истории права, или так называемого «сравнительного правоведения» [Ковалевский, 1878, 4]. Мнение ученого было отмечено во многих трудах дореволюционных и советских юристов, поскольку П.А. Александров, Г.Ф. Шершеневич, Н.П. Загоскина очень часто цитировали А. Филиппова в своих трудах и внесли известный вклад в разработку методологии сравнительного правоведения.

Для российских теоретиков юристов конца XIX века актуальным методом изучения права являлось сравнительное правоведение, поскольку данные возможности позволили отечественным юристам и философам проводить оценку, оценивать тенденции государственного управления, как на территории Российской империи, так и в зарубежных странах.

Б. Чичерин в своих трудах – «Курсы государственного права» проводит историко-правовой анализ, сравнивая элементы государства и правовые институты на разных этапах развития.

Кроме этого, автор проводит исследование, указывая следующее «...у меня остались черновые этих лекций. При скудости нашей политической литературы, думаю, что не бесполезно их издать. Может быть, они кому-нибудь пригодятся. Тут есть некоторые, собственно мне принадлежащие мысли, проверенные многолетним изучением предмета. Полагаю, что они могут составить посильный вклад и в общую литературу государственной науки» [Чичерин, 1894, 9]. Чичерин развивал сравнительное правоведение, записывая факты, происходящие в государственной деятельности.

Н.Я. Данилевский в своих трудах проводит детальный анализ общего и особенного в российском государстве и ряда зарубежных стран [Данилевский, 1991, 19]. При этом сопоставление дается на широком историко-культурном и этнографическом фоне. Характеристика государства сочетается с анализом его мононациональной и многонациональной структуры на примере Римской империи, Германии и России.

Федерация рассматривается как организация власти снизу вверх, и славянский тип общности людей предопределяет, по его мнению, возможность создания славянской федерации с Россией во главе как некоего противостояния Европе. Тут бесспорно проглядывается влияние идей Бакунина и Лаврова.

Следовательно, теории умело, и убедительно сопоставляли правовые взгляды, в отношении концепции различных школ и различных государств, которые в дальнейшем применялись в России. Особенно это касалось сравнительного правоведения, которое применялась в России вкуче с нигилистической позицией.

Кроме этого, история сравнительного правоведения в России разделилась на этапы компаративных идей, начиная со времен Российской империи и до наших дней.

В Российской империи сравнительное правоведение появилось лишь к концу

дореволюционного периода, а до этого «сравнительное право в теоретической юриспруденции толкуется из малопонятных иностранных правовых норм». Г.С. Фельдштейн в своих трудах писал следующее «...юриспруденция являлась только одной из сторон научной деятельности Академии... Но, культивируемая чуждыми стране людьми, юриспруденция в стенах Академии должна была исключительно сосредоточиться на общих теоретических началах и оставить в стороне обработку русского юридического материала» [Фельдштейн, 2003, 61].

Следует предположить, что сравнительные юридические концепции появились в дореволюционной России в результате зарубежных догматичных текстов, когда Российский институт правотворчества закреплялся в нормативно-правовых актах.

Как верно отмечает профессор Томсинов В.А. «...разрозненное состояние российского революционного законодательства и его разновидность научной юриспруденции не позволили теоретиком качественно подготовить и обосновать идеологию сравнительного правоповедения и его отраслевой кодификации» [Томсинов, 2010, 103].

Приведенные мнения ученых-правоведов основываются на положениях конца XVIII века, когда систематизация российского права была не до конца сформирована. Поэтому использование сравнительно-исторического подхода было крайне сложным и переломным моментом в отечественной юриспруденции.

В начале XIX века происходит смена методологических установок и на роль ведущей правовой доктрины претендуют историческая школа юриспруденции, ранее оставшаяся в стороне.

На данном промежутке времени следует отметить труды Г.Ф. Шершеневича. Так, Габриель Феликсович верно указывает состояние юридической науки, которая «...вынуждена догоняет Западную Европу, должна впопыхах ознакамливаться с трудами юридической науки, существующий на Западе» [Шершеневич, 1910, 157].

В очерках «Общей теории права» автор убедительно указывает на достоинство и недостатки правовых концепций, применяемых к Российской правовой системе, а также, находящих отождествление зарубежных норм права.

Следует иметь в виду, что в дореволюционной России сравнительное правоповедение проявлялось более в историческом аспекте, чем в юридическом. Так, Н.М. Коркунов, используя историко-сравнительный метод, исследовал эволюции частного и публичного права [Коркунов, 1909, 211]. Кроме этого, автор проводит соотношение со времен древнеримского права и заканчивая его современниками.

П.И. Новгородцев, поддерживая позицию Коркунова, рассматривает вопросы демократии с теоретической точки зрения, анализируя мнение различных политологов и юристов, сочетая с объективным анализом реальных процессов в разных государствах. В процессе анализа Древнего мира автор указывает непосредственно демократию, отождествляя ее с формой правления [Новгородцев, 2904, 49].

С целью детального сравнения права ученые отправляются за границу. Так, А.А. Пионтковский, будучи приват-доцентом Новороссийского университета, отправляется на стажировку в Марбургский университет. Там ученый посещал семинары австрийского профессора и лидера социологической школы уголовного права Ф. фон Листа. Именно его идеи Пионтковский вложил в развитие школы в синтезе с классическим и антропологическим направлением [Пионтковский, 1897, 217].

Следующим основоположником сравнительного правоповедения можно считать Познышева С.В. Он возглавил Русскую группу Международного союза уголовного права и участвовал в

конгрессах Международного союза криминалистов, успел издать еще до революции труд по сравнительному пенитенциарному и уголовному праву [Малиновский, Трикоз, 2021, 47-48].

В конце XIX в. сравнительное правоведение получило особое значение для подготовки общероссийской кодификации и правовой гармонизации в сфере гражданского правооборота. Объективное сравнительно - правовое изучение было заменено в юридической науке и пропаганде в основном критической оценкой, которая создавала впечатление ценной и изолированной правовой системы социализма. В ходе научных исследований, в процессе правотворчества и правоприменения давались разные оценки сравнительному правоведению.

В первой половине XX века учеными-теоретиками очень редко проводились сравнительно-правовые исследования. В большей степени сравнительный анализ отечественной юриспруденции осуществлялся дореволюционными юристами.

Например, А.Г. Гойхбарг в 1928 году разрабатывает курс гражданского процесса, в котором отображены правила производства гражданских дел в судебных учреждениях в соответствии с положениями, действующими на данный промежуток времени [Гойхбарг, 1937, 61].

Стоит отметить труды А.А. Пионтковского. Автор проводит сравнение уголовного права, действующего на период дореволюционной России с периодом Советского Союза [Пионтковский, 1897, 321].

В работе делается акцент на несформировавшийся институт уголовного права, из-за многочисленного количества нормативно-правовых документов, которые противоречили друг другу, ухудшая положение в стране и развивая взяточничество и коррупцию.

В середине XX века советские правоведы получают новую переводную юридическую литературу. Изучая зарубежный опыт союзников СССР во Второй мировой войне, в юридическую науку Советского Союза вносятся законодательные тексты стран капиталистической ориентации. Благодаря И.С. Перетерскому появляется перевод Гражданского кодекса Франции, из которого были задействованы нормы по совершенствованию гражданского законодательства РСФСР [Перетерский, Крылов, 2959, 67].

В.А. Туманов в 1978 году впервые употребляет понятие «правовая карта мира» [Туманов, 1978, 74]. Данное выражение инициировало гносеологическую дискуссию советских теоретиков юристов, что в конечном итоге повлекло за собой классификационную категорию сравнительном правоведении. Ее детальный анализ можно найти в трудах Краснянского В.Э. [Краснянский, 1969, 43].

Методологические поиски в пространстве юридической компаративистики отражены в этот период главным образом в работах теоретиков и историков зарубежного права. Например, в трудах Ю.А. Тихомирова можно найти правовую конструкцию, при помощи которой «...осуществляется структурно и функционально упорядоченный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов, создаваемых и действующих на основе единых принципов» [Тихомиров, 1979, 33].

Наряду с теоретико-методологическим направлением компаративистики (общая часть сравнительного правоведения), традиционно включающим вопросы «объекта», «метода» и «целей» в контексте развития отечественной правовой науки, на рубеже веков повышается практическое значение и уточняется методика проведения межотраслевого, отраслевого и институционального сравнения.

В 1980 годах продолжается развитие сравнительного правоведения, но уже в новых направлениях, объединяющих научные сообщества историков, теоретиков права и отраслевиков, посвятивших свои исследования отдельным правовым семьям или национальным

правовым системам конкретных стран.

Впервые в отечественной юриспруденции было проведено системное изложение традиционного права Индии. Благодаря трудам профессора Крашенинниковой Н.А. советская юридическая наука рассматривает новые источники, такие как дхармашастр, смрити, вед и др.

Таким образом, в советском правоведении осуществляется развитие отдельного направления – социокультурных исследований традиционного права стран Азии и Африки, источников и институтов местного обычного, индусского, исламского права и др.

Заключение

В заключении отметим, что сравнительное правоведение XIX – XX веков имеет свое сложное и познавательное развитие. В дореволюционном периоде сравнительное правоведение занимало слабую нишу, поскольку отсутствовал опыт зарубежных стран.

Многим теоретикам приходилось отправляться в европейские и азиатские страны, с целью поиска новых идей, концепций, совершенствования правовой системы Российского государства.

В послереволюционный период теоретики долгое время не решались проводить сравнительное правоведение. Данную деятельность осуществляли лишь дореволюционные юристы. Основной из причин являлось отсутствие опыта общеправовых явлений и процессов, требующих анализа, оценки и принятия, адекватных государственно-правовых мер, а также осуществления необходимых действий.

Однако ввиду возрастающего авторитета международного права в поле зрения компаративистики попадают события международного уровня, где необходимо быть в курсе того, как действуют международные организации и межгосударственные объединения, какие акты они издадут, каково отношение к соблюдению международно-правовых норм в изучаемых странах.

Библиография

1. Гойхбарг А.Г. Иностранное гражданское и торговое право и процесс. Л.: Внешторгиздат, 1937. 156 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Книга, 1991. 577 с.
3. Ковалевский М.М. О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений. М.: Типография Индриха, 1878. 22 с.
4. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1909. 354 с.
5. Краснянский В.Э. Классификация правовых систем // Правоведение. 1969. № 5. С. 41-46.
6. Малиновский А.А., Трикоз Е.Н. Российская юридическая компаративистика: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 6. С. 43-73.
7. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. М.: Типография Вильде, 1904. 108 с.
8. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М.: Госюриздат, 1959. 227 с.
9. Пионтковский А.А. Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве. М., 1897. 368 с.
10. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. М.: Наука, 1970. 516 с.
11. Тихомиров Ю.А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 31-39.
12. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М, 2010. 215 с.
13. Туманов В.А. Сравнительное правоведение. М.: Прогресс, 1978. 347 с.
14. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М.: Зерцало, 2003. 300 с.
15. Чичерин Б. Курс государственного права. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. 504 с.
16. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Том 1. М.: Издание Братьев Башмаковых, 1910. 284 с.

Comparative jurisprudence in Russia at the end of the XIX-XX centuries**Andrei V. Platonov**

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
Leningrad Regional Branch of Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
188662, 2, Lesnaya str., Murino, Russian Federation;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Andrei V. Zuev

PhD in History,
Associate Professor of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
Leningrad Regional Branch of Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
188662, 2, Lesnaya str., Murino, Russian Federation;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Valentina A. Besedina

PhD in Pedagogy, PhD in Law,
Professor of the Department of Private Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kaf.seigd.lof@mail.ru

Viktoriya E. Turova

Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: urist-zakon@mail.ru

Abstract

The article assesses the development of comparative law and the development of comparative studies of law in Russia at the end of the XIX-XX centuries. The authors focus on the originality of the theoretical and methodological approaches of representatives of the Russian comparative law school. The article notes that comparative law has its own complex and cognitive development. It is concluded that international events fall into the field of view of comparative studies, where it is necessary to be aware of how international organizations and interstate associations operate. In

conclusion, we note that comparative law of the XIX-XX centuries has its own complex and cognitive development. In the pre-revolutionary period, comparative law occupied a weak niche, since there was no experience of foreign countries. Many theorists had to go to European and Asian countries in order to search for new ideas, concepts, and improve the legal system of the Russian state. In the post-revolutionary period, theorists for a long time did not dare to pursue comparative law. This activity was carried out only by pre-revolutionary lawyers. However, in view of the growing authority of international law, international events come into the field of view of comparative studies, where it is necessary to be aware of how international organizations and interstate associations operate, what acts they issue, what is the attitude to the observance of international legal norms in the countries under study.

For citation

Platonov A.V., Zuev A.V., Besedina V.A., Turova V.E. (2023) Sravnitel'noe pravovedenie v Rossii v kontse XIX-XX vekov [Comparative jurisprudence in Russia at the end of the XIX-XX centuries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 9-17. DOI: 10.34670/AR.2023.18.22.001

Keywords

Comparative law, legal comparative studies, jurisprudence, general theory of law, jurisprudence, methodological techniques, comparative historical method, scientific doctrine, legal system.

References

1. Chicherin B. (1894) *Kurs gosudarstvennogo prava* [Course of state law]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko Publ.
2. Danilevskii N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: Kniga Publ.
3. Fel'dshtein G.S. (2003) *Glavnye techeniya v istorii nauki ugovnogo prava v Rossii* [The main trends in the history of the science of criminal law in Russia]. Moscow: Zertsalo Publ.
4. Goikhbarg A.G. (1937) *Inostrannoe grazhdanskoe i torgovoe pravo i protsess* [Foreign civil and commercial law and process]. Leningrad: Vneshtorgizdat Publ.
5. Korkunov N.M. (1909) *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. St. Petersburg: N.K. Martynov Publ.
6. Kovalevskii M.M. (1878) *O metodologicheskikh priemakh pri izuchenii rannego perioda v istorii uchrezhdenii* [On methodological techniques in the study of the early period in the history of institutions]. Moscow: Tipografiya Indrikha Publ.
7. Krasnyanskii V.E. (1969) Klassifikatsiya pravovykh sistem [Classification of legal systems]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 5, pp. 41-46.
8. Malinovskii A.A., Trikoz E.N. (2021) Rossiiskaya yuridicheskaya komparativistika: istoriya i sovremennost' [Russian legal comparative studies: history and modernity]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 6, pp. 43-73.
9. Novgorodtsev P.I. (1904) *Iz lektsii po obshchei teorii prava* [From lectures on the general theory of law]. Moscow: Tipografiya Vil'de Publ.
10. Pereterskii I.S., Krylov S.B. (1959) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International private law]. Moscow: Gosyurizdat Publ.
11. Piontkovskii A.A. (1970) *Kurs sovetskogo ugovnogo prava: Prestuplenie. V 6-ti tomakh: Chast' obshchaya* [The course of Soviet criminal law: Crime. In 6 volumes: General part]. Moscow: Nauka Publ.
12. Piontkovskii A.A. (1897) *Ugovno-pravovaya teoriya Gegelya v svyazi s ego ucheniem o prave i gosudarstve* [Hegel's criminal law theory in connection with his doctrine of law and the state]. Moscow.
13. Shershenevich G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava. Tom 1* [General theory of law. Volume 1]. Moscow: Izdanie Brat'ev Bashmakovykh Publ.
14. Tikhomirov Yu.A. (1979) Pravovaya sistema razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva [Legal system of a developed socialist society]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 7, pp. 31-39.

-
15. Tomsinov V.A. (2010) *Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v XVIII stoletii* [Legal education and jurisprudence in Russia in the XVIII century]. Moscow: Zertsalo-M Publ.
 16. Tumanov V.A. (1978) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Law]. Moscow: Progress Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.82.49.002

Сравнение правовой культуры Китая и России в социалистический период

Яо Линюань

Магистр,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: Lingyuan@mail.ru

Аннотация

Китайское законодательство подчеркивает идеи социализма, а также имеет дело с «китайскими особенностями». Данная статья посвящена изучению, сравнению и сопоставлению правовой культуры Китая и России в социалистический период. Автор приходит к выводу, что усилиями и талантом русских ученых в 20-е гг. в Маньчжурии была создана высшая юридическая школа, стоявшая на уровне университетов дореволюционной России. Задача сохранения российской юриспруденции и передачи российской юридической науки подрастающему поколению была успешно решена.

Для цитирования в научных исследованиях

Яо Линюань. Сравнение правовой культуры Китая и России в социалистический период // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 18-29. DOI: 10.34670/AR.2023.82.49.002

Ключевые слова

Правовая система, социалистическая страна, конституционное право, защита прав граждан, социалистическая правовая система.

Введение. Идеология права в Китае и России

Официальное название правовой системы Китая – «социалистическая правовая система» с китайской спецификой, лежащей в основе китайской идеи социализма, так как «социализм» определяет специфику китайской правовой идеологии. Нынешняя правовая система Китая основана на конституции, конституция, в свою очередь, сформулирована в соответствии с другими законами, она является основным законом страны. В преамбуле Конституции и в первой статье четко указано, что Китай является «социалистической страной», его государственное устройство основано на идеях Маркса и Ленина, Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина. Эти три идеи представляют собой ведущую идеологию, которой придерживается руководство Коммунистической партии Китая.

Социалистическое содержание законов началось в 1954 г., когда Китай обнародовал первую конституцию; в нем определены все приоритетные направления деятельности правительства. Впоследствии, несмотря на пересмотр конституции в 1975, 1978, 1982 и 1988 гг., а их было четыре, а также в 1993, 1999 и 2004 годах, суть социалистического строя не изменилась, наоборот, она даже усилила свою роль.

Китайское законодательство подчеркивает идеи социализма, а также имеет дело с «китайскими особенностями». «Китайская специфика» означает, что китайский социализм выделяет индивидуальные особенности и не имеет теоретического универсального значения. На появление таких родимых пятен влияют следующие два аспекта: с одной стороны, в 1991 г. распался Советский Союз как правопреемник России, полностью отрицательная сторона социализма – капитализм, что заставляет китайские власти задуматься над тем, почему практика социализма в Советском Союзе не получится. После распада СССР до настоящего времени пять государств сохраняют верность социалистической идеологии (Северная Корея, Куба, Вьетнам, Лаос и Китай), хотя Китай занимает доминирующее положение среди всех пяти стран. Таким образом, социализм потерял свою универсальную основу и идею, поэтому в Китае упор делается на «китайские особенности», но это тоже неудачный выбор.

По сравнению с Китаем, после распада Советского Союза Россия подчеркивает центральную роль Конституции во всей правовой системе в отечественном праве, но Конституция четко прописывает идеологию цели. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., имеет не только высшую юридическую силу, но и прямое действие, то есть в соответствующих правовых нормах, противоречащих духу Конституции, или в других законах, не относящихся к определенным конкретным вопросам положения, судебная власть может непосредственно применять положения Конституции в соответствии с духом Конституции.

Конституция России также провозгласила демократию, верховенство закона, верховенство прав и свобод человека и гражданина, разделение трех полномочий государственных органов и другие важные принципы. Положения третьего пункта статьи 46 Конституции РФ гласит, что граждане РФ всеми способами содействуют принятию внутреннего законодательства. Это показывает, что в России фактически поставлен принцип прав человека выше прав суверенитета, а в Китае это совершенно немыслимо.

Кроме того, Советский Союз 22 ноября 1991 г. в «Декларации о правах и свободах человека и гражданина» впервые заявил, что права и свободы людей, рожденные с общепризнанными нормами международного права, относятся к правам человека, право имеет высшую силу. Одним словом, правовая система России полностью отошла от социалистического пути в идеологии и стала полностью капиталистической.

Правовая идеология в капиталистический период Китая

Правовая система в современном Китае относится к правовому периоду от Опиумной войны 1840 года до основания нового Китая, включая позднюю династию Цин, временное правительство Нанкина, северное правительство и национальное правительство Нанкина. После Опиумной войны в Китае началось нашествие и господство западных держав и постепенно страна превратилась в полуколониальное и полуфеодальное общество. В процессе внутренних и внешних проблем в китайском обществе начался сложный переходный период. С юридической точки зрения характерными чертами этой трансформации является то, что существовавшая тысячи лет традиционная концепция правовой системы начала рушиться, а новая правовая система еще не имела прочного фундамента.

В Китае период с начала опиумной войны 1840 г. по 1911 г. называли «концом династии Цин». В этот период истории, несмотря на то, что цинское правительство продолжало сохранять территориальную целостность и управлять большей частью страны, некоторые прибрежные районы и порты фактически утратили территориальный суверенитет и административную юрисдикцию.

Практически полностью утратила право на консульскую юрисдикцию, в конце правления династии Цин меняется судебная система, и в юридическом смысле Китай становится полуколонией, что является серьезным нарушением судебного суверенитета Китая.

В то же время после 1840 г., особенно в последние десять лет правления Цин, цинское правительство было вынуждено проводить широкий спектр правовых реформ. Было введено большое количество современных западных правовых теорий и новая правовая система. Произошла также определенная трансформация первоначального права династии Цин.

Особенности развития правовой системы этого периода: китайцы придерживаются феодальной этической онтологии, новой ситуации и следуют закону иностранного капитализма; сочетание новейших достижений феодальной традиции и капитализма; сочетание всех законов с современной организационно-правовой формой; поддержка реакционного господства демократии на самом деле не осуществляется. Однако исправительное право в конце династии Цин также оказало важное влияние на историю развития правовой системы Китая [Бевеликова, 2012].

Реформа правовой системы в конце династии Цин стала важным поворотным моментом в истории развития китайской правовой системы, ознаменовав начало распада китайской правовой системы, переход Китая от древней правовой системы к современной системе, а также заложив фундамент для китайской правовой модернизации, что способствовало модернизации образования и развитию капитализма китайской экономики.

В октябре 1911 г. в Китае началась знаменитая Синхайская революция. 1 января 1912 г. было провозглашено Временное правительство Китайской Республики (Нанкин). Под руководством революционной партии во главе с Сунь Ятсеном, как ядро, Нанкинское Временное правительство в короткие сроки провело ряд законодательных мероприятий и заложило основы правовой системы Китайской Республики.

К законам этого периода в основном относятся конституционный строй, административные постановления, законы и постановления о защите прав человека, национальные и религиозные законы, социальное законодательство, законы об экономическом развитии и так далее.

Следует упомянуть о «временной конституции» Китайской Республики, законе, принятом и обнародованном в 1912 г. По содержанию она была разработана на принципе разделения властей, провозглашала общие принципы демократии и свободы, а также защиты частной

собственности, но в то же время создана для предотвращения деятельности Юань Шикая по смене президентской республики. Это первый буржуазно-республиканский характер конституционных документов, установивший буржуазно-республиканский национальный строй.

В марте 1912 г. Сунь Ятсен узурпировал политическую власть Китайской Республики и учредил пекинское правительство Китайской Республики, которое контролировалось северными военачальниками в Пекине, а именно правительство северных военачальников. Чтобы справиться с различными трудностями, правительство северных военачальников также осуществляло законодательную деятельность [Трошинский, 2014].

Чтобы прийти к власти, укрепить власть и устранить диссидентов, северное правительство часто предпринимало конституционные действия, чтобы обеспечить правовую основу для своего правления.

Документы, изданные в этот период, включали «Проект конституции Китайской Республики» 1913 г., также известный как «проект конституции правительства Тяньтана от северного правительства», который является первым проектом Конституции 1914 г.; Конституцию Китайской Республики, также известную как «Закон Юаньцзи», полностью установившую власть вооруженных сил; Конституцию Китайской Республики 1923 г., также известную как «конституция о взяточничестве», которая является первой современной конституцией Китая.

Законодательная деятельность бэйянского правительства объективно давала определенные преимущества для правового построения нанкинского национального правительства в будущем.

В период с 1927 по 1949 г. Национальным правительством Нанкина была основана партия Гоминьдан. После создания национального правительства Нанкина велась обширная законотворческая деятельность, большое количество законов, указов и дел о раскрытии разъяснений образовали «шестерку», включающую Конституцию и конституционные документы, гражданское право, хозяйственное право, административное право, уголовное право и связи между законом и процессуальным законодательством и соответствующими нормативными актами. Среди них представителем конституционных документов была Конституция Китайской Республики, опубликованная в 1947 г.

Эта конституция стала воплощением мысли крупных землевладельцев и крупной буржуазии, ее главная черта заключалась в том, что простой народ не имел права, диктатура централизованной власти ограничивала и лишала народ демократических прав и свобод, вся власть была сосредоточена в одной руке.

Эти феодально-фашистская диктатура, антикоммунистическая гражданская война против людей закона, национальные законы способствовали полной утрате страной суверенных прав.

Таким образом, мы видим, что правовая система гоминьдановского режима придерживается дуализма в правовой системе. Даже в законодательной сфере все было относительно хорошо, а вот в судебной системе все было очень мрачно. Особенно политическая сфера характеризовалась своим неприкрытым деспотизмом.

Правовая идеология в капиталистический период России

Начало XX века – один из самых сложных периодов в развитии российского государства и права. Чередуя экономические взлеты и падения, страна пережила революцию 1905-1907 гг. и две войны – русско-японскую и Первую мировую. Все это не могло не сказаться на правовой

системе. Правительство Николая II было вынуждено пойти на определенные реформы. 6 августа 1905 г. был опубликован Манифест об учреждении Государственной думы как совещательного комитета. Тогда же было опубликовано Положение о выборах в Государственную Думу. Произошел переход к сословной избирательной системе. Не имели избирательных прав женщины-срочники и лица моложе 25 лет. 17 октября 1905 г. император подписал Манифест об улучшении общественного порядка. В этом манифесте от правительства требовалось дать народу незыблемые основы гражданской свободы на основе фактической неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и объединений. 11 декабря 1905 г. вышел новый закон о выборах, расширивший круг избирателей. Избирательные права получили рабочие. Были установлены трехэтапные выборы. 20 февраля 1906 г. была принята новая «Конституция Государственной Думы». Государственная Дума имеет следующие функции: 1) обсуждение и подготовка законопроектов; 2) утверждение бюджета.

3 июня 1907 г. Дума была распущена и одновременно приняла новый избирательный закон, резко ограничивший избирательные права широких слоев населения. Деятельность Государственной Думы начала XX века не оказала существенного влияния на развитие правовой системы страны, но ее опыт может быть учтен Государственной Думой сегодня. При Думе законодательные полномочия Государственного совета были таковыми, как совещательный орган, в который входили высшие должностные лица по царскому назначению, он стал законодательной палатой.

В этом состоит основное содержание законов, принятых для развития российской правовой системы начала XX в. Дальнейшее развитие естественного права было прервано Первой мировой войной, а затем революционными событиями 1917 г.

Относительно юридического образования в дореволюционный период можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в дореволюционной России преобладала подготовка юристов в народном образовании, формировавшаяся в конце XIX в. «свободная школа» имела второстепенное значение.

Во-вторых, практиковалась единственная форма юридического образования – только очная и только высшее.

В-третьих, основной контингент студентов-юристов был на юридических факультетах вузов. Меньшая часть училась в специальных учебных заведениях, таких как юридический факультет, Александровский (Царскосельский) лицей, Демидовский лицей. Юридические факультеты были самыми многочисленными в университетах.

В-четвертых, юридические факультеты были не только учебно-методическими, но и научными центрами. На кафедрах университета работали ведущие ученые, практически все известные юристы этого периода испытали себя в качестве преподавателей. Здесь велась подготовка научной смены, талантливых выпускников оставляли на кафедрах для подготовки к профессорскому званию.

В-пятых, в дореволюционной России существовала утилитарная модель университета: юридические факультеты готовили будущих государственных служащих, выпускникам присваивались классные чины.

Достижения дореволюционной юридической науки были во многом перечеркнуты событиями октября 1917 г. Однако ее традиции не перестали существовать и в советский период, а на новом этапе развития российской государственности вновь стали предметом изучения.

Советская правовая система строилась на протяжении всей истории советского государства в соответствии с политической линией партии. Старая правовая система подлежала полной ликвидации. На смену пришла новая система, основанная на «революционном правовом мышлении».

Перед советской судебной практикой стояла проблема легализации (нормативного закрепления) партийных решений и создания нормативной базы регулирования новых общественных отношений. Основная трудность заключалась в том, что в системе нормативных актов не было четкой структуры и системы. Наряду с декретами принимались декларации, прокламации, резолюции и воззвания. Первыми советскими декретами были декреты «О мире», «О земле», «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых».

Гражданское право с самого начала должно было приобрести классовый характер. Прежде всего, это касалось имущества. Юридически были закреплены новые принципы землевладения и землепользования. Земельное право было направлено на регулирование социалистических общественных отношений в деревне. Обобществление земли, отторгнутой у крупных собственников, создало реальную возможность для организации в деревне советских и кооперативных хозяйств. В трудовом законодательстве воплотились многие положения и требования, действовавшие во всех странах: восьмичасовой рабочий день, еженедельный непрерывный ежедневный отдых, запрещение работы в ночное время, кроме непрерывного производства, запрещение детского труда. Действия Советского правительства в области охраны труда получили высокую оценку мировой общественности. Семейное право закрепляло гендерное равенство и гражданский брак.

Уголовному праву этого периода свойственна политическая ангажированность, такая ситуация характерна для всех без исключения революций. В нормативных актах того периода нет четких понятий преступления, вины, покушения на преступление и оконченного преступления, соучастия. Все противоправные действия делились на контрреволюционные и простые. К первым относятся саботаж, посягательства на присвоение государственной власти и организация контрреволюционной деятельности. К простым преступлениям относится бытовой характер преступления.

Гражданское судопроизводство строилось в соответствии с постановлением суда, наделявшим суды широкими полномочиями в отсутствие закона здравого смысла и соображений справедливости. Уголовный процесс также нес на себе отпечаток революционного произвола. Уголовно-процессуальные правоотношения не были урегулированы, поэтому допускался произвол, который при неквалифицированной судебной власти был широко распространен.

Важным шагом стало принятие 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики), основу которой составили декреты «О мире», «О земле» и «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых». Конституция начинается Декларацией прав трудящихся и эксплуатируемых. Второй раздел «Общие положения Конституции РСФСР» определяет характер Советского государства как рабочего социалистического общества, декларирует права и обязанности граждан, форму государства и др. Третий раздел посвящен строительству Советской власти и ее организации в центре и на местах. В четвертом разделе говорится об активном и пассивном избирательном праве, перечислены категории лиц, лишенных этого права. Пятый раздел посвящен вопросам бюджетного права и финансовой политики. Шестой раздел содержит описание флага и герба

РСФСР.

Социальной основой нового государства по Конституции является диктатура пролетариата, а политической основой – система Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Конституция закрепляет следующие права и свободы: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, собраний.

Таким образом, формирование государственно-правовых институтов рассматриваемого периода происходило в соответствии с большевистской интерпретацией марксистской концепции диктатуры пролетариата, но это была сильно искаженная интерпретация марксистских идей, которую большевики использовали для своих целей.

После Октябрьской революции начался демонтаж системы юридического образования как непосредственно связанной с царским режимом. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров от 5 июля 1918 г., все учебные заведения страны были переданы в ведение Наркомата просвещения. В результате вузы юридического профиля, ранее находившиеся в подчинении Минюста и других ведомств, были закрыты. Постепенно прекратилась деятельность частных учебных заведений.

Для управления вузами в структуре Наркомпроса создан специальный отдел, после ряда переименований в 1921 г. получивший наименование Главного управления профтехучилищ и высших учебных заведений (Главпрофобр). В качестве головного научного учреждения в 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук.

В декабре 1918 г. юридические факультеты университетов были постепенно закрыты, а в 1919 г. на их базе были созданы факультеты общественных наук (фонды). Преподавание собственно юридических дисциплин основывалось на изучении действующего советского законодательства. Создание новых программ и учебников из-за ограниченности числа ученых-марксистов затягивалось и сопровождалось значительными трудностями. Лишь в октябре 1922 г. были утверждены первые программы университетских курсов по Конституции РСФСР и историческому материализму.

В декабре 1918 г. юридические факультеты университетов были постепенно закрыты, а в 1919 г. на их базе были созданы факультеты общественных наук (фонды). Преподавание собственно юридических дисциплин основывалось на изучении действующего советского законодательства. Создание новых программ и учебников из-за ограниченности числа ученых-марксистов затягивалось и сопровождалось значительными трудностями. Лишь в октябре 1922 г. были утверждены первые программы университетских курсов по Конституции РСФСР и историческому материализму.

Революция лишила Россию прежнего законодательства, которое требовало создания нового, легализовавшего деятельность советского руководства. В гражданском праве на протяжении всего периода военного коммунизма продолжалась замена торговли планомерным распределением продуктов в общегосударственном масштабе, ограничением товарно-денежных отношений, созданием единой банковской системы. Значительные изменения произошли в сфере авторского права. Все гонорары, оставшиеся после смерти автора, обратились к государству.

Главным достижением в области трудового права стало принятие в декабре 1918 г. Трудового кодекса законов РСФСР. Он установил обязательные правила для обеспечения социальной защиты инвалидов, борьбы с безработицей и материальной поддержки безработных и других. Узость законодательства заключалась в том, что оно не регулировало отношения в аграрной сфере. В целях укрепления трудовой дисциплины были введены «товарищеские

суды», по приговору которых нарушитель трудовой дисциплины мог получить общественный выговор в виде выговора, временно понижен в должности и отправлен на тяжелые общественно необходимые работы. В области аграрных отношений большевики с самого начала взяли курс на создание единого государственного земельного фонда и колхозов. Были созданы товарищества, коммун и артели.

Цели и задачи уголовного права сформулированы в документе «Руководящие принципы уголовного права РСФСР». Этот документ заложил основы последовательности в области уголовной политики. На его основе был разработан и принят первый Уголовный кодекс.

Политика «военного коммунизма» носила временный характер, так как вызывала резкое неприятие в обществе. Против него были многочисленные выступления, самыми драматичными из которых стали восстание кронштадтских матросов и крестьянская война в Тамбове. Советское руководство понимало, что террор и беззаконие удержать власть не могут, что надежда на скорейшее введение коммунистических отношений и надежда на скорую мировую революцию несовместимы [Бевеликова, 2012]

В период новой экономической политики (НЭП) в 1920-е гг. происходит формирование советской правовой системы. Упорядочивалась правотворческая деятельность, совершенствовались юридические консультации, особенно с учетом общественного мнения и использования зарубежного и дореволюционного опыта, были кодифицированы основные отрасли права, наделены правом издавать нормативные правовые акты общественные организации. Были приняты следующие кодексы: Гражданский, Земельный, Уголовный, Трудовой, Гражданский процессуальный и Уголовно-процессуальный.

Наиболее сложной задачей была разработка и принятие Гражданского кодекса РСФСР, закладывающего основные принципы в сфере имущественно-экономических отношений. Положения нового Кодекса были закреплены социалистическим правом. Это защита государственной собственности, ограничение частного предпринимательства и частного оборота, монополия внешней торговли. Гражданский кодекс РСФСР был принят 31 октября 1922 г. Он включал 435 статей и четыре раздела: 1) общую часть; 2) право собственности; 3) обязательственное право; 4) наследственное право. Характерной чертой Кодекса было включение в него в качестве приложения подзаконных актов и ВЦИК СНК, разработавших и конкретизировавших некоторые положения Кодекса. Кодекс устанавливает три вида собственности: государственную, кооперативную и частную.

Большинство государственных предприятий переведены на экономический расчет. Родственные компании объединены в тресты. Тресты использовались государством как средство управления рыночными процессами. Для организации заготовки и сбыта готовой продукции тресты объединялись в синдикаты, которые занимались также заготовительными операциями, финансированием, в ряде случаев производственными вопросами. В Кодексе много внимания уделено разным видам партнерских отношений.

Земельные отношения регулировались Земельным кодексом РСФСР от 30 октября 1922 г. Вся земельная политика правительства строилась на принципе национализации земли. Каждый гражданин мог получить землю в трудовое пользование и сам решать, в какой форме ею пользоваться.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 26 мая 1922 г., имел деление на общую и особенную части. В Общей части УК РФ были закреплены пределы ступеней, общих принципов наказания, определения мер наказания, родов и видов наказания и иных мер социальной защиты, порядка отбывания наказания. Особенная часть состоит из восьми глав: 1) состояние преступления; 2)

должностные лица преступления; 3) нарушения права отделения церкви от государства; 4) экономические преступления; 5) посягательства на жизнь и достоинство личности; 6) преступления против собственности; 7) воинские преступления; 8) нарушение прав общественной безопасности и общественного порядка.

Уголовный кодекс предусматривает репрессивные меры в отношении нелояльных режиму, такие как выдворение, вводит понятие «общественно опасных элементов». Уголовный кодекс на первое место поставил борьбу с преступлениями против государства.

В 1923 г. были приняты гражданский и уголовно-процессуальный кодексы. Гражданский кодекс РСФСР давал гражданам возможность фактически защищать свои интересы в производстве по гражданским делам. РСФСР предоставила гражданам возможность реально отстаивать свои интересы в судопроизводстве по гражданским делам. Кодекс устанавливает принцип гласности и прозрачности уголовного процесса. Исключения составляли дела, содержащие пьяную, государственную, дипломатическую тайну, а также содержащие сведения о половой жизни. Закон обязывает суд установить истину по делу. Если дело было в прокуратуре, надо было защищать со стороны. Пересмотр судебных решений был возможен только в кассационном порядке.

Провозглашая НЭП, Ленин требовал пересмотра всех точек зрения на социализм. Этого не было и не могло быть, потому что большевистский эксперимент основывался на реализации утопической идеи в стране, опустошенной войной и внутренними беспорядками. Построить «новое общество» можно было только путем насилия. Поэтому НЭП был своего рода перегруппировкой сил для очередного наступления на столицу. НЭП стал препятствием на пути политики восстановления экономики и непреодолимым.

Переход к новой экономической политике непосредственно коснулся юридического образования. Возрождение рыночных отношений, восстановление денежного обращения, создание банковской сети, развитие международных торговых связей требовали стабильности законодательства и регулирования новых экономических отношений правовыми средствами, а не методами революционного насилия. Подготовка юристов должна была вестись на отдельных факультетах. В крупнейших университетах страны – Московском и Ленинградском – были созданы факультеты советского права.

Необходимо отметить еще одну особенность советской правовой политики. Если в дореволюционный период господствовало в вузах юридическое образование было направлено на подготовку государственных служащих более широкого профиля, то в период становления советской государственности оставалось неясным, какие части государственного аппарата еще нуждаются в юридических знаниях и у которых достаточно опыта революционной работы. Советское законодательство устанавливало в качестве обязательного условия наличие юридического образования только для занятия определенных должностей в правоохранительных органах. В результате произошла локализация сферы юридической деятельности: юристы работали в судах, во вновь организуемой прокуратуре и в адвокатуре, в качестве юрисконсультов предприятий и организаций. Из сферы их профессиональной занятости выпал огромный сегмент, куда в дореволюционный период было вовлечено значительное число выпускников юридических вузов и факультетов – центральных и местных административных учреждений.

В первое десятилетие советской власти сохранялся дореволюционный способ получения высшего юридического образования – только на дневной основе. Однако изменение целей высшего образования, а именно необходимость подготовки партийного и советского актива,

неизбежно привело к возникновению заочного обучения. В октябре 1927 г. в МГУ было создано заочное отделение (факультет советского права на дому) с учебным планом, рассчитанным на четырехлетний срок обучения. Однако заочное обучение в это время делало лишь первые шаги, превращение его в наиболее массовую форму подготовки юристов оказалось делом будущего.

Следует отметить, что в начале XX в. в России появилась практика открытия высших учебных заведений за рубежом. Так, в 1920 г. в Харбине (КНР) появляется юридический факультет, просуществовавший до 1938 г. Это обосновывается тем, что с конца XIX века на северо-востоке Китая началось строительство Ближневосточной железной дороги. Дорога не только соединяла отдельные точки, но и способствовала развитию региона.

Постепенно потребность региона в профессиональных кадрах, в том числе в юристах, стала ощутимой. Первой инициативой по созданию юридического факультета в 1918 г. можно считать деятельность дореволюционного комитета по созданию в Харбине высшего учебного заведения [Конституции государств Азии, 2020].

Дата основания юридического факультета – 1 марта 1920 года. Однако декан юридического университета В.А. Рязановский отмечал нехватку профессиональных кадров, нехватку материальных средств, самое главное, что российское правительство не оказывало помощь в развитии зарубежного высшего учебного заведения. Этот факультет был создан по образцу соответствующего факультета Московского университета. Именно юридический факультет создал тот факт, что большую часть профессорско-преподавательского состава составляли юристы.

Юридический факультет осуществлял свою деятельность на основании общеуниверситетского Устава дореволюционной России 1884 г. с последующими изменениями. С 1923 г. с учетом местных условий на факультете введено преподавание китайского права: государственного, административного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального, торгового. В связи с восстановлением связей с Советским Союзом преподавалось и советское право.

Студенты одиннадцати национальностей получили образование на юридическом факультете. Это русские, украинцы, латыши, евреи, грузины, армяне, татары, китайцы, японцы, корейцы и монголы. В декабре 1923 г. завершила свою работу Контрольная комиссия юридического факультета, и 25 января 1924 г. первые шесть студентов успешно окончили юридический факультет. 1925-1928 гг. стали периодом расцвета в жизни юридического факультета. С открытием хозяйственного и восточного отделений стало возможным привлечь ряд новых научных сил [Мелехин, www].

1 марта 1929 г., как раз на девятую годовщину существования юридического факультета, поступил приказ о назначении китайского ректора. Осенью 1929 г. русский юридический факультет казался обреченным. Уже шли разговоры о переводе профессоров в Шанхай, о полной ликвидации факультета. Прием российских студентов прекращен. К концу 1929 г. юридический факультет был окончательно разделен на два отделения: китайское (только для китайцев) и русское (для всех знающих русский язык). Профессора сохранили академическую автономию. Китайская администрация оставила после себя финансово-экономическую часть.

В связи с оккупацией Маньчжурии Японией в 1931 г. и после наводнения 1932 г. для факультета наступили тяжелые времена. Образование марионеточного государства Маньчжоу-Го сильно осложнило общественно-политическую ситуацию. С начала 1934-1935 учебного года наступил последний период жизни факультета; отчасти определился уход советской профессуры, но основной причиной стала продажа железной дороги с вытекающими отсюда

последствиями. Отток русского населения из Харбина и его истощение резко сократили количество студентов и тем самым свели на нет перспективы дальнейшего существования факультета. 1 июля 1937 г. ликвидировано. Всего этот факультет выпустил 297 студентов.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод. Усилиями и талантом русских ученых в 20-е гг. в Маньчжурии была создана высшая юридическая школа, стоявшая на уровне университетов дореволюционной России. Успешно решена задача сохранения российской юриспруденции и передачи российской юридической науки подрастающему поколению.

Библиография

1. Аверин С.В. Источники международного частного права Китайской Народной Республики // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2. С. 133-155.
2. Бевеликова Н.М. Законодательство Китайской Народной Республики в сравнительно-правовом измерении // Законодательство и экономика. 2012. № 4. С. 72-79.
3. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020.
4. Лафитского В.И. (ред.) Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Контракт, 2013.
5. Мелехин А.В. Судебная власть Российской Федерации: курс лекций // СПС «КонсультантПлюс».
6. Трощинский П.В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 94-106.
7. Root E. The basis of protection to citizens residing abroad // American Journal of International Law. – 1910. – Т. 4. – №. 3. – С. 517-528.
8. Borchard E. M. Basic elements of diplomatic protection of citizens abroad // American Journal of International Law. – 1913. – Т. 7. – №. 3. – С. 497-520.
9. Zhang M. The socialist legal system with Chinese characteristics: China's discourse for the rule of law and a bitter experience // Temp. Int'l & Comp. LJ. – 2010. – Т. 24. – С. 1.
10. Butler W. E. What Makes Socialist Legal Systems Socialist // Law Ukr.: Legal J. – 2019. – С. 131.

Comparison of the legal culture of China and Russia during the socialist period

Yao Lingyuan

Master Student,

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: Lingyuan@mail.ru

Abstract

Chinese law emphasizes the ideas of socialism and also deals with "Chinese peculiarities". This article is devoted to the study, comparison and contrast of the legal culture of China and Russia in the socialist period. The author comes to the conclusion that by the efforts and talent of Russian scientists in the 20s in Manchuria, a higher law school was created, which stood at the level of

universities in pre-revolutionary Russia. The task of preserving Russian jurisprudence and transferring Russian legal science to the younger generation was successfully solved.

For citation

Yao Lingyuan (2023) Sravnenie pravovoi kul'tury Kitaya i Rossii v sotsialisticheskii period [Comparison of the legal culture of China and Russia during the socialist period]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 18-29. DOI: 10.34670/AR.2023.82.49.002

Keywords

Legal system, socialist country, constitutional law, protection of citizens' rights, socialist legal system.

References

1. Averin S.V. (2012) Istochniki mezhdunarodnogo chastnogo prava Kitaiskoi Narodnoi Respubliki [Sources of International Private Law of the People's Republic of China]. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [Bulletin of International Commercial Arbitration], 2, pp. 133-155.
2. Bevelikova N.M. (2012) Zakonodatel'stvo Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v sravnitel'no-pravovom izmerenii [Legislation of the People's Republic of China in the comparative legal dimension]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 4, pp. 72-79.
3. *Konstitutsii gosudarstv Azii. Tom 3. Dal'nii Vostok* [Constitutions of Asian states. Volume 3. Far East] (2020). Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,.
4. Lafitskogo V.I. ((ed.) (2013) *Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy. T. 3. Pravovye sistemy Azii* [Comparative Law: National Legal Systems. Vol. 3. Legal systems of Asia]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Kontrakt Publ.
5. Melekhin A.V. Sudebnaya vlast' Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii [Judicial power of the Russian Federation: a course of lectures]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
6. Troshchinskii P.V. (2014) Vliyanie traditsii na pravo sovremennogo Kitaya [Influence of tradition on the law of modern China]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 8, pp. 94-106.
7. Root, E. (1910). The basis of protection to citizens residing abroad. *American Journal of International Law*, 4(3), 517-528.
8. Borcard, E. M. (1913). Basic elements of diplomatic protection of citizens abroad. *American Journal of International Law*, 7(3), 497-520.
9. Zhang, M. (2010). The socialist legal system with Chinese characteristics: China's discourse for the rule of law and a bitter experience. *Temp. Int'l & Comp. LJ*, 24, 1.
10. Butler, W. E. (2019). What Makes Socialist Legal Systems Socialist. *Law Ukr.: Legal J.*, 131.

УДК 614.841.315

DOI: 10.34670/AR.2023.21.51.004

Проблемы осуществления федерального государственного пожарного надзора как формы оценки соответствия объектов защиты требованиям пожарной безопасности

Гапоненко Мария Викторовна

Старший преподаватель кафедры контрольно-надзорной деятельности,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
662972, Российская Федерация, Железногорск, ул. Северная, 1;
e-mail: mariiagaponenko@gmail.com

Гапоненко Арина Викторовна

Студент,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
662972, Российская Федерация, Железногорск, ул. Северная, 1;
e-mail: gaponenko_arina@mail.ru

Аннотация

В работе рассматриваются действующие на сегодняшний день условия осуществления государственного контроля (надзора), в частности федерального государственного пожарного надзора, в отношении поднадзорных объектов. Описаны основные две проблемы осуществления контрольной (надзорной) деятельности – риск-ориентированный подход и «надзорные каникулы», которые могут в перспективе привести к необратимым последствиям. Проанализированы официальные статистические данные по результатам осуществления федерального государственного пожарного надзора за выполнением установленных требований пожарной безопасности на объектах защиты по категориям риска, а также данные по пожарам и их последствиям, что в итоге позволило сделать вывод об очевидности обозначенной проблемы и ее укоренении в перспективе применения такого подхода к контролю (надзору) за обеспечением пожарной безопасности, действующего на территории Российской Федерации. Проведенные исследования законодательной базы, научной литературы, официальных статистических данных по осуществлению ФГПН, а также по пожарам и их последствиям за 2021 и 2022 год, позволяют констатировать, что принятый риск-ориентированный подход сам по себе направлен лишь на снижение административной нагрузки в отношении хозяйствующих субъектов, чем на обеспечение пожарной безопасности объектов защиты. Действующие до 01 января 2030 года особенности осуществления государственного контроля (надзора) – «надзорные каникулы», также увеличивают вероятность наступления необратимых трагических последствий в виде роста количества пожаров, погибших, пострадавших. Таким образом, считаем необходимым пересмотреть подход к осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований пожарной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Гапоненко М.В., Гапоненко А.В. Проблемы осуществления федерального государственного пожарного надзора как формы оценки соответствия объектов защиты требованиям пожарной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2023.21.51.004

Ключевые слова

Государственный контроль (надзор), федеральный государственный пожарный надзор, пожарная безопасность, поднадзорные объекты, категории риска причинения вреда (ущерба), контрольные (надзорные) мероприятия, надзорные каникулы, пожары.

Введение

Обеспечение пожарной безопасности, в т.ч. пожарной, является одной из важнейших функций государства. Однако, в современных реалиях данные функции по обеспечению оказались по факту делегированы собственникам имущества, лицам, уполномоченным владеть, пользоваться или распоряжаться им. Так, Федеральным законом «О пожарной безопасности» установлено, что данные лица несут ответственность за нарушения требований пожарной безопасности, а также за иные правонарушения в этой области и могут быть привлечены к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности.

В целях предотвращения пожара, обеспечения безопасности людей и защиты имущества при пожаре каждый объект защиты должен иметь систему обеспечения пожарной безопасности, в составе которой предусматриваются системы предотвращения пожара, противопожарной защиты, а также комплекс организационно-технических мероприятий. Важно, что к данным элементам системы обеспечения пожарной безопасности предъявляются требования, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными документами по пожарной безопасности.

Оценка соответствия объекта защиты предъявляемым требованиям на сегодняшний день реализуется в девяти формах, установленных статьей 144 Технического регламента. Одной из таких форм оценки соответствия является федеральный государственный пожарный надзор (далее – ФГПН), осуществляемый органами ГПН, находящимися в ведении МЧС России, и подразделениями ГПН, находящимися в ведении других федеральных органов исполнительной власти, в соответствии с законом.

Однако на текущий момент данная форма оценки соответствия объекта защиты требованиям пожарной безопасности является нерабочей, в виду внесенных изменений в законодательство о государственном контроле (надзоре).

Основная часть

Органы ГПН МЧС России осуществляют государственный контроль (надзор) за соблюдением обязательных требований пожарной безопасности в отношении поднадзорных им объектов, реализуя свои полномочия на основании положений закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», и актуализированным в соответствии с ним Положением о ФГПН.

Основной проблемой реализации данной формы оценки соответствия объектов защиты требованиям пожарной безопасности на настоящее время является с одной стороны – ранее интегрированный в государственный контроль (надзор) риск-ориентированный подход, а с другой стороны – принятые Правительством Российской Федерации особенности по организации и осуществлению государственного контроля (надзора), в т.ч. ФГПН, которые фактически вылились в ограничения на проведение плановых КНМ, в рамках которых и дается оценка соблюдения контролируруемыми лицами требований пожарной безопасности.

Согласно федеральному законодательству можно сформулировать следующее определение риск-ориентированного подхода при осуществлении ФГПН: метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю (надзору) и профилактике нарушений обязательных требований в области пожарной безопасности определяется отнесением деятельности контролируемых лиц и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности объектов защиты к определенной категории риска [Юнцова, 2020].

Аналитике интеграции риск-ориентированного подхода в деятельность ФГПН на текущий момент посвящено немало работ авторов: И.М. Абдурагимова, П.Ю. Князева, О.С. Юнцовой, С.П. Воронова, А.В. Матюшина и др. Изучив их, мы сделали вывод, что отмеченные и другие ученые разделились на три лагеря: одни – активно поддерживают риск-ориентированный подход и указывают лишь положительные аспекты, другие, соответственно, – критикуют, причем зачастую мнения относительно этого явления и его влияния на пожарную безопасность объектов защиты абсолютно полярные, – то, что одними отмечается как преимущество, другими признается обратной стороной. Третья категория авторов видит и положительные моменты от внедрения данного подхода, и возможные в перспективе негативные последствия.

Риск-ориентированный подход, на наш взгляд, уже наносит ущерб обеспечению пожарной безопасности, главным образом за счет существующего на сегодняшний день перечня категорий риска причинения вреда (ущерба) и периодичности проведения плановых КНМ в зависимости от этих категорий.

Невозможно не согласиться с тезисом, что в рамках одного из принципов контрольной (надзорной) деятельности, согласно текущему законодательству, – приоритетности профилактических мероприятий над контрольными (надзорными), данный подход – является неким стимулом для контролируемых лиц соблюдать обязательные требования пожарной безопасности, и в качестве поощрения – иметь более низкую категорию риска, а следовательно – реже встречаться в рамках надзорного взаимодействия с органами ФГПН. С другой стороны, каковы гарантии, что между редкими встречами (один раз в год/два/три/пять/шесть лет) будут выполняться элементарные организационные мероприятия по обеспечению пожарной безопасности, установленные Правилами противопожарного режима? Однозначно ответить на данный вопрос, к сожалению, не представляется возможным, и остается уповать только на ответственность, добросовестность и заинтересованность самих контролируемых лиц к соблюдению обязательных требований пожарной безопасности на их объектах защиты и в рамках осуществления своей деятельности.

Кроме того, важно подчеркнуть наличие еще одного существенного недостатка риск-ориентированного подхода. Основанием для включения планового КНМ в план проведения в соответствии с Положением помимо истечения в году проведения КНМ установленной

присвоенной категорией риска периодичности с даты окончания проведения последнего планового КНМ, является еще также истечение установленной в зависимости от присвоенной категории риска периодичности с даты ввода объекта надзора в эксплуатацию. Для вновь введенных в эксплуатацию объектов надзора определение категории риска осуществляется на основании информации, поступающей в органы ГПН из различных источников, а фактическое состояние пожарной безопасности на объекте защиты неизвестно. Автоматизированная аналитическая система поддержки и управления контрольно-надзорными органами МЧС России (далее – ААС КНД) и встроенный в нее «Калькулятор-помощник» на основании внесенных в нее имеющихся у органа ГПН исходных сведений общего характера (без информации о допущенных на объекте нарушениях требований пожарной безопасности) определяет категорию риска, как правило, существенно снижая ее. В последствии это приводит, например, к тому, что в отношении введенных в 2023 году в эксплуатацию объектов надзора, с присвоенной ААС КНД категорией среднего риска, плановые КНМ будут осуществляться не раньше 2028 года. Таким образом, данные положения выставляют ФГПН, как форму оценки соответствия объекта защиты, неэффективной и даже нерабочей.

Усугубляется это еще и введенным мораторием на осуществление государственного контроля (надзора), который официально пролонгирован Правительством Российской Федерации аж до 2030 года. Речь идет об упомянутых выше особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), утвержденных Правительством Российской Федерации в 2022 году.

Особенности главным образом заключаются в том, что на плановой основе органы ГПН могут проводить КНМ в отношении объектов защиты, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, периодичность проведения которых составляет один раз в год и один раз в два года соответственно, и то, только в отношении таких объектов, как:

- дошкольное и начальное общее образование;
- основное общее и среднее (полное) общее образование;
- деятельность по организации отдыха детей и их оздоровления;
- деятельность детских лагерей на время каникул;
- родильные дома, перинатальные центры;
- социальные услуги с обеспечением проживания.

Отмеченные особенности также были дополнены тем, что в планы до января 2030 года контрольные (надзорные) органы, в т.ч. ФГПН не планируют КНМ в отношении государственных и муниципальных учреждений дошкольного и начального общего образования, основного общего и среднего общего образования, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска. В качестве аналога плановых КНМ контрольным (надзорным) органам предлагается проводить профилактический визит, от которого контролируемое лицо не вправе отказаться.

В отношении остальных объектов в целях снижения административного давления на бизнес в текущих экономических и политических условиях продлены так называемые «надзорные каникулы».

Исходя из указанного положения, в случае если, например, торгово-развлекательный центр, как объект бизнеса, относится категории высокого риска с установленной периодичностью осуществления плановых КНМ один раз в два года, проводиться в отношении него такие мероприятия до 2030 года не будут совсем, не говоря уже о тех объектах торговли, которые

относятся к категориям значительного, среднего и умеренного риска.

Рассмотрим, как вышеизложенное реально отражается на пожарной безопасности объектов защиты на основе анализа официальных данных Всероссийского научно-исследовательского института противопожарной обороны МЧС России (далее – ВНИИПО) по пожарам и их последствиям и сведений о результатах осуществления ФГПН за выполнением установленных требований пожарной безопасности в 2021-2022 гг. Выдержки интересующих нас показателей и их числовых значений представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Статистические данные ВНИИПО по пожарам и их последствиям и результатам осуществления ФГПН в зависимости от категорий риска поднадзорных объектов в 2021-2022 гг.

№ п/п	Наименование показателя	Год	Всего, ед.	В том числе по категориям риска, ед.					
				ЧВР ¹	ВР ²	ЗР ³	СР ⁴	УР ⁵	НР ⁶
1.	Количество поднадзорных объектов защиты	2021	2320411	19032	118558	396190	315333	799234	672064
		2022	1937531	9054	116186	450034	267625	727323	367309
		↓/↑ ⁷	↓382880	↓9978	↓2372	↑53844	↓47708	↓71911	↓304755
2.	Всего запланировано КНМ на текущий год	2021	117754	34405	29470	31628	13985	8203	63
		2022	36454	5362	15028	11566	2569	1929	0
		↓/↑ ⁷	↓81300	↓29043	↓14442	↓20062	↓11416	↓6274	↓63
3.	Всего проведено плановых КНМ	2021	111889	32222	28705	30376	13049	7474	63
		2022	31844	5155	13727	9745	2001	1216	0
		↓/↑ ⁷	↓80045	↓27067	↓14978	↓20631	↓11048	↓6258	↓63
4.	Выдано предписаний об устранении нарушений ТПБ ⁸ по результатам плановых КНМ	2021	68154	18098	18715	19645	7424	4206	66
		2022	216142	29424	103769	61712	14893	6344	0
		↓/↑ ⁷	↑147988	↑11326	↑85054	↑42067	↑7469	↑2138	↓66
5.	Количество пожаров	2021	139746	78	549	1831	7449	20220	109619
		2022	134598	76	569	3074	7137	28148	95594
		↓/↑ ⁷	↓5148	↓2	↑20	↑1243	↓312	↑7928	↓14025
6.	Количество погибших людей в результате пожаров	2021	8036	1	27	79	347	1242	6340
		2022	4559	7	13	54	277	1861	4022
		↓/↑ ⁷	↓3477	↑6	↓14	↓24	↓70	↑619	↓2318
7.	Количество травмированных людей в результате пожаров	2021	6832	1	73	132	604	1433	4589
		2022	6033	0	39	157	474	2331	3032
		↓/↑ ⁷	↓799	↓1	↓34	↑25	↓130	↑898	↓1557

Примечания: ¹ – категория чрезвычайно высокого риска; ² – категория высокого риска; ³ – категория значительного риска; ⁴ – категория среднего риска; ⁵ – категория умеренного риска; ⁶ – категория низкого риска; ↓/↑⁷ – динамика показателей, ед.; ⁸ – требования пожарной безопасности

На основании изученных данных выявлена следующая тенденция, заставляющая задуматься о дальнейших перспективах применения в рамках ФГПН риск-ориентированного подхода и действующих до 2030 года «надзорных каникул». Несмотря на то, что общее количество поднадзорных объектов в 2022 году относительно 2021 года снизилось в 1,2 раза (на 16,5%), количество происходящих пожаров с учетом этого в процентном соотношении возросло с 6,02% до 6,95%. Причем, рост количества пожаров (при сравнении процентных соотношений

количества пожаров на объектах, отнесенных к определенной категории риска, к количеству таких объектов) отмечается по всем поднадзорным объектам, но в особенности на объектах, относящихся к категории низкого риска (рост составил 9,72%), в отношении которых плановые КНМ не осуществляются в соответствии с законодательством.

С учетом описанных ранее особенностей осуществления государственного контроля (надзора), касающихся тотального моратория на проведение плановых, и фактическую невозможность проведения внеплановых КНМ, особый интерес возникает в проведении подобного анализа по данным по пожарам и их последствиям и результатам осуществления ФГПН в 2023 году.

Заключение

Проведенные исследования законодательной базы, научной литературы, официальных статистических данных по осуществлению ФГПН, а также по пожарам и их последствиям за 2021 и 2022 год, позволяют констатировать, что принятый риск-ориентированный подход сам по себе направлен лишь на снижение административной нагрузки в отношении хозяйствующих субъектов, чем на обеспечение пожарной безопасности объектов защиты, о чем свидетельствует рост количества пожаров именно на тех поднадзорных объектах, на которых с учетом присвоенной ранее категории риска периодичность проведения плановых КНМ составляет 5-6 лет, или таковые не проводятся вообще (объекты с категорией низкого риска). Важно отметить, что действующие до 01 января 2030 года особенности осуществления государственного контроля (надзора) – «надзорные каникулы», также увеличивают вероятность наступления необратимых трагических последствий в виде роста количества пожаров, погибших, пострадавших.

Таким образом, считаем необходимым пересмотреть подход к осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением обязательных требований пожарной безопасности.

Библиография

1. Государственный надзор МЧС России в 2021 г.: информационный сборник. Балашиха, 2022. 263 с.
2. Государственный надзор МЧС России в 2022 г.: информационно-аналитический сборник. Балашиха, 2023. 262 с.
3. О вводе в эксплуатацию информационной системы «Автоматизированная аналитическая система поддержки и управления контрольно-надзорными органами МЧС России»: приказ МЧС России от 25.03.2022 № 262.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (с изм. и доп.).
5. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (с изм. и доп.).
6. О федеральном государственном пожарном надзоре (вместе с «Положением о федеральном государственном пожарном надзоре»): постановление Правительства Рос. Федерации от 12.04.2012 № 290 (с изм. и доп.).
7. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля: постановление Правительства Рос. Федерации от 10.03.2022 № 336 (с изм. и доп.).
8. Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 16.09.2020 № 1479 (с изм. и доп.).
9. Пожары и пожарная безопасность в 2021 году: статистический сборник. Балашиха, 2022. 114 с.
10. Пожары и пожарная безопасность в 2022 году: информационно-аналитический сборник. Балашиха, 2023. 80 с.
11. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ (с изм. и доп.).
12. Юнцова О.С. Достоинства и недостатки риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного пожарного надзора // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. 2020. № 2. С. 5-8.

Problems of implementation of federal state fire supervision in relation to commercial facilities in the aspect of a risk-based approach and current features of the implementation of state control (supervision)

Mariya V. Gaponenko

Senior Lecturer of the Department of Control and Supervision Activities,
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia,
662972, 1, Severnaya str., Zheleznogorsk, Russian Federation;
e-mail: mariiagaponenko@gmail.com

Arina V. Gaponenko

Student,
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia,
662972, 1, Severnaya str., Zheleznogorsk, Russian Federation;
e-mail: gaponenko_arina@mail.ru

Abstract

The paper considers the current conditions for the implementation of state control (supervision), in particular the federal state fire supervision, in relation to supervised objects. The main two problems in the implementation of control (supervisory) activities are described – a risk-based approach and "supervisory holidays", which can lead to irreversible consequences in the future. The official statistical data on the results of the implementation of the federal state fire supervision over the implementation of the established fire safety requirements at the objects of protection by risk categories, as well as data on fires and their consequences, were analyzed, which ultimately led to the conclusion that the identified problem was obvious and rooted in the prospect of applying such approach to the control (supervision) of ensuring fire safety, operating on the territory of the Russian Federation. The conducted studies of the legislative framework, scientific literature, official statistics on the implementation of the FSIF, as well as on fires and their consequences for 2021 and 2022, allow to state that the adopted risk-based approach in itself is aimed only at reducing the administrative burden on business entities than to ensure the fire safety of protected objects. The peculiarities of state control (supervision) in force until 2030 – “supervisory holidays”, also increase the likelihood of irreversible tragic consequences in the form of an increase in the number of fires, deaths, and injuries. Thus, we consider it necessary to reconsider the approach to the implementation of state control (supervision) over compliance with mandatory fire safety requirements.

For citation

Gaponenko M.V., Gaponenko A.V. (2023) Problems of Implementation of the Federal State Fire Supervision as a Form of Compliance Assessment of Protection Objects with Fire Safety Requirements [Problems of implementation of federal state fire supervision in relation to commercial facilities in the aspect of a risk-based approach and current features of the implementation of state control (supervision)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 30-37. DOI: 10.34670/AR.2023.21.51.004

Keywords

State control (supervision), federal state fire supervision, fire safety, supervised objects, categories of risk of causing harm (damage), control (supervisory) measures, supervisory holidays, fires.

References

1. (2022) *Gosudarstvennyi nadzor MChS Rossii v 2021 g.: informatsionnyi sbornik* [State supervision of the EMERCOM of Russia in 2021: information collection]. Balashikha.
2. (2023) *Gosudarstvennyi nadzor MChS Rossii v 2022 g.: informatsionno-analitieskii sbornik* [State supervision of the Ministry of Emergency Situations of Russia in 2022: information and analytical collection]. Balashikha.
3. *O federal'nom gosudarstvennom pozharom nadzore (vmeste s «Polozheniem o federal'nom gosudarstvennom pozharom nadzore»): postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 12.04.2012 № 290 (s izm. i dop.)* [On the federal state fire supervision (together with the "Regulations on the federal state fire supervision"): Decree of the Government of Ros. Federation of April 12, 2012 No. 290 (as amended and supplemented)].
4. *O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ (s izm. i dop.)* [On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended and supplemented)].
5. *O pozharnoi bezopasnosti: federal'nyi zakon ot 21 dekabrya 1994 g. № 69-FZ (s izm. i dop.)* [On fire safety: federal law of December 21, 1994 No. 69-FZ (as amended and supplemented)].
6. *O vvode v ekspluatatsiyu informatsionnoi sistemy «Avtomatizirovannaya analiticheskaya sistema podderzhki i upravleniya kontrol'no-nadzornymi organami MChS Rossii»: prikaz MChS Rossii ot 25.03.2022 № 262* [On the commissioning of the information system "Automated analytical system for support and management of the control and supervisory authorities of the EMERCOM of Russia": order of the EMERCOM of Russia dated March 25, 2022 No. 262].
7. *Ob osobennostyakh organizatsii i osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), munitsipal'nogo kontrolya: postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 10.03.2022 № 336 (s izm. i dop.)* [On the features of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control: Decree of the Government of Ros. Federation dated March 10, 2022 No. 336 (as amended and supplemented)].
8. *Ob utverzhenii Pravil protivopozharnogo rezhima v Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 16.09.2020 № 1479 (s izm. i dop.)* [On the approval of the Rules of the fire regime in the Russian Federation: Decree of the Government of Ros. Federation of September 16, 2020 No. 1479 (as amended and supplemented)].
9. (2022) *Pozhary i pozhar'naya bezopasnost' v 2021 godu: statisticheskii sbornik* [Fires and fire safety in 2021: statistical compendium]. Balashikha.
10. (2023) *Pozhary i pozhar'naya bezopasnost' v 2022 godu: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Fires and fire safety in 2022: information and analytical collection]. Balashikha.
11. *Tekhnicheskii reglament o trebovaniyakh pozharnoi bezopasnosti: feder. zakon ot 22 iyulya 2008 g. № 123-FZ (s izm. i dop.)* [Technical regulations on fire safety requirements: Feder. Law of July 22, 2008 No. 123-FZ (as amended and supplemented)].
12. Yuntsova O.S. (2020) Dostoinstva i nedostatki risk-orientirovannogo podkhoda pri osushchestvlenii gosudarstvennogo pozharnogo nadzora [Advantages and disadvantages of a risk-based approach in the implementation of state fire supervision]. *Nadzornaya deyatel'nost' i sudebnaya ekspertiza v sisteme bezopasnosti* [Surveillance activities and forensic expertise in the security system], 2, pp. 5-8.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.44.43.005

Проблемные аспекты социальной работы с молодыми семьями Республики Дагестан

Гусейнов Гаджи Магомедкамилович

Кандидат исторических наук, доцент,
и.о. завкафедрой теории и истории социальной работы,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Рикматуллаева Жавгарият Валиюллаевна

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Хизрибеков Хизрибек Магисович

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Асельдеров Магомед Измудинович

Студент,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43а;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Аннотация

Особую актуальность приобретает изучение проблемных аспектов жизнедеятельности молодых семей, которые столкнулись со многими трудностями, в том числе и социально-экономического характера. К сожалению, большинство молодых семей не в состоянии самостоятельно решать возникающие проблемы, среди которых особо стоят жилищная проблема и финансовая самостоятельность, что предполагает активное участие государства и общества в решении данных задач. Необходимо отметить, что проблема становления и устойчивости семьи – одна из основных проблем современного общества. Семья, семейные отношения, супружеские отношения были и остаются объектом изучения разных наук: философии, психологии, педагогики, социологии, демографии и многих других. Такое внимание к семье, ее становлению и распаду, обусловлено огромным ее значением как социального института, определяющего не

только образ жизни людей, но и качество потомства, здоровья нации и государства, а также постоянно растущей актуальностью социального заказа, ведь усиление дестабилизации семьи отмечают практически все исследователи проблемы. Актуализация проблем молодых семей приводит к разработке и внедрению комплексных программ, направленных на социальную, психологическую, медицинскую поддержку семей. Одна из проблем при разработке таких программ возникает в связи с отсутствием единой социально-психологической концепции, единого теоретического подхода к семье и происходящих в ней процессов, механизмов, обеспечивающих ее стабильность и устойчивость. В данной статье предпринята попытка объективного анализа основных тенденций и проблемных аспектов социальной работы с молодыми семьями в Республике Дагестан.

Для цитирования в научных исследованиях

Гусейнов Г.М., Рикматуллаева Ж.В., Хизрибеков Х.М., Асельдеров М.И. Проблемные аспекты социальной работы с молодыми семьями Республики Дагестан // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 38-47. DOI: 10.34670/AR.2023.44.43.005

Ключевые слова

Социальная работа, молодые семьи, Республика Дагестан, современный период, семейная политика.

Введение

На современном этапе развития теории социальной работы признается затруднительным сформулировать определение, которое исчерпывало бы все содержание понятия социальной работы. Социальная работа рассматривается в аспекте содействия осуществлению социальных прав личности, группы и т.д. Смысл социальной работы – это деятельность по оказанию помощи индивидам, семьям, группам в реализации их социальных прав и в компенсации физических, психических, интеллектуальных, социальных и иных недостатков, препятствующих полноценному социальному функционированию.

Следует отметить, что органы социальной защиты населения Дагестана за годы своего существования прошли сложный путь становления, реорганизаций и обновлений. Трудом и усилиями нескольких поколений социальных работников в республике создана широкая сеть социальных учреждений, накоплен значительный кадровый потенциал отрасли, благодаря которому оказывается комплекс разнообразных социальных услуг населению, в том числе и молодым семьям. В новых условиях хозяйствования приоритетной заботой государства становятся адресная социальная поддержка и защита нуждающегося населения, в том числе и предоставление законодательно закрепленных социальных и экономических прав и гарантий молодежи.

Все эти вопросы отнесены к компетенции Министерства труда и социального развития Республики Дагестан является органом исполнительной власти Республики Дагестан, обеспечивающим проведение в установленном порядке единой государственной политики в сфере труда, занятости и социальной защиты населения и координирующим в установленном порядке деятельность в этой сфере иных органов исполнительной власти Республики Дагестан, а также осуществляющим переданное Российской Федерацией полномочие по осуществлению социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными.

Основная часть

В настоящее время Министерство труда и социального развития Республики Дагестан руководит деятельностью более 750 учреждений социальной защиты населения, функционирующих во всех городах и районах республики. [Официальный сайт Министерства труда и социального развития РД, www].

Система социальной защиты малообеспеченных слоев населения Республики Дагестан обеспечивает следующие направления деятельности Министерства труда и социального развития Республики Дагестан, городских и районных администраций и служб социальной защиты:

- социальная помощь малообеспеченным гражданам (общее число лиц, отнесенных к данной категории, составило в 2021 году 249,2 тыс. чел. или 9,2% от общей численности населения);
- предоставление жилищных субсидий (151,8 тыс. семьям, что составляет 25,9% общего числа семей, проживающих в республике на 1.01. 2022 года);
- материальная поддержка малоимущих, многодетных семей (в республике проживает 82,7 тыс. многодетных семей, где воспитываются 268,8 тыс. несовершеннолетних детей), детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- развитие государственных стационарных и нестационарных учреждений социальной защиты населения (38 стационарных учреждений и 100 полустационарных и нестационарных учреждений, подведомственных Министерству труда и социального развития Республики Дагестан, Министерству образования и науки Республики Дагестан, Министерству здравоохранения Республики Дагестан) [там же].

Несмотря на позитивные тенденции, наметившиеся в последние годы, существует и ряд проблем социально-экономического плана. Главные из них – высокий уровень безработицы и бедность населения, в особенности среди молодежи.

Данные проблемы являются сдерживающими факторами экономического роста, препятствуют проведению эффективной экономической политики в республике, отрицательно влияют на общественно-политическую и социальную обстановку в регионе.

Необходимым условием формирования социального государства является наличие развитого социального законодательства, в Дагестане, в частности, был принят ряд законов в названной сфере:

- Закон Республики Дагестан от 26 декабря 2008г. № 64 «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений в Республике Дагестан»;
- Закон Республики Дагестан от 13.01.1997г. № 3 «О государственной молодежной политике в Республике Дагестан»;
- Закон Республики Дагестан №16 «О социальном обслуживании населения в Республике Дагестан», принят 31 марта 2005 г. (с изменениями от 12 мая 2009 г.) и др. [Официальный сайт Народного Собрания Республики Дагестан, www].

В один из республиканских законов были внесены изменения, позволившие детям, оставшимся без попечения родителей, получать пособия не с момента обращения в государственный орган, а с момента появления у них соответствующего права.

Основной социальной проблемой, присущей всем субъектам Российской Федерации, является низкий уровень обеспеченности жильем, что относится и к молодым семьям. В Республике Дагестан доля ветхого и аварийного жилья крайне высока – 20,6 процента. В данный

момент в Республике Дагестан строятся немало многоэтажных домов, но проблема состоит в том, что жители Республики, и в особенности молодые семьи, не могут себе позволить приобрести это жилье из-за финансовых трудностей. Многочисленные программы не решают проблемы с жильем, а редкие успехи на этом фронте не украшают общего мрачного фона. Многочисленные Государственные структуры и армии чиновников, призванные решать проблему жилья, за годы своей деятельности, так и не озвучили, как эта проблема выглядит, в чем основная причина ее наличия и какие пути решения они предлагают. Огромная социальная задача отдана на откуп бизнесу, свободному рынку, которые только усугубляют проблему, зарабатывают на ней и на острой нужде основной части населения.

Невысокие темпы жилищного строительства объясняются рядом факторов. Во-первых, низкая платежеспособность населения, во-вторых, неразвитый рынок кредитования, в том числе ипотечного, и, в-третьих, высокая стоимость жилья.

Также проблема трудоустройства молодежи давно привлекла к себе внимание, как по всей стране, так и в Дагестане. Большинство выпускников ВУЗов сталкиваются с этой проблемой. Этому способствует много факторов: во-первых, информация о вакансиях на предприятиях и организациях не прозрачна и большинстве случаев не реальна; во-вторых, на предприятиях заинтересованы в специалистах, уже имеющих опыт, и не желают подготавливать студентов, окончивших ВУЗ у себя в организации; в третьих, отсутствие желания у самих новоиспеченных специалистов работать в производственной сфере, зная, что работа тяжелая и малооплачиваемая. Для решения этих проблем в регионе создаются множества центров, мероприятия которых направлены на то, чтобы мотивировать молодое поколение на работу в производственной сфере и его вовлечение в бизнес.

Также в республике приняты республиканские программы для обеспечения рабочих мест для студентов и снятие столь сильного напряжения на рынке труда.

Среди реализуемых мер по государственной поддержке семей с детьми, наиболее важными являются выплата пособий семьям с детьми в размерах, индексируемых с учетом динамики инфляции, установление ежемесячной денежной выплаты при рождении третьих и последующих детей до достижения ими возраста трех лет.

Меры социальной поддержки представляются путем более полного учета объективных потребностей получателей с использованием механизма адресности. Результатом является рост абсолютных и относительных показателей, характеризующих масштабы социальной поддержки граждан (семей) на основе проверки нуждаемости, что отражено в следующей таблице.

Таблица 1 - Социальная поддержка граждан (семей) на основе проверки нуждаемости

Единовременные денежные выплаты семьям с детьми	Численность получателей (чел.)		Прирост (%)
	2020 год	2021 год	
Единовременные пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель) и подлежащим обязательному социальному страхованию	3 696	4 917	133,0
Единовременные пособия при рождении ребенка	31 046	55 461	78,6
Ежемесячные пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет	75 407	130 051	72,5
Ежемесячное пособие на ребенка	306 491	320 523	4,6
Ежемесячное пособие на детей одиноких матерей	16 736	18 175	8,6

Единовременные денежные выплаты семьям с детьми	Численность получателей (чел.)		Прирост (%)
	2020 год	2021 год	
Единовременные денежные выплаты семьям при рождении пятого и каждого последующего ребенка	932	1 604	72,1

В Послании Главы Республики Дагестан Народному Собранию РД одним из основных приоритетов обозначено обеспечение гарантий соблюдения прав социально уязвимых категорий населения, в том числе граждан, не достигших совершеннолетия, молодых семей, многодетных семей и т.д.). В 2018-21 годах было введено в эксплуатацию 57 объектов социальной сферы, среди которых 27 детских садов на 3890 мест, 15 школ на 2 949 ученических мест, 4 объекта здравоохранения на 113 коек [там же].

В Республике Дагестан система социального обслуживания населения состоит из бюджетных и казенных учреждений социального обслуживания населения, которая позволяет своевременно предоставлять гражданам широкий спектр государственных социальных услуг, установленных федеральным законодательством и законодательством Республики Дагестан.

На наш взгляд, проблемы в сфере социального обслуживания связаны с тем, что финансирование данной области со стороны государства не может в полной мере обеспечить потребности социально малозащищенных категорий как молодые семьи. Считаем, что решение данных проблем возможно при стимулировании благотворительности, чтобы переложить часть вопросов социального обслуживания населения с плеч государства на частные организации. Чтобы стимулировать развитие благотворительности необходимо совершенствовать законодательство, которое давало бы льготы организациям, занимающимся благотворительностью в сфере социального обслуживания нуждающихся в этом лиц.

Система социального обслуживания населения республики постоянно развивается: совершенствуются формы работы с гражданами в целях наиболее полного удовлетворения их потребностей в социальных услугах, развивается сеть учреждений социального обслуживания, разрабатываются новые формы и виды социальных услуг, в том числе и для молодых семей.

Относительно непосредственной социальной поддержки молодых семей, необходимо отметить, что основная задача социальной работы с молодыми семьями в современный период заключается в дальнейшем развитии и совершенствовании имеющихся форм, методов, способов и приемов деятельности, используемых специалистом для решения социальных проблем клиентов, стимулирование активизации их собственных сил для изменения неблагоприятной жизненной ситуации.

В Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения РФ», который также относится и к РД, как субъекту РФ, комплексная система социального обслуживания населения, включая молодежь, предусматривает предоставление социально-экономических, медико-социальных, психологических, социально-бытовых, правовых и иных социальных услуг гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (многодетные, неполные семьи, семьи, в которых проживают инвалиды, одинокие и пожилые люди, дети-сироты, безработные, лица без определенного места жительства, выпускники детских домов и ряд других) [Кузнецова, 2015, 57].

Таким образом, сложившаяся в РД структура работы с молодыми семьями в целом отвечает стоящим перед обществом задачам по укреплению молодой семьи, улучшению ее материального, нравственного и духовного состояния, оказанию ей социально-психологической помощи и др.

Особенности социальной работы с молодыми семьями

Семейная жизнь трудна и разнообразна. Отношение к ней как к чему-то очень простому и незатейливому обедняет, прежде всего, взаимоотношения, делает их поверхностными. Простота отношений не то же самое, что простота в отношениях. Первая лишь сужает их диапазон, и ее следует избегать. Вторая становится возможной при высокой культуре и уровне развития взаимоотношений, и к ней необходимо стремиться.

Появление семейных служб вызвано, прежде всего, тем, что у семей выявляются совершенно новые проблемы, потребности, стремления, решение которых вызывает затруднения у супругов. Кроме того, в современных взаимоотношениях в семье рост субъективных внутренних, личностных трудностей намного опережает рост объективных. Именно субъективные, порой лишь воображаемые трудности становятся главным препятствием, тем «камнем преткновения», устранение которого расчищает путь дальнейшему развитию семьи. Сдвинуть же «камень» часто бывает не по силам самим супругам.

В каждой семье есть одна, несколько или множество потребностей, которые нелегко удовлетворить самим супругам. И обязательно есть хотя бы одна проблема, которую им трудно решить самостоятельно. Необходимость помощи в подобных ситуациях очевидна и становится часто первостепенной по своей значимости для супругов.

Характерной чертой службы семьи является нацеленность на устранение помех, препятствующих нормальной жизни и гармоничному развитию семьи. С помощью подразделений службы семьи, при содействии их или непосредственно ими осуществляется:

- все виды и уровни подготовки молодежи к семейной жизни (внутрисемейная подготовка, консультирование молодых людей в соответствующих вопросах и т.д.);
- ликвидация и устранение психологической безграмотности в вопросах супружеской и семейной жизни и повышение уровня осведомленности, компетентности членов семей в сфере общения;
- семейные неурядицы в молодых семьях отражаются на самочувствии и работоспособности [Гребенников, 2014, 24-25].
- новой формой работы с молодыми людьми, вступающими или уже вступившими в брак, становятся открывающиеся клубы молодой семье. Они помогают молодым семьям в наиболее сложный для супругов период привыкания к роли жены и мужа, когда возникает немало чисто психологических трудностей, связанных с необходимостью перестройки прежних представлений и образа жизни.

Подобная многосторонность деятельности служб отражает специфику проблем молодой семьи, а также насущную потребность и необходимость в ней практически каждого человека, заинтересованных в постоянстве благоприятных семейных, супружеских отношений.

Основными ведущими направлениями в развитии службы семьи в целом становятся социально-психологические виды семейных служб.

Таким образом, служба семьи становится новым каналом, или источником информации, с помощью которого передается актуальный и прогрессивный опыт решения семейных проблем, развитие и совершенствование внутрисемейных взаимоотношений.

Также оказать помощь и поддержку молодой семье в решении многочисленных проблем может социальный работник. В настоящий период выделяет следующие функции социального работника:

- диагностическую (изучение особенностей семьи, выявление ее потенциалов);

- охранно-защитную (правовая поддержка семьи, обеспечение ее социальных гарантий, создание условий для реализации ее прав и свобод);
- организационно-коммуникативную (организация общения, инициирование совместной деятельности, совместного досуга, творчества);
- социально-психолого-педагогическую (психолого-педагогическое просвещение членов семьи, оказание неотложной психологической помощи, профилактическая поддержка и патронаж);
- прогностическую (моделирование ситуаций и разработка определенных программ адресной помощи);
- координационную (установление и поддержание связей, объединение усилий департаментов помощи семье и детству, социальной помощи населению, отделов семейного неблагополучия органов внутренних дел, реабилитационных центров и служб) [Кузнецова, 2015].

Конкретное содержание социальной работы с семьей в каждом случае обусловлено ее индивидуальными особенностями: структурой, материальным положением, характером внутренних отношений, спецификой проблем, степенью их остроты, аспектом неблагополучия. Тем не менее, Басов Н.Ф. выделяет три основных направления социальной работы: диагностическое, реабилитационное, профилактическое.

Диагностика предусматривает сбор и анализ информации о семье и ее членах, выявление проблем. Диагностика семьи – трудный и ответственный процесс, который требует от социального работника соблюдения следующих принципов:

- объективность, взаимодополняемость и проверка получаемой информации;
- клиентоцентризм (отношение к проблеме в соответствии с интересами клиента);
- конфиденциальность, адекватность методов и методик;
- соблюдение права клиента на невмешательство в частную жизнь и умение предвидеть возможные варианты его реакции на предлагаемые действия.

В настоящее время в Республике Дагестан сложились следующие основные формы социальной защиты семей, имеющих детей:

- Денежные выплаты семье на детей в связи с рождением, содержанием и воспитанием детей (пособия и пенсии);
- Трудовые, налоговые, жилищные, кредитные, медицинские и другие льготы семьям с детьми, родителям и детям;
- Юридическое, медицинское, психолого-педагогическое и экономическое консультирование, родительский всеобуч, научно-практические конференции и конгрессы.
- Бесплатные выдачи семье и детям детского питания, лекарств, одежды и обуви, питания для беременных женщин и др.
- Федеральные, региональные, целевые социально-экономические и демографические программы «Планирование семьи», «Семейный (материнский) капитал».

Улучшению условий жизни и благополучия семей будут способствовать в том числе и социальные инициативы Президента РФ В.В. Путина, озвученные в январе 2020 г. (Семейный (материнский) капитал за первого ребенка (на 1.01.2022 г. составляет 524 т.р., дополнительные выплаты в размере 163 т.р. на второго ребенка и 450 т.р. на третьего ребенка для погашения ипотечного кредита и др. [Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ, www]).

Большое значение в социальной защите имеет совершенствование соответствующей нормативно-правовой базы. Разработаны и приняты следующие законы: «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», «О порядке назначения и выплаты ежемесячных компенсаций женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, уволенным в связи с ликвидацией предприятий, учреждений, организаций», «О совершенствовании системы государственных социальных пособий и компенсационных выплат семьям, имеющим детей, и повышением их размеров», «О компенсационных выплатах семьям с детьми, обучающимся и другим категориям лиц», «Государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» [Малыхин, 2015].

Заключение

В целом, подводя итоги, хотелось бы отметить, что социальная работа с молодой семьей в будущем должна быть направлена на решение многочисленных проблем, психологического, социального, нравственного, медицинского и педагогического характера с которыми семья сталкивается в повседневной жизни, и которые не в состоянии решить самостоятельно. Также одним из механизмов регулирования брачно-семейных отношений в рамках социальной работы являются службы семьи, основная цель которых направлена на обеспечение оптимального выполнения семьей ее разнообразных функций, совершенствование внутрисемейных отношений и гармоничное развитие личности каждого члена семьи.

Для решения конкретных задач социальной защиты семьи шире стал применяться программно-целевой метод. В частности, разработана и принята к выполнению Федеральная программа «Дети России», в которую входят следующие целевые программы: «Дети-инвалиды», «Дети-сироты», «Развитие индустрии детского питания», «Планирование семьи» и др.

Реализация данных программ, по нашему мнению, должна способствовать улучшению положения дагестанских семей, в том числе и молодых, что послужит основой повышения статуса молодой семьи в перспективе.

Библиография

1. Гребенников И.В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 2014. 158 с.
2. Кузнецова М.В. Молодая семья и ее социальная защита в современном обществе. Социальная работа с семьей. М., 2015. 175 с.
3. Малыхин В.П. (ред.) Социальная работа с семьей в системе местного самоуправления. М., 2015. 197 с.
4. Официальный сайт Министерства труда и социального развития РД. URL: <http://www.dagmintrud.ru/>
5. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <http://demo.rosmintrud.ru/>
6. Официальный сайт Народного Собрания Республики Дагестан. URL: <https://nsrd.ru/>
7. Официальный сайт Управления социальной защиты населения в МО г. Махачкала. URL: <http://www.dagmintrud.ru/uchrezhdeniya/upravlenie-sotsialnoy-zashchity-naseleniya-v-mo-gorod-makhachkala/>
8. Lohmann H., Zigel H. Family policy in comparative perspective: The concepts and measurement of familization and defamilization //Journal of European Social Policy. – 2016. – Т. 26. – №. 1. – С. 48-65.
9. Kamerman S. B., Kahn A. J. Family policy: Government and families in fourteen countries. – 1978.
10. Early T. J., GlenMaye L. F. Valuing families: Social work practice with families from a strengths perspective //Social work. – 2000. – Т. 45. – №. 2. – С. 118-130.

Problematic aspects of social work with young families of the Republic of Dagestan

Gadzhi M. Guseinov

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Theory and History of Social Work,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Zhavgariyat V. Rikmatullaeva

Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Khizribek M. Khizribekov

Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Magomed I. Asel'derov

Student,
Dagestan State University,
367000, 43a, Magomeda Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: gadgi_botlih@mail.ru

Abstract

The study of problematic aspects of the life of young families who have faced many difficulties, including socio-economic ones, is of particular relevance. Unfortunately, most young families are not able to solve the problems that arise on their own, among which the housing problem and financial self-sufficiency are particularly important, which implies the active participation of the state and society in solving these problems. The problem of the formation and stability of the family is one of the main problems of modern society. Family relations, marital relations have been and remain the object of study of various sciences: philosophy, psychology, pedagogy, sociology, demography and many others. Such attention to the family is due to its enormous importance as a social institution that determines not only the way of life of people, but also the quality of offspring, the health of the nation and the state. The actualization of the problems of young families leads to the development and implementation of comprehensive programs aimed at social, psychological, and medical support for families. One of the problems in the development of such programs arises

due to the lack of a unified socio-psychological concept, a unified theoretical approach to the family and the processes taking place in it, mechanisms that ensure its stability and stability. This article attempts an objective analysis of the main trends and problematic aspects of social work with young families in the Republic of Dagestan.

For citation

Guseinov G.M., Rikmatullaeva Zh.V., Khizribekov Kh.M., Asel'derov M.I. (2023) Problemnye aspekty sotsial'noi raboty s molodymi sem'yami Respubliki Dagestan [Problematic aspects of social work with young families of the Republic of Dagestan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 38-47. DOI: 10.34670/AR.2023.44.43.005

Keywords

Social work, young families, Republic of Dagestan, modern period, family policy.

References

1. Grebennikov I.V. (2014) *Osnovy semeinoi zhizni* [Fundamentals of family life]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
2. Kuznetsova M.V. (2015) *Molodaya sem'ya i ee sotsial'naya zashchita v sovremennom obshchestve. Sotsial'naya rabota s sem'ei* [Young family and its social protection in modern society. Social work with family]. Moscow.
3. Malykhin V.P. (ed.) *Sotsial'naya rabota s sem'ei v sisteme mestnogo samoupravleniya* [Social work with the family in the system of local government]. Moscow.
4. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya RD* [Official website of the Ministry of Labor and Social Development of the Republic of Dagestan]. Available at: <http://www.dagmintrud.ru/> [Accessed 05/05/2023]
5. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF* [Official site of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation]. Available at: <http://demo.rosmintrud.ru/> [Accessed 05/05/2023]
6. *Ofitsial'nyi sait Narodnogo Sobraniya Respubliki Dagestan* [Official site of the People's Assembly of the Republic of Dagestan]. Available at: <https://nsrd.ru/> [Accessed 05/05/2023]
7. *Ofitsial'nyi sait Upravleniya sotsial'noi zashchity naseleniya v MO g. Makhachkala* [Official site of the Department of social protection of the population in Makhachkala]. Available at: <http://www.dagmintrud.ru/uchrezhdeniya/upravlenie-sotsialnoy-zashchity-naseleniya-v-mo-gorod-makhachkala/> [Accessed 05/05/2023]
8. Lohmann, H., & Zagel, H. (2016). Family policy in comparative perspective: The concepts and measurement of familization and defamilization. *Journal of European Social Policy*, 26(1), 48-65.
9. Kamerman, S. B., & Kahn, A. J. (1978). Family policy: Government and families in fourteen countries.
10. Early, T. J., & GlenMaye, L. F. (2000). Valuing families: Social work practice with families from a strengths perspective. *Social work*, 45(2), 118-130.

УДК 342.4

DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Условия и конституционные ограничения рецепции международно-правовых стандартов в РФ

Косолапов Михаил Федорович

Кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Чернышевского, 104;
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Аннотация

Автор на основе анализа Конституции Российской Федерации рассматривает заложенный в национальном праве механизм рецепции международно-правовых стандартов в российскую правовую систему. В работе выявлены и проанализированы два традиционных вида рецепции: единовременная и прямая. Наибольшее внимание уделено рассмотрению прямой формы заимствования, так как она не только получила конституционное закрепление, но и напрямую связана с правоприменением, обеспечивает имплементацию норм и других элементов международного права в непрерывном режиме. При этом автор отмечает, что подход, реализованный в тексте Основного Закона, является достаточно сбалансированным. Вместе с тем отмечается, что установление нормами конституций общих параметров рецепции элементов международного права не предполагает, что этот процесс ничем не ограничен. В качестве одного из «барьеров» рассматривается конституционное закрепление иерархии в системе национальных и международных норм. В статье особое внимание уделено рассмотрению роли конституционного правосудия в процессе обеспечения баланса международно-правовых стандартов в рамках национальной правовой системы.

Для цитирования в научных исследованиях

Косолапов М.Ф. Условия и конституционные ограничения рецепции международно-правовых стандартов в РФ // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 48-57. DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Ключевые слова

Рецепция, правовые заимствования, Конституция РФ, Конституционный Суд, конституционный контроль, правовая охрана, имплементация, международное право, международно-правовые стандарты.

Введение

Вопросы, связанные с механизмом правового заимствования (рецепции) принципов, норм и институтов из внешней правовой среды permanently сохраняют свою актуальность для каждого современного государства. Он позволяет поддерживать национальную правовую систему в режиме постоянного развития в соответствии с мировыми правовыми тенденциями. Особенно всплеск интереса к правовой рецепции характерен в период крупномасштабных правовых преобразований. Если на протяжении длительного периода процесс правового заимствования был ориентирован на рецепцию элементов из национальных правовых систем (горизонтальная рецепция), то в последние десятилетия особое значение стала приобретать рецепция международно-правовых стандартов (вертикальная рецепция). Актуальность рассмотрения последнего способа рецепции состоит в том, что он, в отличие от горизонтального механизма рецепции, не только получил обобщенное конституционное закрепление, но и в результате конституционной реформы 2020 г. обрел правовые критерии такого правового заимствования.

Основная часть

Анализируя современный уровень интернационализации, можно выделить целый ряд предпосылок, способствующих развитию данного процесса. В зависимости от сферы их проявления, как представляется, они могут быть разделены на две группы: заложенные внутренним законодательством, которые легко отслеживаются в самом тексте конституций, и внешние, находящиеся за пределами внутригосударственного права в целом, порожденные действующей международной практикой.

Первые являются отражением исключительно воли самого государства, что позволяет их отнести к добровольной рецепции. К этой группе можно отнести конституционные положения, содержащие непосредственные ссылки на положения международного права, документы в тексте конституции, определяющие допуск и порядок действия отдельных элементов международного права в рамках национальной правовой системы; ориентирование конституционных положений в области прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области; включение в конституционный текст новых, обусловленных действующими международными обязательствами положений и т.д.

Рассмотренные предпосылки, как представляется, в своей основе закрепляют различные механизмы рецепции, что позволяет говорить о единовременной и прямой (длительной, программной) рецепции.

Единовременная (производная) рецепция международных стандартов, как правило, применяется при разработке текста новой конституции или внесении в нее изменений, когда конституционный или законодательный акт изначально создается (или изменяется) с учетом действующих международных обязательств и иных правовых стандартов, учитываемых соответствующим государством. Таким примером можно считать широкомасштабный процесс правовых реформ, проходивших в России в 90-х годах. Составными элементами данного процесса можно считать учет конституционного опыта зарубежных стран, международно-правовых стандартов, в том числе в области прав человека, а также переосмысление сложившихся национальных правовых традиций. Таким образом, можно констатировать, что Конституция РФ 1993 г., законодательство и правоприменительная практика России менялись с учетом основных международных обязательств и ценностей международного сообщества

[Авакьян, 1997, 204].

Вместе с тем, как представляется, процесс рецепции международно-правовых стандартов национальной правовой системой не должен заканчиваться на этапе разработки и принятия того или иного акта. В силу объективно существующего правового развития международной системы в целом, и в связи с расширением (изменением) договорной практики государства этот процесс должен носить непрерывный характер. Только такой порядок способствует сбалансированному развитию всей национальной правовой системы и содействует добросовестному выполнению международных обязательств государства.

Наиболее эффективным способом решения данной задачи без использования сложной законодательной процедуры является закрепление в тексте основного закона положения, предусматривающего механизм прямого заимствования международно-правовых стандартов, которые не были учтены при разработке документа, появились или эволюционировали после его принятия. Речь идет о конституционной норме, предполагающей включение в национальную правовую систему определенных элементов международной системы (принципов, норм международного права, международных договоров), а также ориентирование конституционных положений и законодательства в сфере прав и свобод на действующие международно-правовые стандарты в данной области. Применительно к Конституции РФ 1993 г. речь идет о ч. 4 ст.15, ч. 1 ст. 17, свидетельствующих об отсутствии каких-либо установок, препятствующих интернационализации национального правопорядка. Причем, как в случае с производной (единовременной) рецепцией, так и в случае с прямой, этот процесс санкционируется государством, носит добровольный характер.

Данный подход в той или иной степени характерен для большинства конституций, принятых в мире за последние десятилетия. При этом методы имплементации в национальную правовую систему элементов международного права в определенной степени разнятся. Выбор модели «допуска» положений международного права в национальную правовую систему является суверенным правом каждого государства, однако какой бы подход ни был выбран, он всегда должен осуществляться с учетом обязательств по международному праву в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

При этом, как представляется, подход, реализованный в тексте Конституции РФ 1993 года, является достаточно сбалансированным. Указание на то, что помимо международных договоров в правовую систему включаются общепризнанные принципы и нормы, несмотря на некоторую абстрактность формулировки, расширяет возможности компетентных органов государства использовать международно-правовые стандарты в своей деятельности. По смыслу конституционной нормы имеются в виду другие, отличные от договорных (не исключая их) источники международного права, к которым потенциально можно отнести и положения международных обычаев, общенормативных актов международных организаций, международных договоров, не ратифицированных Российской Федерацией.

Вместе с тем установление нормами конституций общих параметров рецепции элементов международного права не предполагает, что этот процесс ничем не ограничен. Положения международного правопорядка, даже сформированные с участием государства, в любом случае не в состоянии учитывать все его интересы и особенности. Внешнее влияние не всегда играет положительную роль для национальной правовой системы. С целью исключения возможности введения в нее несовместимых элементов международного права, вводятся конституционные положения, устанавливающие пределы такого вмешательства.

Как отмечает Л.А. Шарнина, «интегрирование в конституционное право наднациональных

элементов должно иметь пределы как формально-нормативного характера, связанного с соблюдением установленных процедур, компетенции, требований к иерархии форм права, так и содержательного свойства, представляющего собой ограничения по включению в правовую систему правовых положений, противоречащих национальному правосознанию и не согласующихся с социально-экономическими, культурными, духовными условиями жизни в стране» [Шарнина, 2018, 9-10].

К одному из таких «барьеров» можно отнести закрепление иерархии в системе национальных и международных норм. Однако если механизм рецепции международно-правовых стандартов свойственен большинству современных конституций, то по вопросу соотношения элементов международного права и норм конституции в результате такого взаимодействия, позиции государств расходятся. Как правило, государства исходят из верховенства конституционных норм над нормами международного права. Только некоторые государства предусматривают возможность внесения изменений в конституцию в связи с участием в международном договоре. Что касается Российской Федерации, то текст Конституции РФ и выраженные Конституционным Судом РФ правовые позиции однозначно свидетельствуют о приверженности России первой позиции: ни одна правовая норма, в том числе вытекающая из международных обязательств, не должна противоречить Конституции РФ как акту, обладающему высшей юридической силой и прямым действием на всей территории страны [Эбзеев, 1996, 12; Зимненко, 2001, 128; Туманов, 1996, 4]. Приоритет норм Конституции РФ перед международными договорами подтверждается еще и тем, что именно Конституция РФ наделяет данные источники международного права свойством действовать в правовой системе Российской Федерации.

Аналогичная позиция была выражена и высшими судебными органами. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ указал, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных дел должны руководствоваться положениями Конституции РФ. Понимание рассматриваемой конституционной нормы он видит в том числе через призму положений Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации»¹.

Таким образом, текст Конституции РФ выступает в качестве универсального критерия «допуска» элементов международного права в национальную правовую систему.

Значительная роль в процессе обеспечения баланса международно-правовых стандартов в рамках национальной правовой системы принадлежит Конституционному Суду РФ. Ст. 125 Конституции предусматривает возможность рассмотрения им вопросов о соответствии Основному закону не вступивших в силу международных договоров.

Как уже указывалось ранее, международное право значительно ограничивает случаи признания недействительными вступивших в силу международных договоров. В целях обеспечения необходимого уровня согласованности положений внутригосударственного права, и прежде всего Конституции РФ, с предписаниями межгосударственных соглашений, проверку следует осуществлять до признания обязательств по ним.

Проверка на конституционность международного договора, согласно российскому законодательству, имеет ряд ограничений. В ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» упоминается несколько видов договоров, в отношении которых он

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757; 2007. № 49. Ст. 6079.

вправе осуществлять конституционный контроль, однако по смыслу п. «г» объектами проверки могут быть только международные договоры РФ, контрагентами которых являются иностранные государства или международные межправительственные организации, т.е. исключительно субъекты международного права. При этом юрисдикция Суда распространяется на все виды таких договоров, вне зависимости от уровня их заключения: межгосударственные, межправительственные или межведомственные.

Согласно ст. 89 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не каждый международный договор может стать объектом проверки. Закон определяет два критерия, необходимых для обращения в Суд с запросом о конституционности международного договора: 1) контроль должен быть предварительным, т.е. договор еще не вступил в силу; 2) «заявитель считает не вступивший в силу международный договор не подлежащим введению в действие и применению в РФ из-за его несоответствия Конституции РФ». Необходимость осуществления предварительного конституционного контроля в отношении международных договоров обусловлена необходимостью исключить появление в правовой системе Российской Федерации норм, которые могут вступить в противоречие с положениями Конституции РФ. Однако, как показывает практика, количество обращений в Конституционный Суд в связи с проверкой не вступившего в силу международного договора минимально, особенно на фоне объема договоров, ратифицируемых и утверждаемых в РФ.

Дополнительные конституционные пределы рецепции международно-правовых стандартов в правовую систему Российской Федерации были установлены по итогам реформы 2020 г. Конституционные изменения касаются расширения компетенции Конституционного Суда РФ относительно проверки возможности исполнения актов международных контрольных органов, а также иностранных и международных судебных учреждений.

Международные обязательства по договорам, в первую очередь касающиеся защиты прав и свобод человека, предполагают не только имплементацию содержащихся в них предписаний, но и необходимость исполнения решений учреждаемых ими контрольных органов, обладающих, помимо прочего, правом осуществления официального толкования договора, порой накладывающего на государство дополнительные обязательства.

Являясь по своей сути правоприменительными актами, решения, констатирующие нарушение прав человека со стороны государства, не имеют непосредственно нормативной силы для государств, и по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции не являются напрямую частью правовой системы страны. Однако, в силу принятых РФ международных обязательств, все же должны учитываться в правотворческой и правоприменительной практике государственных органов, в том числе и судебных [Абдрашитова, 2008, 4].

Необходимость внимательного отношения к деятельности международных контрольных органов в первую очередь можно объяснить тем, что эти органы при осуществлении своей деятельности дают официальное (или авторитетное) толкование соответствующих договоров в области прав человека, в основе которого лежит обобщение на универсальном уровне практики реализации договорных положений государствами-участниками, и выявление лучшей, с точки зрения органа, модели реализации закрепленных в них прав и свобод человека.

В отличие от ранее рассмотренного механизма рецепции посредством правового заимствования действующих международно-правовых стандартов, рецепцию стандартов, содержащихся в международной правоприменительной практике трудно отнести к процессу, находящемуся под полным контролем государства.

Первые изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» были сделаны в декабре 2015 г.

Согласно им «по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»².

Данные изменения, как представляется, не ставят под сомнение не только само обязательство РФ по выполнению какого-либо решения согласно международному договору, но и возможность межгосударственного органа давать толкование (в том числе и «эволюционное») его положениям. Вопрос о возможности исполнения мог быть поставлен только в том случае, если возникали сомнения, что такое толкование соответствует положениям Основного Закона, обладающего высшей юридической силой.

Данная формулировка, хотя и имеет абстрактную отсылку к решениям межгосударственных органов по защите прав человека, на самом деле подразумевает, как представляется, постановления Европейского Суда по правам человека. Из всей системы международных правозащитных механизмов, признаваемых РФ, только его решения носили обязательное, а не факультативное значение для государства.

Введение нового полномочия Конституционного Суда РФ в первую очередь было продиктовано неоднозначностью выводов Европейского Суда по правам человека в отношении отдельных жалоб по российским делам. Несмотря на то, что определенные возражения со стороны российских властей и дискуссию в научных кругах постановления ЕСПЧ вызывали и ранее³, вопрос о необходимости какого-либо механизма проверки не поднимался, пока они не затронули непосредственно положения Конституции РФ, содержащиеся в особо защищаемых ее статьях.

Анализ данного направления деятельности Конституционного Суда представляется достаточно затруднительным в виду ограниченности соответствующей практики: во-первых, с момента обретения данного полномочия Судом прошел достаточно ограниченный период времени и было вынесено только два Постановления⁴, во-вторых, оба Постановления касались практики только одного такого органа - Европейского суда по правам человека. При этом, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности их исполнения, его решения, как представляется, носили все же компромиссный характер.

Предоставленное полномочие Конституционный Суд реализовал впервые в 2016 г. при

² ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ.

³ Например: «Ilaşcu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99), «Catan and others v. Moldova and Russia»; «Konstantin Markin V. Russia». (Application № 30078/06).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2017. № 5. ст. 866; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2017. № 5. ст. 866.

рассмотрении возможности исполнения Постановления ЕСПЧ «*Anchugov and Gladkov v. Russia*»⁵. В Постановлении Европейский Суд, при отсутствии четкой регламентации со стороны Конвенции, опираясь на внутригосударственную практику государств-участников Совета Европы, при толковании ее положений, констатировал наличие общеевропейского консенсуса, согласно которому установление ограничений активного избирательного права лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, противоречит положениям Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. В результате вывод Суда вступил в противоречие с четким установлением ст. 32 Конституции РФ, согласно которой граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными. Особый статус 2 главы Конституции РФ не позволял исполнить данное Постановление путем внесения изменений в текст Основного Закона.

Вместе с тем, несмотря на признание Конституционным Судом невозможности исполнения Постановления в части мер общего характера, его позиция, изложенная в Постановлении⁶, носит достаточно компромиссный характер, она не исключает возможность дифференцированного подхода к регулированию данного вопроса на законодательном уровне.

Конституционная реформа 2020 г. внесла изменения, которые расширили полномочия Конституционного Суда в сфере контроля в отношении актов межгосударственных органов.

Содержание п. «б» ст. 125 Конституции РФ имеет достаточно сложную структуру: в ней присутствуют две группы международных органов, причины проверки решений которых на конституционность различны. В первом случае речь идет о решениях межгосударственных органов, содержащих такую интерпретацию договора, которая вступает в противоречие с Конституцией РФ, во втором упоминаются международные суды, включая арбитраж, решения которых по мнению заявителей противоречат основам публичного порядка РФ. Из этого можно сделать вывод, что первая группа органов относится к международному механизму защиты прав и свобод человека, несмотря на то что в последней редакции Закона данная конкретизация была исключена. Таким образом используемая в Конституции РФ и отраслевом законодательстве формулировка «решения межгосударственных органов», стала достаточно широкой [Ромашов, 2017, 132], охватывающей всю систему данных международных органов. Исходя из международных обязательств в области прав человека, это могут быть как судебные органы (Европейский Суд по правам человека), так и группа правозащитных органов системы ООН: «квазисудебные» органы – комитеты по правам человека ООН, Рабочая группа по произвольным задержаниям и т.д. Отсутствие широкой практики по рассматриваемой категории дел несколько затрудняет ее анализ.

Вопрос о необходимости проверки решения международного органа исключительно в отношении аспекта истолкования международного договора, связан в первую очередь с тем обстоятельством, что сами международные договоры, в установленном порядке подписанные, ратифицированные и являющиеся частью правовой системы Российской Федерации, считаются соответствующими Конституции РФ. Данный тезис нашел отражение в Постановлении

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «*Anchugov and Gladkov v. Russia*» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05).

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П. В нем Конституционный Суд отметил, что «международный договор, который при присоединении к нему РФ как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, предававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, соответствовал Конституции РФ, впоследствии посредством одного лишь толкования (особенно при достаточной степени абстрактности его норм) был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с положениями Конституции РФ, прежде всего относящимся к правам и свободам человека и гражданина, основам конституционного строя, а также государственному суверенитету и высшей юридической силе Конституции РФ»⁷.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в Конституции РФ реализован определенный баланс между возможностью рецепции (восприятием) российской правовой системой международно-правовых стандартов, способствующих ее развитию, выполнением государством своих международных обязательств и наличием системы механизмов, препятствующих проникновению в систему тех элементов международного права, которые вступают в противоречие с отдельными ее компонентами, нивелируют национальные культурные, правовые и иные ценности [Ряховская, 2022, 55]. Причем эталонным критерием во всех случаях выступает в силу своей особой правовой природы Основной закон.

Библиография

1. Абдрашитова В.З. Теоретико-правовые основы исполнения решений Европейского суда по правам человека: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 29 с.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. 512 с.
3. Зимненко Б.Л. Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России // Российский ежегодник международного права. 2001. СПб., 2001. 318 с.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Anchugov and Gladkov v. Russia» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05).
5. Постановление Европейского Суда по правам человека: «Ilaşcu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».
7. Ромашов П.А. О некоторых новых полномочиях Конституционного Суда РФ // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. М., 2017. С. 128-135.
8. Ряховская Т.И. Этапы и пределы интернационализации конституционного права России // Вестник ВУиТ. 2022. № 2 (101). С. 51-56.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ 2015. № 6.

9. Туманов В.А. Выступление на всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия» // Государство и право. 1996. № 2. С. 3-29.
10. Федеральный закон РФ «О международных договорах Российской Федерации».
11. ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 № 7-ФКЗ.
12. Шарнина Л.А. Пределы усмотрения при интернационализации конституционного права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 8-18.
13. Эбзеев Б.С. Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // Правоведение. 1996. № 1. С. 5-15.
14. Konstantin Markin V. Russia. (Application № 30078/06).

Conditions and constitutional limitations of the reception of international legal standards in the Russian Federation

Mikhail F. Kosolapov

PhD in Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
410056, 104, Chernyshevskogo str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kosolapov_mf@mail.ru

Abstract

Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the author in this paper examines the mechanism of reception of international legal standards into the Russian legal system, which is embedded in national law. The paper identifies and analyzes two traditional types of reception: one-time and direct. The greatest attention is paid to the consideration of the direct form of borrowing, since it has not only received constitutional consolidation, but is also directly related to law enforcement, ensures the implementation of norms and other elements of international law in a continuous mode. At the same time, the author notes that the approach implemented in the text of the Basic Law is quite balanced. At the same time, it is noted that the establishment by the norms of the constitutions of the general parameters of the reception of elements of international law does not imply that this process is not limited by anything. The constitutional consolidation of hierarchy in the system of national and international norms is considered as one of the «barriers». The article pays special attention to the role of constitutional justice in the process of ensuring the balance of international legal standards within the national legal system.

For citation

Kosolapov M.F. (2023) *Usloviya i konstitutsionnye ogranicheniya retseptsii mezhdunarodno-pravovykh standartov v RF* [Conditions and constitutional limitations of the reception of international legal standards in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 48-57. DOI: 10.34670/AR.2023.26.28.006

Keywords

Reception, legal borrowings, Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court, constitutional control, legal protection, implementation, international law, international legal standards.

References

1. Abdrashitova V.Z. (2008) *Teoretiko-pravovye osnovy ispolneniya reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka. Doct. Dis.* [Theoretical and legal foundations for the execution of decisions of the European Court of Human Rights. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Avak'yan S.A. (1997) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. Moscow.
3. Ebzeev B.S. (1996) Pryamoe deistvie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (nekotorye metodologicheskie aspekty) [Direct action of the Constitution of the Russian Federation (some methodological aspects)]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1, pp. 5-15.
4. *Federal'nyi zakon RF «O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation "On International Treaties of the Russian Federation"].
5. *FKZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi konstitutsionnyi zakon «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii» ot 14 dekabrya 2015 № 7-FKZ* [Federal Constitutional Law "On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" dated December 14, 2015 No. 7-FKZ].
6. *Konstantin Markin V. Russia. (Application № 30078/06).*
7. *Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 g. po delu «Anchugov and Gladkov v. Russia» (Applications nos. 11157/04 and 15162/05)* [Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013 in "Anchugov and Gladkov v. Russia" (Applications nos. 11157/04 and 15162/05)].
8. *Postanovlenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka: «Ilascu and others v. Moldova and Russia» (Application № 48787/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights: "Ilascu and others v. Moldova and Russia" (Application No. 48787/99)].
9. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 aprelya 2016 g. № 12-P «Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstitutsiei Rossiiskoi Federatsii Postanovleniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu «Anchugov i Gladkov protiv Rossii» v svyazi s zaprosom Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2016 No. 12-P "On the case of resolving the issue of the possibility of enforcement in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the Judgment of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of "Anchugov and Gladkov v. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation"].
10. Romashov P.A. (2017) O nekotorykh novykh polnomochiyakh Konstitutsionnogo Suda RF [On some new powers of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: *Sed'moi permskii kongress uchenykh-yuristov* [Seventh Perm Congress of Legal Scientists]. Moscow.
11. Ryakhovskaya T.I. (2022) Etapy i predely internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava Rossii [Stages and limits of the internationalization of the constitutional law of Russia]. *Vestnik VUiT* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev], 2 (101), pp. 51-56.
12. Sharnina L.A. (2018) Predely usmotreniya pri internatsionalizatsii konstitutsionnogo prava [Limits of discretion in the internationalization of constitutional law]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of VSU. Series: Law], 1, pp. 8-18.
13. Tumanov V.A. (1996) Vystuplenie na vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiiskaya pravovaya sistema i mezhdunarodnoe pravo: sovremennyye problemy vzaimodeistviya» [Speech at the All-Russian Scientific and Practical Conference "Russian Legal System and International Law: Modern Problems of Interaction"]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2, pp. 3-29.
14. Zimnenko B.L. (2001) Sootnoshenie mezhdunarodno-pravovykh i vnutrigosudarstvennykh norm v pravovoi sisteme Rossii [Correlation of international legal and domestic norms in the legal system of Russia]. In: *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 2001* [Russian Yearbook of International Law. 2001]. St. Petersburg.

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2023.86.31.007

Анализ состояния административно-правового регулирования мониторинга правоприменения в деятельности органов внутренних дел

Богатырева Юлия Владимировна

Майор внутренней службы, адъютант,
Академия управления МВД России,
125993, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: simply19@mail.ru

Аннотация

Мониторинг правоприменения в действующей системе государственного управления отражается оптимальной процедурой, обеспеченной со стороны законодательства. На данный момент задачей государства и специально уполномоченных органов, в частности, органов внутренних дел, является обеспечение оптимальности применения нормативно-правовых актов и положений, исключение возможности нарушения прав и свобод, интересов граждан, а также достижение оптимального функционирования гражданского общества и государства, в целом. Административно-правовое регулирование процесса мониторинга правоприменения отражается плодотворным воздействием норм административного права на процесс проверки нормативно-правовых актов для установления соответствия их содержания качественному функционированию гражданского общества, ликвидации их неточностей, противоречия иным нормам действующего законодательства РФ. Можно сделать вывод о том, что для эффективного осуществления мониторинга правоприменения в действующей правовой системе важно плодотворное претворение в жизнь имеющихся материалов реализуемого контроля над оптимальностью и законностью положений нормативно-правовых актов. Стоит сказать о том, что важность формирования и установления особого нормативно-правового регулирования в области осуществления правового мониторинга, в целом, не вызывает никаких сомнений.

Для цитирования в научных исследованиях

Богатырева Ю.В. Анализ состояния административно-правового регулирования мониторинга правоприменения в деятельности органов внутренних дел // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 58-64. DOI: 10.34670/AR.2023.86.31.007

Ключевые слова

Мониторинг правоприменения, ОВД, административно-правовое регулирование, Центр мониторинга законодательства и правоприменения, административное право.

Введение

Мониторинг правоприменения в действующей системе государственного управления отражается оптимальной процедурой, обеспеченной со стороны законодательства. Относительно принятия базовых нормативно-правовых актов, которые определили нормативную основу проведения мониторинга правоприменения, а именно – Указа Президента РФ, который утвердил Положение о мониторинге правоприменения, а также внедрившего методику реализации этого мониторинга, Постановления Правительства РФ, накоплен достаточный опыт для установления присутствующих недостатков и достоинств рассматриваемого правового института. Его потенциал, с учетом присутствующих условий и достигнутых результатов – неполноценно раскрыт.

Процессы реализации мониторинга правоприменения начали формироваться еще в начале 21 века со стороны Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. При этом основная работа в данной области была начата параллельно с административной реформой. Сегодня административно-правовое регулирование мониторинга правоприменения выделяется как целенаправленная работа по применению норм административного права, воздействию их на обеспечение процесса проверки нормативно-правовых актов, правовой системы, позволяющей защищать права, свободы и интересы граждан и функционирования гражданского общества, деятельности государства, в целом.

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования были задействованы нормативно-правовые акты, регулирующие область проведения мониторинга правоприменения, а также данные официального сайта Центра правового мониторинга.

В процессе исследования были использованы следующие методы исследования: анализ и синтез, сравнение и обобщение, структурный-функциональный анализ, анализ документов.

Результаты

Реализуемые изменения в законодательстве РФ, а также трансформация функционирования и условий деятельности государственных систем, создают обоснование для уточнения и контроля за используемыми правовыми актами. При этом создается множество положений, непосредственно направленных на уточнение содержания используемых нормативных актов, применяемых в деятельности тех или иных органов.

Сегодня деятельность органов ОВД важна для создания области контроля над применением нормативно-правовых актов, выявления тех, которые по своему содержанию утратили свою силу [Грунина, Илькив, 2020].

С помощью мониторинга правоприменения сегодня стало возможным следующее:

- установление того, достаточно ли обоснована законность того или иного нормативно-правового акта;
- выявление оптимальности соблюдения норм права, относительно контроля ОВД;
- установление противоречий действующих норм законодательства разного рода международным нормативно-правовым актам;
- обеспечение всестороннего взаимодействия сотрудников ОВД и компетентными органами в процессе изучения содержания законодательного акта;

- поиск информации об области использования нормативно-правовых актов, использования ее для отдельных целей, среди которых совершенствование законодательства, создания государственных программ, необходимых для обеспечения соответствующей экономической поддержки со стороны властей [Альбицкий, 2023].

Чтобы улучшить работу органов внутренних дел, мониторинг правоприменения важно применять для:

- активной систематизации присутствующих нормативно-правовых актов, которые важно принимать только относительно направлений работы ОВД;
- создания системы учета и использования поисковых систем для выявления устаревших и дублирующих норм, их плодотворной ликвидации в будущем;
- совершенствования ведомственного процесса нормотворчества, который выделяется как инструмент стабилизации правоприменения и увеличения его качества [Русская, Бутенко, 2022].

С помощью мониторинга правоприменения возможно качественное выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве, ликвидация недействующих или устаревших нормативно-правовых актов, которые напрямую влияют на область работы ОВД. Ликвидация данных пробелов позитивно влияет на формирование успешного механизма нормотворческого процесса.

Проблемы нормативно-правового регулирования и организации деятельности органов внутренних дел до сих пор вызывают научный и практический интерес ввиду того, что невозможно представить совершенный механизм нормотворчества без детального анализа предыдущего этапа становления и развития ведомственного нормотворчества ОВД. Несомненно, особое место и роль в масштабе ведомственного регулирования имеет нормотворческий процесс [Русская, 2023].

Данная деятельность регламентируется блоком подзаконных нормативных актов, однако, еще раз отмечая специфику ведомства Министерства внутренних дел Российской Федерации, важно отметить, что режим делопроизводства и режим секретности должны быть соблюдены; таким образом, возникает необходимость в разработке собственного ведомственного нормативного правового акта, который должным образом будет регулировать данные отношения. На сегодняшний день к существенной проблеме следует отнести процесс систематизации ведомственных нормативных актов, которые должны быть подвергнуты данному процессу в ближайшее время.

В органах внутренних дел немаловажен процесс обобщения практики применения законодательства, прямо касающегося деятельности МВД России, который применяют в процессе разработки предложений по совершенствованию действующего ведомственного законодательства, а также подготовки законопроектов нормативных актов, непосредственно связанных с деятельностью органов внутренних дел.

Еще одна проблема заключается в нестабильности правового порядка в рамках сложившейся системы права, ввиду чего и прослеживается обильное количество различных изменений и дополнений в данные источники. Следует заметить, что до сих пор действуют ведомственные нормативные акты, которые не соответствуют требованиям общественности и в значительном объеме несут противоречивость в аспекте средств юридической техники и содержат серьезные ошибки [Русская, Бутенко, 2022].

В России действует Центр мониторинга законодательства и правоприменения, сформированный в виде структурного подразделения МГЮА. Основная его деятельность

реализуется в рамках отбора предложений от общественных организаций и отдельных граждан в области развития системы права, проведения системного анализа правоприменительной практики и действующей области законодательства. На наш взгляд, стоит некоторым образом расширить его полномочия, чтобы он мог напрямую взаимодействовать с предпринимательским сообществом, а также органами прокуратуры РФ и даже правоохранительными органами.

Сегодня, в целом, довольно обусловленным нововведением является осуществление некоторых мероприятий для повышения успешности мониторинга правоприменения:

- закрепление с юридической стороны отдельных правил осуществления альтернативного правового мониторинга, которые будут отражены в Положении о мониторинге правоприменения в РФ;
- увеличить практику процесса заключения соглашений между органами прокуратуры и отдельными организациями, которые принимают участие в мониторинге правоприменения;
- повысить уровень взаимодействия выделенного ранее центра мониторинга и разного рода представителей предпринимательских структур, правоохранительными органами, органами прокуратуры.

Обсуждение

Согласно практике реализации мониторинга правоприменения возможно плодотворно оптимизировать систему законодательства и правовую систему, нормативно-правовые акты, тем самым, трансформировать и изменить согласно приоритетам и потребностям направления государственной политики. Соответственно, можно заметить, что влияние мониторинга проявляется на создание оптимальной правовой системы относительно позиции права в виде идейной базы для проявления работы государства и отдельных уполномоченных органов.

На данный момент мониторинг правоприменения определяется качественным инструментом для осуществления исследования уровня эффективности использования нормативных актов, а также создания способов их совершенствования, что существенно помогает увеличению успешности деятельности органов внутренних дел РФ.

Наблюдается весомое число проблем, затрагивающих процесс использования обособленных нормативно-правовых актов. Мониторинг правоприменения становится инструментом для поиска, контроля и выявления состояния действующих правовых норм. Такие нормы в будущем могут помочь деятельности органов внутренних дел, в случае трансформации действующей нормативно-правовой области, обновления задач субъектов правоприменения.

Применяемые административно-правовые инструменты поддержания высокого качества работы по осуществлению мониторинга правоприменения сегодня базируются на четкой регламентации процесса его реализации, учета основных принципов и потребностей государства, современного общества в организации оптимального согласования имеющихся документов и законопроектов для исключения их дублирования или противоречия друг другу.

Заключение

Эффективность системы права Российской Федерации неразрывно связана с проблемой оценки качества нормативных правовых актов и их дальнейшим совершенствованием. Путем

оценки эффективности нормативного правового акта определяется степень урегулированности соответствующих общественных отношений, выявляются пробелы, коллизии и противоречия, как между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы, так и между актами разных уровней. Это обеспечивает научно обоснованный подход к выбору направлений совершенствования законодательства и, в конечном счете, внутреннюю согласованность системы права в целом.

Посредством правового мониторинга определяется степень урегулированности соответствующих общественных отношений, выявляются пробелы, устраняются коллизии и противоречия, как между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы, так и между федеральным и региональным законодательством.

Следовательно, мониторинг должен способствовать разработке предложений по совершенствованию законодательства, его обновлению и, в конечном счете, обеспечивать внутреннюю согласованность правовой системы в целом.

Получаемые от мониторинга правоприменения результаты помогают повышать успешность правовой системы государства, а также улучшения состояния общей государственной политики. Исследование докладов по результатам мониторинга правоприменения в 2021 и 2022 году показало, что сформировалась позитивная практика в осуществлении материалов данного мониторингов, а все выявленные вопросы и недостатки включены в законопроектную работу Правительства РФ.

Со стороны ОВД предлагаются соответствующие пути по ликвидации противоречий и неполноты осуществления правового регулирования, при этом назначаются ответственные органы за корректировку и подготовку отдельных законопроектов. Можно сделать вывод о том, что для эффективного осуществления мониторинга правоприменения в действующей правовой системе важно плодотворное претворение в жизнь имеющихся материалов реализуемого контроля над оптимальностью и законностью положений нормативно-правовых актов. Стоит сказать о том, что важность формирования и установления особого нормативно-правового регулирования в области осуществления правового мониторинга, в целом, не вызывает никаких сомнений.

Библиография

1. Альбицкий А.Г. Правовой мониторинг в деятельности правоохранительных органов в виде средства правовой политики: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых. 2023. № 2. С. 3-7.
2. Грунина В.А., Илькив А.А. Мониторинг правоприменения как один из видов деятельности органов государственной власти Российской Федерации // Российская государственность в пространственном измерении: опыт, стратегии, перспективы развития. 2020. № 2. С. 114-118.
3. Официальный сайт Центра правового мониторинга. URL: <https://legal-monitoring.ru>
4. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации».
5. Русская А.А. Значение мониторинга законодательства в правоприменении в правовой системе // Теоретические основы правовой политики в современной России. 2023. № 2. С. 164-167.
6. Русская А.А., Бутенко Т.П. Мониторинг законодательства и правоприменения как правовое средство в системе права // Вестник амурского государственного университета. 2022. № 98. С. 33-37.
7. Русская А.А., Бутенко Т.П. Понятие и сущность мониторинга законодательства и правоприменения как самостоятельного правового института // Аспирант. 2022. № 3. С. 39-42.
8. Уваров А.А. О принципах мониторинга правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2022. № 1. С. 56-60.
9. Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (ред. от 06.02.2023) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

Analysis of the state of administrative and legal regulation of law enforcement monitoring in the activities of internal affairs bodies

Yuliya V. Bogatyreva

Major of the Internal Service, Adjunct,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125993, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str.,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: simply19@mail.ru

Abstract

Monitoring of law enforcement in the current system of public administration is reflected in the optimal procedure provided by the legislation. At the moment, the task of the state and specially authorized bodies, in particular, internal affairs bodies, is to ensure the optimal application of normative legal acts and regulations, to exclude the possibility of violation of the rights and freedoms, interests of citizens, as well as to achieve optimal functioning of civil society and the state as a whole. The administrative and legal regulation of the law enforcement monitoring process is reflected by the fruitful impact of the norms of administrative law on the process of checking normative legal acts to establish their compliance with the qualitative functioning of civil society, eliminate their inaccuracies, contradictions with other norms of the current legislation of the Russian Federation. It can be concluded that for the effective monitoring of law enforcement in the current legal system, it is important to fruitfully implement the available materials of ongoing control over the optimality and legality of the provisions of regulatory legal acts. It should be said that the importance of the formation and establishment of special legal regulation in the field of legal monitoring, in general, is beyond doubt.

For citation

Bogatyreva Yu.V. (2023) Analiz sostoyaniya administrativno-pravovogo regulirovaniya monitoringa pravoprimereniya v deyatel'nosti organov vnutrennikh del [Analysis of the state of administrative and legal regulation of law enforcement monitoring in the activities of internal affairs bodies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 58-64. DOI: 10.34670/AR.2023.86.31.007

Keywords

Monitoring of law enforcement, ATS, administrative and legal regulation, Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement, administrative law.

References

1. Al'bitskii A.G. (2023) Pravovoi monitoring v deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v vide sredstva pravovoi politiki: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Legal monitoring in the activities of law enforcement agencies as a means of legal policy: Russian and foreign experience]. *Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki i praktiki: vzglyad molodykh uchenykh* [Actual problems of legal science and practice: the view of young scientists], 2, pp. 3-7.
2. Grunina V.A., Il'kiv A.A. (2020) Monitoring pravoprimereniya kak odin iz vidov deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii [Law enforcement monitoring as one of the activities of state authorities of the Russian Federation].

- Federation]. *Rossiiskaya gosudarstvennost' v prostranstvennom izmerenii: opyt, strategii, perspektivy razvitiya* [Russian statehood in the spatial dimension: experience, strategies, development prospects], 2, pp. 114-118.
3. *Ofitsial'nyi sait Tsentra pravovogo monitoringa* [Official website of the Legal Monitoring Center]. Available at: <https://legal-monitoring.ru> [Accessed 06/06/2023]
 4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2011 № 694 «Ob utverzhdenii metodiki osushchestvleniya monitoringa pravoprimeneniya v Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2011 No. 694 "On approval of the methodology for monitoring law enforcement in the Russian Federation"].
 5. Russkaya A.A. (2023) Znachenie monitoringa zakonodatel'stva v pravoprimeneni v pravovoi sisteme [The value of monitoring legislation in law enforcement in the legal system]. *Teoreticheskie osnovy pravovoi politiki v sovremennoi Rossii* [Theoretical foundations of legal policy in modern Russia], 2, pp. 164-167.
 6. Russkaya A.A., Butenko T.P. (2022) Monitoring zakonodatel'stva i pravoprimeneniya kak pravovoe sredstvo v sisteme prava [Monitoring of Legislation and Law Enforcement as a Legal Means in the System of Law]. *Vestnik amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State University], 98, pp. 33-37.
 7. Russkaya A.A., Butenko T.P. (2022) Ponyatie i sushchnost' monitoringa zakonodatel'stva i pravoprimeneniya kak samostoyatel'nogo pravovogo instituta [The concept and essence of monitoring legislation and law enforcement as an independent legal institution]. *Aspirant* [Postgraduate], 3, pp. 39-42.
 8. *Ukaz Prezidenta RF ot 20.05.2011 № 657 (red. ot 06.02.2023) «O monitoringe pravoprimeneniya v Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation of May 20, 2011 No. 657 (as amended on February 6, 2023) "On monitoring law enforcement in the Russian Federation"].
 9. Uvarov A.A. (2022) O printsipakh monitoringa pravoprimeneniya [On the principles of law enforcement monitoring]. *Monitoring pravoprimeneniya* [Law enforcement monitoring], 1, pp. 56-60.

УДК 342.9

DOI: 10.34670/AR.2023.49.20.008

Об аспектах деятельности органов внутренних дел по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом

Сысолетина Оксана Георгиевна

Адъюнкт,
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: Sysoletina@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется административная деятельность органов внутренних дел по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Определены и изучены составляющие эту деятельность направления. На основе проведенного анализа выделены характерные черты данной деятельности, в частности относительно непродолжительное осуществление этой деятельности, начиная с 2016 года; осуществление данной деятельности в отношении специфических субъектов административных правоотношений, относящихся к категории соотечественников; осуществление такой деятельности на территории Российской Федерации и за ее пределами и др.

Для цитирования в научных исследованиях

Сысолетина О.Г. Об аспектах деятельности органов внутренних дел по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 65-73. DOI: 10.34670/AR.2023.49.20.008

Ключевые слова

Содействие, соотечественники, добровольное переселение, административная деятельность, государственная программа.

Введение

Добровольное переселение в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, является составной частью многогранного и сложного общественного явления – миграции.

В рамках Содружества Независимых Государств, участником которого является Российская Федерация, в 2018 году разработан Глоссарий терминов и понятий, используемых государствами – участниками СНГ в пограничной сфере [Постановление от 13 апреля 2018 г. № 47-13, www], где понятие миграция (от лат. *migratio* – переселение, перемещение) определяется как «перемещение физических лиц из одного государства в другое, а также в пределах территории государства вне зависимости от причин этого перемещения», которое рекомендовано для применения в национальном законодательстве. Вместе с тем следует отметить, что такое определение подразумевает исключительно любое пространственное перемещение людей.

В научной литературе множественные подходы к исследованию этого явления обусловили формирование большого количества его определений (около 40) [Горинова, 2010, 117]. При изучении миграции необходимо учитывать не только территориальное перемещение, но также влияющие на это факторы, такие как экономические, экологические, социальные, политические, религиозные и иные факторы, влияющие на индивида или население [Рыбаковский, 2011, 13].

Анализ мнений научных исследователей показал, что в основном миграция воспринимается как стимулируемое или, наоборот, ограничиваемое, но в любом случае регулируемое государством явление, связанное с переселением лиц из внешних либо внутренних административно-территориальных образований [Хабриева, 2019, 80; Капицын, 2023, 37-54].

Основная часть

Следует отметить, что исследователи, рассматривая миграцию, включающую две возможные составляющие, такие как перемещение и переселение, разграничивают их, подразумевая под переселением законченный вид территориального перемещения [Андриченко, Плюгина, 2022, 58]. Такая миграция определяется как безвозвратная.

Характеризуя данное явление, в научной литературе выделяют юридически значимые общие признаки [Андриченко, Плюгина, 2022, 61]:

- перемещение субъекта за либо в пределах государственных или административных границ, связанное с изменением места жительства (навсегда либо на определенный, но достаточно длительный срок);
- приобретение субъектом, осуществляющим перемещение, специального нового правового статуса, регулируемого законодательством и отличного от общего правового статуса (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства).

Исследователи выделяют дополнительные признаки миграции, характеризующие особенности возникающих правоотношений, к которым относят цель миграции, продолжительность миграционного процесса и причины миграции [Жеребцов, 2007, 17-19].

Исходя из изложенного, изучаемое миграционное направление представляет регулируемое государством с осуществлением содействия безвозвратное переселение из-за рубежа в Россию на постоянное место жительства, основанное на осознанном добровольном решении переселяющихся лиц – иностранных граждан или лиц без гражданства, а также граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории иностранных государств. При

этом воспользоваться этой возможностью вправе лицо, относящееся к категории «соотечественник», определение которого закреплено в законодательстве [Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ, 1999].

Сам процесс добровольного переселения в Россию носит разноаспектный характер, в реализации которого задействован достаточно широкий перечень органов исполнительной власти различного уровня.

Что касается органов внутренних дел, то в это относительно «молодое» направление они включены с 2016 года на основании Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» [Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156, 2016], которым упразднена Федеральная миграционная служба с передачей ее функций и полномочий органам МВД России с созданием для исполнения возложенных компетенций, в том числе по исследуемому направлению, специализированной службы – подразделений по вопросам миграции.

При этом в рассматриваемой сфере административная деятельность органов внутренних дел является основополагающей и, имея общие характерные признаки, одновременно обладает специфическими, особенными чертами, присущими исключительно этому направлению.

Прежде всего, такая деятельность осуществляется от имени государства в рамках установленной законодательством компетенции путем реализации государственно-властных полномочий как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами в отношении лиц, пожелавших вернуться на «историческую» родину.

Вместе с тем механизм по содействию переселению соотечественников в Россию (далее – Госпрограмма) [Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637, 2006] действует не на всей территории Федерации, так как регионы при отсутствии потребности их экономики в переселенцах и возможности по их приему и обустройству, а также при наличии рисков его реализации в нем вправе не участвовать¹. В настоящее время этот инструмент действует на территории 80 российских регионов [Интернет-сайт МВД России, www, 2]², Республика Крым, Московская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург и г. Севастополь³, а также новые территории в нем не задействованы. Тем не менее органы внутренних дел указанных российских субъектов выполняют ряд полномочий, предусмотренных в рамках такого направления деятельности. Они уполномочены на принятие заявления об участии в Госпрограмме, в случае если этот регион является регионом проживания заявителя, и направления для рассмотрения посредством информационного ресурса в орган региона, в который обратившийся планирует переселиться [Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 528, 2010].

Работу с проживающими за рубежом соотечественниками уполномочены выполнять представительства (представители) МВД России за рубежом, дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, а также временные группы, функционирующие при данных учреждениях МИДа России в иностранных

¹ Пункт 55 Госпрограммы.

² Калужская область принимает соотечественников, согласованных для участия в Госпрограмме до 1 января 2022 года, и членов их семей. Прием заявлений об участии в Госпрограмме регион в настоящее время не осуществляет.

³ Пункт 47.1 Госпрограммы.

государствах, создаваемые из числа специалистов МВД России, МИДа России и других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти⁴.

Например, в 2021 году за рубежом эту деятельность осуществляли 8 представительств МВД России за рубежом, около 65 загранучреждений МИДа России более чем в 40 государствах, временные группы, функционирующие при 11 загранучреждениях в 7 иностранных государствах. Во временные группы по линии МВД России командировано 40 специалистов [Доклад в Правительство Российской Федерации МВД России об итогах реализации Государственной программы..., [www](#)].

Исполнительно-распорядительный характер административной деятельности, состоящей «...из многочисленных и разнообразных видов нормотворческой, правоприменительной и юрисдикционной деятельности» [Попов, Мигачев, 2019, 6], заключается также в исполнении Конституции Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов.

МВД России, как федеральный орган исполнительной власти, наделено полномочиями [Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, 2016] по разработке и осуществлению мер по реализации государственной политики в сфере внутренних дел, участием в осуществлении российской государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом.

Министерство уполномочено осуществлять нормативно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере, а также при необходимости обладает возможностью вносить предложения Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации по совершенствованию и принятию правовых актов, необходимых для выполнения предусмотренных мероприятий.

На МВД России возложено осуществление методического обеспечения разработки уполномоченными органами исполнительной власти российских субъектов, на территории которых реализуется установленный механизм по содействию переселению соотечественников, своих региональных программ, направленных на такое содействие⁵, а также осуществление процедуры их согласования Правительством Российской Федерации [Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. № 818, 2013].

Также МВД России, помимо осуществления контроля за деятельностью подчиненных органов, наделено полномочиями надведомственного характера. Министерство определено координатором реализации исследуемого механизма с возложением на него полномочий по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принимающих участие в реализации Госпрограммы [Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637, [www](#)]. Ведомство уполномочено осуществлять и контроль за ходом реализации Госпрограммы.

В рамках своей компетенции МВД России также обеспечивает контроль за целевым расходованием средств федерального бюджета, направляемых на реализацию мер, установленных в изучаемой сфере, в том числе органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации⁶.

Административная деятельность органов внутренних дел, в том числе в рассматриваемой

⁴ Пункт 37 Госпрограммы.

⁵ Пункт 51 Госпрограммы.

⁶ Пункт 60 Госпрограммы.

сфере, состоит из выполнения различных разнородных исполнительно-распорядительных действий должностными лицами, которые уполномочены на их исполнение.

В рамках рассматриваемой деятельности вышеуказанные органы, действующие за рубежом, уполномочены осуществлять работу по информированию о Госпрограмме и углубленному разъяснению ее содержания и предоставляемых в ее рамках возможностей; консультированию по различным вопросам реализации данной программы; содействию в выборе оптимального варианта переселения; подготовке к регистрации переселенцев в качестве участников Госпрограммы; приему заявления об участии в Госпрограмме с необходимым перечнем документов; оформлению, выдаче и замене свидетельства участника Госпрограммы; направлению и получению информации при реализации Госпрограммы; учету желающих добровольно выехать для постоянного проживания в Российскую Федерацию; оформлению (при необходимости) необходимых для переезда в Российскую Федерацию документов, в том числе визы; приему заявления о выдаче разрешения на временное проживание на территории Российской Федерации; наполнению единого централизованного информационного ресурса (банка данных); проведению статистического наблюдения за ходом реализации Госпрограммы.

На территории Российской Федерации аналогичные вышеприведенные функции осуществляются территориальными органами МВД России по субъектам Российской Федерации, которые помимо этого уполномочены на рассмотрение заявления об участии в Госпрограмме и принятие с учетом решения уполномоченного органа субъекта, ответственного за реализацию на его территории Госпрограммы, решения о выдаче свидетельства участника Госпрограммы или об отказе в его выдаче, а также аннулирование данного свидетельства; осуществление регистрации указанных лиц в качестве участников Госпрограммы и членов их семей; осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе получивших статус участников Госпрограммы и членов их семей; оформление соотечественникам разрешения на временное проживание вне установленной Правительством Российской Федерации квоты, вида на жительство, а также их аннулирование; рассмотрение заявлений о приобретении гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке; рассмотрение заявлений на право получения установленных Госпрограммой государственных гарантий и социальной поддержки в зависимости от выбранной территории вселения и предоставление таких гарантий; принятие мер, направленных на возмещение полученной поддержки, в том числе направление лицу, являвшемуся получателем данных мер поддержки, требования о возмещении этих затрат, при наступлении соответствующих случаев, предусмотренных пунктом 29 Госпрограммы, а также в случае, если в установленный срок затраты не возвращены подачу искового заявления в суд.

Все указанные мероприятия регламентированы нормативными правовыми актами с установлением этапов и сроков, необходимых конкретных действий с последовательностью их выполнения. Относительно каждой государственной услуги предусмотрен свой административный регламент государственной функции – инструкция, в иных случаях – соответствующие правила и порядки.

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем возможным определить в качестве характерных признаков административной деятельности органов внутренних дел в исследуемом направлении следующие:

- относительно непродолжительное осуществление этой деятельности, начиная с 2016 года;
- осуществление данной деятельности в отношении специфичных субъектов административных правоотношений, относящихся к категории соотечественников;
- осуществление такой деятельности на территории Российской Федерации и за ее пределами;
- наделение органов внутренних дел субъектов Российской Федерации и действующих на территории иностранных государств различными по объему полномочиями, которые в полном виде установлены для органов, указанных в первом случае;
- установление минимального перечня полномочий для территориальных органов внутренних дел регионов, не участвующих в реализации Госпрограммы;
- предоставление органами внутренних дел переселившимся соотечественникам мер поддержки федерального уровня;
- МВД России является координатором этого направления, осуществляя контроль за деятельностью органов исполнительной власти различного уровня;
- осуществление МВД России методического обеспечения разработки уполномоченными органами исполнительной власти российских субъектов своих программ, направленных на оказание содействия добровольному переселению в субъект соотечественников, а также осуществление процедуры согласования проектов этих программ Правительством Российской Федерации;
- обеспечение МВД России контроля за целевым расходованием средств федерального бюджета, направляемых на реализацию Госпрограммы.

Библиография

1. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. 392 с.
2. Горинова Е.В. Социальная интеграция мигрантов как способ сохранения гомеостазиса системы-реципиента: социально-синергетический подход // Омский научный вестник. Философские науки. 2010. № 3. С. 117-120.
3. Доклад в Правительство Российской Федерации МВД России об итогах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, за 2021 год // СПС «КонсультантПлюс».
4. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации. Краснодар, 2007. 360 с.
5. Интернет-сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2023.
6. Капицын В.М. Миграционная политика: опыт России и зарубежных стран. М.: ИНФРА-М, 2023. 418 с.
7. О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами – участниками СНГ в пограничной сфере: постановление от 13 апреля 2018 г. № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by>.
8. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 22. Ст. 2670.
9. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2820.
10. О порядке согласования проекта программы субъекта Российской Федерации по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2013 г. № 818 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 38. Ст. 4830.
11. О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 15. Ст. 2071.

12. Об организации на территории Российской Федерации работы с соотечественниками, желающими принять участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и о внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. N 817»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2010 г. № 528 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 4101.
13. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (Часть 5). Ст. 7614.
14. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГ-Пресс, 2019. 340 с.
15. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.
16. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2019. 400 с.

On the aspects of the activities of internal affairs bodies to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad

Oksana G. Sysoletina

Adjunct,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125171, 8 Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Sysoletina@mail.ru

Abstract

The article studies the administrative activities of the internal affairs bodies to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation. Based on the analysis, the characteristic features of this activity are highlighted, in particular, the relatively short implementation of this activity, starting from 2016; implementation of this activity in relation to specific subjects of administrative legal relations belonging to the category of compatriots; implementation of such activities on the territory of the Russian Federation and beyond its borders, etc.

For citation

Sysoletina O.G. (2023) Ob aspektakh deyatel'nosti organov vnutrennikh del po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [On the aspects of the activities of internal affairs bodies to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 65-73. DOI: 10.34670/AR.2023.49.20.008

Keywords

Assistance, compatriots, voluntary resettlement, administrative activity, state program.

References

1. Andrichenko L.V., Plyugina I.V. (2022) *Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneni* [Migration legislation of the Russian Federation: development trends and application practice]. Moscow: IZiSP; Norma: INFRA-M Publ.
2. Doklad v Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii MVD Rossii ob itogakh realizatsii Gosudarstvennoi programmy po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, za 2021 god [Report to the Government of the Russian Federation of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the results of the implementation of the State Program to Assist Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad for 2021]. *SPS «Konsul'tantPlyus»* [SPS Consultant].
3. Gorinova E.V. (2010) Sotsial'naya integratsiya migrantov kak sposob sokhraneniya gomeostazisa sistemy-retsipienta: sotsial'no-sinergeticheskii podkhod [Social integration of migrants as a way to preserve the homeostasis of the recipient system: a socio-synergetic approach]. *Omskii nauchnyi vestnik. Filosofskie nauki* [Omsk Scientific Bulletin. Philosophical sciences], 3, pp. 117-120.
4. *Internet-sait MVD Rossii* [Internet site of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Available at: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2023 [Accessed 12/06/2023].
5. Kapitsyn V.M. (2023) *Migratsionnaya politika: opyt Rossii i zarubezhnykh stran* [Migration policy: the experience of Russia and foreign countries]. Moscow: INFRA-M Publ.
6. Khabrieva T.Ya. (2019) *Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Migration law: comparative legal research]. Moscow: IZiSP, Yurisprudentsiya Publ.
7. O Glossarii terminov i ponyatii, ispol'zuemykh gosudarstvami – uchastnikami SNG v pogranichnoi sfere: postanovlenie ot 13 aprelya 2018 g. № 47-13 Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG [On the Glossary of terms and concepts used by the CIS member states in the border area: Resolution of April 13, 2018 No. 47-13 of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States]. *Edinyi reestr pravovykh aktov i drugikh dokumentov SNG* [Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS]. Available at: <http://cis.minsk.by> [Accessed 12/06/2023].
8. O gosudarstvennoi politike Rossiiskoi Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom: feder. zakon ot 24 maya 1999 g. № 99-FZ [On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad: Federal Law No. 99-FZ of May 24, 1999] (1999). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2670* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2670], 22.
9. O merakh po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 22 iyunya 2006 g. № 637 [On measures to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad: Decree of the President of the Russian Federation No. 637 of June 22, 2006] (2006). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2820* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2820], 26.
10. O poryadke soglasovaniya proekta programmy sub"ekta Rossiiskoi Federatsii po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 18 sentyabrya 2013 g. № 818 [On the procedure for agreeing on the draft program of the constituent entity of the Russian Federation to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad: Decree of the Government of the Russian Federation No. 818 of September 18, 2013] (2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4830* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 4830], 38.
11. O sovershenstvovanii gosudarstvennogo upravleniya v sfere kontrolya za oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh prekursorov i v sfere migratsii: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 5 aprelya 2016 g. № 156 [On the improvement of public administration in the field of control over the circulation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and in the field of migration: Decree of the President of the Russian Federation No. 156 of April 5, 2016] (2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 2071* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 2071], 15.
12. Ob organizatsii na territorii Rossiiskoi Federatsii raboty s sootchestvennikami, zhelayushchimi prinyat' uchastie v Gosudarstvennoi programme po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, i o vnesenii izmenenii v Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 dekabrya 2006 g. N 817»: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15 iyulya 2010 g. № 528 [On the organization on the territory of the Russian Federation of work with compatriots who wish to take part in the State Program to Assist Voluntary Resettlement to the Russian Federation of Compatriots Living Abroad, and on Amendments to Decree of the Government of the Russian Federation of December 28, 2006 No 817: Decree of the Government of the Russian Federation No. 528 of July 15, 2010] (2010). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 4101* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 4101], 30.
13. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po sub"ektu Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21 dekabrya 2016 g. № 699 [On the approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal

-
- Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 699 of December 21, 2016] (2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF. St. 7614* [Collection of Legislation of the Russian Federation. Art. 7614], 52 (part 5).
14. Popov L.L., Migachev Yu.I. (2019) *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative law of the Russian Federation], 2nd ed. M.: RG-Press Publ.
 15. Rybakovskii L.L. (2001) *Migratsiya naseleniya. Vyp. 5: Stadii migratsionnogo protsessa. Prilozhenie k zhurnalu «Migratsiya v Rossii»* [Population migration. Issue. 5: Stages of the migration process. Supplement to the journal "Migration in Russia"]. Moscow.
 16. Zherebtsov A.N. (2007) *Pravovoe regulirovanie migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii* [Legal regulation of the migration policy of the Russian Federation]. Krasnodar.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.83.58.010

Основы судебной системы княжества Монако

Чувахин Петр Игоревич

Кандидат юридических наук,
преподаватель департамента международного и публичного права,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
старший преподаватель кафедры международного права,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена основам судебной системы княжества Монако. Конституционные основы организации судебной власти Княжества Монако определены в Главе 10 «Правосудие» Конституции Княжества Монако, принятой 17 декабря 1962 года. Так, положения Главы 10 Конституции Княжества закрепляют принцип «делегированного правосудия», согласно которому судебная власть принадлежит Князю, который полностью делегирует свои полномочия судам и трибуналам (ст. 88). (При осуществлении правосудия к единственным полномочиям, принадлежащим Князю, относятся предоставление помилования и амнистия (ст. 15)). Судебные органы отправляют правосудие от имени Князя (ст. 88). Эта передача полномочий соответствует другому основополагающему принципу верховенства права – разделению административных, законодательных и судебных функций, что также закреплено в Конституции (ст. 6). Конституцией Княжества гарантируется принцип независимости судей (ст. 88). В целях обеспечения независимости судебных органов в Конституции также указывается, что организация, компетенция и деятельность трибуналов, а также статус судей устанавливаются законом (ст. 88). Конституция Княжества определяет юрисдикцию, компетенцию и основы формирования Верховного суда Княжества Монако (ст.ст.89, 90, 91). Конституция Княжества указывает, что организация и деятельность Верховного суда Княжества определяются Суверенным ордонансом (ст. 92).

Для цитирования в научных исследованиях

Чувахин П.И. Основы судебной системы княжества Монако // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2023.83.58.010

Ключевые слова

Судебные системы, Княжество Монако, Верховный суд Монако, Высший совет судей и прокуроров Монако, право.

Введение

В соответствии со ст. 89 Конституции Княжества и ст. 11 Закона «Об управлении и организации судебной системы» № 1.398 от 24 июня 2013 г. Судебную систему страны составляют: Верховный суд Княжества Монако; мировой судья; суд первой инстанции и уголовный суд; апелляционный суд и суд по пересмотру судебных решений (кассационный суд). Кроме того, существуют специализированные суды. Их деятельность определяется специальными законами.

Основная часть

Высший совет судей и прокуроров Княжества Монако (далее – Высший совет) учрежден в соответствии с Законом «О статусе судебных органов» № 1.364 от 16 ноября 2009 г. (в редакции от 28 мая 2015 г.). Высший совет является коллегиальным органом, наделенным важной ролью в обеспечении функционирования судебной системы.

Во-первых, цель Высшего совета заключается в обеспечении справедливости, равного отношения и всех принципов, которые правовое государство должно соблюдать при назначении судей.

Во-вторых, Высший совет также должен обладать дисциплинарными полномочиями в отношении судей.

Наконец, Высший совет может консультироваться с Князем по любому вопросу, касающемуся организации и функционирования судебной системы.

Высший совет состоит из семи членов:

- Секретарь юстиции, президент.
- Первый Председатель кассационного суда, вице-президент.
- Полноправный член Королевского совета.
- Полноправный член, назначенный Национальным советом.
- Полноправный член, назначенный Верховным судом.
- Два члена, которые избираются судьями.

Кроме того, кассационный суд, Королевский совет, Национальный совет и Верховный суд также назначают по 1 альтернативному члену, еще 2 альтернативных члена также избираются судьями.

Полноправные и альтернативные члены назначаются или избираются на четырехлетний срок с возможностью переназначения/переизбрания.

В соответствии со ст. 23 Закона «О статусе судебных органов» назначенные и избранные члены Высшего совета не имеют статуса судьи, адвоката или государственного служащего.

Когда Высший совет заседает по дисциплинарным вопросам и становится органом обвинения, он функционирует не под председательством секретаря юстиции, а под председательством приглашенного для такого случая председателя апелляционного суда.

Верховный суд (Le Tribunal Suprême)

Конституция Монако, принятая в 1962 г., подтверждает создание Верховного суда (ст. 90). Более подробные правила, касающиеся его организации и функционирования, были установлены суверенным ордонансом № 2.984 от 16 апреля 1963 г. (в редакции от 15 сентября 2016 г.).

Основной компетенцией Верховного суда является рассмотрение административных

споров, толкование решений административных органов, суверенных ордонансов, а также обеспечение исполнения всех прав и свобод, закрепленных частью 3 Конституции Княжества.

Верховный суд состоит из пяти полноправных членов и двух заместителей, назначаемых Князем сроком на четыре года по предложению Национального совета, Государственного совета, Королевского совета, Апелляционного суда и Суда первой инстанции. Каждый из этих органов предлагает полноправного члена (не из их состава). Национальный совет и Государственный совет также предлагают еще и альтернативного члена. На каждое место в Суде предлагается по две кандидатуры, из которых выбирает Князь.

Члены Верховного суда назначаются суверенным постановлением Князя, согласно которому также назначаются из числа избранных членов Председатель/Президент Суда и Вице-президент, который исполняет обязанности Президента в случае отсутствия Президента или невозможности исполнения обязанностей по состоянию здоровья.

Согласно ст. 2 суверенного ордонанса № 2.984 от 16 апреля 1963 г. (*с внесенными изменениями от 19 июня 2015 г. суверенным ордонансом № 5.371*), члены Верховного суда должны быть не моложе 40 лет и должны избираться из числа особо компетентных юристов. На практике членами являются либо видные профессора публичного права, либо старшие французские судьи из Государственного совета или Кассационного суда. Судьи Верховного суда несменяемы. Их полномочия могут быть прекращены лишь в следующих случаях:

- личное заявление об отставке;
- невозможность исполнять свои обязанности;
- отстранение от занимаемой должности в случае нарушения законодательства Княжества, а также неисполнения своих прямых обязанностей.

В соответствии со ст. 90 Конституции Княжества, к юрисдикции Верховного суда относятся как административные, так и конституционные вопросы.

В соответствии со статьей 91 Конституции Княжества Верховный трибунал принимает решение либо в пленарном заседании из пяти членов, либо административной секцией из трех членов.

Он собирается и принимает решения в пленарном заседании.

1. В конституционной области.
2. Как судья по конфликтам о компетенции.

Во всех остальных случаях он собирается и принимает решения в качестве административной секции.

Мировой судья (*La Justice de Paix*)

В соответствии с законом «Об управлении и организации судебной системы» № 1.398 от 24 июня 2013 г. мировой судья представляет собой суд первой инстанции. Как следует из его названия, его главная обязанность по гражданским делам состоит в том, чтобы по возможности примирить стороны, а также выносить решения по искам на сумму, не превышающую 4600 евро. При рассмотрении уголовных дел о нарушениях закона мировой судья председательствует в полицейском суде. Он также отвечает за председательство в судебной коллегии Трибунала по трудоустройству (статья 33 Закона № 446 от 16 мая 1946 г.), за вопросы по спорам, связанным с избранием профсоюза работников (закон 459 от 19 июля 1947 г.).

В отличие от Суда первой инстанции, который обладает общей юрисдикцией, мировой судья может выносить решения по вопросам, которые конкретно ему поручены законом.

Суд первой инстанции (*Le Tribunal de Première Instance*)

Организация и деятельность суда первой инстанции регламентируется законом «Об

управлении и организации судебной системы» № 1.398 от 24 июня 2013 г. и частью второй гражданско-процессуального кодекса Княжества Монако (*Code de procédure civile*).

Суд первой инстанции представляет собой коллегиальный суд, который заслушивает гражданские дела (суд первой инстанции) и уголовные дела о мисдиминорах (мелких уголовных преступлениях) (исправительный суд).

Таким образом, все судьи, заседающие в суде первой инстанции, могут заслушивать как гражданские, так и уголовные дела.

Суд первой инстанции заслушивает все гражданские или коммерческие дела, которые по своей природе или ценности (стоимость иска больше 4600 евро) выходят за рамки юрисдикции мирового судьи.

Суд первой инстанции рассматривает все дела, отличные от тех, по которым Верховный суд или другой суд обладает юрисдикцией в соответствии с конституцией или законом.

Касательно апелляционного судопроизводства суд первой инстанции рассматривает решения, вынесенные в первой инстанции мировым судьей.

Исправительный суд заслушивает в первой инстанции, все преступления, которые относятся к категории тяжких преступлений, наказания за которые ограничены пятью годами тюремного заключения и максимальным штрафом в размере 90 000 евро, а также мелкие правонарушения, которые связаны с более серьезным преступлением и преступления, совершенные несовершеннолетними при условии, что они не подвергаются уголовному преследованию одновременно со взрослыми. В апелляционном порядке исправительный суд рассматривает решения, вынесенные полицейским судьей.

Все слушания в суде первой инстанции проходят под председательством трех судей.

Трибунал состоит из одного президента, одного или двух вице-президентов и одного или нескольких главных судей, судей и помощников судей. Суд имеет только одну палату. Президент может делегировать свои полномочия одному из вице-президентов или судье.

Для рассмотрения дела все заявления должны направляться в гражданский суд первой инстанции. Затем судебным приставом направляется уведомление, которое содержит:

- Название трибунала, который будет заслушивать дело.
- Дата и время заседания суда.
- Имя человека, которому будет вручено уведомление.
- Предмет иска и краткое изложение оснований.

Обычный срок уведомления о вызове в суд человека, проживающего в Монако, составляет шесть дней. Этот период может продлеваться до 30, 60 или 90 дней в зависимости от того, где именно в Европе или на других континентах находится лицо, которое будет вызвано. Президент суда имеет право сократить этот период, если об этом попросят.

Стороны могут предстать перед судом либо лично, либо в лице адвоката-защитника, зарегистрированного в соответствующей коллегии адвокатов.

На всех слушаниях стороны могут поручить защиту своего дела юристу, зарегистрированному в Коллегии адвокатов за рубежом. В этом случае предварительное разрешение президента суда, которому передано дело, необходимо для того, чтобы этот адвокат мог ходатайствовать перед судами Монако.

Сторона может защищать себя сама, за исключением случаев, когда суд запретил этому лицу это делать, признав, что эмоции или неопытность препятствовали бы аргументированному изложению сути дела.

В Монако к профессиональным судьям, заседающим время от времени, относятся те судьи,

которые заседают в особых судах, собирающихся лишь время от времени. К таким судам относятся: Суд по пересмотру судебных решений (кассационный суд) и Верховный суд. Судьи не заседают на постоянной основе, а работают в рамках особых сессий и получают вознаграждение за выполнение задач и понесенные издержки. Если члены Суда по пересмотру судебных решений (кассационного суда) в большинстве своем являются профессионалами, согласно определению СЕРЕЈ, то члены Верховного суда выбираются из числа «особо компетентных юристов» (ст. 2 постановления № 2. 984 от 16 апреля 1963 года «Об организации и функционировании Верховного суда»). Данный принцип предполагает, что члены трибунала не всегда являются «лицами, прошедшими специальное обучение для ведения судейской деятельности и занимающимися ею за вознаграждение».

К задачам непрофессиональных судей в Монако относятся: трудовые споры, коммерческие споры, а также некоторые судебные дела, связанные с семейным законодательством. Кроме того, мировой судья относится к непрофессиональным судьям.

Необходимо заметить, что в Монако существует так называемый «суд присяжных» – Уголовный суд, в рамках которого действуют трое присяжных заседателей, которые выбираются случайным образом из избирательных списков Княжества.

В Монако права и обязанности судей закреплены в законе «О статусе судебных органов» № 1.364 от 16 ноября 2009 г. Однако необходимо заметить, что, согласно ст. 1 положения настоящего закона применяются лишь к профессиональным судьям и профессиональным судьям, заседающим время от времени.

Согласно ст. 6 любой судья-кандидат, прошедший специальный отбор, имеет право на получении должности судьи или прокурора.

Согласно ст. 7 все судьи несменяемы. Из этого исходит, что без его согласия судья не может получить новую должность, даже если она выше его нынешней.

Согласно ст. 9 функции судьи несовместимы с функциями члена национального совета, члена экономического и социального совета, также деятельность судей несовместима с любой политической деятельностью, как в Монако, так и за пределами Княжества.

В соответствии со ст. 10 судья не имеет права заниматься любой коммерческой деятельностью или иной оплачиваемой деятельностью за исключением преподавательской с разрешения Секретаря юстиции (ст. 11).

Судьи и прокуроры не подлежат специальному уголовному судопроизводству и не имеют особых иммунитетов.

Этические нормы, касающиеся прав и обязанностей судей, закреплены в законе «О статусе судебных органов» № 1.364 от 16 ноября 2009 г. (часть II «Права и обязанности судей и прокуроров») и в приказе № 2013-17 от 12 июля 2013 года «О мерах по укреплению общественного доверия к честности, беспристрастности и эффективности сотрудников судебных служб».

В соответствии с правилами судьям запрещено участвовать в деятельности, которая будет мешать им осуществлять свои непосредственные функции. Кроме того судьи обязаны соблюдать секретность в отношении любых фактов или информации, которой они владеют в связи с осуществлением ими своих полномочий.

В соответствии со ст. 27 закона «О статусе судебных органов» № 1.364 от 16 ноября 2009 г. (в редакции от 28 мая 2015 г.) претенденты на должность судей (первоначально судьи-референдария) должны соответствовать следующим требованиям:

- быть монегасками;

- возраст не менее 23 лет;
- обладать всеми гражданскими и политическими правами;
- иметь хороший характер;
- иметь юридическое образование и обладать знанием французского языка;
- соответствовать медицинским показателям для выполнения необходимых профессиональных функций;
- сдать конкурсный экзамен.

Во многих странах – членах Совета Европы для того, чтобы стать судьей необходимо сдать специальный конкурсный экзамен и/или заниматься юридической деятельностью в течение длительного периода времени. В Монако, после того как кандидаты прошли вступительный экзамен для судей и до их окончательного назначения на должность, судьи-кандидаты должны получить опыт работы в качестве референдария (стажера, вспомогательного судьи). После этого они назначаются на должность до выхода на пенсию (в 65 лет).

Первоначальное обучение судей в Монако является обязательным процессом для получения статуса судьи. Оно связано с прохождением стажировки в суде в качестве референдария.

Государственного учреждения для подготовки судебных работников не существует. Однако есть факультативная недельная программа непрерывного профессионального обучения, организованная французской школой ENA. Для частных французских магистратов, которые были назначены после 2001 года, программа непрерывного обучения сроком 1 неделя в год является обязательной. Закон № 1.382 (20 июля 2011 года) о предупреждении и реагировании на конкретные нарушения содержит специализированное обучение кадров для судебной системы.

Независимо от условий подбора важно, чтобы органы, компетентные в области подбора судей, имели определенную степень независимости. В Монако назначение судей осуществляется по суверенному ордонансу Князя на основе отчета и предложения секретаря юстиции после консультаций с Высшим советом судей и прокуроров.

Порядок назначения судей регулируется законом «О статусе судебных органов» № 1.364. Однако при этом необходимо проводить различия между национальными судьями из Монако и французскими судьями, отправленными на работу в Княжество правительством Франции. Статьи 27-32 вышеупомянутого закона определяют условия для назначения судей из Монако.

С 2009 года судьи Монако назначались на должность исключительно на основании прохождения конкурса, как это предусмотрено в части IV вышеназванного закона (ранее судьи, являвшиеся гражданами Монако, которые окончили французский юридический колледж – L'Ecole Nationale de la Magistrature, назначались на должность на основании их квалификации). Объявление о конкурсе происходит по поручению секретаря департамента юстиции, который указывает:

- количество вакантных должностей;
- сроки подачи заявок, а также необходимых документов;
- количество, сроки и условия проведения письменных и устных тестов, минимальный средний балл, а также имена и ранги членов квалификационной комиссии.

По окончании сроков подачи заявок, секретарь департамента юстиции составляет список кандидатов, которым разрешено участвовать в конкурсе, и решает, когда и где должны проводиться испытания. После прохождения отбора на основе протоколов, подготовленных комиссией, секретарь департамента юстиции подтверждает результаты конкурса.

Критерии для участия в конкурсе указаны в ст. 28 закона «О статусе судебных органов» № 1.364. «Конкурс является открытым для кандидатов, отвечающих следующим условиям: они должны быть монегасками, должны обладать всеми гражданскими и политическими правами, иметь хороший характер, соответствовать медицинским показателям для выполнения необходимых профессиональных функций, достигли возраста 21 год, имеют юридическое образование, не ниже бакалаврского.

Пройдя конкурсный отбор, кандидаты должны посещать французский колледж подготовки юристов. Обучение в колледже длится 16 месяцев. После прохождения конкурса и обучения в колледже, претенденты на должность судьи-референдаря должны будут соответствовать требованиям, изложенным в предыдущем пункте.

Практика работы французских судей в Монако основана на двухстороннем соглашении между Францией и Монако (Конвенция о взаимной правовой помощи от 21 сентября 1949 г. (вступила в силу 22 декабря 1952 г.) (Ordonnance n. 106 du 02/12/1949 rendant exécutoire la convention relative à l'aide mutuelle judiciaire entre la France et la Principauté de Monaco)). Уведомление о вакантной должности направляется судебным властям Франции, которые затем отбирают кандидатов и направляют список в департамент юстиции Княжества. Кандидат, выбранный властями Монако, назначается на должность на основе суверенного ордонанса, а затем присоединяется к рядам судей из Монако. Французские судьи, осуществляющие деятельность в Монако, уже прошли процедуру отбора и назначения, действующую во Франции. Отправка на работу в Княжество осуществляется сроком на 3 года и может быть возобновлена только один раз. После они возвращаются во Францию. В период работы в Монако, их деятельность регулируется законом «О статусе судебных органов» № 1.364.

Судьи назначаются на неопределенный срок и покидают свой пост только, если они уходят в отставку или уходят на пенсию (установленный законом возраст выхода на пенсию составляет 65 лет), или в случае принудительного выхода на пенсию, или увольнения по дисциплинарной процедуре.

В Монако действует квалификационная комиссия, отвечающая за результаты конкурсного экзамена по подготовке судей. В состав комиссии входят: первый президент кассационного суда или его / ее заместитель, исполняющий обязанности председателя; первый президент апелляционного суда или его / ее заместитель; генеральный прокурор или его/ее заместитель; президент суда первой инстанции или его/ее заместитель; трое лиц, выбранных секретарем департамента юстиции на основе их высокой компетенции, включая доцента французского юридического колледжа.

Государство имеет возможность применить в течение фиксированного срока возмещение со стороны судьи путем судебного разбирательства в случае грубого и неоправданного нарушения правил, регулирующих исполнение судебных обязанностей. Эта возможность является исключительной и в большинстве случаев единственной санкцией в отношении дисциплинарных вопросов.

Органом, ответственным за возбуждение дисциплинарной процедуры в отношении судей, является Секретарь юстиции.

Применение дисциплинарных полномочий возложено на Высший совет судей и прокуроров.

В соответствии со ст. 46 закона «О статусе судебных органов» № 1.364 от 16 ноября 2009 г. судья, который при исполнении своих обязанностей нарушил положения ст. 44 закона (отказ от выполнения своих обязанностей, нарушение своей чести и достоинства, необходимые для

исполнения своих обязанностей), может подвергаться дисциплинарному разбирательству, которое может привести, в соответствии со ст. 20 закона, к применению одной из следующих санкций:

- выговор с занесением в личное дело;
- понижение в должности;
- ретроградация (возврат на предыдущую должность);
- отмена всех судебных функций на максимальный срок в один год;
- автоматический выход на пенсию;
- снятие с должности.

Кроме того, временная отмена всех судебных функций в течение максимального трехмесячного срока может быть наложена в качестве дополнительной санкции к тем, которые предусмотрены в пунктах 2 и 3.

Заключение

Статья посвящена основам судебной системы княжества Монако. Конституционные основы организации судебной власти Княжества Монако определены в Главе 10 «Правосудие» Конституции Княжества Монако, принятой 17 декабря 1962 года.

Библиография

1. Arrêté n. 2013-17 du 12/07/2013 du Directeur des Services Judiciaires relatif aux mesures destinées à renforcer la confiance des justiciables dans l'intégrité, l'impartialité et l'efficacité des agents des services judiciaires.
2. Code de procédure civile.
3. European judicial systems – Edition 2014 (2012 data): efficiency and quality of justice. URL: <http://www.just.ro/wp-content/uploads/2015/09/editia-2014-en.pdf>
4. La Justice de Paix.
5. Loi n. 1.364 du 16/11/2009 portant statut de la magistrature.
6. Loi n. 1.364 du 16/11/2009 portant statut de la magistrature.
7. Loi n. 1.398 du 24/06/2013 relative à l'administration et à l'organisation judiciaires.
8. Ordonnance n. 106 du 02/12/1949 rendant exécutoire la convention relative à l'aide mutuelle judiciaire entre la France et la Principauté de Monaco.
9. Ordonnance n. 2.984 du 16/04/1963 sur l'organisation et le fonctionnement du Tribunal Suprême.
10. Ferrari G. F. et al. The Principality of Monaco // Small states. A collection of essays. – Victoria University Law Review (VUWLR), 2019. – С. 29-51.

Foundations of the judicial system of the Principality of Monaco

Petr I. Chuvakhin

PhD in Law,
Lecturer of the Department of International and Public Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation;
Russian Academy of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the basics of the judicial system of the Principality of Monaco. The constitutional foundations of the organization of the judiciary of the Principality of Monaco are defined in Chapter 10 "Justice" of the Constitution of the Principality of Monaco, adopted on December 17, 1962. Thus, the provisions of Chapter 10 of the Constitution of the Principality establish the principle of "delegated justice", according to which the judicial power belongs to the Prince, who fully delegates his powers to the courts and tribunals (Article 88). (In the administration of justice, the only powers vested in the Prince are granting pardons and amnesties (art. 15)). The judiciary administers justice on behalf of the Prince (art. 88). This transfer of powers is in line with another fundamental principle of the rule of law – the separation of administrative, legislative and judicial functions, which is also enshrined in the Constitution (art. 6). The Constitution of the Principality guarantees the principle of judicial independence (art. 88). In order to ensure the independence of the judiciary, the Constitution also states that the organization, competence and activities of the tribunals, as well as the status of judges, are established by law (art. 88). The Constitution of the Principality determines the jurisdiction, competence and basis for the formation of the Supreme Court (arts. 89, 90, 91). The Constitution of the Principality specifies that the organization and activities of the Supreme Court of the Principality are determined by the Sovereign Ordinance (art. 92).

For citation

Chuvakhin P.I. (2023) Osnovy sudebnoi sistemy knyazhestva Monako [Foundations of the judicial system of the Principality of Monaco]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 74-82. DOI: 10.34670/AR.2023.83.58.010

Keywords

Judiciary, Principality of Monaco, Supreme Court of Monaco, Supreme Council of Judges and Prosecutors of Monaco, law.

References

1. Arrêté n. 2013-17 du 12/07/2013 du Directeur des Services Judiciaires relatif aux mesures destinées à renforcer la confiance des justiciables dans l'intégrité, l'impartialité et l'efficacité des agents des services judiciaires.
2. Code de procédure civile.
3. European judicial systems – Edition 2014 (2012 data): efficiency and quality of justice. Available at: <http://www.just.ro/wp-content/uploads/2015/09/editia-2014-en.pdf> [Accessed 06/06/2023]
4. La Justice de Paix.
5. Loi n. 1.364 du 16/11/2009 portant statut de la magistrature.
6. Loi n. 1.364 du 16/11/2009 portant statut de la magistrature.
7. Loi n. 1.398 du 24/06/2013 relative à l'administration et à l'organisation judiciaires.
8. Ordonnance n. 106 du 02/12/1949 rendant exécutoire la convention relative à l'aide mutuelle judiciaire entre la France et la Principauté de Monaco.
9. Ordonnance n. 2.984 du 16/04/1963 sur l'organisation et le fonctionnement du Tribunal Suprême.
10. Ferrari, G. F. (2019). The Principality of Monaco. In *Small states. A collection of essays* (pp. 29-51). Victoria University Law Review (VUWLR).

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2023.95.57.011

Договорная правоспособность международных организаций**Чувахин Петр Игоревич**

Кандидат юридических наук,
преподаватель департамента международного и публичного права,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
старший преподаватель кафедры международного права,
Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу договорной правоспособности международных организаций. Любая международная организация создается для реализации конкретных целей и задач, что является подтверждением наличия у международной организации характерной для каждой из них компетенции. Компетенция характеризует правоспособность субъектов права, в том числе международных организаций. Лишь в том случае, если организация будет осуществлять свою деятельность в соответствии с установленной компетенцией, все ее действия будут считаться правомерными. Договорная правоспособность международных организаций хоть и определяется учредительным актом организации, общая правоспособность заключать договоры не может зависеть только от государств-членов. Важно отметить, что государства-члены имеют право указать в учредительном документе возможность разделения ответственности в случае нарушения обязательств их международной организацией.

Для цитирования в научных исследованиях

Чувахин П.И. Договорная правоспособность международных организаций // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2023.95.57.011

Ключевые слова

Договорная правоспособность, ООН, международная организация, многосторонние банки развития.

Введение

При изучении функционирования международных организаций, возникает важный вопрос, могут ли организации заключать международные договоры и на какой основе? Данный вопрос напрямую не затрагивает государства-членов организации, поскольку они не могут напрямую решить, что делать, если организация сама нарушает договор. Данный вопрос не подпадает под их юрисдикцию. Однако, по общему признанию, государства-члены могут предоставить своей организации право заключать определенные договоры, но общая правоспособность заключать договоры не может зависеть только от государств-членов.

Важно отметить, что государства-члены имеют право указать в учредительном документе возможность разделения ответственности в случае нарушения обязательств их международной организацией, но они не обладают прямым контролем за тем, будет ли на организацию наложена ответственность или нет.

Основное содержание

В связи с этим вопрос о том, будут ли международные организации фактически вступать в международные обязательственные отношения, были предметом серьезного обсуждения. Другими словами, обладают ли организации возможностью самостоятельно заключать договоры или же они имеют на это право лишь в том случае, если они конкретно уполномочены это делать? Если же второе, то, как объяснить возникшие договорные обязательства международных организаций, если у них нет на это явных полномочий?

В документах более ранних организаций не содержалось конкретных положений в отношении заключения международных договоров. Наиболее яркий документ – это учредительный пакт Лиги Наций. Отсутствие конкретного положения в вышеназванном пакте было одной из причин, почему некоторые судьи Международного суда по различным делам, связанным с Юго-Западной Африкой, установили, что пакт нельзя рассматривать как договор между Южной Африкой и Лигой Наций. По их мнению, договорная компетенция со стороны Лиги Наций отсутствует в силу того, что она не предусмотрена положениями пакта [Higgins, 1963].

В настоящее время известно, что международные организации могут заключать договоры, хотя существуют определенные разногласия относительно того, из чего исходит данная договорная способность, в случае отсутствия в учредительных документах такой явной компетенции.

На данный момент часто делается различие между способностью делать что-то и способностью заниматься определенной деятельностью (компетенция). Первая более абстрактна, обозначает общую способность, тогда как последняя более конкретна и специфична [Hartmann, 1971].

Основная позиция заключается в том, что «общая способность» в качестве абстрактного понятия вытекает из обычного международного права (международно-правового обычая). Вопросы договорной правоспособности международных организаций исследовались преимущественно в середине прошлого столетия. Так, например, китайский профессор права Хунгда Чиу в подробном исследовании специфики договорной правоспособности международных организаций в 1966 году пришел к выводу о том, что организациям была предоставлена договорная правоспособность в силу международно-правового обычая [Chiu,

1966]. Известно, что многие организации заключают международные договоры как друг с другом, так и с государствами и другими субъектами права. В 1986 году была принята Венская конвенция о праве заключения международных договоров между международными организациями, утверждающая, что «способность» происходит непосредственно из самого международного права [Zemanek, 1988]. В преамбуле Венской конвенции 1986 г. отмечается, что международные организации обладают способностью заключать договоры, которые необходимы для осуществления своих функций и выполнения своих целей. Принимая во внимание, что способность заключать международные договоры вытекает из обычного международного права, компетенция на заключение договоров будет основываться, главным образом, на правилах организации, что приведет к тому, что организация будет обладать способностью заключать международные договоры на основе норм международного права, но при этом у нее может не быть компетенции на это на основе ее собственных правил.

Большинство современных исследователей признают, что организации могут и заключают договоры, и, что конкретные виды договоров, которые они могут заключить, зависят от их учредительных документов. Таким образом, споры о способности и компетенции на современном этапе игнорируются, так как компетенции на заключение договоров у международных организаций не всегда очевидны, но способность закреплена за ними в силу своего создания.

Несмотря на то, что Конвенция 1986 года все еще не вступила в силу, поскольку не ратифицирована рядом стран, она по-прежнему рассматривается в качестве отправной точки для анализа договорной правоспособности международных организаций [Sybesma-Knoł, 1985]. Венская конвенция 1986 года была подготовлена Комиссией международного права ООН и принята на конференции, проходившей в феврале и марте 1986 года [Limburg, 1986]. Следует отметить, что сами международные организации неохотно участвовали в разработке данной конвенции, опасаясь, что кодифицированный международный акт может ограничить их свободу в заключении договоров, которая вытекала из норм самого международного права [Nascimento e Silva, 1986]. Тем не менее, способность организаций заключать договоры не была ограничена. В статье 6 Конвенции указывается, что способность международной организации заключать договоры регулируется правилами организации и, таким образом, является примером компромисса между требованиями международной системы в целом и требованиями отдельных организаций, функционирование которых связано с намерениями их членов. По этой причине международные организации не могут претендовать на неограниченную способность.

К этим правилам организации относятся, в соответствии с определением статьи 2 (1) (j) Конвенции 1986 года, «в частности, учредительный договор, решения и резолюции, принятые в соответствии с ними, и установленная практика организации».

Правила организации могут также в редких случаях влиять на действительность соглашения, заключенного организацией. Статья 46 гласит, что явное нарушение нормы фундаментальной важности может быть успешно использовано для того, чтобы признать договор недействительным.

Однако необходимо отметить, что многие договоры, заключенные организациями, трудно соотносить с положениями учредительных актов, решений, резолюций или установившейся практикой. Вместо этого, международные организации самостоятельно «вводят» установившуюся практику и заключают данные договоры не на основе явной компетенции, а скорее в «подразумеваемой». Например, Законодательство ЕС о внешних сношениях, основано на понятии подразумеваемых полномочий.

Это вызывает некоторые вопросы. Договоры, заключенные организацией «*ultra vires*», будут недействительными, организация может (почти) всегда сослаться на то, что ее члены поддержали заключение договора, и, если это так, то как такой договор может быть признан недействительным?

Если договор поддерживается всеми членами (или только большинством), в поддержку заключения соответствующего соглашения могут быть использованы три возможных аргумента. Во-первых, члены организации были убеждены в том, что соглашение было «*intra vires*», о чем нам говорит их решение заключить такой договор. Во-вторых, если право на заключение договора прямо не предусмотрено в учредительном документе организации, оно может, тем не менее, подразумеваться в нем. В-третьих, как минимум, само заключение договора может быть квалифицировано, как установившаяся практика организации. Иными словами, основной механизм, который существует для защиты членов организации от избыточных полномочий самой организации (так называемая доктрина «*ultra vires*») может не применяться самими членами организации.

Необходимо отметить, что не так много явных полномочий по заключению договоров можно найти в учредительных актах международных организаций (хотя многие из них будут содержать некоторые полномочия). Например, статья 43 Устава ООН разрешает Совету Безопасности заключать соглашения с государствами-членами ООН по предоставлению в распоряжение Совета Безопасности необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы. Статьи 57 и 63 позволяют Экономическому и Социальному Совету заключать соглашения с различными другими международными организациями, а статья 105 предполагает возможность заключить соглашение о привилегиях и иммунитетах ООН (без указания того, будет ли ООН стороной). Так, согласно положениям статьи 105, ООН заключила соглашения о штаб-квартире ООН с США и Швейцарией.

Одновременно ООН заключила ряд других соглашений. Речь идет, прежде всего, о специальных соглашениях с государствами, получающим гуманитарную помощь от ООН. Таким образом, ООН заключает договоры в гораздо больших масштабах, чем когда-либо предполагалось учредителями, и, хотя «подразумеваемые полномочия» могут объяснять данную ситуацию, можно задаться вопросом, не ухудшается ли правовое регулирование, когда большинство видов деятельности можно объяснить только с помощью «подразумеваемых полномочий».

Большинство международных организаций заключили соглашения о штаб-квартире. Участие в определенной деятельности организации, вытекающей из ее компетенции, связано с заключением международных договоров. Кроме того, организации все чаще заключают соглашения друг с другом и с частными субъектами. Помимо вопроса о компетенции, заключение договоров международными организациями вызывает ряд других правовых проблем. Обычно международные договоры, заключенные организациями, заключаются одним из органов организации. В связи с этим возникает вопрос, кто именно связан заключенным договором: сама организация или же конкретный орган, заключивший соглашение. Иными словами: на кого возлагаются международные обязательства, и кто становится носителем международных прав? Данный вопрос никогда не был рассмотрен ни одной международной организацией, в том числе никогда не выносился на обсуждение в Международном Суде, но при этом считается, что именно сами организации будут связаны положениями международного договора, а не орган, заключивший их. Это связано с тем, что органы организаций не обладают полномочиями по заключению договоров сами по себе. Какими бы полномочиями по

заключению договоров они не обладали, они имеют их лишь в силу того, что являются органами международных организаций. В связи с этим важно понимать, что международное право не признает любые органы организации как способные нести независимые права и обязанности по международному праву до тех пор, пока они остаются частью другого субъекта международного права.

Более сложная ситуация возникает, когда речь идет о правовом положении государств-членов: если международная организация заключает соглашение, являются ли государства-члены сторонами данного соглашения или же они могут считаться, например, третьими сторонами?

Необходимо понимать четкую позицию государств-членов по отношению к их организации. Комиссия ООН по международному праву при разработке Венской конвенции 1986 года тщетно пыталась разработать общее правило. В проекте статьи 36bis, Комиссия решила, что государства-члены должны рассматриваться в рамках международного договора именно как третьи стороны. Вместе с тем они могут рассматриваться как участники договора, если соблюдены три определенных условия.

Во-первых, в договоре должно быть сказано, что он создает права или обязательства конкретно для государств-членов соответствующей организации. Во-вторых, государства-члены должны единогласно согласиться на присоединение к такому договору либо посредством определенного акта, либо в силу учредительного договора. И, в-третьих, тот факт, что члены становятся связанными соглашением, должен быть объявлен второй стороне данного договора международной организации.

Однако, в конечном итоге, данное предложение было отклонено. Основным аргументом такого предложения являлось то, что организации могут и имеют волю, отличную от воли своих государств-членов. В связи с этим они способны предпринимать действия, которые могут не согласовываться с интересами их государств-членов, и поэтому следует, что члены организации не могут быть связаны с договорами, заключенными организацией, если они не выражают согласие на обязательность. Обычно, принятие решений в рамках международных организаций происходит по согласию всех членов организации и из этого следует, что воля организации идентична воле всех ее членов. Поэтому, какова бы ни была воля организации, ее обычно можно рассматривать как совокупную волю государств-членов, а не отдельную волю международной организации.

В частности, азиатские межрегиональные банки развития заключают огромное количество различных международных соглашений. При этом их полномочия на заключение определенных типов соглашений четко изложены в учредительных актах. Так, согласно статье 28 Устава АзБР, Банк обладает правом заключать общие договоры о сотрудничестве с другими международными организациями. Кроме того, в статье 49 сказано, что Банк обладает полной правосубъектностью и, в частности, полной правоспособностью заключать контракты. Учредительный документ АБИИ в этой части ничем не отличается. В соответствии со статьями 35, 45 Статей соглашения АБИИ, Банк может заключать соглашения с иными международными организациями. АБИИ, также как и АзБР, обладает полной правосубъектностью и, в частности, полной правоспособностью заключать контракты. Интересными являются положения, сформулированные в Статьях соглашения НБР (СС НБР) и Уставе ЕАБР. Согласно статье 3 СС НБР, одной из функций Банка является сотрудничество в рамках своего мандата и по своему усмотрению с международными организациями, а также с национальными, государственными и (или) частными структурами, в особенности с международными финансовыми институтами и

национальными банками развития. Согласно статье 2 Устава ЕАБР, Банк взаимодействует с международными организациями, государствами, национальными учреждениями и хозяйствующими субъектами государств-участников Банка и других стран, заинтересованными в финансировании экономического развития. Данные положения *de facto* говорят нам о «подразумеваемом полномочии» Банков заключать международные договоры с вышеназванными институтами. При этом учредительные акты имеют и «стандартную» компетенцию на заключение международных договоров и контрактов, о чем свидетельствуют статьи 11 и 29 СС НБР и статья 14 Устава ЕАБР.

В рамках межрегиональных банков развития заключение соглашений регулируется статьями учредительных актов, и основное правило основано на том, что международные договоры заключаются лишь Советом Управляющих. Совет принимает свои соответствующие решения (решение о начале переговоров или заключении соглашения) в большинстве случаев квалифицированным большинством голосов. Таким образом, именно межрегиональные банки развития будут связаны положениями международного договора, а не Советы Управляющих.

В учредительных актах межрегиональных азиатских банков развития есть положения, в рамках которых идет разграничение воли государств-членов и воли самой организации. Так, например, согласно статье 14 Статей Соглашения АзБР, Банк не должен финансировать никакие проекты на территории государства-члена, если это государство возражает против такого финансирования. Согласно статье 21, АзБР обладает правом брать займы денежные средства у членов Банка или в других местах и представлять за них такое обеспечение, какое Банк определит. Однако это возможно исключительно при условии, что перед продажей своих обязательств на территории какой-либо страны Банк должен получить ее одобрение. Там, где обязательства Банка подлежат деноминации в валюте государства-члена, Банк также должен предварительно получить его одобрение. Данные положения свидетельствуют о том, что не всегда воля Банка равна воле ее члена. Аналогичные положения содержатся в АБИИ, НБР и ЕАБР.

При заключении межрегиональными банками международных соглашений с другими международными организациями создаются временные специальные рабочие комитеты или комиссии для ведения переговорного процесса. Разработанный совместно проект документа представляют на рассмотрение и утверждение высшему органу каждой из организаций.

В основе взаимоотношений международных организаций заложен принцип сотрудничества. Содержание принципа сводится к обеспечению равноправия сторон, взаимности их прав и обязанностей. В качестве основных организационных форм сотрудничества выступают конференции, совещания, заседания, рабочие консультации, взаимное информирование, обмен представителями, проведение общих статистических исследований.

В последние годы наметилась тенденция активизации участия международных финансовых организаций в глобальных форумах, посвященных вопросам финансирования инфраструктуры. В апреле 2017 г. состоялся Глобальный инфраструктурный форум по вопросу создания устойчивой инфраструктуры, в котором приняли участие главы многосторонних банков развития, в том числе АзБР, НБР БРИКС, АБИИ.

В целях реализации обязательств стран по выполнению Целей устойчивого развития многосторонние банки развития обязались использовать свои ресурсы за счет объединения усилий по со-финансированию проектов, а также способствовать повышению интереса инвесторов со стороны частного сектора к участию в государственно-частных партнерствах и тем самым содействовать реализации инфраструктурных проектов.

Региональные банки развития подписывают двусторонние соглашения, направленные на стимулирование финансирования крупных проектов. В 2011 г. АзБР и АфБР подписали соглашение о совместной программе действий по установлению тесных связей между коммерческими банками африканских стран и государств АТР. Аналогичное соглашение подписано еще ранее между АзБР и МаБР.

В 2012 г. АзБР запустил программу финансирования цепочки поставок (Supply Chain Finance Program, SCFP) для поддержания малых и средних предприятий АТР. Программа SCFP призвана создать условия для обеспечения более доступного финансирования для многих малых и средних предприятий [9].

Первое рамочное соглашение по со-финансированию инвестиционных проектов АБИИ подписал в апреле 2016 г. с МБРР. За год АБИИ и МБРР со-финансировали пять проектов в странах Восточной, Южной и Центральной Азии.

На ежегодном саммите Совета управляющих АзБР, прошедшем во Франкфурте – на - Майне в мае 2016 г., АзБР и АБИИ подписали меморандум о взаимопонимании, призванный стать основой для совместного финансирования проектов. В мае 2016 г. в Лондоне был подписан меморандум о взаимопонимании между АБИИ и ЕБРР о проведении взаимного диалога в форме обмена информацией.

В июле 2016 г. АзБР подписал в Маниле, Филиппины, с НБР БРИКС соглашение о сотрудничестве по приоритетным направлениям, включая устойчивое и инклюзивное развитие в Азии. Два банка договорились о со-финансировании инфраструктурных проектов.

АБИИ подписал с Международной финансовой корпорацией (IFC) в феврале 2017 г. Соглашение об основных условиях свопов, которые будут заключены между ними. Согласно соглашению АБИИ и IFC смогут хеджировать процентную ставку и валютные риски, связанные с инвестированием, расширяя тем самым свой общий кредитный потенциал. Подобные соглашения АБИИ подписал с АзБР, АфБР, ЕБРР.

1 апреля 2017 г. НБР подписал меморандумы о взаимопонимании сразу с пятью финансовыми организациями: с АБИИ, ЕАБР, МИБ, ЕИБ, ЕБРР. Одним из главных положений меморандумов является совместное финансирование инвестиционных проектов в области инфраструктуры, энергетики, а также инновационных стартапов.

Заключение

Таким образом, вопрос о том, связаны ли государства-члены договорами, заключенными их организацией носит важнейший характер при определении ответственности международных организаций.

Библиографическая

1. Rosalyn Higgins, *The Development of International Law through the Political Organs of the United Nations* (Oxford, 1963), p. 241.
2. *Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa, preliminary objections*, [1962] ICJ Reports 319, at pp. 483 and 502
3. Gunther Hartmann, 'The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties', in Karl Zemanek (ed.), *Agreements of International Organizations and the Vienna Convention on the Law of Treaties* (Vienna, 1971), pp. 127–63, esp. pp. 149–51
4. Hungdah Chiu, *The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties, and the Special Legal Aspects of the Treaties So Concluded* (The Hague, 1966), p. 34.
5. Karl Zemanek, 'The United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations: The Unrecorded History of Its "General Agreement"', in Karl-Heinz

- Böckstiegel et al. (eds.), *Völkerrecht, Recht der internationalen Organisationen, Weltwirtschaftsrecht: Festschrift für Ignaz Seidl-Hohenveldern* (Cologne, 1988), pp. 665–79
6. R. G. Sybesma-Knol, 'The New Law of Treaties: The Codification of the Law of Treaties Concluded between States and International Organizations or between Two or More International Organizations' (1985) 15 *Georgia Journal of International and Comparative Law*, 425–52
 7. Gerard Limburg, 'The United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations' (1986) 33 *Netherlands ILR*, 195–203
 8. G. E. do Nascimento e Silva, 'The 1986 Vienna Convention and the Treaty-Making Power of International Organizations' (1986) 29 *GYIL*, 68–85, esp. p. 71.
 9. Программа АБР по финансированию цепочки поставок поддержит малый бизнес. <http://www.adb.org/>
 10. Всемирный банк и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) подписали первое рамочное соглашение по со-финансированию <http://www.ranepa.ru/ciir/news/vsemirnyj-bank-i-aziatskij-bank-infrastrukturnyh-investicij-abii-podpisali-pervoe-ramochnoe-soglashenie-po-so-finansirovaniyu>
 11. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Азиатский банк развития подписали Меморандум <http://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/mezhdunarodnye-finansovye-instituty/novosti/aziatskij-bank-infrastrukturnyh-investicij-abii-i-aziatskij-bank-razvitiya-podpisali-memorandum>
 12. Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк развития подписали соглашение о сотрудничестве по приоритетным направлениям <http://www.ranepa.ru/ciir/news/novyj-bank-razvitiya-briks-i-aziatskij-bank-razvitiya-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve-po-prioritetnym-napravle>

Contractual capacity of international organizations

Petr I. Chuvakhin

PhD in Law,
Lecturer of the Department of International and Public Law,
Financial University under the Government of the Russian Federation;
Russian Academy of Justice,
117418, 69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the contractual capacity of international organizations. Any international organization is created for the implementation of specific goals and objectives, which is a confirmation of the presence of an international organization characteristic of each of them competence. Competence characterizes the legal capacity of subjects of law, including international organizations. Only in the event that the organization will carry out its activities in accordance with the established competence, all its actions will be considered lawful. The treaty capacity of international organizations, although determined by the founding act of the organization, the general capacity to conclude treaties cannot depend solely on member states. It is important to note that member states have the right to indicate in the founding document the possibility of sharing responsibility in the event of a breach of obligations by their international organization.

For citation

Chuvakhin P.I. (2023) *Dogovornaya pravospособnost' mezhdunarodnykh organizatsii* [Contractual capacity of international organizations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 83-91. DOI: 10.34670/AR.2023.95.57.011

Keywords

Contractual standing, UN, international organization, multilateral development banks.

References

1. Rosalyn Higgins, *The Development of International Law through the Political Organs of the United Nations* (Oxford, 1963), p. 241.
2. *Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa*, preliminary objections, [1962] ICJ Reports 319, at pp. 483 and 502
3. Gunther Hartmann, 'The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties', in Karl Zemanek (ed.), *Agreements of International Organizations and the Vienna Convention on the Law of Treaties* (Vienna, 1971), pp. 127–63, esp. pp. 149–51
4. Hungdah Chiu, *The Capacity of International Organizations to Conclude Treaties, and the Special Legal Aspects of the Treaties So Concluded* (The Hague, 1966), p. 34.
5. Karl Zemanek, 'The United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations: The Unrecorded History of Its "General Agreement"', in Karl-Heinz Böckstiegel et al. (eds.), *Völkerrecht, Recht der internationalen Organisationen, Weltwirtschaftsrecht: Festschrift für Ignaz Seidl-Hohenveldern* (Cologne, 1988), pp. 665–79
6. R. G. Sybesma-Knol, 'The New Law of Treaties: The Codification of the Law of Treaties Concluded between States and International Organizations or between Two or More International Organizations' (1985) 15 *Georgia Journal of International and Comparative Law*, 425–52
7. Gerard Limburg, 'The United Nations Conference on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations' (1986) 33 *Netherlands ILR*, 195–203
8. G. E. do Nascimento e Silva, 'The 1986 Vienna Convention and the Treaty-Making Power of International Organizations' (1986) 29 *GYIL*, 68–85, esp. p. 71.
9. ADB's Supply Chain Finance Program will support small businesses. <http://www.adb.org/>
10. The World Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) signed the first framework co-financing agreement <http://www.ranepa.ru/ciir/news/vsemirnyj-bank-i-aziatskij-bank-infrastrukturnyh-investicij-abii-podpisali-pervoe-ramochnoe-soglasenie-po-so-finansirovaniyu>
11. The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Asian Development Bank signed a Memorandum -aziatskij-bank-razvitiya-signed-pisali-memorandum
12. The BRICS New Development Bank and the Asian Development Bank signed an agreement on cooperation in priority areas [http://www.ranepa.ru/ciir/news/novyj-bank-razvitiya-briks-i-aziatskij-bank-razvitiya-podpisali-soglasenie -o-sotrudnichestve-po-prioritetnym-napravle](http://www.ranepa.ru/ciir/news/novyj-bank-razvitiya-briks-i-aziatskij-bank-razvitiya-podpisali-soglasenie-o-sotrudnichestve-po-prioritetnym-napravle)

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.36.11.012

Понятие механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации

Топузов Дмитрий Иванович

Ассистент кафедры государственного управления и права,
Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи,
87500, Российская Федерация, Мариуполь, пр. Строителей, 129-А;
e-mail: dtopuzov95@mail.ru

Аннотация

Реализация и защита прав человека – это концепция, направленная главным образом на обеспечение уважения и защиты основных прав и свобод человека вне зависимости от его положения в обществе, социально-экономического статуса, расы, национальности, пола, религии, иных обстоятельств. В статье автор исследует сущность и особенности реализации механизма защиты прав человека в современной российской практике. Кратко автор перечисляет элементы системы международной защиты прав человека, отмечает актуальные проблемные аспекты реализации данного механизма в Российской Федерации, одновременно определяя перспективные направления развития. Показано, что механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации состоит из следующих элементов: конституционные гарантии, нормы законодательства, система органов государственной власти, международные договоры и соглашения, деятельность судебной системы, функционирование правозащитных организаций и общественных движений. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации ставит своей задачей создание условий для соблюдения прав и свобод каждого человека и дальнейшее комплексное обеспечение правовой защиты в случае их нарушения.

Для цитирования в научных исследованиях

Топузов Д.И. Понятие механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 92-99. DOI: 10.34670/AR.2023.36.11.012

Ключевые слова

Механизм защиты прав человека, права и свободы человека и гражданина, правовое регулирование, система защиты прав и свобод, международное право.

Введение

Реализация и защита прав человека – это концепция, направленная главным образом на обеспечение уважения и защиты основных прав и свобод человека вне зависимости от его положения в обществе, социально-экономического статуса, расы, национальности, пола, религии, иных обстоятельств.

История развития системы прав человека как отдельного, самостоятельного явления ведет свой отчет еще со времен Античности и классического права [Крылатова, 2014]. В частности, это период Древней Греции и Древнего Рима, иных античных цивилизаций – Вавилон, Месопотамия, Древний Египет и т.д. Уже на данном этапе нормативно закреплялись и были реализованы некоторые основные принципы уважения прав человека, основанные на идеях справедливости и равенства перед законом. Кроме формального закрепления, также эти положения были изложены в различных философских трудах, в т.ч. сохранившихся и до нашего времени.

Основная часть

Эпоха Средневековья характеризуется, скорее, обратным процессом в отношении развития системы прав человека и механизма их защиты – здесь наблюдаются явные и весьма существенные ограничения, связанные с феодальной системой и наличием церковного управления. Тем не менее, с появлением и более широким распространением идей Просвещения более актуальными стали принципы, связанные с неприкосновенностью личности, равенством всех перед законом и судом и в целом с фундаментальными человеческими ценностями [Капицын, 2019].

Период XVII-XIX веков характеризуется уже более системным формированием механизма защиты прав человека как определенной юридической концепции. Именно это время славится грандиозными правовыми разработками по данной тематике – например, Декларация независимости США (1776 год), Всеобщая декларация прав человека и гражданина (Франция, 1789 год) и другие. Ключевым событием этой эпохи можно назвать признание работорговли нарушением прав человека, жестокой и бесчеловечной практикой, невозможной к реализации.

XX век – эпоха наиболее ощутимых и значимых с практической точки зрения реформ в отношении системы прав человека. Необходимо понимать, что на данный момент их игнорирование или ущемление становится уже невозможным. В частности, развитию механизма способствовали такие факторы, как глобализация, технологические инновации, международные конфликты, осознание масштабности нарушений прав человека и ряд других. В результате сложной, комплексной и системной деятельности были приняты такие актуальные и в настоящее время международные документы, как Всеобщая декларация прав человека (1948 год), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 год), Всемирное движение за права человека, которые закрепляют и гарантируют права и свободы каждого индивида и т.д. [Дудко, 2020].

В теории существует концепция поколений прав человека, в рамках которых рассматривается конкретный исторический период развития прав человека (рис. 1).

Говоря о современном состоянии системы прав человека, необходимо понимать, что сейчас происходит параллельное развитие официальной деятельности органов государственной власти и различных некоммерческих структур, главной задачей которых выступает обеспечение и

защита прав человека. Также важным элементом современной реализации прав человека выступает работа СМИ и других субъектов медиасферы, которые выполняют значительный объем пропагандисткой, разъяснительной, информационной деятельности.

№ поколения прав	Название прав в поколении	Время возникновения поколения прав	Субъектный состав пользователей правами
Первое	Личные, политические	Конец XVIII в.	Все люди, проживающие в государстве
Второе	Экономические, культурные, социальные	Конец XIX – начало XX в.	Трудящиеся (наёмные работники)
Третье	Права народов	Середина XX в.	Колониальные народы
Четвертое	Специальные права (права социальных слоев)	II половина XX в.	Социальные слои (страты)
Пятое	Информационные права	Конец XX – начало XXI в.	Социальные группы
Шестое	Соматические права	Начало XXI в.	Индивидуумы

Рисунок 1 - Поколения прав человека: общая характеристика

Итак, как следует из вышесказанного, в своей идее реализация и защиты прав человека имеет идеи уважения свободы и равенства всех участников общества. В связи с этим необходимо отметить ряд ключевых принципов, лежащих в основе реализации данного механизма:

- универсальность: права человека считаются универсальными, индивидуальными и неделимыми. Они применимы ко всем людям, вне зависимости от их расы, пола, национальности, вероисповедания, социального статуса;
- неделимость, неотделимость: права человека составляют неразрывное единое целое и тесно взаимосвязаны друг с другом и непосредственно с личностью человека. Они должны реализовываться и защищаться в полной мере, чтобы обеспечить системную всеобъемлющую защиты прав и свобод человека;
- независимость: права человека являются обособленными, самостоятельными и независимыми от государства. Это выражается в том, что они существуют и принадлежат каждому человеку просто по причине его существования как личности;
- неприкосновенность личности: в частности, права человека включают в себя право на жизнь, свободу от пыток, жестокого обращения, рабства, произвольного лишения свободы, а также любых других форм дискриминации личности;
- справедливость и равенство: права человека требуют справедливого и равного обращения всех людей перед законом и равных возможностей для воплощения прав и свобод [Капицын, 2003; Карташкин, 2022].

На практике механизм реализации и защиты прав человека осуществляется через нормы законодательства, систему правосудия, международные стандарты, образование, информационное освещение, осведомленность общества. В центральной части защиты прав человека находятся органы государственной власти и независимые организации

правозащитников, которые мониторят и анализируют, каким образом осуществляется реализация и защита прав человека, способствуют оказанию помощи пострадавшим от нарушений.

Далее более подробно охарактеризуем упомянутые выше основные инструменты, которые используются в рамках механизма реализации и защиты прав человека:

- законодательство: государство участвует в разработке и принятии законов, нормативно-правовых и ведомственных актов, обеспечивающих реализацию и защиту прав и свобод каждого человека, устанавливают необходимые механизмы и нормы юридической ответственности за их нарушение;
- судебная система: традиционно главными характеристиками судебной системы выступают независимость, обособленность, беспристрастность, в т.ч. это выражается в наличии функции по рассмотрению жалоб на нарушения прав человека, по вынесению соответствующих решений;
- международные стандарты, акты, договоры и соглашения: государства мира, международные правозащитные организации принимают и ратифицируют соответствующие декларации, конвенции, договоры, устанавливающие обязательства по защите прав человека и обеспечивающие необходимый контроль;
- правозащитные организации: независимые неправительственные организации и организации правозащитников играют активную роль в реализации мониторинга соблюдения прав человека, поддержке пострадавших и привлечении виновных к ответственности;
- образование и информация: просвещение и повышение осведомленности о правах человека являются важными факторами для реализации и защиты этих прав. Различные программы образования и информационные кампании направлены на повышение осведомленности и понимания прав человека [Максуров, 2022; Самович, 2023].

Таким образом, реализация и защита прав человека на международном уровне осуществляется через действие различных механизмов и работу профильных организаций [Чхутиашвили, 2016].

Ключевой международной организацией, вершиной всего механизма реализации и защиты прав, в т.ч. и для российского гражданина, выступает Организация Объединенных Наций (далее – ООН). ООН создала несколько профильных органов и механизмов, к которым, например, можно отнести Высокого комиссара ООН по правам человека и непосредственно Совет по правам человека. Еще одним важным инструментом защиты прав человека выступает система международного правосудия, включающая Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека.

Кроме того, многие государства мира создают собственные национальные институты, специализирующиеся на мониторинге реализации и защиты прав человека на конкретной территории.

Тем не менее, даже несмотря на значительные усилия международного сообщества, ряд серьезных проблем, связанных с нарушением прав человека, достаточно распространен. В т.ч. это касается и российской действительности, где в настоящее время гражданское общество и правовое государство только находится на стадии формирования [Капицын, 2019].

Итак, в Российской Федерации механизм реализации и защиты прав человека включает в себя несколько ключевых элементов, базирующихся на системе определенных гарантий (рис. 2).



Рисунок 2 - Система гарантий прав и свобод человека и гражданина в России

Одним из главных институтов защиты прав человека в России является Уполномоченный по правам человека – омбудсмен. Уполномоченный по правам человека осуществляет мониторинг ситуации с правами человека в государстве, рассматривает и принимает решения по жалобам, формулирует рекомендации по совершенствованию законодательства в области защиты прав человека. Кроме того, омбудсмен имеет право выступать в суде в интересах граждан и обращаться к органам государственной власти с профильными запросами и требованиями [там же].

Также в механизме высокую значимость имеет отечественная судебная система. Это конституционно гарантируемая форма защиты человеком своих прав, наиболее распространенная на практике. Иными словами, Конституция РФ обеспечивает гарантии прав и свобод граждан, а судебная система должна защищать эти права и рассматривать жалобы на нарушение прав человека.

Россия также является членом международных организаций, имеет ряд ратифицированных документов, посвященных реализации и защите прав человека. Например, Россия подписала и ратифицировала Всеобщую декларацию прав человека, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и т.д. Таким образом, российские граждане имеют возможность обращаться в международные организации по защите своих прав, если национальные механизмы в данном случае не были эффективными [Валеев, 2011].

Однако, необходимо также отметить, что в последние годы в России наблюдается некоторое «сужение» для многообразия гражданского общества, что выражается в введении некоторых ограничений в отношении реализации механизма прав человека. Например, ряд авторов акцентирует внимание на недостаточность независимости современной судебной системы и участвовавшие случаи неправомερных приговоров, их фактическую невозможность обжалования [Капицын, 2019]. Особенно это касается некоторых определенных социальных групп – например, защита прав мигрантов и других уязвимых групп населения.

Таким образом, хотя в настоящее время в России существуют некоторые механизмы реализации и защиты прав человека, практическая реализация этих механизмов может быть недостаточной или в ряде случаев ограниченной. Соответственно, это требует дальнейших усилий для качественного улучшения ситуации с правами человека и обеспечения более эффективной защиты.

Кратко обозначим существующие проблемы механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации:

- ограничение свободы выражения мнений;
- ограничение свободы собраний и объединений;
- проблемы доступа к справедливости;
- проблемы в реализации и защите прав человека в Республике Крым и на Донбассе [Самович, 2022].

Тем не менее, необходимо говорить о том, что при всех существующих проблемах явно выражены направления для перспективного развития механизма реализации и защиты прав человека в России:

- активное взаимодействие и сотрудничество с международными организациями;
- укрепление системы юридической защиты, что выражается, главным образом, в обеспечении усиления и независимости отечественной судебной системы;
- обучение, просвещение, повышение правовой грамотности населения государства;
- поддержка деятельности независимых СМИ, медиаресурсов и гражданского общества;
- диалог и участие граждан в процессе разработки и внедрения законов в области защиты прав человека, установление открытого диалога между государством и гражданами [Дудко, 2020; Чхутиашвили, 2016].

Заключение

Таким образом, подытожим сказанное выше по тексту.

Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации состоит из следующих элементов: конституционные гарантии, нормы законодательства, система органов государственной власти, международные договоры и соглашения, деятельность судебной системы, функционирование правозащитных организаций и общественных движений.

Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации ставит своей задачей создание условий для соблюдения прав и свобод каждого человека и дальнейшее комплексное обеспечение правовой защиты в случае их нарушения.

Библиография

1. Валеев Р.М. (ред.) Международная и внутригосударственная защита прав человека. М.: Статут, 2011. 830 с.
2. Дудко И.А. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. М., 2020. 158 с.
3. Капицын В.М. Защита прав человека в политике государств: сравнительный анализ. М.: ИНФРА-М, 2019. 398 с.
4. Капицын В.М. История, теория и защита прав человека. М., 2003. 259 с.
5. Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 176 с.
6. Крылатова И.Ю. Механизм реализации и защиты прав человека в Российской Федерации: понятие, сущность, структуры, формы // Антиномии. 2014. № 14 (159). С. 249-254.
7. Максуров А.А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека. М.: ИНФРА-М, 2022. 275 с.
8. Самович Ю.В. Международная защита прав человека: универсальные механизмы. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2023. 152 с.

9. Самович Ю.В. Судебная защита прав человека в России через призму конституционного правосудия. Чебоксары: Среда, 2022. 116 с.
10. Чхутиашвили Л.В. Защита прав человека и совершенствование институтов гражданского общества в Российской Федерации // Znanium.com. 2016. № 1-12. URL: <https://znanium.com/catalog/product/612336>

Concepts of the mechanism of realization and protection of human rights in the Russian Federation

Dmitrii I. Topuzov

Assistant of the Department of Public Administration and Law,
Mariupol State University,
87500, 129-a, Stroitelei ave., Mariupol, Russian Federation;
e-mail: dtopuzov95@mail.ru

Abstract

The realization and protection of human rights is a concept aimed primarily at ensuring respect and protection of fundamental human rights and freedoms, regardless of their position in society, socio-economic status, race, nationality, gender, religion, or other circumstances. In the article, the author explores the essence and features of the implementation of the mechanism for the protection of human rights in modern Russian practice. Briefly, the author of the paper lists the elements of the system of international protection of human rights, notes the current problematic aspects of the implementation of this mechanism in the Russian Federation, while at the same time identifying promising areas of development. It is shown in the paper that the mechanism for the implementation and protection of human rights in the Russian Federation consists of the following elements: constitutional guarantees, legislative norms, the system of state authorities, international treaties and agreements, the activities of the judiciary, the functioning of human rights organizations and social movements. The mechanism for the implementation and protection of human rights in the Russian Federation aims to create conditions for the observance of the rights and freedoms of each person and further comprehensive provision of legal protection in case of their violation.

For citation

Topuzov D.I. (2023) Ponyatie mekhanizma realizatsii i zashchity prav cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [Concepts of the mechanism of realization and protection of human rights in the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 92-99. DOI: 10.34670/AR.2023.36.11.012

Keywords

The human rights protection mechanism, human and civil rights and freedoms, legal regulation, rights and freedoms protection system, international law.

References

1. Chkhutiashvili L.V. (2016) Zashchita prav cheloveka i sovershenstvovanie institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii [Protection of human rights and improvement of civil society institutions in the Russian Federation]. *Znanium.com*, 1-12. Available at: <https://znanium.com/catalog/product/612336> [Accessed 06/06/2023]

2. Dudko I.A. (2020) *Zashita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Protecting the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation]. Moscow.
3. Kapitsyn V.M. (2003) *Istoriya, teoriya i zashchita prav cheloveka* [History, theory and protection of human rights]. Moscow.
4. Kapitsyn V.M. (2019) *Zashchita prav cheloveka v politike gosudarstv: sravnitel'nyi analiz* [Protection of human rights in the politics of states: a comparative analysis]. Moscow: INFRA-M Publ.
5. Kartashkin V.A. (2022) *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii i mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka v XXI veke* [The United Nations and the International Protection of Human Rights in the 21st Century]. Moscow: Norma; INFRA-M Publ.
6. Krylatova I.Yu. (2014) Mekhanizm realizatsii i zashchity prav cheloveka v Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, sushchnost', struktury, formy [Mechanism for the implementation and protection of human rights in the Russian Federation: concept, essence, structures, forms]. *Antinomii* [Antinomies], 14 (159), pp. 249-254.
7. Maksurov A.A. (2022) *Zashchita prava sobstvennosti v Evropeiskom Sude po pravam cheloveka* [Protection of property rights in the European Court of Human Rights]. Moscow: INFRA-M Publ.
8. Samovich Yu.V. (2023) *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka: universal'nye mekhanizmy* [International protection of human rights: universal mechanisms]. Moscow: RIOR; INFRA-M Publ.
9. Samovich Yu.V. (2022) *Sudebnaya zashchita prav cheloveka v Rossii cherez prizmu konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial protection of human rights in Russia through the prism of constitutional justice]. Cheboksary: Sreda Publ.
10. Valeev R.M. (ed.) (2011) *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka* [International and domestic protection of human rights]. Moscow: Statut Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.85.72.014

Институт наставничества на государственной гражданской службе (часть II)**Гольшкова Ольга Алексеевна**

Студент,
Среднерусский институт управления,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
302026, Российская Федерация, Орел, б-р Победы, 5а;
e-mail: mmts77@mail.ru

Модникова Татьяна Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного,
административного и уголовного права,
Среднерусский институт управления,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
302026, Российская Федерация, Орел, б-р Победы, 5а;
e-mail: mmts77@mail.ru

Пономарева Юлия Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного,
административного и уголовного права,
Среднерусский институт управления,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
302026, Российская Федерация, Орел, б-р Победы, 5а;
e-mail: ponomarevajulia7999@mail.ru

Фомина Мария Геннадиевна

Кандидат политических наук, доцент,
завкафедрой конституционного,
административного и уголовного права,
Среднерусский институт управления,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
302026, Российская Федерация, Орел, б-р Победы, 5а;
e-mail: mgfomina@rambler.ru

Аннотация

Эффективное государственное управление возможно при условии исполнения задач и функций, возложенных на государственные органы, кадрами, обладающими необходимыми знаниями и навыками. Получение необходимых знаний и навыков, напрямую связано с институтом наставничества, т.е. передача опыта профессиональной деятельности молодому поколению, не обладающему опытом работы на государственной гражданской службе. Федеральная налоговая служба Российской Федерации активно применяет наставничество для адаптации новых сотрудников. Статья посвящена исследованию института наставничества на государственной гражданской службе. В этой связи актуальным становится исследование деятельности органов и должностных лиц в реализации и обеспечения деятельности данного института. Цель – комплексный анализ законодательства и мер в обеспечении института наставничества. Методология исследования – анализ современного состояния, определение перспектив развития законодательства в данной области исследования, в том числе на примере Федеральной налоговой службы Российской Федерации. Также дан краткий анализ практики применения и реализации института наставничества на современном этапе развития государственной гражданской службы. В результате обосновано значение данного института для развития и более эффективной профессиональной деятельности государственных гражданских служащих.

Для цитирования в научных исследованиях

Гольшкова О.А., Модникова Т.Н., Пономарева Ю.Ю., Фомина М.Г. Институт наставничества на государственной гражданской службе (часть II) // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 100-106. DOI: 10.34670/AR.2023.85.72.014

Ключевые слова

Наставничество, государственное управление, государственная служба, опыт, эффективность.

Введение

Первоначальное применение технологии наставничества на государственной службе было реализовано в различных государственных ведомствах в ходе пилотного проекта. На основании опыта, полученного в пилотном проекте, в 2013 году Министерством труда Российской Федерации в 2013 году был разработан «Методический инструментарий по применению наставничества на государственной гражданской службе», впоследствии он был доработан и в настоящее время применяется «О Методическом инструментарии по осуществлению наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации (версия 2.0)»: письмо Минтруда России от 28.05.2020 № 18-4/10/П-4994. Несмотря на простоту применения технологии наставничества на государственной гражданской службе, возникают некоторые проблемы и сложности.

Основная часть

Сложности применения технологии наставничества возникают, например, в таких случаях: – внедрение программ наставничества является директивным, что ведет к недостаточной

мотивации государственных служащих и нежеланию участвовать в качестве наставников в процессе адаптации молодых специалистов;

- отсутствие обучающих программ, курсов и тренингов, а также иных мероприятий по обучению наставников;
- непродуманные требования к менторам в кадровом проекте «Ментор ФНС России»;
- для получения ведомственного знака отличия Федеральной налоговой службы «Почетный наставник ФНС России» установлены достаточно высокие требования.

Особое внимание необходимо уделить проблеме мотивации сотрудников при применении технологии наставничества. Методическим инструментарием предусмотрены материальные и нематериальные способы стимулирования наставников [Иванова, 2012, 135].

К материальным средствам стимулирования относятся:

- выплата премии за выполнение особо важных и сложных заданий в повышенном размере, однако, указанная премия не является постоянной выплатой наставнику за статус;
- выплата разовой премии за осуществление работы по программе наставничества [Савчук, 2016, 44].

Однако в условиях экономии фонда оплаты труда у государственных органов не всегда имеется возможность выплачивать премии по указанным основаниям.

Нематериальные средства стимулирования наставников это:

- награждение ведомственным знаком отличия «Почетный наставник»;
- помещение фотографии наставника на доску почета государственного органа;
- присвоение почетного звания «Лучший наставник государственного органа» и др.

При рассмотрении кандидатур наставников для награждения знаком отличия «Почетный наставник» была выявлена такая проблема, что у кандидатов недостаточно стажа работы и отсутствуют иные ведомственные награды.

В соответствии с Приказом ФНС России от 23.10.2018 № ММВ-7-4/608 «Об учреждении ведомственного знака отличия Федеральной налоговой службы «Почетный наставник ФНС России» награждение знаком отличия «Почетный наставник ФНС России» производится при наличии стажа работы в налоговых органах не менее 10 лет и наличии не менее одной ведомственной награды Федеральной налоговой службы.

И если со стажем работы не возникает существенных проблем, так как наставники, как правило, это сотрудники с большим стажем государственной гражданской службы, то ведомственной награды есть не у всех.

В соответствии с приказом ФНС России от 07.05.2018 ММВ-10-4/556@ «Об отмене приказа ФНС России от 10.11.2005 № САЭ-3-15/578» был отменен приказ «О поощрениях федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы Российской Федерации в территориальных органах ФНС России». В связи с отменой указанного приказа Управления ФНС России и инспекции ФНС России утратили право на награждение сотрудников на уровне Управлений и инспекций.

Квота по ведомственным наградам ФНС России незначительная, и не все наставники являются охваченными при награждении за достижение высоких результатов служебной деятельности.

Что касается кадрового проекта «Ментор ФНС России», то здесь тоже возникает ряд трудностей, связанных с критериями отбора менторов.

Менторство представляет собой партнерство между двумя. Ментором может быть сотрудник или бывший сотрудник налоговых органов, замещающий должность руководителя (заместителя руководителя) территориального налогового органа в возрасте от 55 до 70 лет с

успешным опытом работы в налоговых органах и обладающий способностью к преподавательской деятельности. В Управлении в качестве менторов определены 3 заместителя начальника инспекции и 1 начальник инспекции. Степень загруженности начальника инспекции и заместителей начальников инспекций достаточно высокая и, на наш взгляд, менторам будет достаточно сложно найти достаточное количество времени на качественную работу с менти.

Таким образом, институт наставничества на государственной гражданской службе показал, что в процессе осуществления программ наставничества возникают проблемы, несмотря на кажущуюся простоту и понятность с точки зрения законодательной проработанности.

Если государственный гражданский служащий желает получить новые знания, способен работать в команде, готов к саморазвитию и самостоятельной работе, хочет быть целеустремленным и ответственным сотрудником, то помощь наставника в становлении молодого сотрудника неопределима. Для повышения вовлеченности сотрудников с большим опытом работы в процесс наставничества необходимо совершенствовать систему материального и нематериального стимулирования наставников.

В первую очередь на законодательном уровне необходимо закрепление специальной надбавки в процентном отношении к должностному окладу, которая будет установлена для наставников на весь период наставничества.

Надбавка за осуществление наставничества может быть установлена в статье 50 «Оплата труда гражданского служащего» Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также в Постановлении Правительства Российской Федерации от 07.10.2019 № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации». Кроме этого, в положениях об оплате труда государственных гражданских служащих необходимо предусмотреть выплату премии после завершения процесса наставничества и достижения работником, в отношении которого проводилась технология наставничества, хороших результатов работы и выполнения всех пунктов индивидуального плана мероприятий по наставничеству.

Указанная мера позволит заинтересовать государственных гражданских служащих участвовать в процессе наставничества в качестве наставников.

Для дальнейшего развития кадрового проекта «Ментор ФНС России» необходимо издание приказа на уровне Федеральной налоговой службы.

В приказе должны быть предусмотрены основные понятия, используемые в кадровом проекте, требования к менторам и к менти, а также условия взаимодействия ментора и менти.

Например, можно определить, что ментор ФНС России – это лицо (эксперт, ветеран налоговых органов), имеющее большой опыт работы в налоговой сфере, которое на безвозмездной основе оказывает помощь менее опытным специалистам и развитию профессиональных навыков и умений, не вмешиваясь при этом в их служебную деятельность.

Менти – это сотрудник ФНС России, которому необходимо усвоить определенные знания.

В новом приказе о менторстве необходимо закрепить следующие требования к менторам:

- сотрудник (бывший сотрудник) налоговых органов, замещающий должность не ниже главного государственного налогового инспектора;
- в возрасте от 40 до 70 лет;
- готовый подсказывать, как лучше поступить, какие стратегии и тактики наиболее успешны, полностью сопровождать и помогать своему подопечному в достижении цели.

Менти, например, может быть любой сотрудник налоговых органов в возрасте от 20 до 40 лет, который начинает осваивать новые области профессиональной деятельности в налоговой сфере.

В приказе можно определить методы и формы работы.

К методам могут относиться вовлечение в работу с молодыми специалистами (групповые лекции, семинары, мастер-классы и так далее), участие менторов в проектах ФНС России, индивидуальное менторство.

Формы работы могут быть, например, очные встречи и удаленное общение.

Стать ментором – это ответственный шаг для любого сотрудника, возможность самореализации и дальнейшего роста и развития в профессиональной сфере. Кроме материальной мотивации необходимо уделить внимание и нематериальной мотивации. Представляется целесообразным учредить ведомственный знак отличия «Почетный наставник».

Для это необходимо издание приказа ФНС России «О поощрениях федеральных государственных гражданских служащих, замещающих должности государственной гражданской службы Российской Федерации в территориальных органах ФНС России», в котором будут предусмотрены виды наград на уровне территориальных налоговых органов и условия их получения.

Обобщая предложения по развитию института наставничества на государственной гражданской службе, необходимо отметить, что для реализации всех указанных предложений необходимо изменение нормативных документов на федеральном уровне или на уровне субъектов Российской Федерации.

Заключение

В результате анализа нормативно-правовых документов, регламентирующих процесс прохождения наставничества на государственной гражданской службе, были выявлены проблемы, возникающие при реализации указанной технологии. Эти проблемы в целом характерны для всех государственных органов, при реализации указанных проектов возникают специфические проблемы, требующие пересмотра руководящих документов. Кроме того, возникают трудности в непосредственной реализации системы наставничества в государственных органах, основной причиной в этом случае является недостаточная мотивированность наставников и наставляемых, что периодически проявляется в формальном подходе при реализации мероприятий по наставничеству.

Библиография

1. Иванова Л.Л. Наставничество на государственной гражданской службе: институциональный аспект // Государственное и муниципальное управление. 2012. № 4. С. 135.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 30.12.2021).
3. Савчук Д.А. Технология наставничества на государственной гражданской службе: трудности на этапе внедрения // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 1. С. 44.
4. Samier E. Public administration mentorship: Conceptual and pragmatic considerations // Journal of Educational Administration. – 2000. – Т. 38. – №. 1. – С. 83-101.
5. Altmeyer A. S., Prather F., Thombs D. L. Mentoring-in-public-administration scales: construct validation and relationship to level of management // Public Productivity & Management Review. – 1994. – С. 387-397.
6. Portillo S. Mentoring minority and female students: Recommendations for improving mentoring in public administration and public affairs programs // Journal of Public Affairs Education. – 2007. – Т. 13. – №. 1. – С. 103-113.
7. Slack J. D. et al. Women, research, and mentorship in public administration // Public Administration Review. – 1996. – С. 453-458.
8. Weber K. M. et al. ICT-enabled system innovations in public services: Experiences from intelligent transport systems // Telecommunications Policy. – 2014. – Т. 38. – №. 5-6. – С. 539-557.
9. Corkery J. (ed.). Management of public service reform: A comparative review of experiences in the management of programmes of reform of the administrative arm of central government. – 1998.

10. Trischler J., Scott D. R. Designing Public Services: The usefulness of three service design methods for identifying user experiences //Public Management Review. – 2016. – T. 18. – №. 5. – C. 718-739.

Institution of Mentoring in the Public Civil Service (Part II)

Ol'ga A. Golyschkova

Graduate Student,
Central Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
302026, 5a, Pobedy b., Orel, Russian Federation;
e-mail: mmmts77@mail.ru

Tat'yana N. Modnikova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law,
Central Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
302026, 5a, Pobedy b., Orel, Russian Federation;
e-mail: mmmts77@mail.ru

Yuliya Yu. Ponomareva

PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law,
Central Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
302026, 5a, Pobedy b., Orel, Russian Federation;
e-mail: ponomarevajulia7999@mail.ru

Mariya G. Fomina

PhD in Political Science, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law,
Central Russian Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
302026, 5a, Pobedy b., Orel, Russian Federation;
e-mail: mgfomina@rambler.ru

Abstract

Effective public administration is possible if the tasks and functions assigned to state bodies are performed by personnel with the necessary knowledge and skills. Obtaining the necessary knowledge and skills is directly related to the institution of mentoring, i.e. transfer of professional experience to the younger generation who do not have experience in the public civil service. The

Federal Tax Service of the Russian Federation actively uses mentoring for the adaptation of new employees. The article is devoted to the study of the institution of mentoring in the civil service. In this regard, the study of the activities of bodies and officials in the implementation and maintenance of the activities of this institution becomes relevant. The goal is a comprehensive analysis of legislation and measures to ensure the institution of mentoring. The research methodology is an analysis of the current state, determination of the prospects for the development of legislation in this area of research, including the example of the Federal Tax Service of the Russian Federation. A brief analysis of the practice of applying and implementing the institution of mentoring at the present stage of development of the civil service is also given. As a result, the significance of this institution for the development and more effective professional activity of public civil servants is substantiated.

For citation

Golyshkova O.A., Modnikova T.N., Ponomareva Yu.Yu., Fomina M.G. (2023) Institut nastavnichestva na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe (chast' II) [Institution of Mentoring in the Public Civil Service (Part II)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 100-106. DOI: 10.34670/AR.2023.85.72.014

Keywords

Mentoring, public administration, public service, experience, efficiency.

References

1. Ivanova L.L. (2012) Nastavnichestvo na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe: institutsional'nyi aspekt [Mentorship in the state civil service: an institutional aspect]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [State and municipal management], 4, p. 135.
2. *O gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ (v red. ot 30.12.2021)* [On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ dated July 27, 2004 (as amended on December 30, 2021)].
3. Savchuk D.A. (2016) Tekhnologiya nastavnichestva na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe: trudnosti na etape vnedreniya [Technology of mentoring in the civil service: difficulties at the stage of implementation]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 1, p. 44.
4. Samier, E. (2000). Public administration mentorship: Conceptual and pragmatic considerations. *Journal of Educational Administration*, 38(1), 83-101.
5. Altmeyer, A. S., Prather, F., & Thombs, D. L. (1994). Mentoring-in-public-administration scales: construct validation and relationship to level of management. *Public Productivity & Management Review*, 387-397.
6. Portillo, S. (2007). Mentoring minority and female students: Recommendations for improving mentoring in public administration and public affairs programs. *Journal of Public Affairs Education*, 13(1), 103-113.
7. Slack, J. D., Myers, N., Nelson, L., & Sirk, K. (1996). Women, research, and mentorship in public administration. *Public Administration Review*, 453-458.
8. Weber, K. M., Heller-Schuh, B., Godoe, H., & Roeste, R. (2014). ICT-enabled system innovations in public services: Experiences from intelligent transport systems. *Telecommunications Policy*, 38(5-6), 539-557.
9. Corkery, J. (Ed.). (1998). Management of public service reform: A comparative review of experiences in the management of programmes of reform of the administrative arm of central government.
10. Trischler, J., & Scott, D. R. (2016). Designing Public Services: The usefulness of three service design methods for identifying user experiences. *Public Management Review*, 18(5), 718-739.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.54.39.015

Регулирование реализации национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития

Межа Виктория Александровна

Аспирант,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, Омск, проспект Мира, 55-А;
e-mail: viktoriya-meha@mail.ru

Аннотация

На сегодняшний день национальные проекты в России стали одной из наиболее обсуждаемых тем в политической ленте. Это комплексное государственное мероприятие, имеющее целью решение важных задач, связанных с развитием экономики и социальной сферы Российской Федерации. В соответствии с национальной стратегией развития Российской Федерации реализуется программа национальных проектов, в которых задействованы различные отрасли экономики и социальной сферы. Однако, для успешного выполнения указанных задач необходимо обеспечить эффективное правовое регулирование, гарантирующее защиту прав и интересов участников проектов, а также прозрачность и открытость процесса реализации. В связи с этим целью научной статьи является выявление проблемных аспектов регулирования национальных проектов, а также поиск перспектив развития этой сферы. В рамках статьи выполнены следующие задачи: выявлены основные факторы, препятствующие успешной реализации национальных проектов, предложены конкретные меры по совершенствованию правового регулирования данной области деятельности. Представленная научная статья является актуальным исследованием в сфере правового регулирования реализации национальных проектов и может быть использована как учеными, так и представителями государственных и муниципальных органов власти для разработки и внедрения соответствующих мер по совершенствованию рассматриваемой сферы.

Для цитирования в научных исследованиях

Межа В.А. Регулирование реализации национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 107-112. DOI: 10.34670/AR.2023.54.39.015

Ключевые слова

Национальные проекты, правовое регулирование, реализация национальных проектов, национальная экономика, инвестиции, проекты.

Введение

На сегодняшний день национальные проекты в России стали одной из наиболее обсуждаемых тем в политической ленте. Представляется, что это комплексное государственное мероприятие, имеющее целью решение важных задач, связанных с развитием экономики и социальной сферы Российской Федерации. Стоит отметить, что национальные проекты – это новшество для отечественной экономики, так как ранее государство не применяло такие мультисторонние проекты. Ключевым документом, ставшим основой для реализации нацпроектов, стал Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Одним из главных преимуществ национальных проектов является то, что они создают возможности для развития инноваций и стимулируют развитие экономики страны. Однако, для реализации этого потенциала необходимо преодолевать ряд проблем. На пути к достижению поставленных целей стоят не только экономические и организационные вызовы, но и юридические.

Они могут возникать на различных этапах реализации нацпроектов, от разработки концепции до контроля над исполнением. По мнению Д.А. Винника, начало реализации национальных проектов было обусловлено, в частности, отсутствием правовых механизмов публичного управления, которые могли бы адекватно удовлетворять потребности населения в государственных и муниципальных услугах [Винник, 2012, 11]. В связи с этим проблемы реализации национальных проектов актуальны и требуют детальной работы над ними.

Основная часть

Подробное изучение основных национальных проектов позволяет выявить несколько проблем, существенно препятствующих их реализации:

1. Финансовые ограничения.

К сожалению, одним из главных препятствий для успешной реализации национальных проектов являются ограничения бюджета. Несмотря на масштаб мероприятий и высокую значимость государственных программ, не всегда государству удается выделить достаточные финансовые ресурсы для выполнения поставленных целей и задач. Также следует отметить, что ввиду экономических трудностей, снижения цен на ресурсы и т.д. сроки ввода проектов в эксплуатацию могут быть сдвинуты, и общий успех достижения поставленных целей – недостижим.

2. Инфраструктурные и технологические несовершенства.

Реализация национальных проектов не всегда осуществляется по плану, это может происходить из-за инфраструктурных и технологических несовершенств. Некоторые национальные проекты могут возникнуть в регионах с недоразвитой структурой и инфраструктурой, что может оказаться препятствием для их реализации. Также технологические проблемы могут произойти из-за неудачного выбора технологий, сложности координации между национальными проектами и сильного воздействия внешних факторов.

3. Низкая вовлеченность граждан.

Одной из основных причин несвоевременной реализации национальных проектов является

низкая вовлеченность граждан в данный процесс. Незакрепленность государством социально-экономической ответственности на уровне населения является первоначальной ограничивающей составляющей реализации национальных проектов. Кроме того, необходимость адаптации показателей проектов к конкретной территориальной обстановке может вынуждать граждан не соглашаться на реализацию национальных проектов на своих территориях. С.В. Запольский и А.М. Андреева при исследовании данной проблемы справедливо обращаются к важности правового регулирования национальных проектов не только на федеральном, но и на региональном уровне [Запольский, Андреева, 2020, 91-93].

Сложность решения вышеозначенных проблем, в свою очередь, обусловлена трудностью экономической ситуации, но для Российской Федерации успешная реализация национальных проектов является одним из ключевых заданий.

4. Недостаточность правовой базы.

Национальные проекты являются комплексной программой обновления инфраструктуры и развития экономики нашей страны. Однако, на сегодняшний день правовые основы реализации национальных проектов в Российской Федерации недостаточно проработаны, о чем свидетельствуют проблемы с привлечением инвестиций, сложности с исполнением государственных заказов, срывы сроков реализации нацпроектов. В данном случае на законодательство возлагаются большие надежды. Совершенствование правовой базы реализации национальных проектов – очень кропотливая и трудоемкая, но вместе с этим крайне необходимая работа, поскольку потребность в развитии законодательства в данной области назрела уже давно.

Актуальность проблемы реализации национальных проектов обусловлена также тем, что данный процесс развивается преимущественно стихийно, механизм реализации национальных проектов не сформирован и существенно фрагментарен. При этом национальные проекты часто остаются не в правовой плоскости, а только в политической, властно-управленческой сфере; принятые на практике в ходе реализации национальных проектов шаги зачастую не получают необходимых и необходимых для их социальной эффективности правовых форм.

Говоря о перспективах развития в сфере реализации национальных проектов, стоит отметить внедрение новых технологий и методов управления. Например, использование больших данных и машинного обучения может повысить эффективность управления нацпроектами и снизить риски их несвоевременного и некачественного исполнения.

Также представляется необходимой разработка не только политических, но и правовых методов осуществления контроля за надлежащей реализацией нацпроектов и привлечения к ответственности за их неисполнение. Данная точка зрения нашла свое отражение в юридической литературе. Так, Н.В. Белякова высказывает мнение, что правовое регулирование национальных проектов должно осуществляться совместно с бизнес-сообществом. По ее мнению, наиболее актуальными факторами, определяющими успешную реализацию национальных проектов в России, являются публичные обсуждения нацпроектов, персонафикация и распределение ответственности за их реализацию, а также мониторинг и оценка эффективности такой реализации [Белякова, 2010, 21].

Кроме того, для полноценной реализации национальных проектов необходимо проводить постоянный мониторинг за данным процессом и анализ результатов. Анализ официального сайта Счетной палаты Российской Федерации позволил выявить среди ключевых направлений

ее деятельности мониторинг национальных проектов [Кудрин, www]. Представляется, что одной из задач правотворцев должно стать раскрытие содержания указанной деятельности на законодательном уровне. Только так можно гарантировать эффективность вложения средств в национальные проекты.

Заключение

Таким образом, эффективная реализация национальных проектов требует комплексного подхода и координации усилий различных структур и организаций. Необходимо разработать оптимальные пути и механизмы для достижения поставленных целей, а также обеспечить эффективное использование ресурсов. Успешная реализация национальных проектов имеет прямое влияние на жизнь граждан России. Следовательно, разработка путей решения проблемы реализации национальных проектов является актуальной задачей, которая требует серьезного изучения и принятия соответствующих мер для достижения поставленных целей.

Библиография

1. Алексей Кудрин: главная задача Счетной палаты и региональных КСО на ближайшие шесть лет – мониторинг нацпроектов. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/354677sphrase_id=11857092
2. Белякова Н.В. Нормативно-правовое регулирование механизма обеспечения приоритетных национальных проектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.
3. Винник Д.А. Юридические основы реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2012. 19 с.
4. Запольский С.В., Андреева А.М. Правовое сопровождение приоритетных национальных проектов // Федерализм. 2020. 1. С. 81-98. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-81-98>
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
6. Aganbegyan A. G. et al. Development of the Far East: a national program in the context of national projects // Spatial Economics= Prostranstvennaya Ekonomika. – 2019. – №. 3. – С. 165-181.
7. Khalimon E. et al. National projects as a way to solve the problems of economic and digital disparities in different areas and regions // 5th IPMA SENET Project Management Conference (SENET 2019). – Atlantis Press, 2019. – С. 105-111.
8. Sabyrzhan A., Balgimbekova G., Shestak V. Economic and legal regulation of the use and development of renewable energy sources // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. – 2021. – Т. 21. – С. 595-610.
9. Decker C. Modern economic regulation: An introduction to theory and practice. – Cambridge University Press, 2023.
10. Steinberg G. M. Large-scale national projects as political symbols: The case of Israel // Comparative Politics. – 1987. – Т. 19. – №. 3. – С. 331-346.

Regulation of the implementation of national projects in the Russian Federation: problems and prospects of development

Viktoriya A. Mekha

Postgraduate,
Omsk State University,
644077, 55-A, Mira ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: viktoriya-mekha@mail.ru

Abstract

To date, national projects in Russia have become one of the most discussed topics in the political feed. This is a comprehensive state event aimed at solving important problems related to the development of the economy and social sphere of the Russian Federation. In accordance with the national development strategy of the Russian Federation, a program of national projects involving various sectors of the economy and social sphere is being implemented. However, for the successful implementation of these tasks, it is necessary to ensure effective legal regulation that guarantees the protection of the rights and interests of project participants, as well as transparency and openness of the implementation process. In this regard, the purpose of the scientific article is to identify problematic aspects of the regulation of national projects, as well as to search for prospects for the development of this area. Within the framework of the article, the following tasks are performed: the main factors hindering the successful implementation of national projects are identified, specific measures are proposed to improve the legal regulation of this field of activity. The presented scientific article is an actual study in the field of legal regulation of the implementation of national projects and can be used by both scientists and representatives of state and municipal authorities to develop and implement appropriate measures to improve the area under consideration.

For citation

Mekha V.A. (2023) Regulirovanie realizatsii natsional'nykh proektov v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy razvitiya [Regulation of the implementation of national projects in the Russian Federation: problems and prospects of development]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 107-112. DOI: 10.34670/AR.2023.54.39.015

Keywords

National projects, legal regulation, implementation of national projects, national economy, investments, projects.

References

1. Aleksei Kudrin: *glavnaya zadacha Schetnoi palaty i regional'nykh KSO na blizhaishie shest' let – monitoring natsproektov* [Alexey Kudrin: the main task of the Accounts Chamber and regional CSR for the next six years is to monitor national projects]. Available at: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/354677sphrase_id=11857092 [Accessed 06/06/2023]
2. Belyakova N.V. (2010) *Normativno-pravovoe regulirovanie mekhanizma obespecheniya prioritnykh natsional'nykh proektov. Doct. Dis.* [Normative-legal regulation of the mechanism for ensuring priority national projects. Doct. Dis.]. Moscow.
3. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 07.05.2018 № 204. «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024”].
4. Vinnik D.A. (2012) *Yuridicheskie osnovy realizatsii prioritnykh natsional'nykh proektov v Rossiiskoi Federatsii (konstitutsionno-pravovoe issledovanie). Doct. Dis.* [Legal basis for the implementation of priority national projects in the Russian Federation (constitutional and legal research). Doct. Dis.]. Tyumen.
5. Zapol'skii S.V., Andreeva A.M. (2020) *Pravovoe soprovozhdenie prioritnykh natsional'nykh proektov* [Legal support of priority national projects]. *Federalizm* [Federalism], 1, pp. 81-98. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-81-98>
6. Aganbegyan, A. G. (2019). Development of the Far East: a national program in the context of national projects. *Spatial Economics= Prostranstvennaya Ekonomika*, (3), 165-181.
7. Khalimon, E., Brikoshina, I., Guseva, M., Kogotkova, I., & Nikitin, S. (2019, December). National projects as a way to solve the problems of economic and digital disparities in different areas and regions. In 5th IPMA SENET Project

- Management Conference (SENET 2019) (pp. 105-111). Atlantis Press.
8. Sabyrzhan, A., Balgimbekova, G., & Shestak, V. (2021). Economic and legal regulation of the use and development of renewable energy sources. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*, 21, 595-610.
 9. Decker, C. (2023). *Modern economic regulation: An introduction to theory and practice*. Cambridge University Press.
 10. Steinberg, G. M. (1987). Large-scale national projects as political symbols: The case of Israel. *Comparative Politics*, 19(3), 331-346.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.48.29.017

Особенности определения продуктовых границ в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках

Брыжова Елизавета Михайловна

Магистр,
заместитель начальника отдела особо важных расследований
Управления по борьбе с картелями ФАС России,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 11;
e-mail: bryzhova@fas.gov.ru

Аннотация

Цель настоящего исследования состоит в изучении правовых подходов к определению продуктовых границ товарных рынков при установлении доминирующего положения у хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на цифровых рынках, с точки зрения конкурентного права России и ряда иностранных правовых порядков. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, а именно: анализ, синтез, гипотеза, аналогия, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод правового моделирования. По результатам исследования обосновывается, что тест гипотетического монополиста как классический правовой инструмент доказывания факта наличия либо отсутствия доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке также может использоваться при доказывании доминирующего положения на цифровых рынках. Вместе с тем для целей определения доминирующего положения цифровой платформы, которая действует на товарном рынке, на котором услуги на предоставляются на безвозмездной основе (или для одной из сторон такого рынка) автором разработан новый метод определения рыночной власти для вышеуказанных хозяйствующих субъектов – RTP-тест (от англ. ready to pay). Предлагаемые выводы направлены на решение дискуссионных вопросов и придание правовой определенности правоприменительной практике.

Для цитирования в научных исследованиях

Брыжова Е.М. Особенности определения продуктовых границ в делах о злоупотреблении доминирующим положением на цифровых рынках // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 113-119. DOI: 10.34670/AR.2023.48.29.017

Ключевые слова

Продуктовые границы, злоупотребление доминирующим положением, цифровые рынки, SSNIP-тест, SSNDQ-тест, SSNDS-тест, RTP-тест.

Введение

В связи с развитием цифровой экономики и появлением новых рынков антимонопольные органы всего мира столкнулись с рядом проблем, которые возникали в ходе проведения анализов состояния конкуренции на новых товарных рынках, расследований и рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства. Старые методы, которые всегда применялись при анализе традиционных рынков, частично утратили свою актуальность для цифровых рынков. Вместе с новыми рынками на практике формировались и новые подходы антимонопольных органов, которые необходимо было отразить в действующем законодательстве.

В Российской Федерации, несмотря на активную правоприменительную практику и принятие «пятого антимонопольного пакета», приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» так и не был актуализирован в части анализа состояния конкуренции на цифровых рынках.

В настоящем исследовании предложены направления по совершенствованию анализа состояния конкуренции на цифровых рынках в части определения продуктовых границ данных товарных рынков, основанные на обобщении отечественной практики и зарубежного опыта.

Основная часть

В соответствии с положениями приказа ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (далее – Порядок) анализ состояния конкуренции на товарном рынке включает в себя десять этапов, определенных пунктом 1.3 настоящего Порядка.

Вместе с тем в ходе анализа сложившейся правоприменительной практики антимонопольных органов установлено, что при анализе состояния конкуренции на цифровых рынках существует ряд особенностей при определении продуктовых границ на данных рынках.

Так, в соответствии с Порядком под определением продуктовых границ понимается процедура выявления товара, не имеющего заменителя, или взаимозаменяемых товаров, обращающихся на одном и том же товарном рынке.

Основным методом оценки взаимозаменяемости в соответствии с Порядком определен «тест гипотетического монополиста», или иначе SSNIP-тест (от англ. Small but Significant Non-transitory Increase in Price).

Цель SSNIP-теста заключается в том, чтобы выяснить, являются ли рассматриваемые продукты или услуги взаимозаменяемыми и, во-вторых, являются ли эти продукты взаимозаменяемыми. Согласно данному методу, два продукта являются взаимозаменяемыми и находятся одном товарном рынке, если увеличение цены на 5-10 % на продукт X приведет к тому, что большая часть спроса, который ранее был сосредоточен на продукте X, переключится на продукт Y.

Вместе с тем хозяйствующие субъекты, осуществляющие свою деятельность на цифровых рынках, чаще всего функционируют на многосторонних рынках. Однако цифровые рынки отличаются и во многих других отношениях. Особенности этих рынков свидетельствуют о том, что и определение продуктового рынка отличается от традиционных рынков. Более того, применение традиционных инструментов, особенно в условиях многосторонних платформ, может привести к ненадежным определениям рынка. Согласно исследованию Организации

экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), слишком буквальное определение рынка, которое может исключать одну из сторон рынка, может привести к ошибкам в анализе состояния конкуренции на товарных рынках. Поэтому следует отметить, что определение продуктовых границ рынка должно быть прозрачным и последовательным процессом, который обеспечивает правовую определенность как для хозяйствующих субъектов, так и регулирующих органов [Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms, www].

В первую очередь проблема при определении продуктовых границ товарного рынка может заключаться в том, должны ли две стороны рынка платформ определяться совместно или раздельно. В более ранней практике антимонопольных органов стороны рынка цифровых платформ определялись отдельно друг от друга. Вместе с тем, в доктрине был сделан вывод, что двусторонний характер рынка должен быть определяющим фактом при исследовании соответствующего рынка. В дополнение к этому мнению исследование ОЭСР подчеркивает, что особенно важным в контексте определения продуктовых границ цифровых рынков является принятие во внимание связей и особенностей взаимоотношений между сторонами рынка.

Пока еще нет единого мнения о том, как определить продуктовые границы цифровых рынков с особыми характеристиками, отличающимися от традиционных рынков. Однако очевидно, что, когда речь идет о цифровой экономике, традиционные инструменты определения взаимозаменяемости не подходят для этой цели. В значительной степени это связано с ценообразованием на товары и услуги цифрового рынка, ведь услуги цифрового рынка часто предлагаются бесплатно (в англ. zero-price platforms). Обычно это релевантно, по крайней мере, для одной стороны многосторонней платформы.

С другой стороны, когда цены становятся основным фактором для принятия решений потребителями, потребители легко становятся чувствительными к ценам и ищут заменители. В прецедентном праве соответствующий рынок в цифровой среде до сих пор определялся путем оценки влияния либо изменений в качестве услуг или продуктов платформы, либо сравнения абсолютных изменений цен.

Очевидно, что тест гипотетического монополиста бесполезен в тех рыночных условиях, где цена не играет никакой роли между различными сторонами рынка. SSNIP-тест основан на гипотетическом увеличении цены, а когда такой цены не существует – тест не может быть применен. Именно эта актуальная проблема подтолкнула антимонопольные органы многих стран к разработке новых методов оценки взаимозаменяемости товаров.

Так, ОЭСР был предложен следующий вариант решения проблемы с невозможностью проведения теста гипотетического монополиста. По мнению данной организации, применимой представляется замена анализа, ориентированного на цену, анализом, ориентированным на качество [там же]. Данный тест был назван SSNDQ-тест – «небольшое, но значительное, не транзиторное снижение качества» (от англ. a small but significant non transitory decrease in quality). Цель теста SSNDQ – заменить тест SSNIP таким образом, чтобы вместо гипотетического увеличения цены, тест оценивал эффект гипотетического снижения качества. Помимо рассмотрения качества конкретной услуги, тест может также оценивать гипотетические последствия изменения общих условий и положений конкретной платформы.

С точки зрения разработчиков данного подхода, качество услуг, сбор данных и общие условия предоставления услуг платформы существенно взаимосвязаны. Роль данных как актива особенно актуальна, когда эти данные нелегко воспроизвести и когда услуга цифровой платформы, где собираются данные, предлагается бесплатно. В случае с популярными услугами цифровых платформ речь чаще всего идет о персональных данных. Когда конечные

пользователи услуг цифровой платформы разрешают поставщику услуг собирать и получать доступ к их персональным данным, денежная цена этой услуги, по-видимому, заменяется условиями, которые учитывают коммерческое использование персональных данных конечного пользователя. В то же время, качество условий, например, неполный охват или конкретность, может стать фактором качества, который может быть проанализирован с помощью теста SSNDQ.

Однако, как отмечается в отчете советников Европейской комиссии, неясно, как такой тест может быть применен на практике. Например, они задаются вопросом, какой уровень ухудшения качества будет эквивалентен повышению цен на 5-10%, чтобы уполномоченные органы могли оценить, будет ли гипотетический монополист по-прежнему получать прибыль на данном рынке.

Как отмечает ОЭСР, полезность такого теста будет скорее концептуальным руководством, чем объективным критерием, который может применяться антимонопольными органами или судами. Пример применения теста SSNDQ приведен в деле Qihoo 360 против TenCent в Верховном народном суде Китая [China's Leaders Aim for 'High Quality' Growth, [www](#)].

Данная позиция находит свое отражение и в трудах отечественных исследователей в области конкурентного права. Так, с точки зрения Е.С. Хохлова, для целей определения рыночной власти на рынках с нулевой стоимостью товаров необходимо использовать не цену, а, в первую очередь, качество товара. В таком случае рыночная власть будет иметь место при наличии у хозяйствующего субъекта возможности существенно занижать качество товара при неизменности спроса на него [Пузыревский и др., 2021, 126-129].

Вместе с тем, с точки зрения автора, данный тест не может являться действительным и универсальным индикатором взаимозаменяемости при определении продуктовых границ цифровых рынков по следующим причинам.

Во-первых, отсутствие четких критериев снижения качества может расширительно толковаться регуляторами, что приведет к отсутствию единообразия в правоприменительной практике.

Во-вторых, проводя аналогию с традиционными товарными рынками, стоит отметить, что метод «снижения качества» видится не в полной мере применимым и действительно отражающим взаимозаменяемость между товарами в связи с тем, что в случае при ухудшении качества предоставляемого товара вполне естественен отток потребителей.

Так, например, в случае ухудшения качества производимого металла, который не будет отвечать установленным стандартам качества, с высокой степенью вероятности повлечет за собой уменьшение спроса. Вместе с тем переход потребителей к другому поставщику в данной ситуации вряд ли отражает действительное наличие рыночной силы у хозяйствующего субъекта. Данный пример видится актуальным и для цифровых рынков.

Таким образом, с точки зрения автора, предложенный ОЭСР неценовой метод оценки взаимозаменяемости товаров (SSNDQ-тест) видится не в полной мере применимым к цифровым рынкам [Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms, [www](#)].

В литературе встречается еще одна альтернатива SSNIP-теста. Так, Г. Комиссаров считает, что заменой SSNIP-теста при определении продуктовых границ многостороннего рынка (в т.ч. цифрового) с многосторонней же «нулевой ценой» может стать SSNDS-опрос приобретателей [Перспективы антимонопольного регулирования на цифровых рынках..., [www](#)].

Данным исследователем предлагается следующая формулировка вопроса, который будет

задаваться при опросе приобретателей товаров/услуг цифровых платформ:

«Какими инфраструктурами и в каком объеме они предпочтут заменить предварительно определенную инфраструктуру, если причина, влияющая только на ее владельца, приведет к долговременному (дольше одного года) уменьшению на 5-10% объема продаж их собственных товаров/услуг, реализуемых через эту инфраструктуру».

«SSNDS», таким образом, расшифровывается как «Small but significant and non-transitory diminution in sales» (небольшое, но значимое и долговременное снижение продаж).

Данный метод видится очень схожим с SSNDQ-тестом. Вместе с тем стоит отметить, что данный тест также имеет свои «слепые пятна» и в полной мере не сможет стать новым «тестом гипотетического монополиста» для цифровых платформ. Так, исходя из определения, данного автором, тест применим только для транзакционных платформ, исключая огромный блок нетранзакционных платформ, для которых вопрос определения рыночной власти так и останется нераскрытым.

Таким образом, с точки зрения автора, SSNDQ-тест видится также не в полной мере универсальным методом для оценки взаимозаменяемости товаров на цифровых рынках.

Заключение

По результатам анализа подходов к определению продуктовых границ товарных рынков для участников цифровых рынков, в настоящее время на законодательном уровне России и зарубежных стран с точки зрения автора, не разработан метод, который бы подходил для применения регуляторами в отношении любых бесплатных платформ, реально отражая наличие или отсутствие рыночной власти у хозяйствующего субъекта.

В целях совершенствования анализа состояния конкуренции на цифровых рынках в части определения продуктовых границ данных товарных рынков, основанном на обобщении отечественной практики и зарубежного опыта, автором предлагается новый метод определения продуктовых границ, который видится актуальным для применения при проведении анализа в отношении бесплатных цифровых платформ – RTP-тест (от англ. ready to pay).

Данный тест подразумевает введение платы за пользование платформой. Так, обладая действительной рыночной властью платформа с нулевой ценой, становясь платной, не будет подвержена оттоку потребителей.

Альтернативой вопроса, регламентированного пунктом 3.9 Порядка будет являться:

«Какими товарами и в каком объеме они предпочтут заменить предварительно определенный товар, если за его использование на него долговременно (дольше одного года) будет введена плата, а цены на остальные товары останутся неизменными?».

Библиография

1. Перспективы антимонопольного регулирования на цифровых рынках: границы рынка. URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/23/perspektivy_antimonopolnogo_regulirovaniya_na_cifrovyyh_rynках_granicy_rynka
2. Приказ ФАС России от 28.04.2010 №220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (ред. от 12.03.2020).
3. Пузыревский С.А. и др. Конкурентное право России. М.: Проспект, 2021. 640 с.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» от 10.07.2023 № 301-ФЗ.
5. China's Leaders Aim for 'High Quality' Growth. URL: <https://www.caixinglobal.com/2017-12-21/chinas-leaders-aim-for-high-quality-growth-101187563.html>
6. Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/Rethinking-antitrust->

tools-for-multi-sided-platforms-2018.pdf

7. Fox E. M. Monopolization and abuse of dominance: Why Europe is different //The Antitrust Bulletin. – 2014. – T. 59. – №. 1. – С. 129-152.
8. Fumagalli C., Motta M., Calcagno C. Exclusionary practices: The economics of monopolisation and abuse of dominance. – Cambridge University Press, 2018.
9. Gormsen L. L. A principled approach to abuse of dominance in European competition law. – Cambridge University Press, 2010.
10. Gormsen L. L. A principled approach to abuse of dominance in European competition law. – Cambridge University Press, 2010.

Specifics of defining product boundaries in cases of abuse of a dominant position in digital markets

Elizaveta M. Bryzhova

LLM, Deputy Head of the Particularly Sensitive Investigations Department,
Cartel Division of the FAS of Russia,
125993, 11, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: bryzhova@fas.gov.ru

Abstract

The purpose of this research is to study the legal approaches to determining the product boundaries of commodity markets when establishing a dominant position of business entities operating on digital markets from the perspective of competition law in Russia and a number of foreign legal orders. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, namely: analysis, synthesis, hypothesis, analogy, as well as private scientific methods: formal-legal, comparative-legal, historical-legal, method of legal modeling. According to the results of the study it is substantiated that the hypothetical monopolist test as a classical legal tool of proving the fact of presence or absence of a dominant position of an economic entity on the commodity market can also be used in proving the dominant position on digital markets. At the same time, for the purposes of determining the dominant position of a digital platform that operates on a commodity market where services are provided on a gratuitous basis (or for one of the parties to such a market), the author has developed a new method of determining market power for the above-mentioned business entities, the RTP-test (ready to pay). The proposed conclusions are aimed at solving controversial issues and giving legal certainty to law enforcement practice.

For citation

Bryzhova E.M. (2023) Osobennosti opredeleniya produktovykh granits v delakh o zloupotreblenii dominiruyushchim polozheniem na tsifrovyykh rynkakh [Specifics of defining product boundaries in cases of abuse of a dominant position in digital markets]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 113-119. DOI: 10.34670/AR.2023.48.29.017

Keywords

Product boundaries, abuse of dominance, digital markets, SSNIP-test, SSNDQ-test, SSNDS-test, RTP-test.

References

1. *China's Leaders Aim for 'High Quality' Growth*. Available at: <https://www.caixinglobal.com/2017-12-21/chinas-leaders-aim-for-high-quality-growth-101187563.html> [Accessed 06/06/2023]
2. *Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «O zashchite konkurentsii» ot 10.07.2023 № 301-FZ* [Federal Law No. 301-FZ dated July 10, 2023 “On Amendments to the Federal Law “On Protection of Competition””].
3. *Perspektivy antimonopol'nogo regulirovaniya na tsifrovyykh ryinkakh: granitsy rynka* [Prospects for antitrust regulation in digital markets: market boundaries]. Available at: https://zakon.ru/blog/2021/8/23/perspektivy_antimonopolnogo_regulirovaniya_na_cifrovyyh_ryinkah_granicy_rynka [Accessed 06/06/2023]
4. *Prikaz FAS Rossii ot 28.04.2010 №220 «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya analiza sostoyaniya konkurentsii na tovarnom rynke» (red. ot 12.03.2020)* [Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated April 28, 2010 No. 220 “On Approval of the Procedure for Analyzing the State of Competition in the Commodity Market” (as amended on March 12, 2020)].
5. Puzyrevskii S.A. et al. (2021) *Konkurentnoe pravo Rossii* [Competitive Law of Russia]. Moscow: Prospekt Publ.
6. *Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms*. Available at: <https://www.oecd.org/daf/competition/Rethinking-antitrust-tools-for-multi-sided-platforms-2018.pdf> [Accessed 06/06/2023]
7. Fox, E. M. (2014). Monopolization and abuse of dominance: Why Europe is different. *The Antitrust Bulletin*, 59(1), 129-152.
8. Fumagalli, C., Motta, M., & Calcagno, C. (2018). *Exclusionary practices: The economics of monopolisation and abuse of dominance*. Cambridge University Press.
9. Gormsen, L. L. (2010). *A principled approach to abuse of dominance in European competition law*. Cambridge University Press.
10. Gormsen, L. L. (2010). *A principled approach to abuse of dominance in European competition law*. Cambridge University Press.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.73.11.020

К вопросу о доступности правосудия

Кулагина Нелли Павловна

Старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: nelli.kulagina@rambler.ru

Кулагин Олег Александрович

Старший преподаватель кафедры гражданского
и административного судопроизводства,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234;
e-mail: advokat.kulaginoa@gmail.com

Аннотация

Цель: Целью проводимого исследования является изучение проблемы доступности правосудия через призму института оставления искового заявления без движения в гражданском процессе. Методы: В процессе исследования использовались общенаучные и частноправовые методы исследования. Результаты: Результатом проведенного исследования явилось выявление отсутствия правового регулирования института обжалования определения суда об оставлении искового заявления без движения в арбитражном и гражданском процессах, что оказывает существенное влияние в реализации права на судебную защиту в связи с препятствием доступности правосудия. Выводы: В связи с выявленным отсутствием должного правового регулирования предложено внести дополнения в ст. 128 АПК РФ и ст. 136 ГПК РФ, предусматривающие возможность обжалования определения суда об оставлении искового заявления без движения. В целях обеспечения реализации такого элемента права на судебную защиту как доступность правосудия, считаем необходимым закрепить аналогично положению, содержащемуся в ч.3 статьи 130 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в статье 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации положение о том, что на определение суда об оставлении искового заявления без движения может быть подана частная жалоба, а в статье 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации положение о том, что на определение суда об оставлении искового заявления без движения может быть подана жалоба.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулагина Н.П., Кулагин О.А. К вопросу о доступности правосудия // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 120-128. DOI: 10.34670/AR.2023.73.11.020

Ключевые слова

Право на судебную защиту, доступность правосудия, оставление искового заявления без движения, обжалование определения об оставлении искового заявления без движения, судебное право.

Введение

Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Одним из признаков правового государства является наличие надлежащих формально-юридических гарантий прав и свобод человека [Варламова, 2016]. Что указывает на необходимость создания органов и процедур, обеспечивающих их эффективную защиту от возможных нарушений со стороны как частных лиц, так и государства.

Одной из гарантий, обеспечивающих право на судебную защиту, являются положения закрепленные в ст. 46 Конституции Российской Федерации. Доступность к правосудию выступает одним из элементов в содержании права на судебную защиту.

Материалы и методы

Методологическую основу нашего исследования составляют как общенаучные (анализ, аналогия, исторический) так и частноправовые (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы исследования.

Литературный обзор

Проблема доступности правосудия, выступая многогранным явлением, была предметом исследования многих ученых процессуалистов. В своих работах они рассматривали отдельные аспекты данного явления. А.Т. Боннер рассматривает доступность правосудия через призму соблюдения процессуальной формы [Боннер, 2001]; Т.Е. Абова [Абова, 2001] и Р.Ф. Калистратова [Калистратова, 2001] связывают проблему доступности правосудия с вопросами подведомственности; Э.М. Мурадян указывает на зависимость доступности правосудия от размера судебной пошлины и от судебной волокиты [Петрухин, 2002, 650]; В.М. Семенов обосновал принцип доступности судебной защиты [Семенов, 1979]; Л.В. Туманова гарантией доступности правосудия видит возможность ведения дела через представителя [Петрухин, 2002, 688]; М.С. Шакарян выделяет объективные и субъективные предпосылки доступности правосудия [Шакарян, 2001]; В.В. Ярков выделяет факторы, определяющие доступ к правосудию [Ярков, 2001]. Наиболее обширные исследования проблем доступности правосудия именно как многогранного явления было проведено И.А. Приходько [Приходько, 2005].

Результаты

О необходимости более внимательного отношения судов к рассмотрению вопросов об оставлении искового заявления без движения говорилось уже неоднократно, данные проблемы освещаются как в обзорах судебной практики, так и в постановлениях Пленумов Верховного Суда Российской Федерации. Но, к сожалению, суды продолжают допускать нарушения процессуального законодательства при оставлении исковых заявлений без движения.

Отсутствие прямого закрепления в нормах гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства права на обжалование определения об оставлении искового заявления без движения только способствует развитию небрежности судов в рассмотрении вопросов оставления искового заявления без движения.

Обсуждение

В нашем исследовании мы хотели бы коснуться проблемы доступности правосудия, связанной с препятствием, возникающим при приеме искового заявления, а именно реализацией института оставления искового заявления без движения.

Доступность правосудия означает, что всякое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд и отстаивать свои права и интересы в судебном разбирательстве. Принцип доступности судебной защиты прав и законных интересов (обеспечение доступа к правосудию) является одной из основных задач правосудия.

Вместе с тем в качестве факторов, оказывающих влияние на обеспечение доступности к правосудию, выступает в том числе и отсутствие четкой регламентации в реализации института оставления заявления без движения.

В связи с этим считаем необходимым остановиться на рассмотрении следующей проблемы, возникающей в правоприменительной практике в процессе реализации института оставления заявления без движения – отсутствие четкой регламентации процессуального регулирования института обжалования определения суда об оставлении заявления без движения.

Для более полного представления проведем сравнительный анализ статей 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и 130 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Общим в указанных статьях являются основания для оставления заявления (искового заявления, административного искового заявления), обязанность суда направить копию определения истцу не позднее следующего дня после дня его вынесения, а также последствия неустранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без движения в виде возвращения заявления и прилагаемых к нему документов.

Как быть в том случае если истец (заявитель, административный истец) не согласен с основаниями оставления искового заявления (административного искового заявления) без движения? Например, истец оплатил государственную пошлину, а суд считает что ее размер должен быть больше; истец направил копию искового заявления ответчику, а суд решил, что необходимо привлечь третье лицо и необходимо ему было направить копию искового заявления; истец приложил копии, имеющихся у него документов подтверждающих обоснования его требований, а суд решил, что этих документов недостаточно или они неправильно оформлены. Зачастую судьи судов общей юрисдикции, при рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства при решении вопроса о принятии искового заявления реализуют те задачи, которые должны ими выполняться либо при подготовке дела к судебному разбирательству, например, разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле (ст. 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), либо при рассмотрении дела по существу, например исследование и оценка доказательств.

Сравниваемые нами ранее статьи 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и 130 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации имеют одно существенное

отличие.

В соответствии с ч.3 ст. 130 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации на определение суда об оставлении административного искового заявления без движения может быть подана частная жалоба. В то же время, ни гражданское ни арбитражное процессуальное законодательство не содержит прямого указания на возможность обжалования определения об оставлении искового заявления без движения, но при этом, в соответствии со статьей 188 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации определение арбитражного суда может быть обжаловано отдельно от обжалования судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, в случаях, если в соответствии с настоящим Кодексом предусмотрено обжалование этого определения, а также если это определение препятствует дальнейшему движению дела, в соответствии со статьей 331 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции отдельно от решения суда сторонами и другими лицами, участвующими в деле (частная жалоба), а прокурором может быть принесено представление в случае, если: 1) это предусмотрено настоящим Кодексом; 2) определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела. В отношении определения, обжалование которого не предусмотрено настоящим Кодексом, а также в отношении протокольного определения могут быть заявлены возражения при обжаловании судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу.

Анализ правоприменительной практики, а также постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации, позволил нам прийти к следующим выводам.

Определение арбитражного суда об оставлении искового заявления без движения не может быть обжаловано отдельно от окончательного судебного акта (п.5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №12 от 30 июня 2020 г. «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»). Окончательным судебным актом при оставлении искового заявления без движения выступает определение о возвращении искового заявления, возможность обжалования которого предусмотрена ч.4 ст. 129 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В отношении обжалования определения об оставлении искового заявления в гражданском судопроизводстве правоприменительная практика неоднозначна. Этому также способствует отсутствие четкой регламентации данного вопроса в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации №16 от 22.06.2021 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции». В частности, п. 67 указанного Постановления содержит перечень определений которые исключают возможность дальнейшего движения дела, к ним относятся: определение об отказе в принятии заявления о вынесении судебного приказа (статья 125 ГПК РФ), определение об отказе в разъяснении решения суда (статья 202 ГПК РФ), определение о прекращении производства по делу (статья 220 ГПК РФ), определение об оставлении заявления без рассмотрения (статья 222 ГПК РФ), а также перечень определений, которые не исключают возможность дальнейшего движения дела, в частности, определения о принятии иска (заявления) к производству суда первой инстанции, о подготовке дела к судебному разбирательству, об отказе в удовлетворении ходатайства об отводе судьи, об истребовании доказательств, об объединении дел в одно производство, о выделении требования в отдельное производство, об отложении судебного разбирательства. Как видно из содержания

приведенного пункта определение об оставлении искового заявления без движения Пленум Верховного Суда Российской Федерации не относит к определениям, исключаящим возможность дальнейшего движения дела, но также и не относит к определениям, которые не могут быть обжалованы отдельно от решения суда первой инстанции, но отмечает, что «...(например, доводы о незаконном оставлении искового заявления без движения могут быть включены в частную жалобу на определение о возвращении искового заявления)...».

Таким образом, в гражданском и арбитражном процессах выразить свое несогласие с основаниями, послужившими оставлению искового заявления без движения, истец может только при обжаловании определения о возвращении искового заявления.

Такой подход в регулировании института обжалования определения об оставлении искового заявления без движения представляется неверным и существенно ограничивающим реализацию права на судебную защиту, ограничивая доступность к правосудию, если суд решает оставить исковое заявление без движения без законных к тому оснований.

В связи с этим хотелось бы привести, один из примеров судебной практики, который демонстрирует как в результате незаконного оставления судом искового заявления без движения, истец лишился возможности реализации права на судебную защиту. Так Определением Прикубанского районного суда г. Краснодара от 15.04.2021 г. было оставлено без движения исковое заявление о признании недействительными завещания и договора купли-продажи недвижимого имущества.

Оставляя без движения данный иск, суд руководствовался тем, что Истица не представила уведомление о вручении копии искового заявления и приложенных к нему материалов рукоприкладчику и нотариусу, которые должны были быть привлечены в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования.

Таким образом, судом было усмотрено нарушение требований, предусмотренных статьей 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что, согласно части 1 статьи 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, является основанием для оставления заявления без движения.

Однако, отсутствие вышеупомянутых уведомлений обусловлено тем, что при подаче Искового заявления Истица не указывала никого в качестве третьих лиц. Из содержания предъявленного искового заявления следует наличие Истца и Ответчика, других участников Истица не указывает.

Анализ норм гражданского процессуального законодательства позволяет прийти к выводу о том, что не привлечение кого-либо в качестве третьих лиц не относится ни к одному из оснований, предусмотренных статьями 134, 135, 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в связи с чем, не дают право суду как отказывать в принятии данного искового заявления, так и возвращать его либо оставлять без движения.

Напротив, согласно пункту 3 части 1 статьи 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле и других участников процесса относится к задачам суда, разрешаемым при подготовке дела к судебному разбирательству, а согласно пункту 4 части 1 статьи 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, разрешение вопроса о вступлении в дело третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора относится к обязанностям суда на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а не на этапе принятия искового заявления к производству.

Информация о принятом судом соответствующем решении размещена на сайте

Прикубанского районного суда г. Краснодара только 29.04.2021 г., то есть в последний день, когда Истица имела возможность исправить существующие недостатки.

Копия Определения была направлена Истице только 12 мая 2021 года.

Но, несмотря на указанные положения действующего процессуального законодательства, суд запретил обжаловать Определение.

Истцом была подана частная жалоба на определение о возвращении искового заявления. Апелляционная инстанция оставила данную жалобу без удовлетворения.

10.01.2022 года Четвертый кассационный суд отменил определение о возвращении искового заявления.

Таким образом, исковое заявление, поданное в суд 13.04.2021 года, было принято к производству только 06.04.2022 года. Судом вопрос о принятии искового заявления к производству разрешался 358 дней, вместо положенных 5 дней. В течение этого времени ответчик скончался. Производство по делу было прекращено, а истец был лишен возможности реализовать свое право на судебную защиту.

Отсутствие законодательного закрепления возможности обжаловать определение суда об оставлении искового заявления без движения является существенным препятствием доступности правосудия.

Допускаемая в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 30 июня 2020 года «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» и № 16 от 22.06.2021 года «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» возможность выразить свое несогласие с основаниями оставления искового заявления без движения только при обжаловании определения о возвращении искового заявления имеет некоторое противоречие. Одним из оснований для возвращения искового заявления, в соответствии со ст.135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, является не устранение обстоятельств, послуживших основаниями для оставления искового заявления без движения, в срок, установленный в определении суда.

Таким образом без отмены определения суда об оставлении искового заявления без движения истец не сможет обосновать незаконность определения о возвращении искового заявления, так как законодатель, позволяя суду вернуть исковое заявление, если истцом не были устранены обстоятельства, послужившие основаниями для оставления искового заявления без движения, в срок, установленный в определении суда не связывает это с правомерностью или неправомерностью принятия определения об оставлении искового заявления без движения.

Заключение

В связи с вышеизложенным, в целях обеспечения реализации такого элемента права на судебную защиту как доступность правосудия, считаем необходимым закрепить аналогично положению, содержащемуся в ч.3 статьи 130 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в статье 136 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации положение о том, что на определение суда об оставлении искового заявления без движения может быть подана частная жалоба, а в статье 128 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации положение о том, что на определение суда об оставлении искового заявления без движения может быть подана жалоба.

Библиография

1. Абова Т.Е. Обеспечение юридическим и физическим лицам права на судебную защиту // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 153.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023).
3. Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара дело № 2-10687/2022 УИД 23RS0041-01-2021-007725-58.
4. Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара Дело № 9-2238/2021 УИД 23RS0041-01-2021-007725-58.
5. Боннер А.Т. Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 92.
6. Варламова Н.В. Правовое государство // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/3165163>
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023).
8. Калистратова Р.Ф. Доступность и эффективность правосудия в проектах АПК и ГПК // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 99.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2023).
10. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года в ред. Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ.
11. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №12 от 30 июня 2020 года.
12. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №16 от 22.06.2021 года.
13. Петрухин И.Л. (ред.) Судебная власть. М., 2003. 720 с.
14. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005. С. 672.
15. Семенов В.М. Демократические основы гражданского судопроизводства в законодательстве и судебной практике. Свердловск, 1979. С. 59-65.
16. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 61.
17. Ярков В.В. Цели судопроизводства и доступ к правосудию // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 72.

On the issue of accessibility of justice

Nelli P. Kulagina

Senior Lecturer of the Department of General Education Disciplines,
North Caucasian Branch,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: nelly.kulagina@rambler.ru

Oleg A. Kulagin

Senior Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings,
North Caucasian Branch,
Russian State University of Justice,
350020, 234, Krasnykh Partizan str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: advokat.kulagina@gmail.com

Abstract

Purpose: The purpose of the study is to study the problem of accessibility of justice through the prism of the institution of leaving a statement of claim without movement in the civil process. **Methods:** In the course of the study, general scientific and private law research methods were used. **Results:** The result of the study was to identify the lack of legal regulation of the institution of appealing against a court ruling on leaving a statement of claim without movement in arbitration and civil proceedings, which has a significant impact on the realization of the right to judicial protection due to the obstruction of access to justice. **Conclusions:** In order to ensure the implementation of such an element of the right to judicial protection as access to justice, we consider it necessary to fix, similarly to the provision contained in Part 3 of Article 130 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, in Article 136 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the provision that the court ruling on leaving of a statement of claim without movement, a private complaint can be filed, and in Article 128 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, a provision can be filed that a complaint can be filed against a court ruling to leave a statement of claim without movement.

For citation

Kulagina N.P., Kulagin O.A. (2023) K voprosu o dostupnosti pravosudiya [On the issue of accessibility of justice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 120-128. DOI: 10.34670/AR.2023.73.11.020

Keywords

The right to judicial protection, access to justice, leaving the statement of claim without movement, appeal against the ruling on leaving the statement of claim without movement, judicial law.

References

1. Abova T.E. (2001) Obespechenie yuridicheskim i fizicheskim litsam prava na sudebnuyu zashchitu [Providing legal and natural persons with the right to judicial protection]. In: *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of accessibility and effectiveness of justice in arbitration and civil proceedings]. Moscow.
2. *Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 18.03.2023, s izm. ot 22.06.2023)* [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on March 18, 2023, as amended on June 22, 2023)].
3. *Arkhiv Prikubanskogo raionnogo suda g. Krasnodara delo № 2-10687/2022 UID 23RS0041-01-2021-007725-58* [Archive of the Prikubansky District Court of Krasnodar case No. 2-10687/2022 UID 23RS0041-01-2021-007725-58].
4. *Arkhiv Prikubanskogo raionnogo suda g. Krasnodara Delo № 9-2238/2021 UID 23RS0041-01-2021-007725-58* [Archive of the Prikubansky District Court of Krasnodar Case No. 9-2238/2021 UID 23RS0041-01-2021-007725-58].
5. Bonner A.T. (2001) Nekotorye problemy dostupnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve [Some problems of accessibility of justice in arbitration and civil proceedings]. In: *Problemy dostupnosti i effektivnosti*

- pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of accessibility and effectiveness of justice in arbitration and civil proceedings]. Moscow.
6. *Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 24.06.2023)* [Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on June 24, 2023)].
 7. Kalistratova R.F. (2001) Dostupnost' i effektivnost' pravosudiya v proektakh APK i GPK [Accessibility and effectiveness of justice in the projects of the agro-industrial complex and civil procedure]. In: *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of accessibility and efficiency of justice in arbitration and civil proceedings]. Moscow.
 8. *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii ot 08.03.2015 №21-FZ (red. ot 13.06.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 15.07.2023)* [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended on June 13, 2023) (as amended and supplemented, effective from July 15, 2023)].
 9. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii, prinyataya vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda v red. Zakona Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ; federal'nykh konstitutsionnykh zakonov ot 04.10.2022 № 5-FKZ, ot 04.10.2022 № 6-FKZ, ot 04.10.2022 № 7-FKZ, ot 04.10.2022 № 8-FKZ* [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020, as amended. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ; federal constitutional laws dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ].
 10. *O primenenii Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii pri rassmotrenii del v arbitrazhnom sude apellyatsionnoi instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii №12 ot 30 iyunya 2020 goda* [On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in an arbitration court of appeal: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 dated June 30, 2020.].
 11. *O primenenii sudami norm grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchikh proizvodstvo v sude apellyatsionnoi instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii №16 ot 22.06.2021 goda* [On the application by the courts of the norms of civil procedural legislation governing proceedings in the court of appeal: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of 06/22/2021].
 12. Petrukhin I.L. (ed.) (2003) *Sudebnaya vlast'* [Judicial power]. Moscow.
 13. Prikhod'ko I.A. (2005) *Dostupnost' pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom protsesse: osnovnye problemy* [Accessibility of justice in arbitration and civil proceedings: main problems]. St. Petersburg.
 14. Semenov V.M. (1979) *Demokraticheskie osnovy grazhdanskogo sudoproizvodstva v zakonodatel'stve i sudebnoi praktike* [Democratic foundations of civil justice in legislation and judicial practice]. Sverdlovsk.
 15. Shakaryan M.S. (2001) Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v sudakh obshchei yurisdiktsii [Problems of accessibility and efficiency of justice in courts of general jurisdiction]. In: *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of accessibility and efficiency of justice in arbitration and civil proceedings]. Moscow.
 16. Varlamova N.V. (2016) Pravovoe gosudarstvo [Legal State]. In: *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://old.bigenc.ru/law/text/3165163> [Accessed 05/05/2023]
 17. Yarkov V.V. (2001) Tseli sudoproizvodstva i dostup k pravosudiyu [Goals of legal proceedings and access to justice]. In: *Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve* [Problems of accessibility and effectiveness of justice in arbitration and civil proceedings]. Moscow.

УДК 347.4

DOI: 10.34670/AR.2023.76.98.021

**Банковская гарантия как способ обеспечения обязательств:
механизм действия и возможные трудности при применении****Вронская Мария Владимировна**

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: vronskaia.mv@dvfu.ru

Дубинская Юлия Владиславовна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: dubinskaya.yv@students.dvfu.ru

Балдина Виктория Вячеславовна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: baldina.vv@students.dvfu.ru

Аннотация

Обеспечение исполнения обязательств представляет собой действенный правовой механизм, гарантирующий соблюдение интересов кредитора и надлежащее поведение должника. В статье выявляются особенности правового регулирования института банковской гарантии, а также определяются возможные проблемы при его реализации в Российской Федерации. Авторами рассматриваются актуальные условия применения банковской гарантии, а также позиции Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся определенных условий данного правового механизма. Делается вывод о том, что банковские гарантии – сложившийся и широко применяемый способ обеспечения обязательств, который позволяет обеспечить права кредитора при неисполнении обязательств недобросовестным должником. Однако существующие реалии указывают на то, что правила выдачи банковских гарантий должны быть непременно уточнены и приведены в соответствие со сложившейся практикой применения.

Для цитирования в научных исследованиях

Вронская М.В., Дубинская Ю.В., Балдина В.В. Банковская гарантия как способ обеспечения обязательств: механизм действия и возможные трудности при применении // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 129-135. DOI: 10.34670/AR.2023.76.98.021

Ключевые слова

Обязательства, банковская гарантия, госзакупки, обеспечение обязательств, обязательственное право.

Введение

Обеспечение обязательств – один из наиболее важных аспектов в обязательственном праве, ведь существуют ситуации, при которых одна из сторон не может выполнить обязательство в полном объеме или же не выполняет его полностью, что влечет определенные убытки для контрагента. В связи с этим важны защита интересов контрагента и обеспечение «подушки безопасности» в случае ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательства.

Имеется несколько способов обеспечения обязательств: неустойка, удержание, залог, задаток, независимая (банковская) гарантия. Остановимся на последнем способе, поскольку успешное применение института банковской гарантии расширило сферу его применения, что нашло свое отражение в расширении круга субъектов-гарантов от банковских организаций до коммерческих организаций, и получило обновленную формулировку в ГК РФ – институт независимой гарантии, разновидностью которой выступает банковская гарантия.

Результаты исследования и их обсуждение

В ГК РФ под независимой гарантией понимается обязательство, по которому «гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства» (ч. 1 ст. 368 ГК РФ). В качестве гаранта могут выступать банки, иные кредитные организации и другие коммерческие организации.

Несмотря на расширение субъектного состава независимой гарантии, более распространенным является использование в обязательственном праве банковской гарантии. Рассмотрим ее сущность, механизм применения и возможные проблемы реализации.

Как уже было сказано выше, банковская гарантия может предоставляться банком или иной кредитной организацией. В данном случае именно она выступает в качестве гаранта. Принципал – это лицо, за которое гарант (в данном случае банк) обязуется выплатить денежную сумму третьему лицу – бенефициару.

Наибольшее распространение банковские гарантии получили при осуществлении госзакупок в соответствии с Федеральными законами от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ и от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, а также во время заключения крупных коммерческих контрактов. Рассмотрим механизм действия данного способа обеспечения обязательства на примере государственных контрактов.

В частности, строительная компания выигрывает на аукционе право на строительство детских площадок. Далее осуществляется заключение контракта в соответствии с положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Для обеспечения исполнения обязательства заказчик требует у подрядчика (строительной компании) банковскую гарантию. Представитель подрядчика намерен обратиться в банк для ее получения, однако не все банки предоставляют банковскую гарантию для обеспечения обязательств по контракту в сфере госзакупок. Их перечень устанавливается Министерством финансов РФ и подлежит опубликованию на его

официальном портале. По данным на 7 октября 2021 г., этот перечень включает в себя 186 банковских организаций. Наиболее крупные и известные среди них – ПАО «Сбербанк», ООО «Промсельхозбанк», АО «Почта Банк», АО «Дальневосточный банк», ПАО «Совкомбанк», АО «Тинькофф Банк» [Перечень..., www]. Банки могут предлагать различные условия выдачи банковской гарантии. Например, АО «Тинькофф Банк» предлагает выдачу банковской гарантии размером 10 миллионов рублей на 1 год за 351 тысячу рублей [Платформа..., www], а АО «Почта Банк» за предоставление банковской гарантии на тех же условиях потребует от принципала 200 тысяч рублей (2,0% годовых от суммы банковской гарантии) [Тарифы..., www]. В данном случае банки свободны в выборе процентной ставки по выдаче банковских гарантий.

Итак, принципал выбирает банк, в котором желает получить банковскую гарантию, обращается в него и заключает с ним договор о предоставлении гарантии. Формы таких договоров могут устанавливаться Правительством РФ.

К существенным условиям такого договора ГК РФ относит:

- дату выдачи;
- указание на принципала, бенефициара и гаранта;
- основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается гарантией;
- денежную сумму, подлежащую выплате, или порядок ее определения;
- срок действия гарантии;
- обстоятельства, при наступлении которых должна быть выплачена сумма гарантии (ч. 4 ст. 368 ГК РФ).

Как правило, договоры банковской гарантии носят универсальный типизированный характер. После заключения договора банк-гарант передает принципалу банковскую гарантию в электронной форме или же на бумажном носителе, а принципал передает гарантию заказчику, после чего заключается госконтракт.

В дальнейшем существует два варианта развития событий: принципал исполнил обязательство перед заказчиком (бенефициаром) в полном объеме либо не исполнил его или исполнил ненадлежащим образом. В первом случае бенефициар после исполнения обязательств возвращает бланк банковской гарантии принципалу, а тот возвращает его банку-гаранту. Никаких обязательств перед гарантом в таком случае у принципала не возникает.

Более интересным с точки зрения проблематики применения банковской гарантии выступает случай неисполнения должником своих обязательств. Предположим, что рассматриваемая нами строительная компания не смогла выполнить обязательства перед государственным заказчиком. В таком случае заказчик, являющийся бенефициаром по договору банковской гарантии, обращается к гаранту. Обратиться с требованием он может не позднее даты окончания действия банковской гарантии. Вместе с требованием к гаранту бенефициар обязан предоставить документы, перечень которых имеется в гарантии, а также указать в самом требовании или приложении к нему обстоятельства, в связи с которыми он предъявил требование о выплате суммы гарантии. Если все документы соответствуют требованиям законодательства и договора, банк-гарант исполняет требование бенефициара и выплачивает ему сумму гарантии.

Далее у гаранта возникает право требования к принципалу в порядке регресса, что предусмотрено ст. 379 ГК РФ. Теперь он становится кредитором, а принципал – должником. Последний обязан уплатить гаранту ту сумму, которую гарант уплатил бенефициару, а в случаях, предусмотренных договором, еще и комиссию, штрафы и пени в случае просрочки

исполнения обязательства.

При, казалось бы, упорядоченном правовом регулировании механизма банковской гарантии определим возможные проблемы практики их реализации. В данном случае целесообразно обратиться к судебной практике и выделить некоторые вопросы, связанные с заключением договора банковской гарантии и исполнением данной гарантии.

Как следует из Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 5 июня 2019 г., «для возникновения обязательства из независимой гарантии достаточно одностороннего волеизъявления гаранта, если иное прямо не предусмотрено в тексте самой гарантии» [Обзор..., www]. В анализируемом Верховным Судом РФ деле гарант отказался произвести выплату по выставленному требованию, ссылаясь на то, что не была соблюдена письменная форма сделки (не было заключено письменное соглашение между гарантом и бенефициаром о принятии последней гарантией). Суд, проанализировав материалы дела, разрешил дело следующим образом: требования принципала об уплате удовлетворил, указав на то, что «в гарантии гарант не поставил возникновение своих обязательств в зависимость от получения письменного ответа бенефициара о принятии гарантии» [Там же].

Также необходимо отметить, что текст банковской гарантии не должен толковаться в отрыве от того обязательства, которое ею обеспечивается. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила решения судов нижестоящих инстанций и направила дело на новое рассмотрение ввиду того, что гарант пытался истолковать недостатки текста гарантии в свою пользу и освободить себя от уплаты по данной гарантии. Свои требования он обосновывал тем, что в тексте банковской гарантии предусмотрено обеспечение обязательств лишь по уплате штрафов, пени и неустоек, а бенефициар требовал выплаты гарантом суммы авансового платежа, которая не была возвращена принципалом ввиду неисполнения условий контракта. Однако Верховный Суд РФ не счел аргументы гаранта достаточными и указал на то, что суды нижестоящих инстанций не установили фактическую волю сторон и цели выдачи гарантии (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 марта 2022 г. № 306-ЭС21-23099 по делу № А12-119/2021).

Не менее важна такая ситуация, когда гарант выдает принципалу банковскую гарантию на бумажном носителе, передает его электронную копию бенефициару, а сам возвращает гарантию банку. В случае неисполнения обязательств бенефициар обращается к гаранту, однако получить сумму банковской гарантии он не может, так как, во-первых, не может предъявить бланк банковской гарантии, а во-вторых, обязательство по ней прекращено вследствие возвращения ее гаранту. По нашему мнению, в данном случае следует на момент выдачи банковской гарантии: 1) установить в законодательстве принцип адресных гарантий, т. е. выдаваемых для передачи конкретному бенефициару, который будет указан в договоре; 2) законодательно ограничить применение электронной формы банковской гарантии.

В рамках данного вопроса интересно отметить спор между компанией «ЦРТ Сервис» и ПАО «Транскапиталбанк» по поводу исполнения гарантии, оригинал которой не был получен бенефициаром («ЦРТ Сервис»), вследствие чего банк-гарант различными способами пытался освободить себя от уплаты суммы гарантии. Несмотря на попытки гаранта сослаться на несуществующие условия гарантии, представлять суду поддельную гарантию или вообще утверждать о том, что гарантия не выдавалась, после длительного рассмотрения суд удовлетворил требования бенефициара об уплате суммы гарантии в размере 700 миллионов рублей, а также об уплате процентов в размере 165 миллионов рублей [Карапетян, www].

Заключение

Банковские гарантии – сложившийся и широко применяемый способ обеспечения обязательств, который позволяет обеспечить права кредитора при неисполнении обязательств недобросовестным должником. Однако существующие реалии указывают на то, что правила выдачи банковских гарантий должны быть непременно уточнены и приведены в соответствие со сложившейся практикой применения.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.10.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Карапетян Ю. Гарантийные риски. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4476554>
3. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон Рос. Федерации от 18.07.2011 № 223-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 08.07.2011: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 13.07.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон Рос. Федерации от 05.04.2013 № 44-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.03.2013: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27.03.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
5. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/27943/>
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.03.2022 № 306-ЭС21-23099 по делу № А12-119/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403649320/>
7. Перечень банков, которые вправе выдавать независимые гарантии для обеспечения заявок и исполнения контрактов и соответствующих требованиям, установленным частями 1 и 1.1 статьи 45 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/list_banks/?id_65=134421-banki_udovletvoryayushchie_trebovaniyam_ustanovlennym_punktom_1_stati_45_federalnogo_zakona_ot_05.04.2013__44-fz_s_uchetom_dannykh_bank_a_rossii_predst
8. Платформа банковских гарантий. URL: <https://www.tinkoff.ru/business/guarantees/>
9. Тарифы по предоставлению банковских гарантий в рамках Условий предоставления банковских гарантий для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в АО «Почта Банк». URL: https://files.pochtabank.ru/iblock/6e4/6e46bab1e3506a2c7c9a24fba535d655/92904cd3b54ee3af50236ff2807de615.pdf?id=2916&_ga=2.72414422.417610227.1655268460-1496229426.1655268460
10. Perry S. Law and obligation //Am. J. Juris. – 2005. – Т. 50. – С. 263.

Bank guarantees as a way of securing obligations: the mechanism of action and possible application difficulties

Mariya V. Vronskaya

PhD in Law, Docent,
Associate Professor at the Department of civil legal disciplines,
Vladivostok State University,
Associate Professor at the Department of civil law and procedure,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vronskaia.mv@dvfu.ru

Yuliya V. Dubinskaya

Student,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: dubinskaya.yv@students.dvfu.ru

Viktoriya V. Baldina

Student,
Far Eastern Federal University,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: baldina.vv@students.dvfu.ru

Abstract

The article deals with bank guarantees as a way of securing obligations in the Russian Federation with due regard to the mechanism of action and possible application difficulties. It points out that ensuring the fulfillment of obligations is regarded as an effective legal mechanism that ensures the safeguarding of the interests of a creditor and the proper behavior of a debtor. The research aims to reveal the features of the legal regulation of the institution of bank guarantees and to identify possible problems of its implementation in the Russian Federation. The authors of the article make an attempt to study the current conditions for the application of bank guarantees in the Russian Federation and to consider the positions of the Supreme Court of the Russian Federation concerning certain conditions for providing this legal mechanism. Having analyzed bank guarantees in the legislation of the Russian Federation, the authors come to the conclusion that they are an established and widely used method of securing obligations, which ensures the rights of creditors when unscrupulous debtors default on their obligations. However, the existing realities indicate that the rules for issuing bank guarantees should certainly be clarified and brought into line with the established practice of application.

For citation

Vronskaya M.V., Dubinskaya Yu.V., Baldina V.V. (2023) Bankovskaya garantiya kak sposob obespecheniya obyazatel'stv: mekhanizm deistviya i vozmozhnye trudnosti pri primenenii [Bank guarantees as a way of securing obligations: the mechanism of action and possible application difficulties]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 129-135. DOI: 10.34670/AR.2023.76.98.021

Keywords

Obligations, bank guarantee, public procurement, securing obligations, obligation law.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya): feder. zakon Ros. Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.10.1994 [Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ [Accessed 14/06/23].
2. Karapetyan Yu. Garantiinye riski [Risks of bank guarantees]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4476554>

[Accessed 14/06/23].

3. O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd: feder. zakon Ros. Federatsii ot 05.04.2013 № 44-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.03.2013: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.03.2013 [On the contract system in the sphere of purchases of goods, works, and services for satisfying state and municipal needs: Federal Law of the Russian Federation No. 44-FZ of April 5, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ [Accessed 14/06/23].
4. O zakupkakh tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lits: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.07.2011 № 223-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 08.07.2011: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 13.07.2011 [On purchasing goods, works, and services by certain types of legal entities: Federal Law of the Russian Federation No. 223-FZ of July 18, 2011]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ [Accessed 14/06/23].
5. Obzor sudebnoi praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s primeneniem zakonodatel'stva o nezavisimoi garantii [A review of the judicial practice of dispute resolution related to the application of the legislation on independent guarantees]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/documents/thematics/27943/> [Accessed 14/06/23].
6. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 22.03.2022 № 306-ES21-23099 po delu № A12-119/2021 [Determination of the Judicial Collegium for Economic Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES21-23099 of March 22, 2022 (Case No. A12-119/2021)]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403649320/> [Accessed 14/06/23].
7. Perechen' bankov, kotorye vprave vydavayut nezavisimye garantii dlya obespecheniya zayavok i ispolneniya kontraktov i sootvetstvuyushchikh trebovaniyam, ustanovlennym chastyami 1 i 1.1 stat'i 45 Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ "O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd" [The list of banks that have the right to issue independent guarantees with a view to securing applications and executing contracts and meet the requirements established by Parts 1 and 1.1 of Article 45 of Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the contract system in the sphere of purchases of goods, works, and services for satisfying state and municipal needs"]. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/list_banks/?id_65=134421-banki_udovletvoryayushchie_trebovaniyam_ustanovlennym_punktom_1_statii_45_federal_nogo_zakona_ot_05.04.2013__44-fz_s_uchetom_dannykh_bankov_rossii_predst [Accessed 14/06/23].
8. Platforma bankovskikh garantii [The bank guarantee platform]. Available at: <https://www.tinkoff.ru/business/guarantees/> [Accessed 14/06/23].
9. Tarify po predostavleniyu bankovskikh garantii v ramkakh Uslovii predostavleniya bankovskikh garantii dlya yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelei v AO "Pochta Bank" [Tariffs on issuing bank guarantees under the Terms of bank guarantees for legal entities and individual entrepreneurs in the joint-stock company "Pochta Bank"]. Available at: https://files.pochtabank.ru/iblock/6e4/6e46bab1e3506a2c7c9a24fba535d655/92904cd3b54ee3af50236ff2807de615.pdf?id=2916&_ga=2.72414422.417610227.1655268460-1496229426.1655268460 [Accessed 14/06/23].
10. Perry, S. (2005). Law and obligation. *Am. J. Juris.*, 50, 263.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике

Бандурина Наталья Владимировна

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
Всероссийский государственный университет юстиции;
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: nbandurina@yandex.ru

Гаврилов Владислав Сергеевич

Юрист,
ЗАО «Сотби»,
119048, Российская Федерация, Москва, ул. Усачева, 35с1;
e-mail: gavrilowws@yandex.ru

Сироткин Илья Алексеевич

Ведущий менеджер департамента проблемных активов,
ПАО «Промсвязьбанк»,
109052, Российская Федерация, Москва, ул. Смирновская, 10с22;
e-mail: ilya_sirotkin_98@mail.ru

Аннотация

В статье раскрыто содержание основных подходов отечественных и зарубежных исследователей по вопросу трансграничного банкротства. На основе анализа актуальной судебной практики, а также действующего законодательства о банкротстве сделаны выводы о правомерности возбуждения конкурсного производства в отношении иностранной компании. Принимая во внимание зарубежный опыт, авторами предложен механизм решения поставленной в исследовании проблемы, позволяющий соблюсти права кредиторов и при этом не нарушить уже сложившийся порядок. Игнорирование вопроса о банкротстве иностранных юридических лиц уже сегодня позволяет регистрировать организацию за рубежом, вести деятельность на территории РФ, при этом избегая риск впасть в банкротство в юрисдикции России. Данная проблема грозит не только причинению вреда правам кредиторов, но и экономическому порядку государства в целом. Для предотвращения такого развития событий законодателю необходимо серьезно подойти к разработке специальных положений, позволяющих соблюсти баланс между уже существующими положениями законодательства и правами отечественных кредиторов. В

Решении АС Челябинской области уже заложен фундамент механизма, который возможно раскрыть, опираясь, в том числе, и на зарубежный опыт.

Для цитирования в научных исследованиях

Бандурина Н.В., Гаврилов В.С., Сироткин И.А. К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

Ключевые слова

Трансграничное банкротство, банкротство юридических лиц, компетенция суда, имущественная масса должника, выделение активов.

Введение

Вопрос трансграничного банкротства является одним из самых дискуссионных в отечественной юридической доктрине. Актуальность трансграничного банкротства, сопровождаемая публикацией огромного количества научной литературы, прежде всего вызвана практически полным отсутствием специальных правовых положений в национальном и международном праве. Однако столь пассивная деятельность законодателя по данному вопросу не означает, что такие правоотношения не возникают.

На современном этапе, в ситуации глобализации экономики разных стран, судам все чаще приходится решать ряд сложных вопросов, касающихся трансграничного банкротства. К их числу относится и один из важнейших вопросов данной отрасли, а именно определение судебной компетенции. В частности, вопрос о компетенции российского суда возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица.

Действующее российское законодательство содержит единственное положение, непосредственно относящееся к трансграничному банкротству (п. 6 ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее - Закон о банкротстве). Оно посвящено признанию на территории Российской Федерации решений судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) на началах взаимности. Однако и данное положение не раз подвергалось критике в научной литературе. Исследователями отмечается отсутствие единого толкования российскими арбитражными судами данного принципа [Костин, 2022; Мохова, 2023].

Очевидно, что при нерешенности иных вопросов трансграничного банкротства, также и не решен вопрос о возможности банкротства иностранных юридических лиц.

Основная часть

В общем смысле несостоятельность (банкротство) представляет собой признанную судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Трансграничное банкротство возникает при проявлении юридической связи банкротного отношения с правовыми порядками двух и более государств. В основном иностранный элемент проявляется в отнесении должника и кредиторов к юрисдикциям разных государств, либо факт нахождения имущественной массы должника на территории двух и более стран.

Основной массив доктринальных исследований в области трансграничного банкротства

принадлежит зарубежным исследователям. В этой связи, не представляется верным рассматривать институт трансграничной несостоятельности, не прибегая к мировому опыту. Зарубежные правоведы выработали несколько подходов к определению сущности трансграничного банкротства.

Первый подход упрощает рассматриваемый институт и напрямую соотносит возникновение отношений банкротства так называемых транснациональных компаний (далее – ТНК) с трансграничной несостоятельностью [Wood, 2007]. Данный подход именуется материальным. Предполагается неправильным считать, что трансграничное банкротство ограничивается лишь случаями банкротства ТНК. Например, физические лица, которые имеют активы и кредиторов в различных юрисдикциях, также могут выступать субъектами отношений, возникающих при трансграничной несостоятельности. Следовательно, логичнее относить банкротство с участием ТНК к одному из возможных вариантов трансграничной несостоятельности.

Сторонники *процессуального подхода* руководствуются принципом «трансграничное производство». То есть, трансграничное банкротство должно быть связано с возбуждением производства о банкротстве. При этом упускается очевидный довод, что во многих случаях для решения правового казуса будет достаточно признания судебного акта другого государства. Кроме того, сам факт наличия либо отсутствия производства по делу о несостоятельности не поможет разобраться в довольно сложных правоотношениях трансграничного банкротства.

Коллизионный подход поддерживается большинством правоведов и указывает в качестве обязательного признака отношений, возникающих при трансграничной несостоятельности, наличие того или иного иностранного элемента [Bebchuk, Guzman, 1998; Verougstraete, 1998; Toremans, 2001]. В свою очередь, иностранный элемент в указанных отношениях может присутствовать в различных вариантах, основные из которых это должник, кредиторы и активы должника.

Не менее важным является и вопрос о зарубежном опыте в вопросе о правовом регулировании трансграничного банкротства. На данный момент в мировой научной литературе принято выделять две модифицированные модели правового регулирования данного института, которые возникли из первоначальных принципов: «универсализм» и «территориализм».

Первая модель (это территориализм, который основан на сотрудничестве) предполагает, что государство применяет собственное право по отношению к активам должника, расположенным только на территории данной юрисдикции. Производства могут проходить и в другом государстве, где находятся активы должника, но для этого предполагается сотрудничество между договаривающимися странами по делам о банкротстве. В свою очередь, сотрудничество достигается посредством взаимодействия специально уполномоченных сотрудников – агентов, которые назначаются судом для совместного распоряжения активами [LoPucki, 2000].

Иным подходом является *модель «модифицированного универсализма»*. Данная концепция предполагает возможность открытия вторичных производств по делу о банкротстве в разных государствах. Она может быть реализована только с помощью международно-правовых документов (как императивного, так и диспозитивного характера) [Westbrook, 2000]. Использование подобной модели видится более простым, чем использование модели «универсализма» в ее чистом виде.

В юридической литературе одним из архитипичных примеров трансграничного банкротства является дело «Maxwell Communication Corporation» [Собина, 2012]. Должником являлась крупная медиа-корпорация, управляемая из Великобритании, но имевшая активы во многих странах, включая Соединенные Штаты Америки. В указанном деле взаимодействие

производств, открытых одновременно в США и Великобритании, происходило на основе так называемого протокола, который был подготовлен арбитражными управляющими (которые были назначены в одном государстве и признаны другими), а затем утвержден в судебном порядке. Вышеуказанный пример очень гармонично смотрится при рассмотрении модели «модифицированного универсализма».

В рамках данного исследования стоит также обратить внимание на концепцию центра основных интересов должника, так называемый COMI-стандарт (center of main interests of the debtor – COMI). Данный стандарт на сегодняшний день занимает ключевое место в европейской практике – он закреплен в Регламенте Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах несостоятельности (далее – Регламент ЕС), а также в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1997 года.

Согласно Регламенту ЕС под COMI понимается место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами. Данный стандарт при возбуждении дела о банкротстве позволяет избирать юрисдикцию того государства, в котором должник преимущественно ведет свою хозяйственно-экономическую деятельность или же где расположена наибольшая часть его имущества [Мохова, 2018]. Если определить это невозможно, то действует «правило презумпции», которое устанавливает в качестве центра основных интересов место государственной регистрации должника.

Фактически, «правило презумпции» отождествляется с личным законом юридического лица, опираясь только на место инкорпорации организации. Именно этот подход реализуется в Российской Федерации, не оставляя возможности российскому арбитражному суду возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица, отсылая к личному закону должника. Такой подход упрощает выбор юрисдикции, однако не всегда отражает реальную действительность и может повлечь причинение вреда правам кредиторов.

В 2011 году Министерством экономического развития РФ был разработан проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», работа над которым «заморожена» уже более 10 лет [Панова, 2014]. В данном законопроекте ключевое место при определении юрисдикции выделялось именно центру основных интересов.

Для установления центра основных интересов помимо места регистрации должника также в законопроекте уделялось внимание местонахождению основного имущества должника, части кредиторов, производственных ресурсов, месту осуществления основной предпринимательской деятельности и др. В случае, если подтверждалось наличие COMI иностранного юридического лица на территории России, то российский арбитражный суд был бы компетентен возбудить дело о банкротстве.

Мировой опыт стремится к автоматическому признанию и приведению в исполнение иностранных решений о банкротстве. Однако, как уже было указано выше, для такого сотрудничества необходимо заключение международных договоров. Россия на сегодняшний день не является участником практически ни одного подобного многостороннего договора [Иванова, 2020]. Это подтверждает вывод, что российские суды не компетентны возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица. Данную ситуацию мог бы исправить Федеральный закон «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», однако, в следствие того, что он так и не был принят, открытие конкурсного производства в отношении иностранного юридического лица в России виделось невозможным.

На практике российские арбитражные суды зачастую ссылаются на неприменимость Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» к лицам, которые не были учреждены в соответствии с нормами гражданского

законодательства Российской Федерации, то есть были учреждены за рубежом. Также судьи ссылаются на ст. 1202 ГК РФ о личном законе юридического лица, предполагающая ликвидацию общества в соответствии с законодательством страны, где лицо было зарегистрировано. Подкрепляются данные аргументы и тем, что «негативные» последствия, которые влечет за собой признание юридического лица банкротом, фактически невозможно применить на территории иностранного государства. Из совокупности вышеперечисленных аргументов делается вывод, что российское законодательство не допускает банкротства иностранных юридических лиц.

Отечественная практика до определенного момента содержала только примеры неудачных попыток инициировать в отношении иностранного юридического лица дело о банкротстве в России. Первым успешным примером такой ситуации является решение Арбитражного суда Челябинской области от 22 апреля 2022 года по делу №А76-31539/2021 (далее – решение АС Челябинской области), в котором суд впервые в российской судебной практике ввел конкурсное производство в отношении иностранной компании. Решение АС Челябинской области поднимает множество важных вопросов, которые безусловно нуждаются в детальном анализе.

В рассматриваемом деле кредитор, являющийся гражданином России, обратился в суд с заявлением о признании банкротом иностранного юридического лица Pandora consulting LC, зарегистрированного в государстве Сент-Китс и Невис.

Было установлено, что в спорный период должник имел расчетный счет в российской кредитной организации, основным видом деятельности компании являлось ведение юридического бизнеса на территории Российской Федерации, а единственным участником организации являлся гражданин России.

Ссылаясь на буквальное толкование материальных и процессуальных норм российского законодательства (ст. 247 АПК РФ, ст. 1 Закона о банкротстве), суд указал на отсутствие компетенции российского арбитражного суда вести производство по делам о банкротстве в отношении иностранных юридических лиц. Однако отказ в возбуждении дела суд посчитал нецелесообразным, так как это неминуемо влечет ограничение прав кредиторов на получение эффективной судебной защиты. Таким образом, руководствуясь интересами кредиторов, суд принял решение возбудить конкурсное производство в отношении имущественной массы должника.

Сложно согласиться с тем, что буквальное толкование ст. 247 АПК РФ не предполагает возможности возбуждения производства в отношении иностранного юридического лица. Названная статья в совокупности с принципом наиболее тесной связи, являющимся специальным принципом МЧП, может служить аналогией центра основных интересов. Более того, ст. 36 АПК РФ позволяет определить компетенцию суда по местонахождению имущества или представительства юридического лица [Шефас, 2020].

В целом же подход суда видится верным. Открытие производства в отношении именно имущественной массы должника вполне релевантно. Суд, учитывая территориальную привязку и тесную связь имущественной массы с РФ, применяет аналогию иным институтам банкротства неправосубъектных образований (наследственной массы, крестьянского фермерского хозяйства), а также институту распределения имущества ликвидированного юридического лица. Таким образом, суд «лавирует» между существующими законодательными препятствиями и соблюдением прав кредиторов. Нельзя отрицать, что в данном случае отказ от возбуждения дела о банкротстве неминуемо повлечет за собой ограничение прав кредиторов на получение эффективной судебной защиты. Это, в свою очередь, противоречит ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей право на судебную защиту.

Как отмечает Е.В. Мохова, «если государство стремится обеспечить права отечественных кредиторов тем имуществом, что находится на его территории, то оно должно или предусмотреть для этих целей специальную коллективную процедуру (например, с успехом применяемое за рубежом вторичное производство), или допустить параллельное классическое банкротство, в том числе в отношении иностранных должников» [Мохова, 2016].

Учитывая текущую внешнеполитическую обстановку крайне маловероятно, что в ближайшее время Российская Федерация будет участвовать в международных конвенциях в сфере трансграничного банкротства либо заключать соглашения о порядке взаимного исполнения судебных актов о банкротстве. При этом, рассмотренные нами модели производства трансграничного банкротства предполагают активное сотрудничество государств в рамках соглашений или ратифицированных конвенций. Скорее всего, в судебной практике будет сформирован подход на основании принципа территориализма в его чистом виде. То есть, применение права по отношению к активам должника, которые находятся исключительно на территории государства без сотрудничества с другими правопорядками.

В связи с этим становится ясно, что законодателю необходимо сформировать механизм по искусственному выделению активов иностранной организации, находящихся на территории России и необходимых для погашения задолженности перед кредиторами. Скорее всего, российские суды будут применять политику ареста всех активов на территории государства, подобной той, которую применяет, например, Великобритания в отношении активов должника, находящихся во всем мире. То есть, происходит замораживание активов должника на территории РФ и применяется требование о раскрытии информации обо всех активах. За нераскрытие информации полагается тюремный срок.

И в контексте данного подхода сразу же вспоминается известный пример М. Аблязова, который во время проведения судебного разбирательства предоставил информацию не обо всех своих активах. Впоследствии он начал продавать нераскрытые активы, причем делал это через прямые договоры купли-продажи. Суд неукоснительно заявил, что это неуважение к суду («contempt of court»), и данный казус немедленно привело к уголовному преследованию и вынесению приговора - 22 месяца в местах лишения свободы. Это очень эффективная процедура получения обеспечительных мер в Великобритании, которая могла быть применима и у нас с некоторыми процессуальными оговорками. Потому что зачастую у суда нет возможности выяснить, где и как прячет свои активы должник, а ко времени получения этой информации любые обеспечительные меры уже утратят всякий смысл.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что игнорирование вопроса о банкротстве иностранных юридических лиц уже сегодня позволяет регистрировать организацию за рубежом, вести деятельность на территории РФ, при этом избегая риск впасть в банкротство в юрисдикции России. Данная проблема грозит не только причинению вреда правам кредиторов, но и экономическому порядку государства в целом. Для предотвращения такого развития событий законодателю необходимо серьезно подойти к разработке специальных положений, позволяющих соблюсти баланс между уже существующими положениями законодательства и правами отечественных кредиторов. В Решении АС Челябинской области уже заложен фундамент механизма, который возможно раскрыть, опираясь, в том числе, и на зарубежный опыт.

Библиография

1. Иванова Т.А. Институт трансграничного банкротства // Юрист. 2020. № 3. С. 24-28.
2. Костин А.А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи (анализ российского и иностранного опыта) // Закон. 2022. № 5. С. 75-92.
3. Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве // Закон. 2018. № 7. С. 86-106.
4. Мохова Е.В. Признание иностранных банкротств в России: вопрос о финальности судебного акта, открывающего банкротное производство, и поиски решения проблемы его трансграничного эффекта de lege lata // Закон. 2023. № 1. С. 114-139.
5. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. № 5. С. 139.
6. Определение АС города Москвы от 05.04.2017 по делу № А40-15873/17-8-4 Б.
7. Определение АС Краснодарского края от 02.02.2015 по делу № А32-43709/2014.
8. Панова К.О. Перспективы развития трансграничной несостоятельности в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 1. С. 129-131.
9. Постановление Девятого ААС от 11.02.2020 № 09АП-2602/20.
10. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22 апреля 2022 г. по делу № А76-31539/2021.
11. Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М.: Статут, 2012. 238 с.
12. Шефас П. О банкротстве иностранных юридических лиц в России: компетенция судов и гарантии защиты российских кредиторов // Цивилистика. 2020. № 5. С. 165.
13. Bebchuk L.A., Guzman A.T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // NBER Working Paper 6521. 1998. April. P. 4.
14. Buxbaum H.L. Rethinking International Insolvency: The Neglected Role of Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. 2000. Vol. 36:23. P. 23.
15. LoPucki L.M. The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy // Michigan Law Review. 2000. Vol. 98. P. 742.
16. Toemans P. Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law // Kluwer Law International. 2001. P. 3.
17. Tung F. Is International Bankruptcy Possible? // Michigan Journal of International Law. 2001. Vol. 23:1. P. 2.
18. Verougstraete I. Manuel de la Faillite et du Concordat // Kluwer Editions Juridiques Belges. 1998. P. 617.
19. Westbrook J.L. A Global Solution to Multinational Default // Michigan Law Review. 2000. Vol. 98. P. 2278.
20. Wood P. Principles of International Insolvency. L., 2007. P. 619.

To the question of cross-border bankruptcy in modern legal practice

Natal'ya V. Bandurina

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Business Law,
All-Russian State University of Justice;
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nbandurina@yandex.ru

Vladislav S. Gavrillov

Lawyer of CJSC Sotby,
119048, 1, 35, Usacheva str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gavrillovws@yandex.ru

Il'ya A. Sirotkin

Leading Manager of the Troubled Assets Department,
PJSC Promsvyazbank,
109052, 22, 10, Smirnovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ilya_sirotkin_98@mail.ru

Abstract

The article reveals the content of the main approaches of domestic and foreign researchers on the issue of cross-border bankruptcy. Based on the analysis of current judicial practice, as well as the current bankruptcy legislation, conclusions were made about the legality of initiating bankruptcy proceedings against a foreign company. Considering foreign experience, the authors propose a mechanism for solving the problem posed in the study, which makes it possible to observe the rights of creditors and at the same time not violate the already established order. Ignoring the issue of bankruptcy of foreign legal entities already today allows you to register an organization abroad, conduct business on the territory of the Russian Federation, while avoiding the risk of bankruptcy in the jurisdiction of Russia. This problem threatens not only to harm the rights of creditors, but also to the economic order of the state as a whole. To prevent such a development of events, the legislator needs to take a serious approach to the development of special provisions that allow maintaining a balance between existing legal provisions and the rights of domestic creditors. The Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region has already laid the foundation for a mechanism that can be revealed, relying, among other things, on foreign experience.

For citation

Bandurina N.V., Gavrilov V.S., Sirotkin I.A. (2023) K voprosu o transgranichnom bankrotstve v sovremennoi yuridicheskoi praktike [To the question of cross-border bankruptcy in modern legal practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

Keywords

Cross-border bankruptcy, bankruptcy of legal entities, competence of the court, property mass of the debtor, allocation of assets.

References

1. Bebchuk L.A., Guzman A.T. (1998) An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies. *NBER Working Paper 6521*, April, p. 4.
2. Buxbaum H.L. (2000) Rethinking International Insolvency: The Neglected Role of Choice-of-Law Rules and Theory. *Stanford Journal of International Law*, 36:23, p. 23.
3. Ivanova T.A. (2020) Institut transgranichnogo bankrotstva [Institute of cross-border bankruptcy]. *Yurist* [Lawyer], 3, pp. 24-28.
4. Kostin A.A. (2022) Priznanie inostrannykh reshenii ob otkrytii protsedury bankrotstva na osnovanii mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoi pomoshchi (analiz rossiiskogo i inostrannogo opyta) [Recognition of foreign decisions on opening bankruptcy proceedings on the basis of international agreements on legal assistance (analysis of Russian and foreign experience)]. *Zakon* [Law], 5, pp. 75-92.
5. LoPucki L.M. (2000) The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy. *Michigan Law Review*, 98, p. 742.
6. Mokhova E.V. (2018) Kompetentnyi sud i primenimoe pravo pri privlechenii direktora dolzhnika k otvetstvennosti v transgranichnom bankrotstve [Competent court and applicable law when bringing the director of the debtor to liability]

- in cross-border bankruptcy]. *Zakon* [Law], 7, pp. 86-106.
7. Mokhova E.V. (2023) Priznanie inostrannykh bankrotstv v Rossii: vopros o final'nosti sudebnogo akta, otkryvayushchego bankrotnoe proizvodstvo, i poiski resheniya problemy ego transgranichnogo effekta de lega lata [Recognition of foreign bankruptcies in Russia: the question of the finality of a judicial act opening bankruptcy proceedings and the search for a solution to the problem of its cross-border effect de lega lata]. *Zakon* [Law], 1, pp. 114-139.
 8. Mokhova E.V. (2016) Transgranichnye bankrotstva za rubezhom i v Rossii: v poiskakh balansa mezhdru universalizmom i territorial'nost'yu [Cross-border bankruptcies abroad and in Russia: in search of a balance between universalism and territoriality]. *Zakon* [Law], 5, p. 139.
 9. *Opredelenie AS goroda Moskvy ot 05.04.2017 po delu № A40-15873/17-8-4 B* [Determination of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 04/05/2017 in case No. A40-15873 / 17-8-4 B].
 10. *Opredelenie AS Krasnodarskogo kraya ot 02.02.2015 po delu № A32-43709/2014* [Determination of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated February 2, 2015 in case No. A32-43709/2014].
 11. Panova K.O. (2014) Perspektivy razvitiya transgranichnoi nesostoyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [Prospects for the development of cross-border insolvency in the Russian Federation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 1, pp. 129-131.
 12. *Postanovlenie Devyatogo AAS ot 11.02.2020 № 09AP-2602/20* [Decree of the Ninth AAC dated February 11, 2020 No. 09AP-2602/20].
 13. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Chelyabinskoi oblasti ot 22 aprelya 2022 g. po delu № A76-31539/2021* [Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region dated April 22, 2022 in case No. A76-31539/2021].
 14. Shefas P. (2020) O bankrotstve inostrannykh yuridicheskikh lits v Rossii: kompetentsiya sudov i garantii zashchity rossiiskikh kreditorov [On the bankruptcy of foreign legal entities in Russia: the competence of the courts and guarantees for the protection of Russian creditors]. *Tsivilistika* [Civilistics], 5, p. 165.
 15. Sobina L.Yu. (2012) *Priznanie inostrannykh bankrotstv v mezhdunarodnom chastnom prave* [Recognition of foreign bankruptcies in private international law]. Moscow: Statut Publ.
 16. Toremans P. (2001) Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law. In: *Kluwer Law International*.
 17. Tung F. (2001) Is International Bankruptcy Possible? *Michigan Journal of International Law*, 23:1, p. 2.
 18. Verougstraete I. (1998) Manuel de la Faillite et du Concordat. In: *Kluwer Editions Juridiques Beligues*.
 19. Westbrook J.L. (2000) A Global Solution to Multinational Default. *Michigan Law Review*, 98, p. 2278.
 20. Wood P. (2007) *Principles of International Insolvency*. London.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.46.29.024

Проблема ограничения принципа свободы договора преимущественным правом покупки в корпоративном праве

Эшпулатов Тимур Авазович

Магистр права,
Высшая школа экономики,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: eshpulatov99@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрен проблемный вопрос конституционности ограничения свободы договора участника хозяйственного общества правом на преимущественную покупку других участников данного общества. Проанализировав существо правового механизма преимущественного права и принципа свободы договора, автор приходит к выводу о правомерности подобного ограничения, однако выделяет правовые механизмы корпоративного права для соблюдения конституционных принципов соразмерности и справедливости подобного ограничения. В рамках правового механизма соблюдения принципа соразмерности рассматривается законодательное ограничение возможности преимущественного права покупки установленным сроком. В качестве критерия справедливости, в свою очередь, рассматривается фактическая ничтожность положения устава, если закрепленная в этом положении устава цена преимущественного приобретения существенно ниже рыночной. Также автором предлагается некоторая законодательная унификация норм федеральных законов об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью.

Для цитирования в научных исследованиях

Эшпулатов Т.А. Проблема ограничения принципа свободы договора преимущественным правом покупки в корпоративном праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 145-150. DOI: 10.34670/AR.2023.46.29.024

Ключевые слова

Преимущественное право, преимущественное право покупки, свобода договора, ограничение свободы договора, хозяйственное общество.

Введение

Пункт 2 статьи 93 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает преимущественное право покупки доли или части доли участника общества другими участниками хозяйственного общества. Аналогичное положение содержится в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (пункт 4 статьи 21 указанного Федерального закона) и Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (пункт 3 статьи 7 указанного Федерального закона устанавливает возможность закрепления преимущественного права в уставе непубличных акционерных обществ). В данной статье автором будет рассмотрен вопрос о правомерности подобного механизма в свете наличия конституционного принципа свободы договора.

Основная часть

Преимущественное право участников хозяйственных обществ предполагает обязанность продавца (именно продавца, поскольку принцип преимущественного права распространяется только на возмездные сделки, что подтверждается в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») перед продажей своих акций или доли третьим лицам предложить их участником общества. Таким образом, суть правового механизма преимущественного права покупки заключается в ограничении полномочия распоряжения собственника, с одной стороны, и предоставлении гарантий другим участникам хозяйственного общества, с другой стороны. Иными словами, законодатель ограничивает право на свободу договора продавца ради защиты интересов других участников.

Принцип свободы договора представляет собой «способность субъектов самостоятельного выбора заключения или не заключения договора, выбора партнеров по договору, выбора вида договора и условий договора» [Марченко, 2003, 14]. Данный принцип выполняет важную экономическую роль, является базисом для рыночной модели экономики и принципа свободы экономической деятельности, провозглашенного в статье 8 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что принцип свободы договора является конституционным принципом. Так, в Постановлении от 30.01.2009 № 1-П Конституционный Суд РФ прямо указал, что все перечисленные в Гражданском кодексе Российской Федерации основные начала гражданского законодательства имеют конституционное значение.

Из признания Конституционным Судом РФ принципа свободы договора конституционным принципом прежде всего следует вывод о возможности ограничения подобной свободы только федеральным законом и исключительно в указанных Конституцией РФ целях. Подобный вывод следует и из Постановлений Конституционного Суда (Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 № 9-П; от 28.01.2010 № 2-П, от 18 июля 2003 года № 14-П, от 16 июля 2004 года № 14-П, от 31 мая 2005 года № 6-П, от 28 февраля 2006 года № 2-П), где отмечается, что конституционная свобода договора не является абсолютной, не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод (статья 55, часть 1, Конституции Российской Федерации) и может быть ограничена лишь федеральным законом; такие ограничения, однако, не могут быть произвольными: они возможны лишь в той мере, в какой

это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно значимым целям защиты соответствующих прав и законных интересов и основываться на законе.

Таким образом, законодательство Российской Федерации, хотя и признает возможность ограничения принципа свободы договора, вырабатывает ряд критериев, в соответствии с которыми такая свобода может быть ограничена. Во-первых, свобода договора может быть ограничена исключительно нормативно-правовыми актами, имеющими силу федерального закона. Во-вторых, подобное ограничение возможно исключительно в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц. В-третьих, ограничение должно быть справедливым и соразмерным. В связи с этим возникает проблемный вопрос: действительно ли ограничение конституционного принципа свободы договора оправдано необходимостью защиты прав и законных интересов других лиц?

По мнению автора, данный проблемный вопрос необходимо раскрывать, опираясь на правовую природу непубличных хозяйственных обществ.

Одним из ключевых признаков подобных хозяйственных обществ является их закрытый характер (данный тезис подтверждает, например, Петренко И.В. в своей диссертации [Петренко, 2011, 127]). Закрытый характер предполагает отсутствие свободной возможности вступления в такое хозяйственное общество. В каком-то смысле, для непубличных обществ характерна ситуация, когда не потенциальный участник выбирает хозяйственное общество, а само общество выбирает себе участников. Соответственно, при создании общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества его учредители преследует цель по сохранению фидуциарности своей организации, исключения «случайных» членов. Данный тезис подтверждается, например, мнением И.С. Шиткиной [Шиткина, 2007, 199].

Таким образом, к правовой природе как обществ с ограниченной ответственностью, так и непубличных акционерных обществ применимы два положения:

- а) как общество с ограниченной ответственностью, так и непубличное акционерное общество имеет закрытый характер;
- б) одной из целей создания юридического лица в виде подобных обществ выступает стремление избежать «случайных» участников общества.

Принимая за константу два этих положения, вернемся к главному вопросу этой работы – оправдано ли ограничение права на свободу договора участника-продавца непубличного хозяйственного общества?

По мнению автора, на данный вопрос следует ответить положительно. Действительно, сама цель создания обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ предполагает закрытость и сложность как вступления в общество, так и выхода из него. Соответственно, принимая решение об участии в ООО и НПАО лицо должно принимать ключевые признаки и механизмы функционирования подобного хозяйственного общества.

Однако, соглашаясь с тем, что правовой механизм преимущественного права для обществ с ограниченной ответственностью соответствует пункту 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, автор считает необходимым обратить внимание на ключевые гарантии для участника-продавца. По мнению автора, только с соблюдением этих гарантий право участника-продавца ограничивается в установленном Конституцией Российской Федерации порядке, то

есть с соблюдением принципов справедливости и соразмерности ограничения.

Во-первых, гарантией соблюдения принципов справедливости и соразмерности выступает ограничение возможности преимущественного права покупки установленным законодательством сроком. Так, пункт 5 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает, что участники общества вправе воспользоваться преимущественным правом покупки доли или части доли в уставном капитале общества в течение тридцати дней с даты получения оферты обществом, если более продолжительный срок не установлен уставом. Данная гарантия защищает продавца от необоснованного затягивания ограничения на распоряжение своей собственностью, гарантирует соразмерность ограничения.

Во-вторых, подобной гарантией служит фактическая ничтожность (законодательством используется формулировка «суд вправе не применять положения устава»), однако следует согласиться с мнением А.А. Кузнецова о том, что за данной формулировкой скрывается именно ничтожность [Кузнецов, 2020, 7]) положения устава, если закрепленная в этом положении устава цена преимущественного приобретения существенно ниже рыночной. Данная гарантия законодательно закреплена в пункте 3 статьи 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и также распространена в отношении обществ с ограниченной ответственностью в правоприменительной практике (например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912). Именно возможность признания подобного положения устава недействительной гарантирует продавцу справедливую компенсацию за его собственность, даже в случае применения преимущественного права.

Заключение

Таким образом, проанализировав правовое положение непубличных хозяйственных обществ, сущность правового механизма преимущественного права, а также конституционного принципа свободы договора, рассмотрев критерии легального ограничения данного принципа, автор приходит к следующим выводам.

Во-первых, механизм преимущественного права является ограничением принципа свободы договора, поскольку ограничивает полномочие распоряжения участника-продавца.

Во-вторых, исходя из конституционности принципа свободы договора, законодателем сформулирован закрытый перечень критериев, в соответствии с которыми свобода договора может быть ограничена. Такими критериями являются: возможность ограничения исключительно нормативно-правовыми актами, имеющими силу федерального закона, возможность ограничения исключительно в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, справедливость и соразмерность ограничения.

В-третьих, по мнению автора, ограничение свободы договора преимущественным правом покупки соответствует требованиям пункта 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Иными словами, право участника-продавца на свободу договора может быть ограничено преимущественным правом покупки иных участников. Однако, по мнению автора, важным в конституционности данной правовой ситуации является реализация критериев соразмерности и справедливости подобного механизма.

В качестве критерия соразмерности автор предлагает рассматривать ограничение возможности преимущественного права покупки установленным законодательством сроком. В

качестве критерия справедливости, в свою очередь, фактическая ничтожность положения устава, если закреплена в этом положении устава цена преимущественного приобретения существенно ниже рыночной. Также автором, с учетом уже сложившейся правоприменительной практики, предлагается законодательно закрепить положение аналогичное пункту 3 статьи 7 Закона об акционерных обществах и в Законе об обществах с ограниченной ответственностью.

Библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. в ред. от 03 августа 2018 г.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ).
3. Кузнецов А.А. Новая жизнь российского корпоративного права и ограничения на отчуждение доли (акций). Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 4-24.
4. Марченко М.Н. Общая теория договора: основные положения (статья первая) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2003. № 6. С. 14-15.
5. Петренко И.В. Общество с ограниченной ответственностью как корпоративное юридическое лицо: особенности создания и управления: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 215 с.
6. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года в ред. от 15 апреля 2019 г.
7. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 года в ред. от 23 апреля 2018 г.
8. Шиткина И.С. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2007. 312 с.
9. Aleksandrovic S. D. Problems of proof in disputes over determining the selling price of property in the case of entrepreneurs exercising their pre-emptive right to purchase leased property. – 2021.
10. Kachalova A. On the Question of Legal Nature of Pre-Emptive Right //Kazan UL Rev. – 2020. – Т. 5. – С. 324.

The problem of restricting the principle of freedom of contract by the preemptive right to purchase in corporate law

Timur A. Eshpulatov

Master of Law,
Higher School of Economics,
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: eshpulatov99@mail.ru

Abstract

This article examines the problematic issue of the constitutionality of restricting the freedom of contract of a participant in a business company with the right to pre-emptive purchase of other participants in this company. Having analyzed the essence of the legal mechanism of pre-emptive right and the principle of freedom of contract, the author concludes about the legality of such a restriction, but highlights the legal mechanisms of corporate law to comply with the constitutional principles of proportionality and fairness of such a restriction. Within the framework of the legal mechanism of compliance with the principle of proportionality, the legislative restriction of the possibility of a pre-emptive right to purchase by a fixed period is being considered. As a criterion of fairness, in turn, the actual insignificance of the provision of the charter is considered, if the price of pre-emptive acquisition fixed in this provision of the charter is significantly lower than the market

price. The author also suggests some legislative unification of the norms of federal laws on joint stock companies. In particular, the author proposes to legislate a provision similar to paragraph 3 of Article 7 of the Law on Joint Stock Companies and in the Law on LLCs.

For citation

Eshpulatov T.A. (2023) Problema ogranicheniya printsipa svobody dogovora preimushchestvennym pravom pokupki v korporativnom prave [The problem of restricting the principle of freedom of contract by the preemptive right to purchase in corporate law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 145-150. DOI: 10.34670/AR.2023.46.29.024

Keywords

Pre-emptive right, pre-emptive right of purchase, freedom of contract, restriction of freedom of contract, business company.

References

1. Federal'nyi zakon «Ob aktsionnykh obshchestvakh» ot 26 dekabrya 1995 goda v red. ot 15 aprelya 2019 g. [Federal Law "On Joint Stock Companies" dated December 26, 1995, as amended on April 15, 2019].
2. Federal'nyi zakon «Ob obshchestvakh s ogranichennoi otvetstvennost'yu» ot 08 fevralya 1998 goda v red. ot 23 aprelya 2018 g. [Federal Law "On Limited Liability Companies" dated February 08, 1998, as amended. April 23, 2018].
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. v red. ot 03 avgusta 2018 g. [Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994, as amended dated August 03, 2018].
4. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2 -FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ)].
5. Kuznetsov A.A. (2020) Novaya zhizn' rossiiskogo korporativnogo prava i ogranicheniya na otchuzhdenie doli (aktsii). Kommentarii k Opredeleniyu Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 11.06.2020 № 306-ES19-24912 [New life of Russian corporate law and restrictions on the alienation of a share (shares). Commentary on the Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 11, 2020 No. 306-ES19-24912]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 8, pp. 4-24.
6. Marchenko M.N. (2003) Obshchaya teoriya dogovora: osnovnye polozheniya (stat'ya pervaya) [General theory of the contract: the main provisions (article one)]. *Vestnik Moskovskogo unimversiteta. Seriya 11. Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11. Law], 6, pp. 14-15.
7. Petrenko I.V. (2011) Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu kak korporativnoe yuridicheskoe litso: osobennosti sozdaniya i upravleniya. Doct. Dis. [Limited Liability Company as a Corporate Legal Entity: Features of Creation and Management. Doct. Dis.]. Rostov-on-Don.
8. Shitkina I.S. (2007) Korporativnoe pravo [Corporate law]. Moscow: Volters Kluver Publ.
9. Aleksandrovic, C. D. (2021). Problems of proof in disputes over determining the selling price of property in the case of entrepreneurs exercising their pre-emptive right to purchase leased property.
10. Kachalova, A. (2020). On the Question of Legal Nature of Pre-Emptive Right. *Kazan UL Rev.*, 5, 324.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.94.47.025

Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования

Сулейманова Мисей Изамутиновна

Аспирант,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: miseyka.miseyka@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования аккаунтов в социальных сетях, принадлежности их к цифровым правам и вопросам их включения в наследственную массу и наследования в качестве цифровых активов. Целью данного исследования является выявление проблем, возникающих по поводу передачи аккаунтов в социальных сетях наследникам, ввиду их памятной или коммерческой ценности. Автор исследует существующие в науке и практике подходы к определению правовой природы аккаунта, проводит сравнительный анализ российского и зарубежного опыта и предлагает возможные решения для законодательного урегулирования проблемных вопросов, возникающих на практике и связанных с набирающей обороты тенденцией цифровизации общества. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления возможности наследования цифровых активов и разделяет объем доступа к ним, в зависимости от вида наследования – по закону или по завещанию. Цифровизация набирает обороты, и в будущем возникнут все новые виды цифровых активов. Автор приходит к выводу о скорейшей необходимости законодательного закрепления права завещать и права наследовать цифровые активы для преодоления правовой неопределенности, создании стабильного гражданского оборота и минимизации судейского усмотрения. Соблюдая баланс интересов наследников и наследодателя, следует установить объем передачи такого доступа: по завещанию в том объеме, в котором указал его владелец, при его отсутствии цифровые аккаунты могут быть переданы наследникам в том объеме, который не нарушает неприкосновенность частной жизни и тайну переписки.

Для цитирования в научных исследованиях

Сулейманова М.И. Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 151-158. DOI: 10.34670/AR.2023.94.47.025

Ключевые слова

Цифровое право, наследование, объекты наследственного правопреемства, завещание, социальные сети, аккаунт в социальных сетях, сеть Интернет, интеллектуальные права, мультимедийный продукт, сложные объекты интеллектуальных прав.

Введение

Развитие современных технологий привело к появлению новых явлений и объектов, таких как «цифровая валюта», «цифровые активы», «цифровые технологии», а социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Цифровизация общества происходит с каждым днем все быстрее, в то время как уже существующие и даже новые законы не отвечают на возникающие вопросы права.

Одним из значимых и неурегулированных вопросов является возможность и порядок наследования «цифровых объектов». Право наследования закреплено в Конституции РФ (ст.35), такая конституционная гарантия включает в себя право наследовать и право завещать.

Основная часть

Устоявшееся правило наследования закреплено в ст. 1112 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которому в состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Наследование объектов цифрового мира – животрепещущая проблема не только в России, но и во всем мире, которая будет только набирать обороты. Камень преткновения состоит в том, что в некоторых случаях происходит столкновение интересов наследников и защита личных прав гражданина после смерти. Этим вызвана неоднозначность подхода к наследованию аккаунтов в социальных сетях в разных странах и вопросам отнесения их определенной категории объектов гражданского права.

В октябре 2022 года число активных пользователей в социальных медиа только в России составило 62,2 млн. [Социальные сети в России..., www]. Постоянно растущие цифры, помимо всего прочего, связаны с тем, что все больше аккаунтов представляют собой не «личные блоги», а сообщества по интересам, рекламные площадки или принадлежат бизнесу. Аккаунт с определенным количеством подписчиков, приносящий доход его владельцу, обладает экономической ценностью и объясняет желание наследодателей и наследников включить его в состав наследственной массы.

В 2019 году в ГК РФ была внесена статья о цифровых правах, которая обилием терминов, нуждающихся в определении, породила больше вопросов, чем ответов. Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. «Закон должен не только специально назвать определенные права цифровыми, но прямо выделить признаки информационной системы, по правилам которой эти права признаются оборотоспособными» [Блажеев, Егорова, 2020, 266].

Под цифровыми финансовыми активами с 1 января 2021 г. признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

К цифровым активам можно отнести криптовалюту, доменные имена, интернет-аккаунты и каждый из них заслуживает отдельного детального исследования.

Так что же такое аккаунт в социальной сети, какова его правовая природа? Следует ли относить аккаунты в социальных сетях к цифровым правам?

Законодателем была предпринята попытка легализовать понятия социальная сеть, аккаунт, однако до настоящего времени законодательное определение отсутствует. В предложенном, но отклоненном варианте Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» социальная сеть определялась как сайт в сети Интернет, где зарегистрированные пользователи могут самопрезентовать себя посредством регистрации своих профилей, под аккаунтом понималась страница конкретного пользователя, который зарегистрировал ее по правилам социальной сети и вел добровольно содержательное наполнение.

На сегодняшний день в юридической научной литературе нет единого подхода к определению аккаунта в социальных сетях, несмотря на это судебная практика вполне рассматривает аккаунт как самостоятельный объект гражданских правоотношений или составную часть имущественного комплекса.

Предпринимая попытку разобраться в правовой природе аккаунта в социальных сетях, считаем необходимым перечислить существующие позиции относительно его правовой сущности. Аккаунт рассматривается как база данных, запись на сервере собственника социальной сети, права и обязанности из соглашения с организатором социальной сети [Панарина, 2018, 29-30].

Также в науке существует позиция, о рассмотрении аккаунта с точки зрения авторско-правовой охраны, в случае его соответствия критериям охраноспособности объектов авторских прав. Для этого должно соблюдаться два условия: творческий характер труда и объективная (в данном случае цифровая) форма выражения.

Е.С. Гринь относит аккаунты в социальных сетях к мультимедийным продуктам (ст. 1240 ГК РФ), если они соответствуют признакам данных сложных объектов. Под мультимедийным продуктом понимается произведение, выраженное в электронной (цифровой) форме, включающее несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирующее в процессе взаимодействия с пользователем [Гринь, 2015].

В том случае, если аккаунт в социальных сетях будет обладать признаками мультимедийного продукта: сложностью структуры, виртуальностью, интерактивностью, электронной формой выражения, состоять из разнородных результатов творческого труда, объединенных в единое произведение, тогда рассматриваемый объект может подпадать под правовую квалификацию как мультимедийный продукт [Гринь, 2022]. Наряду с правовой доктриной развивается и правоприменительная практика, где также существуют сложившиеся подходы к правовой природе аккаунта:

- аккаунт является нематериальным объектом, созданным в результате творчества условного автора, как правило, являющегося пользователем какой-либо информационной площадки - социальной сети, что во многом приближает его к

категории результатов интеллектуальной деятельности.

- аккаунт может использоваться в качестве информационной площадки или средства связи;
- аккаунт, обладающий коммерческой ценностью, является объектом гражданских правоотношений.

Определение цифрового аккаунта как результата интеллектуальной деятельности не лишено логики, однако влечет за собой ряд сложностей. Каждый спорный объект придется детально изучать, доказывать творческий характер при создании контента или несение существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат при систематизации материалов для базы данных (ст. 1334 ГК РФ).

Представляется более разумным рассматривать аккаунты в социальных сетях как иное имущество в числе объектов гражданского права. В соответствии со ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Исходя из специфики предмета обсуждения, нельзя отнести его ни к вещам, ни к работам и услугам, ни к нематериальным благам.

Для того чтобы определить, подлежат ли аккаунты в социальных сетях наследованию, необходимо ответить на два вопроса: нет ли в законодательстве установленного запрета и не относятся ли они к праву, неразрывно связанному с личностью.

Так, аккаунт в социальной сети не является объектом, изъятым из гражданского оборота или ограниченным в гражданском обороте (ст. 129 ГК РФ), так как закон не называет его в качестве такового. Возможность отчуждения аккаунта и то, что на практике известны случаи, когда он (аккаунт) выступал частью предмета договора купли-продажи, лишает разумных оснований для того, чтобы причислять его к правам, неразрывно связанным с личностью наследодателя. Права на сайт, на котором аккаунт зарегистрирован, принадлежат администратору сайта (ст. 1226 ГК РФ), что не лишает пользователей возможности осуществить передачу своих прав на соответствующий аккаунт, с учетом положений Пользовательского соглашения.

Сделав вывод, что цифровые аккаунты являются имуществом, их переход в порядке наследования остается затруднительным, так как в условия пользовательского соглашения обычно включают в себя положения о том, что аккаунт не может перейти к наследникам в порядке универсального правопреемства.

Ввиду невыработанного законодательного подхода и отсутствие соответствующей судебной практики в нашей стране, необходимым представляется изучить зарубежный опыт и ответ законодательства и судебной практики других стран на возможность передачи доступа к аккаунту или прав на него.

Раньше всех о необходимости регулирования наследования цифровых прав задумались в США. Так, в 2005 году, в штате Коннектикут был принят специальный закон о предоставлении родственникам доступа к электронной почте умершего. Впоследствии и в других штатах начали появляться схожие законы, предоставлявшие право на получение доступа не только к электронной почте, но и к блогам, а также социальным страницам. Так, первопроходцем в принятии отдельного акта по наследованию цифровых активов и электронных счетов (в том числе аккаунтов) после смерти его владельца стал штат Делавер в 2014 г. Закон штата регулирует порядок передачи доступа к электронной почте, аккаунтам в социальных сетях и облачным хранилищам умершего. Такие же правила закреплены и в ряде других штатов: Айдахо, Оклахома и Индиана.

Кроме того, в том же 2014 году Комиссия по унификации законодательства, с целью дальнейшего единообразия судебной практики выпустила Закон «О фидуциарном доступе к цифровым активам» (FADA- Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act). FADA – представляет собой типовой закон, направленный на то, чтобы владельцы аккаунтов могли сохранять контроль над своей цифровой собственностью и планировать распоряжение ею после своей смерти. FADA и его расширенные версии были приняты в двадцати штатах. Наличие такого закона существенно упростило задачу технического характера, так как пользовательское соглашение большинства социальных сетей не предусматривает возможность такой передачи.

Примечательным для изучения стало решение Верховного суда Германии о признании прав наследников на доступ к аккаунту в социальной сети Facebook. Компания возражала, ссылаясь на конфиденциальность и неразрывную связь аккаунта с личностью пользователя, однако суд применил закон о наследстве, и приравнял аккаунт и имеющуюся в нем информацию, в том числе переписку к дневникам и письмам. В решении суда подчеркивается значимость наследственной передачи аккаунта наследникам, так как в нем могут храниться в том числе объекты интеллектуальной собственности, подлежащих наследованию в общем порядке [Mikk, 2018].

Таким образом, суд обязал социальную сеть передать матери умершей девочки доступ к аккаунту. Компания решила ограничиться лишь передачей USB-накопителя со всей информацией, однако мать повторно обратилась в суд, который указал на то, что этого недостаточно.

Во избежание судебных споров, в Германии рекомендуется составлять завещание и использовать USB-накопитель для хранения информации о паролях к аккаунту, который будет храниться у нотариуса.

Законодательство Нидерландов признает, что цифровые права, в том числе и права на аккаунты в социальных сетях наследуются.

Эстонское законодательство также предусматривает передачу цифровых аккаунтов по наследству, если иное не следует из закона, характера отношений или условий договора между наследодателем и поставщиком цифровых услуг. Наследник также вправе запросить у поставщика цифровых услуг сведения, необходимые для получения доступа к цифровому аккаунту наследодателя.

В Испании существует специальный закон о защите персональных данных, допускающий составление цифрового завещания, в котором будет указано лицо, которому передаются аккаунты наследодателя после его смерти.

Иного подхода придерживается Великобритания, где цифровые аккаунты не признаются имуществом и не включаются в наследственную массу. Однако активно развивается практика, когда наследодатель оставляет вместе с завещанием в отдельном документе свои пароли от учетной записи для использования их наследниками после его смерти [Harbinja..., www].

Анализ зарубежного законодательства показывает разные решения, принятые в других странах по поводу наследования цифровых аккаунтов, что еще раз подчеркивает необходимость решения вопроса на законодательном уровне.

Для упрощения задачи (для стран, в которых правовое регулирование наследования цифровых активов отсутствует) социальные сети могли бы предусмотреть назначение так называемого цифрового наследника внутри сервиса. Такую опцию создал Apple, создав возможность выбора цифрового наследника (наследников), которому будет передан доступ к учетной записи после смерти владельца.

«Добавление цифрового наследника – это простейший и наиболее безопасный способ предоставить человеку, которому вы доверяете, доступ к данным, хранящимся в вашей учетной записи Apple, после вашей смерти. Эти данные могут включать фотографии, сообщения, заметки, файлы, загруженные приложения, резервные копии устройств и многое другое. Некоторая информация, например фильмы, музыка, книги или подписки, приобретенные с помощью идентификатора Apple ID, а также данные, хранящиеся в Связке ключей, например сведения о платежах, пароли и ключи входа, не будут доступны цифровому наследнику» [Как добавить цифрового наследника..., www].

Компания рассматривает запросы от цифровых наследников и предоставляет им доступ к данным учетной записи после предоставления ими ключа доступа и свидетельства о смерти.

Единственное ограничение для наследника и наследодателя – достижения 13-летнего возраста.

Заключение

Цифровизация только набирает обороты и в будущем возникнут все новые и новые виды цифровых активов. Автор статьи приходит к выводу о скорейшей необходимости законодательного закрепления права завещать и права наследовать цифровые активы для преодоления правовой неопределенности, создании стабильного гражданского оборота и минимизации судебского усмотрения. Соблюдая баланс интересов наследников и наследодателя, следует установить объем передачи такого доступа: по завещанию в том объеме, в котором указал его владелец, при его отсутствии цифровые аккаунты могут быть переданы наследникам в том объеме, который не нарушает неприкосновенность частной жизни и тайну переписки.

До того, как эти вопросы будут решены законодателем, социальные сети откажутся передавать доступ к аккаунту, ссылаясь на внутреннюю политику даже при наличии завещания. Такие вопросы надлежит решать судебной практике, вырабатывая правоприменительный подход, который в будущем ляжет в основу законодательства о цифровом наследстве.

*Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Библиография

1. Блажеев В.В., Егорова М.А. Цифровое право. М.: Проспект, 2020. С. 266.
2. Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт. М.: Проспект, 2015.
3. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 128-134.
4. Как добавить цифрового наследника для вашего идентификатора Apple ID. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/HT212360>
5. Новоселова Л.А. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству. М.: Проспект, 2017. 112 с.
6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2020 № 88-18815/2020.
7. Панарина М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29-30.
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21-6695/2017.
9. Проект федерального закона № 883844-6 «О внесении изменений в статьи 2 и 10.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
10. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia->

2022/

11. Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. 2019. № 2. С. 11-14.
12. An act concerning access to decedents' electronic mail accounts. Public Act No 05-136. Substitute Senate Bill No 262. June 24, 2005.
13. Harbinja E. Digital Inheritance: The UK Country Report. URL: https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/22634/UK_Edina_Harbinja_13112017.pdf
14. House of Representatives, 147th General Assembly House bill no 345. an act to amend title 12 of the Delaware code relating to fiduciary access to digital assets and digital accounts.
15. Mikk T. Digital Inheritance: Heirs' Right to Claim Access to Online Accounts under Estonian Law // Juridica International. 2018. № 27. P. 117-128.

Social Media Account as a Digital Asset: Issues of Digital Inheritance

Misei I. Suleimanova

Postgraduate,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: miseyka.miseyka@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of accounts in social networks, their belonging to digital rights and issues of their inclusion in the inheritance mass and inheritance as digital assets. The purpose of this study is to identify problems arising from the transfer of accounts in social networks to heirs, due to their memorable or commercial value. The author explores the approaches existing in science and practice to determining the legal nature of the account, conducts a comparative analysis of Russian and foreign experience and suggests possible solutions for the legislative settlement of problematic issues arising in practice and related to the growing trend of digitalization of society. It is necessary to legislate the possibility of inheritance of digital assets and divides the amount of access to them, depending on the type of inheritance – by law or by will. Digitalization is increasing, and new types of digital assets will emerge. The notes the urgent need for legislative consolidation of the right to bequeath and the right to inherit digital assets in order to overcome legal uncertainty, create a stable civil circulation and minimize judicial discretion. Observing the balance of interests of the heirs and the testator, it is necessary to establish the scope of transfer of such access: by will in the amount indicated by its owner, in the absence of a will, digital accounts can be transferred to the heirs to the extent that does not violate privacy and secrecy of correspondence.

For citation

Suleimanova M.I. (2023) Akkaunt v sotsial'nykh setyakh kak tsifrovoy aktiv: voprosy tsifrovogo nasledovaniya [Social Media Account as a Digital Asset: Issues of Digital Inheritance]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 151-158. DOI: 10.34670/AR.2023.94.47.025

Keywords

Digital law, inheritance, objects of inheritance, will, social nets, social media account, Internet, intellectual rights, multimedia product, complex objects of intellectual rights.

References

1. An act concerning access to decedents' electronic mail accounts. Public Act No 05-136. Substitute Senate Bill No 262. June 24, 2005.
2. Blazheev V.V., Egorova M.A. (2020) Tsifrovoye pravo [Digital law]. Moscow: Prospekt, Publ.
3. Grin' E.S. (2015) Avtorskie prava na mul'timediyni produkt [Copyright for multimedia product]. Moscow: Prospekt Publ.
4. Grin' E.S. (2022) Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Inheritance of accounts in social networks: Russian and foreign experience]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law], 2, pp. 128-134.
5. Harbinja E. Digital Inheritance: The UK Country Report. Available at: https://uhra.herts.ac.uk/bitstream/handle/2299/22634/UK_Edina_Harbinja_13112017.pdf [Accessed 05/05/2023]
6. House of Representatives, 147th General Assembly House bill no 345. an act to amend title 12 of the Delaware code relating to fiduciary access to digital assets and digital accounts.
7. Kak dobavit' tsifrovogo naslednika dlya vashogo identifikatora Apple ID [How to add a digital heir to your Apple ID]. Available at: <https://support.apple.com/ru-ru/HT212360> [Accessed 05/05/2023]
8. Mikk T. (2018) Digital Inheritance: Heirs' Right to Claim Access to Online Accounts under Estonian Law. *Juridica International*, 27, pp. 117-128.
9. Novoselova L.A. (2017) Nasledovanie intellektual'nykh prav po rossiiskomu zakonodatel'stvu [Inheritance of intellectual rights under Russian law]. Moscow: Prospekt Publ.
10. Opredelenie Tret'ego kassatsionnogo suda obshchei yurisdiksiy ot 09.12.2020 № 88-18815/2020 [Ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 9, 2020 No. 88-18815/2020].
11. Panarina M.M. (2018) Nasledovanie akkaunta v sotsial'nykh setyakh i voprosy tsifrovogo nasledovaniya: pravovoe issledovanie [Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: legal research]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law], 3, pp. 29-30.
12. Postanovlenie Trinadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 17.01.2018 № 13AP-30540/2017 po delu № A21-6695/2017 [Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated January 17, 2018 N 13AP-30540/2017 in case No. A21-6695/2017].
13. Proekt federal'nogo zakona № 883844-6 «O vnesenii izmenenii v stat'i 2 i 10.2 Federal'nogo zakona «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» [Draft Federal Law No. 883844-6 “On Amending Articles 2 and 10.2 of the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection”].
14. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2022 [Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2022]. Available at: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022/> [Accessed 05/05/2023]
15. Yatsenko T.S. (2019) Nasledovanie tsifrovyykh prav [Inheritance of digital rights]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law], 2, pp. 11-14.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.37.82.026

Правовое регулирование института обязательной доли в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС

Моисеенко Михаил Иванович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
196105, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Московский пр., 149;
e-mail: kaf-gp@igps.ru

Илло Денис Анатольевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева,
196105, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Московский пр., 149;
e-mail: kaf-gp@igps.ru

Аннотация

В статье анализируются положения законодательств государств ЕАЭС, посвященные обязательной доли в наследстве. Институт обязательной доли в наследстве, позволяет государству защитить социально необеспеченных наиболее уязвимых граждан, родственников и близких наследодателя. Законодательства о наследстве государств ЕАЭС закрепляют право на обязательную долю в наследстве за несовершеннолетними или нетрудоспособными детьми наследодателя, его нетрудоспособными супругом и родителями. Право на обязательную долю в наследстве имеют нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, которые не входят в круг наследников, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. Можно констатировать, что институт обязательной доли в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС, обеспечивают выделение определенной доли из всего наследственного имущества наследодателя, наиболее материально уязвимым категориям родных и близких наследодателя. К числу лиц, которым законодатели предоставляют право, на получение обязательной доли из наследства наследодателя относятся: несовершеннолетние, нетрудоспособные дети, супруг, родители, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, которые ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним.

Для цитирования в научных исследованиях

Моисеенко М.И., Илло Д.А. Правовое регулирование института обязательной доли в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 159-166. DOI: 10.34670/AR.2023.37.82.026

Ключевые слова

Наследование, наследники, обязательная доля в наследстве, право на обязательную долю в наследстве, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, отказ от обязательной доли в наследстве.

Введение

Конституция РФ гарантирует гражданам Российской Федерации право наследования. Особенности наследования в Российской Федерации регламентированы частью 4 Гражданского кодекса РФ объединяющей главы с 61 по 65. В Российской Федерации имущество умершего лица (наследодателя) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если иное не установлено законом и иными правовыми актами. Основными формами перехода наследственного имущества являются: наследование по закону, по завещанию, наследственный договор, наследственный фонд. В гражданском законодательстве Российской Федерации закреплена свобода завещания, позволяющая наследодателю по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, включить в завещание иные распоряжения. Завещатель вправе отменить или изменить совершенное завещание, не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, об изменении или отмене завещания. Свобода завещания ограничивается обязательной долей в наследстве.

Основная часть

Законодатели различных государств, обеспечивая защиту социально необеспеченных, наиболее уязвимых граждан, родственников и близких наследодателя, закрепляют институт обязательной доли в наследстве.

Обязательная доля в наследстве – право, определенных законом лиц, гарантированное государством на получение части наследственного имущества, независимо от содержания завещания наследодателя.

Законодатели государств ЕАЭС закрепили право на обязательную долю в наследстве за несовершеннолетними или нетрудоспособными детьми наследодателя, его нетрудоспособными супругом и родителями¹. В п.1 ст. 1149 Гражданского кодекса Кыргызской Республики конкретизировано право на обязательную долю в наследстве за усыновленными детьми и усыновителями. Гражданский кодекс Республики Армения п. 2. Ст. 1194 устанавливает: «Во время открытия наследства право на обязательную долю имеют несовершеннолетние дети наследодателя, а также дети, супруг и родители наследодателя, признанные в установленном законом порядке инвалидами или недееспособными, или достигшие 60 лет».

Право на обязательную долю в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС, наряду с близкими родственниками, наследуют нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, которые могут не входить в круг наследников, но ко дню открытия наследства являлись

¹ Ст. 1149 ГК Российской Федерации, ст. 1194 ГК Республики Армения, ст. 1064 ГК Республики Беларусь, ст. 1069 ГК Республики Казахстан, ст. 1149 Кыргызской Республики

нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним².

Нетрудоспособными признаются лица: несовершеннолетние, обучающиеся дневной формы обучения, не достигшие возраста 23 лет, пенсионеры и предпенсионеры, граждане, которые признаны инвалидами первой, второй или третьей групп. Право на обязательную долю в наследстве, после смерти наследодателя имеют несовершеннолетние лица, признанные полностью дееспособными (вступившие до достижения совершеннолетия в брак или эмансипированные).

Правила ст. 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к завещаниям, совершенным после 01.03.2002, а также к завещаниям, совершенным в Республике Крым и г. Севастополе до 18.03.2014, в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях до 30.09.2022 - независимо от даты их совершения. Правила о наследовании лицами, имеющими право на обязательную долю в наследстве, применяются также к лицам предпенсионного возраста – женщинам, достигшим 55 лет, и мужчинам, достигшим 60 лет³.

Размер обязательной доли, причитающейся наследникам, наследующим обязательную долю в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС, представлен следующим образом в таблице 1.

Таблица 1 - Размер и особенности наследования обязательной доли в наследстве законодательствах государств ЕАЭС

Страна	Доля лица, имеющего право на обязательную долю в наследстве	Особенности наследования обязательной доли в наследстве нетрудоспособными иждивенцами наследодателя
Республика Армения	наследуют НЕ МЕНЕЕ ПОЛОВИНЫ ДОЛИ, которая причиталась бы ему при наследовании по закону. Ст. 1194 ГК РА	Наследуют ВМЕСТЕ С НАСЛЕДНИКАМИ ТОЙ ОЧЕРЕДИ, которая призывается к наследованию. Ст. 1220 ГК РА
Республика Беларусь	Наследуют независимо от содержания завещания НЕ МЕНЕЕ ПОЛОВИНЫ ДОЛИ, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Ст. 1063 ГК РБ	Наследуют НЕ БОЛЕЕ ОДНОЙ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ НАСЛЕДСТВА, однако, если наследодатель был обязан по закону их содержать, они наследуют наравне с наследниками этой очереди. Ст. 1063 ГК РБ
Республика Казахстан	Наследуют, независимо от содержания завещания, НЕ МЕНЕЕ ПОЛОВИНЫ ДОЛИ, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Ст. 1068 ГК РК	Наследуют вместе и НАРАВНЕ с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Ст. 1068 ГК РК
Кыргызская Республика	Наследуют, независимо от содержания завещания, НЕ МЕНЕЕ ДВУХ ТРЕТЕЙ ДОЛИ, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Ст. 1148 ГК РК	Наследуют вместе с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Ст. 1148 ГК РК

² Ст. 1148 Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1220 Гражданский кодекс Республики Армения, ст. 1063 Гражданский кодекс Республики Беларусь, ст. 1068 Гражданский кодекс республики Казахстан, ст. 1148 Гражданский кодекс Кыргызской Республики

³ Ст. 8, ст. 8.2 Федерального закона от 26.11.2001 N 147-ФЗ (ред. от 19.12.2022) "О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации"

Страна	Доля лица, имеющего право на обязательную долю в наследстве	Особенности наследования обязательной доли в наследстве нетрудоспособными иждивенцами наследодателя
Российская Федерация	Наследуют независимо от содержания завещания НЕ МЕНЕЕ ПОЛОВИНЫ ДОЛИ, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Ст. 1149 ГК РФ	Наследуют по закону вместе и НАРАВНЕ с наследниками этой очереди. Ст. 1148 ГК РФ

Законодательствами государств ЕАЭС о наследовании определены лица, которые не приобретают право на получение наследства после смерти наследодателя, к ним относятся лица: которые совершили умышленные и противоправные действия в отношении наследодателя и иных лиц, с целью увеличения причитающейся им или другим лицам доли наследства.

Российская Федерация. Лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве, однако умышленные и противоправные действия, которых направлены: против наследодателя, либо любого из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, лица, которые способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства. Указанные обстоятельства должны быть подтверждены в судебном порядке.

Не приобретают право на обязательную долю в наследстве, родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства.

Однако лица, которым наследодатель после утраты ими права на обязательную долю в наследстве завещал имущество, вправе наследовать это имущество⁴.

Республика Армения. Лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве, отстраняются от наследования, если они умышленно препятствовали осуществлению наследодателем последней воли, умышленно лишили жизни наследодателя или кого-либо из возможных наследников или совершили покушение на их жизнь. Исключение составляют лица, в отношении которых завещатель составил завещание уже после совершения покушения.

Отстраняются от наследования обязательной доли в наследстве, родители, которые были лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко времени открытия наследства.

Основаниями для отстранения от наследования обязательной доли в наследстве являются вступившие в законную силу приговор и (или) решение суда. С требованием отстранения от наследования обязательной доли в наследстве вправе обратиться в суд лица, для которых такое отстранение порождает связанные с наследованием имущественные последствия⁵.

Республика Беларусь. Лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве, отстраняются от наследования, которые умышленно лишили жизни наследодателя или совершили покушение на его жизнь. Лица, которые путем составления подложного завещания, созданием умышленного препятствия осуществлению наследодателем последней воли или иными умышленными противозаконными действиями способствовали призванию их самих или близких им лиц к наследованию либо увеличению причитающейся им доли наследства, не

⁴ Ст. 1117 Гражданский кодекс Российской Федерации

⁵ Ст. 1191 Гражданский кодекс Республики Армения

имеют права на обязательную долю в наследстве. Отстраняются от обязательной доли в наследстве родители после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко времени открытия наследства. Не приобретают права на обязательную долю в наследстве лица, злостно уклонявшиеся от выполнения лежавших на них в силу акта законодательства обязанностей по содержанию наследодателя, если это обстоятельство подтверждено в судебном порядке.

Исключение составляют лица, в отношении которых завещатель совершил завещание уже после покушения на его жизнь.

Лицо, имеющее право на обязательную долю в наследстве может быть отстранено от наследования судом по требованию лица, для которого такое отстранение порождает связанные с наследованием имущественные последствия⁶.

Республика Казахстан. Лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве, устраниаются от наследования, если они умышленно лишили жизни наследодателя или кого-либо из возможных наследников или совершили покушение на их жизнь. Не имеют права наследовать обязательную долю в наследстве лица, которые умышленно препятствовали осуществлению наследодателем последней воли и этим способствовали призванию их самих или близких им лиц к наследованию либо увеличению причитающейся им доли наследства. Не имеют права наследовать обязательную долю в наследстве, родители после детей, в отношении которых они лишены родительских прав и не были восстановлены в этих правах к моменту открытия наследства, а также родители (усыновители) и совершеннолетние дети (усыновленные), уклонявшиеся от выполнения возложенных на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя.

Исключение составляют лица, в отношении которых завещатель составил завещание уже после совершения покушения на его жизнь.

Обстоятельства, служащие основанием для устранения от наследования обязательной доли в наследстве, устанавливаются судом. Лицо, устраненное от наследования обязательной доли в наследстве, обязано возвратить все имущество, необоснованно полученное им из состава наследства. При невозможности возврата наследственного имущества недостойный наследник обязан возместить его рыночную стоимость⁷.

Кыргызская Республика. Устраняются от наследования обязательной доли в наследстве, лица, умышленно лишившие жизни наследодателя или кого-либо из возможных наследников или совершившие покушение на их жизнь. Не имеют права наследовать обязательную долю в наследстве лица, которые умышленно препятствовали осуществлению наследодателем последней воли, этим способствовали призванию их самих или близких им лиц к наследованию либо увеличению причитающейся им доли наследства. Не имеют права наследовать обязательную долю в наследстве родители после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и не были восстановлены в этих правах к моменту открытия наследства. Устраняются от права наследования обязательной доли в наследстве, родители (усыновители) и совершеннолетние дети (усыновленные), уклонявшиеся от выполнения возложенных на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя.

Исключение составляют лица, в отношении которых завещатель составил завещание уже

⁶ Ст. 1038 Гражданский кодекс Республики Беларусь

⁷ Ст. 1045 Гражданский кодекс Республики Казахстан

после совершения покушения на его жизнь.

Обстоятельства, служащие основанием для устранения от наследования обязательной доли в наследстве, устанавливаются судом, по иску лица, для которого такое отстранение порождает связанные с наследованием имущественные последствия⁸.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что институт обязательной доли в наследстве в законодательствах государств ЕАЭС, обеспечивают выделение определенной доли из всего наследственного имущества наследодателя, наиболее материально уязвимым категориям родных и близких наследодателя. К числу лиц, которым законодатели предоставляют право, на получение обязательной доли из наследства наследодателя относятся: несовершеннолетние, нетрудоспособные дети, супруг, родители, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, которые ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним.

Библиография

1. Авлиев В.Н., Имирдыкова Д.Ю. К проблеме права на обязательную долю в наследстве // Вестник науки и творчества. 2016. № 3 (3). С. 21-25.
2. Гражданский кодекс Республики Армения (утвержден Законом Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239).
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2023 г.).
4. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.01.2023 г.) Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 5 января 1998 года № 1 (Часть II) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.09.2021 г.).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
6. Демичев А.А. Свобода завещания в российском праве в контексте правила об обязательной доле в наследстве // Наследственное право. 2013. № 1. С. 17-20
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
8. Курбанов Р.А. (ред.) Наследственное право. М.: Проспект, 2021. 192 с.
9. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19).
10. Наследование: спорные вопросы правоприменения. М.: Проспект, 2022. 240 с.
11. Никифоров А.В. Правовое регулирование обязательной доли в наследственном законодательстве России и США // Наследственное право. 2013. № 1. С. 43-47.
12. Нукушева А.А. Право на обязательную долю в наследстве: сравнительно-правовой анализ // Вестник Карагандинского университета. Серия Право. 2020. № 3. С. 59-65.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании».
14. Пригода Н.П. Наследование по закону в Кыргызской Республике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006. 24 с.
15. Степанов С.А. (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 1648 с.
16. Трапезникова А.В. Наследование обязательной доли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

⁸ ст. 1126 Гражданский кодекс Кыргызской Республики

Legal regulation of the institute of compulsory portion in the inheritance in legislation of the Eurasian Economic Union countries

Mikhail I. Moiseenko

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of the Civil Law,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
196105, 149, Moskovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kaf-gp@igps.ru

Denis A. Illo

PhD in Law,
Associate Professor at the Department of the Civil Law,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
196105, 149, Moskovskii ave., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kaf-gp@igps.ru

Abstract

The article analyses the EEU legislation provisions associated with the compulsory portion in the inheritance. The institute of compulsory portion in the inheritance ensures that the state can protect the most socially disadvantaged and the most vulnerable citizens, relatives and close ones of the testator. Inheritance legislation in the EEU countries secure the right to compulsive portion in the inheritance to the underage or disabled children, disabled spouse and parents of the testator. The right to compulsive portion in the inheritance is granted to the disabled dependents of the testator who have not been included into the circle of heirs, but had been disabled for at least one year prior to the day of opening of inheritance and had been supported by and had lived with the testator for at least one year prior to his or her death. It can be stated that the institution of a mandatory share in the inheritance in the laws of the EEU states ensures the allocation of a certain share from the entire inheritance property of the testator to the most financially vulnerable categories of relatives and friends of the testator. Among the persons to whom legislators grant the right to receive a mandatory share from the testator's inheritance are: minors, disabled children, spouse, parents, disabled dependents of the testator, who by the day the inheritance was opened were disabled and for at least a year before the death of the testator were dependent on him and lived with him.

For citation

Moiseenko M.I., Illo D.A. (2023) Pravovoe regulirovanie instituta obyazatel'noi doli v nasledstve v zakonodatel'stvakh gosudarstv EAES [Legal regulation of the institute of compulsory portion in the inheritance in legislation of the Eurasian Economic Union countries]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 159-166. DOI: 10.34670/AR.2023.37.82.026

Keywords

Inheritance, heirs, compulsory portion in the inheritance, right to compulsory portion in the inheritance, disabled dependents of the testator, waiver of compulsory portion in the inheritance.

References

1. Avliev V.N., Imirdykova D.Yu. (2016) K probleme prava na obyazatel'nyuyu dolyu v nasledstve [To the problem of the right to an mandatory share in the inheritance]. *Vestnik nauki i tvorchestva* [Bulletin of science and creativity], 3 (3), pp. 21-25.
2. Demichev A.A. (2013) Svoboda zaveshchaniya v rossiiskom prave v kontekste pravila ob obyazatel'noi doli v nasledstve [Freedom of will in Russian law in the context of the rule on the mandatory share in the inheritance]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law], 1, pp. 17-20
3. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Armeniya (utverzhden Zakonom Respubliki Armeniya ot 28 iyulya 1998 g. № ZR-239)* [Civil Code of the Republic of Armenia (approved by the Law of the Republic of Armenia dated July 28, 1998 No. 3P-239)].
4. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Belarus' ot 7 dekabrya 1998 goda № 218-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 03.01.2023 g.)* [Civil Code of the Republic of Belarus dated December 7, 1998 No. 218-3 (as amended and supplemented as of 01/03/2023)].
5. *Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan (Osobennaya chast') ot 1 iyulya 1999 goda № 409-I (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 12.01.2023 g.)* *Grazhdanskii kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 5 yanvarya 1998 goda № 1 (Chast' II) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 15.09.2021 g.)* [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) dated July 1, 1999 No. 409-I (with amendments and additions as of January 12, 2023) Civil Code of the Kyrgyz Republic dated January 5, 1998 No. 1 (Part II) (with changes and additions as of September 15, 2021)].
6. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 01.07.2021)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on July 1, 2021)].
7. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)].
8. Kurbanov R.A. (ed.) (2021) *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance law]. Moscow: Prospekt Publ.
9. *Metodicheskie rekomendatsii po oformleniyu nasledstvennykh prav (utv. resheniem Pravleniya FNP ot 25.03.2019, protokol № 03/19)* [Guidelines for registration of inheritance rights (approved by the decision of the Board of the FNP dated March 25, 2019, protocol No. 03/19)].
10. (2022) *Nasledovanie: spornye voprosy pravoprimeniya* [Inheritance: controversial issues of law enforcement]. Moscow: Prospekt Publ.
11. Nikiforov A.V. (2013) Pravovoe regulirovanie obyazatel'noi doli v nasledstvennom zakonodatel'stve Rossii i SShA [Legal regulation of the mandatory share in the inheritance legislation of Russia and the USA]. *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance Law], 1, pp. 43-47.
12. Nukusheva A.A. (2020) Pravo na obyazatel'nyuyu dolyu v nasledstve: sravnitel'no-pravovoi analiz [The right to an mandatory share in the inheritance: a comparative legal analysis]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of Karaganda University. Law Series], 3, pp. 59-65.
13. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 № 9 (red. ot 24.12.2020) «O sudebnoi praktike po delam o nasledovanii»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 9 (as amended on December 24, 2020) "On Judicial Practice in Cases of Inheritance"].
14. Prigoda N.P. (2006) *Nasledovanie po zakonu v Kyrgyzskoi Respublike. Doct. Dis.* [Inheritance by law in the Kyrgyz Republic. Doct. Dis.]. Bishkek.
15. Stepanov S.A. (ed.) (2019) *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt Publ.
16. Trapeznikova A.V. (2010) *Nasledovanie obyazatel'noi doli. Doct. Dis.* [Inheritance of the mandatory share]. Moscow.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.26.47.027

Зарубежный опыт реализации концессионного правового регулирования

Анарбаев Элдар Алгаппарович

Соискатель,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: e.anarbaev@me.com

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы правового регулирования реализации концессионных соглашений в зарубежных странах. В статье основной акцент сделан на наиболее востребованных общественных и государственно значимых сферах, реализации концессионных соглашений. Раскрыты особенности, направления и механизмы осуществления концессий в отдельных регионах мира – Латинской Америке и Карибах, Южной и Восточной Азии, регионе Тихого океана, Африке в районе Сахары, Европе и Центральной Азии, Среднего Востока и Северной Африке. На основе проведенного анализа выделены наиболее актуальные и значимые результаты исследования, как теоретического, так и прикладного характера. Можно отметить, что наиболее распространенным типом партнерства в транспортных проектах является традиционная концессия. Наибольшее количество транспортных проектов на данный момент реализовано в регионе Латинская Америка и Карибы, что, соответственно, привлекло наиболее масштабный объем инвестиций. На втором месте по объему инвестиций и количеству проектов находятся регионы Южная Азия, Восточная Азия и Тихого океана. Далее, соответственно, Африка района Сахары, Европа и Центральная Азия, Средний Восток и Северная Африка. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концессии играют важную роль в привлечении инвесторов в экономику Нового Узбекистана, и могут быть использованы не только в сфере недропользования, но и в иных сферах, в частности в области развития транспортной и иной инфраструктуры.

Для цитирования в научных исследованиях

Анарбаев Э.А. Зарубежный опыт реализации концессионного правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 167-176. DOI: 10.34670/AR.2023.26.47.027

Ключевые слова

Концессия, концессионное соглашение, концессионное регулирование, ГЧП, СРП, БОТ, БООТ, БТО, браунфилд, Узбекистан.

Введение

Сотрудничество государства и бизнеса имеет различные формы и механизмы реализации, осуществляемые в рамках государственно-частного партнерства. Последнее несколько лет – беспрецедентные в истории независимого Узбекистана с точки зрения достижения масштабных прорывных результатов [Рахманов, 2020]. Сегодня, в условиях Нового Узбекистана именно поступления от государственно-частного партнерства составляют весомую часть финансовых поступлений в государственный бюджет. Потенциал развития государственно-частного партнерства, с включением в ряды ГЧП концессионных сделок, выводит Узбекистан в передовые ряды международных экономических отношений. В этой связи любые исследования, связанные с правовым режимом использования режима ГЧП, применительно к концессионным соглашениям приобретают особую актуальность.

Основная часть

Механизм концессионного соглашения имеет длительную историю. Изначально, самые яркие примеры использования концессий существовали в Европе. Как правило, в сферу частного пользования передавались такие объекты инфраструктуры, как порты, бани, почтовые отделения и станции. Что касается остальных стран мира, то здесь концессии появились примерно в XIX веке. В целом, можно выделить три этапа развития концессионных отношений [Спицына, 2009].

Первый этап можно охарактеризовать передачей королевских земель в частное пользование и владение. Временные рамки – раннее Средневековье вплоть до открытия Америки.

Второй этап характеризуется деятельностью таких компаний как The East India Company и The Hudson's Bay. Таки компании обладали широкими полномочиями, в особенности осуществляли управление колониальными территориями. В данный период времени концессионные соглашения фактически были формой экономической эксплуатации, которая характеризовалась практически отсутствием прав концессионера. Во времена освобождений от колониальной зависимости большинство концессий подверглись национализации.

Третий современный этап характеризуется применением концессионных соглашений на договорной основе, предполагающих справедливое распределение прав и обязанностей государства и частного сектора.

Современные механизмы концессионного соглашения впервые возникли в Европейских странах, таких как Франция, Великобритания, Германия, Италия преимущественно в области коммунального хозяйства, а в дальнейшем в сфере других объектов государственной и муниципальной собственности.

Что касается французского опыта, то здесь первое концессионное соглашение было заключено во время правления короля Генриха II с Адамом де Крапоном в 1554 г. для постройки канала в долине Кро, у города Салон-де-Прованс. С того времени, государственные власти продолжают привлекать частный капитал для развития тех отраслей экономики, которые находятся в государственном ведении. Главный символ Парижа – Эйфелева башня – также построена с помощью механизмов государственно-частного партнерства [там же].

В современном мире возобновление интереса к концессиям произошло в конце XX века в Великобритании. Одним из знаменательных событий в сфере развития государственно-частного партнерства стало создание и внедрение модели «частная финансовая инициатива» в

1992 г. Ее особенность заключалась в приобретении государством услуг, которые предоставлены частными компаниями, на долгосрочной основе. Целью такой программы являлось получение пользы и выгоды от предпринимательских методов управления, в особенности методов снижения рисков.

Во многих восточно-европейских странах методы государственно-частного партнерства стали использоваться в конце XX века, что в свою очередь было связано со вступлением в Европейский Союз. Проекты в отраслях транспортной инфраструктуры, коммунальном хозяйстве реализовывались путем содействия со стороны Европейского Союза. Стоит отметить, что не все проекты оказались удачными.

Ярким примером эффективного взаимодействия частного сектора и государства является проект реконструкции аэропорта в Германии во Франкфурте-на-Майне. Суть проекта заключалась в следующем: первоначальной стадией проекта была приватизация – эмиссия акций, около 30 процентов которых были проданы на фондовой бирже. Оставшимися держателями акция стали: земля Гессен – 32%, город Франкфурт – 21%, государство – 19%. Созданное таким путем АО «Фрапорт» сумело сохранить контроль над публичными инвесторами.

Еще одним удачным примером эффективного проекта в рамках государственно-частного партнерства стала реконструкция международного аэропорта в Варшаве. Общая стоимость данного проекта составила 153 4 млн евро, при этом почти 80% профинансировала частная сторона. Успешный исход проекта привел к тому, что генеральный подрядчик был приглашен на участие в аналогичных проектах в городах Дюссельдорф, Гамбург, Сидней.

Однако, как уже было сказано выше, не все проекты оказались удачными. Одним из них стал инфраструктурный проект в Чехии. Проект реализовывался на принципах «частной британской инициативы», тем не менее, государственный партнер столкнулся с большим количеством рисков и проблем, что было связано с неготовностью государства вступать в такого рода отношения.

В настоящее время в зарубежной практике выделяют различные организационные типы концессионных соглашений в зависимости от объема прав собственности, передаваемых концессионеру, мера ответственности каждой из сторон, способ распределения рисков между участниками соглашения и т.д. [Андреева, 2010, 54-55]:

«*Строительство – управление – передача*» (от англ. BOT: Build, Operate, Transfer). Концессионер на правах пользователя реализует строительство и эксплуатацию инфраструктурного объекта в течение срока концессионного соглашения. По истечению срока контракта объект возвращается государству.

«*Строительство – передача – управление*» (от англ. BTO: Build, Transfer and Operate). Концессионер осуществляет строительство инфраструктурного объекта, затем передает его в государственную собственность. После завершения стадии строительства и приема государством объекта, по договору концессии данный объект переходит в пользование концессионеру без права владения.

«*Строительство – управление – владение*» / проект гринфилд (от англ. BOO: Build, Own, Operate/Greenfield project). Концессионер осуществляет строительство и управление на правах владения и пользования инфраструктурным объектом, при этом срок концессии не фиксируется.

«*Строительство – управление – владение – передача*» (от англ. BOOT: Build, Own, Operate, Transfer). Концессионная компания владеет и пользуется инфраструктурным объектом. По истечении контрактного периода объект возвращается государству.

Контракт браунфилд (Brownfield contract). Сюда включается деятельность по расширению, модернизации, восстановлению инфраструктурного объекта без строительства.

Лизинговый контракт (lease contract). Государство строит объект инфраструктуры без участия арендатора. Арендатор имеет возможность инвестировать объект в том случае, если это позволяет национальное законодательство. В сферу ответственности арендатора входит обслуживание объекта, кроме того, арендатор получает плату от пользователей объекта и перечисляет часть ее государству с целью компенсации произведенных им инвестиций.

Контракт на обслуживание (service contract). Государство передает концессионеру готовый инфраструктурный объект в управление и обслуживание. Концессионер при этом не осуществляет никаких инвестиций.

Данные формы концессий, а также национальная специфика государств являются важным фактором при формировании концессионных отношений.

Для примера рассмотрим опыт формирования концессионных соглашений в сфере железнодорожного строительства. В данной отрасли концессии начали применяться уже в XVII – XVIII в., однако современный этап начался в 80х годах XX в. в Великобритании. Правительство передало в концессию перевозочную деятельность, объекты транспортной инфраструктуры и систему управления процессом перевозок, используя при этом формы БОТ и БОТО в условиях полного вертикального разделения инфраструктуры и услуг по ее эксплуатации [Варнавский, 2002].

Концессионные проекты особенно способствуют развитию железнодорожного транспорта в странах с развивающейся экономикой. Наибольший процент общего числа проектов (около 79%) и всех инвестиций (около 96%) приходится на концессии типа БОТ, БОТО и БОО. В странах Латинской Америки наибольшее распространение получили традиционные формы концессий, в Восточной Азии проекты типа БОО, в Бразилии, Чили, Китае – совместные предприятия [Ефимова, 2010].

Что касается платных автодорог, то они в общей системе дорожных путей мира составляют небольшой процент, однако их роль в экономике достаточно высока, так как по ним осуществляется наибольший пассажиро- и «товаропоток». Автотранспортные пути имеют большую протяженность, связывают промышленные центры и транспортные узлы. Наиболее богатый опыт в сфере автодорожных концессий приобрела Европа. В концессию передано 33% автострад от общей протяженности, из около 96% являются платными дорогами и находятся в концессионных формах БОТ, БООТ, БОТО, браунфилд [The World Bank, www]. Наибольшей протяженностью дорог, переданных в концессионное пользование, обладают Франция (75% от общей протяженности дорожного полотна), Италия (86%), Испания (27%), Португалия (69%), Греция (19%) [Варнавский, 2002, 119].

В зарубежных странах можно выделить следующую тенденцию: общество тем меньше склонно поддерживать строительство платных дорог, чем выше дорожно-транспортные налоги [там же, 120]. Например, первые дорожные проекты в Дании и Швеции «Большой белт» и мост через пролив Орезун были одобрены обществом, так как они составили экономичную альтернативу паромам. Однако эксплуатация платных дорожных объектов довольно часто представляется затруднительной для правительства в условиях высоких налоговых ставок на транспортные средства. В связи с этим в ряде стран затруднено введение комплекса платных дорог.

В развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой частный капитал, как правило, участвует в проектах, связанных со строительством и эксплуатацией автодорог,

которые соединяют крупные города. Это связано с возможностью снижения финансовых рисков за счет высокой интенсивности движения. Однако, в последние годы, достаточно часто политическое предпочтение отдается практике создания концессионных автодорожных проектов с целью способствования интеграционным процессам в стране. Но такие проекты имеют значительный коммерческий риск. В таких странах как Мексика, Республика Корея, Индонезия 100% автодорожных магистралей построены и эксплуатируются на основе концессионных соглашений. Около 40% дорог в Чили и Аргентине платные. Более 50% автомагистралей в ЮАР переданы в концессию [Silva, 2011].

Еще одним популярным объектом концессионных соглашений являются морские порты. Исторически морские порты выступают как объект геополитических интересов любого государства. Помимо этого, они являются капиталоемкими объектами хозяйственной деятельности. Строительство, модернизация, поддержание морских портов всегда требовало значительных финансовых вложений. Кроме того, постройка специализированных судов для доставки грузов большого объема создает постоянный спрос на инвестиции в портовую инфраструктуру. В связи с этим, в конце XX в. в большинстве стран государство начало реорганизацию морских портов. Для решения поставленной задачи правительства стали привлекать частные инвестиции в строительство и модернизацию портового хозяйства. При этом, обязательства по поддержанию и обеспечению технического состояния портов, инвестирование, развитие и модернизация портовой инфраструктуры также перешли к частному сектору.

Наиболее распространенной формой взаимодействия государства и бизнеса в сфере управления морскими портами является концессия (около 70% от общего числа реализованных в мире проектов). Объем частных инвестиций в период 1990 – 2012 г. в развитие портов различается по регионам. В Восточной Азии и Тихоокеанском регионе общее количество инвестиций в морские порты составило 19 351 млн. долл., при этом общее количество проектов – 113. В Латинской Америке объем инвестиций 11 446 млн. долл, общее количество проектов – 129. Что касается Европы и Центральной Азии, то здесь объем инвестиций достигает 2 434 млн. долл., общее количество проектов – 27 [Варнавский, 2009].

С конца XX в. большую популярность приобрели концессионные проекты в сфере авиоперевозок. В 2003 г. Правительство Франции передало частным партнерам в управление одно из крупнейших национальных предприятий «Аэропорты Парижа», которое включает в себя «Руасси-Шарль де Голль», «Орли», «Бурже», «Иси-де Мулине», имеющих годовой оборот 1,2 – 1,4 млрд. евро [Варнавский, 2002, 120]. Как правило, передача в концессию инфраструктуры аэропортов происходит на основе тендеров. В большинстве стран основное внимание уделяется качественным показателям деятельности предприятий: потребность в государственных субсидиях в целях реализации проекта, обоснованность финансового плана, качество проекта.

В период 1990-2012 по всему миру было заключено 158 концессионных соглашений в сфере авиоперевозок. Общая сумма инвестиций достигла 49 347 млрд. долл, при этом лидирующими регионами по привлечению инвестиций стали Латинская Америка и Кариббы (25 527 млн. долл. на 65 концессионных проектов в инфраструктуру аэропортов), Европа и Центральная Азия (11 829 млн. долл; 30 концессионных проектов в инфраструктуру аэропортов). Что касается институциональной структуры концессий в инфраструктуре аэропортов, то здесь преобладает традиционная концессия (52%: 81 проект из 158), проекты типа гринфилд (22%: 35 проектов из 158), лизинговый контракт (15%, 23 проекта из 158) [The World Bank, www].



Рисунок 1 - Общий объем инвестиций в период 1990-2020 г.г. в концессионные объекты в сфере развития морских портов (млн. долл.)

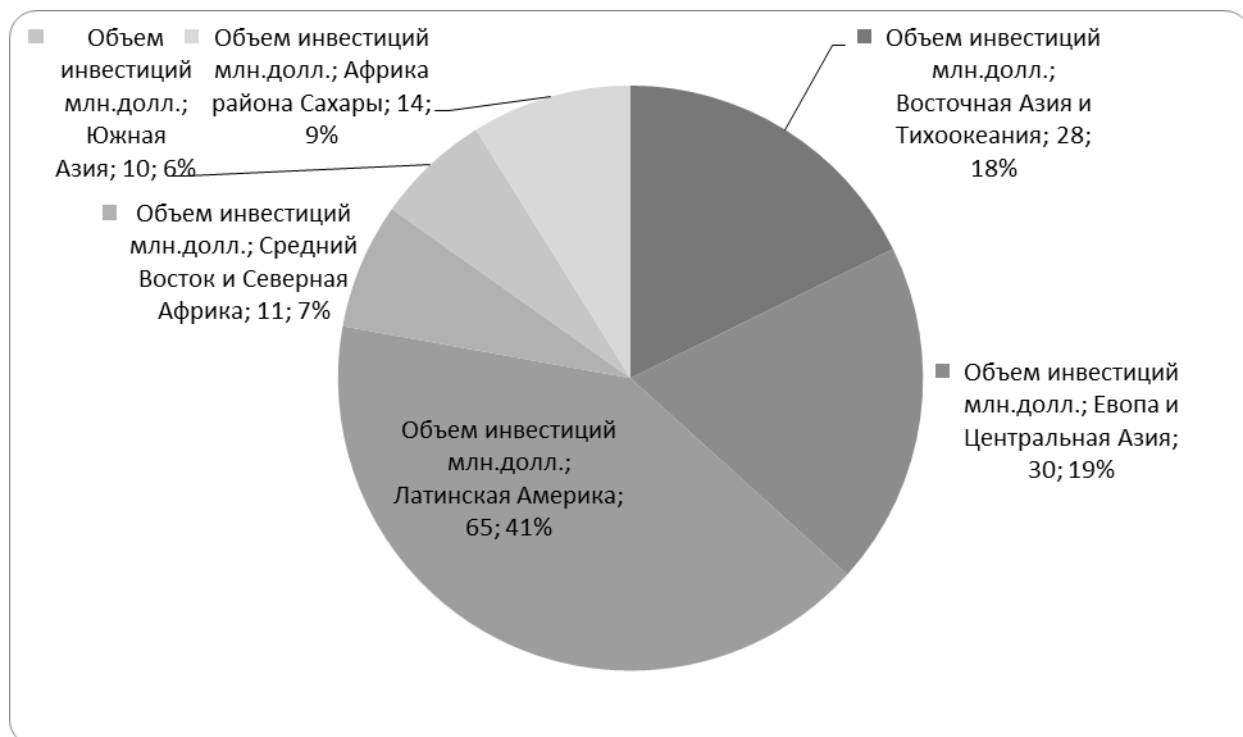


URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreRegion.aspx?regionID=1

Рисунок 2 - Количество проектов концессий в период 1990-2020 г.г. в сфере развития морских портов



Рисунок 3 - Общий объем инвестиций в период 1990 – 2020 г.г. в концессионные объекты в сфере развития аэропортов (млн. долл.)



http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreRegion.aspx?regionID=1.

Рисунок 4 - Количество проектов концессий в период 1990 – 2020 г.г. в сфере развития аэропортов

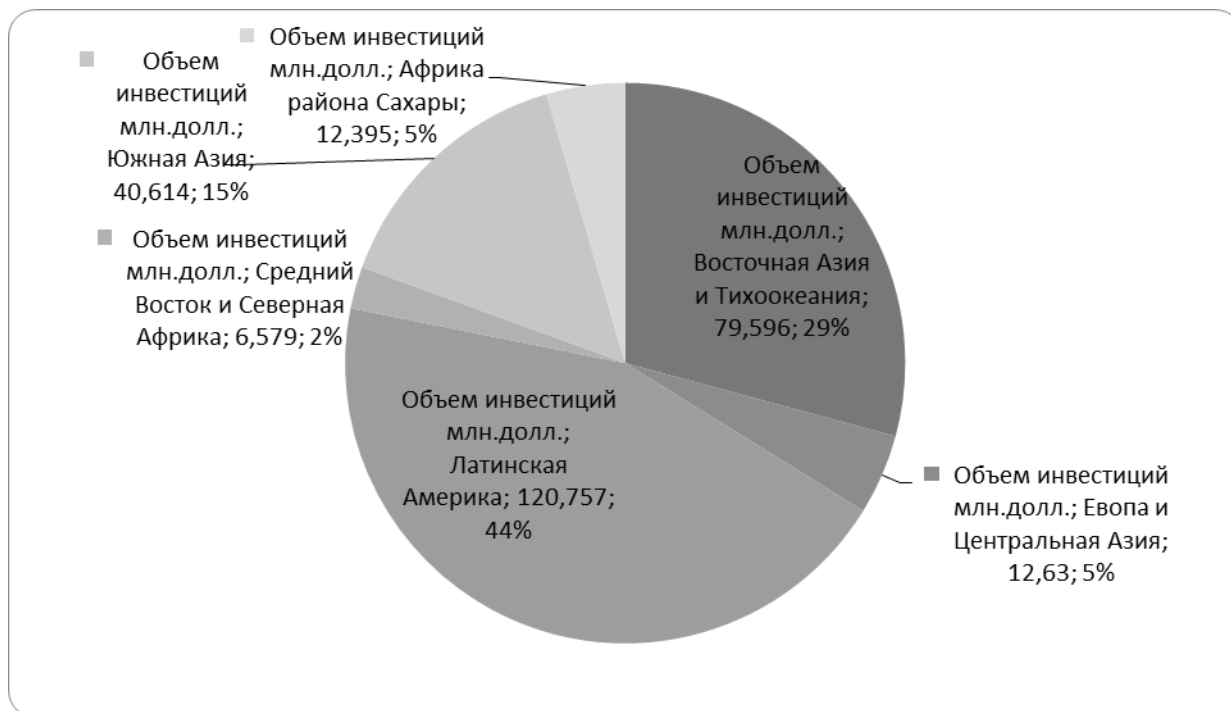
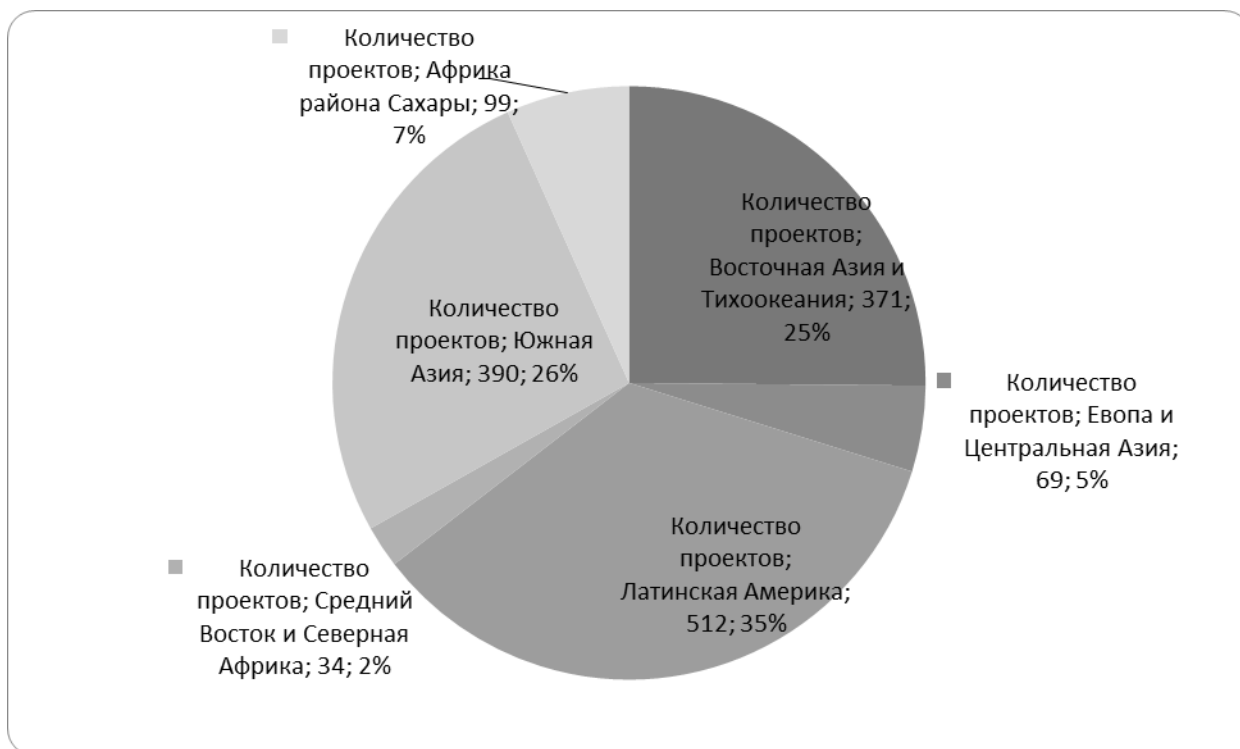


Рисунок 5 - Общий объем инвестиций в период 1990 – 2020 г. в концессионные объекты в транспортной сфере (млн. долл.)



URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreRegion.aspx?regionID=2

Рисунок 6 - Количество проектов концессий в период 1990-2020 г.г. в транспортной сфере

Заключение

В целом, можно отметить, что наиболее распространенным типом партнерства в транспортных проектах является традиционная концессия. Наибольшее количество транспортных проектов на данный момент реализовано в регионе Латинская Америка и Карибы, что, соответственно, привлекло наиболее масштабный объем инвестиций. На втором месте по объему инвестиций и количеству проектов находятся регионы Южная Азия, Восточная Азия и Тихого океана. Далее, соответственно, Африка района Сахары, Европа и Центральная Азия, Средний Восток и Северная Африка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концессии играют важную роль в привлечении инвесторов в экономику Нового Узбекистана, и могут быть использованы не только в сфере недропользования, но и в иных сферах, в частности в области развития транспортной и иной инфраструктуры.

Библиография

1. Андреева Е.С. Зарубежный опыт формирования механизмов государственно-частного партнерства и возможности его использования в России // Проблемы экономики, финансов и управления производством. 2010. № 28. С. 153-158.
2. Варнавский В.Г. Концессии в транспортной инфраструктуре: теория, практика, перспективы. М., 2002. С. 54-55.
3. Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски. М.: Наука, 2009. С. 199-200.
4. Ефимова Е.Г. Концессии в транспортной инфраструктуре: зарубежный опыт и российская практика // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 5. Вып. 2. С. 118.
5. Рахманов Ш. Трансформация внешней политики и внешнеполитических ориентиров Республики Узбекистан и таргетирование дипломатического права международных организаций // Suleyman Demirel University Bulletin: Social Sciences. 2020. V. 53. № 2. 3. 50-63.
6. Спицына Т.А. Оценка эффективности инфраструктурных инвестиционных проектов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 12-13.
7. Silva G.F. Toll roads: Resent trends in private participation. Washington, 2011. P. 2.
8. The World Bank. URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreRegion.aspx?RegionID=2
9. The World Bank. URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreSector.aspx?sectorID=3
10. The World Bank. URL: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreSubSector.aspx?SubSectorID=5

Foreign experience in implementation concession legal regulation

El'dar A. Anarbaev

Applicant,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: e.anarbaev@me.com

Abstract

This article discusses topical issues of legal regulation of the implementation of concession agreements in foreign countries. The article focuses on the most popular public and state significant areas, the implementation of concession agreements. Features, directions and mechanisms for the implementation of concessions in certain regions of the world – Latin America and the Caribbean,

South and East Asia, the Pacific Ocean, Africa in the Sahara, Europe and Central Asia, the Middle East and North Africa are disclosed. On the basis of the analysis, the most relevant and significant results of the study, both theoretical and applied, are highlighted. It can be noted that the most common type of partnership in transport projects is the traditional concession. The largest number of transport projects have so far been implemented in the region of Latin America and the Caribbean, which, accordingly, has attracted the largest amount of investment. In second place in terms of investment and the number of projects there are the regions of South Asia, East Asia and the Pacific. Further, respectively, Sub-Saharan Africa, Europe and Central Asia, the Middle East and North Africa. Thus, it can be concluded that concessions play an important role in attracting investors to the economy of New Uzbekistan, and can be used not only in the field of subsoil use, but also in other areas, in particular in the development of transport and other infrastructure.

For citation

Anarbaev E.A. (2023) Zarubezhnyi opyt realizatsii kontsessionnogo pravovogo regulirovaniya [Foreign experience in implementation concession legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 167-176. DOI: 10.34670/AR.2023.26.47.027

Keywords

Concession, concession agreement, concession regulation, PPP, PSA, BOT, BOOT, BTO, brownfield, Uzbekistan.

References

1. Andreeva E.S. (2010) Zarubezhnyi opyt formirovaniya mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossii [Foreign experience in the formation of public-private partnership mechanisms and the possibility of its use in Russia]. *Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom* [Problems of economics, finance and production management], 28, pp. 153-158.
2. Efimova E.G. (2010) Kontsessii v transportnoi infrastrukture: zarubezhnyi opyt i rossiiskaya praktika [Concessions in transport infrastructure: foreign experience and Russian practice]. *Vestnik SPBGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 5, 2, p. 118.
3. Rakhmanov Sh. (2020) Transformatsiya vneshnei politiki i vneshnepoliticheskikh orientirov Respubliki Uzbekistan i targetirovanie diplomaticheskogo prava mezhdunarodnykh organizatsii [Transformation of foreign policy and foreign policy guidelines of the Republic of Uzbekistan and targeting the diplomatic law of international organizations]. *Suleyman Demirel University Bulletin: Social Sciences*, 53, 2, pp. 50-63.
4. Silva G.F. (2011) *Toll roads: Resent trends in private participation*. Washington.
5. Spitsyna T.A. (2009) *Otsenka effektivnosti infrastrukturykh investitsionnykh projektov. Doct. Dis.* [Evaluation of the effectiveness of infrastructure investment projects. Doct. Dis.]. Moscow.
6. *The World Bank*. Available at: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreRegion.aspx?RegionID=2 [Accessed 06/06/2023]
7. *The World Bank*. Available at: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreSector.aspx?sectorID=3 [Accessed 06/06/2023]
8. *The World Bank*. Available at: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreSubSector.aspx?SubSectorID=5 [Accessed 06/06/2023]
9. Varnavskii V.G. (2002) *Kontsessii v transportnoi infrastrukture: teoriya, praktika, perspektivy* [Concessions in transport infrastructure: theory, practice, prospects]. Moscow.
10. Varnavskii V.G. (2009) *Partnerstvo gosudarstva i chastnogo sektora: formy, proekty, riski* [Partnership between the state and the private sector: forms, projects, risks]. Moscow: Nauka Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.78.69.028

Частные (негосударственные) предприятия как субъекты административных правоотношений. Специфика статуса

Гезгиев Магомед Аюпович

Доцент кафедры уголовного права и процесса,
Ингушский государственный университет,
386001, Российская Федерация, Магас, пр. Зязикова, 7;
e-mail: Maggez@mail.ru

Аннотация

В работе определяется специфика административно-правового статуса различных видов частных предприятий, а также особенности реализации функций и основных направлений деятельности. Автор исследует содержание деятельности частных предприятий как субъектов административно-правовых отношений и особенности их правосубъектности. В соответствии с этим поставлена цель исследования – выявить специфику административно-правового статуса частных предприятий в РФ. Объектом определено содержание деятельности различных видов частных предприятий, а предметом – особенности их административно-правового статуса. Кроме того, в статье автор, исследуя деятельность частных предприятий в разрезе правовых, а не экономических отношений, выявляет порядок и основания изменений их статуса в особых правовых режимах и ситуациях. Административно-правовой статус частных предприятий имеет свои особенности, которые, в том числе, отражают отсутствие властных полномочий и невозможность осуществлять государственное и муниципальное управление. Кроме того, данный статус зависит от деятельности и вида частного предприятия и может выражаться в различных видах взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти, к примеру, государственно-частное партнерство. Учитывая специфику административно-правового статуса частных предприятий, необходимо расширять их полномочия и обеспечивать новые способы взаимодействия с государственными и муниципальными органами.

Для цитирования в научных исследованиях

Гезгиев М.А. Частные (негосударственные) предприятия как субъекты административных правоотношений. Специфика статуса // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2023.78.69.028

Ключевые слова

Частные предприятия, акционерные общества, кооператив, индивидуальный предприниматель, административно-правовой статус, правоотношения, имущество предприятия, частная собственность, уставные документы, регистрация предприятия.

Введение

Динамика развития современных экономических отношений в России определяет необходимость трансформации системы субъектов хозяйственной деятельности, увеличивая количество частных (негосударственных) предприятий, а также обуславливая актуальность совершенствования регулирования правоотношений, связанных с данными предприятиями, определения особенностей их административно-правового статуса. Частные предприятия, наряду с государственными, занимают важнейшее место в современной экономической и социальной жизни государства, являясь полноценными участниками правоотношений.

Зачастую государственные учреждения и организации неспособны удовлетворить потребности населения в различных товарах и услугах, имея недостаточно квалифицированных специалистов, небольшое материально-техническое обеспечение и иные факторы, тормозящие непосредственную деятельность. Именно поэтому частные предприятия являются конкурентоспособной альтернативой государственным.

Однако, как отмечает С.Н. Грошев [Грошев, 2021], частные предприятия и компании обладают специфическим административно-правовым статусом, и в связи с этим, правоспособностью, которая в ряде случаев отличает их от государственных предприятий. При этом, данное сравнение не всегда идет в пользу негосударственных субъектов, которые не могут осуществлять ряд полномочий (к примеру, право бессрочного пользования участками земли, на которых они расположены) [там же, 12]. С другой стороны, у частных предприятий отмечается более гибкое реагирование на изменения в экономике, запросы потребительского рынка и возможность получения разрешения на деятельность либо лицензии, наряду с государственными.

Подобная неоднозначность административно-правового статуса частных предприятий определила цель нашего исследования – выявить специфику административно-правового статуса частных предприятий в РФ.

Для достижения поставленной цели нами поставлен ряд задач:

- Исследовать виды частных предприятий как субъектов современных правоотношений;
- Выявить содержание административно-правового статуса в качестве юридической категории;
- Определить особенности административно-правового статуса частных предприятий в РФ.
- Объектом мы конкретизировали содержание деятельности различных видов частных предприятий, а предметом определили особенности их административно-правового статуса.

Степень разработанности проблемы исследования административно-правового статуса частных предприятий отражена в трудах таких отечественных авторов как А.П. Алехин, И.И. Веремеенко, А.Ю. Якимов, которые занимались изучением общих аспектов административно-правового статуса, С.Н. Грошев, М.Л. Давыдова, С.С. Кобзина, отражающие особенности функционирования частных предприятий и др.

Основным методом работы является теоретико-методологический анализ источников литературы по данной тематике.

Частные предприятия как субъекты современных правоотношений

В контексте исследований современных авторов, отражающих анализ законодательства, юридической практики, можно отметить, что частные предприятия являются полноценными

самостоятельными субъектами административно-правовых отношений [Шерстнев, 2021].

В современном законодательстве термин «предприятие» достаточно неоднозначен. С одной стороны, это имущественный комплекс, который создан для осуществления предпринимательской деятельности (ст. 132 ГК РФ) то есть объект права, с другой – это полноценный субъект правоотношений, т.к. является в соответствии со ст. 48 ГК РФ предприятие является юридическим лицом. Однако, в данной статье говорится о государственных и муниципальных предприятиях, а по отношению к частным предприятиям нет специальных требований и поэтому возможно сделать вывод об их принадлежности к юридическим лицам и вытекающей из этого правоспособности по п. 2 данной статьи, регламентирующему необходимость регистрации предприятия в едином государственном реестре юридических лиц. В данном реестре содержатся сведения о государственных и частных предприятиях и поэтому гражданско- правовой статус юридического лица определяет его правоспособность, отражает содержание деятельности, а также характер взаимоотношений с органами исполнительной власти (административно-правовой статус).

Основные виды частных предприятий современное законодательство и юридическая практика дифференцируют в контексте правовой формы (совокупности хозяйственных и правовых норм, определяющих характер и условия становления юридических и экономических отношений между предприятием и иными хозяйствующими субъектами, а также внутри предприятия между руководством и работниками).

Г.М. Мурзагалина предлагает разделить частных предприятий на следующие виды:

- индивидуальные предприниматели (ИП);
- партнерства, товарищества, кооперативы;
- акционерные общества, корпорации.

Основными критериями в данном случае выступают индивидуальная либо групповая частная собственность и характер труда (наемный, либо свободный).

В данную классификацию отечественные авторы [Легенький, 2017; Метелина, 2012] добавляют такие виды частных предприятий как общество с ограниченной ответственностью, собственно частное предприятие (к примеру, частное охранное предприятие). У всех данных предприятий, в отличие от государственных, учредителями являются физические либо юридические лица, а не органы исполнительной власти. Законодательство конкретизирует, что учредителями частных предприятий не могут быть государственные либо муниципальные служащие. Это обусловлено антикоррупционной политикой государства, а также недопущением влияния государственных органов исполнительной власти на деятельность предприятия [Кобзина, 2016].

При этом, как мы отмечали ранее, частные предприятия имеют комплекс прав и обязанностей, позволяющих участвовать не только в гражданских, но и в административных правоотношениях.

Отличительной чертой частных предприятий как коллективных субъектов правоотношений является одновременное наступление право- и дееспособности, а правоспособность, в свою очередь, является основой административно-правового статуса [Мурзагалина, 2019].

С точки зрения административного права частные предприятия, характеризуясь административной правоспособностью реализуют три ее элемента: права, обязанности и ответственность.

Особенности административно-правового статуса частных предприятий в РФ

В контексте изучения различных точек зрения на понятие административно-правового статуса можно вывести общее определение, отражающее комплекс прав и обязанностей, а также содержание взаимоотношений с органами исполнительной власти частных предприятий. Для того, чтобы быть полноценным участником административно-правовых отношений предприятие должно обладать правосубъектностью, которая и определяет административно-правовой статус предприятия.

В данном случае правомерно опираться на точку зрения Б.В. Россинского и Ю.Н. Старилова [Волков, 2020], которые отмечают, что одни и те же участники правоотношений могут быть одновременно включены в различные правовые поля (гражданское, административное) и поэтому суть данных правоотношений возможно раскрыть лишь через содержание и объем правоспособности, которая является компонентом административно-правового статуса.

При этом правовое положение частных предприятий регулируется преимущественно федеральными законами (ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «О частной детективной и охранной деятельности и т.д.).

В исследованиях по данной тематике (А.В. Веретехин, С.С. Кобзина) отражается, что вне зависимости от вида частного предприятия, нормы права в целях установления содержания их административно-правового статуса актуализируют необходимость выполнения следующих юридических процедур:

- обязательность и соблюдение порядка государственной регистрации;
- определение порядка взаимоотношений с исполнительными органами государственной и муниципальной власти;
- исполнение порядка ведения и предоставления бухгалтерской и налоговой отчетности.

При этом главным преимуществом частных предприятий является то, что государство не вправе вмешиваться в их хозяйственную деятельность. Это могут делать лишь учредители, не обладающие государственными властными полномочиями, но влияющие на хозяйственную деятельность частного предприятия.

Исследовав различные подходы к конкретизации содержания административно-правового статуса предприятий, в том числе, и частных [Волков, 2020], нам представляется оптимальной структура А.Б. Панова, которая отражает следующие компоненты данного статуса частных предприятий:

- целевой, содержащий цели предприятия, принципы регулирования гражданско-правового статуса;
- организационный включает способы создания частного предприятия, особенности регистрации и пр.;
- содержательный, который состоит из прав, обязанностей, гарантий реализации;
- административная ответственность, указывающая на меры принуждения, которые могут применяться к частным предприятиям.

В отношении частных предприятий современным законодательством также определен общий и специальный административный статус.

Общий статус актуален для направлений, обязательных к исполнению всеми предприятиями- субъектами хозяйственных и правовых отношений: вопросы регистрации,

получения разрешения и лицензии, предоставления обязательной отчетности (налоговая, бухгалтерская, статистическая), соблюдение правил охраны труда, охраны природы и землепользования, реализации противоэпидемических мер и противопожарных правил, безопасности. Кроме того, в контексте общего статуса важно не препятствовать проведению контрольных и надзорных мероприятий со стороны специально уполномоченных органов. Важно отличать данный контроль от вмешательства государственных и муниципальных органов исполнительной власти в непосредственную деятельность частных предприятий, что является неправомочным в их отношении.

Кроме того, в современном законодательстве в качестве важнейшего компонента административно-правового статуса негосударственных предприятий закреплены гарантии от незаконного вмешательства органов государственного контроля и надзора. ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» отражает возможность обжалования в судебном порядке неправомочных действий вышеуказанных органов.

Специальный статус определяется характером деятельности частного предприятия и может отражать особенности определения вида и направления деятельности, назначения руководителя, утверждения уставных документов, распоряжения имуществом и пр. К примеру, данный статус характерен для частных предприятий с особыми уставными задачами, таких как частные охранные предприятия (ЧОП), которые обладают полномочиями использования служебного оружия. В данном контексте за реализацией деятельности ЧОП актуален контроль органов внутренних дел – получение лицензии, проверка квалификации сотрудников и пр.

Важным моментом, как подчеркивает А.В. Веретехин [Веретехин, 2022], можно также определить то, что специальным статусом могут быть наделены частные предприятия, в развитии которых заинтересовано государство. К примеру, предприятия сектора малого и среднего бизнеса, осуществляющие еще и социально значимую деятельность (трудоустройство инвалидов, молодежи, студентов и пр.).

Специфика реализации административно-правового статуса частных предприятий заключается также в особых видах отношений между государственными и негосударственными субъектами правоотношений. Ярким примером этого может служить государственно- частное партнерство. Данное взаимодействие отражено в ФЗ №224 от 13.07.2015 и позволяет объединять административные и управленческие ресурсы государственных и муниципальных органов при разработке и реализации различных инвестиционных проектов. В данном случае происходит симбиоз двух административно-правовых статусов государства и частных предприятий, что способствует экономическому развитию и реализации внутренней политики государства. Осуществляя управленческие функции, которыми не обладают частные предприятия, органы исполнительной власти обеспечивают поддержку и развитие инновационной политики в регионах, а частные предприятия при этом предоставляют необходимые финансовые и кадровые ресурсы. В данном случае специфика административно-правового статуса частного предприятия реализуется в контексте обязательного финансирования проекта, а также участия в его реализации.

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что административно-правовой статус частных предприятий имеет свои особенности, которые, в том числе, отражают отсутствие

властных полномочий и невозможность осуществлять государственное и муниципальное управление. Кроме того, данный статус зависит от деятельности и вида частного предприятия и может выражаться в различных видах взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти, к примеру, государственно- частное партнерство. Мы считаем, что, учитывая специфику административно-правового статуса частных предприятий необходимо расширять их полномочия и обеспечивать новые способы взаимодействия с государственными и муниципальными органами.

Библиография

1. Веретехин А.В. Управление развитием социально-экономических систем на основе государственно-частного партнерства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. № 1. С. 19-35.
2. Волков В.Ю. Особенности административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 304-311.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 (с изм. и доп., вступил в силу с 28.04.2023).
4. Грошев С.Н. Право собственности через призму идей Джона Локка. К вопросу о разнообразии форм собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 11-13.
5. Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 4-24.
6. Кобзина С.С. Защита предприятия, находящегося в частной собственности // Апробация. 2016. № 8 (47). С. 138-140.
7. Легенький В.Р. К вопросу о признании частного предприятия общим имуществом супругов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Донецк, 2017. С. 221-223.
8. Метелина О.В. Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтре // Вестник ЧГУ. 2012. № 1. С. 136-138.
9. Мурзагалина Г.М. Анализ негосударственного сектора поддержки малого и среднего предпринимательства в регионах РФ // Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 319-322.
10. ФЗ от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».
11. Шерстнев Д.Ю. Особые уставные задачи юридического лица, как критерий, определяющий его правоспособность // E-Scio. 2021. № 6 (57). С. 1-6.

Private (non-state) enterprises as subjects of administrative legal relations. The specifics of the status

Magomed A. Gezgiev

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Ingush State University,
386001, 7, Zyazikova ave, Magas, Russian Federation;
e-mail: Maggez@mail.ru

Abstract

The paper defines the specifics of the administrative and legal status of various types of private enterprises, as well as the specifics of the implementation of functions and main activities. The author examines the content of the activities of private enterprises as subjects of administrative and

legal relations and the features of their status. In accordance with this, the purpose of the study is to identify the specifics of the administrative and legal status of private enterprises in the Russian Federation. The object defines the content of the activities of various types of private enterprises, and the subject is the specifics of their administrative and legal status. In addition, the author examines the activities of private enterprises in the context of legal rather than economic relations, identifies the order and grounds for changes in their status in special legal regimes and situations. The administrative and legal status of private enterprises has its own characteristics, which, among other things, reflect the lack of power and the inability to exercise state and municipal government. In addition, this status depends on the activity and type of private enterprise and can be expressed in various types of interaction with state and municipal authorities, for example, public-private partnership. Given the specifics of the administrative and legal status of private enterprises, it is necessary to expand their powers and provide new ways of interacting with state and municipal authorities.

For citation

Gezgiev M.A. (2023) Chastnye (negosudarstvennyye) predpriyatiya kak sub»ekty administrativnykh pravootnoshenii. Spetsifika statusa [Private (non-state) enterprises as subjects of administrative legal relations. The specifics of the status]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 177-184. DOI: 10.34670/AR.2023.78.69.028

Keywords

Private enterprises, joint-stock companies, cooperative, individual entrepreneur, administrative and legal status, legal relations, enterprise property, private property, statutory documents, enterprise registration.

References

1. Davydova M.L. (2021) Lokal'nye normativno-pravovye akty: terminologicheskie diskussii [Local regulatory legal acts: terminological discussions]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 4, pp. 4-24.
2. FZ ot 26.12.2008 № 294-FZ (red. ot 04.11.2022) «O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimatelei pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya» [Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 (as amended on November 4, 2022) "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control"]].
3. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 (s izm. i dop., vstupil v silu s 28.04.2023)* [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 (as amended and supplemented, entered into force on April 28, 2023)].
4. Groshev S.N. (2021) Pravo sobstvennosti cherez prizmu idei Dzhona Lokka. K voprosu o raznoobrazii form sobstvennosti [Ownership through the prism of the ideas of John Locke. To the question of the diversity of forms of ownership]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1, pp. 11-13.
5. Kobzina S.S. (2016) Zashchita predpriyatiya, nakhodyashchegosya v chastnoi sobstvennosti [Protection of a privately-owned enterprise]. *Aprobatsiya* [Approbation], 8 (47), pp. 138-140.
6. Legen'kii V.R. (2017) K voprosu o priznanii chastnogo predpriyatiya obshchim imushchestvom suprugov [On the issue of recognizing a private enterprise as the common property of the spouses]. In: *Donetskie chteniya 2017: Russkii mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa* [Donetsk Readings 2017: The Russian World as a civilizational basis for the scientific, educational and cultural development of Donbass]. Donetsk.
7. Metelina O.V. (2012) Vopros statusa chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii. Dokument Montre [The issue of the status of private military and security companies. Document of Montreux]. *Vestnik ChGU* [Bulletin of ChSU], 1, pp.

136-138.

8. Murzagalina G.M. (2019) Analiz negosudarstvennogo sektora podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v regionakh RF [Analysis of the non-state sector for supporting small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments], 11, pp. 319-322.
9. Sherstnev D.Yu. (2021) Osobyie ustavnye zadachi yuridicheskogo litsa, kak kriterii, opredelyayushchii ego pravosposobnost' [Special Statutory Tasks of a Legal Entity as a Criterion Determining Its Legal Capacity]. *E-Scio*, 6 (57), pp. 1-6.
10. Veretekhin A.V. (2022) Upravlenie razvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Management of the development of socio-economic systems on the basis of public-private partnership]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and Management], 1, pp. 19-35.
11. Volkov V.Yu. (2020) Osobennosti administrativno-pravovogo statusa kommercheskikh i nekommercheskikh organizatsii [Features of the administrative and legal status of commercial and non-profit organizations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal science], 6 (72), 3, pp. 304-311.

УДК 347.249

DOI: 10.34670/AR.2023.80.34.029

Правовое регулирование использования отходов недропользования: новеллы

Лапина Полина Сергеевна

Ведущий юрисконсульт ФГКУ «Рослгеолэкспертиза»,
115184, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, 34;
e-mail: polly.lapina@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные положения действующего законодательства, регулирующие порядок использования отходов недропользования и проанализированы положения Федерального закона от 14.07.2022 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и разрабатываемых в его реализацию подзаконных актов, которые расширяют сферу использования отходов недропользования. По результатам проведенного анализа выявлены ключевые особенности нового порядка использования отходов недропользования, в частности вскрышных отходов. С практической точки зрения, при осмыслении положений Федерального закона № 343-ФЗ представляется целесообразным до 1 сентября 2023 г. осуществить недропользователям, желающим использовать отходы недропользования, следующие действия: определить (подсчитать) виды отходов на используемом участке недр (относятся ли данные отходы к вскрышным и вмещающим горным породам или нет); обеспечить ведение геологической документации и отчетности по количеству хранящихся отходов; проверить включена ли информация о данных отходах в действующее заключение государственной экспертизы запасов полезных ископаемых; обеспечить надлежащие условия хранения получаемых отходов; проанализировать возможные пути использования имеющихся отходов с учетом того, что для вскрышных и вмещающих горных пород предусмотрен более «гибкий» режим использования, чем для остальных отходов недропользования; принять решение о необходимости подготовки отдельного технического проекта или о внесении изменений в действующий технический проект (с учетом положений п. 3 Порядка по добыче полезных ископаемых).

Для цитирования в научных исследованиях

Лапина П.С. Правовое регулирование использования отходов недропользования: новеллы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2023.80.34.029

Ключевые слова

Недропользование, лицензия на пользование недрами, отходы недропользования, вскрышные отходы, полезные ископаемые.

Введение

В данной статье будут рассмотрены проблемные аспекты осуществления такого вида пользования недрами, как использование отходов недропользования.

В соответствии со ст. 1.2 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (далее – Закон РФ «О недрах») недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, являются государственной собственностью, участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме, в собственности пользователя недр может находиться только добытое полезное ископаемое.

В связи с этим в силу ч. 3 ст. 1.2 Закона РФ «О недрах» в частной собственности могут находиться только добытые в соответствии с условиями лицензии на пользование недрами полезные ископаемые.

Важно отметить, что в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 22, ст. 19.1 Закона РФ «О недрах» *пользователь недр имеет право использовать отходы добычи полезных ископаемых, образовавшиеся в результате деятельности данного пользователя недр, и связанных с ней перерабатывающих производств* и осуществлять добычу общераспространенных полезных ископаемых при разведке и добыче иных видов полезных ископаемых для собственных производственных и технологических нужд, *при этом реализация вскрышных пород, иных отходов недропользования третьим лицам согласно действующему законодательству о недрах не предусмотрена.*

Между тем в настоящее время большую актуальность приобрела идея о необходимости повторного использования ранее отработанных горных пород.

Особый интерес у недропользователей вызывают такие объекты как техногенные месторождения.

При этом сохраняется правовая неопределенность в четком определении термина «техногенные отвалы (месторождения)». В Законе РФ «О недрах» данный термин не используется.

Основная часть

Определение термина «техногенные месторождения» содержится в ряде нормативных актов в сфере недропользования, в частности, в п. 37 ГОСТа Р 59071-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Охрана окружающей среды. Недра. Термины и определения, утвержденного приказом Росстандарта от 01.10.2020 № 732-ст.

Согласно вышеназванному пункту, *техногенные отвалы (месторождения)* – это образованные в результате изучения, добычи, переработки и обогащения полезных ископаемых скопления отходов горнодобывающих, горно-перерабатывающих и энергетических производств, *содержащих полезные компоненты и (или) полезные ископаемые*, расположенные на поверхности земли, или в горных выработках, или хвостовых хранилищах, получившие в установленном порядке геолого-экономическую оценку.

Методические рекомендации по применению Классификации запасов месторождений и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых, утвержденные распоряжением МПР России от 05.06.2007 № 37-р, к *техногенным месторождениям* относят месторождения, образовавшиеся в результате складирования забалансовых руд, спецотвалы забалансовых руд, добытых в результате разработки месторождений, отходы (хвосты, шламы), образовавшиеся в

процессе обогащения руд или переработки концентратов (огарки, кеки, золы), отходы обогатительного (хвосты) и металлургического (шлаки, кеки) процессов.

Данные отходы, образовавшиеся в результате добычи и первичной переработки полезных ископаемых, не являются собственностью пользователя недр и не могут им реализовываться третьим лицам, при этом согласно п. 13 ч. 1 ст. 12, п. 3, 4 ч. 1 ст. 22 Закона РФ «О недрах» пользователь недр имеет право самостоятельно извлекать полезные компоненты из отходов добычи полезных ископаемых, образовавшихся в результате деятельности данного пользователя недр, и связанных с ней перерабатывающих производств.

Третьи лица (все лица, кроме пользователя недр, в результате деятельности которого образованы данные отвалы) не наделены *в настоящее время* правом осуществлять добычу и обращать в свою собственность полезные компоненты из минерального сырья, складированного в виде техногенного месторождения.

В связи с этим, значимым в правовом регулировании использования техногенных месторождений является принятие Федерального закона от 29.12.2022 № 598-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и статью 2 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» (далее - Федеральный закон № 598-ФЗ).

На основании Федерального закона № 598-ФЗ с 1 марта 2024 г. предусмотрена возможность предоставления по решению соответственно Правительства Российской Федерации или по решению комиссии, которая создается федеральным органом управления государственным фондом недр или его территориальным органом, права пользования недрами для разведки и добычи полезных ископаемых на участке недр федерального значения пользователем недр, осуществлявшим геологическое изучение такого участка недр, и, аналогично, для разведки и добычи полезных ископаемых на участке недр (за исключением участка недр федерального значения и участка недр местного значения) пользователем недр, осуществлявшим геологическое изучение такого участка недр, в случае постановки запасов полезных ископаемых на государственный баланс запасов полезных ископаемых при осуществлении пользователем недр геологического изучения недр на участке недр, *в границах которого ранее в результате пользования недрами иными лицами образованы отходы недропользования и (или) в отношении которого ранее запасы полезных ископаемых были списаны с государственного баланса запасов полезных ископаемых.*

В связи с вышеизложенным, с принятием Федерального закона № 598-ФЗ стало возможно в льготном порядке, то есть без проведения аукциона, получение участка недр для разведки и добычи полезных ископаемых после проведения геологического изучения даже в том случае, если на изученном участке ранее были образованы отходы недропользования и (или) в отношении которого ранее запасы полезных ископаемых были списаны с государственного баланса запасов полезных ископаемых.

Ранее применялись положения п. 3 Порядка установления факта открытия месторождения полезных ископаемых, выдачи свидетельства об установлении факта открытия месторождения полезных ископаемых и внесения изменений в свидетельство об установлении факта открытия месторождения полезных ископаемых, утвержденного приказом Минприроды России и Роснедр от 26 октября 2021 г. № 796/19, которыми закреплялось, что установление факта открытия месторождения полезных ископаемых (и соответственно применение безаукционного порядка) не осуществляется в случае проведения работ по геологическому изучению недр в отношении геологического объекта, на котором осуществлялась добыча полезных ископаемых, и (или) в отношении геологического объекта, образовавшегося в результате разработки месторождений полезных ископаемых.

Еще одним знаковым шагом в изменении государственной политики в отношении использования отходов недропользования стало принятие в июле 2022 г. Федерального закона от 14.07.2022 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 343-ФЗ), расширяющего направление использования отходов недропользования.

К ключевым моментам Федерального закона № 343-ФЗ можно отнести следующее.

С методологической точки зрения важно, что Федеральный закон № 343-ФЗ *вводит понятие «отходы недропользования»*, под которыми понимаются вскрышные и вмещающие горные породы, шламы, хвосты обогащения полезных ископаемых и иные отходы геологического изучения, разведки, добычи и первичной переработки минерального сырья, содержащие полезные ископаемые и полезные компоненты или не содержащие полезных ископаемых и полезных компонентов. При этом термин «вскрышные отходы» не установлен в Федеральном законе № 343-ФЗ.

Для понимания, какие отходы недропользования относятся к вскрышным породам, можно обратиться к п. 42 ГОСТа Р 59071-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Охрана окружающей среды. Недра. Термины и определения, утвержденного приказом Росстандарта от 01.10.2020 № 732-ст, согласно которому вскрышные породы – это горные породы, которые необходимо удалить при открытой разработке месторождения полезного ископаемого.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 22 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ) закреплено право недропользователя осуществлять добычу полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород, образовавшихся при осуществлении пользования недрами *на предоставленном в пользование участке недр*, в порядке, установленном Законом РФ «О недрах».

При этом принципиально новых возможностей использования для всех категорий отходов недропользования V класса опасности не предусмотрено ст. 23.4 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ).

Особенностью исследуемых нововведений стало установление в отношении такого вида отходов недропользования, как вскрышные и вмещающие горные породы, правового режима, дифференцированного от общего правового режима, предусмотренного ст. 23.4 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ).

Так, согласно ч. 1 ст. 23.5 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ) вскрышные и вмещающие горные породы, образовавшиеся при осуществлении пользования недрами на предоставленном в пользование участке недр, могут быть использованы пользователем недр:

- 1) для добычи полезных ископаемых и полезных компонентов;
- 2) для собственных производственных и технологических нужд;
- 3) для ликвидации горных выработок и иных сооружений, связанных с использованием недрами;
- 4) для рекультивации земель;
- 5) для ведения горных работ;
- 6) для передачи иному пользователю недр в целях использования данным пользователем передаваемых вскрышных и вмещающих горных пород для собственных производственных и технологических нужд, ликвидации горных выработок и иных сооружений, связанных с использованием недрами, рекультивации земель в объеме, определенном для выполнения соответствующих работ техническими проектами, иной

предусмотренной Законом РФ «О недрах» проектной документацией на выполнение таких работ и (или) проектом рекультивации земель;

- 7) для передачи иному лицу в целях использования таким лицом передаваемых вскрышных и вмещающих горных пород для собственных производственных и технологических нужд, не связанных с осуществлением пользования недрами.

Принципиально новыми в вышеизложенном перечне являются виды использования, предусмотренные п. 6 и п. 7 ч. 1 ст. 23.5 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ).

Особо обращает на себя внимание возможность передачи вскрышных пород лицу, не являющему пользователем недр. При этом возможная сфера применения переданных отходов очерчена максимально широко: «для собственных производственных и технологических нужд, не связанных с осуществлением пользования недрами».

Данная формулировка направлена на наиболее полное и свободное использование образованных и ранее не использовавшихся самим пользователем недр вскрышных пород.

При этом согласно ч. 2 ст. 23.5 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ) состав, объемы образуемых и используемых вскрышных и вмещающих горных пород, допустимые отклонения таких объемов, условия и сроки использования вскрышных и вмещающих горных пород в целях, указанных в ч. 1 ст. 23.5 Закона РФ «О недрах», требования к раздельному хранению вскрышных и вмещающих горных пород, а также требования к объектам хранения вскрышных и вмещающих горных пород (специально оборудованным сооружениям и местам, предназначенным для хранения вскрышных и вмещающих горных пород, подлежащих использованию в соответствии с Законом РФ «О недрах») определяются утвержденными в установленном порядке техническими проектами, предусмотренными ст. 23.2 Закона РФ «О недрах», иной предусмотренной Законом РФ «О недрах» проектной документацией.

В реализацию положений ст. 23.4, 23.5 Закона РФ «О недрах» (в редакции Федерального закона № 343-ФЗ) были приняты:

Приказ Минприроды России и Роснедр от 25.04.2023 № 246/03 «Об утверждении Порядка добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород» (далее – Порядок по добыче полезных ископаемых);

Приказ Минприроды России и Роснедр от 25.04.2023 № 247/04 «Об утверждении Порядка использования отходов недропользования, в том числе вскрышных и вмещающих горных пород, пользователями недр» (далее – Порядок использования отходов недропользования).

В соответствии с п. 3 Порядка по добыче полезных ископаемых *основанием для добычи полезных ископаемых и полезных компонентов* из отходов недропользования, в том числе из отходов недропользования V класса опасности, вскрышных и вмещающих горных пород, являются следующие документы:

- 1) лицензия на пользование недрами для разведки и добычи полезных ископаемых или совмещенная лицензия на пользование недрами для геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых;
- 2) заключение государственной экспертизы запасов полезных ископаемых и подземных вод, геологической информации о предоставляемых в пользование участках недр, предусмотренной ст. 29 Закона РФ «О недрах»;
- 3) технический проект разработки месторождений полезных ископаемых, утвержденный в соответствии со ст. 23.2 Закона РФ «О недрах».

Также в п. 3 Порядка по добыче полезных ископаемых разъясняется, что в случае, если

отходы недропользования, в том числе отходы недропользования V класса опасности, вскрышные и вмещающие горные породы в соответствии с заключением государственной экспертизы запасов полезных ископаемых имеют самостоятельное промышленное значение, то проектирование их использования в целях добычи полезных ископаемых и полезных компонентов осуществляется в виде самостоятельного технического проекта разработки месторождений полезных ископаемых, если не имеют самостоятельного промышленного значения, то проектирование их использования в целях добычи полезных ископаемых и полезных компонентов осуществляется в техническом проекте разработки месторождения полезного ископаемого, указанного в лицензии на пользование недрами.

При этом важно, что в соответствии с п. 6 Порядка по добыче полезных ископаемых *пользователь недр, планирующий осуществлять добычу полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, направляет посредством использования Портала недропользователей и геологических организаций «Личный кабинет недропользователя» (далее – ЛКН) или в электронном виде с использованием официального сайта Роснедр уведомление о начале добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из отходов недропользования V класса опасности, вскрышных и вмещающих горных пород, в границах предоставленного ему в пользование участка недр на основании утвержденного в соответствии со ст. 23.2 Закона РФ «О недрах» технического проекта разработки месторождений полезных ископаемых и прилагаемые к нему документы в территориальный фонд геологической информации по месту нахождения участка недр, а в отношении добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из отходов недропользования V класса опасности, вскрышных и вмещающих горных пород, образовавшихся в результате использования участков недр местного значения, также в фонды геологической информации субъектов Российской Федерации.*

Пунктами 6, 7 Порядка по добыче полезных ископаемых установлен перечень сведений, подлежащих включению в уведомление о начале добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования.

Таким образом, Порядком по добыче полезных ископаемых предусмотрен уведомительный порядок сообщения недропользователем намерений о начале работ по извлечению полезных компонентов из имеющихся у него на участке отходов.

Аналогично согласно п. 6 Порядка использования отходов недропользования *пользователь недр, передавший вскрышные и вмещающие горные породы лицам, указанным в подп. 2 и 3 п 4 данного Порядка, направляет в Федеральное агентство по недропользованию или его территориальный орган посредством использования ЛКН договор (или копию договора), предусматривающий передачу вскрышных и вмещающих горных пород, и акт приема-передачи (или копию акта приема-передачи) не позднее 5 рабочих дней с даты подписания акта приема-передачи.*

Заключение

Таким образом, подводя итоги, хочется отметить, что если действующее законодательство в настоящее время при определении лица, имеющего право извлекать полезные компоненты из отходов недропользования, исходит из необходимости установить лицо, получившее в установленном порядке лицензию на пользование недрами и фактически образовавшее данные отходы, то с 1 сентября 2023 г. Федеральным законом № 343-ФЗ разрешено использование

отходов недропользования текущему пользователю участка недр, при пользовании которыми были образованы данные отходы, вне зависимости от того, когда и кем они были образованы.

Данная новелла свидетельствует об изменении подхода законодателя к определению статуса отходов недропользования: то есть с «посубъектного подхода» к «пообъектному».

Исходя из вышеизложенного, также становится понятным, что технический проект становится ключевым документом, определяющим виды отходов недропользования на конкретном участке и количество образуемых отходов.

С практической точки зрения, при осмыслении положений Федерального закона № 343-ФЗ представляется целесообразным до 1 сентября 2023 г. осуществить недропользователям, желающим использовать отходы недропользования, следующие действия:

- определить (подсчитать) виды отходов на используемом участке недр (относятся ли данные отходы к вскрышным и вмещающим горным породам или нет);
- обеспечить ведение геологической документации и отчетности по количеству хранящихся отходов;
- проверить включена ли информация о данных отходах в действующее заключение государственной экспертизы запасов полезных ископаемых;
- обеспечить надлежащие условия хранения получаемых отходов;
- проанализировать возможные пути использования имеющихся отходов с учетом того, что для вскрышных и вмещающих горных пород предусмотрен более «гибкий» режим использования, чем для остальных отходов недропользования;
- принять решение о необходимости подготовки отдельного технического проекта или о внесении изменений в действующий технический проект (с учетом положений п. 3 Порядка по добыче полезных ископаемых).

Библиография

1. Агафонов В.Б. Правовое обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности при пользовании недрами // *Lex Russica*. 2016. № 6 (115). С. 61-81.
2. Бесланеева М.С. Отходы недропользования: подходы к определению // *Аграрное и земельное право*. 2021. № 6 (198). С. 104-110.
3. ГОСТ Р 59071-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Охрана окружающей среды. Недра. Термины и определения, утвержденный приказом Росстандарта от 01.10.2020 № 732-ст.
4. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах».
5. Мельгунов В.Д. Основы горного права. Ч. 2. Понятие и структура горных правоотношений. Право пользования недрами как институт горного права России. М.: Проспект, 2017. 142 с.
6. Методические рекомендации по применению Классификации запасов месторождений и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых, утвержденные распоряжением МПР России от 05.06.2007 № 37-р.
7. Приказ Минприроды России и Роснедр от 25.04.2023 № 246/03 «Об утверждении Порядка добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород».
8. Приказ Минприроды России и Роснедр от 25.04.2023 № 247/04 «Об утверждении Порядка использования отходов недропользования, в том числе вскрышных и вмещающих горных пород, пользователями недр».
9. Спиридонов Д.В. Проблемы использования вскрышных и вмещающих пород, отходов обогащения 5 класса опасности // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 8 (188). С. 26-31.
10. Федеральный закон от 14.07.2022 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 29.12.2022 № 598-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и статью 2 Федерального закона «Об отходах производства и потребления».
12. Фролова Ю.К. Причины возникновения и перспективы использования техногенных месторождений // *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2007. № 7. С. 24-32.

Legal regulation of the use of subsurface use waste: legislative innovations

Polina S. Lapina

Lawyer of "Roslgeolexpertiza" – Federal State Institution,
115184, 34, Malaya Ordynka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: polly.lapina@yandex.ru

Abstract

The article discusses certain provisions of the current legislation governing the procedure for the use of subsoil waste and analyzes the provisions of the Federal Law of July 14, 2022 No. 343-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Subsoil" and certain legislative acts of the Russian Federation" and developed for its implementation by-laws that expand the scope of the use of subsoil use waste. The key features of the new procedure for the use of subsoil use waste, in particular overburden waste, were identified. From a practical point of view, when understanding the provisions of Federal Law No. 343-FZ, it seems appropriate to carry out the following actions for subsoil users wishing to use subsoil use waste before September 1, 2023: determine the types of waste in the subsoil area used (whether this waste belongs to overburden and enclosing rocks or not); ensure the maintenance of geological documentation and reporting on the amount of stored waste; check whether information about these wastes is included in the current conclusion of the state examination of mineral reserves; ensure proper storage conditions for the resulting waste; analyze possible ways of using existing wastes, considering the fact that overburden and enclosing rocks have a more "flexible" mode of use than other subsoil use wastes; make a decision on the need to prepare a separate technical project or to amend the existing technical project (subject to the provisions of clause 3 of the Mining Procedure).

For citation

Lapina P.S. (2023) Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya otkhodov nedropol'zovaniya: novelty [Legal regulation of the use of subsurface use waste: legislative innovations]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2023.80.34.029

Keywords

Subsoil use, mining license, subsurface use waste, overburden waste, minerals.

References

1. Agafonov V.B. (2016) Pravovoe obespechenie okhrany okruzhayushchei sredy i ekologicheskoi bezopasnosti pri pol'zovanii nedram [Legal support of environmental protection and environmental safety in the use of subsoil]. *Lex Russica*, 6 (115), pp. 61-81.
2. Beslaneeva M.S. (2021) Otkhody nedropol'zovaniya: podkhody k opredeleniyu [Subsoil use waste: approaches to definition]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 6 (198), pp. 104-110.
3. *Federal'nyi zakon ot 14.07.2022 № 343-FZ «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii «O nedrakh» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law No. 343-FZ dated July 14, 2022 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Subsoil" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"].
4. *Federal'nyi zakon ot 29.12.2022 № 598-FZ «O vnesenii izmenenii v Zakon Rossiiskoi Federatsii «O nedrakh» i stat'yu 2 Federal'nogo zakona «Ob otkhodakh proizvodstva i potrebleniyu»* [Federal Law No. 598-FZ of December 29, 2022 "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Subsoil" and Article 2 of the Federal Law "On Production and

- Consumption Waste”].
5. Frolova Yu.K. (2007) Prichiny vozniknoveniya i perspektivy ispol'zovaniya tekhnogennykh mestorozhdenii [Causes of emergence and prospects for the use of technogenic deposits]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten'* [Mining Information and Analytical Bulletin], 7, pp. 24-32.
 6. GOST R 59071-2020. *Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii. Okhrana okruzhayushchei sredy. Nedra. Terminy i opredeleniya, utverzhdenyi prikazom Rosstandarta ot 01.10.2020 № 732-st* [GOST R 59071-2020. National standard of the Russian Federation. Environmental protection. Bosom. Terms and definitions, approved by the order of Rosstandart dated 01.10.2020 No. 732-st].
 7. Mel'gunov V.D. (2017) *Osnovy gornogo prava. Ch. 2. Ponyatie i struktura gornykh pravootnoshenii. Pravo pol'zovaniya nedrami kak institut gornogo prava Rossii* [Fundamentals of mining law. Part 2. The concept and structure of mining legal relations. The right to use subsoil as an institution of mining law in Russia]. Moscow: Prospekt Publ.
 8. *Metodicheskie rekomendatsii po primeneniyu Klassifikatsii zapasov mestorozhdenii i prognoznykh resursov tverdykh poleznykh iskopaemykh, utverzhdenye rasporyazhenie MPR Rossii ot 05.06.2007 № 37-r* [Guidelines for the application of the Classification of reserves of deposits and predicted resources of solid minerals, approved by the order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 05.06.2007 No. 37-r].
 9. *Prikaz Minprirody Rossii i Rosnedr ot 25.04.2023 № 246/03 «Ob utverzhdenii Poryadka dobychi poleznykh iskopaemykh i poleznykh komponentov iz otkhodov nedropol'zovaniya, v tom chisle iz vskryshnykh i vmeshchayushchikh gornykh porod»* [Order of the Ministry of Natural Resources of Russia and Rosnedra dated April 25, 2023 No. 246/03 “On approval of the Procedure for the extraction of minerals and useful components from subsoil use waste, including from overburden and enclosing rocks”].
 10. *Prikaz Minprirody Rossii i Rosnedr ot 25.04.2023 № 247/04 «Ob utverzhdenii Poryadka ispol'zovaniya otkhodov nedropol'zovaniya, v tom chisle vskryshnykh i vmeshchayushchikh gornykh porod, pol'zovatelyami nedr»* [Order of the Ministry of Natural Resources of Russia and Rosnedra dated April 25, 2023 No. 247/04 “On approval of the Procedure for the use of subsoil use waste, including overburden and enclosing rocks, by subsoil users”].
 11. Spiridonov D.V. (2020) Problemy ispol'zovaniya vskryshnykh i vmeshayushchikh porod, otkhodov obogashcheniya 5 klassa opasnosti [Problems of using overburden and interfering rocks, enrichment wastes of the 5th hazard class]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 8 (188), pp. 26-31.
 12. *Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 21.02.1992 № 2395-1 «O nedrakh»* [Law of the Russian Federation of February 21, 1992 No. 2395-1 "On Subsoil"].

УДК 76.01.09

DOI: 10.34670/AR.2023.60.41.030

Анагенез советского периода о неоказании или ненадлежащем оказании медицинской помощи**Черенкова Мария Германовна**

Аспирант,
Московский гуманитарный университет,
111395, Российская Федерация, Москва, ул. Юности, 5;
e-mail: liricaaa@mail.ru

Аннотация

На основе имеющихся исследований автором статьи рассмотрены ключевые периоды развития уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Выявлены особенности развития системы в сфере медицины и здравоохранения, а также уголовного законодательства о преступлениях врачей, в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Сделан вывод о том, что врачи в различный период несли различную ответственность, а уголовное законодательство было сформировано лишь в начале XX в. В советский период продолжилось улучшение и законодательное закрепление данного вопроса, в связи с научно-техническим прогрессом и развитием науки (что позволило также открыть новые болезни и способы их лечения). В связи с государственной идеологией, постепенно в стране стала запрещаться частная врачебная практика. В 1921 г. циркуляром Народного комиссариата здравоохранения был поставлен окончательный запрет на нее. Циркуляр подразумевал дополнительную ответственность врачей, ведущих частную медицинскую деятельность – помимо уголовной ответственности за саму частную деятельность, также было дополнительно указано, что в случае, если наступила смерть пациента, либо же его увечье в результате неверных решений и действий медицинского работника, он также дополнительно привлекался и к ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи пациенту.

Для цитирования в научных исследованиях

Черенкова М.Г. Анагенез советского периода о неоказании или ненадлежащем оказании медицинской помощи // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 194-201. DOI: 10.34670/AR.2023.60.41.030

Ключевые слова

Медицинская наука, государственное регулирование, советский период, медицинская помощь, нормативно-правовые акты, анагенез преступлений медицинской помощи, анагенез преступлений в медицинской сфере, оказание помощи, преступления врачей, система здравоохранения.

Введение

В советский период продолжилось улучшение и законодательное закрепление данного вопроса, в связи с научно-техническим прогрессом и развитием науки (что позволило также открыть новые болезни и способы их лечения). Первыми шагами советской власти были попытки отказаться от церковных врачей и госпиталей, а, затем, было определено и структурировано медицинское образование, в результате чего деятельность врачей четко регламентировалась. Вплоть до середины-конца 1970-х гг. фактически в СССР действовали законы на основе тех, которые были приняты в годы Второй мировой войны. Лишь начиная с 1970-х гг. система здравоохранения и ответственности врачей были прописаны весьма досконально, что и привело к тому, что к третьей четверти XX в. отечественное законодательство в сфере ответственности врачей и других медицинских работников, в том числе, и за ненадлежащее оказание медицинской помощи, фактически закрепилось и сохраняется в том или ином виде до наших дней.

В связи с этим, цель данного исследования заключалась в том, чтобы проследить и проанализировать процесс формирования и развития системы уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи в советский периоды.

Основная часть

После прихода к власти большевиков в результате Октябрьской революции, в первые годы, во многом, действовала система, как медицинская, так и законодательная, принятая еще в период Российской империи. Но, в то же время, постепенно начали приниматься новые законы и другие акты, которые соответствовали реалиям конца первой – начала второй четверти XX в.

Первым делом, советская власть в сфере здравоохранения изменила подход к пониманию того, кого можно считать врачом, а также кто может вести медицинскую деятельность. Так, 20 января 1918 г. был выпущен Декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 20.01.1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который подразумевал, в том числе, и то, что церковь не имеет права заниматься врачебной деятельностью, и, таким образом, постепенно ликвидировались церковные больницы и госпитали, а, чуть позже, и приюты. При этом, согласно Декрету, церковным деятелям не разрешалось вести врачебную деятельность, поскольку они не имеют нужного разрешения и аттестации. При еще в конце 1917 г. был создан медико-санитарный отдел при Совете народных комиссаров, целью которого было создание всей системы здравоохранения по стране, в том числе, и ответственность за ведение врачебной и иной медицинской деятельности, и за совершенные в процессе работы ошибки.

В работе О.Г. Печниковой сказано, что развитие уголовного законодательства в данной сфере было принято большевиками, в результате ведения кровопролитной Гражданской войны, когда было большое количество жертв, и, в то же время, врачи совершенно не справлялись с таким потоком раненых и заболевших. Более того, Гражданская война привела также и к обеднению населения в целом, что также отразилось и на количестве заболевших [Печникова, 2009].

Е.О. Рыбакова говорит о том, что в Советской России впервые в мире прозвучал термин «здравоохранение», то есть, важность охраны здоровья. Поэтому вся медицинская система в

годы советской власти постепенно улучшалась, как и улучшалось положение врачей – если в революционные годы, а также в годы Гражданской войны, многие врачи были вынуждены уехать из России, либо же были вынуждены начать заниматься другой деятельностью, то руководством страны было также принято решение об улучшении положения врачей, улучшении законодательной базы, а также привлечения к врачебной деятельности как можно большего количества людей [Рыбакова, 2010].

В 1924 г. было принято Постановление «О профессиональной работе и правах медицинских работников», согласно которому определялись права и обязанности врача, его надлежащее образование, а также необходимые медицинские мероприятия, которые врачи обязаны посещать для своей переподготовки [Сорокина, 1988]. Фактически, в данном Постановлении четко указывалось, каким образом и когда врач должен действовать при наличии угрозы жизни или здоровья пациента, более того, впервые в отдельную категорию были выделены хирурги, в связи с чем, для хирургических операций были созданы определенные правила, которым предписывалось следовать врачам. Как отмечает В.Г. Куранов, данное Постановление от 1924 г. фактически легло в основу всей системы медицинского законодательства в СССР [Куранов, 2013]. Более того, в этом документе впервые были описаны такие термины как «неотложная помощь», «этика врача», «травма» и др., а также был сформулирован список заболеваний и травм и необходимые действия врача при лечении.

Учитывая тот факт, что в Советской России отсутствовал какой-либо кодекс, регулирующий любые преступления и правонарушения, большевиками в последние годы Гражданской войны был разработан новый Уголовный Кодекс РСФСР, который был принят в 1922 г. В отличие от всех предыдущих документов отечественного законодательства, в нем впервые было сказано о том, что врач несет полную ответственность за состояние пациента, и, вне зависимости от тяжести его положения, а также вида заболевания или травмы, обязан оказывать нуждающемуся требуемый уход. Более того, именно в УК РСФСР от 1922 г. в первый раз в истории отечественного уголовного законодательства, было сказано, что врач обязан понести уголовную ответственность в том случае, если он отказывается от оказания помощи пациенту. Статья 165 данного Уголовного кодекса подразумевала лишение свободы врача на 2 года. Также Статья 108 впервые содержала формулировку «ненадлежащее оказание медицинской помощи», куда включалась также и несвоевременное ее оказание. В Статье 108 УК РСФСР 1922 г. сказано, что врач может быть отстранен от занимаемой должности, а также лишиться права практиковать свою деятельность, вплоть до пожизненного срока, а также может лишиться свободы или отправлен на принудительные работы сроком до двух лет [Огнерубов, 2014].

В связи с государственной идеологией, постепенно в стране стала запрещаться частная врачебная практика. В 1921 г. циркуляром Народного комиссариата здравоохранения был поставлен окончательный запрет на нее. Циркуляр подразумевал дополнительную ответственность врачей, ведущих частную медицинскую деятельность – помимо уголовной ответственности за саму частную деятельность, также было дополнительно указано, что, в случае, если наступила смерть пациента, либо же его увечье в результате неверных решений и действий медицинского работника, он также дополнительно привлекался и к ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи пациенту.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вплоть до середины 1920-х гг. советская система законодательства в сфере здравоохранения лишь только начинала развиваться. В основу первым нормативно-правовым актам легли законы, Указы и Уставы, принятые еще до

Февральской революции. При этом, стоит отметить, что благодаря тому, что советская пропаганда подразумевала ведение здорового образа жизни, а также появления первых государственных медицинских консультаций в медицинских учреждениях, в стране резко поднялся общий уровень медицинской грамотности. Все это, вне сомнений, отразилось и на положении врачей в данный период. Повсеместно появлялись различные требования к функционированию больниц, помощи пациентам от врачей и т.д. При этом, появлялись также муниципальные и региональные инициативы, направленные на регулирование данной сферы деятельности. В качестве примера можно назвать Постановление Пермского окружного исполнительного комитета Советов РК и КД №12 от 12.06.1929 г., которым были утверждены «Правила о соблюдении санитарных мероприятий и об осуществлении санитарного надзора в Пермском округе» [Сальников, 2002].

Стоит также особо подчеркнуть, что, несмотря на тот факт, что в период Новой Экономической политики в СССР, действовавшей официально с 1921 по 1931 гг., было временно разрешено появление частной собственности и собственного дела, тем не менее, деятельность врачей регламентировалась циркуляром Народного комиссариата здравоохранения от 1921 г., то есть частная медицинская практика была полностью запрещена. Но, как отмечает Р. С. Плиев, негласно данный запрет редко применялся на деле, и в Советской России, и в первые годы существования СССР, в крупных городах зачастую работали врачи на частной основе [Плиев, 2017]. Но такие врачи зачастую, все же, не могли быть привлечены к уголовной ответственности за ненадлежащее, либо несвоевременное оказание медицинской помощи.

Также важно подчеркнуть, что в 1920-е гг. в небольших городах, а также поселках и селах все также часто практиковалась народная медицина, несмотря на негласный ее запрет. Более того, народные лекари в отдаленных населенных пунктах СССР были часто единственными врачами вплоть до 1950-х гг., к которым могли обратиться за помощью заболевшие, либо получившие травму или увечье люди.

Следующее развитие советское законодательство в сфере медицины получило лишь в конце 1960-х гг., вплоть до 1969 г. не было принято ни одного нормативно-правового акта, регулирующего медицинскую деятельность. В эти годы в стране действовали законы, которые в спешке были приняты еще в годы Второй мировой войны, когда требовалось обеспечить необходимые санитарные и медицинские условия для солдат и офицеров, а также для работников тыла. Учитывая тот факт, что в тот период, когда СССР участвовал в военных действиях (т.е. 1941-1945 гг.), принимаемые нормативно-правовые акты были нужны для регулирования отношений именно в военное время, поскольку эпидемиологическая ситуация в годы Второй мировой войны были весьма удручающей в Советском Союзе. Так, например, согласно Приказу НКЗ РСФСР от 10.11.1942 г. «О медико-санитарном обслуживании женщин, работающих на оборонных предприятиях» позволяли регулировать ситуацию с беременными, многодетными матерями, матерями-одиночками и т.д., которые вынуждены были работать на предприятиях оборонной промышленности. При этом, стоит понимать, что большинство законов, принятые в годы Второй мировой войны, действовали вплоть до конца 1960-х гг., то есть, даже спустя 25 лет [там же].

Стоит также отметить, что в 1944 г. было принято несколько нормативно-правовых актов, которые устанавливали ответственность врачей за обслуживание больных, а также

контролировали способы и приемы подготовки и переподготовки врачей в полевых и военных условиях [Баринов, 2008].

Также, именно в годы Второй мировой войны, впервые в СССР стала регулироваться ситуация вокруг рождения детей [Сальников, 2002]. Так, Приказом Уполномоченного Государственного комитета обороны по проведению противоэпидемических мероприятий НКЗ СССР №4 от 30.03.1942 г. указывалось, что в каждом детском саду, школе или любом другом государственном учреждении, где присутствовали дети, был обязан присутствовать медицинский работник, который нес такую же ответственность (вплоть до уголовной), как и в случае со взрослыми, то есть, не обязан оказывать медицинскую помощь своевременно и надлежащим образом [Караваева, 2004].

Таким образом, вплоть до 1969 г., советскому законодательству данного периода было свойственно преимущественно ведомственное нормативное регулирование медицинской деятельности, то есть, законодательство практически оставалось таким же, каким оно было и в годы Второй мировой войны. Возможно, это было обусловлено тем, что многие города и села были разрушены в годы войны, а также многие жители страны жили в условиях крайней нищеты. Лишь с конца 1960-х гг. была предпринята попытка отойти от ведомственного военного нормативного регулирования деятельности медицинских работников.

В течение последующих десятилетий (конца 1960-х – середины 1980-х гг.) серьезных изменений в правовой статус больниц и госпиталей, а также врачей и их деятельности внесено не было, было принято лишь ряд законов, которые уточняли спорные вопросы и корректировали военное законодательство под реалии мирной жизни. Стоит при этом подчеркнуть, что, согласно мнению В.Г. Куранова, нормативно-правовое обеспечение деятельности врачей, и, соответственно, их ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, к концу 1960-х гг. потеряло свою актуальность, в связи с кардинальными изменениями в сфере здравоохранения, а также передовыми достижениями в науке, в частности, в медицине и фармацевтике [Куранов, 2013].

Об этом свидетельствует большое количество изменений, которые были внесены в Закон СССР от 19.12.1969 г. «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» в 1979 г., 1984 г. (дважды), 1985 г., 1987 г., 1990 г. (дважды) [Попов, Попова, 1999].

Стоит подчеркнуть, что в период 1960-1980-х гг. ответственность врачей и докторов за свою врачебную деятельность. Согласно Уголовному кодексу РСФСР, преступления, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, относятся к таким категориям, как «оставление в опасности» и «неоказание помощи пациенту», то есть, фактически под этим понимается невыполнение своих прямых врачебных обязанностей, которые привлекли бы или могли привлечь к каким-либо увечьям или смерти пациента. Исследователь О.Е. Бобров подчеркивает, что для данного периода характерно создание разного рода административных и муниципальных проверок. Делалось это, по мнению автора, для того чтобы не только имелась возможность расследовать деятельность врачей в случае их возможных ошибок, но и также для того, чтобы можно было избежать необоснованных обвинений в отношении врачей и других медицинских работников [Бобров, www].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вплоть до конца 1960-х гг. в СССР уголовное законодательство о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием

медицинской помощи, фактически не развивалось, и в стране действовали законы, принятые еще в военное время, и характерные для военных реалий. Начиная с конца 1970-х – начала 1980-х гг., в стране постепенно началось реформирование законодательства в данной сфере.

Заключение

Таким образом, в процессе работы был проанализирован процесс развития уголовного законодательства о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в России.

Советская же система здравоохранения, и, как следствие, регулирования ответственности врачей за ненадлежащее оказание медицинской помощи была построена на той, которая существовала еще во времена Российской империи, что особенно было ощутимо в 1920-1930-е гг. В период Второй мировой войны нормативно-правовая база была ориентирована на военные реалии, но, при этом, она в том или ином виде действовала до конца 1960-х гг. И лишь, начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг. начались изменения. Постепенно стали внедряться административные проверки и экспертизы, суть которых заключалась в защите прав врачей и выявления нарушений в их деятельности в процессе своей деятельности.

Библиография

1. Баринов Е.Х. Становление, развитие и совершенствование судебной медицины в Москве: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008. 49 с.
2. Бобров О.Е. Медицинское право или бесправие медицины? URL: <https://www.critical.ru/actual/etika/pravbes.htm>
3. Кабанова М.А. История церковного права России (до XVIII в.). Право: вопросы истории и теории. Владимир, 1997. С. 28-34.
4. Караваева Е.И. Законодательство Российской Федерации о здравоохранении (История, современное состояние, тенденции развития) // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 24-28.
5. Куранов В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в дореволюционный период // Пермский медицинский журнал. 2013. № 5. С. 136-142.
6. Куранов В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в советский и современный период // Пермский медицинский журнал. 2013. № 6. С. 133-139.
7. Мирский М.Б. Медицина России XVI-XIX веков. М.: РОССПЭН, 1996. 400 с.
8. Мирский М.Б. Приказная медицина здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005. № 5. С. 53-55.
9. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юр. наук. М., 2014. 171 с.
10. Печникова О.Г. Возникновение государственной медицины в России (историко-правовой аспект) // Медицинское право. 2009. № 3. С. 20-24.
11. Плиев Р.С. История развития законодательства, регулирующего осуществление медицинской деятельности в России // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 212-219.
12. Попеску С.С. Историческое развитие отечественных норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при оказании медицинской помощи // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 117-119.
13. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности. СПб.: Деан, 1999. 253 с.
14. Разумовский В.Н. Медицинское дело в царствование первых Государей Дома Романовых. Саратов, 1913. 27 с.
15. Рыбакова Е.О. Организационно-правовые основы системы советского здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2010. 26 с.
16. Сальников В.П. Нормативно-правовое обеспечение здравоохранения в советский период // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 167.
17. Сальников В.П. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X-XVII вв.) // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 67-77.
18. Смирнова Е.М. «Аптекарского приказы люди» на государственной службе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 175-179.

19. Сорокина Т.С. История медицины. М., 1988. 72 с.
20. Стеценко С.Г. Юридическая регламентация медицинской деятельности в России: исторический и теоретико-правовой анализ: автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 35.
21. Успенский А. Врачебный устав. Большая медицинская энциклопедия. М., 1928. № 5. С. 347.
22. Чеботарева Г.В. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения: историко-правовые аспекты // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 128-135.

Anagenesis of the Soviet period about non-provision or improper provision of medical care

Mariya G. Cherenkova

Postgraduate,
Moscow Humanitarian University,
111395, 5, Yunosti str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: liricaaa@mail.ru

Abstract

Based on the available research, the author of the article also examines the key periods of the development of criminal legislation on crimes related to improper provision of medical care. The peculiarities of the development of the system in the field of medicine and healthcare, as well as criminal legislation on the crimes of doctors, in connection with improper provision of medical care. It is concluded that doctors in different periods bore different responsibilities, and criminal legislation was formed only at the beginning of the XX century. During the Soviet period, the improvement and legislative consolidation of this issue continued, in connection with scientific and technological progress and the development of science. In this regard, the purpose of this study was to trace and analyze the process of formation and development of the system of criminal legislation on crimes related to improper provision of medical care in the pre-revolutionary and Soviet periods. Due to the state ideology, private medical practice was gradually banned in the country. In 1921, the circular of the People's Commissariat of Health put a final ban on it. The circular implied additional responsibility of doctors conducting private medical activities – in addition to criminal liability for private activities themselves, it was also additionally indicated that if a patient died or was injured as a result of incorrect decisions and actions of a medical worker, he was also additionally held liable for improper provision of medical care to a patient.

For citation

Cherenkova M.G. (2023) Anagenez sovetskogo perioda o neokazanii ili nenadlezhashchem okazanii meditsinskoj pomoshchi [Anagenesis of the Soviet period about non-provision or improper provision of medical care]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 194-201. DOI: 10.34670/AR.2023.60.41.030

Keywords

Medical science, state regulation, the Soviet period, medical care, regulatory legal acts, anagenesis of crimes of medical care, anagenesis of crimes in the medical field, assistance, crimes of doctors, health care system.

References

1. Barinov E.Kh. (2008) *Stanovlenie, razvitie i sovershenstvovanie sudebnoi meditsiny v Moskve. Doct. Dis.* [Formation, development and improvement of forensic medicine in Moscow. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Bobrov O.E. *Meditsinskoe pravo ili bespravie meditsiny?* [Medical law or lawlessness of medicine?]. Available at: <https://www.critical.ru/actual/etika/pravbes.htm> [Accessed 05/05/2023]
3. Chebotareva G.V. (2015) Ugolovnaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov za professional'nye pravonarusheniya: istoriko-pravovye aspekty [Criminal liability of medical workers for professional offences: historical and legal aspects]. *Uchenye zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Science], 1 (67), 3, pp. 128-135.
4. Kabanova M.A. (1997) *Istoriya tserkovnogo prava Rossii (do XVIII v.). Pravo: voprosy istorii i teorii* [History of church law in Russia (until the 18th century). Law: issues of history and theory]. Vladimir.
5. Karavaeva E.I. (2004) Zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii o zdravookhraneni (Istoriya, sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya) [Legislation of the Russian Federation on health care (History, current state, development trends)]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2, pp. 24-28.
6. Kuranov V.G. (2013) Razvitie meditsinskogo zakonodatel'stva v Rossii v dorevolutsionnyi period [Development of medical legislation in Russia in the pre-revolutionary period]. *Permskii meditsinskii zhurnal* [Perm Medical Journal], 5, pp. 136-142.
7. Kuranov V.G. (2013) Razvitie meditsinskogo zakonodatel'stva v Rossii v sovetskii i sovremennyyi period [Development of medical legislation in Russia in the pre-revolutionary period]. *Permskii meditsinskii zhurnal* [Perm Medical Journal], 6, pp. 133-139.
8. Mirskii M.B. (1996) *Meditsina Rossii XVI-XIX vekov* [Russian medicine in the 16th-19th centuries]. Moscow: ROSSPEN Publ.
9. Mirskii M.B. (2005) Prikaznaya meditsina zdravookhraneniya [Mandatory medicine of health care]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine], 5, pp. 53-55.
10. Ognierubov N.A. (2014) *Professional'nye prestupleniya meditsinskikh rabotnikov. Doct. Dis.* [Professional crimes of medical workers. Doct. Dis.]. Moscow.
11. Pechnikova O.G. (2009) Vozniknovenie gosudarstvennoi meditsiny v Rossii (istoriko-pravovoi aspekt) [The emergence of state medicine in Russia (historical and legal aspect)]. *Meditsinskoe pravo* [Medical Law], 3, pp. 20-24.
12. Pliiev R.S. (2017) Istoriya razvitiya zakonodatel'stva, reguliruyushchego osushchestvlenie meditsinskoi deyatel'nosti v Rossii [The history of the development of legislation regulating the implementation of medical activities in Russia]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad legal journal], 3 (49), pp. 212-219.
13. Popesku S.S. (2009) Istoricheskoe razvitie otechestvennykh norm ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, pri okazanii meditsinskoi pomoshchi [Historical development of domestic norms on circumstances excluding the criminality of the act, in the provision of medical care]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 9 (9), pp. 117-119.
14. Popov V.L. (1999) *Pravovye osnovy meditsinskoi deyatel'nosti* [Legal bases of medical activity]. St. Petersburg: Dean Publ.
15. Razumovskii V.N. (1913) *Meditsinskoe delo v tsarstvovanie pervykh Gosudarei Doma Romanovykh* [Medical business in the reign of the first Sovereigns of the Romanov dynasty]. Saratov.
16. Rybakova E.O. (2010) *Organizatsionno-pravovye osnovy sistemy sovetskogo zdravookhraneniya. Doct. Dis.* [Organizational and legal foundations of the Soviet health care system. Doct. Dis.]. Saratov.
17. Sal'nikov V.P. (2002) Normativno-pravovoe obespechenie zdravookhraneniya v sovetskii period [Regulatory support of health care in the Soviet period]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 1, p. 167.
18. Sal'nikov V.P. (2001) Reglamentatsiya meditsinskoi deyatel'nosti v Rossii: istoriko-pravovye voprosy (X-XVII vv.) [Regulation of medical activity in Russia: historical and legal issues (X-XVII centuries)]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 4, pp. 67-77.
19. Smirnova E.M. (2017) «Aptekarskogo prikazu lyudi» na gosudarevoi sluzhbe [“Apothecary order people” in the state service]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 9, pp. 175-179.
20. Sorokina T.S. (1988) *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. Moscow.
21. Stetsenko S.G. (2002) *Yuridicheskaya reglamentatsiya meditsinskoi deyatel'nosti v Rossii: istoricheskii i teoretiko-pravovoi analiz. Doct. Dis.* [Legal regulation of medical activity in Russia: historical and theoretical and legal analysis. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
22. Uspenskii A. (1928) *Vrachebnyi ustav. Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* [Medical charter. Big medical encyclopedia]. Moscow. № 5.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.91.78.031

Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетних спортсменов

Ковтун Надежда Анатольевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Ростовский филиал,
Российский государственный университет правосудия,
344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66;
e-mail: priemnaja_rfrap@mail.ru

Думенко Татьяна Павловна

Студент,
Российский государственный университет правосудия,
344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66;
e-mail: tatadumenko@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются характерные особенности правового положения несовершеннолетних в сфере спорта, с точки зрения действующего законодательства. Проводится анализ нормативно-правовой базы, регулирующей правовой статус детей и подростков как субъектов трудовой деятельности. Исследуются акты, обеспечивающие международно-правовую защиту прав спортсменов, в том числе несовершеннолетних. Учитывая специфику детского организма, его физиологию и психику юного спортсмена, особые нагрузки, считаем необходимым конкретизировать предложения в отношении расширения мер социальной поддержки несовершеннолетних спортсменов: конкретизировать возрастную градацию несовершеннолетних спортсменов на три возрастные группы: 3-6 лет; 7-13 лет; 14-17 лет; обязательное финансирование государством (регионами) для юных спортсменов: спортивной экипировки, участия в соревнованиях и сборах, оздоровительных мероприятий, независимо от возраста спортсмена и достигнутых результатов, реабилитационных мероприятий, особенно в случае получения ими травм. Такой подход будет способствовать с одной стороны доступности для детей и молодежи к занятиям спортом, с другой – государственному регулированию мер поддержки и защиты (на различных уровнях) всех юных спортсменов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковтун Н.А., Думенко Т.П. Проблемные вопросы правового статуса несовершеннолетних спортсменов // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 202-210. DOI: 10.34670/AR.2023.91.78.031

Ключевые слова

Несовершеннолетний спортсмен, профессиональный спорт, трудовой статус, правоотношения, правовой статус, трудовая деятельность

Введение

В настоящее время профессиональный спорт является неотъемлемой частью жизни многих людей, постепенно перетекающий в самостоятельный вид трудовой деятельности. Динамика вовлеченности граждан в различные виды спорта отражает положительную ее направленность в сторону профессионального спорта. Несмотря на то, что фундамент в понимании природы спортивных правоотношений заложен, в данном правовом институте остаются дилеммы, которые по сей день оспариваются учеными-правоведами. Статистические данные свидетельствуют о том, что детский спорт становится все более актуальным, начиная уже с 3-х летнего возраста. К таковым относятся, например, фигурное катание, футбол, художественная гимнастика и другие. Однако, в правовом регулировании детского спорта нередко возникает множество вопросов и пробелов, что в некоторых случаях отрицательно сказывается на реализацию данного вида правовых отношений. Из этого следует, что изучение деятельности и правового регулирования профессиональных спортсменов-несовершеннолетних все еще не завершено. Особенно много вопросов вызывают правовой и трудовой статусы несовершеннолетних лиц в рассматриваемой сфере.

Итак, говоря о детях в спорте, в том числе профессиональном, следует обозначить возрастную категорию понятия «несовершеннолетний», а также разграничить ее с «малолетними». Согласно Федеральному закону № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» ребенком является лицо, не достигшее возраста 18 лет¹. Гражданское законодательство к категории «малолетние» относит лиц в возрасте до 14 лет, имеющих частичный объем дееспособности. Ст. 32 и 33 ГК РФ гласят, что над малолетними устанавливается опека, а над несовершеннолетними – попечительство². Тем самым законодатель четко разграничивает эти два понятия, однако при этом не дает их точного определения.

Основная часть

В спортивной медицине существует разделение детей и подростков на следующие возрастные группы: младшая – 7-11 лет; средняя – 12-15 лет; старшая – 16-18 лет. Такая градация связана с особенностями анатомического, физического и психического развития в процессе взросления. На основании этих показателей должны строиться тренировки и занятия, при этом, помимо тренера обязательно участие психолога. Задача психолога состоит не только в том, чтобы вселять уверенность в ребенка, но и учить расставлять приоритеты по жизни.

С точки зрения влияния на жизнедеятельность ребенка, можно говорить о том, что, связывая со спортивной индустрией свою жизнь, ребенок приобретает или развивает огромное количество личностных качеств, таких как выносливость, сила духа, характер; также по-новому строятся взаимоотношения с родителями, ровесниками и педагогами. Согласно ст. 63 Семейного Кодекса РФ именно родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей³. Их личный пример играет большую роль в приобщении ребенка к физкультуре и спорту.

¹Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 09.01.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

²Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2023).

³Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022).

Важнейшим субъектом во «взаимоотношениях» ребенка со спортом является тренер – наставник и помощник. Не секрет, что тренер должен быть не только спортивным профессионалом, но и лицом, обладающим педагогическими и психологическими знаниями.

Российское законодательство также не обошло стороной вопрос о том, кто должен заниматься физиологическим, психологическим здоровьем детей. Так, ст. 14.1 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» закрепляет обязанность родителей (или лиц, их заменяющих), государственных органов и лиц, осуществляющих образование и воспитание детей, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии детей.

Ст. 41 Конституция РФ гарантирует право всех граждан РФ на охрану здоровья и медицинскую помощь⁴. В целях защиты здоровья детей, занимающихся спортом как на профессиональной, так и на любительской основе, законодатель закрепил право несовершеннолетних на медицинское наблюдение, медицинские осмотры и профилактическую диспансеризацию в ст. 54 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵.

Способы и порядок проведения медицинской помощи лицам (в том числе – несовершеннолетним), которые занимаются физической культурой и спортом, установлены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2020 г. №1144н (далее – Приказ)⁶. Приказ закрепляет обязанность лиц, осуществляющих организацию спортивных детских соревнований, оказывать медицинское сопровождение в течении проведения мероприятий. Таким образом, мы можем сказать, что государство проявляет выраженную заботу в отношении здоровья своих спортсменов, в особенности – несовершеннолетних.

Однако спорт зачастую несет в себе большое количество негативных последствий, среди них: строгие диеты, изнуряющие длительные тренировки, жесткий режим дня, серьезные травмы. Сегодня закон никак не регулирует запрет на чрезмерные детские нагрузки в спорте, запрет на определенный перечень опасных видов спорта для несовершеннолетних лиц.

Министерством здравоохранения были установлены правила комплексной оценки состояния здоровья несовершеннолетних, которые дифференцируют детей по группам здоровья, и правила определения медицинских групп для занятий несовершеннолетними физической культурой, способствующие выбору оптимальной программы физического воспитания ребенка.

Немаловажной частью жизни юных спортсменов является продолжительность тренировок, которая различается в зависимости этапов спортивной подготовки. Так, правила и нормы проведения образовательных мероприятий для лиц в возрасте до 18 лет устанавливаются и закрепляются Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. № 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20». Проанализировав данный документ, мы приходим к выводу, что государством не регламентируется продолжительность физкультурно-спортивных мероприятий. В нем просто отсутствуют данные нормы. Следовательно, процесс тренировочных занятий никак не ограничивается по времени с

⁴Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁵Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

⁶Приказ Министерства здравоохранения РФ от 23 октября 2020 г. №1144н «Об утверждении порядка организации оказания медицинской помощи лицам, занимающимся физической культурой и спортом»

точки зрения закона, что является существенной проблемой. Широко известно, что молодые спортсмены проводят в тренировочных залах большое количество часов, порой это вредит растущему организму, так как происходят нарушения режима дня.

Особенность труда спортсменов в возрасте до 18 лет в российском трудовом законодательстве регулируется гл. 54.1 Трудового кодекса РФ, а именно ст. 348.8. Данная норма закрепила следующую специфику правового статуса несовершеннолетних спортсменов: сокращенная продолжительность рабочего времени (в соответствии со ст. 92 ТК РФ): до 16 лет – не более 24 часов в неделю; от 16 до 18 лет – не более 35 часов в неделю; до 18 лет – не может превышать половины норм, установленных выше. Также данная норма предполагает для несовершеннолетних спортсменов служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. Законодатель предлагает регулировать такие положения коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором, не нарушающими нормы трудового законодательства РФ.

Большинство видов спорта очень травматичны и несут угрозу для здоровья детей. Самыми травмоопасными видами спорта являются регби, хоккей и бокс. По данным Росстат, на данные виды спорта приходится более 120 травм на каждую 1000 спортсменов⁷. Еще среди примеров опасных видов спорта мы можем назвать: фигурное катание, акробатика, гимнастика и легкая атлетика. Причины детского травматизма на тренировках носят комплексный характер: с одной стороны, игнорирование тренером состояния здоровья юного спортсмена, с другой стороны, безответственное отношение к технике безопасности и юных спортсменов, и их наставников.

К сожалению, тяжелые травмы, получаемые юными спортсменами в ходе тренировок или на соревнованиях, нередко становятся причинами детской инвалидности. Печальным примером такой травмы является дебютантка сборной России гимнастка Мария Засыпкина. В возрасте 15 лет девушка, делая разминку на тренировке, неудачно приземлилась, в результате чего сломала позвоночник.

Многочисленные примеры судебной практики свидетельствует о том, что российское законодательство защищает права спортсменов, ставших инвалидами.

Так, в 2018 году малолетняя дочь Каплиной Н.М., занимаясь на тренировке по шорт-треку в ГБУ «Спортивной школе Олимпийского резерва № 23» г. Москвы, по вине тренера получила травму в виде компрессионного перелома позвоночника. Судебная коллегия обязала ответчика возместить ущерб⁸.

Принимая, свое решение коллегия ссылаясь на Постановление Пленума ВС РФ от 26 января 2010 года №1⁹, которое прямо говорит: «Если малолетний причинил вред (в том числе и самому себе) в период его временного нахождения в организации, осуществляющей за ним в этот период надзор, эта организация обязана возместить причиненный малолетним вред, если не докажут, что он возник не по их вине при осуществлении надзора».

Обратим внимание еще на один вид спорта, который массово распространен среди российских детей – хоккей. В процессе тренировок дети развивают вестибулярный аппарат и

⁷ Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/travmatizm/#i-3>

⁸ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 24 июня 2019 г. по делу № 33-22470/2019

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»

выносливость, тренируют внимание и учатся работать в коллективе. Начинают карьеру хоккеисты с малых лет, в целях достижения существенного результата – одной из главных перспектив является участие в зимних Олимпийских играх. Однако не стоит забывать о травмоопасности данного вида спорта.

Еще одним популярным видом спорта в России является вольная борьба. Здесь очень высок уровень травматизма, как во время соревнований, так и во время тренировок [Барков, 2012]. Большинство серьезных травм вызвано контактом головы спортсмена с борцовским ковром. Среди наиболее распространенных травм у борцов отмечают: является гематома уха, получаемая ударом по голове коленом соперника, нестабильность шейных позвонков, сотрясение мозга, проблемы с коленными суставами. Ярким примером целеустремленности молодого борца является Ярослав Савченко, уроженец г. Красный Сулин Ростовской области, начавший свою карьеру чемпиона в возрасте 10 лет. И уже в 20 лет молодой спортсмен вошел в пятерку лучших в России борцов самым став членом Сборной РФ по вольной борьбе¹⁰.

Другим примером может служить история российской фигуристки Юлии Липницкой, которая пришла в спорт в четыре года, Победы в Польше, Италии, Канаде, серебро на чемпионате России, удачные выступления в Финляндии, Китае и Франции. Однако, после травмы, спортивную карьеру пришлось завершить.

В целом, вопрос защиты прав детей, которые приходят в мир профессионального спорта – одна из самых насущных проблем современного мира. На сегодняшнем этапе развития Конвенция о правах ребенка 1989 г. и факультативные протоколы к ней являются основными нормативно-правовыми международными актами, регулирующими вопросы по защите прав детей¹¹. В сфере международного спорта полномочиями по защите прав обладает международная общественная организация «Международная ассоциация по защите прав спортсменов». Ее целью является защита прав спортсменов во всех странах мира от неправомерных действий, любых форм дискриминации, политического давления, необоснованной эксплуатации труда, криминальных посягательств в сфере профессионального спорта, а также иных внешних угроз¹².

Несмотря на то, что подростковый труд (профессиональный спорт) предполагает собой отсутствие условий, угрожающих безопасности несовершеннолетнего лица, ч. 4 ст. 348.8 допускает превышение предельно допустимых нагрузок при подъеме и перемещении тяжестей вручную. Данный факт связан со спецификой определенных видов спорта и обуславливается участием подростков в спортивных мероприятиях. Нормы таких нагрузок установлены и закреплены в Постановлении Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 7 апреля 1999 года № 7 «Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную» на основании ст. 256 ТК РФ¹³.

Также профессиональное занятие спортом часто мешает полноценному образованию несовершеннолетних лиц. Это связано с ежедневными многочасовыми тренировками, а также с регулярными выездами на соревнования.

¹⁰Газета «Красносулинский вестник». URL: <https://krasnoisuli.bezformata.com/listNews/yaroslav-savchenko-stal-pyatim/98631519/>

¹¹Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.)

¹²Устав Международной ассоциации защиты прав спортсменов (21 сентября 2020 г.)

¹³Постановление Минтруда РФ от 7 апреля 1999 г. № 7 «Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную»

В данном случае государство предусмотрело создание спортивных школ, где вместе с получением образования совершенствуется физическая подготовка спортсменов. ФЗ от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в РФ» предусматривает особенности направленности реализации образовательных программ в области физической культуры и спорта¹⁴: физическое воспитание и развитие личности; приобретение обучающимися знаний, умений и навыков в области физической культуры и спорта; формирование культуры здорового и безопасного образа жизни; укрепление здоровья и т.д.

Примером реализации потенциала подобных организаций является выпускница Спортивной школы Олимпийского резерва № 2 города Ростова-на-Дону Мария Крючкова. Обучаясь в данной школе, она смогла «выиграть» бронзу по спортивной гимнастике в 2004 году в командном первенстве на Олимпийских играх в Афинах.

Таким образом, подобные организации помогают несовершеннолетним реализовать свой спортивный потенциал, не «отрываясь» от образовательного процесса. Также, мы видим, что вопрос о правовом статусе ребенка является спорной темой в области юридических наук. Данная правовая проблема порождает трудности защиты законных прав и интересов детей.

Проанализировав вышеизложенные положения, можно прийти к выводу, что правовой статус несовершеннолетних спортсменов имеет некоторые особенности. Для не достигших возраста восемнадцати лет спортсменов законодатель разрешает сверхурочную работу, подъем тяжестей в рамках тренировок, командировки, работу в праздничные и выходные дни. Безусловно, данный факт объясняется спецификой определенных видов спорта, сложностью нагрузок и тяжестью выполнимых работ. Однако законодателю следует более подробно урегулировать нормы, касающиеся уровня здоровья спортсменов, не достигших возраста восемнадцати лет.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, считаем важным отметить, что принятие плана основных мероприятий в рамках Десятилетия детства (2018-2027гг), утверждение Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года, актуализируют внимание государства к детскому спорту.

Вместе с тем, учитывая специфику детского организма, его физиологию и психику юного спортсмена, особые нагрузки, считаем необходимым конкретизировать предложения в отношении расширения мер социальной поддержки несовершеннолетних спортсменов:

- конкретизировать возрастную градацию несовершеннолетних спортсменов на три возрастные группы: 3-6 лет; 7-13 лет; 14-17 лет.
- обязательное финансирование государством (регионами) для юных спортсменов: спортивной экипировки, участия в соревнованиях и сборах, оздоровительных мероприятий, независимо от возраста спортсмена и достигнутых результатов, реабилитационных мероприятий, особенно в случае получения ими травм.

Такой подход будет способствовать с одной стороны доступности для детей и молодежи к занятиям спортом, с другой – государственному регулированию мер поддержки и защиты (на различных уровнях) всех юных спортсменов.

¹⁴Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации»

Библиография

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 24 июня 2019 г. по делу № 33-22470/2019.
2. Барков А.Ю. Организация тренировочного процесса по вольной борьбе. М., 2012. 84 с.
3. Газета «Красносулинский вестник». URL: <https://krasnoysuli.bezformata.com/listnews/yaroslav-savchenko-stal-ryatim/98631519/>
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2023).
5. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
7. Постановление Минтруда РФ от 7 апреля 1999 г. № 7 «Об утверждении Норм предельно допустимых нагрузок для лиц моложе восемнадцати лет при подъеме и перемещении тяжестей вручную».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».
9. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 мая 2022 г. № 342н «Об утверждении порядка прохождения обязательного психиатрического освидетельствования работниками, осуществляющими отдельные виды деятельности, его периодичности, а также видов деятельности, при осуществлении которых проводится психиатрическое освидетельствование».
10. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022).
11. Устав Международной ассоциации защиты прав спортсменов (21 сентября 2020 г.).
12. Федеральная служба государственной статистики Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/travmatizm/#i-3>
13. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
14. Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. от 09.01.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».
15. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации».

Problematic issues of the legal status of underage athletes

Nadezhda A. Kovtun

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Rostov Branch of the Russian State University of Justice,
344038, 66, Lenina ave., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: priemnaja_rfrap@mail.ru

Tat'yana P. Dumenko

Student,
Rostov Branch of the Russian State University of Justice,
344038, 66, Lenina ave., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: tatadumenko@yandex.ru

Abstract

The article discusses the characteristic features of the legal status of minors in the field of sports, from the point of view of the current legislation. An analysis is made of the legal framework governing the legal status of children and adolescents as subjects of labor activity. The acts that provide international legal protection of the rights of athletes, including minors, are being studied.

Taking into account the specifics of the child's body, its physiology and the psyche of a young athlete, special loads, the authors of the paper consider it necessary to specify proposals regarding the expansion of measures of social support for underage athletes: to specify the age gradation of underage athletes into three age groups: 3-6 years; 7-13 years old; 14-17 years old; mandatory funding by the state (regions) for young athletes: sports equipment, participation in competitions and training camps, recreational activities, regardless of the age of the athlete and the results achieved, rehabilitation activities, especially in case of injury. Such an approach will, on the one hand, contribute to the accessibility of sports for children and youth, and, on the other hand, to the state regulation of support and protection measures (at various levels) for all young athletes.

For citation

Kovtun N.A., Dumenko T.P. (2023) Problemnye voprosy pravovogo statusa nesovershennoletnikh sportsmenov [Problematic issues of the legal status of underage athletes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 202-210. DOI: 10.34670/AR.2023.91.78.031

Keywords

Minor athlete, professional sport, labor status, legal relations, legal status, labor activity.

References

1. Apellyatsionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 24 iyunya 2019 g. po delu № 33-22470/2019 [Appeal ruling of the IC in civil cases of the Moscow City Court dated June 24, 2019 in case No. 33-22470/2019].
2. Barkov A. Yu. (2012) Organizatsiya trenirovochnogo protsessa po vol'noi bor'be [Organization of the training process in freestyle wrestling]. Moscow.
3. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rosstat [Federal State Statistics Service Rosstat]. Available at: <https://rosinfostat.ru/travmatizm/#i-3> [Accessed 05/05/2023]
4. Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 28.02.2023) «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended on February 28, 2023) "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation"].
5. Federal'nyi zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ (red. ot 09.01.2023) «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 124-FZ of July 24, 1998 (as amended on January 9, 2023) "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation"].
6. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 27.02.2023) «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on February 27, 2023) "On Education in the Russian Federation"].
7. Gazeta «Krasnosulinskii vestnik» [The newspaper "Krasnosulinsky Bulletin"]. Available at: <https://krasnoysulini.bezformata.com/listnews/yaroslav-savcheenko-stal-pyatim/98631519/> [Accessed 05/05/2023]
8. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 01.01.2023) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on January 1, 2023)].
9. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020)].
10. Konventsiya o pravakh rebenka (N'yu-Iork, 20 noyabrya 1989 g.) [Convention on the Rights of the Child (New York, November 20, 1989)].
11. Postanovlenie Mintruda RF ot 7 aprelya 1999 g. № 7 «Ob utverzhdenii Norm predel'no dopustimyykh nagruzok dlya lits molozhe vosemnadsati let pri pod"eme i peremeshchenii tyazhestei vruchnuyu» [Decree of the Ministry of Labor of the Russian Federation of April 7, 1999 No. 7 "On approval of the Norms of maximum permissible loads for persons under eighteen years of age when lifting and moving weights manually"].
12. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 26.01.2010 № 1 «O primenenii sudami grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatel'stvam vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina» [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010 No. 1 "On the application by the courts of civil legislation governing relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen"].

13. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 20 maya 2022 g. № 342n «Ob utverzhdenii poryadka prokhozheniya obyazatel'nogo psikiatricheskogo osvidetel'stvovaniya rabotnikami, osushchestvlyayushchimi ot del'nye vidy deyatel'nosti, ego periodichnosti, a takzhe vidov deyatel'nosti, pri osushchestvlenii kotorykh provoditsya psikiatricheskoe osvidetel'stvovanie» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated May 20, 2022 No. 342n “On approval of the procedure for passing a mandatory psychiatric examination by employees engaged in certain types of activities, its frequency, as well as types of activities during which a psychiatric examination is carried out”].
14. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii» ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 19.12.2022) [Family Code of the Russian Federation” dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on December 19, 2022)].
15. Ustav Mezhdunarodnoi assotsiatsii zashchity prav sportsmenov (21 sentyabrya 2020 g.) [Charter of the International Association for the Protection of the Rights of Athletes (September 21, 2020)].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.27.32.032

Статус эксперта в правовом пространстве России

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,

Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Статус эксперта в правовом пространстве России – это вопрос, требующий всестороннего анализа и изучения. В современном обществе, где право играет ключевую роль, определение статуса и роли эксперта является неотъемлемой частью развития правовой системы. Проблематика правового статуса эксперта охватывает широкий спектр вопросов – от определения критериев признания экспертной компетенции до обязанностей и ответственности эксперта перед обществом и государством. В настоящее время в России статус эксперта напрямую регулируется несколькими нормативными актами, включая Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако, несмотря на наличие законодательных актов, вопросы, связанные с определением статуса эксперта, остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения и разработки со стороны научного сообщества.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В. Статус эксперта в правовом пространстве России // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 211-218. DOI: 10.34670/AR.2023.27.32.032

Ключевые слова

Статус эксперта, экспертная компетенция, правовая система, правоприменительная практика, законодательное регулирование.

Введение

Исследования российских правоведов в данной области играют важную роль в формировании представления о статусе эксперта. Работы таких ученых, как Е.Р. Россинская, В.А. Туманов, А.В. Гусев, Я.В. Комиссарова и др. являются ценными источниками информации и аргументации при изучении проблематики статуса эксперта. Их исследования позволяют более глубоко понять сущность и содержание этого статуса, а также выработать рекомендации по его совершенствованию.

Основная часть

Статус эксперта в правовом пространстве России имеет длительную историю развития, начиная с формирования современной правовой системы России. Первые упоминания о роли эксперта в отечественных правовых документах можно найти уже в средневековье, когда приглашались специалисты для осуществления оценки и заключений по определенным юридическим вопросам. Одно из первых нормативно урегулированных видов экспертиз в России было исследование документов и почерка с целью выявления подложных документов. В Псковской судной грамоте 1397 г. получило отражение положение о признании недействительности грамот в случае установления их подложными [Малютин, 2012, с. 267]. Однако, настоящее признание статуса эксперта произошло в 19 веке.

С началом индустриального развития и увеличением сложности юридических споров, стало необходимым привлечение профессиональных экспертов для разрешения правовых конфликтов. В 1864 году был принят Устав гражданского судопроизводства, по сути первый Гражданско-процессуальный кодекс Российской империи [Назарова, 2012], который явился одним из изначальных нормативных правовых актов, содержащих положения о привлечении экспертов в правовые процессы.

Следует указать, что Судебная реформа 1864 оказала существенное влияние на развитие судебных экспертиз, установила необходимость более широкого использования научных познаний при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел [Россинская, 2015, с. 22].

Устав Уголовного судопроизводства определял положение экспертизы следующими нормами статей:

112. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, иекуствѣ, ремесле, промысле илп какомъ либо заятіи, приглашаются свѣдущіе люди.

325. Свѣдущіе люди приглашаются въ тѣхъ случаяхъ, когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ либо занятіи [www, Устав уголовного судопроизводства].

Со временем значимость роли эксперта в правовом пространстве только увеличивалась. В Советской России были приняты ряд законодательных актов, регулирующих статус эксперта и порядок его назначения. С 1 марта 1919 г. в Москве при Центросуде начал функционировать Кабинет судебной экспертизы [www, кабинет судебной экспертизы].

В 1971 году (16 марта) обсудив практику рассмотрения судами уголовных дел, Пленум Верховного Суда СССР принял Постановление «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Постановление ВС СССР].

С 1991 года, с началом периода перестройки и формирования новой правовой системы Российской Федерации, статус эксперта получил еще большую значимость. Одним из основных нормативных правовых актов, регулирующих статус эксперта в России, является уже упомянутый выше Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года. Данный закон устанавливает общие принципы и правила осуществления экспертизы, определяет требования к экспертам, а также регулирует порядок признания экспертизы в суде.

Кроме того, значительное влияние на развитие статуса эксперта в России оказывают исследования российских правоведов. Например, исследование профессора Е.Р. Россинской «О правовом статусе судебного эксперта» подробно рассматривает исторические аспекты становления и развития этого статуса в России [Россинская, 2018].

Таким образом, история развития статуса эксперта в правовом пространстве России имеет длительную историю, начиная с Российской империи и до настоящего времени. Действующее законодательство Российской Федерации регулирует основные положения деятельности эксперта, а доктринальные исследования российских правоведов помогают более глубоко понять исторические аспекты развития данного феномена.

Статус эксперта в правовом пространстве России является важным и престижным, поскольку он дает возможность оказывать профессиональную помощь в решении юридических вопросов и принимать участие в судебных процессах. Однако, для того чтобы получить статус эксперта, необходимо соответствовать определенным критериям и пройти специальную процедуру признания.

Один из основных критериев, которыми руководствуются при признании лица экспертом, является наличие высшего образования. Кроме того, для получения статуса эксперта необходимо иметь опыт работы в определенной сфере проведения экспертизы, по общему правилу минимальный опыт практической деятельности составляет 3-5 лет. Указанное требование может быть изменено в зависимости от конкретной области правоприменения, в которой соискатель желает работать экспертом.

Процедура признания лица экспертом в различных сферах деятельности осуществляется на основании действующего федерального законодательства, нормативных правовых актов регуляторов (федеральных органов исполнительной власти) и (или) локальных квалификационных требованиях. В рамках данной процедуры соискатель, желающий стать экспертом, должен подать заявление в уполномоченный орган, указав в нем свои специальные знания и опыт работы. Заявление рассматривается, аккредитационной или квалификационной комиссией, которая проводит проверку предоставленных данных и принимает решение о признании лица экспертом.

При разработке критериев и процедуры признания лица экспертом учитывается нормативные правовые акты Российской Федерации и результаты исследований представленных документов.

Следует отметить актуальность роли эксперта в судебных процессах и правоприменительной практике России. В отечественном правовом пространстве эксперт является важным и неотъемлемым элементом судебного процесса, а также правоприменительной практики. Его роль заключается в предоставлении научно-обоснованных заключений и экспертных выводов по вопросам, требующим специальных знаний и опыта. Действия эксперта описаны в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Согласно статье 57 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), эксперт является

лицом, имеющим специальное знание в определенной области науки, техники или иной сферы деятельности. Он назначается судом для проведения экспертизы по уголовным делам, гражданским делам и другим видам дел, требующим специальных знаний. Экспертное заключение является одним из процессуальных документов, на основании которого принимается решение суда.

Важность роли эксперта в судебных процессах подтверждена исследованиями российских правоведов. В работе А.П. Рыжакова «Эксперт в уголовном процессе» отмечается, что экспертные заключения являются неотъемлемой частью уголовного процесса и имеют большое значение для вынесения судом беспристрастного и справедливого решения [Рыжаков, 2006]. По частно-научному мнению автора, экспертизы должны быть назначены в случаях, когда суд не может самостоятельно определить факты дела или требуется специализированный контент знаний.

Следует отметить, что роль эксперта распространяется не только на уголовные процессы, но и на гражданские дела. Согласно статье 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), суд может назначить экспертизу для получения заключения по вопросам, связанным с научной, технической или иной специальной областью знаний. Это позволяет более глубоко изучить спорный вопрос и принять обоснованное решение.

Нормативные правовые акты также устанавливают требования к экспертам, их компетенции и порядку проведения экспертизы. Например, Федеральным законом от 28.12.2013 № 412-ФЗ (в действующей редакции) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» статьей 12 утверждены правила аттестации экспертов по аккредитации, включению физических лиц в реестр технических экспертов. Эти правила определяют порядок назначения экспертизы, права и обязанности эксперта, а также требования к его квалификации.

Таким образом, роль эксперта в судебных процессах и правоприменительной практике России является значимой и необходимой. Экспертные заключения помогают суду принять обоснованное решение на основе научных данных и специализированных знаний.

Как уже отмечалось выше, статус эксперта в правовом пространстве России является важным и ответственным, однако, существуют определенные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются эксперты в своей работе. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, одной из основных проблем является отсутствие единого законодательного регулирования статуса эксперта. На данный момент, в России нет специального закона, который бы унифицировано регулировал статус и деятельность экспертов. Отсутствие такого закона создает некоторую неопределенность и разногласия в толковании правовых норм, касающихся экспертной деятельности. В правоприменительной практике это может приводить к возникновению коллизий.

Во-вторых, недостаточная квалификация и (или) профессионализм некоторых экспертов также являются проблемой. Нередко возникают случаи, когда эксперты не обладают достаточными знаниями и опытом в своей области, что может приводить к неправильным выводам и недостоверным результатам экспертизы. В этой связи необходимо развивать систему обучения и аттестации экспертов, а также проводить контроль качества их работы.

В-третьих, еще одной проблемой является возможность вмешательства в работу экспертов и влияние сторонних интересов на результаты экспертизы. Возможное давление на экспертов и манипуляции с результатами их работы в целях достижения определенных политических или коммерческих целей. Это подрывает независимость и объективность экспертизы, а также доверие к ней со стороны общества. Для решения этой проблемы необходимо усилить

юридические механизмы гарантии независимости экспертного сообщества, а также предусмотреть уголовную ответственность за вмешательство в деятельность экспертов.

В-четвертых, стоит отметить проблему доступности экспертных услуг для всех слоев населения. Часто стоимость проведения экспертизы является значительной и не всегда доступной для широкого круга граждан. Это может создавать неравенство перед законом и ограничивать доступ к правосудию. Необходимо разработать механизмы государственной поддержки и финансирования экспертных услуг для граждан с низким уровнем дохода, а также предусмотреть возможность бесплатного или льготного получения экспертных заключений в определенных случаях.

В-пятых, одной из проблем, с которыми сталкиваются эксперты в правовом пространстве России, является отсутствие обобщенных данных, касающихся экспертной деятельности. Недостаток таких данных затрудняет оценку эффективности работы экспертов, а также разработку и внедрение новых методик и подходов в экспертизе. В этой связи требуется создавать открытые базы данных по результатам экспертизы (контент экспертных заключений).

Проблемы, с которыми сталкиваются эксперты, требуют принятия мер со стороны государства, включая разработку нормативных правовых актов, повышение квалификации экспертов и контроль за деятельностью экспертов, обеспечение их независимости и равной доступности к экспертной оценке для всех слоев населения, а также сбор обобщенных данных по экспертной деятельности. Только при условии решения вышеуказанных проблем можно говорить о повышении эффективности и доверия к экспертам в правовом пространстве России.

Заключение

Вопрос о статусе эксперта в правовом пространстве России остается актуальным и требует дальнейшего изучения. Законодательство и научные исследования являются основой для разработки эффективных механизмов признания экспертной компетенции и определения ответственности экспертов перед обществом и государством.

Одним из путей развития статуса эксперта в правовой системе России может стать активное использование современных информационных технологий. Возможность проведения удаленной экспертизы, использование баз данных и алгоритмов порядка и правил проведения экспертизы позволят повысить эффективность и качество экспертных заключений, а также обеспечить их доступность для широкого круга специалистов и общественности.

Также важно развивать научные исследования в области экспертной деятельности, что позволит улучшить методологический подход к проведению экспертизы.

Библиография

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023)
2. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (с изменениями на 1 июля 2021 года)
3. Гусев, А. В. Встречная экспертиза в состязательном процессе использования специальных знаний / А. В. Гусев // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность: теория и практика: материалы VI Международной научно-практической конференции, Краснодар, 27 апреля 2018 года / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2018. – С. 120-124. – EDN NLWXEN.
4. Гусев, А. В. Правовые проблемы объективизации процесса судебной экспертизы / А. В. Гусев, Э. С. Данильян // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – № 4(8). – С. 114-120. – DOI

- 10.33184/vest-law-bsu-2020.8.17. – EDN JAEITC.
5. Демидов, А. А. Статус эксперта в уголовном процессе: отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста / А. А. Демидов // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 6(63). – С. 437-441. – EDN TBFLBZ.
 6. Елисеенко, С. Процессуальный статус эксперта: отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста в уголовном процессе / С. Елисеенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3(68). – С. 22-24. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-3-22-24. – EDN IZDJSS.
 7. Интернет-источник, кабинет судебной медицины, <https://web.archive.org/web/20151106074326/>
 8. Комиссарова, Я. В. О профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации / Я. В. Комиссарова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 25, № 1. – С. 124-128. – DOI 10.21779/2224-0241-2018-25-1-124-128. – EDN WCSECL.
 9. Назарова Н.А., Устав гражданского судопроизводства – первый гражданско-процессуальный кодекс // Экономика и право. 2012. № 1 (11).
 10. Малютин, М. А. История развития института экспертизы / М. А. Малютин // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 4 (36). – С. 265-268. – EDN PFCYAN.
 11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 "О судебной экспертизе по уголовным делам"
 12. Россинская, Е. Р. История становления и развития института судебной экспертизы в России / Е. Р. Россинская, А. М. Зинин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 12 (16). – С. 18-37. – EDN VVRRZD.
 13. Россинская, Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта / Е. Р. Россинская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7 (47). – С. 15-24. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.47.7.015-024. – EDN XYHSUX.
 14. Рыжаков, А. П. Эксперт в уголовном процессе / А. П. Рыжаков. – Москва : Экзамен, 2007. – 801 с. – ISBN 978-5-377-00364-9. – EDN RAYBPH.
 15. Слабкая, Д. Н. Алгоритмы решения экспертных задач / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 3А. – С. 274-280. – EDN NWUJQ.
 16. Судебная экспертиза: типичные ошибки [Текст] / [Россинская Е. Р. и др.]; под ред. Е. Р. Россинской. - Москва : Проспект, 2014. - 544 с.; ISBN 978-5-392-13423-6
 17. Туманов, А. К. Основы судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств [Текст] / А. К. Туманов. – Москва : Медицина, 1975. - 408 с.
 18. Устав уголовного судопроизводства 1864 года:
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003083173/?ysclid=ll4w4sapwg650192969

Status of an expert in the legal space of Russia

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor;

Chief Researcher,

Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;

Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;

Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;

e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The status of an expert in the legal space of Russia is an issue that requires comprehensive analysis and study. In today's society, where law plays a key role, determining the status and role of

Aleksei V. Novikov

an expert is an integral part of the development of the legal system. The issue of the legal status of an expert covers a wide range of issues - from determining the criteria for recognizing expert competence to the duties and responsibilities of an expert to society and the state. Currently, in Russia, the status of an expert is directly regulated by several regulations, including the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation". However, despite the existence of legislative acts, issues related to determining the status of an expert remain open and require further study and development by the scientific community.

For citation

Novikov A.V. (2023) Status eksperta v pravovom prostranstve Rossii [Status of an expert in the legal space of Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 211-218. DOI: 10.34670/AR.2023.27.32.032

Keywords

Expert status, expert competence, legal system, law enforcement practice, legislative regulation

References

1. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 24.06.2023)
2. Federal'nyy zakon «O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii» ot 31.05.2001 № 73-FZ (s izmeneniyami na 1 iyulya 2021 goda)
3. Gusev, A. V. Vstrechnaya ekspertiza v sostyazatel'nom protsesse ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy / A. V. Gusev // Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatelnost': teoriya i praktika : materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar, 27 aprelya 2018 goda / Krasnodarskiy universitet MVD Rossii. – Krasnodar: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya "Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii", 2018. – S. 120-124. – EDN NLWXEN.
4. Gusev, A. V. Pravovyye problemy ob'yektivizatsii protsessu sudebnoy ekspertizy / A. V. Gusev, E. S. Danil'yan // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 4(8). – S. 114-120. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.8.17. – EDN JAEITC.
5. Demidov, A. A. Status eksperta v ugovolnom protsesse: otlichiya protsessual'nykh statusov eksperta i spetsialista / A. A. Demidov // Vestnik nauki. – 2023. – T. 3, № 6(63). – S. 437-441. – EDN TBFLBZ.
6. Yeliseyenko, S. Protsessual'nyy status eksperta: otlichiya protsessual'nykh statusov eksperta i spetsialista v ugovolnom protsesse / S. Yeliseyenko // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2022. – № 5-3(68). – S. 22-24. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-5-3-22-24. – EDN IZDJSS.
7. Internet-istochnik, kabinet sudebnoy meditsiny, <https://web.archive.org/web/20151106074326/>
8. Komissarova, YA. V. O professional'nom statuse eksperta v Rossiyskoy Federatsii / YA. V. Komissarova // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – T. 25, № 1. – S. 124-128. – DOI 10.21779/2224-0241-2018-25-1-124-128. – EDN WCSECL.
9. Nazarova N.A., Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva – pervyy grazhdansko-protsessual'nyy kodeks // Ekonomika i pravo. 2012. 2012. № 1 (11).
10. Malyutin, M. A. Istoriya razvitiya instituta ekspertizy / M. A. Malyutin // Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2012. – № 4 (36). – S. 265-268. – EDN PFCYAN.
11. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 16.03.1971 № 1 "O sudebnoy ekspertize po ugovolnym delam"
12. Rossinskaya, Ye. R. Istoriya stanovleniya i razvitiya instituta sudebnoy ekspertizy v Rossii / Ye. R. Rossinskaya, A. M. Zinin // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). – 2015. – № 12 (16). – S. 18-37. – EDN VVRRZD.
13. Rossinskaya, Ye. R. O pravovom statuse sudebnogo eksperta / Ye. R. Rossinskaya // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). – 2018. – № 7 (47). – S. 15-24. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.47.7.015-024. – EDN XYHSUX.
14. Ryzhakov, A. P. Ekspert v ugovolnom protsesse / A. P. Ryzhakov. – Moskva : Ekzamen, 2007. – 801 s. – ISBN 978-5-377-00364-9. – EDN RAYBPH.
15. Slabkaya, D. N. Algoritmy resheniya ekspertnykh zadach / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 3A. – S. 274-280. – EDN NWUJQ.
16. Sudebnaya ekspertiza: tipichnyye oshibki [Tekst] / [Rossinskaya Ye. R. i dr.] ; pod red. Ye. R. Rossinskoy. - Moskva : Prospekt, 2014. - 544 s.; ISBN 978-5-392-13423-6

17. Tumanov, A. K. Osnovy sudebno-meditsinskoj ekspertizy veshchestvennykh dokazatel'stv [Tekst] / A. K. Tumanov. – Moskva : Meditsina, 1975. - 408 s.
18. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003083173/?ysclid=114w4sapwg650192969

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.94.39.033

Сверхимперативные нормы и международный коммерческий арбитраж

Рзаев Рамиль Гуммат оглы

Магистр,

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации,

119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;

e-mail: umo41.00.00@gimo.ru

Аннотация

Защита государственных интересов сегодня становится одной из важнейших задач обеспечения суверенитета страны. В этой связи в условиях глобальной турбулентности опора на международное право в решении конфликтов между странами становится одной из наиболее важных задач международной политики в сфере права. Это исследование посвящено систематизации и обзору практики применения сверхимперативных норм в международном праве, в частности, в коммерческом арбитраже. Цель исследования заключается в систематизации существующих практик и законодательных прецедентов в части коммерческого арбитража и использования сверхимперативных норм в этой сфере. Основные результаты исследования, обладающие теоретической и практической значимостью, включают: указание на то, что характер и формы применения сверхимперативных норм различны в зависимости от страны и региона; охарактеризованы основные российские императивные нормы, дано описание практики их применения и практики применения императивных норм других государств к российским резидентам. Проблема установления содержания сверхимперативных норм, применения данных норм международным коммерческим арбитражем не закреплена законодателем в соответствующих нормативно-правовых актах, а также не нашла подробного отражения в практике ведущих арбитражных институтов. Очевидно, что в дальнейшем специалистам в данной области необходимо будет проделать большую работу в целях разрешения спорных ситуаций касательно понимания и применения сверхимперативных норм арбитражем и выработки единой, четкой и полноценной позиции по поставленной проблематике.

Для цитирования в научных исследованиях

Рзаев Р.Г. Сверхимперативные нормы и международный коммерческий арбитраж // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 219-227. DOI: 10.34670/AR.2023.94.39.033

Ключевые слова

Международное право, коммерческий арбитраж, частное право, сверхимперативные нормы, арбитраж.

Введение

В современном международном частном праве существует особая группа норм, известные как сверхимперативные нормы, роль которых сводится к обеспечению защиты особо важных интересов общества и государства на международной арене. Невозможно не отметить, что такие нормы учитываются международным коммерческим арбитражем, роль которого велика в международной частноправовой деятельности и деятельность которого заключается, в основном, в разрешении споров, возникающих из международных коммерческих сделок. При разрешении коммерческих споров могут возникнуть определенные затруднения, в частности, в сфере признания и приведения в исполнение решения третейского суда на территории иностранного государства. Одним из широко распространенных оснований для отказа является противоречие публичному порядку, к которому может привести неприменение арбитражем тех самых сверхимперативных норм.

Основная часть

Важно отметить, что используются различные термины для обозначения данных норм. Согласно ч. 1 ст. 9 Регламента Европарламента и Совета ЕС № 593 от 17 января 2008 года «О праве, применимом к договорным обязательствам», сверхимперативные нормы – это положения, соблюдение которых признано государством в качестве имеющего существенное значение для охраны ее публичных интересов, таких как политическое, социальное или экономическое устройство, в такой степени, что они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению [Regulation..., 2008].

В соответствии с ст. 1192 действующей редакции Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) они называются «нормами непосредственного применения». Для установления определения таких норм в законодательстве зарубежных государств юристы прибегают к следующим формулировкам: «преобладающие императивные положения» (*overriding mandatory provisions*), «вторгающиеся нормы» (*Eingriffsnormen*), «нормы необходимого применения» (*norme di applicazione necessaria*). Интересно, что в доктрине и судебной практике Российской Федерации чаще всего применяется термин «сверхимперативные нормы». Поэтому и в данной статье мы будем обозначать такие положения как «сверхимперативные нормы» для обеспечения единообразия в понимании правовой природы этих норм.

Вследствие неприменения такой группы норм решения иностранных третейских судов по частноправовым спорам порой не могут быть приведены в исполнение на территории другого иностранного государства, так как это может (но не во всех случаях) породить противоречие публичному порядку такого государства. В данной работе будут проанализированы как правовая природа, понятие, признаки сверхимперативных норм в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран, так и их роль, а также значение в деятельности международного коммерческого арбитража.

У любого государства, то есть суверенного публично-правового образования, имеются определенные интересы, имеющие особую важность и подлежащие особой охране, что и обуславливает существование сверхимперативных норм. Сверхимперативные нормы, в частности, имеют следующие признаки [Ахметова, 2017]:

- Являются нормами национального законодательства того или иного государства;
- Лимитируют не только автономию воли соответствующих сторон, но также выбор права согласно коллизионным нормам.

Чтобы глубже понять суть сверхимперативных норм, нужно учитывать, что традиционный механизм действия коллизионного регулирования предусматривает порядок определения применимого права, который не зависит от воли участников соответствующего общественного отношения, а также государств.

Следует учесть, что указанный порядок имеет значительное с точки зрения участников международного оборота преимущество, а именно, предсказуемость. При этом не исключено, что в некоторых случаях результат, возникающий вследствие реализации этого механизма, будет не соответствовать интересам сторон.

То есть можно заключить, что несмотря на вполне ясные и определенные нормативные правила, их применение все же может привести к неприемлемому результату [Засемкова, 2015].

Тем не менее, уже в XX веке усилилась концепция, согласно которой при определении применимого права необходимо принимать во внимание:

- суть соответствующего общественного отношения,
- интересы участников данного отношения,
- его связь с различными государствами, включая интересы, которые заложены в тех или иных нормах правовых систем указанных государств.

Описанная выше трансформация обусловлена преимущественно происходящими интеграционными процессами, которые предполагают, что множество современных правоотношений так или иначе содержат иностранные элементы, что объясняет необходимость для правоприменителя индивидуально подходить к каждому правоотношению [Засемкова, 2016]. Можно, в частности, привести пример, когда организация, которая была «зарегистрирована российскими лицами на о. Гернси, заявляет в английском суде требование к своему единоличному исполнительному органу, находящемуся на территории России, о возмещении убытков, вызванных различными спекулятивными действиями на Лондонской бирже металлов, на основании нарушения обязанностей директора согласно английскому праву» [Международное частное право, 2011].

Таким образом, из изложенного следует, что в настоящее время не представляется возможным руководствоваться лишь одной выбранной либо определенной согласно коллизионным нормам правовой системой. Видится желательным принимать во внимание нормы различных правовых систем, так или иначе связанных с соответствующим правоотношением. Суть сверхимперативных норм состоит в поиске компромисса между указанными выше ценностями.

Что касается сверхимперативных норм в Российской Федерации, необходимо отметить следующее.

Согласно пункту 1 статьи 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – ГК РФ) нормы раздела, посвященного в ГК РФ вопросам международного частного права, не затрагивают юридическую силу императивных норм национального права России, которые в силу указания в данных императивных нормах или в связи с их особым значением, в том числе для реализации прав и охраняемых законом интересов соответствующих участников оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения).

Из изложенного непосредственно следует, что сверхимперативными в Российской

Федерации следует считать нормы в следующих случаях:

- В них самих имеется соответствующее указание, либо
- Они имеют особое значение в соответствии с усмотрением суда или сложившейся практикой.

Говоря о неполной определенности формулировки «имеют особое значение», необходимо обратить внимание на то, что после нее в нормативном тексте фигурируют слова «в том числе», что указывает на условную ограниченность пределом «особого значения» и тем более на то, что эта формулировка не исчерпывается обеспечением прав и охраняемых законом интересов соответствующих участников оборота.

Согласно пункту 2 статьи 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации, в случае применения норм национального права какого-либо государства согласно нормам раздела VI ГК РФ суд вправе учесть императивные нормы права другого государства, имеющего тесную связь с правоотношением, если согласно праву этого государства такие нормы являются нормами непосредственного применения. Суд в указанном случае обязан принять во внимание назначение и характер таких норм, а также последствия их применения или неприменения, когда суд решает, следует ли ему применять такие нормы иностранного права.

В качестве примера государства, с которым могут быть тесно связаны правоотношения, можно привести страну – место исполнения того или иного договора.

В различных зарубежных государствах сверхимперативные нормы определяются по-разному. Так, например, говоря о Швейцарии, Верховный Суд данного государства отмечает, что сверхимперативные нормы являются нормами, «защищающими наиболее значимые интересы государства, отдельных категорий лиц, а также всего общества в целом» [Büchler, 2001].

Верховный Суд Чехии указывает, что «сверхимперативными являются положения, имеющие основополагающее значение для государства, и, в частности, нормы, закрепляющие основные права и свободы, а также демократические ценности, составляющие основы правопорядка Чехии» [Sadowski, 2010].

В Германии суд по делу *Piloten* определил, что сверхимперативными нормами являются те нормы, регулирование которых «направлено на реализацию социальной, а также экономической политики государства (независимо от того, являются ли они нормами частного или публичного права), и воздействующие на трансграничные частноправовые общественные отношения путем соответствующих запретов, а также разрешающих оговорок (при условии, что такие нормы приняты в целях защиты не только частных, но и публичных интересов)» [BAG, 1992].

В национальном законодательстве Республики Корея, а также в судебной практике в Канаде (провинция Квебек) под сверхимперативными нормами понимаются, как правило, такие нормы национального права, которые на основе их особого назначения подлежат применению к соответствующим общественным отношениям независимо от норм применимого права [Conflict of Laws Act, 2001].

В этой связи отмечается, что приведенные выше законодательные и судебные определения понятия сверхимперативной нормы не позволяют исчерпывающим образом дефинировать рассматриваемое явление. Основная критика данных определений сосредоточена на том, что сверхимперативные нормы в предложенных формулировках мало чем отличаются от императивных норм, при том, что последние также имеют важное значение для национального правопорядка, общества и обеспечения интересов государства.

Определенные проблемы с дефинициями сверхимперативных норм возникают и в праве

Европейского Союза.

Так, в Регламенте Рим I (статья 9) речь идет о существенном значении сверхимперативных норм именно для государств, то есть членов Европейского Союза.

Однако в этой связи не стоит забывать о достаточно широком предмете регулирования права Европейского Союза, в том числе, в части защиты публичного интереса (например, защита конкуренции) [Consolidated version of the Treaty on European Union, 2012].

Более того, данный предмет регулирования является динамичным и движется в сторону расширения в публичной сфере, например, в области экологического регулирования. Речь идет, разумеется, о ряде проектов регламентов, реализующих положения «Зеленой сделки» Европейского Союза [Proposal for a Regulation of the European Parliament, 2021].

Приведенное выше положение регламента Рим I, как известно, говорит лишь о значении сверхимперативных норм применительно к интересам государств, к числу которых теория государства, международное право, а также иные отраслевые юридические науки не относят Европейский Союз.

Однако в доктрине и судебной практике была выработана позиция, согласно которой соответствующие нормы, направленные на защиту публичного интереса Европейского Союза, также могут признаваться сверхимперативными [Plender, 2001].

Далее необходимо оценить значение проблемы применения сверхимперативных норм в международном коммерческом арбитраже. Как указывает А. Гузман, примерно 90% трансграничных контрактов включают в себя арбитражные оговорки [Guzman, 2000]. Между тем в арбитраже, как и в государственных судах, вполне может встать вопрос применения тех или иных норм. Но, в отличие от государственных судов, арбитры формально не связаны обязанностью применения сверхимперативных норм, так как арбитраж является негосударственным институтом по разрешению споров и не обязан охранять правопорядок государства, в котором он находится (постоянно действующий) или рассматривает спор.

Рабочей группой Комиссии по коммерческому праву и практике были разработаны рекомендации выявления права, применимого к международным контрактам.

Данный документ, в частности, предусматривал необходимость учета арбитрами сверхимперативных норм страны, имеющей тесную связь с соответствующим договором либо сторонами, а также государства – места исполнения решения [Baniassadi, 1992]. Однако данные рекомендации в итоге не были приняты.

Рассуждая о практике международного коммерческого арбитража, мы не можем обойти стороной такие источники как Принципы УНИДРУА 2010 г. (на текущий момент применяются Принципы в редакции 2016 года, однако релевантная практика сложилась при применении редакции 2010 года), а также Гагские принципы 2015 г. [Принципы выбора права, 2015]. В частности, пункт 5 статьи 11 последнего документа содержит положение, согласно которому данные принципы не препятствуют применять либо принимать во внимание арбитрами соответствующие сверхимперативные нормы того или иного государства.

Что касается Принципов УНИДРУА, в комментариях к данному документу сказано, что арбитры обязаны принимать во внимание сверхимперативные нормы, как минимум, государства, на территории которого соответствующее решение должно быть признано и исполнено [UNIDROIT Principles, 2010].

Любопытным документом в рассматриваемом вопросе является Резолюция Ассоциации международного права № 6/2008 «Об установлении содержания применимого права международным коммерческим арбитражем» [International Law Association, 2008].

Пункт 13 указанной резолюции предусматривает, что соответствующие арбитры имеют право исследовать вопрос применения тех или иных императивных норм в том числе при отсутствии указания сторон, то есть *ex officio*.

Говоря непосредственно о практике арбитражей, следует рассмотреть дело № 8528 Арбитража МТП [ICC Award, 2000]. В данном деле суд заключил, что сверхимперативные нормы подлежат применению, несмотря на то что стороны выбрали швейцарское право в качестве применимого. Суд сослался на критерий тесной связи с государством, установившим соответствующее положение, а также на критерий учета последствий применения/неприменения соответствующей нормы.

Арбитраж при Экономической палате Чехии в аналогичном деле указал, что текущее положение теории и практики других государств, а также международные договоры (например, Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским договорам 1978 г., Римская конвенция 1980 г. и др.) подтверждают необходимость принятия во внимание сверхимперативных норм третьих государств [Arbitral Award, 1995].

Приведенные документы, хотя они и не применяются к арбитражу, все же иллюстрируют консенсус по указанному вопросу, отметил суд.

Но все же, если та или иная сверхимперативная норма не имеет тесной связи с соответствующей территорией, она не подлежит применению [ICC Award, 1990].

В результате, как представляется, преимущественным является взгляд на применение арбитражами сверхимперативных норм, согласно которому арбитры относительно свободны в определении применимых сверхимперативных норм. Однако их применение является отнюдь не произвольным, а должно учитывать, в первую очередь, наличие или отсутствие «специальной связи» (*special connection theory*). Позитивной чертой данной теории является то, что применение той или иной сверхимперативной нормы определяется индивидуально применительно к каждому спору, негативной – отсутствие ясных и определенных критериев выявления тесной связи.

Заключение

Таким образом, в международном частном праве выделяется особая категория правовых норм, известная как «сверхимперативные нормы», которые применяются при регулировании трансграничных частноправовых отношений. Невозможно не учитывать их значение и, по сути, глобальное влияние на деятельность международного коммерческого арбитража. Сущность данных норм сводится к тому, что они направлены на обеспечение защиты основополагающих, фундаментальных интересов государства, прав и законных интересов лиц, которые выступают в качестве слабой стороны в гражданско-правовых отношениях, осложненных иностранным элементом. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что сверхимперативные нормы направлены не на блокировку коллизионного механизма в целом, а на защиту важных интересов государственно-общественного строя.

Нарушение или неприменение сверхимперативных норм само по себе не является основанием отказа в приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Такое нарушение должно сопровождаться дополнительными обстоятельствами. В качестве одного из таких в большинстве государств признается нарушение публичного порядка. В России под этим понимается нанесение ущерба суверенитету или безопасности государства, нарушение интересов больших социальных групп, а также нарушение конституционных прав и свобод.

Важно подчеркнуть, что проблема установления содержания сверхимперативных норм, применения данных норм международным коммерческим арбитражем не закреплена законодателем в соответствующих нормативно-правовых актах, а также не нашла подробного отражения в практике ведущих арбитражных институтов. Очевидно, что в дальнейшем специалистам в данной области необходимо будет проделать большую работу в целях разрешения спорных ситуаций касательно понимания и применения сверхимперативных норм арбитражем и выработки единой, четкой и полноценной позиции по поставленной проблематике.

Библиография

1. Айриян Э.В. Выбор между отдельной апелляционной инстанцией и международным инвестиционным судом: ключевой аспект реформы инвестиционного арбитража // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 52-55.
2. Ахметова А.Т., Волкова Н.С. Сверхимперативные нормы в международном частном праве // E-Scio. 2017. № 12 (15). С. 212-218.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021), статья 1192.
4. Засемкова О.Ф. К вопросу о понятии и признаках сверхимперативных норм международного частного права // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 4. С. 86-91.
5. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: проблемы теории и современные тенденции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 2. С. 61-65.
6. Лебедев С.Н. (ред.) Международное частное право. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 166.
7. Принципы выбора права, применимого к международным коммерческим договорам (одобрены 19 марта 2015 г., вступили в силу 19 марта 2015 г.)
8. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/
9. Arbitral Award № Rsp 78/92. 22.03.1995.
10. BAG. URL: <http://lexetius.com/2014,4988/>
11. Baniassadi M.R. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration? // Berkley Journal of International Law. 1992. Vol. 10. Issue 1. P. 63.
12. Büchler M. Choice of Swiss Law – No Escape Route to Avoid Application of International Sanctions // Newsletter. 2001. № 29. P. 6.
13. Conflict of Laws Act // Journal of Korean Law. 2001. Volume 1. № 2. P. 205.
14. Consolidated version of the Treaty on European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/resource.html>
15. Guzman A. Arbitrator liability: Reconciling Arbitration and Mandatory Rules // Duke Law Journal. 2000. № 49. P. 1281.
16. ICC Award № 8528 // YB Com. Arb. XXV. 2000. P. 341-346.
17. ICC Award № 4132 // Collection of ICC Arbitral Awards. 1974-1985. Deventer, 1990. P. 164.
18. International Law Association Recommendations on Ascertainning the Contents of the Applicable Law in International Commercial Arbitration. Resolution № 6/2008 of 21.08.2008. URL: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/19>
19. Plender R.M. The European Contracts Convention: The Rome Convention on the Choice of Law for contracts. London, 2001. P. 357.
20. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2019/631 as regards strengthening the CO2 emission performance standards for new passenger cars and new light commercial vehicles in line with the Union's increased climate ambition. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0556>
21. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I).
22. Sadowski W. Effect of Bankruptcy Proceedings in Poland on Arbitration Proceedings Conducted Abroad: Remarks based on the Elektrim case // Arbitration E-Review. 2010. № 2. P. 10-11.
23. UNIDROIT Principles 2010: Commentary. URL: <http://www.unidroit.org/instruments/com/mercial-contracts>

Super-imperative rules and international commercial arbitration

Ramil' G. Rzaev

Master's Degree,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: umo41.00.00@mgimo.ru

Abstract

Today, the protection of state interests is becoming one of the most important tasks of ensuring the country's sovereignty. In this regard, in the context of global turbulence, reliance on international law in resolving conflicts between countries is becoming one of the most important tasks of international politics in the field of law. This study is devoted to the systematization and review of the practice of applying super-imperative norms in international law, in particular, in commercial arbitration. The purpose of the study is to systematize existing practices and legislative precedents in terms of commercial arbitration and the use of super-mandatory rules in this area. The main results of the study include an indication that the nature and forms of application of super-imperative norms are different depending on the country and region; the main Russian peremptory norms are characterized, the practice of their application and the practice of applying the peremptory norms of other states to Russian residents is given. The problem of establishing the content of super-imperative norms, the application of these norms by international commercial arbitration is not enshrined by the legislator in the relevant regulatory legal acts, and has not been reflected in detail in the practice of leading arbitration institutions. Obviously, in the future, specialists in this field will need to do a lot of work in order to resolve disputes regarding the understanding and application of super-imperative rules by arbitration and the development of a unified, clear and complete position on the issues raised.

For citation

Rzaev R.G. (2023) Sverkhimperativnye normy i mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh [Super-imperative rules and international commercial arbitration]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 219-227. DOI: 10.34670/AR.2023.94.39.033

Keywords

International law, commercial arbitration, private law, super-imperative norms, arbitration.

References

1. Airiyan E.V. (2022) Vybor mezhdru ot del'noi apellyatsionnoi instantsiei i mezhdunarodnym investitsionnym sudom: klyuchevoi aspekt reformy investitsionnogo arbitrazha [The choice between a separate appellate instance and an international investment court: a key aspect of the investment arbitration reform]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal]. 2022. № 8 (171). S. 52-55.
2. Akhmetova A.T., Volkova N.S. (2017) Sverkhimperativnye normy v mezhdunarodnom chastnom prave [Superimperative norms in private international law]. *E-Scio*, 12 (15), pp. 212-218.
3. *Arbitral Award № Rsp 78/92. 22.03.1995.*

4. BAG. Available at: <http://lexetius.com/2014,4988/> [Accessed 05/05/2023]
5. Baniassadi M.R. (1992) Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration? *Berkley Journal of International Law*, 10, 1, p. 63.
6. Büchler M. (2001) Choice of Swiss Law – No Escape Route to Avoid Application of International Sanctions. *Newsletter*, 29, p. 6.
7. (2001) Conflict of Laws Act. *Journal of Korean Law*, 1, 2, p. 205.
8. *Consolidated version of the Treaty on European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/resource.html> [Accessed 05/05/2023]
9. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 01.07.2021), stat'ya 1192* [Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on July 1, 2021), article 1192].
10. Guzman A. (2000) Arbitrator liability: Reconciling Arbitration and Mandatory Rules. *Duke Law Journal*, 49, pp. 1281.
11. (1990) ICC Award № 4132. In: *Collection of ICC Arbitral Awards. 1974-1985*. Deventer.
12. (2000) ICC Award № 8528. In: *YB Com. Arb. XXV*.
13. *International Law Association Recommendations on Ascertainning the Contents of the Applicable Law in International Commercial Arbitration. Resolution № 6/2008 of 21.08.2008*. Available at: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/19> [Accessed 05/05/2023]
14. Lebedev S.N. (ed.) (2011) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International Law]. Moscow: Statut Publ. Vol. 1.
15. Plender R.M. (2001) *The European Contracts Convention: The Rome Convention on the Choice of Law for contracts*. London, 2001.
16. *Printsipy mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov (Printsipy UNIDRUA)* [Principles of international commercial contracts (UNIDROIT Principles)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14121/ [Accessed 05/05/2023]
17. *Printsipy vybora prava, primenimogo k mezhdunarodnym kommercheskim dogovoram (odobreny 19 marta 2015 g., vstupili v silu 19 marta 2015 g.)* [Principles for choosing the law applicable to international commercial contracts (approved on March 19, 2015, entered into force on March 19, 2015)].
18. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2019/631 as regards strengthening the CO2 emission performance standards for new passenger cars and new light commercial vehicles in line with the Union's increased climate ambition*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0556> [Accessed 05/05/2023]
19. *Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I)*.
20. Sadowski W. (2010) Effect of Bankruptcy Proceedings in Poland on Arbitration Proceedings Conducted Abroad: Remarks based on the Elektrim case. *Arbitration E-Review*, 2, pp. 10-11.
21. *UNIDROIT Principles 2010: Commentary*. Available at: <http://www.unidroit.org/instruments/com/mercial-contracts> [Accessed 05/05/2023]
22. Zasemkova O.F. (2016) K voprosu o ponyatii i priznakakh sverkhimperativnykh norm mezhdunarodnogo chastnogo prava [On the issue of the concept and signs of super-imperative norms of private international law]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 4, pp. 86-91.
23. Zasemkova O.F. (2015) Sverkhimperativnye normy mezhdunarodnogo chastnogo prava: problemy teorii i sovremennye tendentsii [Super-imperative norms of private international law: problems of theory and current trends]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the Kutafin University], 2, pp. 61-65.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.39.84.035

Приостановление и прекращение трудового договора в период мобилизации

Соколова Ольга Александровна

Студент,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: sokolova10055@mail.ru

Аннотация

В статье речь идет о приостановлении и прекращении трудового договора в период мобилизации. Обозначено, что в случаях агрессии против Российской Федерации или же непосредственной угрозы агрессии, возникновения вооруженных конфликтов, которые направлены против государства, Президент РФ объявляет общую или частичную мобилизацию. Автор акцентирует внимание на особенностях процедуры и документального оформления актов приостановления и прекращения трудового договора в рассматриваемых условиях. При прекращении трудового договора с мобилизованным работником работодатель обязан предъявить работнику соответствующие основания и предоставить мотивированное письменное уведомление не менее чем за две недели до прекращения трудового договора. При этом мобилизованный работник имеет право на компенсационные выплаты и дополнительные гарантии социальной защиты. В целом, необходимо отметить, что приостановление и прекращение трудового договора в период мобилизации регулируются особыми правилами, обеспечивающими социальную защиту и гарантии трудовых прав в сложных военных условиях. Данные правила обязательны для выполнения работодателями и направлены на защиту интересов мобилизованных работников. Вместе с тем, обозначенные в работе актуальные проблемы правового регулирования свидетельствует о необходимости продолжать совершенствование действующего законодательства по регламентации наиболее проблемных аспектов.

Для цитирования в научных исследованиях

Соколова О.А. Приостановление и прекращение трудового договора в период мобилизации // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 228-236. DOI: 10.34670/AR.2023.39.84.035

Ключевые слова

Мобилизация, трудовой договор, трудовые отношения, работодатели, работники, приостановление трудового договора, прекращение трудового договора.

Введение

Рассматривая особенности правового регулирования, безусловно, необходимо отталкиваться от конституционных норм, тем более что нормы Конституции РФ регламентируют реализацию трудовых прав граждан достаточно полно. Так, в частности, положения ст. 37 Основного закона страны¹ гарантируют каждому гражданину право на отдых, а также предусмотренные федеральным законодательством продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, подлежащий оплате ежегодный отпуск. То есть, право на труд и отдых – одно из ключевых конституционных прав современного российского гражданина.

Конституция РФ также обеспечивает гражданам государства право на создание и участие в профсоюзах (ст. 30), защиту прав потребителей (ст. 38), право на свободу выбора места работы и на защиту от незаконных действий со стороны работодателей (ст. 43). Кроме того, Конституция РФ определяет, что трудовые права не могут быть ограничены никакими расовыми, национальными, религиозными или социальными принадлежностями (ст. 19). Существует и ряд других норм, которые прямо или косвенно регламентируют особенности реализации гражданами РФ своих трудовых и предпринимательских прав.

Законодательство РФ также обеспечивает конституционные гарантии реализации трудовых прав граждан. Федеральные законы устанавливают минимальные стандарты защиты трудовых прав, а также устанавливают меры ответственности за их нарушение.

Таким образом, конституционные гарантии реализации трудовых прав гарантируют гражданам РФ защиту их прав на труд, свободу выбора профессии, защиту от безработицы и дискриминации, а также возможность создания и участия в профсоюзах.

Основная часть

Частичная мобилизация, которая была объявлена в РФ 21 сентября 2022 года, оказала весомое влияние на большое число трудоспособных российских граждан. Решение о частичной мобилизации вызвало множество очевидных вопросов у работодателей о том, как оформлять отношения с мобилизованным работником и как заполнять соответствующие документы, что делать в том случае, если сотрудника организации призвали на сборы.

Однако, очевидным выступает, что после самого начала мобилизации были приняты новые нормативно-правовые акты, которые в значительной степени изменили регулирование трудовых отношений с мобилизованными работниками.

Все вышеизложенное, таким образом, свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы и необходимости продолжения научных и практических разработок по данной теме.

Как известно, персонал для любого предприятия, прежде всего, – это человеческий ресурс, самый ценный капитал, качественные и количественные характеристики труда которого оказывают большое влияние на наличие и размер прибыли.

Принцип свободы является как общее нравственным и правовым началом, согласно которому все индивиды от рождения свободны, т.е., обладают возможностью поступать

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

своевольно, ограничиваясь в своем поведении только свободой других лиц [Бугров, 1984].

Выпадение хотя бы одного элемента – увольнение сотрудника – повлечет за собой ряд затрат, которые, помимо процессов поиска, отбора, найма и адаптации нового работника, будут включать в себя потенциальную прибыль, которую могло бы получить предприятие за этот период. Но, несмотря на это, перспектива сохранить за мобилизованным сотрудником рабочее место усложняет ситуацию еще сильнее. Причины тому могут быть следующие:

- ненадежность и нестабильность положения: военная служба подразумевает изменение места жительства на неопределенный период времени, а также непредвиденные приказы и задания, которые зачастую могут требовать от мобилизованного человека немедленный отъезд от рабочего места;
- разного рода административные препятствия: так, нормы законодательства может предоставлять определенные права на сохранение рабочего места во время службы, но не все работодатели готовы следовать этим правилам, особенно если замена сотрудника может создать для них реальные проблемы;
- отсутствие поддержки: многие мобилизованные лица не могут получить должную поддержку от своих работодателей, коллег и руководства, что может усложнить сохранение рабочего места и способствовать конфликтам в коллективе;
- квалификация и опыт: в некоторых случаях работа может быть связана с определенной квалификацией и требовать большого количества времени и усилий для ее освоения, что может усложнить замещение мобилизованного сотрудника;
- экономические факторы: простой сотрудника в период мобилизации может нести значительные затраты работодателя, особенно если это малый или средний бизнес, что может привести к сокращению штата сотрудников или закрытию компании [Кузнецова, Листратов, 2022].

Для предотвращения массовых увольнений и защиты прав работника как субъекта трудовых правовых отношений Правительством РФ в соответствующем Постановлении от 22.09.2022 года были утверждены важные поправки. Данные поправки препятствовали нарушению основных трудовых прав работников в связи с частичной мобилизацией. Эти изменения неукоснительно распространяются на всех работников, призванных по частичной мобилизации с 21 сентября 2022 г.

Кратко охарактеризуем вышеназванный документ, т.к. именно он составляет правовую основу отношений между работодателем и мобилизованным работником сегодня.

Постановление Правительства РФ от 22 сентября 2022 г. № 1677 «О внесении изменений в особенности правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах» содержит изменения в нормативные акты, регулирующие трудовые отношения, в связи с текущей экономической и социальной ситуацией в РФ. В Постановлении вносятся изменения в ряд Федеральных законов, включая Федеральные законы «О трудовых пенсиях», «Об основах социального обеспечения», «Об образовании», «О бухгалтерском учете», а также в некоторые другие нормативно-правовые акты.

Перечисленные изменения направлены на улучшение правового регулирования трудовых отношений и соответствия их условий реалиям рынка труда. В основном, изменения касаются вопросов трудовой миграции, трудового договора и его условий, социального обеспечения и страхования, а также компенсаций при увольнении [Давкараева, 2023].

Мобилизованный гражданин в рамках установленных норм трудового права – это работник, который был призван на воинскую службу в связи с мобилизацией. По общему правилу,

трудовой договор мобилизованного гражданина приостанавливается на время прохождения им военной службы [Филатов, Смольянова, 2022].

Общая характеристика прав мобилизованного гражданина в соответствии с нормами трудового права включает в себя:

- сохранение места работы – работник-мобилизованный сохраняет свое место работы и имеет право на восстановление на работе по окончании военной службы;
- выплаты за прохождение военной службы – мобилизованный работник имеет право на социальные выплаты в соответствии с законодательством, включая выплату пособия при мобилизации, выплату компенсации за неиспользованный отпуск и т.д.;
- ориентирование на требования работника – работник имеет право на ориентацию процесса труда на его физические способности после прохождения военной службы;
- отсрочка внесудебных исполнительских действий – мобилизованному работнику предоставляется отсрочка внесудебных исполнительских действий на период прохождения военной службы;
- прием на работу непосредственно после прохождения военной службы – работники, прошедшие военную службу, имеют право на приоритетное трудоустройство, если они претендуют на соответствующую вакансию [Кислая, Демидова, 2022].

Таким образом, мобилизованные граждане обладают рядом особенных прав, которые обеспечивают их социальную защиту в период военной службы и после ее окончания.

В рассматриваемом контексте нас интересуют положения о приостановлении и прекращении трудовых договоров.

Для начала охарактеризуем, каким образом, согласно нормам трудового законодательства, происходит приостановление и прекращение трудовых договоров по общему правилу.

В частности, общие правила приостановления трудового договора включают в себя:

- оформление приостановления: приостановление трудового договора оформляется в письменной форме. Работодатель должен выдать работнику соответствующее уведомление о приостановлении действия трудового договора;
- срок приостановления: приостановление трудового договора может происходить на определенный срок или до наступления определенных обстоятельств. Длительность и условия приостановления определяются в соответствии с трудовым законодательством и конкретным случаем;
- выплата работникам пособия: при приостановлении трудового договора работодатель обязан выплачивать работнику пособие по безработице или другие социальные выплаты в соответствии с трудовым законодательством;
- сохранение места работы: при приостановлении трудового договора работник сохраняет свое место работы и права на возобновление работы по истечении срока приостановления или при наступлении определенных обстоятельств;
- запрет на выполняемую работу: во время приостановления трудового договора работник не выполняет работу и не получает за нее оплату [Савонюк, Гапанович, 2022].

Правила прекращения трудового договора могут отличаться в зависимости от причины прекращения. Однако, общие правила прекращения трудового договора включают в себя:

- оформление прекращения: прекращение трудового договора должно быть оформлено в письменной форме. Работодатель обязан выдать работнику соответствующее уведомление о прекращении трудового договора;

- срок уведомления: работодатель обязан уведомить работника о прекращении трудового договора не менее чем за 2 недели до дня увольнения;
- выплата компенсации: работодатель обязан выплатить работнику компенсацию за неиспользованный отпуск, а также за работу в период до прекращения трудового договора, если такая оплата не была произведена ранее;
- сохранение трудовой книжки: работодатель обязан выдать работнику трудовую книжку, заполненную и заверенную в соответствии с требованиями законодательства;
- соблюдение требований законодательства: работодатель обязан соблюдать требования законодательства при прекращении трудового договора, включая выдачу всех необходимых документов и выплату компенсаций и пособий, если таковые предусмотрены [Чилипов, Кадыров, 2022].

Перейдем непосредственно к статусу мобилизованного работника в вопросах приостановления и прекращения трудового договора. Так, в частности, согласно актуальным изменениям, в целях обеспечения социально-трудовых гарантий действие трудовых договоров и служебных контрактов, заключенных с гражданами, призванными на военную службу по частичной мобилизации, будет приостанавливаться.

То есть, мобилизованные граждане смогут сохранить место работы, чтобы позже вернуться к исполнению обязанностей по своей должности. Однако, на время приостановления трудового договора работодатель может заключать срочные трудовые договоры и принимать на работу временных сотрудников. На момент объявления в России мобилизации не было предусмотрено специальных правил, регулирующих трудовые отношения с работниками.

Одной из мер, обеспечивающей гарантии трудовых прав работников в 2022 году, является введение особых правил регулирования трудовых отношений мобилизованных работников, работников, заключивших служебный контракт и контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ².

Так, Трудовой кодекс РФ был дополнен новой статьей 351.7. В случае призыва работника на военную службу по мобилизации или заключения им контракта, действие трудового договора, заключенного между работником и работодателем, приостанавливается на период прохождения работником военной службы.

П. 1 ч. 1 ст. 83 Трудового кодекса РФ говорит о том³, что при призыве сотрудника на военную службу, за исключением призыва работника на военную службу по мобилизации, трудовой договор прекращается по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон.

В п. 1 ст. 17 Федерального закона от 26.02.97 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» сказано, что военная служба по мобилизации осуществляется именно путем призыва⁴.

Данные положения регламентируют приостановление трудового договора между работником и работодателем в случае призыва работника на военную службу по мобилизации.

Помимо сохранения за мобилизованным сотрудником рабочего места, в период приостановления действия трудового договора также действуют следующие правила:

² Частичная мобилизация – 2022: краткие ответы на важные вопросы. URL: <https://www.garant.ru/news/1567380/>

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023).

⁴ Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ (последняя редакция).

- стороны трудового договора неукоснительно приостанавливают осуществления всех прав и обязанностей, за исключением прав и обязанностей, которые установлены ст. 351.7 Трудового кодекса РФ;
- в отношении работников сохраняются социальные и трудовые гарантии (дополнительное страхование, негосударственное пенсионное обеспечение, улучшения социальных и бытовых условий сотрудников и членов их семьи), право на предоставление, которых они получили до момента приостановления трудового договора.

При этом период приостановления действия трудового договора засчитывается в трудовой стаж работника, а также в стаж работы по специальности кроме случаев досрочного назначения страховой пенсии по старости.

Призыв граждан на военную службу по мобилизации считается, хоть и особым, но случаем исполнения государственной обязанности, на который наряду с другими, описанными в ст. 170 Трудового кодекса РФ, распространяется гарантия сохранения рабочего места⁵.

В заключении исследования также кратко рассмотрим некоторые другие проблемные аспекты правового регулирования, которые сохраняются и в настоящее время⁶.

Так, не совсем урегулированы вопросы действия в ситуации, когда мобилизованный сотрудник вернулся с военной службы раненым, как работодателю учитывать аспект, касающийся периода (возможно – длительного) восстановления здоровья. В подобной ситуации эксперты рекомендуют данный вопрос рассматривать отдельно в каждом частном случае, общего правила решения таких проблем нет. Практика достаточно разнообразна и зависит от множества различных факторов: например, от степени ранения, годности к дальнейшему исполнению непосредственных трудовых обязанностей службе, и т.д. Вероятнее всего предположить, что работнику будет предоставлен больничный лист по нетрудоспособности, после которого он сможет вернуться к исполнению своих рабочих обязанностей, но только в том случае, если травмы не будут значительными – в ином случае действие трудового договора прекратится.

Также следует отметить, что каждый мобилизованный застрахован государством. В случае смерти, травмы или ухудшения состояния здоровья вследствие военных действий производятся выплаты. Военно-врачебная комиссия выдает документ, где указывается связь между травмой, увечьем и болезнью военнослужащего, и получением им инвалидности или летальным исходом.

Актуальным остается мнение о том, что в дальнейшем законодательство в области мобилизации не перестанет оперативно актуализироваться, в том числе в целях наделения всех граждан равными возможностями полноценной реализации конституционных прав в период проведения любых мобилизационных мероприятий.

Таким образом, подводя итог рассматриваемому в данной статье вопросу, кратко обозначим ключевые выводы.

Гарантированность установленных Конституцией РФ трудовых прав граждан является важным и актуальным принципом правового государства и социальной защиты граждан. Она означает, что трудовые права граждан закреплены законодательно и обеспечиваются за счет правовых и социальных механизмов.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023)

⁶ Там же.

Значение гарантированности трудовых прав граждан заключается в следующем:

- защита граждан от неправомерных действий со стороны работодателей;
- обеспечение равных возможностей на рынке труда;
- защита граждан от эксплуатации;
- защита интересов граждан в случае кризисных ситуаций [Чилипов, Кадыров, 2022].

Таким образом, конституционная гарантированность трудовых прав граждан также помогает защитить их интересы в период экономического кризиса и других ситуаций экономической нестабильности, когда угрожает возможность их увольнения.

Одним из таких практических примеров экономической нестабильности можно назвать частичную мобилизацию, начавшуюся в РФ в сентябре прошлого года. Произошедшие в этот период социально-экономические изменения коснулись в т.ч. и особенностей реализации трудовых правоотношений.

Частичная мобилизация российских граждан, особенно тех, кто занят трудовой и предпринимательской деятельностью, потребовала оперативного изменения действующего правового регулирования ввиду отсутствия законодательного решения ряда актуальных вопросов. Один из таких – это проблема обеспечения соблюдения гарантий трудовых прав мобилизованных работников, сохранения стабильности их трудовых отношений, обеспечения прав работников, заключивших трудовые договоры с работодателями или индивидуальными предпринимателями, мобилизованными на военную службу.

В период мобилизации законодательство РФ устанавливает особые правила регулирования трудовых отношений между работником и работодателем. Эти правила касаются и процедуры приостановления и прекращения трудового договора.

В соответствии с законодательством РФ о мобилизационной подготовке при первоочередных мерах мобилизационной подготовки может быть приостановлен трудовой договор мобилизуемого работника. Работник, которому приостановлен трудовой договор, не может быть уволен по инициативе работодателя до момента окончания проводимых мероприятий по мобилизационной подготовке. В течение этого времени работник сохраняет место работы.

При прекращении трудового договора с мобилизованным работником работодатель обязан предъявить работнику соответствующие основания и предоставить мотивированное письменное уведомление не менее чем за две недели до прекращения трудового договора. При этом мобилизованный работник имеет право на компенсационные выплаты и дополнительные гарантии социальной защиты.

Заключение

В целом, необходимо отметить, что приостановление и прекращение трудового договора в период мобилизации регулируются особыми правилами, обеспечивающими социальную защиту и гарантии трудовых прав в сложных военных условиях. Данные правила обязательны для выполнения работодателями и направлены на защиту интересов мобилизованных работников.

Вместе с тем, обозначенные в работе актуальные проблемы правового регулирования свидетельствует о необходимости продолжать совершенствование действующего законодательства по регламентации наиболее проблемных аспектов.

Библиография

1. Бугров Л.Ю. Свободы труда и свобода трудового договора в СССР. Красноярск, 1984. 126 с.
2. Давкараева Д.Е. Вопросы осуществления трудового договора с мобилизованным работников // Наука во имя созидания. Петрозаводск: Новая наука, 2023. С. 18-23.
3. Кислая И.А., Демидова А.В. Призыв сотрудника по частичной мобилизации: оформление, зарплата, увольнение // Актуальные направления развития учета, анализа, аудита и статистики в отечественной и зарубежной практике. Ростов-на-Дону, 2022. С. 31-34.
4. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Кузнецова И.А., Листратов И.В. Гарантии и защита трудовых прав, требования современности // Инновационная наука. 2022. № 117. С. 122-127.
6. Савонюк П.А., Гапанович А.Г. Мобилизация и трудовые отношения // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17 (321). С. 154-160.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступил в силу с 01.03.2023).
8. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ (последняя редакция).
9. Филатов В.Д., Смольянова И.В. Трудовой договор: приостановление действия трудовых отношений // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. СПб., 2022. С. 286-290.
10. Частичная мобилизация – 2022: краткие ответы на важные вопросы. URL: <https://www.garant.ru/news/1567380/>
11. Чилипов А.М., Кадыров Ф.Н. Вопросы изменения трудовых отношений в условиях частичной мобилизации // Менеджер здравоохранения. 2022. № 13. С. 116-119.

Suspension and termination of an employment contract during the mobilization period

Ol'ga A. Sokolova

Student of the School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: sokolova10055@mail.ru

Abstract

The article deals with the suspension and termination of an employment contract during the mobilization period. It is indicated that in cases of aggression against the Russian state or an immediate threat of aggression, the emergence of armed conflicts that are directed against the Russian Federation, the President of the country announces general or partial mobilization. The author focuses on the specifics of the procedure and documentation of acts of suspension and termination of an employment contract in the conditions under consideration. When terminating an employment contract with a mobilized employee, the employer is obliged to present the appropriate grounds to the employee and provide a reasoned written notice at least two weeks before the termination of the employment contract. At the same time, the mobilized worker has the right to compensation payments and additional guarantees of social protection. In general, it should be noted that the suspension and termination of an employment contract during the period of mobilization are regulated by special rules that provide social protection and guarantees of labor rights in difficult military conditions. These rules are binding on employers and are aimed at protecting the interests

of mobilized workers. At the same time, the urgent problems of legal regulation identified in the work indicate the need to continue improving the current legislation to regulate the most problematic aspects.

For citation

Sokolova O.A. (2023) Priostanovlenie i prekrashchenie trudovogo dogovora v period mobilizatsii [Suspension and termination of an employment contract during the mobilization period]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 228-236. DOI: 10.34670/AR.2023.39.84.035

Keywords

Mobilization, employment contract, labor relations, employers, employees, suspension of an employment contract, termination of an employment contract.

References

1. Bugrov L.Yu. (1984) *Svobody truda i svoboda trudovogo dogovora v SSSR* [Freedom of labor and freedom of labor contract in the USSR]. Krasnoyarsk.
2. *Chastichnaya mobilizatsiya – 2022: kratkie otvety na vazhnye voprosy* [Partial mobilization 2022: short answers to important questions]. Available at: <https://www.garant.ru/news/1567380/> [Accessed 06/06/2023]
3. Chilipov A.M., Kadyrov F.N. (2022) Voprosy izmeneniya trudovykh otnoshenii v usloviyakh chastichnoi mobilizatsii [Issues of changing labor relations in conditions of partial mobilization]. *Menedzher zdavookhraneniya* [Healthcare Manager], 13, pp. 116-119.
4. Davkaraeva D.E. (2023) Voprosy osushchestvleniya trudovogo dogovora s mobilizovannym rabotnikov [Issues of implementing an employment contract with mobilized workers]. In: *Nauka vo imya sozidaniya* [Science for the sake of creation]. Petrozavodsk: Novaya nauka Publ.
5. *Federal'nyi zakon «O mobilizatsionnoi podgotovke i mobilizatsii v Rossiiskoi Federatsii» ot 26.02.1997 № 31-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law "On mobilization training and mobilization in the Russian Federation" dated February 26, 1997 No. 31-FZ (last edition)].
6. Filatov V.D., Smol'yanova I.V. (2022) Trudovoi dogovor: priostanovlenie deistviya trudovykh otnoshenii [Employment contract: suspension of labor relations]. In: *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov* [Actual problems of science and education in the context of modern challenges]. St. Petersburg.
7. Kislaya I.A., Demidova A.V. (2022) Prizyv sotrudnika po chastichnoi mobilizatsii: oformlenie, zarplata, uvol'nenie [Appeal of an employee for partial mobilization: registration, salary, dismissal]. In: *Aktual'nye napravleniya razvitiya ucheta, analiza, audita i statistiki v otechestvennoi i zarubezhnoi praktike* [Current trends in the development of accounting, analysis, audit and statistics in domestic and foreign practice]. Rostov-on-Don.
8. *Konstitutsiya RF (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) (s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) (as amended during the all-Russian vote on July 1, 2020)].
9. Kuznetsova I.A., Listratov I.V. (2022) Garantii i zashchita trudovykh prav, trebovaniya sovremennosti [Guarantees and protection of labor rights, modern requirements]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science], 117, pp. 122-127.
10. Savonyuk P.A., Gapanovich A.G. (2022) Mobilizatsiya i trudovye otnosheniya [Mobilization and labor relations]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii* [Issues of Russian justice], 17 (321), pp. 154-160.
11. *Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 19.12.2022, s izm. ot 11.04.2023) (s izm. i dop., vstupil v silu s 01.03.2023)* [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on December 19, 2022, as amended on April 11, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2023)].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.35.21.036

Правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг

Кучковская Наталья Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: nk2@list.ru

Аннотация

Потребители финансовых услуг являются одной из наиболее уязвимых групп потребителей, поскольку они часто не обладают достаточными знаниями и опытом в области финансов. В России правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг являются одними из наиболее обсуждаемых тем в правовой сфере. Финансовые услуги играют важную роль в современной экономике, предоставляя клиентам широкий спектр услуг, таких как кредитование, инвестирование и страхование. Однако, так как финансовая отрасль является сложной и динамичной, она также является одной из наиболее регулируемых отраслей в мире. Один из ключевых аспектов регулирования финансовой отрасли является защита прав потребителей финансовых услуг. Клиенты финансовых учреждений должны быть защищены от мошенничества, недобросовестной конкуренции и других форм эксплуатации. Вместе с тем, финансовые учреждения должны обеспечивать высокий уровень обслуживания клиентов и соответствовать высоким стандартам этики и прозрачности. В данной статье будут рассмотрены правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в России. Будут рассмотрены ключевые законы и правила, регулирующие отрасль финансовых услуг, а также нюансы регулирования отрасли, такие как необходимость балансирования между интересами потребителей финансовых услуг и интересами финансовых учреждений, координации между различными органами и учреждениями, ответственными за регулирование финансовой отрасли, и другие. Кроме того, будет рассмотрено, как цифровизация повлияла на отрасль финансовых услуг, и какие есть вызовы и перспективы для защиты прав потребителей финансовых услуг в будущем.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучковская Н.В. Правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.35.21.036

Ключевые слова

Правовые аспекты, механизмы защиты, права потребителей, финансовые услуги, Россия.

Введение

В России, права потребителей финансовых услуг регулируются Федеральными Законами "О защите прав потребителей" и "О рынке ценных бумаг". Эти законы устанавливают обязательства для финансовых учреждений по предоставлению информации о финансовых продуктах, защите личных данных клиентов и обеспечению безопасности денежных средств.

Механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в России включают в себя различные органы и инструменты, такие как Федеральная служба по финансовым рынкам, Центральный банк России, Роспотребнадзор, суды и арбитражные суды. Эти органы и инструменты могут применяться для разрешения споров между потребителями и финансовыми учреждениями, а также для наказания финансовых учреждений за нарушение прав потребителей.

Основное содержание

Одним из наиболее значимых достижений в области защиты прав потребителей финансовых услуг является создание Института альтернативного разрешения споров в финансовой сфере (Финансовый Омбудсмен). Это независимый орган, который осуществляет альтернативное разрешение споров между финансовыми учреждениями и их клиентами.

Финансовый Омбудсмен позволяет потребителям финансовых услуг решать споры без обращения в суд. Кроме того, этот институт способствует повышению качества обслуживания клиентов финансовыми учреждениями, уменьшению количества жалоб и урегулированию споров между сторонами.

Существуют также другие механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг, например, суды и арбитражные суды, Роспотребнадзор, Центральный банк России и Федеральная служба по финансовым рынкам. Эти органы и инструменты могут применяться для разрешения споров между потребителями и финансовыми учреждениями, а также для наказания финансовых учреждений за нарушение прав потребителей.

Для улучшения защиты прав потребителей финансовых услуг необходимо улучшение контроля за деятельностью финансовых учреждений и повышение осведомленности клиентов. Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство в области защиты прав потребителей финансовых услуг и развивать механизмы альтернативного разрешения споров. Только так можно обеспечить эффективную защиту прав потребителей финансовых услуг в России.

В России существует ряд органов, которые отвечают за защиту прав потребителей финансовых услуг. Один из таких органов - Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР), которая контролирует деятельность финансовых учреждений и защищает права клиентов.

ФСФР также осуществляет функции по регулированию и надзору за деятельностью банков, страховых компаний, инвестиционных компаний, управляющих компаний и других финансовых учреждений. Для защиты прав потребителей ФСФР проводит регулярные проверки финансовых учреждений на соответствие законодательству и нормам поведения в финансовой сфере [Гордеева, 2021].

Еще одним органом, отвечающим за защиту прав потребителей финансовых услуг в России, является Роспотребнадзор. Он контролирует деятельность финансовых учреждений с точки

зрения защиты прав потребителей. Роспотребнадзор также проводит мероприятия по пропаганде прав потребителей финансовых услуг и осуществляет сбор и анализ жалоб клиентов.

В России также действует Центральный банк России, который играет важную роль в защите прав потребителей финансовых услуг. Центральный банк контролирует деятельность банков и других финансовых учреждений, проверяет их финансовую устойчивость и готовность к кризисным ситуациям.

В России действует Институт альтернативного разрешения споров в финансовой сфере (Финансовый Омбудсмен), который занимается разрешением споров между клиентами и финансовыми учреждениями вне суда. Этот механизм позволяет клиентам быстро и эффективно решать свои проблемы и защищать свои права.

В России действуют законы, которые регулируют защиту прав потребителей финансовых услуг. Один из таких законов - Федеральный Закон "О защите прав потребителей" от 07.02.1992 № 2300-1. Этот закон устанавливает права и обязанности потребителей финансовых услуг и определяет порядок защиты их прав.

Также существует Федеральный Закон "О рынке ценных бумаг" от 22.04.1996 № 39-ФЗ, который регулирует деятельность финансовых учреждений, связанных с выпуском и обращением ценных бумаг. Закон устанавливает правила для информационного дисклеймера, привлечения инвесторов, защиты прав инвесторов и обеспечения прозрачности рынка ценных бумаг.

Кроме того, в России действуют и другие законы, которые регулируют деятельность финансовых учреждений, например, Федеральный Закон "О банках и банковской деятельности" от 02.12.1990 № 395-1 и Федеральный Закон "О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации" от 23.12.2003 № 177-ФЗ.

Эти законы устанавливают обязательства для финансовых учреждений по предоставлению информации о финансовых продуктах, защите личных данных клиентов и обеспечению безопасности денежных средств. Законы также определяют порядок рассмотрения жалоб и споров между клиентами и финансовыми учреждениями, а также механизмы компенсации убытков потребителей.

В России существует ряд механизмов, которые защищают права потребителей финансовых услуг. Один из таких механизмов - Институт альтернативного разрешения споров в финансовой сфере (Финансовый Омбудсмен).

Финансовый Омбудсмен - это независимый орган, который осуществляет альтернативное разрешение споров между клиентами и финансовыми учреждениями. Этот механизм позволяет потребителям финансовых услуг решать споры без обращения в суд и получать компенсацию убытков.

Для обращения к Финансовому Омбудсмену необходимо соблюдать определенные условия, в том числе обращаться в орган в течение определенного срока после возникновения спора и до обращения в суд. Кроме того, стоимость спора не должна превышать определенную сумму.

Еще одним механизмом защиты прав потребителей финансовых услуг является обязательное страхование вкладов физических лиц. В соответствии с Федеральным Законом "О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации", вклады физических лиц в банках подлежат обязательному страхованию на сумму до 1,4 миллиона рублей.

Также потребители финансовых услуг могут обращаться в Роспотребнадзор и Центральный банк России с жалобами на нарушение своих прав. Роспотребнадзор проводит проверки финансовых учреждений на соответствие законодательству, а Центральный банк России

проводит надзор за деятельностью банков и других финансовых учреждений.

В целом, существует ряд механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг в России. Однако эффективность этих механизмов зависит от их практической реализации и соблюдения прав потребителей финансовыми учреждениями. Необходимо дальнейшее совершенствование механизмов защит

Цифровизация оказала существенное влияние на отрасль финансовых услуг в России. Одним из наиболее заметных результатов цифровизации является возможность получения финансовых услуг в онлайн-режиме.

С развитием технологий и распространением интернета все больше финансовых учреждений переходят на онлайн-платформы. Клиенты могут получать доступ к банковским счетам, кредитам, инвестиционным продуктам и другим финансовым услугам через интернет. Это увеличивает удобство и доступность финансовых услуг для клиентов.

Однако с развитием цифровых технологий возрастают и новые риски, связанные с безопасностью и защитой данных клиентов. Финансовые учреждения вынуждены принимать меры по защите личных данных клиентов и обеспечению безопасности онлайн-транзакций.

Цифровизация позволила финансовым учреждениям автоматизировать многие процессы, связанные с выдачей кредитов, управлением активами и т.д. Это позволяет финансовым учреждениям повышать эффективность своей деятельности и уменьшать затраты.

Также цифровизация финансовых услуг существенно улучшила возможности анализа данных и принятия решений на основе этих данных. Анализ данных помогает финансовым учреждениям предсказывать потребности клиентов, разрабатывать новые продукты и услуги и улучшать качество обслуживания.

Регулирование отрасли финансовых услуг является важным вопросом для обеспечения стабильности и защиты прав клиентов. Однако, так как отрасль финансовых услуг является очень динамичной и сложной, регулирование также должно быть адаптивным и гибким.

Одним из ключевых нюансов регулирования отрасли является необходимость балансирования между интересами потребителей финансовых услуг и интересами финансовых учреждений. Законы и правила должны обеспечивать защиту прав клиентов и предотвращать мошенничество и недобросовестную конкуренцию со стороны финансовых учреждений, однако они также должны давать возможность финансовым учреждениям развиваться и конкурировать на рынке.

Кроме того, регулирование отрасли финансовых услуг должно учитывать международные стандарты и требования, так как многие финансовые учреждения работают в международном контексте и имеют международных клиентов.

Еще одним нюансом регулирования отрасли является необходимость регулирования новых и развивающихся видов финансовых услуг, таких как криптовалюта и блокчейн-технологии. Новые технологии могут изменить существующие модели бизнеса в финансовой отрасли, поэтому необходимо разработать соответствующие законы и правила, чтобы обеспечить безопасность и защиту прав клиентов в новых условиях.

Также нюансом регулирования отрасли является необходимость сбалансированности между государственным регулированием и саморегулированием отрасли. Определенные аспекты деятельности финансовых учреждений могут быть регулируемыми самой отраслью, например, через профессиональные ассоциации и саморегулируемые организации.

Еще одним нюансом регулирования отрасли финансовых услуг является необходимость координации между различными органами и учреждениями, ответственными за регулирование

финансовой отрасли. В России регулирование финансовых услуг осуществляется Центральным банком России, Федеральной службой по финансовым рынкам и Роспотребнадзором.

Каждый из этих органов ответственен за определенные аспекты регулирования, например, Центральный банк России отвечает за регулирование банковской системы, Федеральная служба по финансовым рынкам - за регулирование финансовых рынков и финансовых учреждений, а Роспотребнадзор - за защиту прав потребителей финансовых услуг [Перминова, 2020].

Однако, так как многие аспекты деятельности финансовых учреждений пересекаются с ответственностью нескольких органов, необходима координация и сотрудничество между ними. В частности, необходимо обеспечить обмен информацией и согласование между Центральным банком России и Федеральной службой по финансовым рынкам, чтобы обеспечить согласованный и эффективный подход к регулированию финансовой отрасли.

Существует необходимость согласования между регулирующими органами России и международными регулирующими органами, такими как Международный валютный фонд и Базельский комитет по банковскому надзору. Международные стандарты и требования также могут повлиять на регулирование финансовой отрасли в России, поэтому необходима координация между различными органами и учреждениями, ответственными за регулирование финансовой отрасли, на международном уровне.

Заключение

В данной статье были рассмотрены правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в России. Были выявлены ключевые законы и правила, регулирующие отрасль финансовых услуг, такие как Закон "О защите прав потребителей", Федеральный закон "О банках и банковской деятельности" и другие.

Одним из ключевых результатов статьи является то, что цифровизация оказала существенное влияние на отрасль финансовых услуг в России, увеличив удобство и доступность финансовых услуг для клиентов, но также возросли новые риски, связанные с безопасностью и защитой данных клиентов.

Также в статье были рассмотрены нюансы регулирования отрасли, такие как необходимость балансирования между интересами потребителей финансовых услуг и интересами финансовых учреждений, необходимость координации между различными органами и учреждениями, ответственными за регулирование финансовой отрасли, и другие.

В целом, правовые аспекты и механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в России являются важными вопросами, требующими постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам и технологиям. Регулирование отрасли должно быть адаптивным и гибким, сбалансированным и координированным, чтобы обеспечивать стабильность и защиту прав клиентов, а также развитие и конкурентоспособность финансовых учреждений в России.

Библиография

1. Андреева Е.А. Защита прав потребителей финансовых услуг: анализ изменений законодательства за последние годы // Юристъ. – 2020. – № 9. – С. 18-25.
2. Бабаева С.А. Информационные технологии в защите прав потребителей финансовых услуг // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29. – № 1. – С. 36-44.
3. Бузова Е.М. Правовое регулирование защиты прав потребителей финансовых услуг: вызовы и перспективы // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 31-40.
4. Гордеева Е.А. Защита прав потребителей финансовых услуг в свете изменений законодательства // Вестник

- Омского университета. Серия Право. – 2021. – № 4. – С. 123-129.
5. Ильин В.А. Защита прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровой экономики // Вестник Московского университета. Серия 14: Право. – 2021. – № 2. – С. 91-103.
 6. Калининченко Е.И. Правовые аспекты защиты прав потребителей финансовых услуг в сфере онлайн-банкинга // Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26. – № 10. – С. 2267-2279.
 7. Краснова Е.А. Механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в условиях пандемии COVID-19 // Юридический вестник. – 2020. – № 6. – С. 61-68.
 8. Курьянова О.А. Правовые аспекты защиты прав потребителей финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 12: Право. – 2021. – № 3. – С. 37-50.
 9. Михайлова А.В. Защита прав потребителей финансовых услуг в условиях глобализации // Юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 142-149.
 10. Перминова Ю.А. Эффективность механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 2. – С. 44-54.
 11. Романенко А.А. Правовые проблемы защиты прав потребителей финансовых услуг в эпоху цифровизации // Право и жизнь. – 2021. – № 8. – С. 56-64.
 12. Самойлова Н.В. Использование механизмов альтернативного разрешения споров при защите прав потребителей финансовых услуг // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 83-92.
 13. Селихова О.В. Защита прав потребителей финансовых услуг в Европейском союзе: опыт и перспективы // Экономическая наука современной России. – 2019. – № 4. – С. 100-110.
 14. Смольникова О.А. Механизмы защиты прав потребителей финансовых услуг в России: сравнительный анализ // Экономическая наука современной России. – 2022. – № 2. – С. 123-133.
 15. Шавалиева А.Г. Защита прав потребителей финансовых услуг в России: современное состояние и проблемы // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27. – № 3. – С. 699-706.

Legal aspects and mechanisms of protection of the rights of consumers of financial services

Natal'ya V. Kuchkovskaya

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nk2@list.ru

Abstract

Consumers of financial services are one of the most vulnerable groups of consumers, as they often do not have sufficient knowledge and experience in the field of finance. In Russia, legal aspects and mechanisms for protecting the rights of consumers of financial services are among the most discussed topics in the legal field. Financial services play an important role in the modern economy, providing customers with a wide range of services such as lending, investing and insurance. However, since the financial industry is complex and dynamic, it is also one of the most regulated industries in the world. One of the key aspects of the regulation of the financial industry is the protection of the rights of consumers of financial services. Clients of financial institutions should be protected from fraud, unfair competition and other forms of exploitation. At the same time, financial institutions must provide a high level of customer service and comply with high standards of ethics and transparency. This article will consider the legal aspects and mechanisms of protection of the rights of consumers of financial services in Russia. The key laws and regulations governing the financial services industry will be considered, as well as the nuances of regulating the industry, such as the need to balance the interests of consumers of financial services and the interests of financial

Natal'ya V. Kuchkovskaya

institutions, coordination between various bodies and institutions responsible for regulating the financial industry, and others. In addition, it will be considered how digitalization has affected the financial services industry, and what are the challenges and prospects for protecting the rights of consumers of financial services in the future.

For citation

Kuchkovskaya N.V. (2023) Pravovye aspekty i mehanizmy zashhity prav potrebitel'nykh finansovykh uslug [Legal aspects and mechanisms of consumer protection of financial services]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 237-243. DOI: 10.34670/AR.2023.35.21.036

Keywords

legal aspects, protection mechanisms, consumer rights, financial services, Russia.

References

1. Andreeva E.A. Protection of the rights of consumers of financial services: analysis of changes in legislation in recent years // *Jurist.* – 2020. – No. 9. – pp. 18-25.
2. Babaeva S.A. Information technologies in the protection of the rights of consumers of financial services // *Finance and credit.* – 2023. – Vol. 29. – No. 1. – pp. 36-44.
3. Burova E.M. Legal regulation of consumer protection of financial services: challenges and prospects // *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics.* – 2023. – Vol. 26. – No. 2. – pp. 31-40.
4. Gordeeva E.A. Protection of the rights of consumers of financial services in the light of legislative changes // *Bulletin of Omsk University. Pravo Series.* – 2021. – No. 4. – pp. 123-129.
5. Ilyin V.A. Protection of the rights of consumers of financial services in the digital economy // *Bulletin of the Moscow University. Series 14: Law.* – 2021. – No. 2. – pp. 91-103.
6. Kalinichenko E.I. Legal aspects of consumer protection of financial services in the field of online banking // *Finance and credit.* – 2020. – Vol. 26. – No. 10. – pp. 2267-2279.
7. Krasnova E.A. Mechanisms for protecting the rights of consumers of financial services in the context of the COVID-19 pandemic // *Legal Bulletin.* – 2020. – No. 6. – pp. 61-68.
8. Kuryanova O.A. Legal aspects of consumer protection of financial services within the framework of the Eurasian Economic Union // *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Law.* – 2021. – No. 3. – pp. 37-50.
9. Mikhailova A.V. Protection of the rights of consumers of financial services in the context of globalization // *Legal Bulletin.* – 2019. – No. 4. – pp. 142-149.
10. Perminova Yu.A. Effectiveness of financial services consumer protection mechanisms in Russia // *Economic and social changes: facts, trends, forecast.* – 2020. – No. 2. – pp. 44-54.
11. Romanenko A.A. Legal problems of consumer protection of financial services in the era of digitalization // *Law and Life.* – 2021. – No. 8. – pp. 56-64.
12. Samoilova N.V. The use of alternative dispute resolution mechanisms in the protection of the rights of consumers of financial services // *Journal of Russian Law.* – 2023. – No. 1. – pp. 83-92.
13. Selikhova O.V. Protection of the rights of consumers of financial services in the European Union: experience and prospects // *Economic science of modern Russia.* – 2019. – No. 4. – pp. 100-110.
14. Smolnikova O.A. Mechanisms of consumer protection of financial services in Russia: comparative analysis // *Economic science of modern Russia.* – 2022. – No. 2. – pp. 123-133.
15. Shavaliyeva A.G. Protection of the rights of consumers of financial services in Russia: current state and problems // *Bulletin of Bashkir University.* – 2022. – Vol. 27. – No. 3. – pp. 699-706.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.22.43.037

Правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой деятельности

Кучковская Наталья Валерьевна

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: nk2@list.ru

Аннотация

Алгоритмические системы в финансовой деятельности являются важным инструментом для принятия решений и автоматизации процессов. Однако, их использование влечет за собой ряд правовых вопросов и рисков. В данной статье будет рассмотрен опыт России в использовании алгоритмических систем в финансовой деятельности и их правовые аспекты. Современная финансовая деятельность все более использует технологии и инновации для улучшения своей эффективности и качества. Одной из таких инноваций являются алгоритмические системы, которые позволяют автоматизировать процессы принятия решений и управления финансами на основе математических моделей и анализа большого объема данных. Однако, использование алгоритмических систем в финансовой деятельности может вызывать определенные вопросы и риски. Вопросы заключаются в том, как эти системы могут быть использованы, какие задачи они могут решить и какие задачи могут быть решены с их помощью. Риски связаны с тем, что неправильное использование алгоритмических систем может привести к финансовым потерям, усилению рисков и даже дискриминации. Поэтому, правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой деятельности являются важной темой для обсуждения и исследования. В данной статье мы рассмотрим опыт России в регулировании использования алгоритмических систем в финансовой деятельности и проанализируем проблемы и вызовы, связанные с использованием таких систем.

Для цитирования в научных исследованиях

Кучковская Н.В. Правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой деятельности // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 244-250. DOI: 10.34670/AR.2023.22.43.037

Ключевые слова

Алгоритмические системы, финансовая деятельность, правовые аспекты, Россия.

Введение

В России алгоритмические системы широко используются в финансовой деятельности, включая торговлю на фондовых и валютных рынках, управление активами и портфелями, кредитный скоринг и прочее. Однако, их использование влечет за собой правовые риски, которые могут повлиять на законность и легитимность финансовых операций.

В России существует нормативная база, регулирующая использование алгоритмических систем в финансовой деятельности, включая требования к прозрачности и объективности таких систем. Однако, не всегда возможно гарантировать объективность алгоритмических систем, что может привести к нарушению прав потребителей и инвесторов.

Алгоритмические системы могут обрабатывать большие объемы данных, включая конфиденциальную информацию о клиентах и инвесторах. В России существуют законодательные требования к защите персональных данных, однако, не всегда возможно гарантировать безопасность данных в рамках использования алгоритмических систем.

В России существуют нормативные акты, которые регулируют ответственность за нарушение законодательства при использовании алгоритмических систем в финансовой деятельности, включая ответственность за неправомерное использование конфиденциальной информации, за нарушение прав потребителей и инвесторов, за нарушение антимонопольного законодательства, за использование алгоритмических систем с целью манипуляции рынком и прочее.

Алгоритмические системы могут использоваться для сокрытия финансовых операций и сделок, что может привести к возникновению финансовых преступлений. В России существуют законодательные акты, направленные на борьбу с финансовой преступностью и отмыванием денег, включая требования к контролю финансовых операций и обязательную идентификацию клиентов.

Основная часть

Правовой вопрос связан с использованием алгоритмических систем в контексте этических вопросов. Алгоритмические системы могут приводить к автоматизации процессов и уменьшению роли человеческого фактора в принятии решений, что может повлиять на моральные и этические аспекты финансовой деятельности. В России существуют законодательные акты, направленные на регулирование этических аспектов использования алгоритмических систем в финансовой деятельности.

В-шестых, шестой правовой вопрос связан с использованием алгоритмических систем в контексте развития финтех-индустрии. Финтех-индустрия является быстро развивающейся отраслью, которая использует алгоритмические системы для создания новых продуктов и сервисов. В России существуют нормативные акты, направленные на поддержку развития финтех-индустрии, включая создание инновационных центров и упрощение процедур регистрации финтех-компаний.

В-седьмых, седьмой правовой вопрос связан с использованием алгоритмических систем в контексте международного сотрудничества и гармонизации правовых норм. Использование алгоритмических систем в финансовой деятельности требует гармонизации правовых норм и согласования законодательства в различных странах. В России существуют международные договоры и соглашения, направленные на гармонизацию правовых норм в финансовой сфере,

включая соглашения о борьбе с отмыванием денег и терроризмом, а также соглашения о взаимодействии финансовых регуляторов.

Использование алгоритмических систем в финансовой деятельности в России сопряжено с рядом правовых рисков и вопросов, включая прозрачность и объективность систем, защиту данных и конфиденциальности, ответственность за использование систем, борьбу с финансовой преступностью и отмыванием денег, этические аспекты, развитие финтех-индустрии и международное сотрудничество. Регулирование и согласование правовых норм в этой области являются важными задачами для обеспечения законности и легитимности финансовых операций и защиты прав потребителей и инвесторов.

В России использование алгоритмических систем в финансовой деятельности регулируется рядом законодательных актов, включая:

- Федеральный Закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ "О персональных данных", который устанавливает требования к обработке и защите персональных данных при использовании алгоритмических систем.
- Федеральный Закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", который регулирует деятельность Банка России, в том числе в области регулирования финансовых рынков и банковской деятельности.
- Федеральный Закон от 21.11.2011 N 324-ФЗ "О механизмах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации", который регулирует деятельность финансовых рынков и торговых площадок.
- Федеральный Закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ "Об защите конкуренции", который регулирует деятельность компаний и организаций в контексте антимонопольного законодательства.
- Федеральный Закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма", который регулирует деятельность компаний в контексте борьбы с финансовой преступностью и отмыванием денег.
- Федеральный Закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля", который регулирует деятельность контролирующих органов в контексте использования алгоритмических систем.
- Постановление Правительства РФ от 12.02.2015 N 120 "Об утверждении правил размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд" (в ред. от 03.11.2016), которое регулирует деятельность компаний в контексте государственных закупок и устанавливает требования к использованию электронных торговых площадок и алгоритмических систем при проведении торгов.
- Постановление Банка России от 23.06.2021 N 137-П "О требованиях к алгоритмическим системам и тестированию таких систем на соответствие требованиям Банка России", которое устанавливает требования к использованию алгоритмических систем в банковской деятельности и предписывает проведение тестирования таких систем на соответствие установленным требованиям.

Также в России существуют ряд нормативных актов, которые направлены на поддержку развития финтех-индустрии, включая законодательные акты о создании инновационных

центров, поддержке малого и среднего предпринимательства и упрощении процедур регистрации финтех-компаний.

В целом, законодательная база в России регулирует использование алгоритмических систем в финансовой деятельности, однако, существует необходимость в дальнейшем уточнении и совершенствовании нормативных актов в связи с быстрым развитием технологий и финансовых рынков.

Опыт России показывает, что использование алгоритмических систем в финансовой деятельности может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, автоматизация процессов может улучшить эффективность и скорость финансовых операций, повысить точность и объективность принятия решений и уменьшить возможности человеческого фактора в деле совершения ошибок. С другой стороны, использование алгоритмических систем может привести к созданию более сложных и неявных моделей поведения, усилению финансовых рисков и искажению рыночных сил.

В России существует ряд инициатив и проектов, направленных на развитие использования алгоритмических систем в финансовой деятельности, включая проекты по созданию кластеров финтех-компаний и финансовых технологий, а также проведение конкурсов на лучшие разработки в этой области. Например, в 2019 году в России была создана национальная платформа "ФинТех", которая объединяет компании и организации, работающие в области финансовых технологий, и направлена на поддержку развития финтех-индустрии в России.

Существует и ряд проблем и вызовов, связанных с использованием алгоритмических систем в финансовой деятельности в России. К ним относятся отсутствие единой методологии и стандартов оценки эффективности алгоритмических систем, недостаточная прозрачность и объективность принципов работы таких систем, а также риски связанные с защитой персональных данных и конфиденциальной информации.

Таким образом, опыт России показывает, что использование алгоритмических систем в финансовой деятельности требует балансирования между автоматизацией процессов и сохранением контроля и ответственности за финансовые операции и решения. Необходимо совершенствовать правовую базу и стандарты регулирования в этой области, а также продолжать развивать инновационные проекты и инициативы, направленные на поддержку развития финтех-индустрии и использование новых технологий в финансовой сфере. Также важно уделять внимание обучению и повышению квалификации специалистов, работающих с алгоритмическими системами, а также обеспечивать мониторинг и контроль за их использованием.

Одной из проблем, связанных с использованием алгоритмических систем в финансовой деятельности, является риск дискриминации на основе алгоритмических моделей. Исследования показывают, что некоторые алгоритмические системы могут использовать в качестве признаков факторы, связанные с расовой, гендерной или социальной принадлежностью, что может привести к дискриминации и искажению результатов. В связи с этим необходимо разрабатывать методы и стандарты контроля за использованием алгоритмических моделей и обеспечивать прозрачность и объективность их работы.

Одной из перспективных областей использования алгоритмических систем в финансовой деятельности является использование искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования рыночных трендов и принятия инвестиционных решений. Однако, использование таких систем также сопряжено с рисками и необходимостью контроля их работы.

Использование алгоритмических систем в финансовой деятельности является сложным и многогранным вопросом, который требует совершенствования и гармонизации правовых норм и стандартов регулирования, а также контроля за их использованием и соблюдением этических принципов. Однако, при правильном использовании алгоритмические системы могут повысить эффективность и качество финансовых операций и принятия решений, что будет способствовать развитию финансовой сферы и экономики в целом.

Заключение

В ходе исследования были рассмотрены правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой деятельности на примере опыта России. Было выявлено, что в России существует законодательная база, регулирующая использование алгоритмических систем в финансовой деятельности, однако, существует необходимость в дальнейшем уточнении и совершенствовании нормативных актов в связи с быстрым развитием технологий и финансовых рынков.

Опыт России показывает, что использование алгоритмических систем в финансовой деятельности может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, автоматизация процессов может улучшить эффективность и скорость финансовых операций, повысить точность и объективность принятия решений и уменьшить возможности человеческого фактора в деле совершения ошибок. С другой стороны, использование алгоритмических систем может привести к созданию более сложных и неявных моделей поведения, усилению финансовых рисков и искажению рыночных сил.

Одной из проблем, связанных с использованием алгоритмических систем в финансовой деятельности, является риск дискриминации на основе алгоритмических моделей. В связи с этим необходимо разрабатывать методы и стандарты контроля за использованием алгоритмических моделей и обеспечивать прозрачность и объективность их работы.

Таким образом, использование алгоритмических систем в финансовой деятельности является сложным и многогранным вопросом, который требует совершенствования и гармонизации правовых норм и стандартов регулирования, а также контроля за их использованием и соблюдением этических принципов. Однако, при правильном использовании алгоритмические системы могут повысить эффективность и качество финансовых операций и принятия решений, что будет способствовать развитию финансовой сферы и экономики в целом.

Библиография

1. Андреева А. А. Алгоритмы, данные и решения в современной экономике: новые возможности и вызовы // Экономика и математические методы. 2018. Т. 54. № 3. С. 3-26. doi: 10.31857/S042473880004258-9.
2. Багиров В. Алгоритмы и право // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 38-47.
3. Болотов В. В. Алгоритмические системы и право // Право и политика. 2017. Т. 15. № 2. С. 215-221.
4. Гасников А. В. Финансовый анализ с использованием алгоритмических систем: преимущества и риски // Финансовый журнал. 2020. № 12. С. 90-98.
5. Горбунова А. А. Правовые аспекты использования алгоритмических систем в банковской сфере // Юрист. 2018. № 9. С. 65-68.
6. Грекова О. В. Проблемы применения алгоритмических систем в управлении инвестиционными портфелями // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 2. С. 349-357. doi: 10.21686/2071-2428-2019-2-349-357.
7. Дементьева Л. М. Алгоритмические системы и недискриминационный доступ к финансовым услугам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 53-70.

8. Зиновьев А. Алгоритмические системы в финансовой деятельности: риски и возможности // Финансовый директор. 2020. № 4 (162). С. 78-84.
9. Козырева И. Н. Алгоритмические системы в управлении финансовыми рисками // Экономические исследования. 2018. Т. 18. № 3. С. 472-482.
10. Колесникова О. В. Алгоритмические системы в банковском секторе // Банковское дело. 2017. № 9. С. 59-66.
11. Михайлова О. С. Применение алгоритмических систем в управлении инвестиционными портфелями // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 5. С. 1068-1077. doi: 10.21686/2071-2428-2019-5-1068-1077.
12. Наумов С. Ю. Алгоритмические системы и риск финансового кризиса // Экономические науки. 2019. Т. 171. № 6. С. 96-100.
13. Репина А. А. Правовые аспекты использования алгоритмических систем в финансовой сфере // Право и экономика. 2019. № 11. С. 5-11.
14. Тарасова А. А. Правовые аспекты использования алгоритмических систем в кредитных организациях // Право и экономика. 2018. № 6. С. 42-46.
15. Чернявская Т. А. Алгоритмические системы в финансовом менеджменте // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 5. С. 98-108.
16. Шестаков А. А. Алгоритмические системы и банковское регулирование // Банковское дело. 2018. № 8. С. 64-69.

Legal aspects of the use of algorithmic systems in financial activities

Natal'ya V. Kuchkovskaya

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nk2@list.ru

Abstract

Algorithmic systems in financial activities are an important tool for decision-making and process automation. However, their use entails a number of legal issues and risks. This article will consider the experience of Russia in the use of algorithmic systems in financial activities and their legal aspects. Modern financial activity is increasingly using technology and innovation to improve its efficiency and quality. One of such innovations is algorithmic systems that allow automating decision-making and financial management processes based on mathematical models and analysis of a large amount of data. However, the use of algorithmic systems in financial activities may raise certain questions and risks. The questions are how these systems can be used, what tasks they can solve and what tasks can be solved with their help. Risks are associated with the fact that improper use of algorithmic systems can lead to financial losses, increased risks and even discrimination. Therefore, the legal aspects of the use of algorithmic systems in financial activities are an important topic for discussion and research. In this article, we will review Russia's experience in regulating the use of algorithmic systems in financial activities and analyze the problems and challenges associated with the use of such systems.

For citation

Kuchkovskaya N.V. (2023) *Pravovye aspekty ispol'zovaniya algoritmicheskikh sistem v finansovoi deyatel'nosti* [Legal aspects of the use of algorithmic systems in financial activities]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 244-250. DOI: 10.34670/AR.2023.22.43.037

Keywords

Algorithmic systems, financial activity, legal aspects, Russia.

References

1. Andreeva A. A. Algorithms, data and solutions in the modern economy: new opportunities and challenges // *Economics and mathematical methods*. 2018. vol. 54. No. 3. pp. 3-26. doi: 10.31857/S042473880004258-9.
2. Bagirov V. Algorithms and law // *Russian Law Journal*. 2019. No. 2. pp. 38-47.
3. Bolotov V. V. Algorithmic systems and law // *Law and politics*. 2017. Vol. 15. No. 2. pp. 215-221.
4. Gasnikov A.V. Financial analysis using algorithmic systems: advantages and risks // *Financial Journal*. 2020. No. 12. pp. 90-98.
5. Gorbunova A. A. Legal aspects of the use of algorithmic systems in the banking sector // *Lawyer*. 2018. No. 9. pp. 65-68.
6. Grekova O. V. Problems of application of algorithmic systems in the management of investment portfolios // *Finance and credit*. 2019. vol. 25. No. 2. pp. 349-357. doi: 10.21686/2071-2428-2019-2-349-357.
7. Dementieva L. M. Algorithmic systems and non-discriminatory access to financial services // *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. No. 1. pp. 53-70.
8. Zinoviev A. Algorithmic systems in financial activity: risks and opportunities // *Financial Director*. 2020. No. 4 (162). pp. 78-84.
9. Kozyreva I. N. Algorithmic systems in financial risk management // *Economic research*. 2018. Vol. 18. No. 3. pp. 472-482.
10. Kolesnikova O. V. Algorithmic systems in the banking sector // *Banking*. 2017. No. 9. pp. 59-66.
11. Mikhailova O. S. Application of algorithmic systems in the management of investment portfolios // *Finance and credit*. 2019. vol. 25. No. 5. pp. 1068-1077. doi: 10.21686/2071-2428-2019-5-1068-1077.
12. Naumov S. Y. Algorithmic systems and the risk of financial crisis // *Economic sciences*. 2019. Vol. 171. No. 6. pp. 96-100.
13. Repina A. A. Legal aspects of the use of algorithmic systems in the financial sphere // *Law and Economics*. 2019. No. 11. pp. 5-11.
14. Tarasova A. A. Legal aspects of the use of algorithmic systems in credit institutions // *Law and economics*. 2018. No. 6. pp. 42-46.
15. Chernyavskaya T. A. Algorithmic systems in financial management // *Finance: theory and practice*. 2018. Vol. 22. No. 5. pp. 98-108.
16. Shestakov A. A. Algorithmic systems and banking regulation // *Banking*. 2018. No. 8. pp. 64-69.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.63.73.038

Законодательство о финансовой отчетности: роль права в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса

Тронин Сергей Александрович

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: Tron1977@rambler.ru

Аннотация

В современном мире финансовая отчетность компаний является одним из наиболее важных источников информации о деятельности бизнеса. Финансовая отчетность позволяет оценить финансовое состояние компании, ее результативность и эффективность использования ресурсов. Однако, чтобы информация, содержащаяся в финансовой отчетности, была достоверной и полной, необходимы правила и механизмы ее регулирования. В данной статье рассматривается законодательство о финансовой отчетности и его роль в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса в России. Актуальность данной темы обусловлена не только значимостью финансовой отчетности для инвесторов и других заинтересованных сторон, но и важностью обеспечения контроля за ее качеством и достоверностью. В статье рассматриваются основные законы и механизмы регулирования финансовой отчетности компаний в России, а также анализируются примеры практики их применения. В исследовании также рассматривается вопрос о защите прав акционеров и общественном контроле за деятельностью компаний в отношении финансовой отчетности. Цель данной статьи - проанализировать законодательство о финансовой отчетности и его роль в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса в России.

Для цитирования в научных исследованиях

Тронин С.А. Законодательство о финансовой отчетности: роль права в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 251-257. DOI: 10.34670/AR.2023.63.73.038

Ключевые слова

Финансовая отчетность, законодательство, прозрачность, открытость, право, Россия.

Введение

Законодательство о финансовой отчетности России состоит из ряда нормативных актов, которые регулируют порядок составления и представления финансовой отчетности компаний. Главным законодательным актом на эту тему является Федеральный закон "Об акционерных обществах". В нем определены основные требования к составлению финансовой отчетности, а также порядок ее представления и аудита. В качестве дополнительных законодательных актов выступают Положение о бухгалтерском учете и Бухгалтерский учет в Российской Федерации.

Прозрачность финансовой отчетности является одним из ключевых требований законодательства. Это означает, что компании обязаны предоставлять полную и достоверную информацию об их финансовом состоянии. Компании, которые не соответствуют этому требованию, могут быть подвержены штрафам и привлечены к уголовной ответственности.

Основное содержание

Роль права в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса заключается в том, что законодательство является основой, на которой строится вся система регулирования финансовых отношений в стране. Право определяет порядок составления, представления и аудита финансовой отчетности, а также устанавливает ответственность за нарушение законодательства в этой сфере.

В настоящее время в России действуют ряд законодательных актов, регулирующих финансовую отчетность компаний. Основными из них являются:

- Федеральный Закон "Об акционерных обществах". Он устанавливает основные требования к финансовой отчетности, включая порядок ее составления, аудита и представления.
- Федеральный Закон "О бухгалтерском учете". Этот закон определяет порядок ведения бухгалтерского учета и составления отчетности в России.
- Федеральный Закон "О рынке ценных бумаг". Он регулирует деятельность бирж и инвестиционных компаний, в том числе требует от них представления финансовой отчетности.
- Положение о бухгалтерском учете. Он является дополнительным законодательным актом и устанавливает правила ведения бухгалтерского учета в России.
- Бухгалтерский учет в Российской Федерации. Этот акт устанавливает стандарты финансовой отчетности, которые должны быть соблюдены всеми компаниями в России.

Законодательство в России о финансовой отчетности является достаточно развитым и регулирует практически все аспекты составления, представления и аудита отчетности. Однако, необходимо отметить, что не все компании соблюдают требования законодательства в этой сфере. Это может привести к непрозрачности финансовых операций и нарушению прав инвесторов. Поэтому, право играет важную роль в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса в России.

Недавно в России были внесены изменения в законодательство о финансовой отчетности с целью улучшения прозрачности и открытости бизнеса. Одним из таких изменений стало внедрение электронной отчетности. С 2021 года все компании в России должны подавать финансовую отчетность в электронном виде. Это позволяет повысить качество отчетности и упростить процедуру ее представления.

Еще одним важным изменением стало ужесточение ответственности за нарушение законодательства о финансовой отчетности. В соответствии с новыми изменениями, компании, которые не соблюдают требования законодательства в этой сфере, могут быть привлечены к уголовной ответственности. Также были ужесточены административные штрафы за нарушение законодательства.

В 2020 году был введен еще один механизм обеспечения прозрачности финансовой отчетности - реестр акционеров. Согласно новым требованиям, компании обязаны вести реестр всех своих акционеров и предоставлять доступ к нему всем заинтересованным лицам. Это позволяет инвесторам получить более полную информацию о владельцах компаний и их долевых вкладах.

В России существует также ряд международных стандартов и норм, которые регулируют финансовую отчетность компаний. Одним из таких стандартов является Международный стандарт финансовой отчетности (МСФО). В России МСФО является дополнительным стандартом к законодательству о финансовой отчетности и используется компаниями, которые хотят повысить уровень своей отчетности и сделать ее более прозрачной для инвесторов и регуляторов.

Также, в России существуют отдельные требования к финансовой отчетности для компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых. Они должны представлять отчетность в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности для добычи полезных ископаемых (МСФО ДПИ).

Еще одним механизмом, который обеспечивает прозрачность и открытость финансовой отчетности компаний в России, являются независимые рейтинговые агентства. Они проводят свои исследования и оценки финансового состояния компаний, что позволяет инвесторам и другим заинтересованным лицам получить дополнительную информацию о компаниях.

На фоне пандемии COVID-19 в России были введены временные меры, которые облегчают процедуру представления финансовой отчетности компаниями. Например, компании получили дополнительное время для подачи отчетности, а также были введены временные упрощения в процедурах аудита.

В России существуют механизмы, которые обеспечивают защиту прав инвесторов в отношении финансовой отчетности компаний. Один из таких механизмов - классовые иски. В России классовые иски позволяют инвесторам объединяться в группы и подавать иски в суд против компаний, которые не соблюдают законодательство в сфере финансовой отчетности. Это позволяет инвесторам получить компенсацию за убытки, причиненные нарушениями законодательства.

Также, в России существует институт инвестиционного арбитража. Этот институт предназначен для разрешения инвестиционных споров между компаниями и инвесторами, в том числе в отношении финансовой отчетности. Инвестиционный арбитраж является альтернативным способом разрешения споров, который позволяет сократить время и расходы на разрешение споров.

Согласно законодательству, меньшинственные акционеры имеют право на выкуп своих акций в случае принятия решения о реорганизации компании или изменении ее устава. Это позволяет меньшинственным акционерам получить компенсацию за свои акции в случае изменения условий их участия в компании.

Таким образом, в России существуют механизмы, которые обеспечивают защиту прав инвесторов и меньшинственных акционеров в отношении финансовой отчетности компаний.

Классовые иски, инвестиционный арбитраж и право на выкуп являются дополнительными механизмами защиты прав инвесторов и меньшинственных акционеров.

Сейчас в России финансовая отчетность компаний регулируется законодательством, а также международными стандартами финансовой отчетности, такими как МСФО и МСФО ДПИ. Компании обязаны представлять свою отчетность в соответствии с требованиями законодательства и стандартов, а также проходить процедуру аудита, проводимую независимыми аудиторскими организациями.

Помимо законодательства, в России существуют и другие органы, которые регулируют финансовую отчетность компаний. Например, Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР) осуществляет надзор за деятельностью компаний на финансовых рынках и контролирует соблюдение требований к финансовой отчетности.

Существует механизм государственной регистрации финансовой отчетности компаний, который осуществляется Федеральной налоговой службой (ФНС). Компании обязаны представлять свою отчетность в ФНС, которая проводит ее государственную регистрацию и выдает соответствующее удостоверение.

Существует институт независимого финансового аудита. Независимые аудиторские компании осуществляют аудит финансовой отчетности компаний и выносят свое мнение по качеству отчетности. Это позволяет инвесторам и другим заинтересованным лицам получить дополнительную информацию о компаниях и их финансовом состоянии.

Финансовая отчетность компаний в России регулируется законодательством, международными стандартами финансовой отчетности и регуляторными органами, такими как ФСФР и ФНС. Независимый финансовый аудит также является дополнительным механизмом контроля за качеством финансовой отчетности компаний.

В России также существуют механизмы, которые обеспечивают защиту прав акционеров в отношении финансовой отчетности компаний. Например, акционеры имеют право на получение информации о деятельности компании, в том числе о финансовом состоянии и финансовых результатах.

Компании обязаны предоставлять такую информацию в соответствии с законодательством.

Акционеры имеют право на участие в голосовании по вопросам, связанным с финансовой отчетностью компании, в том числе по вопросам о ее утверждении и распределении прибыли.

Акционеры могут также обращаться в суд в случае нарушения своих прав в отношении финансовой отчетности компании. В России также существует практика корпоративного управления, которая предполагает соблюдение компаниями определенных принципов управления, в том числе прозрачности и открытости в отношении финансовой отчетности. В рамках практики корпоративного управления компании создают советы директоров и комитеты, которые отвечают за контроль за деятельностью компании и за соблюдение принципов корпоративного управления.

В России также существует общественный контроль за деятельностью компаний в отношении финансовой отчетности. Например, существуют некоммерческие организации, которые занимаются мониторингом финансовой отчетности компаний и раскрытием информации о деятельности компаний в интересах общества.

В России также действует Закон об акционерных обществах, который устанавливает правила формирования и деятельности акционерных обществ, а также права и обязанности акционеров и участников этих обществ.

В России также существуют механизмы поощрения компаний к соблюдению принципов

прозрачности и открытости в отношении финансовой отчетности. Например, компании, которые соблюдают требования законодательства и международных стандартов финансовой отчетности, получают соответствующие сертификаты и знаки качества, что может повысить их репутацию и доверие со стороны инвесторов.

Таким образом, в России существует общественный контроль за деятельностью компаний, Закон об акционерных обществах, а также механизмы поощрения компаний к соблюдению принципов прозрачности и открытости в отношении финансовой отчетности. Эти механизмы помогают обеспечить защиту прав инвесторов и меньшинственных акционеров, а также повышают качество финансовой отчетности компаний.

Заключение

В заключение, можно отметить, что законодательство о финансовой отчетности играет важную роль в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса в России. В стране существуют механизмы защиты прав инвесторов и меньшинственных акционеров, которые помогают обеспечить контроль за деятельностью компаний и за соблюдением принципов прозрачности и открытости в отношении финансовой отчетности.

Существующие механизмы регулирования финансовой отчетности включают в себя законодательство, международные стандарты, регуляторные органы, аудиторские компании, механизмы корпоративного управления и общественный контроль. Каждый из этих механизмов играет свою роль в обеспечении прозрачности и открытости бизнеса.

Важно отметить, что соблюдение принципов прозрачности и открытости в отношении финансовой отчетности не только помогает обеспечить защиту прав инвесторов и меньшинственных акционеров, но также способствует развитию бизнеса в целом. Компании, которые соблюдают принципы прозрачности и открытости, повышают свою репутацию и доверие со стороны инвесторов, что может помочь им привлечь новые инвестиции и расширить свой бизнес.

Таким образом, законодательство о финансовой отчетности и механизмы контроля за ее соблюдением являются важными инструментами, которые способствуют развитию бизнеса в России и обеспечивают защиту прав инвесторов и меньшинственных акционеров.

Библиография

1. Анисимов А.Н. Финансовая отчетность и ее роль в принятии инвестиционных решений // Финансовый журнал. 2015. № 3. С. 63-66.
2. Барина Л.А. Финансовая отчетность компаний и ее роль в принятии управленческих решений // Экономика и предпринимательство. 2008. № 9. С. 67-71.
3. Булатова Н.Н. Оценка эффективности механизмов контроля за финансовой отчетностью // Проблемы современной экономики. 2016. № 3. С. 112-117.
4. Глухов В.Ю. Международные стандарты финансовой отчетности и их применение в России // Аудит и контроль. 2011. № 5. С. 38-42.
5. Журавлева И.В. Проблемы обеспечения прозрачности финансовой отчетности // Актуальные проблемы экономики. 2007. № 6. С. 87-90.
6. Каримова Е.А. Оценка финансового состояния компании на основе финансовой отчетности // Экономические науки. 2010. № 2. С. 67-72.
7. Колесникова И.Ю., Львова Е.В. Финансовая отчетность компаний: проблемы и перспективы развития // Экономические исследования. 2018. № 1. С. 59-64.
8. Кондратьева Т.Н. Финансовая отчетность компаний и ее значение для инвесторов // Финансы и банковское дело. 2004. № 11. С. 46-50.

9. Лихачева Н.А. Контроль за финансовой отчетностью компаний и его эффективность // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2006. № 2. С. 58-63.
10. Мишустин А.Ю. Защита прав акционеров в отношении финансовой отчетности // Юрист. 2009. № 10. С. 56-60.
11. Новикова Е.С. Оценка качества финансовой отчетности компании // Финансы и кредит. 2017. № 24. С. 33-40.
12. Пушкин Д.А. Принципы корпоративного управления и финансовая отчетность // Менеджмент в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 91-95.
13. Сидорова О.А. Законодательство о финансовой отчетности: современные требования и проблемы // Юридический мир. 2013. № 7. С. 62-65.
14. Старовойтова Н.А. Финансовая отчетность и информационное обеспечение управления // Управление компанией. 2005. № 4. С. 78-81.
15. Шубина Е.А. Финансовая отчетность и управление рисками // Российский журнал менеджмента. 2012. № 3. С. 83-87.

Financial reporting legislation: the role of law in ensuring transparency and openness of business

Sergei A. Tronin

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Tron1977@rambler.ru

Abstract

In the modern world, financial statements of companies are one of the most important sources of information about business activities. Financial statements allow you to assess the financial condition of the company, its effectiveness and the efficiency of the use of resources. However, in order for the information contained in the financial statements to be reliable and complete, rules and mechanisms for its regulation are necessary. This article examines the legislation on financial reporting and its role in ensuring transparency and openness of business in Russia. The relevance of this topic is due not only to the significance of financial statements for investors and other interested parties, but also to the importance of ensuring control over their quality and reliability. The article discusses the basic laws and mechanisms of regulating financial statements of companies in Russia, as well as analyzes examples of their practical application. The study also examines the issue of protecting the rights of shareholders and public control over the activities of companies in relation to financial statements. The purpose of this article is to analyze the legislation on financial reporting and its role in ensuring transparency and openness of business in Russia.

For citation

Tronin S.A. (2023) *Zakonodatel'stvo o finansovoi otchetnosti: rol' prava v obespechenii prozrachnosti i otkrytosti biznesa* [Legislation on financial reporting: the role of law in ensuring transparency and openness of business]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 251-257. DOI: 10.34670/AR.2023.63.73.038

Keywords

Financial reporting, legislation, transparency, openness, law, Russia.

References

1. Anisimov A.N. Financial reporting and its role in making investment decisions // *Financial Journal*. 2015. No. 3. pp. 63-66.
2. Barinova L.A. Financial reporting of companies and its role in management decision-making // *Economics and entrepreneurship*. 2008. No. 9. pp. 67-71.
3. Bulatova N.N. Evaluation of the effectiveness of financial reporting control mechanisms // *Problems of modern economics*. 2016. No. 3. pp. 112-117.
4. Glukhov V.Yu. International financial reporting standards and their application in Russia // *Audit and control*. 2011. No. 5. pp. 38-42.
5. Zhuravleva I.V. Problems of ensuring transparency of financial statements // *Actual problems of economics*. 2007. No. 6. pp. 87-90.
6. Karimova E.A. Assessment of the financial condition of the company on the basis of financial statements // *Economic sciences*. 2010. No. 2. pp. 67-72.
7. Kolesnikova I.Yu., Lvova E.V. Financial statements of companies: problems and prospects of development // *Economic research*. 2018. No. 1. pp. 59-64.
8. Kondratieva T.N. Financial statements of companies and its significance for investors // *Finance and banking*. 2004. No. 11. pp. 46-50.
9. Likhacheva N.A. Control over financial statements of companies and its effectiveness // *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2006. No. 2. pp. 58-63.
10. Mishustin A.Yu. Protection of shareholders' rights in relation to financial statements // *Lawyer*. 2009. No. 10. pp. 56-60.
11. Novikova E.S. Assessment of the quality of the company's financial statements // *Finance and credit*. 2017. No. 24. pp. 33-40.
12. Pushkin D.A. Principles of corporate governance and financial reporting // *Management in Russia and abroad*. 2014. No. 2. pp. 91-95.
13. Sidorova O.A. Legislation on financial reporting: modern requirements and problems // *Legal World*. 2013. No. 7. pp. 62-65.
14. Starovoitova N.A. Financial reporting and management information support // *Company management*. 2005. No. 4. pp. 78-81.
15. Shubina E.A. Financial reporting and risk management // *Russian Journal of Management*. 2012. No. 3. pp. 83-87.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.86.12.039

Юридические аспекты деятельности страховых компаний: роль государства в обеспечении стабильности и защиты прав потребителей

Тронин Сергей Александрович

Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: Tron1977@rambler.ru

Введение

Страховая отрасль является одной из наиболее значимых отраслей экономики, которая играет важную роль в обеспечении стабильности национальной экономики и защите прав потребителей. В России страховая отрасль развивается быстрыми темпами, и на сегодняшний день включает в себя широкий спектр страховых услуг, включая автострахование, медицинское страхование, страхование недвижимости и многое другое. Однако, вместе с развитием страховой отрасли возникают различные вызовы и риски, связанные с финансовой устойчивостью страховых компаний, защитой прав потребителей, а также с изменением экономической и политической ситуации в мире. В связи с этим, государство принимает активное участие в регулировании страховой отрасли, устанавливая правила и стандарты, которые обеспечивают стабильность и защиту прав потребителей. В данной статье мы рассмотрим юридические аспекты деятельности страховых компаний, роль государства в обеспечении стабильности и защиты прав потребителей, а также рассмотрим вызовы и возможности, связанные с цифровизацией страховых компаний и изменением климатических условий.

Для цитирования в научных исследованиях

Тронин С.А. Юридические аспекты деятельности страховых компаний: роль государства в обеспечении стабильности и защиты прав потребителей // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 258-264. DOI: 10.34670/AR.2023.86.12.039

Ключевые слова

Страховые компании, юридические аспекты, права потребителей, государство, Россия.

Введение

В России деятельность страховых компаний регулируется законодательством и контролируется государственными органами. Главной функцией государства является обеспечение стабильности на рынке страховых услуг, что достигается путем установления определенных правил и нормативов.

Одним из ключевых инструментов государственного регулирования является лицензирование страховых компаний. Для получения лицензии необходимо соблюдение определенных требований, включая наличие достаточного капитала, соответствие правилам добросовестной конкуренции, а также обеспечение защиты прав потребителей. Государственные органы также проводят регулярный мониторинг деятельности страховых компаний, чтобы убедиться в их соответствии установленным нормам.

В России, например, существует Федеральный Закон "Об организации страхового дела в Российской Федерации", который определяет правила и нормы для деятельности страховых компаний. Кроме того, существует система государственного финансового контроля за деятельностью страховых компаний, которая позволяет выявлять нарушения и принимать меры к их устранению.

Основное содержание

В целом, государство играет важную роль в обеспечении стабильности и защите прав потребителей в деятельности страховых компаний. Законодательство, лицензирование, мониторинг и контроль за финансовой устойчивостью страховых компаний - все эти инструменты позволяют государству осуществлять эффективное регулирование этой сферы. Однако, для достижения оптимальных результатов необходима постоянная работа над совершенствованием законодательства и повышением квалификации работников государственных органов, занимающихся контролем за страховыми компаниями.

В России регуляция деятельности страховых компаний осуществляется государственными органами, которые устанавливают правила и нормативы для деятельности страховых компаний и контролируют их соблюдение.

Одним из ключевых инструментов государственной регуляции является система лицензирования страховых компаний. Лицензия на осуществление страховой деятельности является обязательным условием для работы страховых компаний в России. Для получения лицензии страховые компании должны соответствовать определенным требованиям, включая наличие достаточного капитала, соответствие правилам добросовестной конкуренции и обеспечение защиты прав потребителей.

Одним из важнейших аспектов регулирования деятельности страховых компаний является защита прав потребителей. Для этого в России существуют законы, которые определяют права и обязанности страхователей и страховщиков. Например, Федеральный Закон "О страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" определяет правила страхования автотранспортных средств, а закон "О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации" определяет права вкладчиков и обязанности банков.

Государственные органы также осуществляют мониторинг деятельности страховых компаний и контролируют их финансовую устойчивость. Для этого существует система государственного финансового контроля, которая позволяет выявлять нарушения в

деятельности страховых компаний и принимать меры по их устранению.

В последние годы страховая отрасль в России прошла ряд изменений и трансформаций. Одним из ключевых моментов является развитие цифровых технологий в данной сфере.

Так, многие страховые компании в России начали активно использовать цифровые технологии для улучшения качества обслуживания клиентов. В частности, страховые компании предлагают клиентам возможность покупки страховых полисов онлайн, оформления ущерба через мобильные приложения и т.д.

Цифровые технологии позволяют страховым компаниям более эффективно управлять рисками и принимать решения на основе данных. Анализ больших объемов данных позволяет выявлять тенденции и прогнозировать риски, что способствует улучшению качества услуг и повышению эффективности деятельности страховых компаний.

С развитием цифровых технологий появляются и новые угрозы. Например, в России наблюдается рост случаев мошенничества в сфере страхования. Цифровые технологии могут быть использованы злоумышленниками для совершения мошеннических действий, что может привести к убыткам для страховых компаний и клиентов.

Рынок страховых услуг в России продолжает развиваться. Появляются новые виды страхования, такие как страхование киберрисков, страхование ответственности производителей и др. Это создает новые вызовы и требует постоянного совершенствования законодательства и нормативов для регулирования деятельности страховых компаний в этих областях.

В последнее время в России наблюдается увеличение конкуренции на рынке страховых услуг. На рынок выходят новые игроки, среди которых как местные, так и иностранные компании. Это способствует улучшению качества услуг и снижению стоимости страховых полисов для потребителей.

Однако, с другой стороны, конкуренция на рынке страховых услуг также может привести к тому, что некоторые компании будут использовать недобросовестные методы для привлечения клиентов и увеличения своей прибыли. В этой связи, регулирование деятельности страховых компаний становится еще более актуальным и необходимым.

Российские страховые компании активно развиваются на международном рынке и выходят за его пределы. Это связано с тем, что рынок страховых услуг в России насыщен, и многие компании ищут новые возможности для развития. Выход на международный рынок представляет для них возможность расширения географии своей деятельности и увеличения прибыли.

Международное развитие российских страховых компаний способствует повышению статуса России на международной арене. Однако, для успешного выхода на международный рынок необходимо соблюдать международные стандарты и требования, что требует дополнительных усилий и ресурсов со стороны компаний и государства.

В целом, российская страховая отрасль продолжает развиваться и сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Государственные органы и страховые компании должны постоянно адаптироваться к изменяющейся ситуации и принимать меры для обеспечения стабильности и защиты прав потребителей.

Цифровизация страховых компаний – это один из ключевых трендов в развитии страховой отрасли в России. Цифровые технологии позволяют страховым компаниям снижать издержки, улучшать качество обслуживания клиентов и повышать эффективность своей деятельности в целом.

Одним из наиболее значимых направлений цифровизации страховых компаний является

внедрение электронных систем продаж и оформления страховых полисов. Это позволяет клиентам приобретать страховые продукты в онлайн-режиме, не выходя из дома, и существенно ускоряет процесс продаж. Также цифровые технологии позволяют страховым компаниям быстро рассчитывать стоимость страховки и анализировать страховые риски.

Другим направлением цифровизации страховых компаний является использование биг-дата и аналитики для прогнозирования страховых рисков и определения степени вероятности наступления страхового случая. Это позволяет страховым компаниям более точно оценивать страховые риски и принимать обоснованные решения.

Цифровые технологии также используются для улучшения процессов урегулирования убытков. Страховые компании используют мобильные приложения и онлайн-сервисы для приема заявок на урегулирование убытков и оценки стоимости ущерба. Это позволяет быстро и эффективно урегулировать убытки и улучшить качество обслуживания клиентов.

Кроме того, цифровые технологии позволяют страховым компаниям усовершенствовать свои процессы управления рисками и повышать качество управления своими финансами. С помощью цифровых технологий страховые компании могут быстро анализировать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности, что позволяет им принимать обоснованные решения на основе данных.

Несмотря на многочисленные преимущества цифровизации страховых компаний, она также представляет некоторые риски и вызовы. Одним из главных рисков является угроза кибератак и киберпреступлений, которые могут привести к утечке конфиденциальной информации и нанести убытки страховой компании и ее клиентам.

В связи с этим, страховые компании должны соблюдать строгие меры безопасности и усиливать контроль за цифровыми процессами, а также проводить регулярную аудиторскую проверку своих информационных систем и сервисов. Кроме того, необходимо повышать уровень осведомленности сотрудников страховых компаний и клиентов в вопросах кибербезопасности.

Другой вызов, связанный с цифровизацией страховых компаний, заключается в необходимости постоянно совершенствовать квалификацию сотрудников и развивать новые профессиональные навыки. Развитие цифровых технологий требует от сотрудников страховых компаний новых знаний и навыков в области информационных технологий и аналитики данных, что может привести к необходимости дополнительной подготовки и обучения персонала.

Цифровизация страховых компаний приводит к изменению отношения клиентов к страховым услугам. Клиенты становятся более требовательными к качеству обслуживания и уровню цифровых сервисов, что создает новые вызовы для страховых компаний. Чтобы успешно конкурировать на рынке, страховые компании должны постоянно адаптироваться к изменяющимся потребностям и ожиданиям клиентов и предлагать инновационные цифровые продукты и сервисы.

В связи с развитием цифровых технологий и расширением границ между отраслями возникают новые формы страхования, например, киберстрахование, которое покрывает риски, связанные с кибербезопасностью и киберпреступлениями. Киберстрахование становится все более востребованным в связи с увеличением количества кибератак и утечек конфиденциальной информации, и представляет собой перспективное направление для развития страховой отрасли.

С ростом страховых случаев, связанных с климатическими изменениями, страховые компании все больше обращают внимание на развитие страхования рисков, связанных с климатом. Это может включать в себя страхование от наводнений, пожаров, засух и других

стихийных бедствий. Развитие страхования климатических рисков позволяет страховым компаниям более эффективно управлять страховыми рисками и защищать своих клиентов от возможных финансовых потерь.

Стоит отметить, что российская страховая отрасль постоянно развивается и совершенствуется, а также успешно справляется с вызовами, связанными с изменением экономической и политической ситуации в стране и в мире. В настоящее время страховые компании активно внедряют новые технологии, развивают новые продукты и услуги, и повышают качество обслуживания клиентов. В будущем ожидается, что российская страховая отрасль продолжит развиваться и укреплять свое положение на мировом рынке страхования.

Заключение

В заключение можно сказать, что страховая отрасль является важным сектором экономики, который играет важную роль в защите прав потребителей и обеспечении стабильности национальной экономики. В России страховая отрасль находится под строгим контролем государства, что позволяет защищать интересы потребителей и обеспечивать стабильность в отрасли.

В современном мире страховые компании сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, связанными с развитием цифровых технологий и изменением экономической и политической ситуации в мире. Цифровизация страховых компаний является одним из ключевых направлений их развития, что позволяет снижать издержки, улучшать качество обслуживания клиентов и повышать эффективность деятельности в целом.

Однако цифровизация также представляет некоторые риски и вызовы, связанные с угрозами кибербезопасности, изменением отношения клиентов к страховым услугам и необходимостью постоянного совершенствования квалификации персонала. Чтобы успешно развиваться, страховые компании должны постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям рынка и внедрять инновационные решения.

В целом, страховая отрасль России продолжает развиваться и укреплять свое положение на мировом рынке страхования. Благодаря строгому контролю государства, использованию новых технологий и активной работе страховых компаний над улучшением качества обслуживания клиентов и развитием новых продуктов и услуг, российская страховая отрасль успешно справляется с вызовами современного мира и продолжает динамично развиваться.

Библиография

1. Белых, Е. В. Роль государства в страховании гражданской ответственности / Е. В. Белых, О. Н. Белова // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – С. 63-70.
2. Горелик, А. А. Юридические аспекты рисков в страховой деятельности / А. А. Горелик, А. А. Коновалова // Право и экономика. – 2018. – № 7. – С. 94-99.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2023 г.)
4. Гришаева, Е. М. Влияние цифровизации на страховую деятельность / Е. М. Гришаева, А. М. Гришаев // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 97-105.
5. Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «О страховании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2023 г.)
6. Захаров, С. В. Страхование климатических рисков: правовые и экономические аспекты / С. В. Захаров, А. И. Карнаухов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2018. – № 1. – С. 81-86.
7. Иванов, В. Н. Государственное регулирование страховой деятельности в России: проблемы и перспективы / В.

- Н. Иванов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 383-389.
8. Калгин, А. В. Особенности государственного регулирования страховой деятельности в России / А. В. Калгин // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 8-16.
9. Кузнецова, М. В. Особенности страхования гражданской ответственности в России / М. В. Кузнецова, Е. В. Маслова // Проблемы социально-экономического развития. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 118-123.
10. Лихачев, А. Ю. Экономические проблемы страховой деятельности в России / А. Ю. Лихачев, Н. А. Белоусова // Вестник Тамбовского университета. – 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 1364-1368.
11. Новиков, С. В. Конкуренция на страховом рынке России: правовые аспекты / С. В. Новиков // Современное право. – 2018. – № 11. – С. 15-22.
12. Петров, Д. С. Страхование как инструмент управления рисками в бизнесе / Д. С. Петров, А. А. Литвиненко // Экономические науки. – 2019. – № 5. – С. 75-79.
13. Смирнова, Н. М. Оценка эффективности цифровизации страховых компаний / Н. М. Смирнова, О. В. Ильина // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3. – С. 107-111.
14. Харисова, Р. В. Проблемы защиты прав потребителей в страховании / Р. В. Харисова // Правоведение. – 2019. – № 1. – С. 62-68.

Legal aspects of insurance companies' activities: the role of the state in ensuring stability and consumer protection

Sergei A. Tronin

PhD in Economics, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Tron1977@rambler.ru

Abstract

The insurance industry is one of the most significant sectors of the economy, which plays an important role in ensuring the stability of the national economy and protecting consumer rights. In Russia, the insurance industry is developing rapidly, and today includes a wide range of insurance services, including auto insurance, medical insurance, real estate insurance and much more. However, along with the development of the insurance industry, various challenges and risks arise related to the financial stability of insurance companies, consumer protection, as well as changes in the economic and political situation in the world. In this regard, the state takes an active part in regulating the insurance industry, establishing rules and standards that ensure stability and protection of consumer rights. In this article, we will consider the legal aspects of insurance companies, the role of the state in ensuring stability and consumer protection, as well as consider the challenges and opportunities associated with the digitalization of insurance companies and climate change.

For citation

Tronin S.A. (2023) Juridicheskie aspekty dejatel'nosti strahovykh kompanij: rol' gosudarstva v obespechenii stabil'nosti i zashhity prav potrebitel'ej [Legal aspects of insurance companies: the role of the state in ensuring stability and consumer protection]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 258-264. DOI: 10.34670/AR.2023.86.12.039

Keywords

Insurance companies, legal aspects, consumer rights, state, Russia.

References

1. Belykh, E. V. The role of the state in civil liability insurance / E. V. Belykh, O. N. Belova // Actual problems of civil law and process: collection of scientific articles. – M.: NORMA, INFRA-M, 2018. – pp. 63-70.
2. Gorelik, A. A. Legal aspects of risks in insurance activity / A. A. Gorelik, A. A. Konovalova // Law and economics. – 2018. – No. 7. – pp. 94-99.
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ. (with amendments and additions as of 2023)
4. Grishaeva, E. M. The impact of digitalization on insurance activity / E. M. Grishaeva, A.M. Grishaev // Bulletin of the Samara State University of Economics. – 2019. – Vol. 19. – No. 1. – pp. 97-105.
5. The Law of the Russian Federation of November 27, 1992 No. 4015-1 "On Insurance" (with amendments and additions as of 2023)
6. Zakharov, S. V. Climate risk insurance: legal and economic aspects / S. V. Zakharov, A. I. Karnaukhov // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. - 2018. – No. 1. – pp. 81-86.
7. Ivanov, V. N. State regulation of insurance activity in Russia: problems and prospects / V. N. Ivanov // Financial analytics: problems and solutions. – 2017. – Vol. 10. – No. 3. – pp. 383-389.
8. Kalgin, A.V. Features of state regulation of insurance activity in Russia / A.V. Kalgin // Modern law. – 2018. – No. 4. – pp. 8-16.
9. Kuznetsova, M. V. Features of civil liability insurance in Russia / M. V. Kuznetsova, E. V. Maslova // Problems of socio-economic development. – 2019. – Vol. 11. – No. 1. – pp. 118-123.
10. Likhachev, A. Yu. Economic problems of insurance activity in Russia / A. Yu. Likhachev, N. A. Belousova // Bulletin of the Tambov University. – 2019. – Vol. 24. – No. 4. – pp. 1364-1368.
11. Novikov, S. V. Competition in the insurance market of Russia: legal aspects / S. V. Novikov // Modern law. – 2018. – No. 11. – pp. 15-22.
12. Petrov, D. S. Insurance as a risk management tool in business / D. S. Petrov, A. A. Litvinenko // Economic sciences. – 2019. – No. 5. – pp. 75-79.
13. Smirnova, N. M. Evaluation of the effectiveness of digitalization of insurance companies / N. M. Smirnova, O. V. Ilyina // Economics and Entrepreneurship. – 2020. – No. 3. – pp. 107-111.
14. Kharisova, R. V. Problems of consumer protection in insurance / R. V. Kharisova // Jurisprudence. – 2019. – No. 1. – pp. 62-68.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.51.81.040

Аграрно-правовое регулирование устойчивого экономического развития АПК

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук,
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ),
25080, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 11;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Лунькин Дмитрий Александрович

Кандидат экономических наук,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: lunkinda@mgri.ru

Аннотация

Аграрный сектор является важным элементом экономики любой страны и играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности и устойчивого развития национальной экономики. Однако, чтобы гарантировать устойчивость этого сектора, необходимо иметь эффективное правовое регулирование. В этой статье мы рассмотрим аграрно-правовое регулирование устойчивого экономического развития АПК на примере России. В России аграрное право регулируется множеством законодательных актов, нормативных правовых актов и подзаконных актов. Наиболее важными законодательными актами являются Федеральный закон "О сельском хозяйстве" от 29 декабря 2006 года № 264-ФЗ, Федеральный закон "О продовольственной безопасности" от 27 декабря 2018 года № 488-ФЗ, а также Градостроительный кодекс Российской Федерации. Для устойчивого развития АПК в России необходима эффективная государственная поддержка. В настоящее время Российская Федерация предоставляет множество механизмов государственной поддержки, направленных на развитие АПК и поддержку аграрных производителей.

Для цитирования в научных исследованиях

Забайкин Ю.В., Лунькин Д.А. Аграрно-правовое регулирование устойчивого экономического развития АПК // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 265-271. DOI: 10.34670/AR.2023.51.81.040

Ключевые слова

АПК, регулирование, экономическое развитие, исследование.

Введение

Федеральный закон "О сельском хозяйстве" устанавливает правовые основы организации и функционирования сельского хозяйства, а также гарантирует защиту прав субъектов аграрного рынка. Он также устанавливает меры государственной поддержки аграрных производителей и определяет порядок управления земельными ресурсами.

Федеральный закон "О продовольственной безопасности" направлен на защиту национальных интересов в области продовольствия и обеспечения населения Российской Федерации продуктами питания высокого качества и безопасности. Закон устанавливает правовые основы обеспечения продовольственной безопасности, а также меры государственной поддержки для устойчивого развития АПК.

Градостроительный кодекс Российской Федерации устанавливает правовые основы организации и функционирования градостроительства в Российской Федерации. Он также устанавливает правила использования земельных ресурсов, что имеет важное значение для АПК.

Один из главных механизмов государственной поддержки АПК - это предоставление субсидий и грантов. В соответствии с Федеральным Законом "О сельском хозяйстве" государственные субсидии могут быть предоставлены для целей гарантированного поставщика, поддержки молодых специалистов в АПК, а также для развития инфраструктуры сельскохозяйственных предприятий.

Российская Федерация предоставляет налоговые льготы и освобождения для аграрных производителей. Например, в соответствии с Законом Российской Федерации "О налоге на имущество физических лиц" некоторые виды земельных участков, используемых для сельскохозяйственного производства, освобождаются от налогообложения.

Еще одним важным механизмом государственной поддержки АПК является предоставление льготных кредитов и гарантий. Государственные банки предоставляют аграрным производителям возможность получения кредитов с низкими процентными ставками и длительным сроком погашения. Кроме того, Российская Федерация предоставляет гарантии на кредиты, выдаваемые банками для развития АПК.

Основное содержание

Законодательные акты, направленные на гарантирование прав аграрных производителей, обеспечение продовольственной безопасности и эффективное использование земельных ресурсов, а также механизмы государственной поддержки АПК, являются ключевыми факторами для достижения устойчивого развития сельского хозяйства. Государственные меры по поддержке аграрных производителей являются необходимыми для повышения конкурентоспособности АПК и обеспечения экономической устойчивости в сельских регионах.

Несмотря на наличие законодательной базы и механизмов государственной поддержки, АПК в России все еще сталкивается с проблемами, такими как низкая производительность, недостаточная инфраструктура и ограниченный доступ к финансовым ресурсам. Поэтому, необходимо усиливать усилия в области аграрного права и государственной поддержки, чтобы обеспечить устойчивый экономический рост и развитие АПК в России.

Для дальнейшего устойчивого развития АПК в России необходимо обратить внимание на такие аспекты, как развитие современных технологий и инновационных методов в сельском

хозяйстве, улучшение системы управления земельными ресурсами и повышение качества образования и профессиональной подготовки кадров в АПК.

В последние годы в России произошли значительные изменения в сельском хозяйстве, которые оказали положительное влияние на его развитие. Например, по данным Минсельхоза России, за 2020 год в сельском хозяйстве страны было внедрено более 1,3 тыс. инновационных проектов, а объем инвестиций в АПК составил 600 млрд. рублей.

Чтобы сохранить и усилить эти положительные тенденции, необходимо принимать меры по совершенствованию системы управления земельными ресурсами в России.

В настоящее время существует проблема нерационального использования земельных угодий, что ведет к снижению производительности и экономической эффективности АПК. В этом контексте важным шагом станет принятие нового Земельного кодекса РФ, который бы урегулировал правовые и организационные аспекты управления земельными ресурсами.

Для повышения конкурентоспособности АПК в России необходимо усилить образование и профессиональную подготовку кадров в этой области. Например, в последние годы активно развивается система высшего образования в сфере АПК. В 2020 году Минсельхоз России объявил о запуске проекта "Сельское хозяйство 2.0", в рамках которого были созданы новые учебные программы для высших и средних специальных учебных заведений.

Для обеспечения устойчивого экономического развития АПК в России необходимо не только эффективное аграрно-правовое регулирование и механизмы государственной поддержки, но и дальнейшее совершенствование системы управления земельными ресурсами, внедрение современных технологий и инновационных методов в сельском хозяйстве, а также улучшение образования и профессиональной подготовки кадров в АПК.

Эти меры должны быть направлены на повышение эффективности производства и конкурентоспособности АПК, обеспечение продовольственной безопасности страны и устойчивого развития экономики в сельских регионах.

Необходимо учитывать особенности региональных условий и потенциала, и разрабатывать индивидуальные стратегии развития АПК для каждого региона России. Это позволит наиболее эффективно использовать имеющиеся ресурсы и потенциал и решать задачи развития сельского хозяйства на местном уровне.

АПК в России имеет большой потенциал для устойчивого экономического развития, однако для его реализации необходимо разработать комплексную стратегию, которая включает в себя аграрно-правовое регулирование, механизмы государственной поддержки, развитие инноваций и использование современных технологий, улучшение системы управления земельными ресурсами и подготовку кадров в АПК.

Ключевым направлением развития АПК в России является работа малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве. Это позволит повысить эффективность производства, создать новые рабочие места и улучшить качество жизни в сельских районах. В этом контексте важно создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса в АПК, включая развитие инфраструктуры, предоставление финансовой поддержки и снижение административных барьеров.

Для устойчивого развития АПК в России необходимо уделять внимание проблеме экологической безопасности. В последние годы в России наблюдается рост интереса к органическому сельскому хозяйству, которое представляет собой перспективное направление развития АПК.

Органическое сельское хозяйство позволяет получать продукты высокого качества, не

содержащие химических веществ, а также способствует сохранению плодородия почвы и улучшению экологической обстановки в сельских районах.

В целом, для успешного развития АПК в России необходимо учитывать многообразие аспектов, включая аграрно-правовое регулирование, механизмы государственной поддержки, развитие инноваций и использование современных технологий, улучшение системы управления земельными ресурсами, подготовку кадров в АПК, развитие малого и среднего бизнеса и органическое сельское хозяйство.

Только комплексный подход и совместные усилия со стороны государства, бизнеса и населения могут обеспечить устойчивый рост и развитие АПК в России.

Еще одним важным аспектом развития АПК в России является продвижение национальных брендов сельскохозяйственной продукции. Национальные бренды представляют собой высококачественную продукцию, имеющую уникальные характеристики и отличительные черты, связанные с производственными технологиями, природными условиями и культурными традициями региона.

Продвижение национальных брендов позволяет повысить конкурентоспособность российской сельскохозяйственной продукции на мировых рынках, привлечь инвестиции в АПК и улучшить экономическую эффективность производства.

В настоящее время в России успешно развиваются такие национальные бренды, как "Алтайская ярмарка", "Уральские деликатесы", "Байкальские продукты" и др.

В частности, необходимо усиливать усилия по развитию инфраструктуры в сельских районах, включая строительство дорог, мостов, школ, больниц и других объектов социальной и культурной инфраструктуры.

Аграрно-правовое регулирование играет важную роль в обеспечении устойчивого экономического развития агропромышленного комплекса (АПК). В этом контексте, государственное регулирование и законодательство должны обеспечивать стабильные условия для функционирования и развития отрасли, а также содействовать достижению экономической эффективности, социальной справедливости и экологической безопасности.

Основными направлениями аграрно-правового регулирования могут являться:

1. Установление правовых основ собственности и землепользования, что включает регулирование вопросов продажи, аренды и использования земельных участков, а также определение прав и обязанностей землевладельцев и землепользователей.

2. Регулирование государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий и отрасли в целом, включая предоставление субсидий, льготных кредитов, налоговых льгот и страхования сельскохозяйственной продукции.

3. Защита прав и интересов потребителей, в частности, обеспечение качества и безопасности сельскохозяйственной продукции, контроль за соблюдением санитарных и ветеринарных норм и правил.

4. Регулирование вопросов интеллектуальной собственности, охраны новых сортов растений, селекционных достижений и технологий, а также определение прав и обязанностей авторов и владельцев интеллектуальной собственности.

5. Обеспечение экологической безопасности и устойчивого использования природных ресурсов, соблюдение требований охраны окружающей среды, контроль за выбросами загрязняющих веществ и обращением с отходами сельскохозяйственного производства.

Для достижения устойчивого экономического развития АПК важно проводить комплексную и гармоничную аграрно-правовую политику, учитывающую интересы всех

участников агропромышленного комплекса, а также способную адаптироваться к быстрому развитию технологий и изменениям в глобальном агропромышленном контексте. Аграрно-правовое регулирование должно быть сбалансированным, прозрачным и предсказуемым, обеспечивая защиту прав и интересов всех участников агропромышленного комплекса, от производителей до потребителей.

Будущее АПК заочается в содействии инновациям и внедрению современных технологий в сельскохозяйственное производство. В этом контексте аграрно-правовое регулирование может способствовать созданию стимулов для инвестиций в научно-технические разработки, расширению доступа к передовым технологиям и обмену знаниями между участниками отрасли.

Выводы

Таким образом, в данной научной статье были рассмотрены важные аспекты аграрно-правового регулирования устойчивого экономического развития АПК в России. Было отмечено, что АПК играет ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности и устойчивого развития сельских районов в России.

Для успешного развития АПК в России необходимо принимать комплексные меры, включающие в себя аграрно-правовое регулирование, механизмы государственной поддержки, развитие инноваций и использование современных технологий, улучшение системы управления земельными ресурсами, подготовку кадров в АПК, развитие малого и среднего бизнеса, органическое сельское хозяйство и продвижение национальных брендов сельскохозяйственной продукции.

Развитие АПК в России должно осуществляться с учетом особенностей региональных условий и потенциала, а также в тесном сотрудничестве со стороны государства, бизнеса и населения.

Несмотря на многие проблемы, с которыми сталкивается АПК в России, включая нерациональное использование земельных ресурсов и слабую инфраструктуру в сельских районах, существует большой потенциал для устойчивого экономического развития АПК. Этот потенциал может быть реализован только при условии комплексного подхода и совместных усилий со стороны всех заинтересованных сторон.

Библиография

1. Башмаков И. А., Комарова Н. В. Аграрное право: учебник. М.: Юрайт, 2019. 400 с.
2. Васильев Н. В., Россомехина Н. Г. Механизмы государственной поддержки аграрного сектора России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 3. С. 253–262.
3. Газета "Коммерсантъ". URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 22.03.2023).
4. Государственная программа Российской Федерации "Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2020 - 2025 годы". М.: Минсельхоз России, 2020. 112 с.
5. Дементьев А. Н., Шанков В. С. Управление сельским хозяйством в России: современные вызовы и перспективы // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2021. № 5. С. 5-13.
6. Зверева Т. С., Чепурных М. В. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровизации экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 6. С. 1002-1013.
7. Кабанов Ю. А., Васильева Н. В. Развитие инновационной деятельности в аграрном секторе России // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 5. С. 27-33.
8. Камышева Н. Г., Кудинова Е. В. Органическое сельское хозяйство: состояние, проблемы и перспективы развития в России // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 1. С. 139-144.

9. Медведева Е. В. Влияние государственной поддержки на развитие аграрного сектора России // Аграрный вестник России. 2019. № 3. С. 47-52.
10. Попова И. В., Шипилов И. А. Проблемы развития сельского туризма в России // Туризм и региональное развитие. 2019. № 1. С. 91-97.
11. Федеральный закон "О сельскохозяйственных землях" от 11.02.2020 № 17-ФЗ. Российская Федерация. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342562/ (дата обращения: 22.03.2023).
12. Сединкин А. А. Аграрный сектор экономики России: проблемы и перспективы развития // Вестник Тамбовского государственного университета. 2021. Т. 26. № 5. С. 2047-2059.

Agrarian and legal regulation of sustainable economic development of the agro-industrial complex

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics,
Associate Professor
Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH),
25080, 11 Volokolamskoehighway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Dmitrii A. Lun'kin

PhD in Economics,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lunkinda@mgri.ru

Abstract

The agricultural sector is an important element of any country's economy and plays a key role in ensuring food security and sustainable development of the national economy. However, in order to guarantee the sustainability of this sector, it is necessary to have effective legal regulation. In this article, we will consider the agrarian and legal regulation of sustainable economic development of the agro-industrial complex on the example of Russia. In Russia, agrarian law is regulated by a variety of legislative acts, regulatory legal acts and by-laws. The most important legislative acts are the Federal Law "On Agriculture" dated December 29, 2006 No. 264-FZ, the Federal Law "On Food Security" dated December 27, 2018 No. 488-FZ, as well as the Urban Planning Code of the Russian Federation. Effective state support is necessary for the sustainable development of the agro-industrial complex in Russia. Currently, the Russian Federation provides many mechanisms of state support aimed at the development of agriculture and support of agricultural producers.

For citation

Zabaikin Yu.V., Lun'kin D.A. (2023) Agrarno-pravovoe regulirovanie ustoichivogo ekonomicheskogo razvitiya APK [Agrarian and legal regulation of sustainable economic development of the agro-industrial complex]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 265-271. DOI: 10.34670/AR.2023.51.81.040

Keywords

Agriculture, regulation, economic development, research.

References

1. Bashmakov I. A., Komarova N. V. Agrarian law: textbook. M.: Yurayt, 2019. 400 p.
2. Vasiliev N. V., Rossomakhina N. G. Mechanisms of state support of the agricultural sector of Russia // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. No. 3. pp. 253-262.
3. The newspaper "Kommersant". URL: <https://www.kommersant.ru/> (accessed: 03/22/2023).
4. The State program of the Russian Federation "Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets for 2020 - 2025". Moscow: Ministry of Agriculture of Russia, 2020. 112 p.
5. Dementiev A. N., Shankov V. S. Management of agriculture in Russia: modern challenges and prospects // Agrarian science of the Euro-North-East. 2021. No. 5. pp. 5-13.
6. Zvereva T. S., Chepurnykh M. V. Sustainable development of the agro-industrial complex in the conditions of digitalization of the economy // Economic analysis: theory and practice. 2021. Vol. 20. No. 6. pp. 1002-1013.
7. Kabanov Yu. A., Vasilyeva N. V. Development of innovative activity in the agricultural sector of Russia // The economics of agriculture in Russia. 2020. No. 5. pp. 27-33.
8. Kamysheva N. G., Kudinova E. V. Organic agriculture: the state, problems and prospects of development in Russia // Bulletin of Bashkir University. 2019. Vol. 24. No. 1. pp. 139-144.
9. Medvedeva E. V. Influence of state support on the development of the agricultural sector of Russia // Agrarian Bulletin of Russia. 2019. No. 3. pp. 47-52.
10. Popova I. V., Shipilov I. A. Problems of rural tourism development in Russia // Tourism and regional development. 2019. No. 1. pp. 91-97.
11. Federal Law "On Agricultural Lands" dated 11.02.2020 No. 17-FZ. Russian Federation. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342562/ (accessed: 03/22/2023).
12. Sedinkin A. A. The agricultural sector of the Russian economy: problems and prospects of development // Bulletin of Tambov State University. 2021. Vol. 26. No. 5. pp. 2047-2059.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.50.34.041

Правовое регулирование устойчивого развития сельскохозяйственного производства

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук,
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ),
25080, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 11;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Лунькин Дмитрий Александрович

Кандидат экономических наук,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: lunkinda@mgri.ru

Аннотация

Устойчивое развитие является ключевым фактором для достижения экономического роста и улучшения качества жизни людей. В связи с этим, правовое регулирование устойчивого развития сельскохозяйственного производства является важным инструментом для обеспечения устойчивого развития АПК России. В данной статье мы рассмотрим основные аспекты правового регулирования устойчивого развития сельскохозяйственного производства в России. Устойчивое развитие сельскохозяйственного производства в России является приоритетной задачей государства. Для достижения этой цели правительство России приняло ряд мер, направленных на развитие сельского хозяйства в стране. В частности, была разработана концепция "Устойчивое развитие АПК России", которая определяет основные направления развития сельского хозяйства в стране на ближайшие годы. В рамках концепции "Устойчивое развитие АПК России" была разработана программа развития сельского хозяйства на период до 2030 года. Данная программа предусматривает ряд мер, направленных на повышение устойчивости сельского хозяйства, в том числе на улучшение качества почв, внедрение современных технологий в производство, развитие малых и средних предприятий в сельском хозяйстве и т.д.

Для цитирования в научных исследованиях

Забайкин Ю.В., Лунькин Д.А. Правовое регулирование устойчивого развития сельскохозяйственного производства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 272-278. DOI: 10.34670/AR.2023.50.34.041

Ключевые слова

Правовое регулирование, устойчивое развитие, АПК, исследование.

Введение

Одним из важных аспектов правового регулирования устойчивого развития сельскохозяйственного производства является законодательное обеспечение прав субъектов АПК на экологически безопасную и здоровую продукцию. В России существует ряд законов и нормативных актов, направленных на обеспечение экологической безопасности продукции, в том числе Федеральный Закон "О качестве и безопасности пищевых продуктов", Федеральный Закон "Об охране окружающей среды".

Продолжая рассмотрение правового регулирования устойчивого развития сельскохозяйственного производства в России, следует отметить важность стимулирования экологически чистого производства. В этом контексте становится актуальной реализация государственных программ, направленных на поддержку экологически чистого производства сельскохозяйственной продукции.

Одной из таких программ является программа государственной поддержки субъектов АПК России на 2021-2025 годы.

В рамках данной программы предусмотрены меры по поддержке экологически чистого производства, включая компенсации затрат на органическое земледелие, поддержку мелких и средних сельскохозяйственных предприятий, внедрение энергоэффективных технологий и т.д.

Основное содержание

Важным аспектом правового регулирования устойчивого развития сельскохозяйственного производства является контроль за использованием химических веществ в сельском хозяйстве. В России существует ряд законодательных актов, направленных на регулирование использования пестицидов и гербицидов в сельском хозяйстве, в том числе Федеральный закон "Об обороте пестицидов и агрохимикатов".

В последние годы в России наблюдается увеличение производства органических продуктов. Это связано с растущим спросом на экологически чистую продукцию со стороны потребителей. В связи с этим, правительство России уделяет внимание развитию органического земледелия и внедрению современных технологий в производство.

Существует ряд проблем, которые затрудняют достижение устойчивого развития сельского хозяйства в России. В частности, это неэффективное использование ресурсов, высокая зависимость от импорта сельскохозяйственной техники и оборудования, низкая конкурентоспособность российских производителей на мировых рынках и т.д.

Для решения этих проблем необходимо разработать комплекс мер, направленных на повышение эффективности производства, развитие инфраструктуры сельского хозяйства, поддержку научно-исследовательской деятельности и т.д. Также важно обеспечить реализацию правовых механизмов, направленных на стимулирование устойчивого развития сельского хозяйства в России.

Другим важным аспектом правового регулирования устойчивого развития сельскохозяйственного производства является поддержка развития малых и средних предприятий в сельском хозяйстве.

В России существуют меры государственной поддержки для таких предприятий, например, льготные условия налогообложения и предоставление субсидий для развития производства и модернизации технологий. Развитие малых и средних предприятий в сельском хозяйстве

способствует увеличению производства и улучшению экономического развития регионов.

Правовое регулирование устойчивого развития сельского хозяйства должно включать механизмы мониторинга и оценки его устойчивости. Это помогает отслеживать тенденции развития и выявлять проблемные места в производстве.

В России создана система государственного мониторинга и оценки устойчивости сельского хозяйства, которая включает в себя мониторинг земельных ресурсов, качества почв, состояния растительности и т.д. Это позволяет проводить анализ состояния сельского хозяйства в стране и принимать меры по его улучшению.

Интересным аспектом правового регулирования устойчивого развития сельского хозяйства является возможность использования современных информационных технологий в производстве. Например, использование дистанционного зондирования и геоинформационных технологий позволяет определять состояние почв и растительности, что помогает принимать решения по управлению земельными ресурсами. Также существуют программы для управления водными ресурсами, которые позволяют эффективно использовать воду в сельском хозяйстве.

Для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства в России также необходимо уделять внимание развитию экологического образования и информированию населения о важности сохранения окружающей среды и использования экологически чистых продуктов. В России созданы программы по развитию экологического образования, которые направлены на повышение осведомленности населения о проблемах окружающей среды и охраны природных ресурсов.

Кроме того, участие гражданского общества в процессе принятия решений в области сельского хозяйства является важным аспектом правового регулирования устойчивого развития сельского хозяйства.

В России действуют механизмы общественного контроля, которые позволяют гражданам принимать участие в процессе принятия решений в области сельского хозяйства и контролировать их выполнение. Это способствует повышению прозрачности процесса принятия решений и улучшению качества решений в целом.

Для достижения этой цели необходимо решать ряд проблем, связанных с неэффективным использованием ресурсов, низкой конкурентоспособностью и другими факторами, а также создавать условия для развития экологически чистого производства, малых и средних предприятий в сельском хозяйстве, информирования населения и участия гражданского общества в процессе принятия решений.

Еще одним аспектом правового регулирования устойчивого развития сельского хозяйства является разработка и реализация мер по борьбе с незаконным оборотом пестицидов и агрохимикатов. В России существует ряд законодательных актов, направленных на предотвращение незаконного оборота пестицидов и агрохимикатов, в том числе, закон "Об обороте пестицидов и агрохимикатов" и Постановление Правительства РФ "Об утверждении Порядка выдачи и отзыва разрешений на обращение с пестицидами и агрохимикатами". Борьба с незаконным оборотом пестицидов и агрохимикатов является важным фактором для обеспечения безопасности сельскохозяйственной продукции и сохранения здоровья населения.

Также наблюдается проблема обеспечения генетической безопасности сельскохозяйственных культур. В России принят закон "О генетически модифицированных организмах", который определяет порядок проведения экспертизы и регистрации генетически модифицированных организмов, а также устанавливает правила и условия для их использования. Это позволяет обеспечить безопасность для здоровья человека и окружающей среды, а также защиту прав сельскохозяйственных производителей.

В ту же плоскость можно отнести и поддержку сельскохозяйственного кооператива. В России действует Федеральный закон "О кооперации в Российской Федерации", который определяет порядок создания, регистрации и функционирования сельскохозяйственных кооперативов.

Сельскохозяйственные кооперативы способствуют развитию малых и средних предприятий в сельском хозяйстве, обеспечивают защиту интересов сельскохозяйственных производителей и способствуют улучшению качества и конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

В России существует ряд проблем, мешающих устойчивому развитию сельскохозяйственного производства, которые охватывают различные аспекты этой отрасли.

Одной из основных проблем является недостаток инвестиций в сельскохозяйственное производство, что ведет к устареванию оборудования и техники, снижению эффективности производства и невозможности внедрения инноваций и новых технологий.

Сельскохозяйственное производство сталкивается с проблемами в области обеспечения качественными семенами, удобрениями и средствами защиты растений. Недостаток качественных входных ресурсов снижает урожайность и продуктивность, а также ухудшает качество продукции.

Неравномерность развития регионов также является серьезной проблемой, поскольку это ведет к дисбалансу между потенциалом сельскохозяйственных территорий и реальным уровнем производства. В некоторых регионах наблюдается высокая концентрация сельскохозяйственного производства, в то время как другие регионы испытывают значительный дефицит продукции.

Проблемы в системе образования и кадрового обеспечения также сдерживают устойчивое развитие сельскохозяйственного производства. Отрасль испытывает недостаток квалифицированных специалистов и рабочей силы, что снижает производительность и эффективность сельскохозяйственных предприятий.

Помимо этого, изменения климата и неблагоприятные погодные условия могут негативно влиять на сельскохозяйственное производство, вызывая урожайные потери и снижение производительности. Это требует внедрения адаптивных и устойчивых методов ведения сельского хозяйства, которые могут снизить воздействие неблагоприятных факторов на производство.

Выводы

В заключении можно отметить, что правовое регулирование устойчивого развития сельского хозяйства является важным инструментом для обеспечения экологической безопасности и устойчивости производства в России.

В целом, меры правового регулирования, такие как разработка и реализация экологических стандартов, защита прав и интересов сельскохозяйственных производителей, борьба с незаконным оборотом пестицидов и агрохимикатов, обеспечение генетической безопасности, развитие сельскохозяйственного кооператива, защита земельных ресурсов, создание условий для экологически чистого производства и другие, могут способствовать достижению устойчивого развития сельского хозяйства в России.

Существуют ряд проблем, которые необходимо решить, чтобы обеспечить полноценное и устойчивое развитие сельского хозяйства в России, такие как неэффективное использование ресурсов, низкая конкурентоспособность, отсутствие инфраструктуры, недостаток

финансирования и другие.

Для решения этих проблем требуется усиление усилий со стороны государственных органов, бизнес-сообщества, научных и общественных организаций.

Правовое регулирование устойчивого развития сельского хозяйства в России является важным аспектом в достижении устойчивого развития в целом. Необходимо уделять больше внимания развитию правовых механизмов и инструментов, чтобы обеспечить полноценное и устойчивое развитие сельского хозяйства в России, сохранение здоровья населения и окружающей среды, а также улучшение качества жизни сельских жителей.

Библиография

1. Бакунин, М.И. Совершенствование правового регулирования устойчивого развития сельского хозяйства в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Инновационная наука. 2017. Т. 3, № 1. Режим доступа: <https://innoscience.ru/attachments/article/47/Статья%20%20Бакунин%20М.И..pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
2. Белобородова, Ю.В. Правовые основы устойчивого развития агропромышленного комплекса России // Юридический мир. 2019. № 5(1). С. 60-62.
3. Волков, А.В., & Черепанов, А.В. Правовое регулирование устойчивого развития сельского хозяйства в Российской Федерации // Право и экономика. 2018. № 2(45). С. 98-102.
4. Дементьева, О.Н., & Кирьянова, А.В. Экологическое право как инструмент устойчивого развития сельского хозяйства в России // Молодежный научный вестник. 2020. № 6(28). С. 63-69.
5. Зыкова, А.И. Система экологического права в России: состояние и перспективы развития // Научный вестник Московской юридической академии. 2019. № 5(37). С. 93-102.
6. Казаков, А.А. Концепция устойчивого развития и правовое регулирование в России // Вестник Самарской государственной экономической академии. 2017. № 5(49). С. 108-112.
7. Карпов, В.В. Государственное регулирование аграрной политики: теория и практика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 2. С. 245-251.
8. Муравьева, Н.И. Экологическое право и устойчивое развитие сельского хозяйства в России // Современное право. 2018. № 11. С. 22-27.
9. Никитин, В.В. Основы экологического права России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19, № 4. С. 45-52.
10. Рябов, И.В., & Жаринов, В.В. Экологическое право и устойчивое развитие сельского хозяйства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 56-63.
11. Широков, А.Ю. Современное правовое регулирование сельского хозяйства и его устойчивого развития // Юридический журнал. 2017. № 9. С. 89-95.
12. Кузьмина, Е.В. Социально-экономический анализ устойчивого развития агропромышленного комплекса России // Вестник Балтийской академии экологии, политики и права. 2020. Т. 9, № 4. С. 126-132.
13. Марченко, Н.А. Правовое регулирование устойчивого развития сельского хозяйства в России: актуальные проблемы и пути их решения // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 70-78.
14. Романова, Н.М. Экологические и социально-экономические аспекты устойчивого развития сельского хозяйства в России // Мир новой экономики. 2018. Т. 12, № 2. С. 16-24.
15. Холодков, А.С. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса в России: проблемы и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2021. № 3(126). С. 71-75.

Legal regulation of sustainable development of agricultural production

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics,
Associate Professor

Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH),
25080, 11 Volokolamskoehighway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Dmitrii A. Lun'kin

PhD in Economics,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lunkinda@mgri.ru

Abstract

Sustainable development is a key factor for achieving economic growth and improving people's quality of life. In this regard, the legal regulation of the sustainable development of agricultural production is an important tool for ensuring the sustainable development of the agro-industrial complex of Russia. In this article we will consider the main aspects of the legal regulation of the sustainable development of agricultural production in Russia. Sustainable development of agricultural production in Russia is a priority task of the state. To achieve this goal, the Russian government has taken a number of measures aimed at developing agriculture in the country. In particular, the concept of "Sustainable development of the agro-industrial complex of Russia" was developed, which defines the main directions of agricultural development in the country for the coming years. Within the framework of the concept of "Sustainable development of the agro-industrial complex of Russia", a program for the development of agriculture for the period up to 2030 was developed. This program provides for a number of measures aimed at increasing the sustainability of agriculture, including improving soil quality, introducing modern technologies into production, developing small and medium-sized enterprises in agriculture, etc.

For citation

Zabaikin Yu.V., Lun'kin D.A. (2023) Pravovoe regulirovanie ustoichivogo razvitiya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva [Legal regulation of sustainable development of agricultural production]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 272-278. DOI: 10.34670/AR.2023.50.34.041

Keywords

Legal regulation, sustainable development, agriculture, research.

References

1. Bakunin, M.I. Improvement of legal regulation of sustainable development of agriculture in the Russian Federation [Electronic resource] // *Innovative science*. 2017. Vol. 3, No. 1. Access mode: <https://innoscience.ru/attachments/article/47/Статья%20%20Бакунин%20М.И..pdf> (accessed: 03/23/2023).
2. Beloborodova, Yu.V. Legal foundations of sustainable development of the agro-industrial complex of Russia // *Legal World*. 2019. No. 5(1). pp. 60-62.
3. Volkov, A.V., & Cherepanov, A.V. Legal regulation of sustainable agricultural development in the Russian Federation // *Law and Economics*. 2018. No. 2(45). pp. 98-102.
4. Dementieva, O.N., & Kiryanova, A.V. Environmental law as a tool for sustainable development of agriculture in Russia // *Youth Scientific Bulletin*. 2020. No. 6(28). pp. 63-69.
5. Zykova, A.I. The system of environmental law in Russia: state and prospects of development // *Scientific Bulletin of the Moscow Law Academy*. 2019. No. 5(37). pp. 93-102.
6. Kazakov, A.A. The concept of sustainable development and legal regulation in Russia // *Bulletin of the Samara State Academy of Economics*. 2017. No. 5(49). pp. 108-112.
7. Karpov, V.V. State regulation of agrarian policy: theory and practice // *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2021. Vol. 26, No. 2. pp. 245-251.
8. Muravyeva, N.I. Environmental law and sustainable development of agriculture in Russia // *Modern Law*. 2018. No. 11.

- pp. 22-27.
9. Nikitin, V.V. Fundamentals of environmental law of Russia // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law. 2019. Vol. 19, No. 4. pp. 45-52.
 10. Ryabov, I.V., & Zharinov, V.V. Environmental law and sustainable development of agriculture in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. vol. 24, No. 1. pp. 56-63.
 11. Shirokov, A.Yu. Modern legal regulation of agriculture and its sustainable development // Law Journal. 2017. No. 9. pp. 89-95.
 12. Kuzmina, E.V. Socio-economic analysis of sustainable development of the agro-industrial complex of Russia // Bulletin of the Baltic Academy of Ecology, Politics and Law. 2020. Vol. 9, No. 4. pp. 126-132.
 13. Marchenko, N.A. Legal regulation of sustainable agricultural development in Russia: actual problems and ways to solve them // Siberian Legal Bulletin. 2019. No. 4. pp. 70-78.
 14. Romanova, N.M. Ecological and socio-economic aspects of sustainable development of agriculture in Russia // The world of the new economy. 2018. vol. 12, No. 2. pp. 16-24.
 15. Kholodkov, A.S. Sustainable development of the agro-industrial complex in Russia: problems and prospects // Economics and entrepreneurship. 2021. No. 3(126). pp. 71-75.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.26.38.042

Правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук,
Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ),
25080, Российская Федерация, Москва, шоссе Волоколамское, 11;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Лунькин Дмитрий Александрович

Кандидат экономических наук,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: lunkinda@mgri.ru

Аннотация

Фермерские хозяйства являются важным сектором экономики, вносящим значительный вклад в производство продовольствия и развитие сельской местности.

Вместе с тем, публичное администрирование фермерских хозяйств требует особого внимания со стороны законодателей и государственных органов, так как это может повлиять на устойчивое развитие отрасли. Цель настоящей статьи - рассмотреть правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств и их влияние на эффективность отрасли. Публичное администрирование - это процесс управления государственными ресурсами и выполнения функций государственной власти. В отношении фермерских хозяйств публичное администрирование включает в себя набор правил, законов и регуляторов, разработанных для обеспечения правовой и экономической устойчивости фермерских хозяйств. Одной из ключевых особенностей публичного администрирования фермерских хозяйств является необходимость соблюдения законодательных норм, касающихся сельского хозяйства и продовольствия. Это включает в себя такие вопросы, как земельное право, санитарные и фитосанитарные меры, нормы безопасности продукции, а также различные стандарты качества.

Для цитирования в научных исследованиях

Забайкин Ю.В., Лунькин Д.А. Правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 279-284. DOI: 10.34670/AR.2023.26.38.042

Ключевые слова

Правовые особенности, публичное администрирование, фермерские хозяйства, исследование.

Введение

На практике многие фермерские хозяйства сталкиваются с проблемами, связанными с недостаточным пониманием или неправильной интерпретацией законодательства. Некоторые фермерские хозяйства не имеют достаточных ресурсов, чтобы следовать правилам и регуляциям, что может привести к нарушениям и штрафам.

Важным аспектом публичного администрирования фермерских хозяйств является также государственная поддержка. Некоторые государства предоставляют финансовую поддержку для развития сельского хозяйства, а также проводят мероприятия по развитию инфраструктуры, повышению квалификации фермеров и т.д.

Однако, эффективность такой поддержки может быть ограничена, если правила и процедуры для получения этой поддержки слишком сложны или неясны.

Еще одним важным аспектом публичного администрирования фермерских хозяйств является контроль за использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды.

Фермерские хозяйства, особенно те, которые занимаются животноводством, могут оказывать значительное влияние на окружающую среду. Поэтому, государственные органы должны обеспечивать соблюдение норм и правил, касающихся охраны природных ресурсов и окружающей среды.

На практике, регулирование деятельности фермерских хозяйств может оказаться сложным заданием для государственных органов.

Во-первых, правила и законы, касающиеся сельского хозяйства, могут отличаться в зависимости от региона и страны.

Во-вторых, многие фермерские хозяйства являются малыми и средними предприятиями, которые не имеют достаточных ресурсов, чтобы следовать всем правилам и регуляциям.

Основное содержание

Для того чтобы обеспечить более эффективное публичное администрирование фермерских хозяйств, государственные органы могут проводить следующие меры:

- Совершенствование законодательства, чтобы обеспечить более ясные и понятные правила и процедуры для фермерских хозяйств.
- Предоставление финансовой поддержки и других мер для повышения конкурентоспособности фермерских хозяйств.
- Обеспечение эффективного контроля за использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды, включая разработку и внедрение санитарных и фитосанитарных мер.
- Предоставление образовательных и консультационных услуг для фермеров, чтобы помочь им соблюдать правила и регуляции, касающиеся сельского хозяйства.

Государственные органы могут использовать инновационные подходы для улучшения публичного администрирования фермерских хозяйств. Например, они могут использовать цифровые технологии, такие как интернет-платформы и мобильные приложения, для облегчения доступа фермеров к информации о правилах и процедурах.

Они также могут использовать искусственный интеллект и анализ данных для улучшения мониторинга и контроля за использованием природных ресурсов.

Можно отметить, что правовые особенности публичного администрирования фермерских

хозяйств могут меняться в зависимости от масштаба и характера деятельности фермерских хозяйств. Например, малые семейные фермерские хозяйства могут иметь более ограниченные права и возможности по сравнению с крупными коммерческими фермами. Также важным фактором является наличие конкуренции на рынке сельскохозяйственной продукции, которое может привести к изменению правовых особенностей публичного администрирования.

Важно учитывать глобальные тенденции в сельском хозяйстве, такие как изменение климата и устойчивое развитие. Эти факторы могут привести к изменению законодательства и правил, касающихся фермерских хозяйств, и требовать от государственных органов новых подходов к публичному администрированию.

Правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств имеют большое значение для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Однако, для достижения этих целей необходимо проводить дополнительные исследования и разработку эффективных механизмов публичного администрирования, которые будут соответствовать современным вызовам и тенденциям в сельском хозяйстве.

В России правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств регулируются различными законами и нормативными актами. Например, Закон Российской Федерации от 29 июня 2015 года № 193-ФЗ "О развитии сельского хозяйства" устанавливает основные принципы и механизмы государственной поддержки сельского хозяйства и фермерских хозяйств.

Одним из важных механизмов поддержки фермерских хозяйств является система государственных грантов. В соответствии с Федеральным законом "О государственной поддержке сельского хозяйства на 2013-2020 годы" и другими нормативными актами, фермерские хозяйства имеют возможность получить гранты на развитие своей деятельности, включая приобретение современного оборудования, строительство современных жилых и производственных помещений, а также на обучение и повышение квалификации персонала.

Существует ряд проблем и ограничений, связанных с получением грантов. Например, многие фермерские хозяйства не имеют достаточного уровня организации и профессионального менеджмента, чтобы эффективно управлять проектами, связанными с получением грантов.

Процедуры подачи заявок и получения грантов часто являются сложными и неясными для фермеров, что создает дополнительные трудности и ограничивает доступ к финансовой поддержке.

Еще одной важной проблемой, связанной с публичным администрированием фермерских хозяйств в России, является ограниченный доступ к земельным ресурсам. Несмотря на то, что Земельный кодекс Российской Федерации гарантирует право на землю для граждан и юридических лиц, фермерские хозяйства часто сталкиваются с проблемами получения земельных участков в аренду.

Это связано с неэффективной работой государственных органов по управлению земельными ресурсами, а также с нехваткой земельных участков, которые могут быть использованы для фермерских хозяйств.

Для решения этих проблем государственные органы могут принять ряд мер, таких как упрощение процедур получения земельных участков в аренду и предоставление дополнительных мер финансовой поддержки для развития фермерских хозяйств.

Для обеспечения эффективного публичного администрирования фермерских хозяйств в России необходимо усилить контроль за использованием природных ресурсов и охраной

окружающей среды. Государственные органы должны обеспечивать соблюдение норм и правил, касающихся охраны природных ресурсов и окружающей среды, чтобы защитить здоровье населения и сохранить природные ресурсы для будущих поколений.

Важной проблемой, связанной с публичным администрированием фермерских хозяйств в России, является отсутствие единой базы данных и системы мониторинга в отношении фермерских хозяйств. В настоящее время информация о фермерских хозяйствах может быть разрозненной и неполной, что затрудняет проведение эффективного мониторинга и контроля за соблюдением законодательства.

Можно разработать единую базу данных, которая будет содержать информацию о всех фермерских хозяйствах в стране, и систему мониторинга, которая будет обеспечивать эффективный контроль за соблюдением законодательства. Такая система может также использоваться для проведения анализа и оценки эффективности государственной поддержки фермерских хозяйств и для определения приоритетов в развитии сельского хозяйства.

Правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств имеют большое значение для обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и продовольственной безопасности. В России правовое регулирование в данной области является разнообразным и включает в себя законы и нормативные акты, которые определяют механизмы государственной поддержки, правила использования земельных ресурсов, а также требования по охране природных ресурсов и окружающей среды. Однако, для достижения этих целей необходимо проводить дополнительные исследования и разработку эффективных механизмов публичного администрирования, которые будут соответствовать современным вызовам и тенденциям в сельском хозяйстве.

Необходимо продолжать исследования и разработку эффективных механизмов публичного администрирования, которые будут соответствовать современным вызовам и тенденциям в сельском хозяйстве. Кроме того, государственные органы должны учитывать опыт и проблемы, связанные с правовыми особенностями публичного администрирования фермерских хозяйств в России, и принимать меры для устранения проблем и улучшения условий для развития фермерства.

Выводы

В заключении можно отметить, что правовые особенности публичного администрирования фермерских хозяйств являются важным инструментом обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и продовольственной безопасности. В разных странах существуют различные правовые механизмы, которые регулируют деятельность фермерских хозяйств и обеспечивают государственную поддержку данной отрасли.

В России правовое регулирование публичного администрирования фермерских хозяйств включает в себя различные законы и нормативные акты, которые устанавливают правила использования земельных ресурсов, механизмы государственной поддержки и требования по охране природных ресурсов и окружающей среды. Однако, существуют проблемы и ограничения, связанные с получением грантов, доступом к земельным ресурсам и отсутствием единой базы данных о фермерских хозяйствах.

Для достижения эффективного публичного администрирования фермерских хозяйств необходимо проводить дополнительные исследования и разработку эффективных механизмов публичного администрирования, которые будут соответствовать современным вызовам и

тенденциям в сельском хозяйстве. Государственные органы должны учитывать опыт и проблемы, связанные с правовыми особенностями публичного администрирования фермерских хозяйств в России, и принимать меры для устранения проблем и улучшения условий для развития фермерства.

Кроме того, важно учитывать глобальные тенденции в сельском хозяйстве, такие как изменение климата и устойчивое развитие. Государственные органы должны обеспечивать соблюдение норм и правил, касающихся охраны природных ресурсов и окружающей среды, чтобы защитить здоровье населения и сохранить природные ресурсы для будущих поколений.

Библиография

1. Буланова Н.И. Проблемы и перспективы публичного администрирования фермерских хозяйств в России // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2018. № 6(116). С. 148-152.
2. Головань С.В. Правовые особенности регулирования деятельности фермерских хозяйств // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 74-77.
3. Гречихина Т.В. Государственная поддержка развития фермерства в России: проблемы и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 3. С. 52-55.
4. Закон Российской Федерации от 29 июня 2015 года № 193-ФЗ "О развитии сельского хозяйства"
5. Земельный кодекс Российской Федерации
6. Калинина О.А. Публичное администрирование фермерских хозяйств в России: состояние и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 11. С. 47-50.
7. Конева Е.А. Государственная поддержка фермерских хозяйств в России: проблемы и перспективы // Современные технологии управления. 2019. № 5. С. 30-33
8. Липин С.А. Государственная поддержка фермерских хозяйств в России // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 6. С. 40-44.
9. Савина Н.В. Правовые особенности государственной поддержки фермерских хозяйств в России // Экономика и социум. 2016. № 5. С. 96-100.
10. Федеральный закон "О государственной поддержке сельского хозяйства на 2013-2020 годы".
11. Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения".
12. Шарина И.С. Проблемы и перспективы развития фермерских хозяйств в России // Научный вестник Московского государственного университета пищевых производств. 2019. Т. 5. С. 66-69.

Legal features of public administration of farms

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian Biotechnological University (ROSBIOTECH),
25080, 11 Volokolamskoehighway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: 79264154444@yandex.com

Dmitrii A. Lun'kin

PhD in Economics,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lunkinda@mgru.ru

Abstract

Farms are an important sector of the economy, making a significant contribution to food production and rural development. At the same time, public administration of farms requires special attention from legislators and government agencies, as this may affect the sustainable development of the industry. The purpose of this article is to consider the legal features of public administration of farms and their impact on the efficiency of the industry. Public administration is the process of managing public resources and performing the functions of public authority. In relation to farms, public administration includes a set of rules, laws and regulators designed to ensure the legal and economic sustainability of farms. One of the key features of the public administration of farms is the need to comply with legislative norms related to agriculture and food. This includes issues such as land law, sanitary and phytosanitary measures, product safety standards, as well as various quality standards.

For citation

Zabaikin Yu.V., Lun'kin D.A. (2023) Pravovye osobennosti publichnogo administrirovaniya fermerskikh khozyaistv [Legal features of public administration of farms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 279-284. DOI: 10.34670/AR.2023.26.38.042

Keywords

Legal features, public administration, farms, research.

References

1. Bulanova N.I. Problems and prospects of public administration of farms in Russia // Scientific and Technical Bulletin of information technologies, mechanics and optics. 2018. No. 6(116). pp. 148-152.
2. Golovan S.V. Legal features of regulating the activities of farms // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2017. No. 1. pp. 74-77.
3. Grechikhina T.V. State support for the development of farming in Russia: problems and prospects // Bulletin of the Volgograd State University. 2018. No. 3. pp. 52-55.
4. Law of the Russian Federation No. 193-FZ of June 29, 2015 "On the Development of Agriculture"
5. Land Code of the Russian Federation
6. Kalinina O.A. Public administration of farms in Russia: status and prospects // Economics and entrepreneurship. 2017. No. 11. pp. 47-50.
7. Koneva E.A. State support of farms in Russia: problems and prospects // Modern management technologies. 2019. No. 5. pp. 30-33
8. Lipin S.A. State support of farms in Russia // The economics of agriculture in Russia. 2018. No. 6. pp. 40-44.
9. Savina N.V. Legal features of state support of farms in Russia // Economy and society. 2016. No. 5. pp. 96-100.
10. Federal Law "On State support of Agriculture for 2013-2020".
11. Federal Law No. 101-FZ of July 24, 2002 "On the turnover of agricultural land".
12. Sharina I.S. Problems and prospects of development of farms in Russia // Scientific Bulletin of the Moscow State University of Food Production. 2019. Vol. 5. pp. 66-69.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.51.11.043

Развитие российской правовой модели обеспечения вещных прав**Ягунова Екатерина Евгеньевна**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правового обеспечения экономической
и инновационной деятельности,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
603008, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37;
e-mail: yagunovakatya@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

В результате анализа правоприменительной практики выявлено, что неверные трактовки судами категорий вещного права и законного владения приводят к ограничению их обеспечения и создают прецеденты, которые в итоге могут стать основой для развития новых видов мошенничества с вещными правами и правами законного владения. В этих условиях для совершенствования регулирования вещных прав необходимо осуществлять поиск направлений совершенствования механизма защиты вещных прав и законного владения посредством исследования правоприменительной практики. При этом, в отличие от распространенного в настоящее время в научной литературе подхода, ориентированного на оценку статистических показателей, таких как, например, доля удовлетворенных исков заявителей об ущемлении прав собственности, необходимо применять инструменты анализа, ориентированные на выявление мотивации судебного органа при принятии решения, содержащегося в соответствующем судебном акте. Применение данного инструмента является более значимым по сравнению с поиском новой парадигмы защиты вещных прав и законного владения на основании правовых моделей, применяемых в развитых странах. В данной статье проводится анализ современной российской практики в сфере обеспечения вещных прав и законного владения.

Для цитирования в научных исследованиях

Ягунова Е.Е., Новиков А.В. Развитие российской правовой модели обеспечения вещных прав // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 285-291. DOI: 10.34670/AR.2023.51.11.043

Ключевые слова

Обеспечение вещных прав, вещные права, законное владение, права собственности, имущественные отношения.

Введение

В современном мире в российском гражданском законодательстве исследуются возможности имплементации новой концепции нормативного определения защиты вещных прав с принципиально новых позиций, ориентированных на международные стандарты защиты прав собственности, применяемые в странах Европейского Союза. В частности, предлагается заменить действующую концепцию определения права владения доказательством факта владения. Однако необходимо заметить, что в настоящее время в России уже сложился институт защиты вещных прав и права владения, отражающий комплекс имущественных отношений, позволяющий обеспечивать права собственности и реализовывать государственную политику в сфере экономического развития, экологии, защиты культурных ценностей, обеспечения национальной безопасности. Трансформация данного института на новом концептуальном базисе может стать причиной существенного снижения эффективности действующей системы регулирования имущественных отношений. Все это вынуждает осуществлять поиск в российском гражданском законодательстве новой парадигмы защиты вещных прав и законного владения.

Основное содержание

Исследование правоприменительной практики является именно тем механизмом, который позволяет осуществлять поиск направлений совершенствования механизма защиты вещных прав и законного владения. Более значимыми являются задачи совершенствования действующего института защиты вещных прав и законного владения в отношении совершенствования административных процедур обращения за защитой вещных прав, уточнения действующих норм в соответствии с изменениями потребностей закрепления вещных прав и законного владения. При этом инструментом, позволяющим осуществлять поиск направлений совершенствования механизма защиты вещных прав и законного владения, является исследование правоприменительной практики.

Статьями 301, 302, 304, 305 Гражданского кодекса Российской Федерации определяются инструменты защиты прав собственника, в том числе такие как истребование имущества из чужого незаконного владения от добросовестного приобретателя, а также определяются инструменты защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения, а также прав владельца, не являющегося собственником. Основные спорные вопросы практики право применения защиты прав собственности относятся к трактовке судом подтверждения факта собственности на имущество. В связи с этим возникают прецеденты, когда судом ущемляются права обладателей вещных прав, что может стать основой для реализации схем

мошенничества, привести к нерациональному использованию ресурсов, ограничениям на ведение предпринимательской деятельности.

Согласно анализу судебных актов за последние годы, суды последующих инстанций поддерживали решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции. В частности, в данный период в судах были исследованы вопросы защиты права аренды, в том числе и на сельскохозяйственный участок, защиты права собственности от использования юридического адреса. В данный период Верховным судом РФ были отменены судебные акты в рамках рассмотрения двух дел, связанных с защитой вещных прав. Как показывает современная правоприменительная практика, ущемление прав собственника может возникнуть на основании неверного определения собственника, отсутствия исследования, принадлежит ли заемщику имущество, переданное в залог и отчуждаемое в результате невыполнения обязательств заемщика.

Между банком и компанией был заключен договор залога транспортных средств для обеспечения залога по договору об открытии кредитной линии на сумму 5 миллионов рублей в августе 2016г. Обязательства по возврату денежных средств заемщиком были не исполнены. Конкурсным управляющим данного банка были поданы исковые требования относительно отчуждения залога, при этом в качестве третьего лица, предъявляющего самостоятельные требования, был привлечен некий гражданин, который приобрел по договору купли-продажи данные транспортные средства в июле 2016 года. Решением районного суда в 2018г. исковые требования этого гражданина были удовлетворены, однако апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам в удовлетворении исковых требований данного гражданина было отказано.

Определением Верховного Суда Российской Федерации было отменено апелляционное определение в части удовлетворения требований об обращении взыскания на заложенное имущество, переданное в залог предыдущим владельцем трех автотранспортных средств.

Суд апелляционной инстанции при вынесении решения об удовлетворении требований банка сослался на то, что залогодателем были предоставлены документы, подтверждающие право собственности, хотя факт принадлежности имущества на момент заключения договора залога не был установлен данным банком.

При рассмотрении дела в отношении признания законным удержания в течение трех лет строительной техники, ремонт которой был только частично оплачен владельцем этой техники, определением Верховного суда РФ были отменены решение Арбитражного суда и постановление Второго арбитражного апелляционного и направлены на повторное рассмотрение в Арбитражный суд. Ремонт был проведен в полном объеме и надлежащего качества, о чем свидетельствуют акты приема ремонта заказчиком. При этом ответчик предъявлял дополнительные требования на оплату ремонта, включающие в том числе и пени в размере более трёх миллионов рублей, что, как следовало из пояснения истца, данного в рамках рассмотрения дела, было сопоставимо со стоимостью данной вещи.

Ранее указание было отдельно определено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 года (ред. от 23 июня 2015 года) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». То есть то обстоятельство, что истец требовал возвращение вещи незаконно с указанием на положения нормы статьи 301, не является препятствием для ее возвращения по другим основаниям. В указанном определении Верховного Суда РФ отдельно указывается, что ссылка истца на неподлежащие к применению в данном случае нормы права в исковом заявлении не является основанием для отказа в удовлетворении

заявленного требования, в данном случае – истребования из чужого незаконного владения.

С одной стороны, постоянно увеличиваются затраты осуществляющего длительное хранение данной техники на территории авторемонтного предприятия. Но с другой стороны, имущество могло быть удержано для склонения должника к скорейшим расчетам. Следует отметить, что данный срок должен быть разумно ограничен, так как сложившаяся ситуация приводит к недополучению прибыли владельца строительной техники в результате её неиспользования. Принятые судебные акты не позволят изменить сложившуюся ситуацию, так как собственник находится в стадии банкротства и не заявлял претензии по отношению к удерживаемому имуществу более двух с половиной лет.

Так, в настоящее время данное имущество не может быть включено в конкурсную массу, так как фактически находится в ситуации залога согласно законодательству о банкротстве. Поэтому, по мнению Верховного Суда РФ, при повторном рассмотрении дела необходимо исследовать возможности возврата имущества владельцу, находящегося на стадии банкротства, для реализации его в общей конкурсной массе и исключения наращивания убытков с последующим признанием требований кредитора.

Вопросы исследования экономической составляющей являются направлением совершенствования правовой модели защиты вещных прав и законного владения в современных условиях. Верховный Суд РФ прямо указывает на необходимость более широкого исследования экономической составляющей защиты вещных прав и законного владения, в то время как в настоящий момент нормативно данные процедуры не определены, их применение невозможно в рамках буквального прочтения соответствующих положений законодательства.

На сегодняшний день правовые акты Пленумов Верховного Суда РФ позволяют совершенствовать инструменты судебной защиты вещных прав и законного владения, в том числе определять наиболее эффективные методы восстановления прав собственности. В России уже сложился институт защиты вещных прав и права владения, отражающий комплекс имущественных отношений, позволяющий обеспечивать права собственности и реализовывать государственную политику в сфере экономического развития, экологии, защиты культурных ценностей, обеспечения национальной безопасности. Трансформация данного института на новом концептуальном базисе может стать причиной существенного снижения эффективности действующей системы регулирования имущественных отношений.

При исследовании ряда дел, связанных с реализацией защиты вещных прав, необходимо исследование экономической составляющей дела, которую невозможно выявить при буквальном прочтении положений соответствующих норм права. Поэтому применение такого подхода к исследованию вопросов защиты вещного права и законного владения должно быть нормативно закреплено, а подход разъяснен положениями постановления Пленума Верховного суда РФ. В данной статье продемонстрировано, что в настоящее время судами могут совершаться ошибки при определении права собственности, недостаточно применяются положения постановлений Пленума Верховного суда РФ.

Заключение

При этом инструментом, позволяющим осуществлять поиск направлений совершенствования механизма защиты вещных прав и законного владения, является исследование правоприменительной практики. В современных исследованиях подходы к анализу судебной практики все в большей степени ориентированы на изучение статистических показателей, таких как, например, доля удовлетворенных исков заявителей об ущемлении прав

собственности. Между тем, по мнению автора, анализ правоприменительной практики должен быть основан, в первую очередь, на выявлении мотивации судебного органа при принятии решения, содержащегося в соответствующем судебном акте. Именно такой подход позволяет выявить закономерности в неверном применении норм. В этих условиях, по мнению автора, более значимыми являются задачи совершенствования действующего института защиты вещных прав и законного владения, как в отношении совершенствования административных процедур обращения за защитой вещных прав, уточнения действующий норм в соответствии с изменениями потребностей закрепления вещных прав и законного владения.

Библиография

1. Алиева, К. А. Владение как элемент вещного права / К. А. Алиева, М. М. Тинамагомедов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1(152). – С. 225-226.
2. Афанасьев И. В. Сервитут в системе ограниченных вещных прав //Актуальные проблемы российского права. – 2013. – №. 7. – С. 831-835.
3. Ахметьянова З. А. Вещное право //Казань: Казанский государственный университет.–2017.–417 с. – 2014.
4. Ахметьянова З. А. Вещные права в гражданском праве России //Цивилист. – 2006. – №. 1. – С. 28-37.
5. Батурич В. А. Система ограниченных вещных прав в современном гражданском законодательстве //Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Краснодар. – 2009.
6. Волкова М. А., Стародумова С. Ю. Вещные права: современное состояние и перспективы развития //Актуальные проблемы российского законодательства. – 2015. – №. 9. – С. 121-131.
7. Волохова, М. Б. Основные этапы становления и развития права оперативного управления / М. Б. Волохова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1(176). – С. 131-133.
8. Гусейханова, А. Р. О проблеме определения перечня ограниченных вещных прав на земельные участки / А. Р. Гусейханова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 12(163). – С. 236-238.
9. ИВАНОВ А. А. Интеллектуальная собственность и вещные права: проблемы соотношения //Закон. – 2017. – №. 1. – С. 84-90.
10. Латыев А. Н., Бублик В. А. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия: Кафедра предпринимательского права, 2004.
11. Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты вещных прав //Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №. 3 (88). – С. 120-127.
12. Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве //Журнал российского права. – 2006. – №. 12. – С. 42-50.
13. Суханов Е. А. Проблемы вещного права в современном российском праве //Журнал российского права. – 2016. – №. 4 (232). – С. 33-38.
14. Хуртов, М. С. Гражданско-правовая защита прав и законных интересов собственников и иных владельцев соседних земельных участков / М. С. Хуртов, Е. А. Федюлин // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 4(179). – С. 181-182.

Development of the Russian legal model for securing property rights

Ekaterina E. Yagunova

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Legal Support
of Economic and Innovative Activity,

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky;

e-mail: yagunovakatya@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

As a result of the analysis of law enforcement practice, it was revealed that incorrect interpretations by the courts of the categories of property law and legal possession lead to restrictions on their provision and create precedents that may eventually become the basis for the development of new types of fraud with property rights and legal possession rights. In these conditions, in order to improve the regulation of real rights, it is necessary to search for ways to improve the mechanism of protection of real rights and legal possession through the study of law enforcement practice. At the same time, in contrast to the currently widespread approach in the scientific literature focused on the assessment of statistical indicators, such as, for example, the proportion of satisfied claims of applicants for infringement of property rights, it is necessary to use analysis tools aimed at identifying the motivation of the judicial authority when making a decision contained in the relevant judicial act. The use of this tool is more significant compared to the search for a new paradigm for the protection of property rights and legal ownership based on legal models used in developed countries. This article analyzes the modern Russian practice in the field of ensuring property rights and legal possession.

For citation

Yagunova E.E., Novikov A.V. (2023) Razvitie rossiiskoi pravovoi modeli obespecheniya veshchnykh prav [Development of the Russian legal model for securing property rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 285-291. DOI: 10.34670/AR.2023.51.11.043

Keywords

Security of real rights, real rights, legal possession, property rights, property relations.

References

1. Alieva, K. A. Possession as an element of property law / K. A. Alieva, M. M. Tinamagomedov // *Eurasian Legal Journal*. – 2021. – № 1(152). – Pp. 225-226.
2. Afanasyev I. V. Easement in the system of limited property rights // *Actual problems of Russian law*. - 2013. – No. 7. – pp. 831-835.
3. Akhmetyanova Z. A. Property law // *Kazan: Kazan State University*.-2017.-417 p. – 2014.
4. Akhmetyanova Z. A. Property rights in the civil law of Russia // *Civilist*. – 2006. – №. 1. – Pp. 28-37.
5. Baturin V. A. The system of limited property rights in modern civil legislation // *Autoref. diss... cand. jurid. sciences'*. Krasnodar. – 2009.

6. Volkova M. A., Starodumova S. Yu. Property rights: current state and prospects of development //Actual problems of Russian legislation. - 2015. – No. 9. – pp. 121-131.
7. Volokhova, M. B. The main stages of formation and development of the law of operational management / M. B. Volokhova // Eurasian Law Journal. – 2023. – № 1(176). – Pp. 131-133.
8. Huseykhanova, A. R. On the problem of determining the list of limited property rights to land plots / A. R. Huseykhanova // Eurasian Law Journal. – 2021. – № 12(163). – Pp. 236-238.
9. IVANOV A. A. Intellectual property and property rights: problems of correlation //The law. – 2017. – №. 1. – Pp. 84-90.
10. Latyev A. N., Bublik V. A. Property rights in civil law: the concept and features of the legal regime : dis. – Yekaterinburg : Ural State Law Academy: Department of Business Law, 2004.
11. Starovoitova A. S. Recognition of law as a way to protect property rights //Actual problems of Russian law. – 2018. – №. 3 (88). – Pp. 120-127.
12. Sukhanov E. A. On the concept and types of property rights in Russian civil law //Journal of Russian Law. – 2006. – №. 12. – pp. 42-50.
13. Sukhanov E. A. Problems of property law in modern Russian law //Journal of Russian Law. – 2016. – №. 4 (232). – Pp. 33-38.
14. Hurtov, M. S. Civil protection of the rights and legitimate interests of owners and other owners of neighboring land plots / M. S. Hurtov, E. A. Fedulin // Eurasian Legal Journal. – 2023. – № 4(179). – Pp. 181-182.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.31.39.067

Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников: до и после COVID-19

Саакян Гаянэ Норайровна

Студент,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: saakyan.gn@students.dvfu.ru

Чуракова Ксения Вячеславовна

Студент,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: churakova.kv@students.dvfu.ru

Ким Евгения Федоровна

Старший преподаватель кафедры трудового и экологического права,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: kim.ef@dvfu.ru

Аннотация

В статье исследованы изменения в правовом регулировании оплаты труда медицинских работников в свете пандемии COVID-19. Рассмотрены меры, принятые Правительством РФ для поддержки медицинских работников, такие как выплаты премий и дополнительные пособия, проанализированы проблемы правового регулирования оплаты труда, предложены новые подходы для регуляции данного вопроса, основываясь на действующем трудовом законодательстве и опыте стран зарубежья. Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников в России – сложная проблема, которая получила новое развитие в связи с пандемией COVID-19. В условиях роста заболеваемости и нагрузки на систему здравоохранения медицинские работники оказались в борьбе с болезнью, а их труд получил новое признание со стороны общества и государства. Несмотря на принятые меры по улучшению правового регулирования оплаты труда медицинских работников, проблемы остаются. В частности, работодатели, которые не выплачивают установленные нормативно-правовыми актами и коллективными соглашениями выплаты работникам, ссылаясь на плохую результативность медицинского персонала. Это также недостаточность финансирования системы здравоохранения в целом,

что не позволяет задействовать все необходимые средства для поддержания должного уровня оплаты труда медицинских работников, что особенно проявлялось в период COVID-19.

Для цитирования в научных исследованиях

Саакян Г.Н., Чуракова К.В., Ким Е.Ф. Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников: до и после COVID-19 // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 292-299. DOI: 10.34670/AR.2023.31.39.067

Ключевые слова

Оплата труда, медицинские работники, COVID-19, проблемы правового регулирования, нормативно-правовая база, трудовое законодательство, стимулирующие выплаты, оплата труда во вредных условиях труда.

Введение

Медицинские работники находились «на передовой» во время пандемии COVID-19, спасая жизни населения в сложных условиях труда. В связи с высоким риском заболеваний и нагрузкой на здравоохранение они столкнулись с нередко непропорционально низкой оплатой труда, отсутствием финансовой поддержки от работодателей и непредоставлением государственных гарантий, которые были предусмотрены на федеральном и региональных уровнях.

Основная часть

Основное назначение правового регулирования труда – это защита прав трудящихся, обеспечение условий для реализации их трудового потенциала и эффективной работы организаций. В условиях COVID-19 это было главным аспектом: медицинские работники вынуждено контактировали с больными коронавирусом, тем самым ставили под угрозу свое здоровье, что согласно процедуре идентификации Министерства труда и социальной защиты РФ приравнивается к работе во вредных условиях труда 3 степени (абз. 3 ч. 4 ст. 14 ФЗ от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»). В связи с этим, Трудовым кодексом РФ предусмотрена оплата труда работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда в повышенном размере (ст. 146 ТК РФ).

Тяжелые условия труда и отсутствие поощрений со стороны работодателя привели к спаду мотивации медицинских работников трудиться. Уже в 2021 году по сведениям сопредседателя профсоюза медработников «Действие» Андрея Коновалова только в одной Калининградской области стали массово увольняться работники, что связано с недоплатой за переработку. Также он уверяет и в том, что это обычная ситуация, так как кадровый резерв был исчерпан – работники увольнялись в качестве протеста.

Был проведен соцопрос, участие в котором приняло около 2800 человек – почти треть работали с больными COVID-19: 23% опрошенных ходили на работу без интереса, 37% испытывали эмоциональное истощение, 68% не получали в данный период поддержки руководства.

В связи с этим государство начало стимулировать работников и поощрять их труд: началось активное принятие нормативно-правовых актов, регламентирующих денежные надбавки,

вознаграждения для тех, кто работает с COVID-19 напрямую, однако работодатели нередко пренебрегали этим – медики работали, не получая предусмотренных государством выплат в период ковида.

Теперь подробнее рассмотрим правовое регулирование оплаты труда – данный термин легально не закреплен, однако, Л.А. Чернышева дает следующее определение: «это оказание влияния на волю и поведение людей посредством норм права и путем побуждения работодателя к созданию в организации эффективно действующей системы оплаты труда, которая с учетом требований трудового законодательства может гарантировать соблюдение прав и интересов работников» [Чернышева, 2019]. Такой подход к пониманию этого термина верен, так как он отражает принципы трудового права, закрепленные в ст. 2 Трудового Кодекса РФ: равенство прав и возможностей работников; установление государственных гарантий по обеспечению прав работников; обязанность сторон трудового договора соблюдать его условия; обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы. Соответственно, несоблюдение данных принципов приравнивается к нарушению трудового законодательства, в частности к неоправданно низкой оплате труда.

Далее рассмотрим трансформацию системы здравоохранения в период COVID-19 с точки зрения трудового законодательства и в каком состоянии она находится сейчас. В России правовое регулирование оплаты труда медицинских работников до и после COVID-19 осуществлялось на уровне федерального и регионального законодательства.

В начальный период пандемии COVID-19 ведущими источниками на федеральном уровне являлись подзаконные акты, например Постановление Правительства РФ от 30 октября 2020 г. №1762; Указ Президента РФ от 06.05.2020 №313 и др. Наблюдается тенденция ухода федеральных законов на второй план, большую популярность обрели подзаконные акты, что связано с быстрыми изменениями обстановки в период пандемии, которые требовали скорого реагирования и урегулирования с помощью мер, предпринимаемых государством. Это верный подход, так как нормативно-правовая база по мере необходимости должна обновляться оперативно, особенно в условиях пандемии.

Так, в соответствии с Постановлением Правительства, указанным ранее, медицинские работники определенных категорий должны были получать ежемесячную социальную выплату с 01.11.2020 по 31.12.2022 за нормативную смену, определяемую как 1/5 продолжительности рабочего дня в неделю:

- врачи – 2430 рублей;
- средний и младший медперсонал – 1215 рублей.

Как можно заметить, она невысока, но в совокупности за проведенные смены составляла немаленькую сумму, что безусловно мотивировало медицинских работников продолжать помогать больным с COVID-19.

Также регуляция осуществлялась и на региональном уровне, в частности, в Приморском крае было издано распоряжение Правительства Приморского края от 23.04.2020 №153-рп [8]. В соответствии с этим распоряжением медицинские работники, непосредственно работающие с гражданами, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19, получали выплаты стимулирующего характера в следующих размерах:

- оказывающим специализированную медицинскую помощь в стационарных условиях гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция:
- врачам – 80 000 рублей;
- среднему медперсоналу – 50 000 рублей и др.

Новостной портал РБК приводит статистику о том, что специальные «ковидные» выплаты среди врачей своевременно не получали терапевты, рентгенологи и другие [Силовики начали проверять данные..., www]. В общей сложности больницы им недоплатили более 3,4 млн рублей, в среднем по 180–200 тыс. рублей каждому. Период невыплат в среднем составлял три-четыре месяца, а самая длительная задержка была допущена с мая 2020-го по май 2021 года – работодатели пренебрегали своими обязанностями. В соответствии со статьей 136 ТК РФ они были обязаны своевременно выплачивать заработную плату не реже чем каждые полмесяца, которая включает в себя и выплаты стимулирующего характера. На период COVID-19 таких было много.

Нельзя не упомянуть и про случаи проверки Следственным Комитетом сообщений о невыплате начислений сотрудникам подстанций скорой медицинской помощи. Так, в Краснодарском крае уволили главного врача ГБУЗ «Городская больница г. Армавира» за невыплату медицинским работникам денежных средств, предусмотренных за работу в условиях COVID-19 [СКР возбудил уголовное дело..., www].

Если говорить о 2022-2023 гг., то выявляется такая тенденция: в связи со стабилизацией эпидемической ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции президент РФ В. В. Путин подписал Указ об отмене предоставления дополнительных гарантий отдельным категориям медицинских работников. Надбавку в 25% к окладу оставили лишь врачам, среднему и младшему медперсоналу, участковым терапевтам, инфекционистам и фельдшерам – исчезла необходимость платить за труд во вредных условиях работы (ст. 146 ТК). Соответственно можно признать, что система здравоохранения возвращается в «доковидный» период.

В данном случае государство приняло правильное решение, ведь по статистике только в 2021 году на специальные выплаты медикам из бюджетов различных уровней было затрачено 216 млрд рублей, а на 2022 год было выделено еще 128 млрд рублей – сейчас денежные средства из бюджета затрачиваются на другие цели. Продолжать выделять такое количество финансов на мотивацию работы медицинских работников с COVID-19 бессмысленно: даже Всемирная организация здравоохранения 5 мая 2023 года отменила статус пандемии – высшую степень развития эпидемического процесса, что повлекло за собой и завершение режима чрезвычайной ситуации. Следом за решением ВОЗ Российская Федерация также отменила статус пандемии на своей территории. Данный факт еще больше подтверждает нецелесообразность выделения такого количества финансовых средств.

Выплата заработной платы – один из главных механизмов осуществления работы организаций, однако необходимо добавить новые меры стимулирования работников, которые могут улучшить психическое состояние медицинских работников, тем самым повысив их работоспособность. Если говорить о нынешней редакции ч. 1 ст. 129 ТК РФ, то она закрепляет следующие стимулирующие выплаты: доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты.

Однако пример медицинских работников продемонстрировал то, что работникам разных сфер необходимы дополнительные меры стимулирования. Например, в Трудовом кодексе РФ могут найти отражение такие виды нематериальной поддержки как психологическая, социальная, моральная и организационная. Психологическая представляет собой улучшение условий работы, корпоративные мероприятия; социальная – удовлетворение первичных социальных потребностей, в частности таких как медицина и профессиональное развитие, например, как в частных организациях.

Также можно взять пример из Японии, которая славится трудоголизмом своего населения. Например, в японских организациях система мотивации труда опирается на вовлечение работающих в «малые производственные группы по усовершенствованию трудовой деятельности», так называемые кружки контроля качества, которые проводят «разбор полетов», тем самым определяя точки роста для всего персонала.

Следовательно, сочетание финансовых и психологических мер поощрения сотрудников – наиболее эффективный способ вовлечения работников трудиться, что следует закрепить в российском трудовом законодательстве.

Заключение

Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников в России – сложная проблема, которая получила новое развитие в связи с пандемией COVID-19. В условиях роста заболеваемости и нагрузки на систему здравоохранения медицинские работники оказались в борьбе с болезнью, а их труд получил новое признание со стороны общества и государства.

Несмотря на принятые меры по улучшению правового регулирования оплаты труда медицинских работников, проблемы остаются. В частности, работодатели, которые не выплачивают установленные нормативно-правовыми актами и коллективными соглашениями выплаты работникам, ссылаясь на плохую результативность медицинского персонала. Это также недостаточность финансирования системы здравоохранения в целом, что не позволяет задействовать все необходимые средства для поддержания должного уровня оплаты труда медицинских работников, что особенно проявлялось в период COVID-19.

Все это подводит к тому, что медицинские работники должны получать заработную плату, как за работу, приравненную ко вредным условиям труда, закрепленных ст. 146 Трудового кодекса РФ, так как они контактируют с зараженными людьми, даже теми, кто не болен коронавирусом, подвергая себя опасности. Непременнo такие меры будут обеспечивать и принципы трудового права, а именно выплату справедливой заработной платы, поддерживающей достойное человека существование для него самого и его семьи, при этом не ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ).

Также, необходимо ввести новую норму в Трудовой кодекс РФ об установлении дополнительных мер стимулирующего нематериального характера, чтобы поощрять работников, улучшать их самочувствие, что обеспечит их наилучшую продуктивность, не затрачивая при этом денежные ресурсы государства.

Библиография

1. Выгорание и опустошение: с чем связан растущий дефицит медиков. URL: <https://news.ru/society/kovid-delaet-zelenuyu-zonu-krasnoj-v-profsoyuzah-opasayutsya-deficita-medikov/>
2. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 13.07.2020 г. № 15–1/ООГ-1996.
3. Постановление Правительства РФ от 30 октября 2020 г. №1762 «О государственной социальной поддержке в 2020–2022 годах медицинских и иных работников медицинских и иных организаций, оказывающих медицинскую помощь по диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции...».
4. Распоряжение Правительства Приморского края от 23.04.2020 №153-рп «О расходовании средств межбюджетного трансферта из федерального бюджета, предоставленного Приморскому краю в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств Приморского края, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинскими и иными работниками, непосредственно участвующими в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19».

5. Силовики начали проверять данные о невыплатах врачам за работу с COVID-19. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ebfa4d29a794709daef9202>
6. СКР возбудил уголовное дело из-за невыплаты компенсаций медикам. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/19/830582-skr-vozбудil-pervoe-ugolovnoe-delo>
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ.
8. Указ Президента РФ от 06.05.2020 №313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников».
9. Указ Президента РФ от 15.07.2022 № 464 «О признании утратившими силу некоторых указов Президента Российской Федерации».
10. Федеральный закон от 28.12.2013 № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда».
11. Чернышева Л.А. О некоторых проблемах правового регулирования оплаты труда // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 3 (57). С. 130-136.

Legal regulation of remuneration of medical workers: before and after COVID-19

Gayane N. Saakyan

Student of the School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: saakyan.gn@students.dvfu.ru

Kseniya V. Churakova

Student of the School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: churakova.kv@students.dvfu.ru

Evgeniya F. Kim

Senior Lecturer of the Department of Labor and Environmental Law,
School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: kim.ef@dvfu.ru

Abstract

The article examines changes in the legal regulation of remuneration of medical workers in the light of the COVID-19 pandemic. The measures taken by the Government of the Russian Federation to support medical workers, such as the payment of bonuses and additional benefits, analyzed the problems of legal regulation of wages, proposed new approaches to regulate this issue, based on the current labor legislation and the experience of foreign countries. The legal regulation of the remuneration of medical workers in Russia is a complex issue that has received new development in connection with the COVID-19 pandemic. In the face of growing morbidity and the burden on the healthcare system, medical workers found themselves in the fight against the disease, and their

work received new recognition from society and the state. Despite the measures taken to improve the legal regulation of the remuneration of medical workers, problems remain. In particular, employers who do not pay the benefits established by regulations and collective agreements to employees, referring to the poor performance of medical personnel. This is also the lack of funding for the healthcare system as a whole, which does not allow using all the necessary funds to maintain the proper level of remuneration of medical workers, which was especially evident during the COVID-19 period.

For citation

Saakyan G.N., Churakova K.V., Kim E.F. (2023) Pravovoe regulirovanie oplaty truda meditsinskikh rabotnikov: do i posle COVID-19 [Legal regulation of remuneration of medical workers: before and after COVID-19]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 292-299. DOI: 10.34670/AR.2023.31.39.067

Keywords

Remuneration, medical workers, covid-19, problems of legal regulation, regulatory framework, labor legislation, incentive payments, remuneration in harmful working conditions.

References

1. Chernysheva L.A. (2019) O nekotorykh problemakh pravovogo regulirovaniya oplaty truda [On some problems of legal regulation of wages]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad juridical journal], 3 (57), pp. 130-136.
2. *Federal'nyi zakon ot 28.12.2013 № 426-FZ «O spetsial'noi otsenke uslovii truda»* [Federal Law No. 426-FZ of December 28, 2013 "On Special Assessment of Working Conditions"].
3. *Pis'mo Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF ot 13.07.2020 g. № 15-1/OOG-1996* [Letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 13, 2020 No. 15-1 / OOG-1996].
4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 oktyabrya 2020 g. №1762 «O gosudarstvennoi sotsial'noi podderzhke v 2020–2022 godakh meditsinskikh i inykh rabotnikov meditsinskikh i inykh organizatsii, okazyvayushchikh meditsinskuyu pomoshch' po diagnostike i lechenie novoi koronavirusnoi infektsii...»* [Decree of the Government of the Russian Federation of October 30, 2020 No. 1762 "On state social support in 2020-2022 for medical and other employees of medical and other organizations providing medical care for the diagnosis and treatment of a new coronavirus infection ..."].
5. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Primorskogo kraia ot 23.04.2020 №153-rp «O raskhodovanii sredstv mezhbyudzhnogo transferta iz federal'nogo byudzhet, predostavlenogo Primorskomu krayu v tselyakh sofinansirovaniya v polnom ob'eme raskhodnykh obyazatel'stv Primorskogo kraia, voznikayushchikh pri osushchestvlenii vyplat stimuliruyushchego kharaktera za vypolnenie osobo vazhnykh rabot meditsinskimi i inymi rabotnikami, neposredstvenno uchastvuyushchimi v okazanii meditsinskoi pomoshchi grazhdanam, u kotorykh vyyavlena novaya koronavirusnaya infektsiya COVID-19»* [Decree of the Government of Primorsky Krai dated April 23, 2020 No. 153-rp "On spending funds from the interbudgetary transfer from the federal budget provided to Primorsky Krai in order to co-finance in full the expenditure obligations of Primorsky Krai arising from the implementation of incentive payments for the performance of particularly important work by medical and other employees directly involved in the provision of medical care to citizens who have been diagnosed with a new coronavirus infection COVID-19"].
6. *Siloviki nachali proveryat' dannye o nevyplatakh vracham za rabotu s COVID-19* [The security forces began to check data on non-payments to doctors for work with COVID-19]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ebfa4d29a794709daef9202> [Accessed 05/05/2023]
7. *SKR vozбудil ugovnoe delo iz-za nevyplaty kompensatsii medikam* [The ICR opened a criminal case due to non-payment of compensation to doctors]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/05/19/830582-skr-vozbudil-pervoe-ugovnoe-delo> [Accessed 05/05/2023]
8. *Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 №197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ].
9. *Ukaz Prezidenta RF ot 06.05.2020 №313 «O predostavlenii dopolnitel'nykh strakhovykh garantii otdel'nym kategoriyam meditsinskikh rabotnikov»* [Decree of the President of the Russian Federation of May 6, 2020 No. 313 "On the provision of additional insurance guarantees to certain categories of medical workers"].
10. *Ukaz Prezidenta RF ot 15.07.2022 № 464 «O priznanii utrativshimi silu nekotorykh ukazov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation of July 15, 2022 No. 464 "On recognizing certain decrees

-
- of the President of the Russian Federation as invalid”].
11. *Vygoranie i opustoshenie: s chem svyazan rastushchii defitsit medikov* [Burnout and devastation: what is the reason for the growing shortage of doctors]. Available at: <https://news.ru/society/kovid-delaet-zelenuyu-zonu-krasnoj-v-profsoyuzah-opasayutsya-deficita-medikov/> [Accessed 05/05/2023]

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.93.86.047

Механизмы защиты прав детей и роль психологических служб в системе ювенальной юстиции России на фоне мировой практики

Валуйсков Николай Викторович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал),
Донской государственной технической университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: valuiskov58@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается механизм защиты прав детей в России и значимость психологических служб в системе ювенальной юстиции. Автор анализирует существующие нормативно-правовые и организационные аспекты, отмечает как проблемы, так и успешные примеры российской практики. Делается акцент на необходимости комплексного подхода к защите прав ребёнка, включающего психологическую поддержку на всех уровнях взаимодействия с ювенальной системой. Для более глубокого понимания проблематики проводится сравнительный анализ с мировой практикой защиты прав детей и использованием психологического сопровождения. В основе исследования лежат правовые нормы, и для его проведения использованы как качественные, так и количественные методы. Применен метод критического анализа для изучения четырех аспектов процессуального правосудия в отношении детей: (1) гарантии реализации прав; (2) различные точки зрения на права детей, включая сотрудников ювенальной юстиции и детей, находящихся в конфликте с законом; (3) право ребенка на эффективное участие в судебном процессе; и (4) учет возраста ребенка при принятии судебных решений. Кроме того, автором при проведении исследования использовался эмпирический метод. Цель работы – проанализировать степень защищенности прав детей и системы ювенальной юстиции в России, учитывая политический, культурный и нравственный контекст, влияющий на развитие механизма защиты прав детей в стране.

Для цитирования в научных исследованиях

Валуйсков Н.В. Механизмы защиты прав детей и роль психологических служб в системе ювенальной юстиции России на фоне мировой практики // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 300-307. DOI: 10.34670/AR.2023.93.86.047

Ключевые слова

Ювенальная юстиция, права детей, защита прав детей, психологические службы, российская практика, мировая практика, нормативно-правовые аспекты, организационные аспекты, психологическое сопровождение.

Введение

Правовые вопросы защиты детей никогда не потеряют свою актуальность, и причины тому всем известны и очевидны. Государство выполняет роль опекуна несовершеннолетних и имеет особое отношение к ним. Конвенция ООН о правах ребенка ратифицирована большинством развивающихся и развитых государств, но ее эффективность в последнее время вызывает все больше сомнений. Важнейшим инструментом для обеспечения прав детей в мировом сообществе признается ювенальная юстиция. Система ювенальной юстиции включает государственные органы, правозащитные организации и суды, занимающиеся защитой и реабилитацией детей и молодежи. Она также выполняет восстановительные и ресоциализационные задачи.

Концепция «дружественного правосудия» в отношении детей основана на Руководящих принципах правосудия, дружественного к ребенку, разработанных Советом Европы в 2010 году. Эти принципы включают ключевые элементы системы правосудия, основанные на международном праве и прецедентной практике [Хромова, www].

Модели ювенальной юстиции в отечественной и зарубежной науке классифицируются по трём критериям: институциональному, функциональному и правовому [Савина, 2022, 32]. Различные страны применяют разные модели, которые определяют характер взаимодействия с детьми [Дородонова, 2018, 28].

В данном исследовании изучаются преимущества и недостатки движения за права детей, заменяющего патерналистскую ювенальную юстицию. Основное внимание уделяется процессуальным нормам ювенальной юстиции для системного изучения защиты прав детей. Применен метод критического анализа для изучения четырех аспектов процессуального правосудия в отношении детей: (1) гарантии реализации прав; (2) различные точки зрения на права детей, включая сотрудников ювенальной юстиции и детей, находящихся в конфликте с законом; (3) право ребенка на эффективное участие в судебном процессе; и (4) учет возраста ребенка при принятии судебных решений. Исследование также рассматривает роль клинической психологии и психологической практики в ювенальной юстиции России.

Однако перед теоретизацией прав детей необходимо иметь эмпирическое понимание реализации этих прав в повседневной жизни. Исследование сосредоточено на осуществлении прав детей в повседневной практике правосудия и их влиянии на систему правосудия для несовершеннолетних и защите детей, находящихся в конфликте с законом, а также специалистов, разрешающих конфликты. Это поможет переосмыслить и переориентировать систему ювенальной юстиции и механизмы защиты прав детей в России.

Система ювенальной юстиции в России среди современных моделей

Во всем мире существуют различные модели ювенальной юстиции, включая англо-американскую, континентальную, скандинавскую и азиатскую [Савина, 2022, 32]. В англо-американской модели система судов по делам несовершеннолетних иногда работает отдельно, а иногда сотрудничает с социальными службами или службами пробации. В континентальной модели применяются воспитательные меры, а если они неэффективны, применяются уголовные санкции. Скандинавская модель включает социальные службы, полицию и суды, работающие с несовершеннолетними, в то время как азиатская модель ориентирована на реабилитацию и ресоциализацию правонарушителей.

Национальные системы ювенальной юстиции постсоветских стран (кроме стран Балтии) могут быть объединены в отдельную самостоятельную модель, которую можно назвать переходной. Внутри этой модели можно выделить две подгруппы.

Первая подгруппа – транзитно-административные системы (например, в России, Беларуси, Азербайджане, Таджикистане). В этих странах законодательно не определена специализация судов или ювенальных судей, что означает, что суды и судьи могут рассматривать не только дела несовершеннолетних, но и дела других категорий. Возможны также пилотные проекты по внедрению ювенальных судов в отдельных регионах. В этих странах существуют квазисудебные (административные) органы, которые также принимают участие в рассмотрении дел несовершеннолетних.

Вторая подгруппа – транзитно-судебноцентричные системы (например, в Казахстане, Грузии, Кыргызстане). В этих странах определена специализация судов или судей, прокуроров и следователей по рассмотрению дел несовершеннолетних. Это означает, что суды и другие юридические органы в этих странах имеют опыт и знания, специально направленные на рассмотрение и разрешение дел, связанных с несовершеннолетними.

Таким образом, можно сказать, что в постсоветских странах (за исключением стран Балтии) существует разнообразие моделей и подходов к ювенальной юстиции, но можно выделить общую модель переходной системы с двумя подгруппами, отличающимися специализацией и организацией ювенальных судов и других органов.

С момента распада СССР были произведены некоторые изменения законодательной регламентации по установлению «щадящего» режима уголовного преследования детей, однако систематизация правового режима ювенальной юстиции находилась в самом зачатке, не обретая очертаемых форм. Существенными шагами в сторону ювенальной юстиции большинство исследователей считают принятие в 1996 и 2001 годах УК и УПК, и ратификация важнейших международных документов в области защиты прав детей. В России началось обсуждение исправительных учреждений для несовершеннолетних, при этом местная реформа ювенальной юстиции проводилась в отдельных регионах, таких как Ростовская область [Ткачев, 2009, 26]. Реформы включали специализацию судей, участие социальных работников и координацию между различными организациями. Необходимость расстановки приоритетов по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и поддержке социальных программ, направленные на молодежь из групп риска, признавалась в научном и политическом дискурсе.

Ювенальная юстиция должна учитывать справедливость во всем процессе принятия решений. Конвенция о правах ребенка защищает систему ювенальной юстиции, основываясь на праве детей на справедливое обращение. Она подразумевает, что обращение с детьми должно отличаться от обращения с взрослыми, учитывая их возрастные особенности и отсутствие опыта. Что касается несовершеннолетних, они подвергаются дискриминации и лишаются сознания своих прав в судебных процессах, что является нарушением процессуальной справедливости [Прокументов, 2017, 237]. Поэтому важно адаптировать судебные процессы и учитывать возраст обвиняемых. Отправка девиантных несовершеннолетних в реабилитационные центры является эффективной альтернативой тюремному заключению. Эти учреждения способствуют не только воспитанию, но и общественно необходимому труду. России следует обратить внимание на условия жизни и образования в учебных заведениях реабилитационных центров, как это делается во многих европейских странах. Это позволит уменьшить социальную дезадаптацию и способствовать последующей ресоциализации несовершеннолетних. Система ювенальной юстиции должна быть гибкой и адаптироваться к изменяющимся условиям, включая изменения в системах социального обеспечения и молодежной среде.

Деятельность психолога в системе ювенальной юстиции

В настоящее время в мировой практике сложилось две основных модели деятельности специалистов психологических служб в системе ювенальной юстиции. Первая модель строится вокруг социальной поддержки и реабилитации ребенка с целью восстановления недостатков в развитии. Другой вариант модели уделяет больше внимания ответственности несовершеннолетнего за совершенные противоправные действия. Российская система ювенальной юстиции является достаточно разнородной и реализуется в рамках общеуголовного процесса и судебной системы [Шестакова, 2016, 248]. В этой системе, психологу приходится заниматься проблемами несовершеннолетних правонарушителей. Он должен работать над реабилитацией и профилактикой повторных правонарушений, а также развивать здоровый личностный потенциал подростка и формировать у него чувство свободы и ответственности.

Многочисленные исследования подтверждают высокую долю молодых людей в системе ювенальной юстиции с диагностируемыми психическими расстройствами [Стельмах, 2020, 210]. В США около двух третей молодых людей в тюрьмах имеют проблемы психического здоровья, в то время как среди остальной молодежи данного возраста этот показатель ниже. В России молодежь с психическими расстройствами составляет не менее 50% правонарушителей [Фокина, 2023, www].

В большинстве западных стран разработанные системы ювенальной юстиции используют различные методы для определения состояния психического здоровья среди несовершеннолетних. Скрининг направлен на выявление молодых людей, нуждающихся в срочной реакции на их психические потребности, а также на выявление тех, кому требуется особое внимание. Дальнейшая оценка проводится выборочно и затрагивает несовершеннолетних, у которых выявляются повышенные потребности в оказании профессиональной психологической помощи. Для того, чтобы такая оценка была качественной, требуется больше времени и привлечение широкого круга специалистов. В России такие инструменты в настоящее время отсутствуют, но их элементы частично включены в общекриминологические мероприятия по предупреждению преступности. Факторы риска преступной активности у подростков включают алкоголизм, асоциальную деформацию личности, преступность близких, психопатические черты у родителей и характер. Проблема детской преступности связана с проблемой беспризорности и зависит от различных факторов, включая длительность периода безнадзорности, тяжесть психических расстройств и возраст ребенка. В связи с этим требуется профессиональная психологическая помощь семье и ребенку для определения причин и условий девиантного поведения несовершеннолетнего. Однако в России отсутствует система такой помощи даже на законодательном уровне. Законодательство предусматривает социально-психологическую помощь несовершеннолетним, но отсутствует четкое понимание и организация такой помощи. Также предусмотрено создание сети медиационных служб для оказания помощи несовершеннолетним по урегулированию и смягчению вины перед потерпевшими, но не уточняется, как должна быть организована такая сеть.

Обсуждение

В России после распада СССР различные органы были вовлечены в защиту прав детей, в отличие от Европы, где в эту сферу происходит повсеместное вовлечение общественных объединений. Однако в России существует недостаток критериев и процедур защиты детей,

соответствующих международным законодательством. В ювенальной юстиции также наблюдаются определенные проблемы, включая строгий контроль государства над семьей и опасения общества относительно лишения детей социально-экономически уязвимых семей. Однако основной целью ювенальной юстиции является защита прав несовершеннолетних, и реальное вмешательство государства в семью должно применяться только при необходимости и объективной оценке ситуации. Нарушение прав ребенка со стороны родителей может привести к лишению родительских прав и помещению несовершеннолетнего в специализированные учреждения, что может быть спасительным решением в некоторых трудных случаях.

В России ювенальная юстиция часто зависит от субъективных мнений представителей органов этой системы, что приводит к отклонениям от ходатайств о помещении несовершеннолетних в следственные изоляторы. В суде при рассмотрении таких дел судьи также опираются на свои личные мнения, в отсутствие профессиональной психологической оценки [Марковичева, 2017, 111]. Чтобы установить личный контакт с подростком, судье необходимо обсудить с ним разные темы и вызвать его доверие, но такие методы не входят в принятую практику. Поэтому чрезмерная регламентация судебного разбирательства с участием несовершеннолетних и фиксация процесса могут ограничить возможности судьи для принятия правильного решения. Западный опыт показывает, что специализированная система ювенальной юстиции, учитывающая возрастные особенности детей и подростков, способствует снижению преступности несовершеннолетних. Она основывается на прогнозной оценке дальнейшего развития подростка и организации социально-психологических мероприятий для его успешного развития.

Исследования показывают, что в Европе есть специализированные суды по делам несовершеннолетних в 20 юрисдикциях ЕС. Некоторые из них физически отделены от судов для взрослых, а другие просто адаптированы к потребностям детей. Однако не все специализированные суды гарантируют универсальное одобрение, и Руководящие принципы не требуют их создания. Некоторые страны также вводят специализацию прокуроров и адвокатов, работающих с детьми, участвующими в уголовном процессе. В доступе третьих лиц к уголовному судопроизводству в отношении детей есть ограничения, и большинство стран автоматически удаляют записи после определенного периода времени. Важным аспектом является концепция справедливого правосудия и внимание к процессуальным правам детей. Руководящие принципы также привлекательны за пределами Европы.

Система ювенальной юстиции Китая выросла и существенно изменилась с 1980-х годов. В то время как значительные исследования посвящены обращению с несовершеннолетними правонарушителями в учреждениях, мало внимания уделялось процессам и мерам по отвлечению внимания, которые позволяют уводить проблемных несовершеннолетних из официальной системы правосудия. Несмотря на их схожие усилия по выделению несовершеннолетних правонарушителей от традиционного судебного разбирательства, на практике меры по отвлечению внимания в Китае отличаются от правопорядков стран Европы и США. В отличие от указанных, исправительная колония для несовершеннолетних в Китае не работает в соответствии с моделями социального обеспечения или восстановительного лечения. Напротив, ювенальная юстиция в Китае представляет собой схему, основанную на менеджризме, которая опирается на два ключевых столпа: институциональный, который налагает наказание и контроль над несовершеннолетними правонарушителями в соответствии с их уровнем преступности и опасности, и неинституциональный, который вращается вокруг

управления, основанного на риске, а исправление достигается посредством вмешательства на уровне сообщества. Мы пришли к выводу, что самобытная социально-правовая культура и политические приоритеты Китая сформировали практику, которая, как представляется, расходится с официально рекламируемыми нарративами государственной политики в области ювенальной юстиции.

Заключение

В ходе изучения проблематики, связанной с механизмами защиты прав детей и ролью психологических служб в системе ювенальной юстиции России на фоне мировой практики, мы пришли к выводу о наличии сигналов о различных проблемах с социальными и экономическими правами детей, включая тех, которые находятся в конфликте с законом, в большинстве систем ювенальной юстиции в мировой практике. Поэтому в настоящее время, по мнению автора исследования, требуются научные исследования, чтобы выяснить связь между процессуальной и социальной справедливостью в отношении детей. В России ювенальная юстиция приоритизирует исправление и реабилитацию несовершеннолетних правонарушителей перед наказанием, и клиническая психология и профессиональная психологическая помощь играют важную роль в этом процессе. Однако для многих стран, включая Россию, сложно отказаться от карательного подхода и перейти к реабилитационному. Необходимо не только законодательное закрепление профессиональной психологической помощи, но и создание доступных центров с профессиональными работниками, которые могут помочь не только семье и ребенку, но и судье. Чтобы развивать справедливое правосудие, необходимо бороться с любыми формами несправедливости, особенно в отношении молодежи, которая пострадала от несправедливой политики. Осложнение геополитической обстановки указывает на то, что реформы ювенальной юстиции в России не будут реализованы в ближайшее время. Однако снижение преступности и уровня заключенных, а также интерес к восстановительному правосудию, медиации и общественному участию позволяют сократить количество заключенных несовершеннолетних. Исследование практики и опыта в области прав детей в ювенальной юстиции должно определить структуру будущих исследований механизмов защиты прав детей. Такие исследования помогут узнать, почему дети нарушают закон, как их сделать законопослушными и почему взрослые должны уважать права детей.

Библиография

1. Дородонова Н.В. К вопросу типологии моделей ювенальной юстиции в зарубежных государствах: сравнительно-правовой аспект // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 25-30.
2. Марковичева Е.В. Обоснованность и мотивированность приговора, постановленного в отношении несовершеннолетнего // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 1 (15). С. 106-112.
3. Овсянникова Т.А. Основные элементы системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10-2 (112). С. 176-178.
4. Прозументов Л.М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск, 2017. 308 с
5. Савина Е.Ю. Модели ювенальной юстиции: российский и зарубежный опыт // Студенческий вестник. 2022. № 39-3 (231). С. 31-33.
6. Стельмах С.А. Психическое здоровье подростков в конфликте с законом // Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов. М., 2020. С. 203-214.
7. Ткачев В.Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области // Право и безопасность. 2009. № 3-32. С. 23-38.
8. Фокина Е.С. Ментальное здоровье современной молодежи // Столыпинский вестник. 2023. № 1. С. 207-214.

9. Хромова Н.М. Правосудие в отношении несовершеннолетних: расширительное толкование // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). С. 65-74.
10. Шестакова Л.А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 280 с.

Mechanisms for protecting children's rights and the role of psychological services in the Russian juvenile justice system against the backdrop of world practice

Nikolai V. Valuiskov

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
Institute of Service and Entrepreneurship (Branch),
Don State Technical University,
344002, 1, Gagarina square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: valuiskov58@mail.ru

Abstract

The article discusses the mechanism for protecting the rights of children in Russia and the importance of psychological services in the juvenile justice system. The authors analyze the existing regulatory and organizational aspects, note both problems and successful examples of Russian practice. Emphasis is placed on the need for an integrated approach to protecting the rights of the child, including psychological support at all levels of interaction with the juvenile system. For a deeper understanding of the issues, a comparative analysis is carried out with the world practice of protecting the rights of children and the use of psychological support. The study is based on legal norms, and both qualitative and quantitative methods are used for its implementation. A critical analysis method was applied to examine four aspects of procedural justice for children: (1) guarantees for the realization of rights; (2) different perspectives on children's rights, including juvenile justice officials and children in conflict with the law; (3) the child's right to effective participation in the judicial process; and (4) consideration of the child's age in judicial decisions. In addition, the author used an empirical method during the study. The purpose of the work is to analyze the degree of protection of children's rights and the juvenile justice system in Russia, considering the political, cultural and moral context that affects the development of the mechanism for protecting children's rights in the country.

For citation

Valuiskov N.V. (2023) Mekhanizmy zashchity prav detei i rol' psikhologicheskikh sluzhb v sisteme yuvenal'noi yustitsii Rossii na fone mirovoi praktiki [Mechanisms for protecting children's rights and the role of psychological services in the Russian juvenile justice system against the backdrop of world practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 300-307. DOI: 10.34670/AR.2023.93.86.047

Keywords

Juvenile justice, children's rights, protection of children's rights, psychological services, Russian practice, world practice, regulatory aspects, organizational aspects, psychological support.

References

1. Dorodonova N.V. (2018) K voprosu tipologii modelei yuvenal'noi yustitsii v zarubezhnykh gosudarstvakh: sravnitel'no-pravovoi aspekt [On the issue of typology of juvenile justice models in foreign countries: a comparative legal aspect]. *Monitoring pravoprimereniya* [Law enforcement monitoring], 2 (27), pp. 25-30.
2. Fokina E.S. (2023) Mental'noe zdorov'e sovremennoi molodezhi [Mental health of modern youth]. *Stolypinskii vestnik* [Stolypin Herald], 1, pp. 207-214.
3. Khromova N.M. (2014) Pravosudie v otnoshenii nesovershennoletnikh: rasshiritel'noe tolkovanie [Juvenile justice: a broad interpretation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 4 (208), pp. 65-74.
4. Markovicheva E.V. (2017) Obosnovannost' i motivirovannost' prigovora, postanovlennogo v otnoshenii nesovershennoletnego [Validity and motivation of the verdict against a minor]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings], 1 (15), pp. 106-112.
5. Ovsyannikova T.A. (2021) Osnovnye elementy sistemy pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh v Kitae [Main elements of the juvenile justice system in China]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 10-2 (112), pp. 176-178.
6. Prozumentov L.M. (2017) *Ugovolno-pravovaya okhrana i otvetstvennost' nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii* [Criminal law protection and responsibility of minors in the Russian Federation]. Tomsk.
7. Savina E.Yu. (2022) Modeli yuvenal'noi yustitsii: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Models of juvenile justice: Russian and foreign experience]. *Studencheskii vestnik* [Student Bulletin], 39-3 (231), pp. 31-33.
8. Shestakova L.A. (2016) *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noi yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile proceedings in the Russian Federation]. Moscow: Yurlitinform Publ.
9. Stel'makh S.A. (2020) Psikhicheskoe zdorov'e podrostkov v konflikte s zakonom [Mental health of adolescents in conflict with the law]. In: *Biopsikhologicheskii vozrast i zdorov'e professionalov* [Biopsychological age and health professionals]. Moscow.
10. Tkachev V.N. (2009) Opytnaya model' yuvenal'noi yustitsii v Rostovskoi oblasti [Experimental model of juvenile justice in the Rostov region]. *Pravo i bezopasnost'* [Law and security], 3-32, pp. 23-38.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.21.94.048

Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии

Даниленко Ирина Анатольевна

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Аннотация

В настоящее время не утихают споры о том, какой же должна быть модель предварительного следствия, чтобы ни у кого не вызывала сомнения ее эффективность. Одной из проблем формирования указанной модели является соблюдение принципа состязательности на досудебных стадиях, отделения уголовно-процессуальных функций друг от друга и недопустимости их смешения либо возложения не один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. В данной статье автор рассмотрит проблему возложения на суд функции судебного контроля на стадии предварительного расследования в сочетании с функцией осуществления правосудия, которое суд вершит после принятия всего уголовного дела к своему производству. Автору данного исследования представляется возможным значительно повысить эффективность судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан в период предварительного расследования посредством введения института следственных судей, при условии категорического исключения из их компетенции вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда (статья 120 Конституции Российской Федерации), гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам. Опыт Италии мог бы послужить прообразом для подобного правового регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Даниленко И.А. Судья по предварительному следствию на примере опыта Италии // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 308-316. DOI: 10.34670/AR.2023.21.94.048

Ключевые слова

Институт следственных судей, судебный следователь, следственный судья, судебный контроль, состязательность, судебная власть.

Введение

В настоящее время не утихают споры о том, какой же должна быть модель предварительного следствия, чтобы ни у кого не вызывала сомнения ее эффективность. Одной из проблем формирования указанной модели является соблюдение принципа состязательности на досудебных стадиях, отделения уголовно-процессуальных функций друг от друга и недопустимости их смешения либо возложения не один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. В данной статье автор рассмотрит проблему возложения на суд функции судебного контроля на стадии предварительного расследования в сочетании с функцией осуществления правосудия, которое суд вершит после принятия всего уголовного дела к своему производству.

Основная часть

Автор исходит из следующих правовых категорий. Осуществление правосудия в уголовном деле – это разрешение основного спора о виновности конкретного лица в совершении конкретного преступления и о назначении ему меры уголовно-правового характера (как правило – уголовного наказания). При этом вопрос о виновности состоит из трех самостоятельных вопросов: о наличии общественно-опасного деяния, о наличии в деянии признаков состава преступления и о совершении этого преступления данным лицом. Ответы на эти вопросы, данные судом, приобретают общеобязательный и бесспорный характер после вступления судебного решения (приговора) в законную силу. В рамках же судебного контроля суд, не предвещая вопроса о виновности лица, а, соответственно, не вторгаясь в разрешение вышеуказанных вопросов, оценивает пределы допустимого ограничения органами предварительного расследования конституционных прав граждан при производстве по уголовному делу. Решение суда, вступившее в силу по итогам процедуры судебного контроля, также носит общеобязательный и бесспорный характер.

Однако со временем уголовно-правовая практика, а затем и нормативное регулирование стали включать в вопросы судебного контроля вопросы о причастности лица к совершенному преступлению. Касается это прежде всего таких мер уголовно-процессуального принуждения, как задержание и меры пресечения. Согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. В самом же постановлении о заключении под стражу суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления (пункт 29 данного Постановления Пленума).

Это стало порождать вопросы о правовых последствиях таких судебных решений, особенно в случаях, когда судья счел представленные доказательства причастности к преступлению недостаточными. Влечет ли указанное решение судьи снятие с лица подозрения, реабилитацию и запрет повторного уголовного преследования? Если нет, то в чем смысл предоставления судье полномочий, не влекущих неоспоримых правовых последствий. Если да, то каким образом в дальнейшем должен разрешаться вопрос о виновности обвиняемого на судебных стадиях. Может ли судья, осуществляющий судебный контроль на предварительном следствии, в

дальнейшем рассматривать это же уголовное дело по существу или мы должны говорить о предубеждении и недопустимости повторного участия?

Все эти вопросы порождены смешением вопросов правосудия и судебного контроля и вынуждают искать ответ в самых различных сферах. Один из вариантов разрешения прозвучал во время заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) 14 октября 2014 года. Член СПЧ Морщакова Т.Г. выступила с предложением об усилении эффективности контроля за законностью ограничения прав личности на досудебных стадиях процесса. При этом докладчик подчеркнула, что речь идет об институте, ранее известном российской системе уголовного судопроизводства – о следственных судьях.¹ Согласно данному предложению, следственные судьи должны выделяться из общего корпуса федеральных судей и заниматься исключительно решением вопроса о законности действий органов расследования. Рассмотрение дел по существу не должно входить в их полномочия.² Президент выразил поддержку данному предложению и по итогам встречи дал ряд поручений и рекомендаций, в том числе Верховному Суду РФ, рассмотреть предложение о возможности введения в России института следственных судей.

Внимание к проблеме породило множество научных предложений. Так, председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин в своей публикации счел, что воссоздание следственных судей может помочь решить системные проблемы уголовного процесса [Зорькин, 2014]. В 2015 году советник Конституционного Суда РФ А.В. Смирнов разработал и предложил концепцию «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [Смирнов, www], которая обсуждалась на круглом столе Комитета гражданских инициатив. Согласно данной концепции, автор предлагал возвращение российской судебной системе тех преимуществ, которыми она обладала в результате судебной реформы 1864 года, в том числе возрождение такого участника уголовного судопроизводства, как следственный судья. Смирнов А.В. считал необходимым выполнение двух условий: недопущение следственного судьи к отправлению правосудия, а также независимость (автономность) следственного судьи от органов правосудия. В проекте концепции «Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе», следственные судьи на стадии предварительного следствия призваны обеспечивать: 1) независимый фильтр, препятствующий поступлению в суд явно необоснованных обвинений; 2) равенство сторон в собирании доказательств; 3) судебную защиту конституционных прав личности.

Спустя пять лет вопрос так и не был разрешен. Выступая 18 декабря 2019 года на заседании Клуба имени Д.Н. Замятнина по теме «Бизнес и судебная власть: стратегия и потенциал развития доверия» председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. Давыдов критикуя эффективность судебного контроля предложил вновь вернуться к вопросу о следственных судьях, которые бы не наделялись правом разрешения уголовных дел по существу.³

В 2020 году на очередном Совете при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека сразу несколько членов СПЧ вновь подняли вопрос о воссоздании в России института следственных судей, однако на этот раз идея не была поддержана Президентом,

¹ <http://www.president-sovet.ru/upload/iblock/86a/18r37timkb43yhwrzbsjnpjbedm67jvy.pdf>

² <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46786>

³ <https://tass.ru/obschestvo/7367831>

который указал, что дореволюционный опыт функционирования следственного судьи не прижился в России и отошел.⁴

Что же представлял из себя дореволюционный опыт следственных судей, и имеются ли в настоящее время аналоги предлагаемого института судебного контроля в современных странах?

По мнению В.Н. Чаплыгиной, обращаясь в своих исследованиях к институту судебного следователя «дореволюционного образца», А.В. Смирнов производил явную подмену понятий, выражающуюся в том, что под «следственным судьей» он понимает судью первой инстанции, реализующего свои полномочия в установленном законом порядке в досудебном производстве, однако при этом не участвующего в последующем рассмотрении уголовных дел по существу, а также в пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств [Чаплыгина, 2021]. На смешение в Концепции терминов «следственный судья» и «судебный следователь» указывает также профессор Белкин Р.С., указывая, что следственных судей в России никогда не было, а были только судебные следователи, что вовсе не одно и то же.⁵ На неправильность использования в литературе терминов «следственный судья» и «судебный следователь» указывает и профессор Н.Н. Ковтун [Ковтун, 2010, 15], а профессор О.В. Химичева подчеркивает, что между этими участниками часто не проводят четкой границы, фактически их отождествляя [Химичева, 2015].

Безусловно все вышеназванные авторы правы, указывая, что представитель судебной власти на досудебных стадиях в дореволюционной России именовался судебный следователь. Также бесспорным является возложение на данное лицо основной функции в виде осуществления предварительного следствия, направленного на недопущение в судебное следствие дел явно необоснованных. Согласно судебной реформе 1864 года на судебного следователя была возложена функция по раскрытию и расследованию преступлений. Судебные следователи могли привлекать для производства следственных и иных процессуальных действий с помощью полиции и даже в случае необходимости военных команд. Однако сбор и оценку всех доказательств, собранных по уголовному делу, должен был осуществлять только судебный следователь единолично, при этом выполняя функции предварительного расследования. Следователь при этом, по сути своей, выступал исключительно «следователем», а руководил предварительным расследованием прокурор. В то же время, по уверению известного дореволюционного процессуалиста Фойницкого И.Я., в дореволюционной России после реформы 1864 года функции, подобные судебному контролю соблюдения личной свободы, осуществляли судьи всех уровней, а равно судебные следователи. Фойницкий И.Я. указывал, что судебные следователи равным образом с другими судьями пользуются правами, изложенных в постановлениях 8 – 11 Устава уголовного судопроизводства [Фойницкий, 1902]. Эти постановления наделяли их полномочиями и обязанностями по проверке состоявшегося уголовно-процессуального задержания: полномочия лиц, осуществивших задержание, процессуальное оформление задержания и место задержания. Примечательно, что достаточность данных для задержания не могла проверяться судьей (судебным следователем), ограничивая судебный контроль лишь формальной стороной задержания [там же, 179].

При подобной оговорке, неправота авторов Концепции уже не столь очевидна, однако по-прежнему следует признать, что понятие «следственный судья» в отечественном уголовном

⁴ <http://kremlin.ru/events/president/news/64638>

⁵ <https://wiselawyer.ru/poleznoe/82387-sledstvennyj-sudya-sledstvennyj-sudya>

процессе не содержалось, и отсылка к российской истории в этом аспекте некорректна. В свете вышесказанного, нецелесообразно говорить о возрождении института следственных судей, такой участник никогда не был присущ уголовно-процессуальному законодательству России. Стоит согласиться с мнением, высказанным А.В. Пиук, «следственным судьей можно в настоящее время считать судью, осуществляющего с положениями УПК РФ, функцию судебного контроля на досудебных стадиях, то есть разрешающего органам расследования проведение следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан» [Пиук, 2014].

Продолжая попытку поиска примеров разделения судебных функций отправления правосудия и судебного контроля в уголовных делах, обратимся с исторических параллелей к зарубежным. В качестве объекта для поиска нам необходим судья, который сам не выступает субъектом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу. Он должен осуществлять лишь судебный контроль на стадиях досудебного судопроизводства путем рассмотрения жалоб на действия участников уголовного судопроизводства, давать разрешение на законность производства мер процессуального принуждения и следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы гражданина.

Примеры подобного формата следственного судьи весьма часто зарождались, видоизменялись и исчезали в уголовном процессе ряда зарубежных стран. Обращаясь к истории, необходимо отметить, что впервые такой участник уголовного судопроизводства, как следственный судья появляется в законодательстве Франции с принятием кодекса уголовного расследования 1810 года. Этот нормативный акт без серьезных изменений действовал до середины двадцатого века, и создал для континентальной Европы новую систему предварительного следствия, ключевой фигурой которой стал состоящий при суде первой инстанции независимый, полномочный следственный судья.

Как писал И.Я. Фойницкий, «Следственный судья Франции есть должностное лицо, назначаемое правительством на три года из числа действительных или добавочных членов суда первой инстанции для производства письменного предварительного следствия» [Фойницкий, 1902, 406].

Впоследствии большинство стран Европы переняли данный институт, в том числе и Италия.

Как отмечает А.В. Смирнов, «в Западной Европе со второй половины XX в. встал вопрос о реформировании уголовной юстиции. В ряде стран (Франция, Германия, Италия, Испания, Финляндия и др.) начались интенсивные поиски моделей уголовного судопроизводства, адекватных изменившимся социальным условиям. Основной вектор реформ состоит в том, что состязательность заявляет свое право не только на судебные стадии процесса, но и на предварительное расследование. Это обычно выражается в полной передаче следственных функций прокуратуре и превращении судьи-следователя в «судью над следствием», который дистанцирован от уголовного преследования и потому становится для сторон нейтральным и беспристрастным арбитром.

Это привело законодателей некоторых государств (Италия, Финляндия и др.) к идее так называемых «двух папок»: первая с материалами предварительного расследования, вторая – с доказательствами, полученными непосредственно в суде, причем материалы из «первой папки» в суд, как правило, не направляются и не попадают. Судебные доказательства («вторая папка») формируются здесь на так называемом предварительном судебном слушании» [Смирнов, www].

Фигура следственного судьи впервые упоминается в УПК Италии 1930 года. Данный участник лишь именовался судьей, но по сути осуществлял только следственные функции. Он

прикреплялся к суду общей юрисдикции и в своей деятельности находился в зависимости от прокурора. В связи с принятием в 1988 году нового уголовно-процессуального кодекса, институт следственного судьи был упразднен и в настоящий момент в уголовном процессе Италии существует должность судьи по предварительному следствию, который состоит при каждом трибунале. По сути, данные судьи осуществляют надзор за органами предварительного следствия с целью обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальном кодексе Италии закреплено, что судья, который в том же производстве выполнял функции судьи по предварительному следствию, не может выносить обвинительный приговор и проводить предварительное судебное заседание (ст. 34). Не имея права инициативы при производстве следственных действий, он призван лишь удовлетворять в предусмотренных законом случаях ходатайства прокурора, частных лиц и потерпевшего (ст. 328), а также осуществлять функции обеспечения соблюдения основных прав и свобод личности.

Исходя из текста закона, и *giudice per le indagini preliminari* (сокращенно GIP) не наделен правом собирания доказательств. Судебная полиция и прокурор могут временно (на срок не более 48 часов) задержать подозреваемого, однако дальнейшее заключение под стражу должно быть санкционировано судьей.

В Италии судья по предварительному расследованию является специальным судьей, который осуществляет надзор за органами предварительного следствия (прокуратурой и полицией) с целью обеспечения прав обвиняемого: санкционирование мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав граждан, контроль за проведением следственных действий при ходатайстве прокурора о продлении срока предварительного следствия, прослушивание телефонных переговоров и т.п.; контроль за соблюдением сроков предварительного следствия; в некоторых случаях протоколирование свидетельских показаний. Данный судья назначается на должность в каждый трибунал (*tribunale*) или суд административного или муниципального округа, охватывающий территорию нескольких коммун (*circondario*). В каждой итальянской провинции имеется хотя бы один трибунал. GIP назначается исключительно из числа мировых судей.

В отличие от судебных следователей (*giudice istruttore*), эквивалентных французскому следственному судье (*juge d'instruction*) и существовавших в Италии до реформы 1989 г., институт GIP не обладает обвинительной функцией, которая по действующему закону является функцией прокуратуры. Следует также отметить, что первоначально GIP участвовал в качестве председательствующего на предварительном слушании, однако закон 1988 г. изменил уголовно-процессуальный кодекс и передал данную функцию другому специальному судье, *giudice dell'udienza preliminare* (сокращенно GUP - судья по предварительному слушанию).

Судья по предварительному расследованию выполняет лишь функцию контроля за законностью производства следственных действий прокурором и присутствие такого участника уголовного судопроизводства на внесудебном этапе необходимо в связи с тем, что процессуальные действия могут затронуть конституционно-охраняемые права участников уголовного судопроизводства.

Данный судья не участвует ни в предварительном расследовании, ни в рассмотрении уголовного дела по существу, т.е. принятии решения о виновности или невиновности подсудимого. Функция GIP заключается в контроле за деятельностью прокуратуры, а также в обеспечении прав сторон на этапе расследования. Если перевести буквально с итальянского, то получается, что судья по предварительному расследованию в Италии «Осуществляет

беспристрастную контрольную функцию по важнейшим мероприятиям, не проявляя инициативы».

Следует отметить, что итальянский законодатель с течением времени отделил следственный судью от вторжения в вопросы виновности. Тем более в указанном примере нет предлагаемых авторами Концепции полномочий следственного судьи по контролю за законностью и обоснованностью таких действий и решений как: возбуждение стороной обвинения уголовного преследования (уголовного дела) против конкретного лица либо отказа в его возбуждении; предъявление стороной обвинения первоначального обвинения (привлечения лица в качестве обвиняемого); окончательное обвинение, содержащееся в обвинительном заключении; решение о передаче дела с обвинительным заключением в суд.⁶ Все указанные полномочия отдаляют нас от предложенной концепции «следственного судьи», возвращая к фигуре «судебного следователя», отличающегося смешением функций.

Заключение

Автору представляется возможным значительно повысить эффективность судебного контроля за соблюдением прав и свобод граждан в период предварительного расследования посредством введения института следственных судей, при условии категорического исключения из их компетенции вопросов, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу. Иное противоречило бы конституционному принципу независимости суда (статья 120 Конституции Российской Федерации), гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам. Опыт Италии мог бы послужить прообразом для подобного правового регулирования.

Библиография

1. Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М., 2007. 263 с.
2. Зорькин В. Конституция живет в законах // Российская газета. 18.12.2014. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/nepredvzyataya-sudebnaya-zashchita/>
3. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
4. Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. 2010. № 5. С. 15.
5. Пилюк А.В. «Следственный судья» или «Судебный следователь»: какая реформа нам нужна? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 24-28.
6. Смирнов А.В. Проект концепции «Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе». URL: <http://www.studfiles.ru/>
7. Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. Электронный ресурс. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1902. С. 406.
9. Химичева О.В. Судебный следователь или следственный судья? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты. М., 2015. Ч. 1. С. 392-398.
10. Чаплыгина В.Н. «Судебный следователь» или «Следственный судья»: соотношение и назначения понятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 25-31.

⁶ <http://www.president-sovet.ru/upload/iblock/86a/18r37timkb43yhwrzbsjnpbedm67jvy.pdf>

Preliminary Investigation Judge on the example of the Italian experience

Irina A. Danilenko

PhD in Law,
Associate Professor the Department of Criminal Procedure,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: irinadanilenko35@gmail.com

Abstract

At present, disputes about what kind of model of preliminary investigation should be, so that no one doubts its effectiveness, do not subside. One of the problems in the formation of this model is the observance of the principle of competition at the pre-trial stages, the separation of criminal procedural functions from each other and the inadmissibility of mixing them or assigning more than one and the same body or one and the same official. The author considers the problem of imposing on the court the function of judicial control at the stage of preliminary investigation, in combination with the function of administering justice, which the court administers after accepting the entire criminal case for its proceedings. It seems to the author of this study that it is possible to significantly increase the effectiveness of judicial control over the observance of the rights and freedoms of citizens during the preliminary investigation by introducing the institution of investigating judges, subject to the categorical exclusion from their competence of issues that may subsequently become the subject of a trial in a criminal case. Anything else would be contrary to the constitutional principle of the independence of the judiciary (Article 120 of the Constitution of the Russian Federation), which guarantees an objective and impartial administration of justice in criminal cases under the conditions of an adversarial process. The experience of Italy could serve as a prototype for such legal regulation.

For citation

Danilenko I.A. (2023) Sud'ya po predvaritel'nomu sledствию na primere opyta Italii [Preliminary Investigation Judge on the example of the Italian experience]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 308-316. DOI: 10.34670/AR.2023.21.94.048

Keywords

Institute of investigating judges, judicial investigator, investigating judge, judicial control, competition.

References

1. Babenko V.N. (2007) *Sudebnaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost'* [The judicial system of Russia: history and modernity]. Moscow.
2. Chaplygina V.N. (2021) «Sudebnyi sledovatel'» ili «Sledstvennyi sud'ya»: sootnoshenie i naznacheniyae ponyatii ["Judicial Investigator" or "Investigating Judge": correlation and purpose of concepts]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (59), pp. 25-31.
3. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and

- International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
4. Foinitskii I.Ya. (1902) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal proceedings]. St. Petersburg.
 5. Khimicheva O.V. (2015) Sudebnyi sledovatel' ili sledstvennyi sud'ya? [Judicial Investigator or Investigating Judge?]. In: *Organizatsiya deyatelnosti organov rassledovaniya prestuplenii: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty* [Organization of activities of crime investigation bodies: managerial, legal and forensic aspects]. Moscow. Part 1.
 6. Kovtun N.N. (2010) O ponyatii i soderzhanii ponyatiya «sudebnyi sledovatel'» («sledstvennyi sud'ya») [On the concept and content of the concept "judicial investigator" ("investigating judge")]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian judge], 5, p. 15.
 7. Piyuk A.V. (2014) «Sledstvennyi sud'ya» ili «Sudebnyi sledovatel'»: kakaya reforma nam nuzhna? ["Investigating Judge" or "Judicial Investigator": what kind of reform do we need?]. *Ugovnaya yustitsiya* [Criminal justice], 2 (4), pp. 24-28.
 8. Smirnov A.V. *Proekt kontseptsii «Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudei v Rossiiskom ugovnom protsesse»* [Draft concept "Revival of the institution of investigating judges in the Russian criminal process"]. Available at: <http://www.studfiles.ru/> [Accessed 05/05/2023]
 9. Smirnov A.V. *Rossiiskii ugovnyi protsess: ot zakata do rassveta. Elektronnyi resurs* [Russian criminal process: from dusk to dawn. Electronic resource]. Available at: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html [Accessed 05/05/2023]
 10. Zor'kin V. (2014) Konstitutsiya zhivet v zakonakh [The Constitution lives in the laws]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], Dec. 18th. Available at: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/nepredvzyataya-sudebnaya-zashchita/> [Accessed 05/05/2023]

УДК 343.61

DOI: 10.34670/AR.2023.93.45.049

К вопросу о мотивах и целях убийства**Журкина Ольга Вячеславовна**

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Филиппова Елена Олеговна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Оренбургский государственный университет,
460024, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: Elena56-75@mail.ru

Аннотация

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает право человека на жизнь абсолютным, неотчуждаемым и признает высшей социальной ценностью. Вместе с тем на сегодняшний день существующие уголовно-правовые механизмы не в достаточной степени способны обеспечить охрану жизни человека. Убийства зачастую совершаются из различных побуждений: ревность, месть, корысть, неприязнь, в ходе ссоры, любовь и т.д. В ряде случаев мотив совершения преступления характеризует не только субъективную сторону деяния и эмоциональное отношение виновного лица, но и имеет существенное значения для квалификации содеянного. В ряде случаев мотив или цель совершения преступления могут рассматриваться в качестве квалифицирующего признака, или обстоятельства, смягчающего или отягчающего ответственность. В представленной статье анализируется понятие и значение мотивов и целей убийства. Среди признанных в большей степени в доктрине уголовного права и нашедших отражение в действующем УК РФ мотивов убийства являются: корысть, «экстремистские» мотивы, кровная месть, хулиганские побуждения. На основе проведенного анализа представляется необходимым провести разграничение между корыстным мотивом и корыстной целью. Цель преступления – обусловленный мотивами и находящийся в связи с ними желаемый, осознанный и идеальный результат, который человек пытается достичь посредством совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом. Нейтральные цели и мотивы в определенной степени влияют на квалификацию содеянного, но всегда учитываются судом при назначении наказания.

Для цитирования в научных исследованиях

Журкина О.В., Филиппова Е.О. К вопросу о мотивах и целях убийства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 317-324. DOI: 10.34670/AR.2023.93.45.049

Ключевые слова

Уголовное законодательство, преступление, противоправное деяние, убийство, цели, мотивы, корысть, материальная выгода, квалификация.

Введение

Раскрытию понятия, выявлению сущности и значения мотивов и целей преступления будет способствовать осмысление таких ключевых понятий, как «мотив» и «цель», которые являются многоаспектными и исследуются представителями различных наук: философии, психологии, социологии, права и др. В латинском языке слово «motum» определяется как «двигатель», то, что побуждает человека к деятельности. В толковом словаре русского языка понятие «мотив» трактуется как причина, служащая поводом к определенному действию. Довод в подтверждение чего-либо.

Приведенные общие представления о мотиве позволяют прийти к выводу о том, что под таковым понимается причина, побуждающая человека к совершению определенных действий, служащая двигателем к осуществлению действий. Это свидетельствует о том, что в основе мотива всегда лежит психика человека. Таким образом, осмысление понятий «мотив» и «цель» применительно к уголовно-правовой плоскости должно быть основано на достижениях философии и психологии.

Говорить о факте совершения преступления можно лишь в том случае, если совершенное деяние отличается общественной опасностью, а те цели и мотивы, которые побудили его совершить повлияли на степень последней.

В философии существует позиция, согласно которой в основе любой человеческой деятельности всегда лежат объективные закономерности, которые обуславливают его соответствующее поведение, в том числе, и преступное. Оно предопределяется наличием ряда условий, в рамках которых человек действует. Существует и иная позиция, согласно которой какие-либо объективные причины, обуславливающие поведение человека, отсутствуют [Боер, 2002, 7].

Недостатком первого подхода является исключение из условий поведения человека его воли – способности самостоятельно сделать собственный выбор. То есть в данном случае поведение человека носит механический характер.

Среди признанных в большей степени в доктрине уголовного права и нашедших отражение в действующем УК РФ мотивов убийства являются: корысть, «экстремистские» мотивы, кровная месть, хулиганские побуждения.

Раскроем более детально каждый из названных мотивов.

Основная часть

Наиболее распространенным мотивом совершения убийств является корысть. Следует сказать, что данный мотив впервые нашел отражение в отечественном законодательстве с принятием УК РСФСР 1922 г., которая рассматривалась в качестве отягчающего обстоятельства. Действующее уголовное законодательство корысть не рассматривает в качестве такового, а рассматривает ее как обязательный, так и квалифицирующий признак преступлений, обозначенных в Особенной части УК РФ [Кудрявцев, 2007, 77].

Признавая убийство, совершенное из корыстных побуждений, как преступление, обладающее высокой степенью общественной опасности, законодателем подчеркивается важность человеческой жизни как основного объекта уголовно-правовой защиты.

В доктрине уголовного права вопрос о понятии, признаках и содержании корысти является достаточно изученным, однако, единого и универсального мнения до настоящего времени не выработано. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что как корыстное может быть оценен любой интерес, носящий в себе выгоду. При этом не имеет значение, какими способами и средствами лицо пользовалось для реализации собственного интереса [Кунашев, 2012, 7].

В криминалистике существует позиция, согласно которой в существовании понятия «корыстные побуждения» нет необходимости, поскольку так или иначе любое убийство связано с нею. По мнению ученых, данной группы целесообразнее оперировать понятием «материальная заинтересованность».

Как отмечалось ранее, в уголовном праве отсутствует единство во мнениях относительно понимания корыстного побуждения. Ряд ученых его определяет его как стремление удовлетворить потребность в материальных благах. По мнению других – любое преступление гипотетически может быть совершено для получения фактической материальной выгоды и для этого не обязательно наличие мотива корысти как такового. В данном случае речь идет о совершении преступлений, совершаемых ввиду злоупотребления служебными полномочиями или по мотивам личной заинтересованности.

Ключевым признаком корысти, несомненно, выступает стремление лица получить обогащение незаконным способом, посредством посягательства на чужие блага и интересы. Корысть всегда связана с посягательством на собственность других лиц.

Действующее уголовное законодательство оперирует различными понятиями, которые по существу обозначают корыстный мотив: «корыстные побуждения» (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), «извлечение дохода в крупном размере» (ст. 171 УК РФ). Однако они по существу ничем друг от друга не отличаются и направлены на обогащение. Единственное различие состоит в применимом способе последнего [Лопашенко, 2013, 327].

Отсутствие четкого определения понятия «корыстный мотив» в действующем УК РФ приводит к трудностям в правоприменительной деятельности. Данное обстоятельство позволяет сформулировать вывод о необходимости закрепления в Общей части УК РФ определения понятия «корыстный мотив», отражающего следующие признаки:

- стремление к личной материальной выгоде, которое выражено в побуждении получить обогащение посредством незаконного изъятия имущества;
- стремление лица к удержанию материальных благ, которые потенциально могут быть изъяты;
- стремление избавиться от собственных материальных затрат;
- стремление обеспечить материальную выгоду иным лицам.

Представляется необходимым провести разграничение между корыстным мотивом и корыстной целью. Последняя представляет собой своего рода модель получения материального блага в форме наживы с помощью совершения противоправного деяния. В отличие от корыстного мотива, который представляет собой собственно активную деятельность лица, корыстная цель указывает на то, где, чем и когда можно получить материальную выгоду.

Следующим мотивом совершения убийства является мотив хулиганских побуждений, которые по статистике, встречаются в 25% случаев в общем объеме обстоятельств, предусмотренных ч. 32 ст. 105 УК РФ. Как и корыстные побуждения, хулиганские побуждения

в УК РСФСР 1926 г. были отнесены к «иным низменным побуждениям», а в УК РСФСР 1960 г. данный состав был определен как самостоятельный.

УК РФ хулиганские побуждения причисляет к числу обстоятельств, которые отягчают степень общественной опасности умышленного убийства п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При этом нормативного определения данного мотива законодатель не приводит. Вместе с тем в Постановлении Пленума ВС РФ № 1 разъясняет, что «по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)».

В доктрине уголовного права мотив «хулиганские побуждения» носит дискуссионный характер и определяется как побуждения, основанные на стремлении грубо нарушить общепринятые правила, выразив тем самым неуважение к обществу [Мустафазаде, 2004, 7].

Отдельными авторами при определении хулиганских побуждений ставится акцент на пренебрежительном отношении к обществу, другим людям, а также действующему законодательству и правилам, установленным в обществе.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что хулиганские побуждения выражены в потребности виновного лица обратить на себя внимание, тем самым продемонстрировать собственное превосходство, а также свою безнаказанность.

Учитывая существующие в научной литературе подходы к определению хулиганских побуждений, полагаем целесообразным определить хулиганский мотив как предопределяемое конкретными потребностями лица внутренние побуждения, которые направлены на его стремление привлечь к себе внимание, продемонстрировать собственное превосходство над другими лицами и явное неуважение к обществу и принятым в нем правилам общежития.

Мотивы нетерпимости, предусмотренные законодателем в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ традиционно называют экстремистскими и излагаются законодателем следующим образом: «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Экстремистские мотивы следует рассматривать как обусловленные потребностями побуждения, которые выражены в стремлении лица показать неполноценность потерпевшего ввиду его принадлежности к определенной нации и ненавистном к нему отношении [Станкевич, 2019, 7].

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что по экстремистским мотивам совершается порядка 10% убийств. Обусловлено это во многом высокой степенью латентности данной группы преступлений.

Существенным недостатком правового регулирования данного квалифицирующего признака является тот факт, что используемое законодателем словосочетание «какая-либо социальная группа» излишне обобщено и не позволяет выделить существенные и четкие признаки такого рода группы. Кроме того, понятие «вражда» не характеризует побуждения виновного лица для совершения общественно опасного деяния, а лишь свидетельствует о характере сложившихся общественных отношений.

В п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ закреплен мотив совершения убийства – кровная месть,

который возник еще в древнем обществе и до настоящего времени не потерял своей актуальности. Направленность и сущностное содержание мотива кровной мести составляет совокупность социальных и психологических факторов: обида за причиненное в прошлом родовое оскорбление представителем другого рода. К числу кровных обид могут быть отнесены надругательства сексуального характера, оскорбления семьи или человека, телесные повреждения.

У мотива кровной мести отсутствует четко выраженный личный характер. Виновное лицо, не испытывая прямой личной неприязни к потерпевшему, может действовать, находясь под давлением социальных норм, которые возлагают на него чувство необходимости исполнить долг отомстить, тем самым снять некий позор со своего рода [Соловьева, 2019, 34].

В научной литературе подчеркивается важность принадлежности виновного лица к той национальности или этнической группе, членами которой признается кровная месть. На настоящий момент не теряет своей актуальности данный мотив совершения преступления у народов Северного Кавказа.

Наряду с приведенными мотивами совершения убийства следует отметить такие мотивы, как ненависть, зависть, ревность, религиозные мотивы и др. Судебно-следственная практика свидетельствует о широкой распространенности таких мотивов как месть и ревность.

Как было отмечено ранее, цель преступления всегда носит осознанный характер и желаемая субъектом преступного поведения, поскольку для него она является благоприятным сценарием развития событий. Кроме того, цель преступления идеальная и достигается посредством совершения преступления. Цель преступления носит рациональный характер и с точки зрения субъекта представляет собой результат сознательного выбора и воплощения в реальность созданного в сознании идеального образа. Цель приобретает преступный характер постольку, поскольку для ее достижения субъектом совершается общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законодательством как преступление.

Таким образом, цель преступления – обусловленный мотивами и находящийся в связи с ними желаемый, осознанный и идеальный результат, который человек пытается достичь посредством совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

В статье 105 УК РФ законодателем в качестве квалифицирующих признаков убийства называются две цели: совершение с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В первом случае по существу речь идет о четырех различных составах убийства, которые значительно отличаются друг от друга.

В данном случае, обстоятельством, которое в значительной степени увеличивает общественную опасность убийства, выступает не сам факт совершения второго преступления, наличие низменной цели, ради достижения которой виновный совершает лишение жизни другого человека [Ивченко, 2002, 9].

Ключевой целью, которую преследует преступник, в данном случае является скрыть другое преступление либо облегчить его совершение. В данном случае это обстоятельство имеет первостепенное значение для правильной квалификации содеянного.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что наличие цели скрыть другое преступление необходимо для совершения преступником более тяжкого преступления, чем то, которое скрывается.

При квалификации содеянного по признакам, предусмотренным п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует исходить из первичности убийства. Факт совершения изнасилования побуждает в данном случае совершить убийство.

Пунктом «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривается ответственность за совершение преступления в целях использования органов или тканей потерпевшего.

В Постановлении Пленума ВС РФ данный признак не разъясняется. В свою очередь, в науке уголовного права цель совершения убийства в данном случае трактуется во связи с последующей трансплантацией органов или тканей. Однако, полагаем, что эта цель не единственная. Целесообразным в данном случае представляется говорить о наличии и таких целей, как каннибализм, коллекционирование.

Заключение

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что основным субъектом данного состава преступления являются работники медицинских учреждений, которые обладают необходимыми знаниями в области медицины.

Вместе с тем к числу потенциальных субъектов данного преступления могут быть отнесены также и иные лица, например, жертва убийства может быть выдана за потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия в целях осуществления в отношении нее операции.

Мотивами совершения преступления в целях получения органов или тканей, в большинстве случаев, выступают: корысть, карьеризм, необходимость спасения жизни другого человека [Краев, 2018, 447].

На квалификацию убийства по данному признаку не оказывает существенного влияния тот факт, каким образом могут быть использованы полученные преступником органы и ткани, за исключением случаев использования последних в целях наживы. В данном случае квалификация преступления должна быть осуществлена по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На основе проведенного анализа представляется необходимым провести разграничение между корыстным мотивом и корыстной целью. Цель преступления – обусловленный мотивами и находящийся в связи с ними желаемый, осознанный и идеальный результат, который человек пытается достичь посредством совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

Обосновано, что нейтральные цели и мотивы в определенной степени влияют на квалификацию содеянного, но всегда учитываются судом при назначении наказания. Наряду с тем, нейтральные цели и мотивы преступления не относятся ни к числу смягчающих, ни к числу отягчающих обстоятельств. Данный признак отличает данную группу мотивов и целей преступления от других.

Библиография

1. Боев А.Л. Месть в мотивационной структуре преступного поведения: криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 23 с.
2. Ивченко О.С. Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 18 с.
3. Краев Д.Ю. Возможна ли квалификация убийства одновременно по пунктам «б» и «к» части 2 статьи 105 УК РФ? // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 447-452.
4. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: НОРМА, 2007. 128 с.

5. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с.
6. Лопашенко М.А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. 540 с.
7. Мустафазаде А.Г. Квалификация убийства по мотиву и цели: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 30 с.
8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1.
9. Соловьева Т.В. Проблемы переквалификации действий подсудимого при совершении убийства при отягчающих обстоятельствах в случае установления иного мотива преступления // Законность. 2019. № 3. С. 33-35.
10. Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 26 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.
12. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

On the question of motives and purposes of murder

Ol'ga V. Zhurkina

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Organization of Judicial and
Prosecutorial and Investigative Activities,
Orenburg State University,
460018, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Elena O. Filippova

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminal Law,
Orenburg State University,
460024, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: Elena56-75@mail.ru

Abstract

Article 2 of the Constitution of the Russian Federation proclaims the human right to life as absolute, inalienable and recognizes as the highest social value. At the same time, to date, the existing criminal legal mechanisms are not sufficiently capable of protecting human life. Murders are often committed from various motives: jealousy, revenge, greed, hostility, during a quarrel, love, etc. In some cases, the motive for committing a crime characterizes not only the subjective side of the act and the emotional attitude of the guilty person, but also has significant significance for the qualification of the deed. In some cases, the motive or purpose of committing a crime can be considered as a qualifying feature, or circumstances mitigating or aggravating responsibility. The article analyzes the concept and meaning of motives and goals of murder. Among the murder motives recognized to a greater extent in the doctrine of criminal law and reflected in the current Criminal Code of the Russian Federation are: greed, "extremist" motives, blood feud, hooligan motives. Based on the analysis, it seems necessary to distinguish between a selfish motive and a selfish goal. The purpose of the crime is the desired, conscious and ideal result determined by

motives and in connection with them, which a person is trying to achieve by committing a crime, responsibility for which is provided for by criminal law. Neutral goals and motives to a certain extent affect the qualification of the deed, but are always considered by the court when imposing punishment.

For citation

Zhurkina O.V., Filippova E.O. (2023) K voprosu o motivakh i tselyakh ubiistva [On the question of motives and purposes of murder]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 317-324. DOI: 10.34670/AR.2023.93.45.049

Keywords

Criminal law, crime, illegal act, murder, goals, motives, self-interest, material gain, qualification.

References

1. Boer A.L. (2002) *Mest' v motivatsionnoi strukture prestupnogo povedeniya: kriminologicheskii i ugovolno-pravovoi aspekty. Doct. Dis.* [Revenge in the motivational structure of criminal behavior: criminological and criminal law aspects. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
2. Ivchenko O.S. (2002) *Problemy motiva i tseli ubiistva v ugovolnom prave Rossii. Doct. Dis.* [Problems of the motive and purpose of murder in the criminal law of Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
3. Kraev D.Yu. (2018) *Vozmozhna li kvalifikatsiya ubiistva odnovremenno po punktam «b» i «k» chasti 2 stat'i 105 UK RF?* [Is it possible to qualify the murder simultaneously under paragraphs "b" and "j" of part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation?]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy], 4, pp. 447-452.
4. Kudryavtsev V.N. (2007) *Bor'ba motivov v prestupnom povedenii* [The struggle of motives in criminal behavior]. Moscow: NORMA Publ.
5. Kunashev A.A. (2012) *Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugovolnom prave Rossii. Doct. Dis.* [Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia. Doct. Dis.]. Moscow.
6. Lopashenko M.A. (2013) *Ubiistva* [Murders]. Moscow: Yurlitinform Publ.
7. Mustafazade A.G. (2004) *Kvalifikatsiya ubiistva po motivu i tseli. Doct. Dis.* [Qualification of murder by motive and purpose. Doct. Dis.]. Moscow.
8. *O sudebnoi praktike po delam ob ubiistve (st. 105 UK RF): postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1* [On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999 No. 1].
9. Solov'eva T.V. (2019) *Problemy perekvalifikatsii deistvii podsudimogo pri sovershenii ubiistva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh v sluchae ustanovleniya inogo motiva prestupleniya* [Problems of re-qualification of the actions of the defendant in the commission of murder under aggravating circumstances in the event of establishing a different motive for the crime]. *Zakonnost'* [Legality], 3, pp. 33-35.
10. Stankevich K.K. (2019) *Motivy i tseli ubiistva: doktrina, zakon, primenenie. Doct. Dis.* [Motives and goals of the murder: doctrine, law, application. Doct. Dis.]. Yekaterinburg.
11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon: prinyat Gosudarstvennoi Dumoi 24 maya 1996 g.; odobren Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g.* [Criminal Code of the Russian Federation: federal law: adopted by the State Duma on May 24, 1996; approved by the Federation Council on June 5, 1996].
12. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1922 g.* [Criminal Code of the RSFSR 1922].

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2023.22.83.050

Смягчающие обстоятельства и их влияние на назначение наказания

Журкина Ольга Вячеславовна

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Аннотация

Правосудие в Российской Федерации осуществляет свою деятельность на основании принципов законности, состязательности суда, равенства граждан и равноправия сторон. В Российской Федерации у судебных органов есть главная цель, которая направлена на назначение справедливого наказания каждому, кто заслуживает это. Конечно, законодатель не может совсем не наказывать того, кто причинил вред общественным отношениям и конкретному человеку. Тем не менее, нельзя отрицать и то, что порой на преступление толкают внешние факторы, а потому не учитывать их при назначении наказания – не гуманно. Одновременно указывается и на то, что смягчающие обстоятельства не носят исчерпывающий характер, а значит, суд по своему усмотрению может дополнить их, исходя из нюансов конкретного дела. Однако именно это и является достаточно спорным вопросом. С точки зрения справедливости уголовного наказания, не будет правильным, применять смягчающие обстоятельства к лицам, например, совершив жестокое убийство или изнасилование. Именно это и делает данную тему особенно актуальной на данный момент. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств обычно зависит от конкретных действий преступника. Для получения прощения и смягчения наказания следует совершать действия, показывающие, что подсудимый действительно оступился, ошибся и будет жалеть об этом всю жизнь. Только при таком условии применение смягчающих обстоятельств будет уместным.

Для цитирования в научных исследованиях

Журкина О.В. Смягчающие обстоятельства и их влияние на назначение наказания // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 325-331. DOI: 10.34670/AR.2023.22.83.050

Ключевые слова

Уголовное законодательство, преступление, наказание, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, санкции, подсудимый, возмещение вреда.

Введение

Одним из инструментов защиты общественных ценностей от преступных деяний выступает назначение подсудимому уголовного наказания. Однако назначение наказания, как и выбор уголовной ответственности, осуществляется под эгидой принципа индивидуализации, поскольку справедливый выбор наказания невозможен без учета обстоятельств, которые существенным образом влияют на исход уголовного дела.

Современное уголовное законодательство относит к таковым обстоятельства, которые были перечислены в статье 61 УК РФ. Стоит отметить, что обстоятельства, выделенные в ст. 61 УК РФ, не являются исчерпывающими, а суд при рассмотрении вопроса о назначении наказания может признавать смягчающими обстоятельствами и те, которые не вошли в закрепленный УК РФ список.

Исследователи уголовного права особо отмечают влияние смягчающих обстоятельств на наказание. Именно их наличие или отсутствие может существенно изменить как размер, так и вид наказания. Кроме того, именно особый характер смягчающих обстоятельств, а также их совокупность позволяет признать их исключительными.

Основная часть

Следует отметить мнение Е.В. Благова, который первым отметил неточность заголовка ст. 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств» [Благов, 2018, 61]. Здесь необходимо указать на то, что на самом деле в ст. 62 УК РФ речь идет об учете не всех таких обстоятельств, а лишь предусмотренных п. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если предусмотрено пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не может превышать две трети от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы.

Срок или размер наказания, назначаемый лицу, который согласен с предъявленным обвинением, не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. А если дознание проводилось в сокращенной форме, то одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Такое смягчающее обстоятельство, как поведение лица после совершенного преступления, на данный момент не характеризуется своей распространенностью. Столь позитивное постпреступное поведение напротив является достаточно редким явлением, на что и обращают внимание исследователи уголовного права.

Кроме того в качестве смягчающего обстоятельства можно рассматривать также и возмещение ущерба родителями и родственниками потерпевшего, поскольку именно они страдают от психологического стресса и несут материальный ущерб, например на лечение потерпевшего или его погребение, возмещение ущерба – достойное поведение подозреваемого и его можно признать смягчающим обстоятельством.

Данное обстоятельство зачастую применяется по делам об убийстве или в ситуациях, когда потерпевшим становится несовершеннолетний.

На современном этапе количество смягчающих обстоятельств повысилось в три раза и существенно расширилось дополнительными видами. Помимо этого, суды стали чаще обращать

внимание на возможность смягчения наказания из-за поведения подозреваемого. Тем не менее, применение смягчающих обстоятельств возможно лишь при достойном поведении подозреваемого. Кроме того, в идеале, он должен искренне раскаяться и постараться возместить вред потерпевшему и его семье. Однако статистика указывает, что подобное поведение свойственно не всем преступникам, а в особенности в некоторых преступлениях даже не встречается вообще.

Исследование В.Л. Чубарева показало, что в преступлениях, связанных с кражей и взяточничеством, как правило, преступник никогда не стремится предотвратить причиненные вредные последствия [Зубкова, 2018, 77]. Это логично с точки зрения того, что в данных преступлениях мотив связан с корыстной заинтересованностью. И лицо не собирается возмещать имущественный вред, тем самым неся убытки. В городах в большей мере преобладает явка с повинной, а в селах – тяжелая жизненная ситуация.

Несмотря на всю важность данного вопроса, нельзя не отметить его противоречивость. Некоторые исследователи уголовного права до сих пор не согласны с необходимостью применения данных норм, указывая на чрезмерное смягчение наказания. И действительно, нельзя отрицать, что порой лицо заранее готовилось к преступлению, планировало его совершение и продумывало все моменты его совершения. Но в связи с беременностью или наличием малолетнего ребенка к преступнику применяют меры, смягчающие наказание. Но как же исправление и справедливое наказание каждому, кто заслуживает этого? И поскольку данный вопрос носит противоречивый характер, другими исследователями уголовного права предлагается компромисс. Так, при вынесении решения суд должен обосновать, почему к лицу не были приняты меры, смягчающие наказание.

Это будет справедливо, обосновать каждый пункт ст. 61 УК РФ и указать причины его применения или неприменения. В частности, это может касаться отсутствия смягчающего обстоятельства вообще или его неприменения в связи с иными особенностями конкретного дела. Например, потерпевший получил возмещение материального вреда, но виновный это сделал не сам из-за раскаяния и мук совести, а за него это сделали, например, близкие родственники в надежде снизить наказание. Указанное мнение также поддерживает и такой исследователь, как В.И. Зубкова [там же, 21].

А.Ф. Мицкевич напротив, пишет о том, что возмещение вреда может быть признано смягчающим обстоятельством лишь при полной нейтрализации преступных последствий и негативного влияния на общественные отношения. Это возможно при условии сотрудничества с правоохранительными органами и оказании помощи в расследовании преступления [Мицкевич, 2018, 56]. Если же суд будет склоняться к применению смягчающих обстоятельств, ему следует помнить о том, что важно убедиться в отсутствии отягчающих обстоятельств.

Кроме того, современный российский законодатель достаточно лоялен по отношению к желанию преступника встать на путь исправления. Это также подтверждается и тем, что совершение действий, которые могут быть признаны смягчающими обстоятельствами, возможно использовать до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. В частности, существует обстоятельство об оказании медицинской помощи потерпевшему. В данном случае у преступника есть всего несколько минут для принятия решения, например, в случае если он сбил пешехода. Возможно или скрыться с места преступления, или сразу же оказать помощь, вызвать скорую, довезти до больницы и так далее.

Указанные действия буквально ведут счет на время, тогда как активное содействие следствию можно применить и в ходе судебного разбирательства, и как было указано выше –

до удаления суда в совещательную комнату.

Одновременно это не совсем справедливо, поскольку преступник может согласиться на указанное действие не из-за раскаяния и желания помочь, а из-за необходимости снизить себе срок наказания.

Тем не менее, не все согласны со столь негативной трактовкой данного правила. Как отмечают эксперты, задача уголовного права и уголовно-исполнительной системы в целом – исправить преступника и не допустить рецидива. По сути, не важно, что именно толкает его на «добрый» поступок сдаться и рассказать правду, главное, что это вообще произошло. Именно это и может стать началом пути для исправления, а потому нельзя быть столь категоричными.

В рамках данного вопроса все также спорным остается явка с повинной. По общему мнению, изложенному В.И. Зубковой, преступник должен сам явиться в правоохранительные органы либо к должностным лицам и подать заявление о преступлении. Только в таком случае и можно говорить о том, что он искренне раскаивается и желает понести праведное наказание. Но криминологи обращают внимание, что подобные действия большая редкость на практике. Чаще всего с указанными заявлениями приходят вовсе не реальные преступники, например убийцы или маньяки, а люди с глубокими психическими расстройствами.

Это часто бывает, когда происходит серия массовых убийств или иных преступлений, которая активно публикуется и обсуждается в прессе. Восхищаясь данным образом, люди со слабой психикой ассоциируют себя с убийцей или преступником, верят в свою же историю и идут сдаваться в органы.

Это также могут быть и просто люди, страдающие психическими заболеваниями, которые считают себя в чем-то виновными и хотят понести наказание. Чаще всего следователи сразу видят, в чем причина такой явки и не воспринимают в серьез подобные заявления. Это конечно касается только той ситуации, когда лицо действительно невиновно, но в силу расстройства решило признать себя убийцей и хочет получить наказание.

Еще одна проблема явки с повинной заключается в психологическом давлении, оказываемом на подозреваемого. Иногда это применимо в отношении тех, кто действительно давно совершает преступления и уже не боится нести наказание, не уважает органы власти и закон. Однако в отношении начинающих или случайных преступников такое давление может привести к их согласию с показаниями о виновности и в тех преступлениях, которые они и не совершили. Такое понуждение к согласию нельзя признавать явкой с повинной.

Т.В. Непомнящая также добавляет, что явка должна осуществляться подозреваемым лично [Непомнящая, 2019, 5]. Кроме данного обстоятельства, еще одним схожим является раскаяние лица в совершенном преступлении. С психологической точки, раскаяние – сложный и длительный процесс. Но его можно охарактеризовать следующими признаками: 1) самостоятельное признание своей вины; 2) искреннее переживание о судьбе потерпевшего; 3) стыд; 4) желание исправить ситуацию; 5) совершение активных действий, направленных на уменьшение вреда; 6) желание понести наказание; 7) извинения перед потерпевшим или его семьей.

Л.А. Долиненко также пишет, что если подозреваемый сообщает только то, что уже известно следствию – не стоит учитывать это как смягчающее обстоятельство [Долиненко, 2018, 5].

У подозреваемого также нередко возникает возможность помочь потерпевшему и оказать ему медицинскую помощь. Согласно практике это обычно вызов скорой помощи, поиск аптечки, совместная отправка в больницу, сопровождение до больницы и так далее.

М.Н. Становский указывает на то, что в данном обстоятельстве должен иметь место термин «активные действия» [Становский, 2019, 15]. Законодатель сузил значение времени оказания медицинской и иной помощи потерпевшему формулировкой «непосредственно после совершения преступления». Но в данном случае не ясно как поступать, если преступление носит длительный характер. Например, лицо похитило человека и держит его в подвале. Но когда потерпевший заболел и спустя какое-то время, например, впал в кому, преступник тут же поехал с ним в больницу.

С одной стороны, преступник ждал, пока не наступит совсем негативное последствие и будет выбор между смертью потерпевшего и спасением его жизни. Но, с другой стороны, медицинская помощь была оказана, и потерпевший все же выжил.

Возмещение вреда также носит противоречивый характер. Помимо возмещения общих затрат, например, на лечение потерпевшего следует оплатить также и моральный вред. Особенно в тех преступлениях, где пострадала именно честь или репутация лица, например, была совершена клевета или нанесены оскорбления. Но в УК РФ нет размера возмещения вред. Да и расчет полного объема крайне спорен, в делах, где было совершено изнасилование или убийство. Оправиться после такого деяния практически невозможно до конца и потому полостью загладить вину не выйдет.

Таким образом, при установлении смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 61 УК РФ), суд, изучив конкретное дело и личность виновного, может назначить более мягкое наказание, согласно ст. 64 УК РФ.

Однако назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств обычно зависит от конкретных действий преступника. Раскаяние в виде слез на суде, отсутствие извинений и представление правоохранительным органам уже известных им данных – нельзя засчитать как смягчающие обстоятельства.

Заключение

Преступление обладает высокой степенью вреда и серьезно влияет на общественные отношения. Именно поэтому для получения прощения и смягчения наказания следует совершать действия, показывающие, что подсудимый действительно оступился, ошибся и будет жалеть об этом всю жизнь. Только при таком условии применение смягчающих обстоятельств будет уместным.

Библиография

1. Благова Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность. М.: Юрайт, 2018. 174 с.
2. Долиненко Л.А. Смягчающие обстоятельства по действующему законодательству. М.: Юрайт, 2018. 141 с.
3. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
4. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
5. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М.: Норма, 2018. 269 с.
6. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. М.: Легальность, 2018. 45 с.
7. Непомнящая Т.В. Проблемы назначения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы. М.: Норма, 2019. 151 с.
8. Становский М.Н. К вопросу о дальнейшей индивидуализации ответственности за неоконченное преступление. М.: Легализ, 2019. 117 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.

10. Чубарев В.Л. Формализация наказания: законодательная техника и судебная практика // Пенитенциарная наука. 2010. № 11. 110 с.

Mitigation circumstances and their impact on sentence

Ol'ga V. Zhurkina

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Organization of Judicial and
Prosecutorial and Investigative Activities,
Orenburg State University,
460018, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: olga_fv@inbox.ru

Abstract

Justice in the Russian Federation carries out its activities on the basis of the principles of legality, adversarial courts, equality of citizens and equality of parties. In the Russian Federation, the judiciary has a main goal, which is aimed at imposing a fair punishment on everyone who deserves it. Of course, the legislator cannot but punish the one who harmed public relations and a particular person. Nevertheless, it cannot be denied that sometimes external factors are pushing for a crime, and therefore it is not humane not to take them into account when imposing punishment. At the same time, it is also pointed out that extenuating circumstances are not exhaustive, which means that the court, at its discretion, can supplement them, based on the nuances of a particular case. However, this is precisely what is debatable. From the point of view of the fairness of criminal punishment, it would not be right to apply mitigating circumstances to persons, for example, we commit brutal murder or rape. This is what makes this topic especially relevant at the moment. Sentencing in the presence of extenuating circumstances usually depends on the specific actions of the perpetrator. In order to receive forgiveness and mitigate punishment, actions should be taken that show that the defendant really stumbled, made a mistake and will regret it all his life. Only under such a condition would the application of extenuating circumstances be appropriate.

For citation

Zhurkina O.V. (2023) *Smyagchayushchie obstoyatel'stva i ikh vliyanie na naznachenie nakazaniya* [Mitigation circumstances and their impact on sentence]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 325-331. DOI: 10.34670/AR.2023.22.83.050

Keywords

Criminal law, crime, punishment, sentencing, mitigating circumstances, sanctions, defendant, compensation for harm.

References

1. Blagova E.V. (2018) *Priznaki sostava prestupleniya: traditsii i real'nost'* [Signs of corpus delicti: traditions and reality]. Moscow: Yurait Publ.
2. Chubarev V.L. (2010) *Formalizatsiya nakazaniya: zakonodatel'naya tekhnika i sudebnaya praktika* [Formalization of

-
- punishment: legislative technique and judicial practice]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 11, p. 110.
3. Dolinenko L.A. (2018) *Smyagchayushchie obstayatel'stva po deistvuyushchemu zakonodatel'stvu* [Extenuating circumstances under current law]. Moscow: Yurait Publ.
 4. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
 5. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
 6. Mitskevich A.F. (2018) *Ugolovnoe nakazanie: ponyatie, tseli i mekhanizmy deistviya* [Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action]. Moscow: Legal'nost' Publ.
 7. Nepomnyashchaya T.V. (2019) *Problemy naznacheniya ugolovnykh nakazanii, al'ternativnykh lisheniyu svobody* [Problems of imposing criminal penalties alternative to deprivation of liberty]. Moscow: Norma Publ.
 8. Stanovskii M.N. (2019) *K voprosu o dal'neishei individualizatsii otvetstvennosti za neokonchennoe prestuplenie* [To the question of further individualization of responsibility for an unfinished crime]. Moscow: Legaliz Publ.
 9. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon: prinyat Gosudarstvennoi Dumoi 24 maya 1996 g.; odobren Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g.* [Criminal Code of the Russian Federation: federal law: adopted by the State Duma on May 24, 1996; approved by the Federation Council on June 5, 1996].
 10. Zubkova V.I. (2018) *Ugolovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': teoriya i praktika* [Criminal punishment and its social role: theory and practice]. Moscow: Norma Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.29.14.051

Формы соучастия в преступлении

Костин Андрей Васильевич

Магистрант,
Юридический институт,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050, Российская Федерация, Томск, пр. Ленина, 36;
e-mail: andriei_kostin_01@mail.ru

Аннотация

Уголовный кодекс России выделяет четыре формы соучастия в преступлении: группа лиц; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество. Для их разграничения необходимо проанализировать данные понятия, а также выделить общие и индивидуальные черты каждой из форм соучастия в преступлении. Действующее уголовное законодательство не в полной мере освещает понятия организованной группы и преступного сообщества. Это связано с недостатками уголовно-правового регулирования, выраженного в нечетком разграничении ответственности за совершение преступлений в различных формах соучастия. Автор статьи рассматривает понятия и признаки четырех форм соучастия в преступлении, выделяя их общие и индивидуальные черты. Приводится разграничение форм преступного сообщества. Также автор статьи анализирует понятие и признаки преступного сообщества с целью его отграничения от незаконного вооруженного формирования, экстремистского сообщества, террористического сообщества и банды. Различные формы соучастия в преступлениях различаются по множествам оснований. Количество индивидуальных признаков каждой из форм соучастия в преступлении становится все больше по мере усложнения самого соучастия в преступлениях. Преступное сообщество, незаконное вооруженное формирование, экстремистское сообщество, террористическое сообщество и банда, являются более сложными формами организованных групп.

Для цитирования в научных исследованиях

Костин А.В. Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 332-339. DOI: 10.34670/AR.2023.29.14.051

Ключевые слова

Формы соучастия в преступлении, организованная группа, преступное сообщество, экстремистское сообщество, незаконное вооруженное формирование, террористическое сообщество, банда.

Введение

Уголовный кодекс России выделяет четыре формы соучастия в преступлении: группа лиц; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество. Для их разграничения необходимо проанализировать данные понятия, а также выделить общие и индивидуальные черты каждой из форм соучастия в преступлении.

Основная часть

В первую очередь стоит отметить общую черту всех форм соучастия: в совершении преступлений участвуют двое и более лиц. Однако, у каждой формы соучастия имеются и свои индивидуальные признаки.

Самой простой формой соучастия в преступлении является группа лиц. Согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора.

Данная форма соучастия является самой простой и от остальных форм соучастия отличается отсутствием предварительного сговора.

Второй формой выступает группа лиц по предварительному сговору. Согласно ч. 2 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Среди отличительных признаков группы лиц по предварительному сговору выделяется: наличие у каждого из соучастников умысла и договоренности на совершение преступлений в составе группы лиц; непосредственное участие каждого в выполнении преступлений.

Третьей формой является организованная группа. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Признаками отличающие организованную группу являются цель, устойчивость и организованность.

Целью организованной группы является совершения одного или нескольких преступлений.

Устойчивость группы может быть подтверждена различными обстоятельствами, такими как постоянство ее состава, тесные отношения между ее членами, наличие организатора в группе, согласованность их действий, использование устойчивых форм и методов преступной деятельности, продолжительность существования группы, а также количество совершенных преступлений (пост. Пленума ВС РФ № 1, п. 4). Об устойчивости организованной группы могут говорить также их техническая оснащенность, продолжительная подготовка преступлений, специальная подготовка участников организованной группы (пост. Пленума ВС РФ № 29, п. 15). Как отмечает П.В. Агапов, «устойчивость, присущая организованной группе и представляющая собой оценочный признак, является основным критерием, отличающим такую группу от группы лиц по предварительному сговору» [Агапов, 2005, 87].

Организованность предусматривает подчинение участников группы указаниям одного или нескольких лиц, решимость организованно достигать осуществления преступных намерений [Акимочкин, 2008, 145].

Более сложной формой соучастия является преступное сообщество. Под ним понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп,

действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Для выделения признаков преступного сообщества первоначально необходимо определить его формы: структурированная организованная группа; объединение организованных групп. П.В. Агапов выделяет третью форму преступного сообщества: «объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп для разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений» [Агапов, 2005, 10]. На наш взгляд, данная форма не является самостоятельной и относится к такой форме преступного сообщества, как объединение организованных групп.

Индивидуальные признаки преступного сообщества разграничиваются в зависимости от его формы. Обязательными признаками для всех форм преступного сообщества являются сложная внутренняя структура, цель, организованность и устойчивость.

Под целью понимается: во-первых, совместное совершение тяжких либо особо тяжких преступлений; во-вторых, получение прямо или косвенно финансовой либо иной материальной выгоды.

В дефиниции преступного сообщества сказано, что под преступным сообществом понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп. То есть преступное сообщество является наиболее сложной формой организованной группы. Соответственно, такие признаки преступного сообщества, как организованность и устойчивость, являются схожими с аналогичными признаками организованной группы.

Обязательными признаками для структурированной организованной группы являются стабильность ее состава и согласованность в действиях. Под структурированной организованной группой следует понимать группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящую из подразделений, характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий (пост. Пленума ВС РФ № 12, п. 3).

Для определения объединений организованных групп необходимы следующие обязательные признаки: наличие единого руководства; сотрудничество различных подразделений в целях достижения общих преступных целей; распределение функций между ними; наличие устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами; совместное планирование тяжких или особо тяжких преступлений; а также совместное выполнение иных действий, связанных с функционированием такого объединения [Григорьев, Морозов, 2012, 47].

Факультативными признаками преступного сообщества являются: тщательная подготовка и планирование преступления; жесткая дисциплина; регенерация; общая денежная масса; разъединение функций руководителей и исполнителей преступного сообщества. Под регенерацией преступного сообщества понимается возобновление его криминальной деятельности после ликвидации одного или нескольких структурных подразделений и привлечения их членов к уголовной ответственности [Агапов, 2007, 25].

На основании вышеизложенного различные формы соучастия в преступлениях различаются по множествам оснований. Количество индивидуальных признаков каждой из форм соучастия в преступлении становится все больше по мере усложнения самого соучастия в преступлениях.

Однако встает вопрос о разграничении преступного сообщества и незаконного вооруженного формирования, экстремистского сообщества, террористического сообщества, банды.

Как было сказано ранее, признаки преступного сообщества зависят от его формы. Обязательными признаками для всех форм преступного сообщества являются сложная внутренняя структура, цель, организованность и устойчивость. Для разграничения преступного сообщества и иных сложных форм организованных групп необходимо выделить дефиниции данных форм и их общие и индивидуальные признаки. В связи с тем, что данные формы являются наиболее сложными формами организованной группы, общими признаками для всех форм будут являться устойчивость и организованность, а также наличие группы лиц и цели, которая отличается в зависимости от формы организованной группы.

Первой формой организованной группы является банда. Под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации.

Среди отличительных признаков банды можно выделить вооруженность и цель [Иногамова-Хегай, Парог, Чучаев, 2008, 398].

Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов, если остальные члены банды осведомлены о его наличии. Для регламентации данного положения необходимо дать дефиницию оружия. Оружие – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, согласно ст. 1 ФЗ «Об оружии».

Целью банды является совершение нападений на граждан и организации. Под нападением следует понимать действия, которые имеют целью достижение преступного результата путем применения насилия либо создания реальной угрозы его немедленного применения в отношении потерпевшего (пост. Пленума ВС РФ № 1, п. 6).

Второй, более сложной, формой организованной группы можно назвать незаконное вооруженное формирование. Под незаконным вооруженным формированием следует понимать непредусмотренные федеральным законом вооруженную группу, созданную для реализации определенных целей.

Среди отличительных признаков незаконного вооруженного формирования выделяются цель и вооруженность.

Вооруженность как обязательный признак незаконного формирования предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, а также боевой техники (пост. Пленума ВС РФ № 1, п. 23). Для регламентации данного положения необходимо дать дефиницию объектов, которые необходимы для признания незаконного формирования вооруженным. Боеприпасы – предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды, согласно п. 8 ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об оружии». Под взрывными устройствами понимаются промышленные или самодельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву (пост. Пленума ВС РФ № 5, п. 5). Под боевой техникой понимается военная техника, принятая на вооружение органов государственной охраны, предназначенная для поражения живой силы или иных объектов, в том числе технические средства, непосредственно обеспечивающие применение указанной военной техники (пост. Прав. РФ № 654, п. 2).

В качестве примеров целей незаконного вооруженного формирования приводятся «совершения террористических актов, насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности РФ» (пост. Пленума ВС РФ № 1, п. 23). Однако, данные цели преследует и террористическое сообщество. Тем самым возникает неопределенность в квалификации формы организованной группы, которая совершает

террористические акты или преследует цели иных организованных групп. Разграничить незаконное вооруженное формирование от иных форм организованных групп можно в случае «если формирование преследует иные цели, нежели те которые лежат в основе образования других организованных групп. В случае если формирование создается в целях, лежащие в основе образования других форм организованных групп, действия не должны квалифицироваться по ст. 208 УК РФ» [Прокументов, 2019, 379].

Третья, еще более сложная, форма организованной группы – экстремистское сообщество. Под экстремистским сообществом следует понимать группу лиц, организованную для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

Среди отличительных признаков экстремистского сообщества можно выделить цель: подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Для разрешения вопроса, какие действия являются экстремистскими, необходимо дать определение экстремистской деятельности. В п. 1 ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» перечислен список действий, которые попадают под понятия экстремистской деятельности. В данный список входит множество конкретизированных деяний, таких как возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни и другие действия, указанные в п. 1 ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Четвертой формой организованной группы является террористическое сообщество. Под террористическим сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившиеся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных отсылочной диспозицией ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, согласно ч. 1 ст. 205.4 УК РФ. Тем самым отличительным признаком террористического сообщества является цель.

Заключение

Различные формы соучастия в преступлениях различаются по множествам оснований. Количество индивидуальных признаков каждой из форм соучастия в преступлении становится все больше по мере усложнения самого соучастия в преступлениях.

Преступное сообщество, незаконное вооруженное формирование, экстремистское сообщество, террористическое сообщество и банда, являются более сложными формами организованных групп. В связи с этим они обладают общими признаками, характерными для всех организованных групп, такими, как устойчивость, организованность, а также наличие группы лиц и цели деятельности. Дополнительным обязательным признаком преступного сообщества выступает более сложная внутренняя структура преступной организации по сравнению с организованной группой. Для незаконного вооруженного формирования, экстремистского сообщества, террористического сообщества и банды данный признак является факультативным. Главным критерием разграничения вышеперечисленных форм организованных групп является целевое назначение, которое для каждой из форм является индивидуальным. Преступное сообщество создается в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Иные формы организованных групп не ставят перед собой данных целей в качестве основных. Целью банды является совершение нападений на граждан и организации. Целью экстремистского сообщества является подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. В качестве цели террористического

сообщества выделяется осуществление террористической деятельности, либо подготовка или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных отсылочной диспозицией ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Цели незаконного вооруженного формирования не должны совпадать с целями иных форм организованных групп, иначе это должно исключать возможность квалификации организованной группы в качестве незаконного вооруженного формирования. Также стоит отметить, что обязательным признаком для незаконного вооруженного формирования и банды является вооруженность. Для других форм организованных групп данный признак является факультативным.

Библиография

1. Агапов П.В. Критерии разграничения организованной группы и преступного сообщества // Законность. 2007. № 5. С. 23-25.
2. Агапов П.В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2005. 114 с.
3. Акимочкин В.И. К уточнению понятия «организованная преступность» // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 144-151.
4. Григорьев Д.А., Морозов В.И. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 46-54.
5. Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право. Особенная часть. М.: ИНФРА-М, 2008. 800 с.
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление от 09.02.2012 г. № 1, в ред. от 03.11.2016 г.
7. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление от 17.01.1997 г. № 1.
8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление от 27.12.2002 г. № 29, в ред. от 15.12.2022 г.
9. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление от 12.03.2002 г. № 5, в ред. от 11.06.2019 г.
10. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление от 10.06.2010 г. № 12.
11. Об утверждении Правил применения сотрудниками органов государственной охраны боевой техники: постановление от 11.05.2020 г. № 654.
12. Прокументов Л.М. (ред.) Уголовное право. Особенная часть. Томск, 2019. 843 с.

Forms of complicity in crime

Andrei V. Kostin

Master's Student of Law Institute,
National Research Tomsk State University.
634050, 36, Lenina ave., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: andriei_kostin_01@mail.ru

Abstract

The Criminal Code of Russia distinguishes four forms of complicity in a crime: a group of persons; a group of persons by prior agreement; organized group; criminal community. To

distinguish between them, it is necessary to analyze these concepts, as well as highlight the common and individual features of each of the forms of complicity in a crime. The current criminal legislation does not fully cover the concepts of an organized group and a criminal community. This is due to the shortcomings of criminal law regulation, expressed in the fuzzy delineation of responsibility for committing crimes in various forms of complicity. The author of the article considers the concepts and signs of four forms of complicity in a crime, highlighting their common and individual features. A distinction is made between the forms of the criminal community. The author of the article also analyzes the concept and features of a criminal community in order to distinguish it from an illegal armed formation, an extremist community, a terrorist community and a gang. Various forms of complicity in crimes differ in many ways. The number of individual signs of each of the forms of complicity in a crime becomes more and more as complicity in crime itself becomes more complex. A criminal community, an illegal armed formation, an extremist community, a terrorist community and a gang are more complex forms of organized groups.

For citation

Kostin A.V. (2023) Formy souchastiya v prestuplenii [Forms of complicity in crime]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 332-339. DOI: 10.34670/AR.2023.29.14.051

Keywords

Forms of complicity in crime, organized group, criminal community, extremist community, illegal armed formation, terrorist community, gang.

References

1. Agapov P.V. (2007) Kriterii razgranicheniya organizovannoi gruppy i prestupnogo soobshchestva [Criteria for distinguishing between an organized group and a criminal community]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 5, pp. 23-25.
2. Agapov P.V. (2005) *Organizatsiya prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii): ugovolno-pravovoi analiz i problemy kvalifikatsii* [Organization of a criminal community (criminal organization): criminal law analysis and qualification problems]. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Akimochkin V.I. (2008) K utochneniyu ponyatiya «organizovannaya prestupnost'» [To clarifying the concept of "organized crime"]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 4, pp. 144-151.
4. Grigor'ev D.A., Morozov V.I. (2012) K voprosu o sodержanii priznaka strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) [To the question of the content of the sign of structuredness of the criminal community (criminal organization)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 3 (21), pp. 46-54.
5. Inogamova-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchaev A.I. (2008) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. Moscow: INFRA-M Publ.
6. *O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugovolnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoi napravlenosti: postanovlenie ot 09.02.2012 g. № 1, v red. ot 03.11.2016 g.* [On some issues of judicial practice in criminal cases on crimes of a terrorist nature: resolution of 09.02.2012 No. 1, as amended from 03.11.2016].
7. *O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za banditizm: postanovlenie ot 17.01.1997 g. № 1* [On the practice of application by the courts of legislation on liability for banditry: Resolution No. 1 of January 17, 1997].
8. *O sudebnoi praktike po delam o khishchenii, vymogatel'stve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryvchatykh veshchestv i vzryvnykh ustroystv: postanovlenie ot 12.03.2002 g. № 5, v red. ot 11.06.2019 g.* [On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: resolution of December 27, 2002 No. 29, as amended from 15.12.2022].
9. *O sudebnoi praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe: postanovlenie ot 27.12.2002 g. № 29, v red. ot 15.12.2022 g.* [On judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices: resolution of 12.03.2002 No. 5, as amended from 11.06.2019].
10. *O sudebnoi praktike rassmotreniya ugovolnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastii v nem (nei): postanovlenie ot 10.06.2010 g. № 12* [On the judicial practice of considering criminal cases on

-
- the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it: resolution of 10.06.2010 No. 12].
11. *Ob utverzhdenii Pravil primeneniya sotrudnikami organov gosudarstvennoi okhrany boevoi tekhniki: postanovlenie ot 11.05.2020 g. № 654* [On the approval of the Rules for the use of military equipment by employees of state protection bodies: Resolution No. 654 dated May 11, 2020].
 12. Prozumentov L.M. (ed.) (2019) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. Tomsk.

УДК 343.985

DOI: 10.34670/AR.2023.57.20.052

Законность и этичность применения тактических приемов в досудебном производстве, их взаимосвязь

Левченко Ольга Владимировна

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный аграрный университет,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: levchenko195@mail.ru

Марина Елена Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Оренбургский государственный университет,
460018, Российская Федерация, Оренбург, пр. Победы, 13;
e-mail: marina250610@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию законности и этичности как основных свойств тактических приемов, применяемых следователем в досудебном производстве. Авторами рассмотрены различные подходы к определению понятий законности и этичности тактических приемов. Обозначены проблемы толкования понятий законности и этичности применения тактических приемов при производстве следственных действий. В контексте рассматриваемой проблемы в работе авторы приходят к выводу, что законность производства тактических приемов связана с принципом законности уголовного судопроизводства очень тесно. Эти дефиниции оказывают влияние друг на друга путем оценки как полученных по делу доказательств, так и этичности производства предварительного расследования уголовного дела. Законность производства тактических приемов связана с принципом законности уголовного судопроизводства очень тесно. Эти дефиниции оказывают влияние друг на друга путем оценки как полученных по делу доказательств, так и этичности производства предварительного расследования уголовного дела. Можно проследить и более глубокую связь на уровне существующей парадигмы уголовного судопроизводства, которая во главу угла ставит потребности человеческой личности, включая его неотъемлемое право на уважение, защиту чести и достоинства каждого, его физическое и психическое здоровье. Поэтому так важно выверять применение тактических приемов при расследовании со статусом личности на современном этапе развития общества, его законов и процедур.

Для цитирования в научных исследованиях

Левченко О.В., Марина Е.А. Законность и этичность применения тактических приемов в досудебном производстве, их взаимосвязь // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 340-345. DOI: 10.34670/AR.2023.57.20.052

Ключевые слова

Тактические приемы, свойство, законность, этичность, мораль, нравственность, досудебное производство, принцип законности, следователь, криминалистическая тактика.

Введение

Одними из основных свойств тактических приемов называют их законность и этичность. Особых научных полемик такие утверждения не вызывают, но толкование данных понятий различаются по их сущности в литературе. Это не может не сказаться на практической стороне исследуемых понятий, потому допускаются существенные ошибки при расследовании уголовных дел.

Трудно не согласиться с таким утверждением, что «Процесс развития тактики – это процедура сужения круга проблем, но пребывание их в бесконечной смене – постоянства и изменения, преобразования и становления, анализа и синтеза» [Зорин, 2001, 18].

Поэтому так важно правильно определить современные позиции по отношению к пониманию законности и этичности применения тактических приемов при производстве следственных действий. Кроме того, их взаимоотношения, взаимосвязь и влияние друг на друга.

Основная часть

По поводу законности тактического приема ученые-криминалисты высказывают различные точки зрения, которые иногда существенно различаются между собой.

М.П. Малютин считает, что законность тактических приемов отражается в соблюдении предписаний уголовно-процессуальных норм [Малютин, 2001, 12].

Ю.А. Карева к законности тактических приемов относит требование использования «на практике следователем тактических приемов, которые не влекут нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также отвечают требованиям уголовно-процессуального законодательства» [Карева, 2020, 172].

В соответствии с таким определением теряется связь между тактическими приемами обвинения и тактических приемов защиты. Приемы обвинения, в первую очередь направлены на изобличение виновного в совершении преступления. И только с этой точки зрения они могут быть законны (незаконны) при производстве.

А.В. Жалнина законность применения тактических приемов связывает с их правомерностью. Она пишет, что это «означает его применение субъектом соответствующего вида криминалистической тактики в рамках и пределах его компетенции, установленных законом, при неукоснительном соблюдении им общепринятых запретов на то или иное поведение и предписаний об условиях производства отдельных следственных действий» [Жалнина, 2011]. «Общепринятые запреты» слишком широкое понятие, которое не совсем характеризует понятие «законность» тактического приема.

На наш взгляд, под законностью тактического приема следует понимать соблюдение не только уголовно-процессуального законодательства, но и других законов Российской Федерации, имеющих отношение к конкретному тактическому приему.

Нельзя забывать, что законность не только требование соблюдения уголовно-

процессуального закона, но и принцип уголовного процесса и, как принцип, он включен в список общеправовых принципов всего российского законодательства. Уголовно-процессуальное право – его часть, а значит оно зависит от целого.

Статья 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу» не запрещает лицу, производящему расследование применять и другие законы РФ, правда с оговоркой, что они не должны противоречить УПК РФ. Та же оговорка существует, например, в ГПК РФ (ч.1 ст. 1 ГПК РФ) и других отраслях права.

Этика как наука о морали [Кузнецов, 2005, 708] оказывает свое влияние на нормы закона, включая и уголовно-процессуальный закон. Это влияние опосредовано конкретными предписаниями, которые входят в состав закона и характеризуют его с морально-нравственной стороны.

Этичность, нравственность при производстве тактических приемов, применяемых лицом, производящим расследование по уголовному делу, если они прямо не указаны в законе является оценочным понятием что «влечет произвольную оценку допустимости или недопустимости последнего при конкретных обстоятельствах расследования» [Зорин, 2020, 59].

И.И. Сухова отмечает, что «Характер серьезной дискуссии приобрел вопрос о нравственной стороне следственных и судебных действий, о соответствии нравственным принципам так называемых «следственных хитростей» и «психологических ловушек» [Сухова, 2019, 301].

С.Г. Любичев, ратующий за морально-нравственную составляющую тактических приемов расследования, все же допускает применение такого из них, которое может считаться недопустимым. Он пишет, что «это вовсе не означает, что такое средство можно применять постоянно, рекомендовать для внедрения в практику расследования» [Любичев, 1980, 11]. Но даже единичность применения недопустимого приема может вызвать недопустимость полученного на его основе доказательства и может «помочь» обвиняемому уйти от заслуженного наказания.

Тактические приемы, связанные с обманом подозреваемого, обвиняемого рассматриваются исследователями как незаконные. Причем, на наш взгляд, они не подразделяются на такие, которые прямо и специально связаны с обманом и те из них, продиктованные интересами следствия в плане расследования преступления. В процессе предварительного следствия следователь не обязан сообщать подозреваемому, обвиняемому об имеющихся доказательствах по уголовному делу. Это можно проиллюстрировать следующим высказыванием: умолчание о фактах, целях допроса, увеличение впечатления относительно осведомленности следствия, создание впечатления, что соучастники сознались [Нахапетян, Шевякова, 2019, 61], т.е. умолчание о фактах, целях допроса как таковые тактическим обманом не являются, поскольку у них другая природа поведения следователя.

В свое время А.Р. Ратинов отмечал о нейтральности для обвиняемого тактического обмана, если он невиновен в совершении преступления [Ратинов, 1967, 63]. Такая позиция неприемлема, поскольку сам тактический обман является нарушением морально-этического поведения следователя и не может служить мерилем нравственных основ уголовного судопроизводства.

В.П. Бахин приводит слова Р.С. Белкина о допустимости обмана при применении тактических приемов расследования преступлений. Но указывает на ситуации, когда такой обман является нарушением законности уголовного судопроизводства. Среди них присутствуют такие виды обмана, которые во всех случаях являются недопустимыми: если обман основан на правовой неосведомленности допрашиваемого, незнании им своих прав и

обязанностей, неправильном представлении о правовых последствиях своих действий; на заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу; на фальсифицированных доказательствах; на дефектах психики допрашиваемого и иных его болезненных состояниях; на мистических и религиозных предрассудках допрашиваемого лица [Бахин, 2002].

Заключение

Законность производства тактических приемов связана с принципом законности уголовного судопроизводства очень тесно. Эти дефиниции оказывают влияние друг на друга путем оценки как полученных по делу доказательств, так и этичности производства предварительного расследования уголовного дела.

Можно проследить и более глубокую связь на уровне существующей парадигмы уголовного судопроизводства, которая во главу угла ставит потребности человеческой личности, включая его неотъемлемое право на уважение, защиту чести и достоинства каждого, его физическое и психическое здоровье. Поэтому так важно выверять применение тактических приемов при расследовании со статусом личности на современном этапе развития общества, его законов и процедур.

Библиография

1. Бахин В.П. Дезинформация и провокация как средство противодействия преступной деятельности. URL: <http://www.agentura.ru/library/deza/>
2. Жалнина А.В. К вопросу о допустимости тактических приемов расследования преступлений // Молодежь и наука. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. URL: <https://elib.sfu.kras.ru/handle/2311/3915>
3. Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса. М.: Юрлитинформ, 2001. 320 с.
4. Иванов А.В. Проблемы этичности тактических приемов, используемых при расследовании преступлений // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 59-61.
5. Карева Ю.А. Критерии допустимости тактических приемов при производстве следственных действий // Молодой ученый. 2020. № 1 (291). С. 172-173.
6. Любичев С.Г. Этические основы следственной тактики. М., 1980. 95 с.
7. Малютин А.И. Принципы процессуальные права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 24 с.
8. Нахапетян К.С., Шевякова Ю.А. Критерии допустимости тактических приемов (на примере тактического обмана) // Юридические науки: проблемы и перспективы. Казань: Молодой ученый, 2019. 78 с.
9. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.
10. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.
11. Сухова И.И. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: динамика, тенденции и перспективы осмысления // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 292-304.

Legality and ethics of the use of tactics in pre-trial proceedings, their relationship

Ol'ga V. Levchenko

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Kuban State Agrarian University,
350044, 13, Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: levchenko195@mail.ru

Elena A. Marina

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics,
Orenburg State University,
460018, 13, Pobedy ave., Orenburg, Russian Federation;
e-mail: marina250610@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of legality and ethics as the main properties of tactical techniques used by the investigator in pre-trial proceedings. The authors consider various approaches to the definition of the concepts of legality and ethics of tactical techniques. The problems of interpretation of the concepts of legality and ethics of the use of tactical techniques in the production of investigative actions are outlined. In the context of the problem under consideration, the authors concluded that the legality of the production of tactical techniques is very closely related to the principle of the legality of criminal proceedings. These definitions influence each other by evaluating both the evidence obtained in the case and the ethics of the preliminary investigation of the criminal case. The legality of the production of tactics is closely related to the principle of the legality of criminal proceedings. These definitions influence each other by assessing both the evidence obtained in the case and the ethics of the preliminary investigation of the criminal case. It is possible to trace a deeper connection at the level of the existing paradigm of criminal justice, which puts the needs of the human person at the forefront, including his inalienable right to respect, protection of the honor and dignity of everyone, his physical and mental health. Therefore, it is so important to verify the use of tactics in the investigation with the status of a person at the present stage of development of society, its laws and procedures.

For citation

Levchenko O.V., Marina E.A. (2023) Zakonnost' i etichnost' primeneniya takticheskikh priemov v dosudebnom proizvodstve, ikh vzaimosvyaz' [Legality and ethics of the use of tactics in pre-trial proceedings, their relationship]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 340-345. DOI: 10.34670/AR.2023.57.20.052

Keywords

Tactical techniques, property, legality, ethics, morality, pre-trial proceedings, the principle of legality, the investigator, forensic tactics, evidence.

References

1. Bakhin V.P. *Dezinformatsiya i provokatsiya kak sredstvo protivodeistviya prestupnoi deyatel'nosti* [Disinformation and provocation as a means of counteracting criminal activity]. Available at: <http://www.agentura.ru/library/deza/> [Accessed 06/06/2023]
2. Ivanov A.V. (2020) Problemy etichnosti takticheskikh priemov, ispol'zuemykh pri rassledovanii prestuplenii [Problems of ethics of tactics used in the investigation of crimes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 1, pp. 59-61.
3. Kareva Yu.A. (2020) Kriterii dopustimosti takticheskikh priemov pri proizvodstve sledstvennykh deistvii [Criteria for the admissibility of tactics in the production of investigative actions]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 1 (291), pp. 172-173.

4. Lyubichev S.G. (1980) *Eticheskie osnovy sledstvennoi taktiki* [Ethical foundations of investigative tactics]. Moscow.
5. Malyutin A.I. (2004) *Printsipy protsessual'nye prava. Doct. Dis.* [Principles of procedural law. Doct. Dis.]. Krasnodar.
6. Nakhapetyan K.S., Shevyakova Yu.A. (2019) Kriterii dopustimosti takticheskikh priemov (na primere takticheskogo obmana) [Criteria for the admissibility of tactical methods (on the example of tactical deception)]. In: *Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy* [Legal sciences: problems and prospects]. Kazan: Molodoi uchenyi Publ.
7. Ratinov A.R. (1967) *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei* [Forensic psychology for investigators]. Moscow.
8. (2005) *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M Publ.
9. Sukhova I.I. (2019) Nravstvennye nachala v ugolovnom sudoproizvodstve: dinamika, tendentsii i perspektivy osmysleniya [Moral Principles in Criminal Proceedings: Dynamics, Trends and Perspectives of Understanding]. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of VSU. Series: Law], 3, pp. 292-304.
10. Zhalnina A.V. (2011) K voprosu o dopustimosti takticheskikh priemov rassledovaniya prestuplenii [On the question of the admissibility of tactical methods for investigating crimes]. In: *Molodezh' i nauka* [Youth and Science]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Available at: <https://elib.sfu.kras.ru/handle/2311/3915> [Accessed 06/06/2023]
11. Zorin G.A. (2001) *Rukovodstvo po taktike doprosa* [Guide to Interrogation Tactics]. Moscow: Yurlitinform Publ.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.47.45.054

Пробация как концептуальная основа в процессе формирования духовно-нравственных качеств личности в местах лишения свободы

Колесов Владимир Иванович

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор педагогических наук, профессор,
кандидат экономических наук, магистр образования, академик РАЕ,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: vi_kolesov@mail.ru

Аннотация

В статье излагается роль probation в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Какую значимость играет probation в обществе, так как в настоящее время в России общепризнанным и тревожащим общественности не однозначными обстоятельствами является сохранение высокого уровня преступности. Духовная нравственность для качества личности должна строиться на других компонентах. Тем не менее, тенденция отдельных периодов некоторого сокращения числа совершенных преступлений не перерастают в какую-либо долгосрочную тенденцию, а сменяются периодами нового роста преступности, в данном случае здесь необходимы меры профилактического, реабилитирующего и восстановительного характера для обеспечения реального сокращения преступности. Задача службы probation состоит в том, чтобы выявить все основные потребности и нужды лица, оказавшегося в поле ее деятельности, и начать содействовать их постепенному решению. Действия службы probation не состоят в оказании какой-либо финансовой или иной материальной помощи, а нацелены на выполнение посреднических функций между упомянутым лицом и различными государственными и муниципальными органами и учреждениями. Создание государственной службы probation свидетельствует о намерении государства брать на себя ответственность за членов своего общества, а также о том, что правонарушитель не потерян для общества и что система наказания в нашем государстве не носит характер отщепености.

Для цитирования в научных исследованиях

Колесов В.И. Пробация как концептуальная основа в процессе формирования духовно-нравственных качеств личности в местах лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 346-354. DOI: 10.34670/AR.2023.47.45.054

Ключевые слова

Духовность, нравственность, probation, личность в обществе, ресоциализация и адаптация в новом социуме.

Введение

В настоящее время происходит реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, одним из важнейших направлений которого является развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы. В рамках реформирования уголовно-исполнительной системы предусматривается совершенствование правовых, организационных и иных условий деятельности уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ), приданием их работе социальной направленности, проведение подготовительных работ к последующей постпенитенциарной адаптации через службу пробации.

Основная часть

При обсуждении концептуального поля тех социальных программ, которые сейчас развиваются в рамках уголовной политики в России, нужно учесть тот факт, что сегодня в профилактической работе с преступником основной упор делается на его бытовое обеспечение и на «воспитательную работу» внутри самой тюрьмы или колонии.

Программы по ресоциализации «бедных». И речь идет не только материальных, но и гуманитарных ресурсах (т.е. распространении специальных знаний и привлечении самоопределенных на данную деятельность людей). Если не удерживать этот аспект – проблему грамотных и целеустремленных кадров – любая материальная поддержка работы будет соответственно поддерживать старую инфраструктуру работ (без создания элементов новой). про что это? [Волошин, 2007].

Социальная инерция – только одна из проблем раннего этапа реформирования социальных структур, ответственных за профилактику. При этом планирование следующих этапов будет значительно более сложным, т.к. уже нужно будет учитывать такие факторы, как скорость и динамика современных гуманитарных процессов в не только в стране, но и в мире. про что это? Изучение современных европейских тенденций показывает, что такое направление, как, например, ювенальная юстиция все больше отдаляется от простого принципа приоритета социально-педагогического обеспечения в работе с трудными подростками, и переходит на другое понимание всей цепочки работы»

Курс на либерализацию уголовной политики, поиски альтернатив лишению свободы, обусловлены не только расширением правоприменительной практики судов по назначению наказаний, альтернативных замен лишения свободы граждан РФ. В дальнейшем их гуманизации уголовно-исполнительной системы в этом направлении, а также основываться на политических факторах, опираясь при этом на социально-экономические проблемы в стране для решения судебных задач [Галимов, 2001, 234]. При этом как полагают многие специалисты, реальное количество совершенных преступлений выше данных статистики, поскольку сохраняющийся критерий оценки работы органов внутренних дел – раскрываемость преступлений, стимулирует уклонение от регистрации преступлений.

Опыт также показывает, что усиление репрессий в отношении преступников само по себе отнюдь не приводит к снижению преступности, в том числе и рецидивной преступности. При обсуждении концептуального поля тех социальных программ, которые сейчас развиваются в рамках уголовной политики в России, нужно учесть тот факт, что сегодня в профилактической работе с преступником основной упор делается на его бытовое обеспечение и на «воспитательную работу» внутри самой тюрьмы или колонии.

Программы по ресоциализации «бедных». И речь идет не только материальных, но и гуманитарных ресурсах (т.е. распространении специальных знаний и привлечении самоопределенных на данную деятельность людей). Если не удерживать этот аспект – проблему грамотных и целеустремленных кадров – любая материальная поддержка работы будет соответственно поддерживать старую инфраструктуру работ (без создания элементов новой). про что это? Социальная инерция – только одна из проблем раннего этапа реформирования социальных структур, ответственных за профилактику.

При этом планирование следующих этапов будет значительно более сложным, т.к. уже нужно будет учитывать такие факторы, как скорость и динамика современных гуманитарных процессов в не только в стране, но и в мире. про что это? Изучение современных европейских тенденций показывает, что такое направление, как, например, ювенальная юстиция все больше отдалается от простого принципа приоритета социально-педагогического обеспечения в работе с трудными подростками, и переходит на другое понимание всей цепочки работы»

Внимание профессионалов все больше склоняется к рассмотрению концепций, посвященных улучшению внутрисистемной стратегии в подходах к деятельности по ресоциализации молодежи группы риска. Социальные сервисы на западе, например, имеют целый «веер» технологий и программ по очень широкому спектру социальных, медицинских, психолого-педагогических, гендерных и других молодежных проблем в целом [Мозяков, 2002, 864].

В общей сложности, влияет на формирование личности в исправительном учреждении. При этом достаточно успешно координируют их между собой, в том числе, с учетом социального заказа от ведомства пробации. При этом интенсивно ведется работа по выработке унифицированной системы оценки эффективности всей работы по профилактике. С одной стороны, акцент все больше делается на использование комплексных, сложных индивидуально-адресных технологий в работе с людьми (например, технология коучинга), а с другой – на создание единых для всех организаций и ведомств баз данных, стандартов работы и общего понятийно-терминологического языка [Обзор..., 2005].

В результате исследований, проведенных канадскими специалистами, по вопросу ювенальной преступности и работы с несовершеннолетними правонарушителями, оценки существующих реабилитационных программ и их эффективности (в международном масштабе), а также государственной политики в отношении несовершеннолетних, находящихся под надзором службы пробации были сделаны следующие выводы:

- Программы в населенных пунктах снижают рецидивизм лучше, чем приговоры, предусматривающие заключение. Нарушители с невысокой степенью риска получают больше пользы на нижних уровнях интенсивных услуг, при этом, если эти люди слишком долго находятся в системе правосудия, им наносится вред. Для нарушителей с высокой степенью риска наиболее полезными оказались самые интенсивные услуги.
- Воздействие в населенных пунктах обеспечивает защиту общества в краткосрочной перспективе и снижает рецидивизм в долгосрочной.
- Более длительная изоляция не оказывает такой запугивающий эффект на серьезных правонарушителей, как считалось раньше. Размытое, лишенное направлений и структуры консультирование не работает. Формальные приговоры без профилактики имеют очень незначительную связь с повторными правонарушениями.
- Профилактические услуги, противоречащие клиническим принципам реабилитации и предотвращения, доказали свою бесполезность. Исследованиями доказано, что

настоящая эффективность была там, где больше внимания уделяли предотвращению, а не воздействию уже после содеянного.

- Характеристики несовершеннолетних, которые становятся на путь преступлений и продолжают вести преступную деятельность, удивительно похожи, даже если брать литературу других стран. Неудивительно – исследование также показало, что вероятность противозаконного поведения существенно увеличивается вместе с увеличением количества и разнообразия этих характеристик. Вмешательство и программы, нацеленные на эти характеристики – криминогенные факторы риска, были более эффективными. И наоборот, вмешательство, основанное на предотвращении правонарушений под страхом наказания, оказалось неэффективным. В профилактике правонарушений было малоуспешным или вовсе не принесло результат ужесточение наказаний.
- Исследование явно показало, что для несовершеннолетних с повышенным риском повторного совершения преступлений требуется более высокий уровень социальной работы, в то время как для поднадзорных с низкой вероятностью рецидива более эффективен смягченный режим надзора.

Многими международными и российскими (в том числе советскими) исследователями неоднократно отмечалось отсутствие прямой корреляции между уровнем преступности и численностью заключенных в пенитенциарных заведениях страны. Давно и серьезно звучат мнения о том, что применение такой меры наказания как лишение свободы обусловлено скорее политическими и культурными факторами, нежели прагматическими соображениями или учетом эффективности работы какого-либо силового ведомства (например, системы исполнения наказаний).

Никто не оспаривает тот факт, что тюрьма действует не только на реальном, но и на «символическом уровне». Неотвратимость наказания и страх перед ним всегда действовали сильнее, чем само наказание. Деятельность уголовных систем разных стран по-разному учитывала этот фактор. Притом, что оценка «профилактической» действенности того или иного подхода во многом определялась, исходя из запросов конкретного исторического и политического момента, тем не менее, можно выделить определенные смысловые «траектории» в развитии пробационных концепций».

Как показывает мировой опыт, одной из служб, способных внести свой вклад в решение указанных проблем, является служба пробации. Возвращаясь к концептуальным обоснованиям, еще раз нужно подчеркнуть, что, исходя из первоначального замысла, пробация – это использование так называемой «ситуации страха», ситуации угрозы поднятого над головой меча, но не сам меч в действии.

Общепризнанно, что карательный подход разрушителен (например, два-три года пребывания человека в колонии влекут необратимые процессы в его психике). В связи с этим на западе используются преимущественно непродолжительные сроки лишения свободы за преступления, не представляющие собой большой опасности. Признается, что основной инструмент воздействия – это сама угроза применения реального лишения свободы, которая и удерживает от совершения нового преступления [Пудовочкин, 2002].

Введение наказаний, альтернативных тюремному заключению, в систему уголовных санкций обусловлено недостатками применения наказания в виде лишения свободы, в особенности – невозможностью достижения таких провозглашаемых целей наказания, как исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Отбывание наказания препятствует последующей социальной адаптации личности, ее возвращению в общество, так как человек в условиях изоляции теряет социально-значимые навыки. Кроме того, в тюрьме правонарушитель, как правило, принимает криминальную субкультуру, которая способствует дальнейшей криминализации человека.

Отбывание наказания без изоляции от общества под специальным надзором позволяет избежать негативных нравственных, психологических и физических последствий изоляции, так как при такой форме наказания навыки социального взаимодействия сохраняются и развиваются под воздействием социальной среды и при активном содействии работников службы пробации» [Мозяков, 2002, 864].

Также альтернативное уголовное наказание делает государственную уголовную политику более гибкой, позволяет применить более широкий спектр мер в отношении преступлений различной тяжести и различных правонарушителей, позволяет учитывать особенности личности преступника при определении меры наказания, и таким образом реализует принцип социальной справедливости и индивидуальности наказания.

Развитие альтернативных наказаний позволяет разгрузить тюремную систему и направить усилия на адресную работу с правонарушителями по месту жительства. Реализация данного подхода очень важна для социальной реабилитации несовершеннолетних и молодежи, совершивших уголовно-наказуемые деяния, так как изоляция от общества и помещение в криминальную среду наносит психологическую травму и деформирует процесс их социализации» Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору) [Рарог, 2004, 279].

Учитывая этот общий подход, применительно к современной ситуации в России, важно не только искать существующие возможности внутри самой системы уголовно-правовых инструментов (например, содействовать более широкому использованию в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и суда статьи 25 УПК РФ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.04.2013, с изм. от 21.05.2013) – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон), но и направить усилия на осознание правонарушителем «механизмов угрозы», дать ему шанс проникнуться пониманием последствий возможного запуска традиционной «машины правосудия».

Современные обоснования самого института пробации лежат, как правило, в контексте более широких «магистральных программ», таких, например, как концепция восстановительного правосудия. В Европе и на Американском континенте государство наделило общественные образования полномочиями разбирать криминальную ситуацию. Известные «круги правосудия» или «конференции восстановительного правосудия» предполагают анализ причин криминального конфликта и управление криминальной ситуацией силами общины, где ее члены фактически несут солидарную ответственность за случившееся [Галимов, 2001].

Подобные формы развиваются в условиях так называемой стратегии «возложения ответственности», согласно которой органы государственного управления стараются воздействовать на преступность не напрямую – через государственные учреждения (полицию, суды, тюрьмы, социальные службы и т.п.) – а опосредованно, организуя работу со стороны негосударственных организаций. Основная идея заключается в том, что все мы – от владельцев недвижимости и предпринимателей до школы, семьи и отдельных граждан – отвечаем за уменьшение возможностей для преступлений и за улучшение неофициального (неформального)

контроля» [Мельникова, 2000].

В частности, деятельность службы пробации должна быть направлена на сокращение преступности, и основная работа с лицом, оказавшимся в сфере деятельности службы пробации, заключается в сотрудничестве с ним, направленном на позитивные результаты, заключающиеся в адекватной социализации или ресоциализации такого лица после на различных этапах судебного преследования, в ходе отбывания наказания, не связанного с лишением свободы и после отбывания наказания в виде лишения свободы, а также в обеспечении надлежащего контроля над поведением указанного лица. Работник пробации в отношении такого лица – это своего рода посредник, содействующий благоприятным социальным переменам в жизни такого лица, но не няня, родитель, друг или судья. В силу этого общение сотрудника службы пробации осуществляется с учетом всех этических норм при осознании границ взаимного сотрудничества.

В ряде стран служба пробации начинает заниматься проблемами того или иного лица еще до вынесения решения суда и представляет в суд доклад, который принимается во внимание при вынесении приговора. Служба пробации могла бы в России выступить в роли посредника между потерпевшим и правонарушителем, участвуя тем самым в процедурах восстановительного правосудия и содействуя реабилитации и восстановлению не только правонарушителя, но и потерпевшего еще на досудебной стадии [Рарог, 2004, 279].

При подготовке досудебного доклада большая роль может отводиться сотрудничеству с органами местного самоуправления, местным сообществом, коллективом по месту работы или учебы того или иного лица, с неправительственными некоммерческими организациями. Это позволит лучше выявить потребности соответствующего лица и причины, приведшие его к совершению определенных деяний. Роль местного сообщества велика также в ходе реализации наказания, не связанного с лишением свободы, и в ходе осуществления мер по адаптации и ресоциализации после отбывания наказания в виде лишения свободы. Немалая роль может принадлежать и неправительственным некоммерческим организациям.

У несовершеннолетних чаще всего встречается криминально опасное «отчуждение», т.е. уход от социальной среды в результате самого факта столкновения человека с правоохранительными органами и судом. При этом недопонимать, что такая мера пресечения как содержание под стражей в России используется часто и повсеместно, и в корне противоречит принципу социально-реабилитирующего вмешательства в самом начале криминальной карьеры преступника (особенно это важно, когда совершаются неопасные проступки) [Права человека, 2005].

Таким образом, происходит усиленная криминализация населения. Борьба с этим явлением можно только системно (юридически, психологически, социально), поскольку очевидно, что работа должна вестись с двух сторон: необходимо и общественное просвещение, и реформирование силовых ведомств и структур» [Волошин, 2007].

Система пробации охватывает весь спектр криминально-опасных ситуаций: от небольшого конфликта человека с законом до работы с рецидивной преступностью. При этом, нужно отметить, что необходимость интенсивной гуманитарной работы, связанной именно с профилактикой преступлений, была признана, в первую очередь, в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Исторически специалисты по ювенальной юстиции являются наиболее активными сторонниками развития системы пробации, в том числе и в России [Шатанкова, 2007]. Имея огромный опыт работы с людьми в начале криминальной «карьеры», ювенальные специалисты хорошо понимают роль социально-психологического фактора в складывании общей

криминальной ситуации в стране. Именно на примере ювенальной юстиции можно увидеть угрожающее значение такой криминальной проблемы как рост социального отчуждения у граждан (вторичной депривации) [Мельникова, 2000].

Государственная служба пробации – это государственное учреждение, которое заботится об общественной безопасности, работая с людьми, которые отбывают уголовное наказание не в местах лишения свободы, а в обществе (условные наказания, принудительные работы), и помогает бывшим заключенным вернуться в общество [Шатанкова, 2005]. Основными направлениями работы служб пробации являются развитие и организация политики исполняемых в обществе уголовных наказаний, и оказание помощи лицам после освобождения из учреждений лишения свободы.

Заключение

Задача службы пробации состоит в том, чтобы выявить все основные потребности и нужды лица, оказавшегося в поле ее деятельности, и начать содействовать их постепенному решению. Действия службы пробации не состоят в оказании какой-либо финансовой или иной материальной помощи, а нацелены на выполнение посреднических функций между упомянутым лицом и различными государственными и муниципальными органами и учреждениями. Создание государственной службы пробации свидетельствует о намерении государства брать на себя ответственность за членов своего общества, а также о том, что правонарушитель не потерян для общества и что система наказания в нашем государстве не носит характер отщепенца.

Библиография

1. Волошин В.М. Неотвратимость и целесообразность уголовной ответственности несовершеннолетних // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 48-50.
2. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. С. 234.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990).
4. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М.: Дело, 2000. С. 245.
5. Мозяков В.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ. М.: Экзамен, 2002. С. 864.
6. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). СПб., 2005. С. 52-65.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».
8. Права человека. СПб., 2005. С. 6-7.
9. Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право – понятие, структура, источники // Журнал российского права. 2002. № 3. URL: <https://base.garant.ru/5119751/>
10. Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2004. С. 279.
11. Шатанкова Е.Н. Институт пробации как возможная альтернатива лишению свободы в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. М., 2005. С. 120.
12. Шатанкова Е.Н. Институт пробации: опыт зарубежных стран // Вестник Российской правовой академии. 2007. № 4. С. 78.

Probation as a conceptual basis in the process of formation of the spiritual and moral qualities of a person in places of deprivation of liberty

Vladimir I. Kolesov

Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
Doctor of Pedagogy, Professor, PhD in Economics, Master of Education,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Senior Researcher of Scientific-Research Institute
of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vi_kolesov@mail.ru

Abstract

The article describes the role of probation in penitentiary institutions of the penitentiary system of the Russian Federation. What significance does probation play in society, since at present in Russia a generally recognized and disturbing public ambiguous circumstance is the persistence of a high level of crime. Spiritual morality for the quality of a person should be built on other components. However, the trend of individual periods of some reduction in the number of crimes committed does not develop into any long-term trend, but is replaced by periods of a new increase in crime, in this case, preventive, rehabilitative and restorative measures are needed to ensure a real reduction in crime. The task of the probation service is to identify all the basic needs and needs of the person in the field of its activity, and begin to contribute to their gradual solution. The actions of the probation service do not consist in providing any financial or other material assistance, but are aimed at performing intermediary functions between the said person and various state and municipal authorities and institutions. The creation of a state probation service testifies to the intention of the state to take responsibility for members of its society, and also that the offender is not lost to society and that the system of punishment in our state is not in the nature of revenge.

For citation

Kolesov V.I. (2023) Probatsiya kak kontseptual'naya osnova v protsesse formirovaniya dukhovno-nravstvennykh kachestv lichnosti v mestakh lisheniya svobody [Probation as a conceptual basis in the process of formation of the spiritual and moral qualities of a person in places of deprivation of liberty]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 346-354. DOI: 10.34670/AR.2023.47.45.054

Keywords

Spirituality, morality, probation, personality in society, resocialization and adaptation in a new society.

References

1. Galimov O.Kh. (2001) *Maloletnie litsa v ugovnom sudoproizvodstve* [Minors in criminal proceedings]. St. Petersburg.
2. *Konventsia o pravakh rebenka (odobrena General'noi Assambleei OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990)* [Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990)].

3. Mel'nikova E.B. (2000) *Yuvenal'naya yustitsiya. Problemy ugovnogo prava, ugovnogo protsesssa i kriminologii* [Juvenile justice. Problems of criminal law, criminal procedure and criminology]. Moscow: Delo Publ.
4. Mozyakov V.V. (2002) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Rasshirennyi ugovno-pravovoi analiz* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Extended criminal law analysis]. Moscow: Ekzamen Publ.
5. (2005) *Obzor zakonodatel'stva skandinavskikh i baltiiskikh stran po sluzhbe probatsii (ugolovnomu nadzoru)* [Review of the legislation of the Scandinavian and Baltic countries on the probation service (criminal supervision)]. St. Petersburg.
6. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10.10.2003 № 5 (red. ot 05.03.2013) «O primeneniі sudami obshchei yurisdiktzii obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 No. 5 (as amended on March 5, 2013) "On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation"].
7. (2005) *Prava cheloveka* [Human Rights]. St. Petersburg.
8. Pudovochkin Yu.E. (2002) *Yuvenal'noe ugovnoe pravo – ponyatie, struktura, istochniki* [Juvenile criminal law – concept, structure, sources]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 3. Available at: <https://base.garant.ru/5119751/> [Accessed 05/05/2023]
9. Rarog A.I. (2004) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt Publ.
10. Shatankova E.N. (2005) *Institut probatsii kak vozmozhnaya al'ternativa lisheniyu svobody v Rossiiskoi Federatsii* [The Institute of Probation as a Possible Alternative to Imprisonment in the Russian Federation]. In: *Ugovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: strategiya razvitiya* [Penitentiary System of Russia: Development Strategy]. Moscow.
11. Shatankova E.N. (2007) *Institut probatsii: opyt zarubezhnykh stran* [Probation Institute: experience of foreign countries]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* [Bulletin of the Russian Law Academy], 4, p. 78.
12. Voloshin V.M. (2007) *Neotvratimost' i tsesoobraznost' ugovnoi otvetstvennosti nesovershennoletnikh* [The inevitability and expediency of criminal liability of minors]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 3, pp. 48-50.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.60.65.055

Законодательные нормы, технические средства, информационные технологии, рекомендации как возможности интенсификации допроса

Шурухнов Николай Григорьевич

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тульский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции;
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: matros49@mail.ru

Аннотация

Показываются распространенность допроса, высокая трудоемкость, значение для сбора информации, приводится его аналог, самодопрос отдельных участников уголовного судопроизводства, который способен в определенных ситуациях заменить его, при наличии соответствующей нормы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, даются рекомендации по использованию отдельных информационно-телекоммуникационных технологий: видеоконференцсвязи, программ-транскрипторов. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в судопроизводстве — это веление времени, цифровизация в корне изменила коммуникацию людей, их профессиональную и бытовую деятельность, поэтому указанная нами норма далеко не последняя. При этом следует иметь в виду, что каждое такое дополнение требует значительных материальных затрат: сможет ли в современных условиях «потянуть» это федеральный бюджет. Получая такие дополнения, не следует надеяться ни на экономию бюджетных средств, ни на экономию сил, времени правоприменителей. На примере анализируемой статьи можно констатировать, что, к сожалению, возрастает документооборот — и материальный, и электронный, увеличивается количество субъектов расследования, технических исполнителей, различных специалистов, соответствующим образом оборудованных помещений.

Для цитирования в научных исследованиях

Шурухнов Н.Г. Законодательные нормы, технические средства, информационные технологии, рекомендации как возможности интенсификации допроса // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 355-364. DOI: 10.34670/AR.2023.60.65.055

Ключевые слова

Допрос, самодопрос, видеоконференцсвязь, следственные действия, сбор информации.

Введение

В классификации следственных действий [Шурухнов, 2010, 258-264] допрос занимает ведущее место. Применительно к допрашиваемым категориям участников уголовного судопроизводства (свидетель, специалист, опознающий) он насчитывает наибольшее количество видов. На распространенности обозначенного уголовно-процессуального средства сказываются и такие законодательные предписания, как возможность производства только по решению субъекта расследования (не прибегая к судебному порядку), как основание производства некоторых других следственных действий. По своей познавательной сущности допрос относится к вербальным приемам получения доказательств.

Анализируя уголовные дела, расследованные в последние десятилетия, делаем вывод о субъективно-стратегическом назначении этого следственного действия. Субъекты расследования отдают ему предпочтения, минимизируя свою работу с материальными источниками информации. Поэтому в материалах уголовных дел преобладают протоколы допросов, что является не всегда оправданным.

На распространенность допроса указывали наши данные, полученные ранее. Так, по одному уголовному делу следователь органов внутренних дел допрашивал более 23 человек (обвиняемых, свидетелей, потерпевших, экспертов). К названным допрашиваемым следует прибавить представителей обвиняемых, потерпевших, свидетелей, специалистов. Увеличение количества допрашиваемых, неоднократность допроса¹, естественно, приводят к увеличению объема времени. По оценкам ученых, для которых допрос на протяжении десятилетий был предметом исследования, следователи затрачивают на его производство более 75% рабочего времени [Соловьев, 2006, 127]

Беседуя с субъектами расследования, заключаем, что приведенные временные параметры увеличиваются, если иметь в виду не собственно допрос, а обеспечение его проведения, подготовку. Речь идет об установлении, привлечении, убеждении, доставке участников уголовного судопроизводства, подлежащих допросу (сюда относится проведение предварительных бесед, которые составляют 63% случаев [Агеев, 2022, 13]). На современном этапе значительное количество процессуально-организационных трудовых затрат связано с производством допроса с использованием систем видеоконференцсвязи в соответствии со ст. 1891 УПК РФ.

Допрос это не только трудоемкое, но и психологически сложное следственное действие. Оно всегда представляет собой двухстороннее общение, при напряженной мыслительной деятельности допрашиваемого и допрашивающего для получения сведений, относящихся к событию, с целью выяснения фактов, имеющих значение для расследования преступления. Психологическая составляющая допроса возрастает в разы, когда это связано с дачей ложных показаний. При этом разница в психологическом напряжении незначительна: сформирована ли ложь специально, с предварительной ее проработкой, в том числе и с соучастниками, свидетелями, или она является условной, так как лицо либо само, либо под воздействием других лиц, восприняло события не так, как они происходили в действительности. «Опытные юристы,

¹ «Повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого» (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

– отмечает В.Н. Голованов, – хорошо знают, как трудно зафиксировать материальные факты преступления, произошедшего на глазах многочисленных свидетелей. Свидетельские показания, как правило, никогда не совпадают в деталях. Дело... не столько в факте, сколько в его интерпретации» [Голованов, 1970, 150]. «Сложность допроса, – резюмируют Р.С. Белкин и Е.М. Лифшиц, – заключается... и в том, что в показаниях человека, искренне стремящегося сообщить следователю все известное ему по делу, могут быть ошибки и искажения, заблуждения и вымысел, которые при допросе надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний» [Белкин, Лифшиц, 1997, 97].

Общение в условиях допроса нередко представляется специалистами как борьба интересов, при наличии состязательности российского уголовного судопроизводства. Следователю и дознавателю отводится роль представителей стороны обвинения (уголовного преследования). Однако в науке вопрос о процессуальных полномочиях, реализуемых ими, дискуссионен. Они обязаны всесторонне, полно и объективно выяснить и проверить обстоятельства совершенного преступления. Комплексность задач, решаемых субъектом допроса, часто сопровождается эмоциональным и умственным напряжением в условиях межличностного конфликта. «Тем более, что ввиду характера и сложности некоторых уголовных дел, большого объема сообщаемых допрашиваемым сведений это следственное действие может занимать достаточно длительное время» [Россинский, 2018, 225].

Во вступительной части статьи надлежит сказать и о том, что объективность передачи информации при допросе во многом зависит от условий ее восприятия и сохранения в памяти допрашиваемого. На что влияет комплекс объективных и субъективных факторов, которые также необходимо учитывать при оценке результативности следственного действия.

Основная часть

Мы предельно кратко обозначили сущность допроса, его временную затратность, сложность вопреки кажущейся простоте, психологическую неустойчивость, обуславливающую нервное напряжение. Укажем, что в таких ситуациях субъект расследования в соответствии со ст. 164, 166, 174, 189 УПК РФ должен соблюдать правила производства следственного действия и составить протокол, с предъявлением его всем лицам, принимавшим участие в допросе. В целях минимизации нагрузки, экономии времени субъектов, производящих допрос, повышения интенсификации следственного действия, полноты получаемой информации, ее объективности, приведем отдельные пожелания, предложения и краткие рекомендации².

Минимизации нагрузки, экономии времени, сил субъектам расследования и, как следствие, осуществлению расследования в разумный срок (ст. 61 УПК РФ), в определенной мере может способствовать законодательное закрепление самодопроса. По нашему мнению, намек на это действие просматривается в отдельных нормах действующего УПК РФ [Шурухнов, 2015, 414-419]. Рассматривая ч. 5 ст. 190 УПК РФ, где говорится, что «...допрашиваемым лицом в ходе допроса могут быть изготовлены схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые приобщаются к протоколу...», можно усмотреть элементы самодопроса. Если заглянуть в ретроспективу и обратиться к ч. 4 ст. 160 УПК РСФСР, то можно увидеть следующую запись: «После дачи

² Справедливости ради скажем о том, что некоторые из них озвучивались, но, как показывают наши наблюдения, до правоприменителей, в силу различных причин, доходят очень медленно.

свидетелем показаний, в случае его просьбы, ему должна быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно, о чем делается отметка в протоколе допроса». В ст. 408 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) было записано: «Грамотным представляется самим вписывать в протокол ответы, данные ими на словах».

В процессе ознакомления со следственной практикой, обсуждения данного вопроса с дознавателями и следователями, мы установили несколько следственных ситуаций, для разрешения которых субъекты расследования прибегают к данному действию. *Первая* состоит в разрешении частной следственной ситуации при допросе глухонемых (в УУС 1864 г. этому была отведена ст. 411). Такому допрашиваемому лицу дознаватель или следователь формулирует вопросы, на которые он собственноручно дает ответы. *Вторая* складывается в тех случаях, когда требуется произвести допрос свидетеля, находящегося в другом месте (не там, где ведется расследование). Речь идет о поручении следователя – следователю или органу дознания, а дознавателя – дознавателю или органу дознания (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Реализация такого поручения предполагает формулирование вопросов (нередко с приложением какого-то процессуального документа, в котором раскрывается содержание совершенного преступления), требующих ответов. Более распространенной считаем *третью* следственную ситуацию. В процессе ее разрешения следователь, дознаватель просит оперативных, участковых уполномоченных, оказавшихся первыми на месте происшествия, проводивших задержание преступника, написать протокол их допроса, с отражением обстоятельств, интересующих следствие или дознание. В этой ситуации у субъекта расследования есть уверенность в том, что даже при отсутствии заранее сформулированных вопросов указанные уполномоченные лица способны самостоятельно объективно изложить фактические данные, раскрывающие отдельные обстоятельства совершенного преступления, поведения преступника.

Как представляется, кроме указанных преимуществ, наличие в УПК самодопроса увеличивало бы объем доказательств, привлекало граждан к участию в уголовном судопроизводстве, просвещало и дисциплинировало их, «стимулировало» реализацию такого уголовно-процессуального принципа, как гласность.

Считаем возможным наделить субъекта расследования правом инициировать самодопрос – предлагая допрашиваемому самостоятельно ответить на заранее сформулированные вопросы. Такая процедура может осуществляться как в здании, где ведется расследование, так и по месту жительства лица, подлежащего допросу, посредством почты (специального письма-конверта с почтовой маркой), номера телефона (WhatsApp), электронной почты. Решить этот вопрос помогает специальный бланк, включающий: а) обращение-просьбу оказать содействие в получении информации о противоправном деянии; б) перечень вопросов с разрядкой между собой (свободным местом, где могут разместиться ответы); в) графу для кратких анкетных данных; г) благодарность за выполнение конституционного долга и оказанную помощь.

Для предоставления субъектам расследования такого права требуется дополнить ч. 1 ст. 152 УПК РФ следующим положением: «При необходимости, а также в случаях, не требующих отлагательства, дознаватель, следователь вправе поручить лицу дать ответы на сформулированные вопросы. Такое обращение может быть выражено в устной, письменной форме как на материальном, так и на электронном носителе». Одновременно с этим в ст. 5 УПК РФ внести п. 53⁴: «Самодопрос – собственное формулирование лицом ответов на заранее поставленные дознавателем, следователем вопросы, либо собственноручное самостоятельное изложение обстоятельств совершения преступления, соответствующее их оформлению и

доставление (направление) субъекту расследования».

Полтора года спустя процесс досудебного производства пополнился опосредованно-личным допросом путем использования систем видеоконференцсвязи (ВКС) (ст. 189¹ УПК РФ). Подобная возможность для судебного производства была сделана в 2011 г. дополнением ст. 240 УПК РФ частью 4³ [Марковичева, 2017, 88-95; Александров, Андреева, Зайцев, 2019, 199-208]. Судам в 2011 г. была предоставлена возможность допроса свидетелей и потерпевших путем использования систем видеоконференцсвязи, а через 10 лет к допросу были присовокуплены и другие судебные действия⁴.

Сугубо процедурные вопросы производства допроса с использованием ВКС, установленные ст. 189 УПК РФ, сводятся к следующему:

а) инициатор следственного действия направляет письменное поручение органу дознания, дознавателю, следователю по месту нахождения допрашиваемого участника уголовного судопроизводства и возлагает на них обеспечение его участия в следственном действии;

б) протокол допроса с использованием ВКС составляется инициатором производства следственного действия, с соблюдением требований, установленных ст. 166, 167, 170, 189, 190, 193 УПК РФ, с ориентиром на дополнительные положения, установленные ст. 189¹ УПК РФ. В частности, дата, время и место производства следственного действия указываются применительно к месту нахождения и допрашиваемого, и инициатора. Исходя из того, что указанные места могут находиться в разных часовых поясах (Москва и Южно-Сахалинск), возникает необходимость контролировать это обстоятельство, обеспечивая законность, исключая ситуации, при которых результаты допроса не были бы отнесены к недопустимым доказательствам (ст. 75 УПК РФ);

в) о разъяснении прав, обязанностей, ответственности, порядка производства, оглашении протокола у участников следственного действия, находящихся вне места производства предварительного расследования, берется подписка, удостоверенная их подписями. В этом же документе они вправе сделать свои замечания о дополнении и уточнении протокола;

г) видеозапись допроса является обязательной, ее материалы приобщаются к протоколу. При этом участники следственного действия должны слышать и видеть ход всего следственного действия: предъявляемые вещественные доказательства, документы, оглашаемые протоколы других процессуальных действий, воспроизводимые аудио- и (или) видеозаписи, киносъемку следственных действий (ч. 3 ст. 190 УПК РФ).

д) заявления участвующего адвоката о нарушении прав и законных интересов допрашиваемого подлежат занесению в протокол (ч. 5. ст. 189 УПК РФ) и, как следствие, в

³ Введена ФЗ от 20.03.2011 № 39-ФЗ.

⁴ Федеральный закон от 29.12. 2022 № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменил содержания ч. 4 ст. 240 УПК РФ. В настоящее время она имеет следующее содержание: «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, допрос и иные судебные действия могут быть произведены судом путем использования систем видеоконференцсвязи». Этим же ФЗ УПК РФ дополнен ст. 241¹ «Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи», изменено содержание ст. 278¹ «Особенности производства допроса и иных судебных действий путем использования систем видеоконференцсвязи». Содержательно она выглядит следующим образом: «Производство допроса и иных судебных действий путем использования систем видеоконференцсвязи осуществляется судом по общим правилам, установленным настоящим Кодексом, с учетом особенностей, предусмотренных статьей 241¹ настоящего Кодекса».

подписку;

е) в течение 24 часов после завершения допроса с использованием систем видеоконференцсвязи следователь, дознаватель или орган дознания (уполномоченное лицо органа дознания) по месту непосредственного производства допроса направляет инициаторам следственного действия подписку. А также приобщенные к ней документы, материалы, ордер адвоката, если он принимал участие в следственном действии (соответственно с обозначением в протоколе);

ж) после получения подписки следователь, дознаватель, осуществлявшие допрос, приобщают ее к протоколу.

Опираясь на имеющуюся практику, анализ ст. 189¹ УПК РФ, содержание бесед со следователями и адвокатами, выделим отдельные положения, которые, в определенной мере, осложняют активную реализацию данной статьи. По своей природе они относятся к правовым условиям производства следственного действия.

Допрос с использованием ВКС (без конкретизации допрашиваемого⁵) вправе проводить следователь, дознаватель через посредство видеоконференцсвязи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование (ГООПР), если имеются технические возможности. Законодатель исключил возможность воспользоваться информационными-телекоммуникационными системами даже правоохранительных органов. Тем самым осложнил процесс сбора доказательств, заложил противоречие (если сказать мягче – несоответствие) между ч. 1 ст. 189 и ч. 4 ст.240 УПК РФ. Судебная практика с самого начала шла по пути использования систем видеоконференцсвязи, имеющейся в других государственных органах.

Производство допроса с использованием указанных средств не допускается, если существует риск разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны; данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности (ч. 8 ст. 189¹ УПК РФ)⁶. Запрет очень широк, так как многообразна сфера, к которой относится охватываемая федеральным законом та или иная тайна [Шурухнов, 2022, 210-221].

Следственная практика нуждается в расширении использования ВКС реализацией наиболее защищенных и конфиденциальных мессенджеров⁷.

Снижение трудозатрат при производстве допроса можно значительно сократить в результате преобразования текстовой информации на материальный носитель программой транскрайбера [Шурухнов, 2016, 240-247]. Она сочетают в себе возможности цифровых диктофонов и текстовых редакторов. Через посредство микрофона устная речь вводится в компьютер, затем обрабатывается программой и выводится на экран в виде текстового документа.

Для оптимальной работы необходимо установление драйвера (программы) на компьютер. Программа транскрайбера сочетает свойство современного текстового редактора (для быстрого набора текста) и функций цифрового магнитофона (это обеспечивает качество прослушивания звука).

⁵ Часть 4 ст. 240 говорит о свидетеле и потерпевшем.

⁶ Приведенная часть указанной статьи устанавливает также чрезмерно широкий запрет.

⁷ Мессенджер (от англ. *messenger* – курьер, посланник) – это программа для мгновенного обмена текстовыми сообщениями, аудиозаписями, фотографиями и другими мультимедиа.

Преимущества программ-транскрайберов состоит в:

- а) сочетании возможностей цифрового магнитофона и текстового редактора;
- б) осуществлении записи звука и одновременного транскрабирования в реальном времени;
- в) записи на жесткий диск ПК речевых сигналов от различных источников: микрофонов, линейных выходов магнитофонов или иной звуковоспроизводящей техники;
- г) прослушивании и текстовой расшифровке звуковой информации с использованием клавиатуры ПК с момента начала звукозаписи и без ее остановки;
- д) отображении осциллограммы звукового файла;
- е) проверке (автоматической) орфографии;
- ж) расширении возможности воспроизведения (циклическое, замедленное/ускоренное без искажения высоты голоса);
- з) возможности включения режима «шумоочистки» при воспроизведении фонограммы;
- е) адаптации приложения к любому языку.

Во время подготовительного этапа допроса следует: подыскать помещение, изолирующее звуки извне; устойчиво разместить микрофон, снимающий звук, либо диктофон.

При непосредственном производстве допроса: разъяснить факт и технологию работы программы цифрового транскрайбера; объяснить порядок представления себя, когда задаются вопросы, обращаются к другим участникам допроса; предусмотреть сохранность аппаратуры, исключив доступ к несанкционированному отключению.

На заключительном этапе допроса необходимо упаковать записанную фонограмму, снабдив ее подписями участников следственного действия. Диск или флэшка также упаковываются по уголовно-процессуальным правилам,

Считается, что для эффективной расшифровки фонограммы требуется: 1) автоматизированное рабочее место (АРМ) при наличии шумовой очистки на базе ПК с дополнительным ускорителем вычислений для обработки сигналов в реальном масштабе времени; 2) автономный внешний адаптивный фильтр на число коэффициентов. В зависимости от длины записи и формата, в котором оно представлено.

Отметим, что запись помогает следователю в составлении полного и верного протокола допроса. При этом недопустимы различия между записанным в протокол и содержащимся на записи. Если будут обнаружены расхождения протокола и записи, это может служить основанием признания таких доказательств недопустимыми.

Заключение

Включение в УПК РФ ст. 189¹ предполагало интенсифицировать производство отдельных следственных действий, в том числе и такого наиболее распространенного, как допрос, и в целом расследование, обеспечить права и законные интересы участников досудебного производства. Использование информационно-телекоммуникационных технологий в судопроизводстве — это веление времени, цифровизация в корне изменила коммуникацию людей, их профессиональную и бытовую деятельность, поэтому указанная нами норма далеко не последняя. При этом следует иметь в виду, что каждое такое дополнение требует значительных материальных затрат: сможет ли в современных условиях «потянуть» это федеральный бюджет. Получая такие дополнения, не следует надеяться ни на экономию бюджетных средств, ни на экономию сил, времени правоприменителей. На примере

анализируемой статьи можно констатировать, что, к сожалению, возрастает документооборот – и материальный, и электронный, увеличивается количество субъектов расследования, технических исполнителей, различных специалистов, соответствующим образом оборудованных помещений. Вот здесь-то и окажется полезным законодательное закрепление самодопроса, он будет «работать», минимизируя затраты и финансовые, и временные, и людские, сокращая традиционный срок расследования.

Чтобы ст. 189¹ УПК РФ заработала, нужно во всех органах расследования, подразделениях дознания, органах дознания иметь государственные системы ВКС, штатную должность ответственного за техническое обслуживание программно-технического комплекса ВКС, осуществление настройки, диагностики, организацию ремонта, замену оборудования⁸, проверку каналов связи. К тому же потребуются различные помещения для производства рассматриваемого следственного действия.

Что касается использования программ-транскрайберов, то ими необходимо обеспечить органы расследования и соответствующим образом осуществить профессиональную подготовку следователей, дознавателей, вернуться к уже старой проблеме типового автоматизированного (электронного) рабочего места субъектов расследования.

Библиография

1. Агеев Н.В. Организационные средства и методы в методике расследования преступлений: автореф дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 22 с.
2. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199-208.
3. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика допроса // Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
4. Голованов В.Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. 229 с.
5. Марковичева Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. 2017. № 3. С. 88-95.
6. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: НОРМА, 2018. 240 с.
7. Соловьев А.Б. Очная ставка. М., 2006. 156 с.
8. Шурухнов Н.Г. Допрос подозреваемых при расследовании разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, и автоматизация расшифровки фонограммы // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 1 (18). С. 240-247.
9. Шурухнов Н.Г. Законодательное закрепление процедуры самодопроса как одно из направлений дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2015. С. 414-419.
10. Шурухнов Н.Г. Запрет разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, при производстве следственных действий с использованием видеоконференцсвязи // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2022. С. 210-221.
11. Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Вып. 5. Самара, 2010. С. 258-264.

⁸ «Оборудование ВКС – комплекс технических средств, состоящий из каналобразующего оборудования, программно-технических средств передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи, отображения информации, ведомственной телефонии с интегрированной функцией передачи твердой копии документов (факсимильной связи), устройств конфиденциальной связи и резервного питания». См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 401.

Legislative norms, technical means, information technologies, recommendations as an opportunity to intensify interrogation

Nikolai G. Shurukhnov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Tula Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice;
Leading Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: matros49@mail.ru

Abstract

The prevalence of interrogation, high labor intensity, importance for collecting information is shown, its analogue is given, self-interrogation of individual participants in criminal proceedings, which in certain situations can replace it, if there is an appropriate norm in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, recommendations are given on the use of individual information and telecommunication tools. technologies: videoconferencing, transcriber programs. The use of information and telecommunication technologies in legal proceedings is the imperative of the time, digitalization has fundamentally changed the communication of people, their professional and domestic activities, so the norm we have indicated is far from the last. At the same time, it should be considered in mind that each such addition requires significant material costs: will the federal budget be able to “pull” this under modern conditions. When receiving such additions, one should not hope either for saving budgetary funds or for saving the forces and time of law enforcement officers. On the example of the analyzed article, the author of the paper concludes that it can be stated that, unfortunately, the document flow is increasing, both material and electronic, the number of subjects of investigation, technical executors, various specialists, and appropriately equipped premises is increasing.

For citation

Shurukhnov N.G. (2023) Zakonodatel'nye normy, tekhnicheskie sredstva, informatsionnye tekhnologii, rekomendatsii kak vozmozhnosti intensivatsii doprosa [Legislative norms, technical means, information technologies, recommendations as an opportunity to intensify interrogation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 355-364. DOI: 10.34670/AR.2023.60.65.055

Keywords

Interrogation, self-interrogation, video conferencing, investigative activities, information gathering.

References

1. Ageev N.V. (2022) *Organizatsionnye sredstva i metody v metodike rassledovaniya prestuplenii. Doct. Dis.* [Organizational means and methods in the methodology of crime investigation. Doct. Dis.]. Krasnodar.
2. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaitsev O.A. (2019) O perspektivakh razvitiya rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii [On the prospects for the development of Russian criminal justice in the

- context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 448, pp. 199-208.
3. Belkin R.S., Lifshits E.M. (1997) Taktika doprosa [Tactics of interrogation]. In: *Taktika sledstvennykh deistvii* [Tactics of investigative actions]. Moscow.
 4. Golovanov V.N. (1970) *Zakony v sisteme nauchnogo znaniya* [Laws in the system of scientific knowledge]. Moscow.
 5. Markovicheva E.V. (2017) Perspektivy razvitiya elektronnoho sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii [Prospects for the development of electronic justice in the Russian Federation]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 3, pp. 88-95.
 6. Rossinskii S.B. (2018) *Sledstvennye deistviya* [Investigative actions]. Moscow: NORMA Publ.
 7. Shurukhnov N.G. (2016) Dopros podozrevaemykh pri rassledovanii razglasheniya svedenii o merakh bezopasnosti, primenyaemykh v otnoshenii dolzhnostnogo litsa pravookhranitel'nogo ili kontroliruyushchego organa, i avtomatizatsiya rasshifrovki fonogrammy [Interrogation of suspects during the investigation of the disclosure of information about security measures applied to an official of a law enforcement or regulatory body, and automation of phonogram decoding]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya* [Voronezh forensic readings], 1 (18), pp. 240-247.
 8. Shurukhnov N.G. (2010) Klassifikatsiya sledstvennykh deistvii, predusmotrennykh Ugolovno-protsessual'nym kodeksom Rossiiskoi Federatsii [Classification of investigative actions provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovno protsessa Rossii. Vyp. 5* [Actual problems of the modern criminal process in Russia. Issue 5]. Samara.
 9. Shurukhnov N.G. (2015) Zakonodatel'noe zakreplenie protsedury samodoprosa kak odno iz napravlenii dal'neishego reformirovaniya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Legislative consolidation of the procedure of self-interrogation as one of the directions for further reform of the criminal procedure legislation]. In: *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya* [Modern criminal procedure law of Russia – lessons of history and problems of further reform]. Orel.
 10. Shurukhnov N.G. (2022) Zapret razglasheniya svedenii, sostavlyayushchikh gosudarstvennuyu ili inuyu okhranyaemuyu federal'nym zakonom tainu, pri proizvodstve sledstvennykh deistvii s ispol'zovaniem videokonferentssvyazi [The prohibition of disclosure of information constituting a state or other secret protected by federal law, in the course of investigative actions using videoconferencing]. In: *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya* [Modern criminal procedure law of Russia – lessons of history and problems of further reform]. Orel.
 11. Solov'ev A.B. (2006) *Ochnaya stavka* [Confrontation]. Moscow.

УДК 342.9

DOI: 10.34670/AR.2023.40.30.056

К вопросу реализации административно-правового статуса сотрудников уголовного розыска в ходе оперативного задержания при раскрытии преступлений

Новодон Владимир Вадимович

Полковник полиции,
старший оперуполномоченный по особо важным делам,
21 отдела ГУУР МВД России;
адъютант,
Академия управления МВД России,
125993, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: novodon78@mail.ru

Аннотация

20 марта 2023 года в ходе ежегодной коллегии МВД России, Президент Владимир Владимирович Путин поставил ряд задач перед МВД. Так, по его словам, в России повысилась раскрываемость преступлений. Это один из показателей, которые удалось улучшить в 2022 году. Глава государства подчеркнул, что сегодня важно последовательно двигаться дальше, еще более решительно и жестко противодействовать преступности. Статья посвящена актуальным проблемным вопросам реализации административно-правового статуса (далее АПС) сотрудника уголовного розыска в ходе наступления завершающей стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанной с задержанием лица причастного к ранее совершенному преступлению. В ходе рассмотрения возможных путей их решения, а также при анализе предложенных подходов их решения, высказанными учеными науки об оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), автор резюмирует, что необходимо расширение полномочий сотрудников уголовного розыска, которые необходимо закрепить в законодательстве, регламентирующим профессиональную деятельность сотрудников полиции МВД России. Принятие предложенных в данном исследовании изменений в законодательстве, направленных на расширение АПС сотрудника ОУР, повлечет за собой повышение плодотворности его деятельности, что непосредственно скажется на выполнении задач, поставленных Президентом Российской Федерации.

Для цитирования в научных исследованиях

Новодон В.В. К вопросу реализации административно-правового статуса сотрудников уголовного розыска в ходе оперативного задержания при раскрытии преступлений // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 365-373. DOI: 10.34670/AR.2023.40.30.056

Ключевые слова

Оперуполномоченные уголовного розыска, оперативное задержание, административно-правовой статус, повышение эффективности, раскрытие преступлений, внесение изменений.

Введение

Невзирая на то обстоятельство, что Президент обратил внимание на раскрываемость преступлений, до настоящего времени в правовой системе Российской Федерации не содержится нормативно-правового закрепления терминологии раскрытие преступления, в связи с чем для его понимания необходимо руководствоваться мнением А.С. Ахмадулина. Так, он считает, что раскрытие преступления, это прежде всего деятельность, которая возникает при совершении неочевидного преступления и будет направлена на установление и задержание лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а равно деятельность осуществляемая в ходе расследования очевидного преступления, которая будет направлена на установление фактического местонахождения подозреваемого или обвиняемого, его розыск, а также доставление его к лицу, производящего расследование уголовного дела [Ахмадуллин, 2017, 45]. Он же дает определение, необходимое для понимания перечисленных им категорий преступлений, как неочевидное и очевидное.

По его мнению, принимая во внимание сложившуюся на протяжении длительного времени практику правоприменения к неочевидным преступлениям будут относиться, те преступления, когда органы предварительного расследования не располагают данными о лице совершившем преступление и для установления этого лица необходимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ).

Противоположность неочевидному преступлению, будет очевидное. К данной категории относятся преступления, по которым лицо его совершившие уже известно на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо, дело уже возбуждается в отношении лица [там же]. В ходе анализа статистических сведений содержащихся в ГИАЦ МВД России становится очевидным, что количество зарегистрированных, так называемых неочевидных преступлений превышает количество очевидных. Поэтому проведение комплекса ОРМ и следственных действий, направленных на их раскрытие обязательны. Причем выполнение ОРМ всегда будет первичным по отношению к следственным действиям, так как органы расследования осуществляют свои функции уже с установленными в ходе проведения ОРМ лицами причастными к преступлению.

Основная часть

В настоящее время максимальная численность сотрудников ОВД Российской Федерации равняется 922 061, но возможность проведения ОРМ предоставлена только исключительно некоторым представителям ОВД. Согласно перечня, утвержденного приказом МВД России от 19 июня 2012 года № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» полномочия на осуществление ОРД в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее Закон об ОРД) в первую очередь предоставлены сотрудникам подразделений уголовного розыска (далее ОУР). На основании положения о подразделениях ОУР, на федеральном, а также на региональном и районных уровнях, у данных сотрудников компетенция наиболее широка. Они принимают меры по установлению лиц, причастных к преступлениям, затрагивающим такие общественные отношения, как жизнь, здоровье, свобода чести и достоинства, половая свобода и половая неприкосновенность, собственность, общественная безопасность. Также ОУР принимает непосредственное участие в

противодействию преступлениям против семьи и несовершеннолетних.

Успешной работе сотрудников ОУР будет способствовать комплексность использования прав, предоставленных сотрудникам данного подразделения. Что само по себе требует подробной детализации. Так, целесообразно уточнить, что до настоящего времени не дано авторского определения АПС сотрудника ОУР, в связи с чем в качестве ориентирующих будут рассматриваться АПС сотрудников других подразделений ОВД. Так, А.А. Долгополов, исследуя в свое время проблематику несения службы сотрудниками лицензионно-разрешительной работы приводил следующее определение их АПС, как «совокупность норм, правил и различных требований, устанавливающих определенный порядок, «режим» деятельности указанных подразделений, возникающих в процессе обеспечения административно-правовых режимов, предметов и объектов разрешительной системы» [Долгополов, 2004, 40]. Также считаем немаловажным обратить внимание, что из большого количества авторских определений АПС непосредственно сотрудников ОВД, на наш взгляд, наиболее близким АПС сотрудника ОУР будет определение данное С.С. Касьянчиком, который предлагал понимать под АПС сотрудника ОВД закрепленную правовыми нормами систему взаимосвязанных, персонально не определенных административно-публичных полномочий, правовых ограничений, ответственности и гарантий правовой и социальной защиты сотрудника ОВД обусловленную содержанием деятельности реализации функций указанных органов в сфере правоохранительных и регулятивно-служебных общественных отношений [Касьянчик, 2016, 56].

Прежде чем подойти к формулированию АПС сотрудника ОУР, необходимо рассмотреть деятельность подразделений ОУР в МВД России. Так, МВД России представлено органами внутренних дел, которые включают в себя полицию, затем организациями и подразделениями, призванными решать задачи, а также реализовывать компетенцию, отнесенную к Министерству. В свою очередь, ОВД включает в себя как центральный аппарат Министерства, так и территориальные органы на различных уровнях. Также к ОВД относятся организации обеспечительного характера, а также иные организации и подразделения, которые специально созданы для выполнения задач, стоящих перед ними. ОУР в МВД России функционирует в центральном аппарате, непосредственно в структурной форме Главного управления уголовного розыска, а также территориальных ОВД на окружном, региональном и районных уровнях, в виде управлений уголовного розыска, отделов и отделений. Сложившейся принцип зонально-линейной работы сотрудников уголовного розыска непосредственно связан и с их структурным построением. Так, в соответствии с иерархичностью данных подразделений, основное место в структуре занимает главное управление уголовного розыска.

Несомненно, на структурное построение влияет оперативная обстановка на территории Российской Федерации, а именно те виды общественно опасных посягательств, квалифицированных, как преступления несущие непосредственные угрозы охраняемым правам населения. В связи с чем, в настоящее время ГУУР МВД России имеет следующую структуру: начальник ГУУР, пять заместителей, один из которых первый, шесть управлений по линиям противодействия преступным проявлениям и другим направлениям оперативно служебной деятельности, отделы делопроизводства и режима, а также кадровой работы. На наш взгляд, необходимо отдельно остановиться на управлениях, так как их функциональное построение является определяющим линейного принципа работы оперуполномоченных ОУР. Управление под номером один, это организационно аналитическое, второе, отвечает за организацию оперативно-разыскной деятельности, третье – по организации борьбы с преступлениями против

личности, четвертое по организации борьбы с преступлениями против собственности, пятое – по раскрытию преступлений и сопровождению уголовных дел, вызвавших большой общественный резонанс, шестое, УБОПОН – противодействующие организованной преступности.

Данное структурное построение является обязательным для нижестоящих подразделений уголовного розыска. Необходимо, однако, заметить, что, учитывая штатную численность сотрудников уголовного розыска в территориальных органах внутренних дел, фактически такая структура сохраняется только на региональных уровнях, на районном уровне в настоящее время реализовать линейно-зональный принцип работы практически не представляется возможным. В связи с чем на районном уровне подразделения уголовного розыска реализуют зональный принцип работы.

Организация работы подразделений уголовного розыска по зонально-линейному принципу работы непосредственно влияет на функциональные обязанности и предоставленные права сотрудников уголовного розыска. Так, деятельность сотрудника уголовного розыска, осуществляющего свою деятельность по линейному принципу работы, строится, помимо общих нормативно-правовых актов, регламентирующих административно-правовой порядок деятельности, регламентируется должностным регламентом, детализирующим конкретные виды преступлений, раскрытие которых входит в обязанность сотрудника. Также в регламенте приведены его права и обязанности, которыми он должен руководствоваться в ходе оперативно-служебной деятельности.

Относительно зонального принципа работы подразделений уголовного розыска, в этом случае регламент определяет тот участок местности, на котором ответственность за совершенные на нем преступления несет непосредственно закрепленный за ним сотрудник уголовного розыска. При данном подходе в организации работы, сотрудник обязан выстраивать взаимодействие с административными и правоохранительными органами, осуществляющими свою деятельность на обслуживаемой территории, что само по себе будет являться представительской функцией, что несомненно приведет к расширению обязанностей. Несомненно, основное место в системе подразделений осуществляющих непосредственное раскрытие преступлений занимают сотрудники уголовного розыска.

Функциональные обязанности, которых исключительно ориентированы на их раскрытие и пресечение. Также основную организующую функцию по их раскрытию выполняют данные сотрудники, естественно при непосредственном взаимодействии с представителями других подразделений. Необходимо также остановиться на месте и роли сотрудников подразделений уголовного розыска в системе органов внутренних дел при предупреждении преступлений. Данный вид деятельности регламентирован Приказом МВД России от 17.01.2006 №19 (ред. от 28.12.2021) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».

Перечень обязанностей сотрудников уголовного розыска, определенных данным приказом, характеризует их деятельность, которая непосредственно связана с противодействием преступлениям общеуголовной направленности, а также розыском лиц их совершивших. Несомненно, свою регламентацию получило и взаимодействие между подразделениями, а также порядок обмена информацией. Конечно же, вопросы выявления и предупреждения противоправных деяний указаны в качестве приоритетных для ОУР. Так, в п. 2.3. ч. 2 зафиксировано: установление лиц, осуществляющих приготовление к преступлению и (или) покушение на преступление, и принятие мер по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации. В Законодательстве РФ определено,

что уголовная ответственность будет наступать только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, а поэтому тот, кто к нему готовится будет вызывать особую угрозу. В связи с чем к вопросу документирования его противоправных деяний необходимо подходить с особой тщательностью, в том числе и их задержанию, но не задержания в порядке, предусмотренном уголовно процессуальным законом, выполняемого в кабинете сотрудником процессуальных подразделений, а задержания производимым самим сотрудником ОУР. Бесспорно, ОРМ, реализованные оперуполномоченными ОУР, являются инструментами для установления преступников, но их задержание не имеет регламентации ни в Законе об ОРД, ни в иных законодательных актах. Данное обстоятельство вскрывает сущность глубинного законодательного пробела, не имеющего правового решения на протяжении десятилетий.

Так, сотрудники полиции, к которым также относятся и сотрудники ОУР, имеют полномочия, предоставленные Федеральным законом Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О полиции» (далее закон о полиции) на задержание лиц подозреваемых в совершении преступлений, указание на данные права содержатся в статье 14 Закона о полиции, а именно в п. 1 ч. 2 ст. 14. Эта правовая норма является отсылочной, которая, в свою очередь ориентирует на порядок и срок данного задержания, предусмотренный уголовно процессуальным кодексом РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (далее УПК).

Так, п.1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ предоставляет право органу дознания задерживать лиц по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Очевидно, что приведенная норма относится к процессуальному задержанию, выполняемому дознавателями или следователям по уголовным делам находящихся у них. Произвести задержание, регламентированное ст. 91 УПК РФ, сотрудник подразделения ОУР не имеет полномочий, так как несмотря на закрепленную формально в законе такую норму, он не имеет непосредственное отношение к органам предварительного расследования.

Основным результатом оперативно-розыскных мероприятий, проведенных сотрудниками уголовного розыска, будет установление лица, совершившего преступление, однако на данной стадии фигурант не будет являться подозреваемым по смыслу статьи 46 УПК РФ. Так статья 46 УПК РФ закрепляет, что подозреваемым является лицо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ, либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ, или которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке установленной статьей 223.1 УПК РФ. Исходя из изложенного, лицо, установленное в ходе оперативно-розыскных мероприятий, как совершившее преступление не является подозреваемым и к нему нельзя применить задержание в соответствии с УПК РФ.

В связи с чем, сотрудник ОУР обязан руководствоваться только правами, предоставленными Законом о полиции, а именно пунктом 3 части 1 статьи 13, вызвать в полицию данное лицо по расследуемому уголовному делу. Ответ о добровольной явке данного лица в органы предварительного расследования будет очевиден. Решение данного проблемного вопроса непосредственно связано с АПС сотрудника ОУР. Так, по нашему мнению, под АПС сотрудника ОУР следует понимать, совокупность предоставленных прав и возложенных обязанностей на определенную категорию сотрудников ОВД, как правило регламентирующимися подзаконными нормативно-правовыми актами, а также должностным

регламентом (должностной инструкцией), призванными урегулировать, детализировать и упорядочить их негласный вид деятельности, непосредственно связанной с раскрытием неочевидных преступлений. В связи с чем целесообразно расширение полномочий в части проведения оперативного задержания в рамках прав, предоставленных им Законом о полиции полномочий.

Между тем, применение сравнительного метода имеющихся подходов на регламентацию задержания, проводимого на основании результатов оперативно-розыскной деятельности, выработанных учеными науки об оперативно-розыскной деятельности, позволит нам приблизиться к научному знанию по данному вопросу. Так, еще в 2014 году С.А. Чумаров справедливо обращал внимание, что в оперативно-розыскной науке отсутствует единое мнение о сущности задержания при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [Чумаров, 2014]. Часть исследователей склоняется к мнению, что задержание представляет собой ОРМ [Введенский, 2014], что требует соответствующего нормативного закрепления в ФЗ «Об ОРД». Согласно иному мнению, наряду с ОРМ в профессиональной сыскной практике применяются оперативно-розыскные меры, направленные на пресечение преступлений и задержания лиц, подготавливающего, совершающего или совершившего преступления, либо разыскиваемого по делу оперативного учета [Шумилов, 2004, 10].

Также сторонники этой точки зрения используют термин «захват», под которым понимается оперативно-розыскная мера пресечения, внезапное силовое задержание лица, совершившего преступление, разыскиваемого или изучаемого лица [Шумилов, 2007, 281] Учитывая все точки зрения ученых, Чумаров С.А. приходит к выводу, что основания, условия, порядок, пределы и иные аспекты применения этой принудительной процедуры априори должны регулироваться нормами ФЗ «Об ОРД» [Чумаров, 2014, 124] При этом альтернативные предложения законодательной регламентации, так называемого оперативного задержания им даже не рассматривались. Однако имеющийся опыт, основанный на длительном периоде практической деятельности в подразделениях уголовного розыска, а также проведенные наблюдения за деятельностью сотрудников уголовного розыска на различных уровнях позволяет не согласиться с Чумаровым С.А.

Так, по нашему мнению, под оперативным задержанием необходимо понимать, волевой акт применения установленных федеральным законодательством гласных ограничений прав и свобод лиц, в отношении которых имеются основания полагать о причастности их к совершенному неочевидному преступлению, выполняемый сотрудником уголовного розыска действующим в ходе реализации полномочий в сфере оперативно-розыскной деятельности. Ранее мы утверждали, что ОРМ это инструментальный посредством проведения которого устанавливаются лица причастные к преступлению, документируется их противоправная деятельность и как правило являются негласными.

В свою очередь, оперативное задержание это акт морально-силового подавления возможного сопротивления, пресечения возможных попыток скрыться и уничтожить доказательства по делу. Проведение негласного оперативного задержания, само по себе является нонсенсом. Задерживаемое лицо должно знать, кем и на основании чего оно задерживается. В связи с чем решение вопроса о законодательном регулировании оперативного задержания возможно исключительно путем внесения изменений в Закон о полиции. А основания и порядок проведения самого оперативного задержания необходимо изложить в НПА, утвержденного приказом МВД России.

Заключение

Принятие предложенных изменений в законодательстве, направленных на расширение АПС сотрудника ОУР, повлечет за собой повышение плодотворности его деятельности, что непосредственно скажется на выполнении задач, поставленных Президентом.

Библиография

1. Ахмадуллин А.С. Понятие «раскрытие преступления», «выявление преступления», «очевидное и неочевидное преступления», использованные при формировании официальной правовой статистики // Законность. 2017. № 9 (995). С. 45-48.
2. Введенский А.Ю. Законодательное закрепление новых оперативно-розыскных мероприятий – не необходимость, а реальность, продиктованная практикой // Российский следователь. 2014. № 5. С. 189-192.
3. Долгополов А.А. Административно-правовые и организационные основы деятельности подразделений лицензионно-разрешительной работы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 165 с.
4. Касьянчик С.С. Административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 249 с.
5. Приказ МВД России от 17.01.2006 №19 (ред. от 28.12.2021) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений».
6. Указ Президента России, от 5 декабря 2022 г. № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации».
7. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 25.08.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021).
8. Чумаров С.А. О правовом режиме задержания при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 121-125.
9. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. М., 2007. 394 с.
10. Шумилов А.Ю. Новая редакция оперативно-розыскного закона России: открытый проект. М., 2004. 32 с.

On the issue of implementation of the administrative and legal status of criminal investigation officers in the course of operational detention in the disclosure of crimes

Vladimir V. Novodon

Police Colonel,
Senior Detective for Especially Important Cases
of the 21st Department of the Main Directorate of Criminal Investigation
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Adjunct,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
125993, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str.,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: novodon78@mail.ru

Abstract

On March 20, 2023, during the annual board of the Ministry of Internal Affairs of Russia, President Vladimir Vladimirovich Putin set a number of tasks for the Ministry of Internal Affairs.

So, according to him, the crime detection rate has increased in Russia. This is one of the indicators that managed to improve in 2022. The head of state stressed that today it is important to consistently move on, to counteract crime even more decisively and harshly. The article is devoted to topical issues of the implementation of the administrative-legal status of a criminal investigation officer during the onset of the final stage of conducting operational-search activities related to the detention of a person involved in a previously committed crime. In the course of considering possible ways to solve them, as well as in the analysis of the proposed approaches to their solution, expressed by scientists of the science of operational-search activity, the author concludes that it is necessary to expand the powers of criminal investigation officers, which must be enshrined in legislation regulating professional activities police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The adoption of the amendments to the legislation proposed in this study, aimed at expanding the administrative and legal status of an employee, will entail an increase in the fruitfulness of his work, which will directly affect the fulfillment of the tasks set by the President of the Russian Federation.

For citation

Novodon V.V. (2023) K voprosu realizatsii administrativno-pravovogo statusa sotrudnikov ugolovnogo rozyska v khode operativnogo zaderzhaniya pri raskrytii prestuplenii [On the issue of implementation of the administrative and legal status of criminal investigation officers in the course of operational detention in the disclosure of crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 365-373. DOI: 10.34670/AR.2023.40.30.056

Keywords

Criminal investigation officers, operational detention, administrative and legal status, increasing efficiency, solving crimes, making changes.

References

1. Akhmadullin A.S. (2017) Ponyatie «raskrytie prestupleniya», «vyjavlenie prestupleniya», «ochevidnoe i neochevidnoe prestupleniya», ispol'zovannye pri formirovanii ofitsial'noi pravovoi statistiki [The concept of "disclosure of a crime", "detection of a crime", "obvious and non-obvious crimes" used in the formation of official legal statistics]. *Zakonnost'* [Legality], 9 (995), pp. 45-48.
2. Chumarov S.A. (2014) O pravovom rezhime zaderzhaniya pri osushchestvlenii operativno-rozysknoi deyatel'nosti [On the legal regime of detention in the implementation of operational-search activities]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4, pp. 121-125.
3. Dolgopolov A.A. (2004) *Administrativno-pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti podrazdelenii litsenzionno-razreshitel'noi raboty. Doct. Dis.* [Administrative-legal and organizational bases for the activities of divisions of licensing and permitting work. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Kas'yanchik S.S. (2016) *Administrativno-pravovoi status sotrudnika organov vnutrennikh del respubliki Belarus'. Doct. Dis.* [Administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies of the Republic of Belarus. Doct. Dis.]. Moscow.
5. *Prikaz MVD Rossii ot 17.01.2006 №19 (red. ot 28.12.2021) «O deyatel'nosti organov vnutrennikh del po preduprezhdeniyu prestuplenii»* [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 17, 2006 No. 19 (as amended on December 28, 2021) "On the activities of the internal affairs bodies to prevent crimes"].
6. Shumilov A.Yu. (2007) *Kurs osnov operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnyk dlya vuzov* [The course of the basics of operational-search activity: a textbook for universities]. Moscow.
7. Shumilov A.Yu. (2004) *Novaya redaktsiya operativno-rozysknogo zakona Rossii: otkrytyi proekt* [New edition of the operational-search law of Russia: an open project]. Moscow.
8. *Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 № 699 (red. ot 25.08.2021) «Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi*

Federatsii po sub"ektu Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021) [Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 (as amended on August 25, 2021) “On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation” (as amended and additional, effective from 09/01/2021)].

9. *Ukaz Prezidenta Rossii, ot 5 dekabrya 2022 g. № 878 «Ob ustanovlenii predel'noi shtatnoi chislennosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the President of Russia, dated December 5, 2022 No. 878 “On establishing the maximum staffing of the internal affairs bodies of the Russian Federation”].
10. Vvedenskii A.Yu. (2014) Zakonodatel'noe zakreplenie novykh operativno-rozysknykh meropriyatii – ne neobkhodimost', a real'nost', prodiktovannaya praktikoi [Legislative consolidation of new operational-search measures is not a necessity, but a reality dictated by practice]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 5, pp. 189-192.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Мифологема как инструмент исследования глубинной сущности серийного убийства

Мнацакян Людмила Александровна

Кандидат искусствоведения,
ведущий специалист-эксперт отдела по вопросам гражданства,
УВМ ГУ МВД России по Краснодарскому краю,
350020, Российская Федерация, Краснодар, ул. Коммунаров, 266;
e-mail: lmnatcakanian@mvd.ru

Цева Светлана Касимовна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Курбанова Елена Михайловна

Кандидат юридических наук, доцент,
завкафедрой административного и уголовного права,
Адыгейский государственный университет,
385016, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, 208;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Аннотация

В статье намечаются пути формирования опыта постановки проблемы рассмотрения серийного убийства сквозь призму мифологических представлений и расширения рамок подхода к допросной деятельности. Показано, что серийное убийство всегда совершается под действием возрастной регрессии (уход в прошлое), гипермнезии (наслоение, наплыв воспоминаний), и представляет собой некий итог внутреннего диалога убийцы со своим прошлым. Понятия «аффект» и «транс» в данном случае оказываются крайне близки, с той лишь разницей, что пролонгация во времени в состоянии аффекта сокращена. Конечно же, здесь не идет речь о том, что результаты психиатрических экспертиз следовало бы подвергать сомнению. Напротив, экспертиза дает научное медицинское подтверждение тому факту, что совершение убийства предполагает измененное состояние сознания, так или иначе концентрирующее внимание серийного убийцы. Конечно же, в рамках одной статьи невозможно полноценно продемонстрировать механизм функционирования обозначенного межпредметного синтеза. Тем не менее, в настоящей работе положено начало нового неординарного подхода к изучению некоторых вопросов, находящихся в уголовно-правовом поле.

Для цитирования в научных исследованиях

Мнацаканян Л.А., Цеева С.К., Курбанова Е.М. Мифологема как инструмент исследования глубинной сущности серийного убийства // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 374-381. DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Ключевые слова

Убийство, уголовное право, миф, архетип, ритуал, транс, трансовое действо, допрос.

Введение

Убийство как социальное явление неразделимо связано с историей не только человечества, но и животного мира, чем и определяется актуальность данной темы.

Обратившись к истории затронутого вопроса, можно обнаружить фиксацию феномена убийства в древних памятниках мифотворчества: от древнегреческой литературы до оплота христианской веры – Библии. Инстинкт убивать, присущий человеку первобытному и животным с целью сохранения собственной жизни, трансформировался, в результате длительного процесса эволюции, и у «человека «разумного» превратился в антисоциальное злонамеренное действо.

С одной стороны, нет ничего проще, чем понять, что такое убийство, с другой – убийство это сложный, многоуровневый (юридический, социальный, психологический, философский, культурный, нравственный, медицинский) феномен, имеющий разветвленную систему междисциплинарных связей. Особый интерес в контексте затронутой проблематики представляет серийное убийство.

Основная часть

Учеными данной теме уделено немало внимания, тем не менее, фундаментальных трудов, посвященных феномену серийного убийства, в которых бы освещался целостный подход к исследованию обозначенного вопроса практически не имеется. В этой связи может представлять теоретическую и практическую ценность опыт межпредметной интеграции.

Как известно, возможность соотношения науки и искусства, и, шире – культуры, в отечественной науке была предложена и подробно рассмотрена Ю.М. Лотманом, а позже Д.С. Лихачевым. Принимая во внимание подобный опыт, проанализируем следующие закономерности.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации определяет убийство как умышленное причинение смерти другому человеку [Есаков, 2022]. С юридической точки зрения дефиниция предельно ясна.

Тем не менее, обращаясь к уголовной практике, нам открывается только описанная фактами часть деяния, влекущего за собой ряд уголовно-процессуальных действий, в то время как за самим преступлением, на наш взгляд, скрыт глубинный культурный код, истинное понимание которого подразумевает, в свою очередь, обращение к мифу как воплощению «коллективного бессознательного» [Юнг, 1996].

Так, топографическая модель человеческой психики включает в себя три уровня:

Бессознательное. Это наиболее глубокая часть человеческой психики, состоит преимущественно из инстинктов и вытесненных воспоминаний. Оно отражено в мифе как

воплощении коллективной памяти рода, живущей в каждом человеке и транслируемой в архетипах и мифологемах как конкретном проявлении архетипа.

Предсознательное. Совокупность переживаний человека, восстанавливаемая волевым усилием. Состоит в основном из невостробованного в данный момент опыта.

Сознательное. Это переживания, осознаваемые в данный момент, достижение порядков, установленных социумом.

Касаемо мифа А.Ф. Лосев писал: «Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью» [Лосев, 2017]. Из данной цитаты следует, что миф, будучи инструментом передачи концептуальной информации, призван воплощать не только эстетические концепты, но также направлен и на отражение низменных человеческих пороков, и, следовательно, может «быть использован» с целью структуризации криминалистического аппарата (в широком смысле).

Сосредоточимся на пересечении понятий уголовно-правового поля и мифологического сознания. Необходимо отметить, что теория уголовного права в современной науке является самодостаточной и до настоящего момента не предполагала неординарных корреляций. Однако, представляет особый интерес попытка рассмотрения криминального деяния (феномена серийного убийства) в аспекте мифологического сознания с целью предложить типологию серийных убийц с точки зрения универсальной, на наш взгляд, бинарной позиции «мифологическое/внемифологическое» [Мнацакян, 2014] и обозначить возможные принципы организации допроса, опираясь на основные концепты коллективного бессознательного.

Как известно, мифологическое сознание транслирует собственные классификации явлений. В.Н. Топоров отмечал, что цель таких классификаций в выработке формального аппарата, дающего схемы группировок конкретных вещей, выявляющего их сходства и различия, определяющего вещную структуру вселенной, что закладывает предпосылки для нынешних и будущих содержательных интерпретаций. Классификации служат для упорядочивания мира и представлений о нем, таким образом, отвоевывают новые части хаоса и космологизируют его [Топоров, 1988].

Вещи и явления окружающего мира мифологическое сознание наделяет определенной символической значимостью. Явления получают своеобразную иерархию, на них накладываются социальные характеристики. Все значимые для человека вещи выступают реализацией некоторого мифологического замысла. Таким образом, мифологическая система ценностей определяет знаково-символический статус вещей, поступков людей, при котором, миф отражает систему протоморальных регулятивов и норм.

Сознание серийного убийцы в широком смысле не отличается от сознания человека «положительного» – убийца также сформирован в социуме, изначально имеет чувства, ощущения, привязанности, желания и т.п. При этом в каждом конкретном случае, в жизни каждого убийцы присутствует «зона слома», и, собственно, «точка слома», когда человек принимает сторону «тени». Согласно концепции архетипов К.Г. Юнга, тень, это «низший человек в нас», (архетип Тени, архетип Маски) в том числе агрессивные влечения и животный инстинкт. Моральное зло коренится в человеческой субъективности, оно неразрывно связано с индивидуальной виной, свободой и ответственностью. Это такое употребление специфических личностных способностей (прежде всего, сознания и воли), которое направлено на разрушение человека. В феномене морального зла происходит самоуничтожение человеческого в человеке, и, шире – дегуманизация общества.

Как известно, в философии Г.В. Лейбница моральное зло понято как дисгармония интеллектуальной и инстинктивной сторон психики. Зло начинается тогда, когда погоня за счастьем приводит к предумышленному попранию закона морали.

Согласно И. Канту, мы не способны полностью отбросить нормы морали или заменить ее другими, дурными нормами. Следовательно, радикальное зло имеет место тогда, когда мы признаем закон морали, но в то же время делаем исключение для самих себя. Существование зла по Бердяеву есть величайшая тайна жизни, при этом он всячески подчеркивает иррациональность природы зла и насилия.

В своих трудах Л.Н. Толстой дает три определения насилия: физическое пресечение, угроза убийства или убийство; внешнее воздействие; узурпация свободной воли человека. Таким образом, зло, являясь перманентным компонентом мироздания, транслировано в «ядро» человеческого сознания как механизм замедленного действия.

Обратимся к основополагающей структурной единице мифологического сознания – мифологеме. При том, что она, как правило, моделирует художественное пространство и, будучи предельно этноспецифичной (в отличии от абстрактного архетипа), позиционируется как частица анализа культурно-национальной картины мира, особый интерес может представлять опыт интеграции мифологемы в качестве инструмента рассмотрения феномена серийного убийства с позиции мифологической, вскрывающей глубинную сущность человека.

Остановимся подробнее на мифологических представлениях, отражающих мифологическую картину мира, а именно на сказке, как несомненном объекте детского первородного интереса серийного убийцы. Известные любому человеку персонажи – Баба Яга, Кощей Бессмертный, Кот Баюн, Соловей Разбойник, по сути, являются такими же убийцами, как и наш предполагаемый подследственный, воплощением архетипов Тени и Маски и, конкретнее, олицетворением мифологемы Зла. Каждому из них присущ когнитивно-поведенческий модуль, закрепленный в мифопоэтических представлениях, в случае, к примеру, Кота Баюна, и, проявившихся иррациональных представлений в период формирования личности – у подследственного.

Основная мысль данного предположения заключается в попытке рассмотреть глубинную сущность криминальной действительности, в данном случае на примере феномена серийного убийства, сквозь призму мифа (сказки), тем самым наметив пути формирования нового русла в вопросах изучения уголовного права. Апеллируя (возможно, при допросе) к образам и мыслеформам мифологического сознания, проецируя личность убийцы на персонаж русской сказки, погружая в образы детства, представляется возможным добиться снятия у обвиняемого состояния тревоги, переключить внимание, увести от намеченной им стратегии построения разговора, что в свою очередь может способствовать облегчению процесса следствия. При том, что допрос, безусловно, является технологически выверенным процессом, точечное воздействие через миф (сказку) на определенные мишени сознания убийцы, затрагивающее глубокие детские переживания, вероятно рассмотреть как интеграцию методов психологии, мифологии и криминалистики с точки зрения переосмысления направления допросной деятельности с заимствованием подходов.

Учитывая биологические и социальные детерминанты криминального поведения, нельзя не учитывать и роль акустической среды. Принимая во внимание тот факт, что допрос это одно из наиболее психологизированных следственных действий, в основе которого лежат личностные особенности реконструкции преступления, предполагаем, что для установления тесного психологического контакта следователя и серийного убийцы, получения максимально

качественной информации от обвиняемого с целью дальнейшего составления оперативного прогноза и повышения скорости и количества раскрываемости серийных убийств, можно делать акцент на преимущественно сильных звуковых раздражителях акустической среды, которые, как правило, прочно оседают в памяти (крик, вой, плач, стон и т.п.). Задавая вопросы о звуках, сопровождающих совершение преступления, следователь погружает убийцу в характерное состояние сознания, приближенное к тому «трансу», о котором будет упомянуто ниже.

Позволим себе не останавливаться здесь на существующих типологиях серийных убийц, однако отметим, что особый интерес представляет вопрос о том, отдает ли себе убийца отчет в своих действиях. В данном аспекте внимания заслуживает феномен транса. Являясь (в традиционных культурах) состоянием, позволяющим носителям культуры общаться, например, с духами предков, транс как состояние убийцы в конкретный момент времени, представляет собой изоляцию внимания от внешней среды посредством воспоминаний и звуков. Концентрация смещается во внутренние психические (часто психотические, с грубым искажением осознания происходящего) процессы (мысли, образы, воспоминания, представления) и происходит деструктивное конструирование субъективной реальности. При этом имеет место искажение восприятия времени, увеличение визуальных образов, ультрадианные (сверхкороткие) ритмы жизнедеятельности мозга, провоцирующие формирование в сознании убийцы «нового мира». Так, серийное убийство – это поведенческий акт, «замыкание» системы внешнего и внутреннего, сужение сознания, повышенная роль подсознания и бессознательных механизмов, и, как следствие, акт трансовый, так как транс активизирует ресурсы личности с помощью редукции жестких когнитивных ограничений, вследствие чего происходит реорганизация внутреннего опыта убийцы.

Серийное убийство чаще всего принято относить к преступлению, совершаемому на сексуальной почве (З. Фрейд, Р. Ресслер и др.). Безусловно, отрицать данное утверждение нельзя. Тем не менее, представляет интерес рассмотрение убийства через призму мифологического сознания, для которого транс является состоянием органичным [Мнацакян, 2014].

С точки зрения психологического и биологического механизма совершения убийства транс предполагается нами как константа вне зависимости от наличия либо отсутствия состояния аффекта. Здесь необходимо сделать акцент на том, что понятие «убийство в состоянии аффекта» и «убийство в состоянии транса» не равнозначны и не взаимоисключающие. С одной стороны, серийное убийство в состоянии аффекта совершено быть не может, так как аффект предполагает мгновенную и не подготовленную агрессивную реакцию на раздражающий фактор.

С другой – состояние аффекта, предполагающее вспышку ярости, реализуемую в лишении жизни «обидчика», не исключает транс, который подразумевает пролонгированное состояние сознания убийцы, имеющее «точку входа» – момент возникновения в памяти воспоминания, собственно убийство и момент выхода из измененного состояния сознания – эмоциональное охлаждение и возврат в реальное время и пространство. В данном случае аффект можно проследить только в момент именно убийства, то есть точно.

Заключение

Отсюда следует, что серийное убийство всегда совершается под действием возрастной регрессии (уход в прошлое), гипермнезии (наслоение, наплыв воспоминаний), и представляет собой некий итог внутреннего диалога убийцы со своим прошлым. Понятия «аффект» и «транс»

в данном случае оказываются крайне близки, с той лишь разницей, что пролонгация во времени в состоянии аффекта сокращена. Конечно же, здесь не идет речь о том, что результаты психиатрических экспертиз следовало бы подвергать сомнению. Напротив, экспертиза дает научное медицинское подтверждение тому факту, что совершение убийства предполагает измененное состояние сознания, так или иначе концентрирующее внимание серийного убийцы.

Конечно же, в рамках одной статьи невозможно полноценно продемонстрировать механизм функционирования обозначенного межпредметного синтеза. Тем не менее, в настоящей работе положено начало нового неординарного подхода к изучению некоторых вопросов, находящихся в уголовно-правовом поле.

Библиография

1. Есаков Г.А. (ред.) Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий. М.: Проспект, 2022. 848 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 320 с.
3. Мнацакяня Л.А. Темброакустическая модель как инструмент исследования фольклора и композиторского творчества: дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.
4. Мнацакяня Л.А. Темброакустическая модель как инструмент исследования фольклора и композиторского творчества: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2014. 26 с.
5. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 719 с.
6. Юнг К.Г. Воспомятая, сны, размышления // Дух и жизнь. М., 1996. С. 7-369.
7. Yaksic E., Hickey E. Killer data: Modern perspectives on serial murder. – Routledge, 2022.
8. Rezei Gelvardi A., Sadeghi A. Criminal investigation of serial murders: challenges and solutions //Journal of Legal Research. – 2023.
9. Fridel E. E., Fox J. A. The quantitative study of serial murder: Regression is not transgression //Aggression and violent behavior. – 2019. – Т. 44. – С. 24-26.
10. Gross M. Serial Murder and Media Coverage. – 2020.

Mythologeme as a tool for studying the deep essence of serial murder

Lyudmila A. Mnatsakanyan

PhD in History of Arts,
Leading Specialist-Expert of the Citizenship Department,
Migration Department of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory,
350020, 266, Kommunarov str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: lmnatsakanian@mvd.ru

Svetlana K. Tseeva

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: dzeeva@mail.ru

Elena M. Kurbanova

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Administrative and Criminal Law,
Adygea State University,
385016, 208, Pervomaiskaya str., Maikop, Russian Federation;
e-mail: elena-kurbanova@mail.ru

Abstract

The article outlines ways to form the experience of posing the problem of considering serial murder through the prism of mythological ideas and expanding the scope of the approach to interrogation activities. It is shown in this paper that serial murder is always committed under the influence of age regression (going into the past), hypermnesia (or layering, influx of memories), and is a kind of result of the killer's internal dialogue with his past. The concepts of "affect" and "trance" in this case are extremely close, with the only difference that the prolongation in time in the state of passion is reduced. Of course, this is not to say that the results of psychiatric examinations should be questioned. On the contrary, the examination provides scientific medical confirmation of the fact that the commission of a murder involves an altered state of consciousness, one way or another concentrating the attention of a serial killer. Of course, within the framework of one article it is impossible to fully demonstrate the mechanism of functioning of the indicated interdisciplinary synthesis. Nevertheless, this work marks the beginning of a new extraordinary approach to the study of some issues that are in the criminal law field.

For citation

Mnatsakanyan L.A., Tseeva S.K., Kurbanova E.M. (2023) Mifologema kak instrument issledovaniya glubinnoi sushchnosti seriinogo ubiistva [Mythologeme as a tool for studying the deep essence of serial murder]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 374-381. DOI: 10.34670/AR.2023.12.19.057

Keywords

Murder, criminal law, myth, archetype, ritual, trance, trance action, interrogation.

References

1. Esakov G.A. (ed.) (2022) *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi kommentarii* [Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Jung K.G. (1996) *Vospominaya, sny, razmyshleniya* [Memories, Dreams, Reflections]. In: *Dukh i zhizn'* [Spirit and Life]. Moscow.
3. Losev A.F. (2017) *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.
4. Mnatsakanyan L.A. (2014) *Tembroakusticheskaya model' kak instrument issledovaniya fol'klora i kompozitorskogo tvorchestva. Doct. Dis. Abstract* [The timbroacoustic model as a tool for the study of folklore and composer creativity. Doct. Dis. Abstract]. Rostov-on-Don.
5. Mnatsakanyan L.A. (2014) *Tembroakusticheskaya model' kak instrument issledovaniya fol'klora i kompozitorskogo tvorchestva. Doct. Dis.* [The timbroacoustic model as a tool for the study of folklore and composer creativity. Doct. Dis.]. Rostov-on-Don.
6. Toporov V.H. (1988) *Model' mira* [Model of the world]. In: *Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia in 2 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. Vol. 2.
7. Rezei Gelvardi, A., & Sadeghi, A. (2023). Criminal investigation of serial murders: challenges and solutions. *Journal of Legal Research*.
8. Yaksic, E., & Hickey, E. (2022). *Killer data: Modern perspectives on serial murder*. Routledge.

-
9. Fridel, E. E., & Fox, J. A. (2019). The quantitative study of serial murder: Regression is not transgression. *Aggression and violent behavior*, 44, 24-26.
 10. Gross, M. (2020). *Serial Murder and Media Coverage*.

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2023.51.45.058

Роль электронных доказательств в расследовании отдельных категорий преступлений

Рябова Оксана Васильевна

Следователь по расследованию экономических преступлений
и проявлений организованной преступности
Следственного отдела Отдела МВД России «Шатковский»;
Адъюнкт,
Нижегородская академия МВД России,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: ataeva.2013@inbox.ru

Аннотация

Одно из центральных мест в системе стадий отечественного уголовного судопроизводства по праву принадлежит стадии предварительного расследования, которая, к тому же, является одной из этапов досудебного производства. Именно на стадии предварительного расследования выполняются действия по собиранию, проверке и оценке доказательств. Настоящая статья посвящена исследованию значимости института «электронных доказательств» в контексте их использования в процессе раскрытия и расследования отдельных категорий преступления. Отмечается первостепенность явления «электронно-цифрового следа преступления», его двойственный характер и степень его влияние, оказываемого на процесс установления лица, виновного в совершении противоправного деяния. Раскрывается содержание форм, в рамках которых предстает электронное доказательство при осуществлении досудебного производства по уголовным делам, возбужденным по экономическим преступления и по преступления общеуголовной направленности. Освещается практический аспект процессуального оформления обнаруженных и изъятых следов преступлений, пребывающих и функционирующих в цифровом пространстве. Автор призывает обратить внимание на сформированные уголовно-правовой и уголовно-процессуальной доктриной тенденции необходимости регулирования института «электронных доказательств» на законодательном уровне в целях эффективного раскрытия преступлений и улучшения качества расследования уголовных дел.

Для цитирования в научных исследованиях

Рябова О.В. Роль электронных доказательств в расследовании отдельных категорий преступлений // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 382-391. DOI: 10.34670/AR.2023.51.45.058

Ключевые слова

Уголовный процесс, электронное доказательство, уголовно-процессуальное право, уголовное право, категория преступлений, киберпреступления, электронно-цифровой след преступления, экономические преступления, электронный документ, общеуголовные преступления.

Введение

Одно из центральных мест в системе стадий отечественного уголовного судопроизводства по праву принадлежит стадии предварительного расследования, которая, к тому же, является одной из этапов досудебного производства. Именно на стадии предварительного расследования выполняются действия по собиранию, проверке и оценке доказательств, соотносящиеся с утвержденным действующим Уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию, и, представляющих значимость для разрешения уголовного дела по существу. Их наличие подтверждает факт совершения преступления, способствует изобличению виновного лица его совершившего, а также формирует основу обвинения, после которого определяется дальнейший ход расследования уголовного дела, его движение в соответствующих инстанциях, и, соответственно, принятия итогового судебного решения.

Будучи частью уголовно-процессуального права, которая содержит в себе совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих цель доказывания, порядок собирания, проверки, оценки доказательств и их использования для обоснования выводов по расследуемому делу, доказательственное право в теоретическом аспекте трактуется как часть науки уголовного процесса, которая изучает методологические и правовые основы доказывания [Григорьев, Победкин, Яшин, 2008, 159; Лазарева, 2014, 10]. Отечественному доказательственному праву, как с точки зрения единой взаимосвязанной системы, так и в контексте рассмотрения отдельных его институтов, уделяется достаточное внимание в уголовно-процессуальном праве. Ввиду того, что императивными для исполнения правоприменителями являются нормы уголовно-процессуального закона, представляется необходимым остановиться на них более подробно.

Основная часть

Не останавливаясь на анализе положений действующего УПК РФ, регулирующих систему доказательственного права, в качестве одного из имеющихся видов доказательств законодатель называет вещественные доказательства, уникальность которых определяется наличием физических свойств и исключительности обладаемой правовой природой.

В последнее время в научных кругах ведутся дискуссии о целесообразности законодательного закрепления института «электронных доказательств» двумя способами: посредством его включения в систему вещественных доказательств, поскольку содержание электронного доказательства может находиться только на определенном материальном носителе, или официальным регулированием последнего в качестве самостоятельного института уголовного процесса. В силу высокого уровня информатизации современного общества, наблюдаемого в последнее время, институт «электронных доказательств» доказал свою потребность. Вопреки отсутствию официального регулирования в отечественном уголовно-процессуальном законе, его существование убедило ряд исследователей в своей значимости и необходимости использования в ходе раскрытия и расследования как отдельной категории преступлений, непосредственно связанных с использованием компьютерных и иных информационно-телекоммуникационных технологий, так и иных противоправных деяний.

Вследствие чего, представляется логичным начать с исследования той категории

преступлений, которые совершаются в сфере цифрового пространства и которые непосредственно связаны с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, теория уголовного права называет такие противоправные деяния «киберпреступлениями», которые регламентируются в законе главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – «Преступления в сфере компьютерной информации». В контексте их анализа, особое внимание следует уделить двойственности природы виртуальных следов, которая характеризуется двумя основополагающими критериями: наличием у объекта, содержащего в себе электронную информацию, физического свойства, и, наличием у лица, ее анализирующего, специальных познаний в области информационно-телекоммуникационных технологий [Вершицкая, 2022].

Нет сомнений относительно достоверности высказанной позиции, поскольку, учитывая специфический характер сведений, пребывающих в цифровом пространстве, а также их сохранность и способность к воспроизведению, копированию или иному действию, которые невыполнимы без их нахождения на соответствующем электронном носителе. Вместе с тем, нуждается в уточнении то обстоятельство, что вид предмета, содержимое которого будет включать в себя соответствующие данные, не имеет значения, так как в каждом отдельном случае выбор материального носителя индивидуален, и определяется должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование. На практике, в случае, когда исследуемая информация обладает большим объемом, или, ее перенос на бумажный носитель не представляется возможным, то, по окончании осмотра, принимается решение о помещении сведений на соответствующий электронный носитель (к примеру, на жесткий диск), после чего, при наличии оснований полагать, что полученные сведения представляют значимость для расследования уголовного дела, последние признаются и приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. В качестве доказательства признается информация, полученная из цифрового пространства, и, помещенная на электронный носитель. В действительности, указанные данные обозначают не столько вещественное, сколько электронное доказательство, однако, ввиду отсутствия его нормативно-правовой регламентации в отечественном уголовно-процессуальном законе, остается лишь воспринимать его как вещественное, дабы не утратить ценность его содержания.

Рассуждая на тему значимости электронных доказательств в процессе расследования киберпреступлений, имеет смысл проанализировать категорию «виртуальных», «электронно-цифровых», «информационных» и «компьютерных» следов преступлений, которые, фактически, отождествляются с сущностью электронного доказательства, и которые, имеют первостепенную важность при расследовании преступлений такого рода.

При изучении данного вопроса следует обратиться к предложенной Колычевой А.Н. дефиниции, которая относит рассматриваемый след преступления к невидимому материальному следу, именуется «электронно-цифровым» и определяет его как «криминалистически значимую информацию, выраженную посредством электромагнитных взаимодействий или сигналов в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, в результате создания определенного набора двоичного машинного кода либо его преобразования, выразившегося в модификации, копировании, удалении или блокировании, зафиксированную на материальном носителе, без которого не может существовать» [Колычева, 2019, 25].

Формулировка вышеприведенного термина весьма удачна, поскольку детально отражает

сущность рассматриваемого следа, его структурные компоненты и назначение. Но, вместе с тем, представляется возможным частично видоизменить ее в некоторых аспектах, предложив тем самым иную редакцию рассматриваемого понятия. Так, использование словосочетания «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» будет более удачным, так как предложенный термин более многогранен, и с учетом его структурного содержания, уже включает в себя упомянутую ранее «компьютерную технику».

Выделяя из вышеприведенного понятия основные характеристики, необходимо расставить акценты на следующих признаках. Во-первых, это вид информации, которая отличается узконаправленным характером, в силу чего, охватывает определенный спектр воздействия. Во-вторых, сфера ее пребывания, которой принято информационное поле, электронное пространство или виртуальную среду пребывания. В-третьих, особый порядок функционирования, выражающийся в особенностях ее изъятия и хранения. В-четвертых, использование специальных познаний в процессе изучения данных, сопровождаемое участием специалиста, которое может быть как обязательным, ввиду необходимости особенных познаний; так и нет, когда субъект уголовно-процессуальной деятельности может обойтись без привлечения какой-либо помощи извне.

Что касается построения плана расследования таких преступлений, необходимо отметить многообразие подходов в теории уголовно-процессуального права относительно их раскрытия и расследования. В научном кругу исследователями предлагается двухуровневый алгоритм работы с выявленными преступлениями, где первый этап включает в себя деятельность по обнаружению местоположения устройства посредством вычисления его ip-адреса, имеющегося у любого технического средства, с использованием которой было совершено противоправное деяние, и, соответственно, лица его применяющего в процессе совершения преступления. Второй этап охватывает процесс анализа обнаруженного цифрового следа: изучение его сущности и содержания, места его пребывания, процесса его считывания и иных характеристик, с помощью которых представляется возможным выявить искомую информацию [Тарасов, Санников, 2022]. Однако, предложенные алгоритмы являются весьма условными, так как на практике субъект доказывания зачастую сталкивается с ситуацией, когда выследить ip-адрес устройства, с использованием которого было совершено преступление, не представляется возможным, к примеру, из-за его нахождения за пределами Российской Федерации. Так, детальному изучению электронно-цифровых следов предшествует производство ряда следственных действий, выполнение осуществляется как в ходе проведения проверочных мероприятий, так и после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Среди обязательно проводимых следует выделить осмотр (места происшествия, предметов и документов) и проведение судебной экспертизы.

Разрабатывая методику расследования киберпреступлений, учеными отмечается рациональность незамедлительного назначения компьютерно-технической экспертизы в целях сохранения сведений, содержащихся на изъятом предмете [Егерова, Коломинов, Сизова, 2018]. Проведение экспертизы по уголовном делу представляет собой один из важнейших этапов в ходе расследования уголовного дела, поскольку в процессе ее осуществления подтверждается подлинность обнаруженных и изъятых следов преступления, а также устанавливается степень их значимости для изобличения лица, виновного в совершении инкриминируемого ему деяния.

В данный момент и возникает острая потребность в привлечении к процессу расследования специалистов, обладающих соответствующими специфическими познаниями в изучаемой

сфере. Процессуальное оформление его участия осуществляется следователем, однако, к сожалению, законодательно, данный вопрос подробно не регламентируется. На сегодняшний день уголовно-процессуальные нормы не называют строго определенную процедуру привлечения специалиста, организацию его деятельности, а также процесс построения работы в зависимости от специфики следа преступления, представленного для проведения исследования. С учетом прав, предоставленных эксперту буквой закона, его главная задача заключается в изучении и детальном анализе механизма взаимодействия следов и его осуществлении в конкретных ситуациях. Соответственно, именно в ходе проведения компьютерно-технической экспертизы становится возможным определить цифровые (виртуальные) следы криминальной деятельности, реализуемой конкретным лицом в сети Интернет [Сысенко, Смирнова, Тимошенко, 2020].

С учетом уникальности цифрового пространства, в рамках которой формируются и функционируют уголовно-процессуальные отношения, только электронно-цифровой след преступления, признанный в последующем электронным доказательством по уголовному делу, будет являться прямым и одним из основополагающих доказательств, подтверждающих виновность лица, совершившего киберпреступление. В силу своих исключительных качеств, электронное доказательство имеет потенциальное преимущество по сравнению с другими доказательствами, поэтому доказательства может оказать реальное содействие в борьбе с распространяющимися формами преступности и способами, применяемыми при совершении преступлений. И, если бы, киберпреступления являлись бы единственной категорией преступлений, в процессе работы с которыми возникали проблемные вопросы как относительно нормативно-правовой регламентации, так и практики их применения, отечественному уголовно-процессуальному праву было бы намного легче.

Затронувшие все сферы жизни современного общества результаты технологического прогресса наложили свой отпечаток и на процедуру раскрытия и расследования иных категорий преступлений. На данный момент, наиболее часто совершаемыми и, к сожалению, в большинстве случаев, остающимися в статусе «расследуемых в условиях неочевидности», являются преступления, совершенные против собственности. Из закрепленных действующим УК РФ, наиболее подходящими для использования в качестве примеров являются определенные виды мошенничеств, в частности, мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 169.6 УК РФ). Кроме озвученных преступных деяний к представленному списку также следует отнести кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Диспозиции вышеназванных статей тем или иным образом содержат в себе термины «электронный», «компьютерный», что, само собой, указывает на специфику совершения указанных преступлений. Не углубляясь в изучение объективной стороны каждого из названных составов, обращается внимание что помимо того, что их объекты и предметы являются смежными, также они в той или иной степени неразрывно существуют с информационным пространством или электронной средой, что в очередной раз подтверждает особый порядок обнаружения, фиксации и исследования полученных в ходе расследования сведений, признанных впоследствии доказательствами по уголовному делу.

В отличие от преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, рассматриваемая категория преступлений соотносится с терминами «банковский счет»,

«банковская карта» и «платежная система». Банковский счет и платежная система являются по своей природе виртуальными системами, которые пребывают и функционируют в цифровом пространстве. В то время как законодательной конструкции «банковского счета» посвящен целый параграф Гражданского кодекса Российской Федерации, ни одна из представленных диспозиций не разъясняет значение рассматриваемого термина, в отличие от доктрины, которая вполне обоснованно объясняет его содержание. Так, под банковским счетом принято понимать документ (лицевой счет), оформление которого кредитной организацией на определенное лицо (клиента, владельца счета) является составной частью предмета заключенного между ними договора банковского счета, который предназначен для отражения денежных обязательств кредитной организации перед этим лицом [Курбатов, 2007]. При этом, банковский лицевой счет существует, как и в электронном формате, так как располагается в соответствующей цифровой базе, так и представлен в бумажном формате, поскольку является результатом заключения договора. Однако, принимая во внимание, что договор банковского счета содержит в себе конфиденциальную информацию о личных персональных данных его держателя, и в качестве предмета преступного посягательства банковский счет отождествляется с электронной формой, исследуется посредством применения цифровых технологий, в связи с чем, его по праву можно считать полноценным электронным доказательством.

С платежной системой ситуация обстоит куда сложнее. Действующее российское законодательство определяет национальную платежную систему как совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры (субъекты национальной платежной системы). Всевозможные виды эксплуатируемых в настоящее время платежных систем стали реальностью по причине непрерывного совершенствования в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что, обусловило своевременность и эффективность их применения. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что некоторые используют просторы информационного поля и продукты цифровых технологий не во благо, а для достижения преступных целей. В связи с чем, при расследовании преступлений, совершенных с использованием банковского счета и платежной системы, априори, следует говорить о наличии и детальном исследовании электронных доказательств как основополагающих следов преступления, подтверждающих преступное воздействие на чью-либо собственность.

В отличие от банковского счета и платежной системы, банковская карта признается и приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства, поскольку, будучи, платежным инструментом, представлена в виде предмета, обладающего физическими характеристиками, который представляется возможным изучить наглядно. Это подразумевает под собой его изъятие, осмотр, принятие мер к обеспечению его целостности и сохранности, а также последующее решение вопроса о месте хранения, что, в свою очередь, приравнивает банковскую карту к статусу привычного «вещественного доказательства».

Безусловно, организация работы по исследованию предоставляемых предметов для субъектов доказывания (следователя или дознавателя) не представляет труда в контексте получения искомой информации, которая содержится в анализируемых системах в виду отсутствия необходимости в привлечении специалистов для их анализа, поскольку сведения

изложены в стандартном виде (данные, которые содержатся на бумажном носителе; таблицы в формате docx, excel, хранящиеся на цифровом диске), и не представляют сложности для восприятия и последующего анализа. Примером таких сведений могут служить как выписка о движении денежных средств по банковскому счету банковской карты лица, в отношении которого были совершены преступные мошеннические действия, подтверждающая факт несанкционированного списания денежных средств потерпевшего, так и телефонные соединения абонентского устройства, представленные в виде детализации абонентского номера, которая свидетельствует о контакте, произошедшем между потерпевшим и лицом, подозреваемым в совершении конкретного преступления.

При рассмотрении вопроса об использовании электронных доказательств в расследовании экономических преступлений принято говорить о такой их разновидности как электронный документ [Яковлев, 2005]. В конкретном случае, именно электронный документ демонстрирует сосредоточение в одном файле больших объемов конкретной информации финансового характера, которая содержит в себе соответствующие сведения, имеющие значение для расследования преступления. К числу таких сведений следует отнести данные об открытых расчетных счетах, принадлежащих физическим и юридическим лицам, данные о движении по ним денежных средств, а также всевозможные электронные базы данных [Жуланов, Ищенко, 2007].

Относительно процессуального порядка признания последних доказательствами по уголовному делу, следует отметить, что на начальном этапе, процедура обнаружения, фиксации и последующего исследования выявленных электронно-цифровых следов преступлений аналогична анализу следов, изучаемых при раскрытии иных общественно-опасных деяний, поскольку зачастую они предоставляются по окончании проведения оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в рамках первоначальной проверки, и, уже в последующем, на стадии предварительного расследования, решается вопрос об их пригодности и легитимности в качестве подтверждения виновности субъекта преступления [Переверзева, Комов, 2022]. Эта разновидность преступлений была выбрана неслучайно, так как особо-сложные по способу совершения преступления, большинство из них совершается с обязательным использованием электронных доказательств, которые, либо являются средствами совершения преступления, либо осуществляют вспомогательную процессуальную функцию в процессе их расследования.

Кратко изучив и проанализировав основные аспекты, раскрывающие порядок применения электронных доказательств при раскрытии киберпреступлений, преступлений против собственности, а также экономических преступлений, нельзя не отметить их предопределяющую роль, которую они играют в процессе доказывания на различных этапах уголовного процесса. Озвученные противоправные деяния объединяет то, что в целях реализации полноценного, всестороннего и эффективного расследования преступлений возникла необходимость в активном применении электронно-цифровых следов, формирующих полноценную доказательственную базу, обеспечивающую не только выполнение функции разрешения уголовного дела по существу, но и реализацию поставленных перед уголовным судопроизводством задач. Существующее в настоящее время многообразие их побуждает общество к их дальнейшему изучению, а также к поиску и созданию новых информационно-телекоммуникационных технологий, отвечающих последним стремлениям социума.

Заключение

Любое анализируемое явление многогранно, и, подобно медали, имеет противоположные друг другу стороны. Также и результаты, получаемые в процессе его применения, могут быть использованы, как со злым умыслом, так и во благо человечества. И, рассматривая право, как одну из важных сфер его жизнедеятельности, перед нами как исследователями стоит задача, суть которой заключается в преобразовании результатов информационного прогресса в инструменты, которые будут являться либо полноправными и полноценными институтами своих отраслей или же играть роль вспомогательных средств, направленных на содействие в достижении намеченных целей в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности. В качестве такого института и может быть представлен феномен «электронных доказательств», призванный в сложившихся условиях облегчить реализацию процесса доказывания по уголовным делам различных категорий на конкретных этапах уголовного судопроизводства. Только законодательное подспорье в виде регламентации процессуального порядка оформления, изъятия, исследования и последующего определения судьбы доказательства такого рода будет способствовать стремительному раскрытию преступления, эффективному расследованию уголовного дела и постановлению соответствующего судебного решения. Вследствие чего, законодателю лишь остается внять веяниями доктрины и принять верное и аргументированное решение о включении в действующий УПК РФ понятия «электронных доказательств», воплотив при этом в жизнь замысел теоретиков, и, тем самым, существенно облегчив практическую деятельность правоприменителей.

Библиография

1. Вершицкая Г.В. Возможности использования виртуальных следов в ходе расследования киберпреступлений // Вестник Поволжского института управления. 2022. Том 22. № 2. С. 17-23.
2. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М.: Эксмо, 2008. 832 с.
3. Егерова О.А., Коломинов В.В., Сизова М.С. Некоторые вопросы методики расследования киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. Выпуск 4 (22). С. 24-32.
4. Жуланов В., Ищенко Е. Использование баз данных в расследовании экономических преступлений // Законность. 2007. № 10. С. 25-28.
5. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 199 с.
6. Курбатов А.Я. Разграничение банковских счетов со смежными понятиями: критерии и значение // Банковское право. 2007. № 4. С. 5-13.
7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2014. 359 с.
8. Переверзева Е.С., Комов А.В. Особенности предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в виде компьютерных следов органу предварительного расследования по экономическим преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 98-104.
9. Сысенко А.Р., Смирнова И.С., Тимошенко С.Е. Проблемы назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 4. С. 524-533.
10. Тарасов А.В., Санников Д.И. Криминалистические аспекты использования следов киберпреступлений как доказательства в суде при рассмотрении уголовных дел // Молодой ученый. 2022. № 33 (428). С. 104-106.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 25 марта 2022 г.) (с изм. и доп., вступил в силу с 19.05.2022).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 12 ноября 2018) (с изм. и доп., вступил в силу с 18.03.2023).
13. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (редакция от 03.07.2019).
14. Яковлев А.Н. Электронные документы как доказательства при расследовании экономических и налоговых преступлений // Вестник МВД России. 2005. № 4 (80). URL: <https://www.lawnow.ru/articles/law/430-2009-12-26-14-03-56/>

The role of electronic evidence in the investigation of certain categories of crimes

Oksana V. Ryabova

Investigator for the Investigation of Economic Crimes
and Manifestations of Organized Crime,
Shatkovsky Investigative Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Adjunct,
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia,
603950, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhniy Novgorod, Russian Federation;
e-mail: ataeva.2013@inbox.ru

Abstract

One of the central places in the system of stages of domestic criminal proceedings rightfully belongs to the stage of preliminary investigation, which, moreover, is one of the stages of pre-trial proceedings. It is at the stage of preliminary investigation that actions are taken to collect, verify and evaluate evidence. This article is devoted to the study of the significance of the institution of "electronic evidence" in the context of their use in the process of disclosure and investigation of certain categories of crime. The primacy of the phenomenon of "electronic-digital trace of a crime", its dual nature and the degree of its influence on the process of identifying a person guilty of an unlawful act are noted. The content of the forms within which electronic evidence is presented in the course of pre-trial proceedings in criminal cases initiated for economic crimes and general criminal offenses is disclosed. The practical aspect of the procedural registration of the detected and seized traces of crimes that reside and function in the digital space is consecrated. The author calls to pay attention to the trends formed by the criminal law and criminal procedure doctrine of the need to regulate the institution of "electronic evidence" at the legislative level in order to effectively solve crimes and improve the quality of the investigation of criminal cases.

For citation

Ryabova O.V. (2023) Rol' elektronnykh dokazatel'stv v rassledovanii otdel'nykh kategorii prestuplenii [The role of electronic evidence in the investigation of certain categories of crimes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 382-391. DOI: 10.34670/AR.2023.51.45.058

Keywords

Criminal process, electronic evidence, criminal procedural law, criminal law, category of crimes, cybercrimes, electronic digital trace of a crime, economic crimes, electronic document, ordinary crimes.

References

1. Egereva O.A., Kolominov V.V., Sizova M.S. (2018) Nekotorye voprosy metodiki rassledovaniya kiberprestuplenii [Some questions of the methodology for investigating cybercrimes]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i*

-
- kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings], 4 (22), pp. 24-32.
2. *Federal'nyi zakon ot 27.06.2011 № 161-FZ «O natsional'noi platelyznoi sisteme» (redaktsiya ot 03.07.2019)* [Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 "On the National Payment System" (as amended on July 3, 2019)].
 3. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. (2008) *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. Moscow: Eksmo Publ.
 4. Kolycheva A.N. (2019) *Fiksatsiya dokazatel'stvennoi informatsii, khranyashcheysya na resursakh seti «Internet»*. *Doct. Dis.* [Fixing evidentiary information stored on the resources of the Internet. Doct. Dis.]. Moscow.
 5. Kurbatov A.Ya. (2007) Razgranichenie bankovskikh schetov so smezhnymi ponyatiyami: kriterii i znachenie [Differentiation of bank accounts with related concepts: criteria and meaning]. *Bankovskoe pravo* [Banking law], 4, pp. 5-13.
 6. Lazareva V.A. (2014) *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurait Publ.
 7. Pereverzeva E.S., Komov A.V. (2022) Osobennosti predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v vide komp'yuternykh sledov organu predvaritel'nogo rassledovaniya po ekonomicheskim prestupleniyam [Features of presenting the results of operational-search activity in the form of computer traces to the body of preliminary investigation on economic crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3 (95), pp. 98-104.
 8. Sysenko A.R., Smirnova I.S., Timoshenko S.E. (2020) Problemy naznacheniya i proizvodstva sudebnoi komp'yuterno-tekhnicheskoi ekspertizy [Problems of Appointment and Production of Forensic Computer-Technical Expertise]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 17, 4, pp. 524-533.
 9. Tarasov A.V., Sannikov D.I. (2022) Kriminalisticheskie aspekty ispol'zovaniya sledov kiberprestuplenii kak dokazatel'stva v sude pri rassmotrenii ugolovnykh del [Forensic aspects of using traces of cybercrime as evidence in court when considering criminal cases]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 33 (428), pp. 104-106.
 10. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 goda № 174-FZ (v red. ot 25 marta 2022 g.) (s izm. i dop., vstupil v silu s 19.05.2022)* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 25, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on May 19, 2022)].
 11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ (v red. ot 12 noyabrya 2018) (s izm. i dop., vstupil v silu s 18.03.2023)* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 12, 2018) (as amended and supplemented, entered into force on March 18, 2023)].
 12. Vershishchkaya G.V. (2022) Vozmozhnosti ispol'zovaniya virtual'nykh sledov v khode rassledovaniya kiberprestuplenii [Possibilities of using virtual traces in the course of investigating cybercrime]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 22, 2, pp. 17-23.
 13. Yakovlev A.N. (2005) Elektronnyye dokumenty kak dokazatel'stva pri rassledovanii ekonomicheskikh i nalogovykh prestuplenii [Electronic documents as evidence in the investigation of economic and tax crimes]. *Vestnik MVD Rossii* [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4 (80). Available at: <https://www.lawnow.ru/articles/law/430-2009-12-26-14-03-56/> [Accessed 06/06/2023]
 14. Zhulanov V., Ishchenko E. (2007) Ispol'zovanie baz dannykh v rassledovanii ekonomicheskikh prestuplenii [The use of databases in the investigation of economic crimes]. *Zakonnost'* [Legality], 10, pp. 25-28.
-

УДК.343.8

DOI: 10.34670/AR.2023.41.75.059

Понятие, социально-правовая сущность и причины коррупции в российском государстве

Майстренко Григорий Александрович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Открытый гуманитарно-экономический университет;
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

Аннотация

Автор в статье обращает внимание на определении понятия, выделении юридических свойств и обосновании социальной, а также юридической сущности коррупции. Особое внимание в рассматриваемой проблеме уделено особенностям проявления, причинам возникновения и существования (не смотря на проводимую государством антикоррупционную политику) коррупции в России. В ходе исследования данного вопроса уделено работам ученым-исследователям по вопросам коррупции в различное время существования государства и отношение общества к данной проблеме. Уровень общественной опасности коррупции существенно повышается в ситуации ее взаимосвязи с новыми угрозами национальной безопасности, исходящих, в частности, от терроризма, экстремизма и усиленных глобальным экономическим кризисом и нарушением геополитического равновесия. Резюмируя изложенное, можно определить коррупцию как социально негативное, противоправное явление характеризуется подкупом и продажностью государственных, муниципальных и иных чиновников (служащих) и по этой причине корыстно мотивированным использованием ими своих официальных служебных полномочий в личных, корпоративных (узкогрупповых) интересах или интересах третьих лиц.

Для цитирования в научных исследованиях

Майстренко Г.А. Понятие, социально-правовая сущность и причины коррупции в российском государстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 392-399. DOI: 10.34670/AR.2023.41.75.059

Ключевые слова

Коррупция, государство, власть, преступность, злоупотребление служебным положением, подкуп, корысть, преференции, обогащение, преимущества.

Введение

Зарождение и развитие государства с его политической, социально-экономической системами на всех этапах существования человеческой цивилизации сопровождалось попытками незаконного обогащения, злоупотребления правом и властью. И все эти социально узнаваемые формы поведения так или иначе сходятся в едином понятии коррупции.

Коррупция (от лат. *corruptere* – «растлевать», лат. *corruptio* – «подкуп, продажность; порча, искажение, разложение; растление») – термин, обычно обозначающий злоупотребление служебным положением и доверенными правами в личных целях [Кураков, 2004, 368].

Продажность и подкуп в качестве обязательных «спутников» коррупции упоминаются в международных нормативных документах и внутригосударственном законодательстве.

Другим компонентом коррупции выступает корысть в открытой или завуалированной форме (преференции, обогащение, особые условия служебной или трудовой деятельности, преимущества, финансовое благополучие и т.п.). Не случайно в пособии «Системы общегосударственной этики поведения», разработанном и представленном на нескольких языках общественной организацией «ТранспаренсиИнтернейшнл» (Международная гласность) коррупция позиционируется как «такой образ действия государственных служащих, когда они вопреки нормам закона и морали обогащаются сами и способствуют обогащению своих приближенных путем злоупотребления властью, которою они наделены» [Поуп, 1996, 20].

Основная часть

Властные (служебные, статусные) полномочия и доверенные (определяющие круг профессиональных возможностей и перспектив) должностному лицу право предоставлять собой гарантированную государством и урегулированную законом и иными нормативными правовыми актами (в т.ч. – ведомственными) его возможность поступать определенным образом в соответствии с профессионально-этическими установками и официальным статусом. Основной сдерживающий фактор подобной ситуации – требование не нарушать закон, не противопоставлять при оценке своих возможностей личные интересы публичным.

Многие проблемы, связанные с теоретическим осмыслением феномена коррупции и эффективностью противодействия данному явлению обусловлены отсутствием официально принятого канонического определения указанного понятия [Землин, 2023, 34].

Исследованию причин, условий и факторов, обеспечивающих существование коррупции посвящены исследования в самых различных отраслях знания: философии, социологии, права, экономики. Истоки обоснования государственной деятельности в сфере обнаружения и искоренения коррупционных проявлений во власти отражены в трудах философов Древности. В частности, Аристотель утверждал: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [Аристотель, www].

Макиавелли рассматривал коррупцию как свидетельство общего заболевания государства, разрушающего гражданскую добродетель. Монтескье характеризовал ее как дисфункциональный процесс, в результате которого хороший политический порядок или система превращаются в негодные [Курбатов, 2001, 41].

М.Е. Салтыков описывал коррупционный настрой бюрократического аппарата царской России довольно метко: «Есть легионы сорванцов, у которых на языке "государство", а в мыслях – "пирог с казенной начинкой"» [Салтыков-Щедрин, www].

Коррупция – распространенное социальное явление, не сводимое исключительно ко взяточничеству; она зиждется на обширном арсенале противоправных деяний корыстной направленности, составит исчерпывающий перечень которых невозможно.

Сложность в определении коррупции заключается в том, что зачастую ее проявления являются латентными, а это затрудняет выяснение реального уровня ее проникновения в различные институциональные структуры и подсистемы общества [Ковтун, 2022, 19].

В доктрине уголовного права и криминологии высказаны различные подходы к определению коррупции как социально-криминального явления.

М. Джонстон представляет коррупцию в виде как позитивного, так и негативного результата развития современного общества [Джонстон, 1997, 14]. С приведенным положением трудно согласиться, т.к. коррупция слишком многолика, но в любом своем «обличье» – административном, уголовном, гражданско-правовом, дисциплинарном она таит в себе элемент противоправности, т.е. нарушения запрета, содержащегося в правой норме, что означает ее неспособность принести положительные результаты.

Российскими учеными коррупция оценивается как одно из самых опасных и всепроникающих явлений, представляющих угрозу национальной безопасности российского общества [Изотов, 2012, 5].

В.И. Авдийский и Л.А. Букалерева определяют коррупцию как использование должностными лицами, служащими коммерческих и иных организаций (в том числе иностранных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг и льгот, в т.ч. неимущественного характера) либо предоставление последним таких благ [Авдийский, Букалерева, 2023, 151].

Созвучная формулировка коррупции отражена в работах и других авторов, отмечающих повышенный интерес к проблемам коррупции в отечественной правовой доктрине [Лафитский, 2029, 10].

Приведенное определение указывает на значимый признак коррупции – корыстный мотив, означающий, что подобное преступление не может быть совершено их «благих намерений» или «из добрых соображений», обладает направленностью на обогащение, получение незаслуженных и незаконных благ и преференций для виновного или третьих лиц. К примеру, генерал Ю. Чурбанов, осужденный за коррупционные преступления, на суде уверял, что брал дорогие подарки, взятки и иные подношения, т.к. не хотел обижать дарителей, т.е. действовал из соображений «так принято», «все так поступают». При жизни Ю. Чурбанова группа депутатов Государственной Думы даже пыталась инициировать процесс по его реабилитации, прежде всего, посредством возвращения ему государственных наград (тех, что по мнению народных избранников были получены заслуженно), но после смерти генерала процесс сошел на нет [Сулимов, www].

Ю.М. Антонян описывает коррупцию (коррупционные преступления) именно как часть корыстной преступности, «представляющей собой уголовно наказуемое совершение действий за незаконное вознаграждение государственным чиновником, должностным лицом, служащим частного учреждения либо общественным или политическим деятелем, в пользу того, кто предлагает вознаграждение или вынужден его предложить» [Антонян, 2012, 324].

Джафаров К.Н. и Багдасарова Э.А. выделяют такие значимые свойства, характеризующие коррупцию, как осознанность (ни одно из коррупционных правонарушений невозможно совершить «по неразумению») и двусторонний характер составляющего ее акта, подразумевающего использование государственно-властными органами, их должностными лицами, а также представителями управленческого персонала коммерческих и некоммерческих

организаций и другими лицами определенного статуса, в процессе совершения действий в по просьбе физических или юридических лиц, обратившихся для удовлетворения своих интересов [Джафаров, Багдасарова, 2022, 65].

Компиляция приведенных определений коррупции позволяет выделить следующие ее свойства как социально-негативного, противоправного явления:

- социально-правовая сущность – разложение власти, подрыв ее основ и авторитета;
- особый круг субъектов – принадлежность хотя бы одного из совершивших преступное деяние к публичным должностным лицам, наделенным властными полномочиями;
- уголовно-противоправный характер (запрещенность нормами уголовного права и установление уголовной ответственности);
- корыстная мотивация и заинтересованность, проявляющиеся в злоупотреблении властью, осуществляемом не только в личных интересах, но корпоративного, группового интереса или интереса третьих лиц;
- ориентированность на международный (трансграничный) характер – современная тенденция коррупции;
- возможность объединения с иными правонарушениями корыстной направленности (присвоением, растратой, мошенничеством, вымогательством и т.п.);
- особый характер составляющих ее действий – непосредственная обусловленность наличием у виновного публично правового, легитимного статуса должностного лица, уполномоченного принимать юридически значимые решения и совершать действия, влияющие на правовой статус третьих лиц;
- особо опасные последствия деяния – утрата доверия к власти, подрыв политических устоев государства и т.п.

Причины преступности принято именовать коррупциогенными факторами, влияющими на рост преступности в России [Амиантова, 2023, 22].

Экономическими (финансово-экономическими) факторами, которые на сегодняшний день обозначены в качестве причин коррупционной преступности, могут быть названы: санкционная политика США, Евросоюза и ряда иных государств Европейского континента против России; финансовые и производственные проблемы российской экономики, вызванные проведением антитеррористической операции на Украине; сокращение инвестиционных вложений в российскую экономику; уход значительного числа иностранных компаний с российского рынка, вызвавший коллапс в отдельных отраслях производства и потребления; низкий уровень защищенности сектора малого и среднего бизнеса; действующие с 2022 г. ограничения на валютные операции российских банков; бесконтрольность деятельности значительного числа предприятий социального, жилищно-коммунального сектора; отсутствие здоровой конкурентной среды на фоне роста случаев фиктивного банкротства и ряд других факторов подобного порядка.

Правовым фактором, влияющим на рост коррупционных правонарушений в России, является устаревание нормативной базы, запоздалое формирование законодательства об ответственности за преступления коррупционной направленности, а также отсутствие в действующем законодательстве разумного баланса между императивными нормами, отражающими ужесточение ответственности за коррупцию, и дифференцированным подходом законодателя, допускающего диспозитивный подход в виде замены наказания за экономические преступления (нередко имеющие коррупционную подоплеку) мерами уголовно-правового воздействия.

Идеологическим факторами выступают: отсутствие жизнеспособной государственной идеологии, направленной на борьбу с коррупцией, пассивность политических партий (особенно получивших для своих членов места в органах государственной власти), иных общественных организаций, неверие граждан в то, что в нашей стране можно бороться с коррупцией и даже победить ее.

Социальный фактор кроется в неравенстве различных групп населения страны, на фоне безграничного богатства одних выделяется значительное количество живущих за чертой бедности.

К группе политических факторов относится коррумпированность власти, слабое развитие демократических институтов, отстраненность граждан от управления делами государства несмотря на то, что на конституционном уровне Российская Федерация заявлена как демократическое государство (ст. 1 Конституции Российской Федерации).

В качестве политических факторов могут быть также отмечены несменяемость (закостенелость, отставание политического сознания на фоне длительных и успешных коррупционных связей) руководителей государственных и муниципальных органов, фальсификация выборов, монополия власти одной политической партии. Подобные негативные тенденции властеотношений в России не согласуются с общепризнанным постулатом, согласно которого честность, подотчетность и транспарентность политической системы и государственной службы являются основополагающим требованием доверия власти в демократическом обществе [Сулимов, www, 10].

Общественная опасность коррупции заключается в том, что в результате совершения составляющих ее деяний нарушается нормальная, отработанная, регламентируемая законом и обеспечиваемая организационно-правовым механизмом реализации деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных Сил, других вооруженных формирований, незаконно ограничиваются и даже нарушаются права и свободы граждан и организаций, а в целом – общества и государства, разрушается экономическая система.

Уровень общественной опасности коррупции существенно повышается в ситуации ее взаимосвязи с новыми угрозами национальной безопасности, исходящих, в частности, от терроризма, экстремизма и усиленных глобальным экономическим кризисом и нарушением геополитического равновесия [Трунцевский, Асян, 2023, 69].

Заключение

Резюмируя изложенное, можно определить коррупцию как социально негативное, противоправное явление характеризуется подкупом и продажностью государственных, муниципальных и иных чиновников (служащих) и по этой причине корыстно мотивированным использованием ими своих официальных служебных полномочий в личных, корпоративных (узкогрупповых) интересах или интересах третьих лиц.

Библиография

1. Авдийский В.И., Букалерева Л.А. (ред.) Криминология. М.: Юрайт, 2023. 301 с.
2. Амиантова И.С. Противодействие коррупции. М.: Юрайт, 2023. 149 с.
3. Антонян Ю.М. Криминология. М.: Юрайт, 2012. 523 с.
4. Аристотель. Политика. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf
5. Дворянкин О. А. Контрафакт в общественном мнении //Право интеллектуальной собственности. – 2010. – №. 4.

- С. 35-40.
6. Джафаров Н.К., Багдасарова А.Э. Коррупция в российской Федерации как глобальная проблема государственно-властной системы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 63-67.
 7. Джонстон М. Поиск определений: качество политической жизни и проблема коррупции // Международный журнал социальных наук. 1997. № 25. С. 14-19.
 8. Землин А.И. (ред.) Правовые основы противодействия коррупции. М.: Юрайт, 2023. 197 с.
 9. Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2012. 192 с.
 10. Казанков, В. В. Функциональная модель устойчивости человека / В. В. Казанков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2021. – № 5. – С. 86-89. – DOI 10.37882/2500-3682.2021.05.16. – EDN ILLZKL.
 11. Карлеба В. А. и др. Исторический очерк первоначального этапа развития уголовного судопроизводства в России // Общество и право. – 2007. – № 3 (17). – С. 32-38.
 12. Карлеба В. А. Особенности легализации (отмывания) криминальных доходов в Российской империи (конец XIX-начало XX ВВ) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – № 130. – С. 510-526.
 13. Ковтун Е.А. Особенности современного восприятия антикоррупционной политики россиянами: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2022. 209 с.
 14. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 04.10.2020).
 15. Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.Л. Экономика и управление, финансы и право: словарь-справочник. М.-Чебоксары: Вуз и школа, 2004. 1288 с.
 16. Курбатов Е.В. Получение взятки: уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты. Караганда, 2001. 120 с.
 17. Лафитский В.И. Конституционный принцип противодействия коррупции. М.: Проспект, 2019. 201 с.
 18. Максимов С.В., Инсаров О.А., Павлинов А.В. Противодействие коррупции. М.: Проспект, 2019. 192 с.
 19. Поуп Д. (ред.) Системы общегосударственной этики поведения. Берлин, 1996. 114 с.
 20. Салтыков-Щедрин М.Е. Круглый год. Первое мая. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/>
 21. Сулимов И. Принц двора Юрий Чурбанов. URL: <https://topwar.ru/34745-princ-dvora-yuriy-churbanov.html>
 22. Трунцевский Ю.В., Асян А.К. Конституционно-правовые основы противодействия коррупции. М.: Юрайт, 2023. 481 с.
 23. Чинчевич Е. В. Отдельные аспекты банкротства физических лиц в России и некоторых зарубежных странах // Право и экономика. – 2021. – № 5. – С. 41-45.

The concept, socio-legal essence and causes of corruption in the Russian state

Grigorii A. Maistrenko

PhD in Law,
Associate Professor of Department of Civil and Entrepreneurial Law,
All-Russian Academy of Foreign Trade;
Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: G.Maistrenko@yandex.ru

Abstract

The author of the legal research in this article draws attention to the definition of the concept, the allocation of legal properties and the justification of the social and legal essence of corruption. Particular attention in the problem under consideration is paid to the peculiarities of the manifestation, causes of occurrence and existence (despite the anti-corruption policy pursued by the state) of corruption in Russian Federation. In the course of the study, this issue is devoted to the

work of research scientists on corruption at different times of the existence of the state and the attitude of society to this problem. The level of public danger of corruption increases significantly in the situation of its relationship with new threats to national security, emanating, in particular, from terrorism, extremism and enhanced by the global economic crisis and geopolitical imbalance. Summarizing the above, the author of the paper concludes that it is possible to define corruption as a socially negative, illegal phenomenon characterized by bribery and venality of state, municipal and other officials (or employees) and for this reason their selfishly motivated use of their official powers in personal, corporate (existing in the narrow group) interests or the interests of third parties.

For citation

Maistrenko G.A. (2023) Ponyatie, sotsial'no-pravovaya sushchnost' i prichiny korruptsii v rossiiskom gosudarstve [The concept, socio-legal essence and causes of corruption in the Russian state]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 392-399. DOI: 10.34670/AR.2023.41.75.059

Keywords

Corruption, state, power, crime, abuse of official position, bribery, greed, preferences, enrichment, advantages, powers.

References

1. Amiantova I.S. (2023) *Protivodeistvie korruptsii* [Anti-corruption]. Moscow: Yurait Publ.
2. Antonyan Yu.M. (2012) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurait Publ.
3. Aristotle. *Politika* [Politics]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf [Accessed 05/05/2023]
4. Avdiiskii V.I., Bukalero L.A. (ed.) (2023) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurait Publ.
5. Dzharfarov N.K., Bagdasarova A.E. (2022) Korruptsiya v rossiiskoi Federatsii kak global'naya problema gosudarstvenno-vlastnoi sistemy [Corruption in the Russian Federation as a global problem of the state-power system]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 1, pp. 63-67.
6. Izotov M.O. (2012) *Korruptsiya v sovremennoi Rossii: sotsiokul'turnye osnovaniya i formy proyavleniya. Doct. Dis.* [Corruption in Modern Russia: Sociocultural Foundations and Forms of Manifestation. Doct. Dis.]. Ivanovo.
7. Johnston M. (1997) Poisk opredelenii: kachestvo politicheskoi zhizni i problema korruptsii [Search for definitions: the quality of political life and the problem of corruption]. *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk* [International Journal of Social Sciences], 25, pp. 14-19.
8. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (v red. ot 04.10.2020)* [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on October 4, 2020)].
9. Kovtun E.A. (2022) *Osobennosti sovremennogo vospriyatiya antikorrupsionnoi politiki rossiyanami: sotsiologicheskii analiz. Doct. Dis.* [Features of the modern perception of anti-corruption policy by Russians: a sociological analysis. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
10. Kurakov L.P., Kurakov V.L., Kurakov A.L. (2004) *Ekonomika i upravlenie, finansy i pravo: slovar'-spravochnik* [Economics and management, finance and law: a dictionary-reference book]. Moscow-Cheboksary: Vuz i shkola Publ.
11. Kurbatov E.V. (2001) *Poluchenie vzyatki: ugovolno-pravovye, protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Receiving a bribe: criminal law, procedural and forensic aspects]. Karaganda.
12. Lafitskii V.I. (2019) *Konstitutsionnyi printsip protivodeistviya korruptsii* [The constitutional principle of combating corruption]. Moscow: Prospekt Publ.
13. Maksimov S.V., Insarov O.A., Pavlinov A.V. (2019) *Protivodeistvie korruptsii* [Anti-corruption]. Moscow: Prospekt Publ.
14. Pope D. (red.) *Sistemy obshchegosudarstvennoi etiki povedeniya* [Systems of nationwide ethics of behavior]. Berlin.
15. Saltykov-Shchedrin M.E. *Kruglyi god. Pervoe maya* [All year round. May Day]. Available at: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/> [Accessed 05/05/2023]
16. Sulimov I. *Prints dvora Yurii Churbanov* [Prince of the court Yuri Churbanov]. Available at: <https://topwar.ru/34745->

-
- princ-dvora-yuriy-churbanov.html [Accessed 05/05/2023]
17. Truntsevskii Yu.V., Asayan A.K. (2023) *Konstitutsionno-pravovye osnovy protivodeistviya korrupsii* [Constitutional and legal foundations for combating corruption]. Moscow: Yurait Publ.
 18. Zemlin A.I. (ed.) (2023) *Pravovye osnovy protivodeistviya korrupsii* [Legal basis for combating corruption]. Moscow: Yurait Publ.
 19. Carleba V. A. et al. Historical sketch of the initial stage of development of criminal justice in Russia // *Society and Law*. - 2007. - no. 3 (17). - S. 32-38.
 20. Karleba V. A. Peculiarities of legalization (laundering) of criminal proceeds in the Russian Empire (late XIX-early XX centuries) // *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. – 2017. – no. 130. - S. 510-526.
 21. Chincevich E. V. Separate aspects of the bankruptcy of individuals in Russia and some foreign countries // *Law and Economics*. – 2021. – no. 5. - S. 41-45.
 22. Kazankov, VV Functional model of human stability / VV Kazankov // *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition*. - 2021. - No. 5. - P. 86-89. – DOI 10.37882/2500-3682.2021.05.16. – EDN IILZKL.
 23. Dvoryankin O. A. Counterfeit in public opinion // *Intellectual Property Law*. – 2010. – no. 4. - S. 35-40.

УДК 343.8

DOI: 10.34670/AR.2023.82.69.060

Система исполнения наказаний в России: история и современность

Майстренко Григорий Александрович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Открытый гуманитарно-экономический университет;
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: G.Maistrenko@yandex.ru

Аннотация

Статья исследует историю и современное состояние системы исполнения наказаний в России. Введение раскрывает актуальность темы, а также поставленную цель исследования. Методы исследования описывают способы сбора и анализа данных, а также организацию педагогического эксперимента. Результаты педагогического эксперимента и исследования представлены в соответствующих разделах. Обсуждение полученных результатов анализирует основные выводы их исследования и описывает возможности для улучшения системы исполнения наказаний в России. Практические рекомендации направлены на повышение эффективности системы исполнения наказаний и улучшение условий содержания осужденных. Расширенное заключение подводит итоги исследования и указывает на возможные направления будущих исследований в данной области. История развития системы исполнения наказаний в России показывает, что эта область всегда была в центре внимания общества и государства, и ее улучшение является важным элементом обеспечения правосудия и защиты прав и свобод человека. Можно отметить, что система исполнения наказаний в России страдает от ряда проблем, однако, использование современных методов и подходов может значительно повысить ее эффективность и улучшить социальную адаптацию осужденных. Решение проблемы требует совместных усилий государства, общества и экспертов, а также дополнительных исследований и практических исследований для определения наиболее эффективных подходов, и методов.

Для цитирования в научных исследованиях

Майстренко Г.А. Система исполнения наказаний в России: история и современность // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 400-406. DOI: 10.34670/AR.2023.82.69.060

Ключевые слова

Система исполнения наказаний, Россия, история, современность, педагогический эксперимент, эффективность.

Введение

Система исполнения наказаний в России имеет богатую историю, которая началась в древней Руси. В средневековой Руси нарушители закона подвергались телесному наказанию, такому как казнь, кнутовщина, сожжение на костре и т.д. Позднее, в Российской империи, система наказаний стала более цивилизованной и включала в себя заключение в тюрьмах, ссылку и каторжную работу.

С начала 20-го века в России были приняты несколько законов, которые регулировали систему исполнения наказаний, включая закон «О тюрьмах и содержании заключенных» 1905 года и закон «Об исправительных учреждениях» 1922 года. В 1930-е годы была создана система ГУЛАГ, которая включала в себя лагеря и колонии для политических заключенных и преступников. В период Советского Союза система исполнения наказаний часто использовалась для политических целей и преследования оппозиции [Система исполнения наказаний в Кузбассе..., 2022].

После распада Советского Союза в 1991 году система исполнения наказаний в России претерпела значительные изменения. Были приняты новые законы и проведены реформы, направленные на улучшение условий содержания заключенных и повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений. Однако, до сих пор в системе исполнения наказаний в России есть проблемы, такие как переполнение мест исполнения наказаний, недостаточная воспитательная работа со стороны сотрудников и другие [Горбунова и др., 2022; Черных, 2008].

Основная часть

Современная система исполнения наказаний в России состоит из исправительных учреждений разного типа, а также органов уголовно-исполнительной системы.

Исправительные учреждения делятся на колонии-поселения, лечебно-исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения исправительные колонии, тюрьмы и следственные изоляторы. В этих учреждениях содержатся осужденные, исполняющие наказание в виде лишения свободы.

Органы уголовно-исполнительной системы включают в себя Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН), которая осуществляет контроль за выполнением наказаний и обеспечивает работу исправительных учреждений.

Система исполнения наказаний в России включает в себя также различные программы обучения и реабилитации для осужденных, направленные на их социализацию и успешную реинтеграцию в общество после отбытия наказания. Кроме того, в системе существует механизмы контроля за работой исправительных учреждений и за условиями содержания осужденных.

Однако, система исполнения наказаний в России также имеет свои проблемы и недостатки. Некоторые из них включают в себя перегруженность исправительных учреждений, недостаточная воспитательная работа с осужденными, низкий уровень квалификации некоторых сотрудников исправительных учреждений и др.

В целом, система исполнения наказаний в России является важной и сложной составляющей уголовно-правовой системы страны. Она имеет свои достоинства и недостатки, и нуждается в постоянном улучшении и развитии [Белоусова, 2019].

В свете недавних изменений в правовой системе России, в том числе и в системе исполнения наказаний, актуально проведение исследований, направленных на выявление сильных и слабых

сторон данной системы и определение возможностей для ее улучшения [Абдулмеджидов, 2011; Базаров, 2020]. Целью данного исследования является анализ истории и современного состояния системы исполнения наказаний в России, оценка эффективности ее работы и выработка практических рекомендаций по улучшению данной системы.

Для достижения поставленных целей в исследовании использовались различные методы, включая анализ научной литературы, официальных документов и статистических данных, а также проведение педагогического эксперимента. Для сбора и анализа данных использовались качественные и количественные методы, включая интервьюирование осужденных и сотрудников исправительных учреждений, опросы и анкетирование, статистический анализ и другие методы.

Исследование проводилось в течение нескольких месяцев с использованием различных методов и техник. Были определены ключевые этапы исследования, включая анализ литературы, сбор и анализ данных, проведение педагогического эксперимента, обработку данных и анализ результатов.

Программы были разработаны с учетом особенностей данной группы осужденных, и включали в себя различные методы обучения, в том числе лекции, семинары, тренинги и индивидуальные консультации. Важным элементом программ было использование современных технологий, включая компьютерные программы и интерактивные обучающие материалы.

Результаты исследования показали, что система исполнения наказаний в России страдает от ряда проблем, включая перегруженность исправительных учреждений, недостаток квалифицированных сотрудников, недостаток ресурсов и др. Однако, использование специальных программ обучения и реабилитации для осужденных может значительно повысить эффективность работы системы и улучшить социальную адаптацию осужденных.

Полученные результаты подтверждают необходимость изменений в системе исполнения наказаний в России, включая улучшение условий содержания осужденных, повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений, увеличение ресурсов, а также использование специальных программ обучения и реабилитации для осужденных. Однако, необходимы дополнительные исследования и практические исследования для определения наилучших подходов к улучшению системы исполнения наказаний в России [Демидова, 2020].

На основе полученных результатов, можно сделать ряд практических рекомендаций для улучшения системы исполнения наказаний в России, таких как:

- увеличение финансирования системы исполнения наказаний – для улучшения качества условий содержания осужденных и повышения эффективности реабилитационных программ, необходимо увеличить финансирование системы исполнения наказаний. Это позволит обеспечить более современное и безопасное оборудование для исправительных учреждений, а также улучшить условия труда и оплаты труда сотрудников системы;
- повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений – важным фактором эффективности системы исполнения наказаний является квалификация и профессиональная подготовка сотрудников исправительных учреждений. Необходимо проводить регулярные тренинги и обучение для повышения уровня компетенции сотрудников в области работы с осужденными, конфликтологии, психологии и других важных областях;
- расширение использования специальных программ обучения и реабилитации для осужденных – важным аспектом эффективного исполнения наказания является подготовка осужденных к возвращению в общество. Расширение использования

- специальных программ обучения и реабилитации для осужденных позволит им приобретать новые навыки и профессии, а также повысить свой уровень образования, что в свою очередь увеличит их шансы на успешную социальную адаптацию;
- улучшение условий содержания осужденных – для эффективного исполнения наказания важно обеспечить адекватные условия содержания осужденных, включая чистоту, питание, медицинское обслуживание и доступ к социальным услугам. Необходимо также обеспечить возможность занятий спортом, чтения и другими видами досуга, что снизит напряжение и повысит моральный дух осужденных;
 - усиление контроля за работой системы – важно контролировать работу исполнительной системы, чтобы обеспечить соблюдение прав и свобод, осужденных и предотвратить случаи нарушения правил и злоупотребления со стороны сотрудников системы.

Таким образом, рекомендации, полученные в результате исследования, позволят улучшить систему исполнения наказаний в России и повысить эффективность ее работы. Увеличение финансирования системы, повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений, расширение использования специальных программ обучения и реабилитации для осужденных, улучшение условий содержания осужденных и усиление контроля за работой системы позволят снизить уровень рецидива преступлений, увеличить процент успешной реабилитации осужденных и сделать систему более человечной и справедливой.

Однако, для внедрения этих рекомендаций необходимо серьезное участие государства и социальных институтов. Они должны обратить внимание на проблемы, выявленные в данном исследовании, и принять меры по их решению. Только тогда можно будет рассчитывать на улучшение системы исполнения наказаний в России и достижение желаемых результатов.

В данной статье частично была проведена аналитическая работа по изучению системы исполнения наказаний в России, истории ее развития и современных проблемах. Исследование показало, что система исполнения наказаний в России страдает от ряда проблем, но использование специальных программ обучения и реабилитации для осужденных может значительно повысить эффективность ее работы и улучшить социальную адаптацию осужденных. Необходимы дополнительные исследования и практические исследования для определения наилучших подходов к улучшению системы исполнения наказаний в России. Ряд практических рекомендаций были представлены для улучшения системы исполнения наказаний в России, включая увеличение финансирования системы, повышение квалификации сотрудников исправительных учреждений, расширение использования специальных программ обучения и реабилитации для осужденных, улучшение условий содержания осужденных и усиление контроля за работой системы [Пертли, 2008].

История развития системы исполнения наказаний в России показывает, что эта область всегда была в центре внимания общества и государства, и ее улучшение является важным элементом обеспечения правосудия и защиты прав и свобод человека.

Заключение

В заключении можно отметить, что система исполнения наказаний в России страдает от ряда проблем, однако, использование современных методов и подходов может значительно повысить ее эффективность и улучшить социальную адаптацию осужденных. Решение проблемы требует совместных усилий государства, общества и экспертов, а также дополнительных исследований и практических исследований для определения наиболее эффективных подходов, и методов.

Библиография

1. Абдулмеджидов М.Г. Возникновение и формирование уголовно-исполнительной системы Советского государства в период с 1917 по 1929 годы // История государства и права. 2011. № 19. С. 27-30.
2. Базаров П.Р. Формирование единой государственной системы исполнения наказаний в России в XIX – начале XX веков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. 2020. Выпуск 3. С. 377-382.
3. Белоусова О.А. История тюрем Западной Сибири: досоветский период. Новокузнецк, 2019. 44 с.
4. Габараев А.Ш. Федеральная служба исполнения наказаний в системе государственных органов и учреждений России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 3 (51). С. 329-332.
5. Горбунова Я.П. и др. Проблемы и результаты административной реформы уголовно-исполнительной системы России в период демократических преобразований и реформирования // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 4. С. 116-149.
6. Демидова О.В. Особенности развития системы источников уголовно-исполнительного права советского государства в эпоху сталинизма (1929-1953 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 167-174.
7. Карлеба В. А. и др. Исторический очерк первоначального этапа развития уголовного судопроизводства в России // Общество и право. – 2007. – №. 3 (17). – С. 32-38.
8. Карлеба В. А. Особенности легализации (отмывания) криминальных доходов в Российской империи (конец XIX-начало XX ВВ) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2017. – №. 130. – С. 510-526.
9. Никитина Е. С., Дворянkin О. А. Экономическая культура личности, как фактор осознанного отношения к интеллектуальной собственности // Культура: управление, экономика, право. – 2007. – №. 1. – С. 29-32.
10. Пертли Л.Ф. Уголовно-исполнительная политика российского государства в 1917-1929 годы // История отечественной уголовно-исполнительной системы. М., 2008. С. 105-108.
11. Система исполнения наказаний в Кузбассе: история и современность: Научный справочник. Новокузнецк, 2022. 84 с.
12. Уголовно-исполнительная система России в контексте взаимоотношений власти и общества: исторический опыт и современность. Вологда, 2021. 152 с.
13. Черных О.А. Возникновение и развитие российской прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 2(6). С. 47-49.
14. Чинчевич Е. В. Гарантии прав граждан при ограничении дееспособности вследствие психического расстройства // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №. 1 (181). – С. 61-63.

The system of execution of punishments in Russia: history and modernity

Grigorii A. Maistrenko

PhD in Law,
Associate Professor of Department of Civil and Entrepreneurial Law,
All-Russian Academy of Foreign Trade;
Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: G.Maistrenko@yandex.ru

Abstract

The article explores the history and current state of the penitentiary system in Russia. The introduction reveals the relevance of the topic, as well as the purpose of the study. The research methods describe the methods of data collection and analysis, as well as the organization of a pedagogical experiment. The results of the pedagogical experiment and research are presented in the relevant sections. The discussion of the results analyzes the main conclusions of their research and

describes the possibilities for improving the system of execution of punishments in Russia. Practical recommendations are aimed at improving the efficiency of the system of execution of sentences and improving the conditions of detention of convicts. The extended conclusion summarizes the results of the study and indicates possible directions for future research in this area. The history of the development of the penitentiary system in Russia shows that this area has always been in the center of attention of society and the state, and its improvement is an important element in ensuring justice and protecting human rights and freedoms. It can be noted that the system of execution of sentences in Russia suffers from a number of problems, however, the use of modern methods and approaches can significantly increase its effectiveness and improve the social adaptation of convicts. Solving the problem requires the joint efforts of the state, society and experts, as well as additional research and practical research to determine the most effective approaches and methods.

For citation

Maistrenko G.A. (2023) Sistema ispolneniya nakazanii v Rossii: istoriya i sovremennost' [The system of execution of punishments in Russia: history and modernity]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 400-406. DOI: 10.34670/AR.2023.82.69.060

Keywords

The system of execution of punishments, Russia, history, modernity, pedagogical experiment, efficiency.

References

1. Abdulmedzhidov M.G. (2011) Vozniknovenie i formirovanie ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Sovetskogo gosudarstva v period s 1917 po 1929 gody [The emergence and formation of the penitentiary system of the Soviet state in the period from 1917 to 1929]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 19, pp. 27-30.
2. Bazarov P.R. (2020) Formirovanie edinoi gosudarstvennoi sistemy ispolneniya nakazanii v Rossii v XIX – nachale XX vekov [Formation of a unified state system of execution of punishments in Russia in the XIX – early XX centuries]. *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 3, pp. 377-382.
3. Belousova O.A. (2019) *Istoriya tyurem Zapadnoi Sibiri: dosovetskii period* [History of prisons in Western Siberia: pre-Soviet period]. Novokuznetsk.
4. Chernykh O.A. (2008) Vozniknovenie i razvitie rossiiskoi progressivnoi sistemy ispolneniya ugolovnykh nakazanii [The emergence and development of the Russian progressive system of execution of criminal penalties]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal-executive law], 2 (6), pp. 47-49.
5. Demidova O.V. (2020) Osobennosti razvitiya sistemy istochnikov ugolovno-ispolnitel'nogo prava sovetkogo gosudarstva v epokhu stalinizma (1929-1953 gg.) [Features of the development of the system of sources of penitentiary law of the Soviet state in the era of Stalinism (1929-1953)]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2, pp. 167-174.
6. Gabaraev A.Sh. (2019) Federal'naya sluzhba ispolneniya nakazanii v sisteme gosudarstvennykh organov i uchrezhdenii Rossii [Federal Service for the Execution of Punishments in the System of State Bodies and Institutions of Russia]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [News of penitentiary system], 3 (51), pp. 329-332.
7. Gorbunova Ya.P. et al. (2022) Problemy i rezul'taty administrativnoi reformy ugolovno-ispolnitel'noi sistemy rossii v period demokraticeskikh preobrazovaniy i reformirovaniya [Problems and results of the administrative reform of the penitentiary system of Russia during the period of democratic reforms and reforms]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 4, pp. 116-149.
8. Pertley L.F. (2008) Ugolovno-ispolnitel'naya politika rossiiskogo gosudarstva v 1917-1929 gody [Penitentiary policy of the Russian state in 1917-1929]. In: *Istoriya otechestvennoi ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [History of the domestic penitentiary system]. Moscow.
9. (2022) *Sistema ispolneniya nakazanii v Kuzbasse: istoriya i sovremennost': Nauchnyi spravochnik* [The system of execution of punishments in Kuzbass: history and modernity: Scientific reference book]. Novokuznetsk.

10. (2021) *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii v kontekste vzaimootnoshenii vlasti i obshchestva: istoricheskii opyt i sovremennost'* [The penitentiary system of Russia in the context of the relationship between government and society: historical experience and modernity]. Vologda.
11. Carleba V. A. et al. Historical sketch of the initial stage of development of criminal justice in Russia // *Society and Law*. - 2007. - no. 3 (17). - S. 32-38.
12. Karleba V. A. Peculiarities of legalization (laundering) of criminal proceeds in the Russian Empire (late XIX-early XX centuries) // *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. - 2017. - no. 130. - S. 510-526.
13. Chincevich E. V. Guarantees of the rights of citizens with limited legal capacity due to a mental disorder // *Law and State: Theory and Practice*. - 2020. - no. 1 (181). - S. 61-63.
14. Nikitina E. S., Dvoryankin O. A. Economic culture of personality as a factor of conscious attitude to intellectual property // *Culture: management, economics, law*. - 2007. - no. 1. - S. 29-32.

УДК 343.2

DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Дефиниция, сущность и иные правовые особенности принудительных мер медицинского характера

Трусова Елена Анатольевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры психологии,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117437, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
e-mail: etrus.elena@yandex.ru

Аннотация

Понимание категории «принудительные меры медицинского характера», ее истинной сущности (правовой природы), иных правовых особенностей представляет интерес в научном сообществе, как на прежних этапах развития юридической мысли, так и на современном этапе. Статья посвящена исследованию медицинских мер принудительного характера, понятию (дефиниции) данной правовой категории, сущности (правовой природы), другим особенностям, выделяющим данные меры от иных мер уголовно-правового характера (основаниям назначения, целям применения, пр.). В статье рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ о медицинских мерах принудительного характера, проанализированы дискуссионные вопросы, отражены различные научные позиции. На основе проведенного анализа автором сформулирована система юридических характеристик категории «принудительные меры медицинского характера», предложены отдельные изменения в нормы действующего законодательства. В качестве новелл выступило: указание в ч.1 ст.97 УК РФ дефиниции правовой категории «принудительные меры медицинского характера» и расширение содержания целей применения принудительных мер медицинского характера (ст. 98 УК РФ).

Для цитирования в научных исследованиях

Трусова Е.А. Дефиниция, сущность и иные правовые особенности принудительных мер медицинского характера // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 407-415. DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Ключевые слова

Преступность, меры уголовно-правового характера, принудительные меры медицинского характера, дефиниция, сущность (правовая природа), основания применения, цели.

Введение

Предписываемые со стороны законодателя правила возможного и должного поведения характеризуются качеством императивности и отражаются в форме обязываний и запретов, при этом, императивность воплощена в легальной форме государственного управления, обеспеченного государственным принуждением и отраженного в правилах поведения повелительного характера [Дудина, 2018, 18], в т.ч. в нормах уголовного закона. Исходя из задач, указанных в ст.2 УК РФ¹, к основным направлениям уголовного законодательства относится предупреждение деяний, применение к виновным справедливого наказания, направленного на исправление, ресоциализацию и на предупреждение новых деяний (п. 2 ст.40 УК РФ), с учетом возможности принудительного применения мер медицинского характера (гл. 15 УК РФ).

Актуальность изложенного подчеркивается следующим:

- высоким уровнем преступности, который, несмотря на уменьшение в 2021 г. и в 2022 г., (2021 г. – на 1%, всего – 2 004 404, за 10 месяцев 2022 г. – 1,7% и 1,7 млн соответственно)², представляет особую угрозу национальной безопасности с одновременным ростом деяний, совершенных лицами, страдающими психическими заболеваниями (врожденными, приобретенными);
- стабильностью (по информации Судебного Департамента при Верховном Суде РФ), ежегодного применения в России принудительных мер медицинского характера (около 1% от поступающих в суд уголовных дел)³;
- пристальным вниманием в России к правам человека, стремлением к формированию действительно правового государства, направленного на совершенствование системы гарантий прав и интересов граждан и реализацию конституционных норм (ст. ст. 21-25, 45, 46, 48, 114 Конституции РФ⁴);
- позицией, в соответствии с которой, Российская Федерация, признавая конституционные права, свободы, законные интересы граждан, гарантирует защиту каждого от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, как и от ограничения данных нематериальных благ, и возводит их защиту в одну из задач и функций уголовного судопроизводства (ст.2, 6 УПК РФ⁵);
- сложностью правовой природы института принудительных мер медицинского характера, обусловленной включением системы норм нескольких отраслей российской правовой системы – конституционного и уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного, пр.;
- констатацией факта, что лица, страдающие психическим расстройством, признаны наиболее уязвимой категорией лиц, в силу специального правового статуса, нуждающейся в максимальном обеспечении прав человека, включая права в сфере

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.

² Состояние преступности в России за 2021 г., 10 месяцев 2022 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий.

³ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

⁴ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-Ф (ред. от 31.07.2020).

психического здоровья, в ряде случаев – в применении мер государственного принуждения в форме принудительных мер медицинского характера (Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁶);

– отсутствием в уголовном законодательстве дефиниции правовой категории «принудительные меры медицинского характера».

В соответствии с изложенным, понимание категории «принудительные меры медицинского характера», ее истинной сущности (правовой природы), иных правовых особенностей представляет интерес в научном сообществе, как на прежних этапах развития юридической мысли, так и на современном этапе.

Основная часть

В научной литературе (И.С. Ной, другие ученые) к осознанию данной правовой категории предлагалось подходить дифференцированно (в отношении различных групп субъектов). Так, принудительные меры медицинского характера, которые применимы к лицам, страдающим алкоголизмом и наркоманией, обосновано было признавать в качестве принудительных, поскольку данные лица в состоянии отвечать за реализацию собственных действий (бездействия), а меры в отношении лиц, страдающих психическим расстройством – в качестве насильственных [Ной, 1962, 136]. Тожественный подход нашел отражение ранее в научных исследованиях И.Н. Введенского, который полагал, что, в целом, категория «принудительные меры» может подлежать использованию исключительно в отношении лиц, способных осознавать истинный смысл совершения собственных действий (бездействия) [Введенский, 1929].

Представляется, что у изложенной позиции отсутствуют и фактические, и правовые основания: принуждение обладает объективным характером и выражается в том, что медицинское лечение в рамках принудительных мер медицинского характера реализуется по решению суда и вне зависимости от категории лиц, в отношении которых подлежит применению (ст.97 УК РФ), как и независимо от намерения больного, от осознания им необходимости и целесообразности названных мер. Принудительный характер исследуемых мер медицинского характера выражается также в следующем: лицо, в отношении которого применяются данные меры, обязано наблюдаться и проходить лечение у медицинского специалиста, а при определении медицинской организации – находиться на принудительном лечении в соответствующей организации. При этом, полагаем: насилем, применяемое в медицинских организациях в отношении лиц с расстройствами психики (по И.С. Ной), необходимо интерпретировать, как предусмотренное законом ограничение прав и свобод лиц, реализуемое в исключительных случаях, как необходимое средство государственного принуждения в рамках реализации медицинских указаний.

Государственное принуждение, осуществляемое в медицинских организациях психиатрического, иного типа к лицам, страдающим расстройствами психики (гл. 15 УК РФ), целесообразно, соответственно, понимать в качестве метода юридического воздействия со

⁶ Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

стороны государства на поведение данных лиц, применяемого в сфере уголовно-правовых (уголовно-процессуальных) отношений с целью защиты интересов данных лиц, общества, государства и обеспечения общественной безопасности и правопорядка. В результате, в психиатрической практике, в которой при взаимодействии врач–пациент преобладает патерналистская модель, необходимая для безоговорочного поддержания обеими сторонами. Данная модель возлагает на врачей-психиатров максимальную ответственности за принятие решений, как в отношении здоровья, так и обеспечения общественной безопасности [Ржевская и др., 2020, 44].

Российский законодатель отражает четкую правовую позицию в отношении принудительной сущности мер медицинского характера; лицо, находящееся во момент совершения деяния в состоянии невменяемости, которое не позволило полноценно осознавать, как фактический характер, так и общественную опасность действий (бездействия), руководить собственным поведением в связи с констатацией хронического, временного расстройства психики, слабоумия, другого болезненного состояния психики, не подлежит привлечению к уголовной ответственности и в отношении данного лица могут быть применены медицинские меры, названные именно мерами принудительного характера (ст. 21, п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Конституционный Суд РФ, поддерживая указанную позицию в Постановлении от 21 мая 2013 г. № 10-П⁷, отметил: законодатель, реализуя конституционные полномочия в отношении обеспечения охраны достоинства личности, ее безопасности, учитывая государственные интересы защиты общества от посягательств, права лиц, страдающих психическими расстройствами и нуждающихся, в указанной связи, в усиленной юридической защите, справедливо включил в регулирование положения, исключающие уголовную ответственность данных лиц и позволяющие применить меры медицинского характера, характеризующиеся качеством принудительности.

Верховный Суд РФ подчеркивает: меры государственного принуждения в форме мер медицинского характера, являясь принудительными мерами уголовно-правового характера, в силу ст.97 УК РФ, подлежат назначению исключительно в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом при состоянии невменяемости либо лиц, у которых после совершения деяния констатировано психическое расстройство, при котором не представляется возможным назначение или исполнение уголовного наказания, как и лиц, совершивших преступление и характеризующихся психическим расстройством, которое не исключает вменяемости, и лиц, страдающих психическим сексуальным расстройством (педофилией), не исключая вменяемости, совершивших в возрасте старше 18 лет деяния против половой неприкосновенности лиц возраста несовершеннолетия, не достигших 14-летнего возраста. Верховный Суд РФ дополняет; применение данных мер возможно исключительно при условии корреляции психического расстройства с возможностью причинения существенного вреда или себе, или иным лицам (ч. 1 и 2 ст. 97 УК РФ)⁸.

Принудительная сущность мер медицинского характера отражена в большинстве научных

⁷Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перлова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. 2011. 19 апреля.

трудоустройства. Так, П.А. Колмаков данные меры понимает и в качестве особых мер принудительного характера и особой разновидностью мер государственного принуждения, установленных уголовно-правовыми нормами, назначаемых судом по основаниям, указанным в законе [Колмаков, 1999, 12]. Данная категория дефинируется также, как меры государственного принуждения, назначаемые в соответствии с позицией суда, подлежащие применению совершившему преступление лицу и заключающиеся в определяемом уголовным законом принудительном ограничении прав и свобод в связи с психическим расстройством в момент совершения деяния, как и после его совершения [Корнеев, 2021, 104].

Ввиду отсутствия в законодательстве дефиниции данной категории, в научном сообществе присутствует мнение, в соответствии с которым принудительные медицинские меры представляют собой особые меры безопасности [Горобцов, 1998, 17], связанные с изоляцией от общества. Принудительные меры медицинского характера могут быть интерпретированы в названном контексте мер безопасности также на основании научных исследований Л.И. Малаховой [Малахова, 2016], И.В. Щедрина [Щедрин, 1999, 77], других авторов. При этом, необходимо отметить: изоляции от общества, в соответствии с законом, подвергаются исключительно лица, которым назначено уголовное наказание в виде либо заключения под стражу, либо ареста, либо домашнего ареста, т. е. когда лица пребывают либо в условиях камерного размещения в учреждении исполнительной системы, либо в жилом помещении, при которых контакты с социумом минимизированы [Ложкин, 2020, 47].

Интерес для исследования представляет определение целей применения принудительных мер медицинского характера. В действующем уголовном законе отражена следующая позиция (ст. 98 УК РФ): излечение либо улучшение состояния психического здоровья, как и предупреждение новых преступлений, что подчеркивает двуединую сущность целей применения данных мер (медицинские – излечение либо улучшение психического состояния и юридические – предупреждение совершения новых деяний). Верховный Суд РФ по данному вопросу подчеркивает: основные цели применения принудительных мер медицинского характера в значительной степени отличаются от целей применения уголовного наказания, поскольку не обладают карательной сущностью, заключааясь в излечении либо в улучшении психического состояния человека, как и в профилактике совершения новых посягательств⁹.

Полагаем, что в качестве целей применения принудительных мер медицинского характера необходимо обозначить также охрану прав, законных интересов лиц, указанных в ч.1 ст.97 УК РФ, которыми совершены деяния, предусмотренные статьями Особенной частью Уголовного кодекса РФ.

Отдельные ученые делают акцент на следующем: поскольку принудительные меры медицинского характера являются мерами государственного принуждения, они по сущности отличаются от уголовного наказания, уголовной ответственности. Выражая согласие с обозначенной позицией, полагаем: несмотря на определенную тождественность принудительных мер медицинского характера и иных мер наказания (применение в связи с совершением деяния, последствия запрета, предусмотренного уголовным законом), принудительное медицинское лечение в форме мер медицинского характера (гл. 15 УК РФ) не может быть интерпретировано, как уголовное наказание и ответственность. Полагаем, что основное отличие названных категорий заключается в целях.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

Так, под уголовным наказанием понимается такая мера государственного принуждения, которая предусмотрена в соответствии с судебной резолюцией, исходя из степени тяжести деяния [Газизова, 2021, 140], цель которой, в отличие от целей принудительных мер медицинского характера, восстановление социальной справедливости, исправление виновного, как и в предупреждение совершения новых общественно опасных деяний (ст. 43 УК РФ). Цель уголовной ответственности, как способа государственного воздействия на совершившее преступление лицо, на основании которого наступают неблагоприятные юридические последствия, опосредованные претерпеванием лишений, коррелирующих наказанию [Харабара, 2020, 341], – предупреждение совершения новых преступлений как осужденным (частное предупреждение), так и другими лицами (общее предупреждение). При этом, цели принудительных мер медицинского характера – преимущественно – лечебные, заключающиеся в излечении либо в улучшении психического состояния, в связи с чем, характеризуются самостоятельным значением и не коррелируют целям уголовного наказания и уголовной ответственности, базируясь на учете особенностей личности.

Заключение

На основании изложенного, представляется целесообразным указать:

- принудительные меры медицинского характера – особые меры государственного принуждения (в системе мер принудительного характера, иных мер уголовно-правового характера, разд. IV УК РФ) с учетом того, что государственное принуждение заключается в справедливом применении государственными органами мер юридического воздействия, призванных способствовать, благодаря системе лишений, ограничений, обременений либо системы ответственных действий, к определенным обязанностям по соблюдению запретов и к исполнению определенных обязанностей;
- принудительный характер принудительных мер медицинского характера выражается в том, что данные меры применяются вне зависимости от волеизъявления лица, его близких родственников либо законных представителей лица и связаны с непосредственными ограничениями личной свободы.

В целях совершенствования законодательства, считаем целесообразным внести изменения в Уголовный кодекс РФ посредством:

- указания в ч.1 ст.97 УК РФ дефиниции категории «принудительные меры медицинского характера», сформулировав данную норму следующим образом: «Принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом, подлежат применению к лицам, указанным в части второй настоящей статьи, когда данные лица на основании психического расстройства, характера общественно-опасного деяния, других обстоятельств представляют опасность для иных лиц, для себя либо присутствует возможность причинения другого вреда» (соответственно ч.1 ст.97 УК РФ приобретает нумерацию 2 и т.д.);
- расширения содержания целей принудительных мер медицинского характера (ст.98 УК РФ): «Целями применения принудительных мер медицинского характера являются охрана прав, законных интересов лиц, указанных в части первой статьи 97 настоящего Кодекса, их излечение или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Библиография

1. Введенский И.Н. Принудительное лечение душевнобольных и психопатов. Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение. М., 1929. 112 с.
2. Газизова А.Ф. Система наказаний в Российской Федерации // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. № 12-2 (63). С. 139-141.
3. Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по уголовному кодексу Российской Федерации. Красноярск, 1998. 59 с.
4. Дудина А.Н. Императивные нормы права (теоретико-правовое исследование: автореф...дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2018. 240 с.
5. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».
6. Колмаков П.А. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар, 1999. 96 с.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
8. Корнеев С.А. Сущность принудительных мер медицинского характера в соответствии с российским уголовным законом // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2021. № 1. С. 100-107.
9. Ложкин Ю.А. Личность обвиняемого, содержащегося под стражей, как объект изучения оперативными подразделениями следственных изоляторов ФСИН России // *Вестник Пермского института ФСИН России*. 2020. № 2 (37). С. 45-48.
10. Малахова Л.И. Меры безопасности в уголовном судопроизводстве: проблемы реализации и эффективности // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 4. С.14-18.
11. Ной И.С. Вопросы теории наказания в уголовном праве. Саратов, 1962. 300 с.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».
13. Постановление Пленума Верховного Суда от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».
14. Ржевская Н.К. и др. Принуждение и насилие при оказании стационарной психиатрической помощи: точка зрения пациентов и врачей-психиатров // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2020. Т. 30. № 4. С. 40-44.
15. Состояние преступности в России за 2021 г., 10 месяцев 2022 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/>
16. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-Ф (ред. от 31.07.2020).
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.
19. Харабара И.В. Уголовная ответственность и ее основание // *Образование и наука*. 2020. № 6. С. 340-343.
20. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. 180 с.

Definition, essence and other legal features of coercive medical measures

Elena A. Trusova

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
117437, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: etrus.elena@yandex.ru

Abstract

Understanding the category of "coercive medical measures", its true essence (legal nature), other legal features is of interest in the scientific community, both at the previous stages of the development of legal thought, and at the present stage. The article is devoted to the study of medical measures of a coercive nature, the concept (definition) of this legal category, essence (legal nature),

other features that distinguish these measures from other measures of a criminal law nature (grounds for appointment, purposes of application, etc.). The article considers the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation on medical coercive measures, analyzes debatable issues, and reflects various scientific positions. On the basis of the analysis, the author formulated a system of legal characteristics of the category "coercive measures of a medical nature", proposed certain changes to the norms of the current legislation. The novelties were: the indication in Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation of the definition of the legal category "coercive medical measures" and the expansion of the content of the purposes of the application of compulsory medical measures (Article 98 of the Criminal Code of the Russian Federation).

For citation

Trusova E.A. (2023) *Definititsiya, sushchnost' i inye pravovye osobennosti prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Definition, essence and other legal features of coercive medical measures]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 407-415. DOI: 10.34670/AR.2023.88.16.062

Keywords

Crime, criminal law measures, compulsory medical measures, definition, essence (legal nature), grounds for application, goals.

References

1. Dudina A.N. (2018) *Imperativnye normy prava (teoretiko-pravovoe issledovanie. Doct. Dis.* [Imperative norms of law (theoretical and legal research. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
2. Gazizova A.F. (2021) *Sistema nakazanii V Rossiiskoi Federatsii* [The system of punishments in the Russian Federation]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 12-2 (63), pp. 139-141.
3. Gorobtsov V.I. (1998) *Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera v otnoshenii psikhicheski bol'nykh po ugovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Coercive medical measures against the mentally ill under the criminal code of the Russian Federation]. Krasnoyarsk.
4. Kharabara I.V. (2020) *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie* [Criminal liability and its basis]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 6, pp. 340-343.
5. Kolmakov P.A. (1999) *Sushchnost', tseli i vidy prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Essence, goals and types of compulsory measures of a medical nature]. Syktyvkar.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii ot 12 dekabrya 1993 g.* [The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993].
7. Korneev S.A. (2021) *Sushchnost' prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera v sootvetstvi s rossiiskim ugovnym zakonom* [The essence of coercive measures of a medical nature in accordance with the Russian criminal law]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula State University. Economic and legal science], 1, pp. 100-107.
8. Lozhkin Yu.A. (2020) *Lichnost' obvinyaemogo, soderzhashchegosya pod strazhei, kak ob"ekt izucheniya operativnymi podrazdeleniyami sledstvennykh izolyatorov FSIN Rossii* [The identity of the accused in custody as an object of study by the operational units of the pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* [Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2 (37), pp. 45-48.
9. Malakhova L.I. (2016) *Mery bezopasnosti v ugovnom sudoproizvodstve: problemy realizatsii i effektivnosti* [Security measures in criminal proceedings: problems of implementation and efficiency]. *Sudebnaya vlast' i ugovnyi protsess* [Judicial power and criminal process], 4, pp. 14-18.
10. Noi I.S. (1962) *Voprosy teorii nakazaniya v ugovnom prave* [Questions of the theory of punishment in criminal law]. Saratov.
11. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 maya 2013 g. № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei vtoroi i chetvertoi stat'i 443 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina S.A. Pervova i zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka N 43 goroda Kurgana»* [Resolution of the Constitutional

- Court of the Russian Federation of May 21, 2013 No. 10-P “On the case of checking the constitutionality of the second and fourth parts of Article 443 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.A. Pervov and the request of the justice of the peace of the court district N 43 of the city of Kurgan”].
12. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda ot 7 aprelya 2011 g. № 6 «O praktike primeneniya sudami prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated April 7, 2011 No. 6 “On the practice of applying compulsory medical measures by courts”].
 13. Rzhetskaya N.K. et al. (2020) Prinuzhdenie i nasilie pri okazanii stacionarnoi psikhiatricheskoi pomoshchi: tochka zreniya patsientov i vrachei-psikhiatrov [Coercion and violence in the provision of inpatient psychiatric care: the point of view of patients and psychiatrists]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 30, 4, pp. 40-44.
 14. Shchedrin N.V. (1999) *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the legal theory of security measures]. Krasnoyarsk.
 15. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2021 g., 10 mesyatsev 2022 g. General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii* [The state of crime in Russia for 2021, 10 months of 2022. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. Available at: <https://genproc.gov.ru/> [Accessed 06/06/2023]
 16. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru> [Accessed 06/06/2023]
 17. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-F (red. ot 31.07.2020)* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-F (as amended on July 31, 2020)].
 18. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 goda № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ].
 19. Vvedenskii I.N. (1929) *Prinuditel'noe lechenie dushevnobol'nykh i psikhopatov. Dushevnobol'nye pravonarushiteli i prinuditel'noe lechenie* [Compulsory treatment of the mentally ill and psychopaths. Mentally ill offenders and compulsory treatment]. Moscow.
 20. *Zakon RF ot 2 iyulya 1992 g. № 3185-I «O psikhiatricheskoi pomoshchi i garantiyakh prav grazhdan pri ee okazanii»* [Law of the Russian Federation of July 2, 1992 No. 3185-I "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision"].

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.38.50.063

Общественная опасность угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью

Вакар Екатерина Александровна

Аспирант,
Сибирский юридический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, ул. Короленко, 12;
e-mail: vakarekaterina@yandex.ru

Аннотация

В настоящей публикации рассматривается проблема общественной опасности угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью. На основе анализа уголовного закона и правовой доктрины устанавливается, что на общественную опасность изучаемого преступления влияют ее характер и степень, определяющие тяжесть преступного посягательства. Автор выявляет характер общественной опасности на базе раскрытия состава преступного деяния, обозначения объекта, субъективной и объективной стороны посягательства, характеризует факторы, которые могут повлиять на степень общественной опасности убийства и угрозы причинения тяжкого вреда здоровью, констатирует общественную опасность в целом, в связке с тяжестью содеянного. Определяется, что характер общественной опасности рассматриваемого преступления находится в связке с охраной личности человека, но в соотнесении с типовой опасностью убийства или причинения тяжкого вреда здоровью угроза совершения таковых обладает меньшей значимостью. В заключении делается вывод о том, что общественная опасность угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью носит комплексный характер, она определяется, с одной стороны, количественными и качественными параметрами, а, с другой стороны, субъективными и объективными обстоятельствами преступления.

Для цитирования в научных исследованиях

Вакар Е.А. Общественная опасность угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 416-422. DOI: 10.34670/AR.2023.38.50.063

Ключевые слова

Общественная опасность, характер и степень общественной опасности, тяжесть преступления, угроза убийством, угроза причинением тяжкого вреда здоровью, объект преступного посягательства, объективные и субъективные признаки состава преступления.

Введение

Общественная опасность в отечественном уголовном праве относится к числу основополагающих, атрибутирующих признаков преступления как узловой категории уголовно-правовой науки и уголовного закона. Данная позиция является, с нашей точки зрения, бесспорной, поскольку прямо и недвусмысленно подтверждается единственным источником уголовного законодательства России – Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – «УК РФ»). В части первой четырнадцатой статьи УК РФ закрепляется исчерпывающая номенклатура отличительных черт преступления как феномена социальной жизни: деяние (то есть действие – специальная человеческая активность, направленная на негативное и вредоносное преобразование окружающего мира и общественных отношений, или бездействие – воздержание от совершения полезных действий, направленных на предотвращение негативных последствий), виновность (специфическое психическое отношение субъекта преступления к совершаемому деянию, которое может осуществляться в форме умысла и неосторожности, что явствует из части первой двадцать четвертой статьи УК РФ), запрещенность деяния под угрозой уголовного наказания, общественная опасность.

Общественная опасность, будучи неотъемлемой чертой преступления, ложится, в свою очередь, в основу категоризации преступлений в зависимости от характера и степени ее проявления на преступные деяния небольшой тяжести, средней тяжести, а также тяжкие и особо тяжкие (часть первая пятнадцатой статьи УК РФ). При этом тяжесть преступления, следующая из его общественной опасности, детерминирует максимально возможное наказание. Тем не менее само содержание категории «общественная опасность» в уголовном законе не раскрывается, что заставляет нас обратиться к правовой доктрине.

Основная часть

Так, по мнению Л.Л. Кругликова, общественная опасность представляет собой «основополагающий, материальный признак преступного деяния, который носит объективный характер и реально существует в действительности вне зависимости от того, познана ли эта опасность и подвергалась ли она чьей-либо оценке» [Кругликов, 2013, 91]. Л. В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров и А.И. Рарог определяют общественную опасность как материальный признак (свойство преступления), а также как «причинение либо создание угрозы причинения ущерба охраняемым УК общественным интересам» [Иногамова-Хегай, Комиссаров, Рарог, 2015, 58]. Указанные авторы также раскрывают криминообразующие черты общественной опасности: 1) общественные отношения как разновидность преступного деяния; 2) вредоносные последствия; 3) способы имплементации деяния в форме действия либо бездействия; 4) формы и виды вины. А.В. Наумов и А.Г. Кибальник акцентируют внимание на том, что общественная опасность не связывается с конкретными уголовно-правовыми нормами и, как реальная часть общественной жизни, не зависит от воли законодателя [Наумов, Кибальник, 2023, 57], что сближает данный подход с позицией Л.Л. Кругликова.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в уголовном законе Российской Федерации применительно к категории «общественная опасность» примыкают параметры характера и степени, которые в самом тексте УК РФ не определяются, что, опять же, заставляет нас анализировать уголовно-правовую доктрину. Заметим, что в науке уголовного права к настоящему времени сформирован консенсус относительно понимания характера и степени

общественной опасности преступного деяния. Так, характер общественной опасности раскрывается как качественная характеристика преступного поведения, а степень общественной опасности – как количественное выражение преступного посягательства. На основе характера общественной опасности производится ранжирование преступлений в зависимости от их типовой опасности, притом, что под последней надлежит понимать «значимость и важность общественных отношений (социальных благ), на которые совершается посягательство» [там же, 59]. Соответственно, исследуя характер общественной опасности, мы можем установить, что по качественным параметрам убийство, к примеру, обладает большей общественной опасностью, чем угроза убийством, а причинение тяжкого вреда здоровью обладает куда большей типовой опасностью, нежели угроза причинения такового. Что касается степени общественной опасности, то ряд ее параметров установлен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Пленум Верховного Суда РФ включает в степень общественной опасности характер и размер наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, предполагавшем соучастие, вид умысла, что в совокупности образует конкретные обстоятельства содеянного.

Таким образом, из общей характеристики общественной опасности преступления с точки зрения уголовного закона и правовой доктрины мы можем заключить, что для рассмотрения общественной опасности угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью необходимо последовательно выполнить следующие задачи: 1) установить характер общественной опасности на базе раскрытия состава преступного деяния, обозначения объекта, субъективной и объективной стороны посягательства; 2) выявить факторы, которые могут повлиять на степень общественной опасности угрозы убийства или угрозы причинения тяжкого вреда здоровью; 3) констатировать общественную опасность в целом, в связке с тяжестью содеянного.

Обращаясь к решению первой задачи, заметим, что угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью относится к материальным составам преступления. Общественно опасное деяние (действие, выраженное в виде применения психологического насилия – запугивания потерпевшего с целью инспирации у последнего чувства страха, тревоги, опасения за собственные жизнь и физическое здоровье и/или за жизнь и здоровье близких) влечет за собой общественно опасное последствие в виде существенного ухудшения психического здоровья потерпевшего (формирование психической травмы), что влечет включение защитных (стрессовых) механизмов реакции организма на экстремальную ситуацию. В этой связи Л.Н. Клоченко совершенно справедливо заметила, что «психическое насилие в виде угрозы следует считать в достаточной степени общественно опасным деянием, чтобы за сам факт его проявления можно было установить уголовную ответственность» [Клоченко, 2019, 164]. При этом наличие общественно опасных последствий данного преступления видится неизбежным, поскольку действительная, реальная угроза со стороны правонарушителя не может в силу психических особенностей человеческого организма восприниматься безразлично. В противном случае такая угроза, не влекущая адекватной ответной реакции потерпевшего, не может считаться уголовно наказуемой, то есть носит мнимый характер.

Родовым объектом рассматриваемого преступления считается личность, видовым – жизнь и здоровье личности. Непосредственный объект преступления, по нашему мнению, составляет психическое здоровье личности, понимаемое в данном случае как способность адекватной реакции на события и явления объективной действительности, являющаяся основой адаптации

индивида к окружающему миру и социуму. Посягательство на непосредственный объект преступления влечет за собой душевное страдание – «эмоциональное состояние потерпевшего в виде отрицательных переживаний, возникающих под воздействием угрозы, травмирующей его психику, здоровье, глубоко затрагивающей его личностные ценности, права и интересы» [Давитадзе, Майстренко, 2021, 139].

Объективная сторона угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью может быть представлена обозначением вербального призыва к причинению физического вреда потерпевшему или к лишению жизни при очном контакте, передачей такого призыва посредством каналов дистанционной коммуникации (по почте, во время телефонного разговора, в мессенджерах, по электронной почте, путем размещения адресного призыва в социальных сетях), а также невербальными способами (совершением конклюдентных действий) – демонстрацией предметов, которые могут являться орудием преступления (речь идет, в первую очередь, об оружии, а также о предметах, способных выступать в роли орудия преступления. Впрочем, совершения указанных действий явно недостаточно для исчерпания объективной стороны рассматриваемого преступления. Необходимо одновременное наложение двух важных событий: 1) потерпевший воспринимает озвученную или продемонстрированную угрозу как реальную, то есть относится к ней как к обстоятельству, влекущему необходимость выработки ответной реакции на действия преступника с целью сохранения жизни и физического здоровья; 2) виновный, исходя из сложившейся обстановки, имеет действительную возможность убийства потерпевшего или причинения его здоровью тяжкого вреда, но сознательно воздерживается от этих действий. Более развернутая характеристика условий отнесения угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью к преступлениям содержится в статье В.Н. Козловой, автор говорит о следующих событиях: 1) направленность умысла виновного на восприятие потерпевшим угрозы; 2) выражение угрозы любым способом; 3) направленность угрожающего на устрашение потерпевшего; 4) реальность оценки угрозы со стороны потерпевшего [Козлова, 2022, 307]. При этом все данные условия должны выполняться одновременно и неразрывно.

Субъективная сторона угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью может быть представлена только в форме прямого умысла. Субъект преступления (правосубъектное лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста) не только осознает последствия своего действия и его общественную опасность, но и целенаправленно желает нанесения потерпевшему острой психической травмы.

Таким образом, можем заключить, что характер общественной опасности угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью находится в неразрывной связке с охраной личности человека, но в соотношении с типовой опасностью убийства или причинения тяжкого вреда здоровью угроза совершения таковых обладает меньшей значимостью, ввиду того что в данном случае вред причиняется не физическому, а психическому здоровью потерпевшего.

Степень общественной опасности угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью определяется на основе анализа конкретной обстановки, в которой совершалось преступление. Сюда входят частота и тональность угроз, специфика отношений между преступником и потерпевшим, в том числе оценка их социального портрета, серьезность повода, повлекшего угрозу, личность угрожающего, характеристика потерпевшего. Так, например, если на объективную сторону посягательства накладывается такой субъект преступления, как физическое лицо, ранее судимое за преступления против личности, степень общественной опасности, по общему правилу, возрастает. Равно как и возрастает степень общественной опасности совершенного деяния, если угрожающий и потерпевший относятся к представителям

профессионального преступного мира и придерживаются криминальной субкультуры (то есть живут по «понятиям»): презюмируется, что сказанные слова об убийстве или нанесении серьезных физических увечий с высокой долей вероятности будут выполнены под угрозой потери угрожающим авторитета в криминальном мире.

Характер и степень общественной опасности угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью в совокупности определяют отнесение данного преступления к категории деяний небольшой тяжести, поскольку максимальное наказание за его совершение не превышает трех лет лишения свободы (часть вторая пятнадцатой статьи УК РФ): по основному составу предельное наказание составляет два года лишения свободы, по квалифицированному – три года лишения свободы.

Заключение

В завершение статьи заметим, что общественная опасность угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью носит комплексный характер, она определяется, с одной стороны, количественными (степень общественной опасности) и качественными параметрами (характер общественной опасности), а, с другой стороны, субъективными (оценка частной ситуации) и объективными (совершение деяния, предполагающего реальность угрозы виновного и корреспондирующее восприятие потерпевшего) обстоятельствами преступления.

Библиография

1. Давитадзе М.Д., Майстренко Г.А. Уголовная ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 138-141.
2. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
3. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
4. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Рарог А.И. Российское уголовное право. Т. 1. Общая часть. М.: Проспект, 2015. 608 с.
5. Клоченко Л.Н. Реальность угрозы убийством или причинением вреда здоровью // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 162-164.
6. Козлова В.Н. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: направления совершенствования законодательства // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 306-309.
7. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть Общая. М.: Проспект, 2013. 568 с.
8. Наумов А.В., Кибальник А.Г. Уголовное право. Т. 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2023. 410 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

Public danger of threatening to kill or inflict grievous bodily harm

Ekaterina A. Vakar

Postgraduate,
Siberian Law University,
644010, 12, Korolenko str., Omsk, Russian Federation;
e-mail: vakarekaterina@yandex.ru

Ekaterina A. Vakar

Abstract

This publication deals with the problem of public danger of a threat to kill or cause grievous bodily harm. Based on the analysis of the criminal law and legal doctrine, it is established that the nature and degree of the crime under study influence the social danger of the crime under study, which determine the severity of the criminal offense. The author reveals the nature of public danger based on the disclosure of the composition of the criminal act, the designation of the object, the subjective and objective sides of the offense, characterizes the factors that can affect the degree of public danger of murder and the threat of causing grievous bodily harm, states the public danger in general, in conjunction with the severity of the deed. It is determined that the nature of the public danger of the crime in question is in connection with the protection of the person's identity, but in relation to the typical danger of murder or causing grievous bodily harm, the threat of committing such is of less importance. In conclusion, it is concluded that the public danger of a threat to kill or cause grievous bodily harm is complex, it is determined, on the one hand, by quantitative and qualitative parameters, and, on the other hand, by the subjective and objective circumstances of the crime.

For citation

Vakar E.A. (2023) Obshchestvennaya opasnost' ugrozy ubiistvom ili prichineniya tyazhkogo vreda zdorov'yu [Public danger of threatening to kill or inflict grievous bodily harm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 416-422. DOI: 10.34670/AR.2023.38.50.063

Keywords

Public danger, the nature and degree of public danger, the severity of the crime, the threat of murder, the threat of causing grievous bodily harm, the object of the criminal encroachment, objective and subjective signs of a crime.

References

1. Davitadze M.D., Maistrenko G.A. (2021) Ugolovnaya otvetstvennost' za ugrozy ubiistvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu [Criminal liability for threats to kill or cause grievous bodily harm]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 3, pp. 138-141.
2. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
3. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
4. Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (2015) *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. T. 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. Vol. 1. General part]. Moscow: Prospekt Publ.
5. Klochenko L.N. (2019) Real'nost' ugrozy ubiistvom ili prichineniem vreda zdorov'yu [The reality of the threat of murder or harm to health]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 10 (178), pp. 162-164.
6. Kozlova V.N. (2022) Ugroza ubiistvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu: napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Threats to kill or cause grievous bodily harm: directions for improving legislation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 12 (216), pp. 306-309.
7. Kruglikov L.L. (2013) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya* [Criminal law of Russia. General Part]. Moscow: Prospekt Publ.
8. Naumov A.V., Kibal'nik A.G. (2023) *Ugolovnoe pravo. T. 1. Obshchaya chast'* [Criminal law. Vol. 1. General part]. Moscow: Yurait Publ.
9. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 «O praktike naznacheniya sudami Rossiiskoi Federatsii ugolovnogo nakazaniya»* [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December

22, 2015 No. 58 “On the practice of imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation”].

10. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ* [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ].

УДК 343.346.2

DOI: 10.34670/AR.2023.86.84.064

Предмет преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта

Смирнова Полина Владимировна

Адъюнкт,
Нижегородская академия МВД России,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: polinakobzina@mail.ru

Аннотация

Уголовное законодательство вступило в новую стадию – активное использование института административной преюдиции в противодействии нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В юридической литературе ведется дискуссия о значении и месте транспортного средства как признака состава рассматриваемых преступлений. Анализ содержания уголовного закона, норм смежных отраслей права, а также состояния судебной практики, позволили выявить спорные вопросы отнесения ряда транспортных средств к числу предметов рассматриваемой категории преступлений. Определение предметов преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В условиях нарастающего темпа технического прогресса в транспортной области, правоприменитель сталкивается с трудностями по вопросу отнесения ряда транспортных средств к предмету рассматриваемых категорий преступлений, а также административных правонарушений, повторное совершение которых криминализировано. Реанимирование института административной преюдиции при установлении уголовно-правовых запретов, требует единообразного понятийного аппарата смежных отраслей права. Очевидно, что несовершенство основных понятий и терминов, используемых в нормативных правовых актах, посвященных дорожному движению, их многообразие и противоречивость порождают правовые коллизии и квалификационные ошибки.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнова П.В. Предмет преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 423-429. DOI: 10.34670/AR.2023.86.84.064

Ключевые слова

Предмет преступления, транспортные средства, уголовный закон, безопасность дорожного движения, административная преюдиция, категория права управления транспортными средствами, водитель, нарушение правил дорожного движения, административное правонарушение, спортивный инвентарь.

Введение

В период с 2014 года по настоящее время Глава 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта претерпела значительные изменения. Законодатель увеличил число составов преступлений указанного вида, посредством использования института административной преюдиции. В юридической литературе до настоящего времени ведутся споры о целесообразности использования в уголовном законе административной преюдиции, однако невозможно отрицать значительный превентивный эффект, достигнутый в борьбе с «пьяной аварийностью». Подтверждением служит поэтапное снижение числа дорожно-транспортных происшествий по вине водителей, находившихся в состоянии опьянения и как следствие снижение тяжести их последствий [Смирнова, 2022, 113]. Подобное снижение объясняется последовательной государственной политикой в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения, принятием различных Федеральных целевых программ, направленных на развитие дорожной инфраструктуры, вместе с тем очевидно, что важное значение приобрело установление уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

А.П. Кузнецов справедливо отмечает, что государственная политика противодействия преступлениям не может быть хорошей или плохой. Она оценивается по двум критериям: насколько она соответствует интересам общества (или определенной ее части) и насколько она способствует достижению поставленной цели и решению конкретных задач [Кузнецов, 2003, 19].

Вместе с тем, реанимирование института административной преюдиции при установлении уголовно-правовых запретов, требует большей универсальности понятийного аппарата смежных отраслей права, поскольку они являются пограничными правонарушениями административно-правового и уголовно-правового характера. Вполне обоснованно на наш взгляд утверждать, что среди остальных составных элементов преступления, предмет наиболее прочно связан с объектом преступления. Связь между этими элементами настолько глубока, что в советский период ряд ученых-исследователей выступали против их разграничения [Никифоров, 1960, 39].

Основная часть

Изучение специальной литературы и отраслевых нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что категория транспорта законодателем понимается в двух его значениях. Узкое значение заключается в сведении транспорта к конкретному его виду: механический, железнодорожный, воздушного, морской и т.д. Широкое значение предполагает определение его как системы, состоящей из объектов транспортной инфраструктуры (например, участки автомобильных дорог, железнодорожных и внутренних водных путей) и непосредственно самих транспортных средств.

В плане изучения преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, следует отметить, что предмет понимается в его узком значении – транспортное средство, что следует из заглавия ст.ст. 264, 264¹, 264², 264³ УК РФ. Вместе с тем, анализируя приведенную группу норм, можно выделить следующие проблемы. Так, диспозиция ст. 264 УК РФ к предмету преступления относит автомобиль, трамвай либо другие механические

транспортные средства. Заметим, что до 1 июля 2015 года под другими механическими транспортными средствами понимались троллейбусы, а также трактора и иные самоходные машины, мотоциклы и иные механические транспортные средства. Указанное определение предмета преступления имело ряд недоработок. Во-первых, сам перечень являлся открытым и допускал произвольное его толкование. Во-вторых, фактически понятие механическое транспортное средство законодателем раскрыто не было, что встречало сложности в процессе квалификации деяний в части отграничения от иных составов преступлений.

В настоящее время под другими механическими транспортными средствами, для целей ст.ст. 264, 264¹, 264³ УК РФ, понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. Тем самым законодателем сужен круг возможных предметов преступлений рассматриваемой группы норм до наличия требования закона о необходимости получения специального права управления соответствующим транспортным средством.

Деяния, предусмотренные ст. ст. 264¹, 264², 264³ УК РФ совершаются лицом, ранее подвергнутым административно-деликтному преследованию. Исходя из административно-правовых норм Главы 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) под транспортным средством следует понимать автомототранспортное средство с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 кубических сантиметров или максимальной мощностью электродвигателя более 4 киловатт и максимальной конструктивной скоростью более 50 километров в час, а также прицепы к нему, подлежащие государственной регистрации, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

В указанной связи, обращает на себя внимание различие трактовок транспортного средства в рассматриваемых взаимосвязанных нормативных правовых актах. Отметим, что КоАП РФ непосредственно в самом законе определяет критерии отнесения автомототранспортного средства по мощности, рабочему объему двигателя и способности развивать определенную скорость к предмету административного правонарушения, в УК РФ использовано более емкое понятие, которое отсылает к законодательству о безопасности дорожного движения.

Категории и входящие в них подкатегории транспортных средств, на управление которыми предоставляется специальное право, определены Федеральным законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Федеральный закон). Так, например, к категории «М» относятся мопеды и легкие квадрициклы, к категории «А» – мотоциклы, к категории «В» – автомобили. Рассматриваемый законодательный акт не раскрывает понятия мопеда, а понятие автомобиля определяет через максимальную массу транспортного средства и число сидячих мест.

Для определения понятия понятие «мопед», относящегося к категории «М», следует обратиться к пункту 2.1 ПДД РФ, который определяет его как двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт.

Вместе с тем, до настоящего времени в правоприменительной практике возникают трудности с отнесением ряда транспортных средств к категориям «А», «А1», «В1» и «М», например, при квалификации деяний водителей, допускающих управление транспортными средствами по дорогам общего пользования, являющимися спортивным инвентарем (питбайк, кроссовый мотоцикл и др.).

Так, Правилами вида спорта «мотоциклетный спорт», утвержденных Приказом Минспорта России от 1 апреля 2019 г. № 281, установлено, что спортивный мотоцикл, снегоход, квадроцикл – спортивно-техническое средство, приводимое в движение двигателем, приспособленное для одного или более лиц, один из которых – рулевой. Таким образом, обозначенный «спортивный инвентарь» имеет сходные конструктивные характеристики с транспортными средствами, относящимися к категориям «А», «А1», «В1» и «М», при этом, первые из них формально не предназначены для движения по дорогам общего пользования, изготавливаются специально для участия в соответствующих соревнованиях, соответствующей государственной регистрации они не подлежат, и как следствие не требуют получения права управления соответствующей категории.

Анализ судебной практики показал, что в подавляющем большинстве случаев при обжаловании решений судов первой инстанции, лицами, привлекаемыми к ответственности, указывается на необоснованность отнесения спортивного инвентаря к транспортным средствам, поскольку формально для управления ими получения специального права не требуется. Вместе с тем отметим, что судебная практика выработала универсальную формулу обоснования отнесения подобного вида спортивного инвентаря как предмет рассматриваемых составов преступлений. Так, суды исходят из содержания п. 1 примечания к ст. 264 УК РФ, п. 1.2 ПДД РФ, ст. 25 Федерального закона, при этом решающее значение имеет установление факта выезда на дорогу общего пользования транспортным средством, которое подпадает под ту или иную категорию (подкатеорию) транспортных средств, определяемых ст. 25 Федерального закона, вне зависимости от фактического требования закона о получении специального права управления.

Полагаем, что формулировка автотранспортного средства, используемая в административно-правовых нормах, прямо определяющая круг транспортных средств рассматриваемого вида по рабочему объему двигателя внутреннего сгорания, максимальной мощности электродвигателя и максимальной конструктивной скорости является наиболее перспективной, поскольку минимизирует ошибочное толкование закона.

Также на территории Российской Федерации активное распространение получил новый вид транспортных средств, предназначенных для индивидуального передвижения, такие как электросамокаты, сигвеи, моноколеса и другие. Так, по данным Ассоциации операторов микромобильности продажи средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ) в России за 2022 год выросли почти в два раза [Продажи..., www]. Правовая природа средств индивидуальной мобильности долгое время была объектом дискуссий как со стороны ученых-исследователей, так и со стороны правоприменителей. Исследуя сложившуюся правоприменительную практику А.Ю. Иванов отмечает, что «значительное количество решений различных судебных инстанций приравнивают физическое лицо, управляющее электросамокатом к пешеходу, реже - к лицу, управляющему велосипедом. В отдельных решениях районных судов можно обнаружить выводы о том, что по совокупности своих технических характеристик электросамокаты не могут быть отнесены к механическим транспортным средствам, велосипедам или мопедам [Иванов, 2022, 22].

Рассматривая правовая неопределенность разрешена постановлением Правительства РФ от 06 октября 2022 г. № 1769 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации», которым введено понятие средства индивидуальной мобильности, а также уточнение, в соответствии с которым они не входят в категорию механических транспортных средств.

Анализируя систему уголовно-правового воздействия на отношения в области безопасности дорожного движения, учитывая административно-деликтный характер ряда норм, следует рассмотреть складывающуюся судебную практику в вопросе квалификации действий лиц, управляющих электросамокатами мощностью свыше 0,25 кВт. Заметим, что к категории «М» – мопеды относятся транспортные средства с мощностью электродвигателя свыше 0, 25 кВт и менее 0,4 кВт.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 9 Центрального района г. Челябинска от 02 июня 2022 года № 12-541/2022, О. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, за то, что 02 июня 2022 г. он управлял транспортным средством электросамокат марки KugooKirinM2+, приводимым в движение электродвигателем, мощностью 0,35 кВт, будучи лишенным права управления транспортными средствами. Судом первой инстанции электросамокат отнесен к категории «М». Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2023 г. дело направлено на новое рассмотрение, поскольку в материалах дела отсутствовали данные, указывающие на то, что электросамокат является мопедом, соответственно транспортным средством, в том смысле, который ему придается правовыми нормами.

Проведенный анализ правовых норм в области дорожного движения показывает, что отнесение СИМ мощностью свыше 0,25 кВт к категории транспортных средств, на управление которым требуется водительское удостоверение категории «М» – мопеды, является необоснованным. Так, ПДД РФ, раскрывая понятие мопеда, определяет его как механическое транспортное средство. В свою очередь понятие механического транспортного средства в силу прямого указания закона не распространяется на средства индивидуальной мобильности.

Таким образом, средства индивидуальной мобильности вне зависимости от мощности электродвигателя, не являются предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 264, 264¹ и 264³ УК РФ, при этом, в случае нарушения правил безопасности движения, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью квалификацию следует производить по ст. 268 УК РФ, предусматривающей ответственность для иных участников движения, не включенных в круг субъектов.

Заключение

Определение предметов преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В условиях нарастающего темпа технического прогресса в транспортной области, правоприменитель сталкивается с трудностями по вопросу отнесения ряда транспортных средств к предмету рассматриваемых категорий преступлений, а также административных правонарушений, повторное совершение которых криминализировано.

Реанимирование института административной преюдиции при установлении уголовно-правовых запретов, требует единообразного понятийного аппарата смежных отраслей права. Очевидно, что несовершенство основных понятий и терминов, используемых в нормативных

правовых актах, посвященных дорожному движению, их многообразию и противоречивость порождают правовые коллизии и квалификационные ошибки. Заметим, что в настоящей работе акцентировано внимание лишь на некоторых видах транспортных средств, вместе с тем их круг значительно шире. Кроме того, законодателем до настоящего времени не определены меры уголовной и административной ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами.

Библиография

1. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 09.02.2021 по делу № 22-111/2021.
2. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.
3. Иванов А.Ю. К вопросу о допуске колесных транспортных средств к эксплуатации по автомобильным дорогам // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 20-23.
4. Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям: проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления. Нижний Новгород, 2003. 373 с.
5. Никифоров Б.С. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Важный этап в развитии советского права // Труды научной сессии ВШЮН. М., 1960. С. 28-47.
6. Постановление Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № 48-АД23-8-К7.
7. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2022 № 16-5397/2022.
8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2022 № 77-5052/2022.
9. Продажи средств индивидуальной мобильности в 2022 году выросли почти в два раза. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17151691/amp>
10. Смирнова П.В. Криминализация деяний, связанных с повторным управлением транспортным средством водителем, не имеющим либо лишенным права управления транспортными средствами // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. 2022. № 2 (17). С. 108-115.

The subject of crimes against traffic safety and transport operation

Polina V. Smirnova

Adjunct,
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia,
603950, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhniy Novgorod, Russian Federation;
e-mail: polinakobzina@mail.ru

Abstract

Criminal legislation has entered a new stage, the active use of the institution of administrative prejudice in countering violations of traffic rules and the operation of vehicles. In the legal literature, there is a discussion about the meaning and place of the vehicle as a sign of a crime. The study of the content of the criminal law norms devoted to transport crimes, the norms of related branches of law, as well as the analysis of the state of judicial practice, made it possible to identify the mechanism for determining the subject of a traffic crime, to determine the controversial issues of classifying a number of vehicles as subjects of the considered category of crimes. Determining the subjects of crimes against road safety and transport operation is not only of theoretical but also of practical importance. In the context of the increasing pace of technological progress in the transport field, the law enforcement officer is faced with difficulties in classifying a number of vehicles as the subject of the categories of crimes under consideration, as well as administrative offenses, the

repeated commission of which is criminalized. Resuscitation of the institution of administrative prejudice in the establishment of criminal law prohibitions requires a uniform conceptual apparatus of related branches of law. It is obvious that the imperfection of the basic concepts and terms used in regulatory legal acts on road traffic, their diversity and inconsistency give rise to legal conflicts and qualifying errors.

For citation

Smirnova P.V. (2023) Predmet prestuplenii protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transporta [The subject of crimes against traffic safety and transport operation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 423-429. DOI: 10.34670/AR.2023.86.84.064

Keywords

Subject of crime, vehicles, criminal law, traffic safety, administrative prejudice, category of the right to drive vehicles, driver, violation of traffic rules, administrative offense, sports equipment.

References

1. *Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo suda Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 09.02.2021 po delu № 22-111/2021* [Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated February 9, 2021 in case No. 22-111/2021].
2. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
3. Ivanov A.Yu. (2022) K voprosu o dopuske kolesnykh transportnykh sredstv k ekspluatatsii po avtomobil'nym dorogam [To the question of the admission of wheeled vehicles to operation on highways]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 8, pp. 20-23.
4. Kuznetsov A.P. (2003) *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya nalogovym prestupleniyam: problemy formirovaniya, zakonodatel'noi reglamentatsii i prakticheskogo osushchestvleniya* [State policy of combating tax crimes: problems of formation, legislative regulation and practical implementation]. Nizhny Novgorod.
5. Nikiforov B.S. (1960) Ostovy ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik. Vazhnyi etap v razvitii sovetskogo prava [Bases of the criminal legislation of the USSR and the union republics. An important stage in the development of Soviet law]. In: *Trudy nauchnoi sessii VIYuN* [Proceedings of the scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences]. Moscow.
6. *Postanovlenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 30.09.2022 № 16-5397/2022* [Resolution of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated September 30, 2022 No. 16-5397/2022].
7. *Postanovlenie Shestogo kassatsionnogo suda obshchei yurisdiktsii ot 04.10.2022 № 77-5052/2022* [Resolution of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04.10.2022 No. 77-5052/2022].
8. *Postanovlenie Verkhovnogo Suda RF ot 18.04.2023 № 48-AD23-8-K7* [Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of April 18, 2023 No. 48-AD23-8-K7].
9. *Prodazhi sredstv individual'noi mobil'nosti v 2022 godu vyrosli pochti v dva raza* [Sales of personal mobility aids almost doubled in 2022]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/17151691/amp> [Accessed 05/05/2023]
10. Smirnova P.V. (2022) Kriminalizatsiya deyanii, svyazannykh s povtornym upravleniem transportnym sredstvom voditelem, ne imeyushchim libo lishennym prava upravleniya transportnymi sredstvami [Criminalization of acts related to repeated driving by a driver who does not have or is deprived of the right to drive vehicles]. *IUS PUBLICUM ET PRIVATUM*, 2 (17), pp. 108-115.

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.96.31.066

**Изменения в политике энергосбережения в странах
Европейского Союза после начала с февраля 2022 года,
отраженные в юридических документах**

Хабирова Яна Флюровна

Кандидат юридических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450076, Российская Федерация, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: yana_yasmin@mail.ru

Аннотация

В данной статье приводятся результаты контент-анализа и систематизированного литературного обзора, посвященных изучению нормативно-правовых актов и иных юридических документов, в которых отражены изменения в политике энергосбережения в странах европейского союза после начала специальной военной операции на Украине (или с февраля 2022 года). Особое внимание уделено изменению законодательства ЕС после февраля 2022 г. для устранения зависимости от российских энергоносителей. Было выявлено, что ЕС на сегодняшний день фокусируется на поиске решений для достижения полной энергонезависимости, что отражается в рассмотренных нормативно-правовых актах и других юридических документах. Необходимо отметить, что в изученных документах транслируется нарратив энергетического перехода, что стало одной из причин общественной поддержки реализуемой в 2022-2023 годах политики энергосбережения. Необходимо отметить, что начало специальной военной операции на территории Украины выявило ряд территориальных, социальных, политических и иных вызовов для стран ЕС: реализация зеленого транзита, рост экономической неоднородности государств-участников союза, удорожание жизни, структурная перестройка на рынке труда и так далее.

Для цитирования в научных исследованиях

Хабирова Я.Ф. Изменения в политике энергосбережения в странах Европейского Союза после начала с февраля 2022 года, отраженные в юридических документах // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 430-438. DOI: 10.34670/AR.2023.96.31.066

Ключевые слова

Европейский Союз, энергетика, энергосбережение, энергетическая безопасность, политика энергосбережения.

Введение

Европейский союз является особым источником международного сотрудничества со своими собственными политическими и правовыми институтами, которые могут принимать и обеспечивать соблюдение законодательства, обязательного для государств-членов, а также в значительной степени непосредственно обязательного для государств, не являющихся членами ЕС [McCormick, 2011]. В 1963 году Европейский суд заявил, что ЕС является новым правопорядком международного права. Даже если законодательство ЕС не считается частью международного публичного права в традиционном смысле, законодательство ЕС по вопросам энергетики по-прежнему имеет большое значение при изучении международного энергетического права.

Основная часть

До 1985 г. энергетическая деятельность ЕС не рассматривалась как часть общей политики, но после 1985 г. ЕС постепенно предпринимал действия и разрабатывал обширное энергетическое законодательство, которое шаг за шагом обновлялось и расширялось. ЕС стал международным первопроходцем в разработке новой энергетической политики и законодательства для создания эффективного внутреннего рынка энергии и содействия развитию возобновляемых источников энергии, а законодательство ЕС теперь служит образцом для аналогичных усилий в других частях мира.

В 2016 году Комиссия ЕС запустила новую инициативу «Зимний энергетический пакет», которая была завершена в июне 2019 года, в котором говорилось что «Зимний пакет» должен обеспечить «чистую энергию для всех европейцев». основополагающие положения «Зимнего энергетического пакета» закреплены «Регламентом управления 2018/1999 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. об управлении Энергетическим союзом и климатических действиях» («Governance Regulation (Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action»).

Законодательство о «Зимнем пакете» касается всех секторов, связанных с энергетикой, включая производство электроэнергии, отопление, охлаждение и транспорт, а также сельское хозяйство и землепользование, и призвано расчистить путь для более чистой, более конкурентоспособной и современной энергетической системы. Предысторией нового пакета было то, что Комиссия считала, что даже если три прежних законодательных пакета в основном выполнили свои задачи, их было недостаточно в условиях меняющегося рынка электроэнергии, и необходим новый подход для реализации «перехода от чистой энергии» к низкоуглеродной экономике к 2050 г. [Ernst, 2020].

Экономия энергии является ключом к борьбе с изменением климата и снижению энергетической зависимости ЕС. Энергоэффективность означает использование меньшего количества энергии для получения того же результата, что позволяет достичь сразу две стратегические задачи: экономия энергии и сокращение выбросов от электростанций. В контексте специальной военной операции на территории Украины это обуславливает высокую актуальность совершенствования политики энергосбережения в странах Европейского Союза.

Необходимо отметить, что проблема энергосбережения и поиска альтернативных источников энергии была актуальна для ЕС задолго до специальной военной операции на

территории Украины специальной военной операции на территории Украины. Говоря о наиболее важных нормативно-правовых и иных документах, устанавливающих и регламентирующих политику энергосбережения в странах Европейского Союза необходимо отметить:

- 1) «Директиву по энергопотреблению зданий» («Directive 2010/31/EU of the European parliament and of the council»), принятую 19 мая 2010 года. Ее целью было эффективное, осмотнительное, рациональное и устойчивое использование энергии, что распространяется, в том числе, на нефтепродукты, природный газ и твердое топливо, которое является важным источником энергии, но также ведущие источники выбросов углекислого газа.
- 2) «Директиву по экологическим требованиям к продукции, влияющей на потребление энергии» («Directive 2009/125/EC of the European parliament and of the council of 21 October 2009»), принятую 21 октября 2009 года. Стала основой для установления требований экодизайна для энергоиспользующих продуктов. Согласно дальнейшим поправкам, увеличившим сферу применения данного документа, все продукты, связанные с энергией, должны быть сделаны в соответствии с требованиями Директивы.
- 3) «Директиву по увеличению доли использования возобновляемых источников энергии» («Directive for the Promotion of the Use of Energy from Renewable Sources»). Основной целью данного документа было увеличение доли энергии, получаемой из возобновляемых источников.
- 4) «Директиву 2012/27/EU об энергоэффективности» («Energy Efficiency Directive»), которая была принята в 2012 году. Согласно данному документу устанавливался перечень мер для повышения энергоэффективности ЕС на 20% к 2020 году. В 2021 г. Европейская комиссия пересмотрела Директиву. Новая редакция директивы направлена на дальнейшее стимулирование усилий Европейского союза (ЕС) в продвижении энергоэффективности и энергосбережения в рамках «Европейского зеленого курса». Новая редакция устанавливает в качестве целевых показателей снижение энергопотребления на 39% для первичного назначения и на 37% для конечного потребления до 2030 года.
- 5) «Директиву 2018/2002 об энергоэффективности» («Energy Efficiency Directive (EU) 2018/2002»), принятую в 11 декабря 2018 года. Ее целью является Повышение энергоэффективности по всей энергетической цепочке, включая производство, передачу, распределение и конечное использование энергии, принесет пользу окружающей среде, улучшит качество воздуха и здоровье населения, сократит выбросы парниковых газов, повысит энергетическую безопасность за счет снижения зависимости от импорта энергии извне. Союза, сократить расходы на энергию для домашних хозяйств и компаний, помочь уменьшить энергетическую бедность и привести к повышению конкурентоспособности, увеличению числа рабочих мест и повышению экономической активности во всей экономике, тем самым улучшая качество жизни граждан.

Упомянутый «Европейский зеленый курс», несмотря на изменения в нормативно-правовых и иных юридических документах, на данный момент определяет вектор политики в области управления энергией. Это пакет политических инициатив, направленных на то, чтобы направить ЕС на путь перехода к «зеленым» технологиям с конечной целью достижения климатической нейтральности к 2050 году. Он поддерживает превращение ЕС в справедливое и процветающее общество с современной и конкурентоспособной экономикой. В нем подчеркивается

необходимость целостного и межсекторального подхода, при котором все соответствующие области политики способствуют достижению конечной цели, связанной с климатом. Пакет включает инициативы, охватывающие климат, окружающую среду, энергетику, транспорт, промышленность, сельское хозяйство и устойчивое финансирование, которые тесно взаимосвязаны. Был утвержден в декабре 2019 года.

Нынешняя европейская энергетическая политика основана на стратегии Энергетического союза (COM (2015) 80 final - A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy), опубликованной в феврале 2015 года, которая направлена на создание энергетического союза, для предоставления домохозяйствам и предприятиям ЕС безопасное, устойчивое, конкурентоспособное и доступное энергоснабжение.

За период с февраля 2022 года по сегодняшний день перечисленные и иные документа пересматриваются, чтобы помочь ЕС достичь новых амбициозных целей в области энергоэффективности и энергобезопасности, снижению зависимости Европы от импорта ископаемого топлива, которое до начала обозначенного периода в значительной степени поступало из России. При этом важно отметить, что повышение энергоэффективности может сократить не только выбросы углекислого газа, но и ежегодный счет ЕС на импорт энергии в размере 330 миллиардов евро.

В текущих условиях одними из главных задач для Евросоюза становятся сохранение и укрепление достигнутого уровня общественной поддержки своей политики перед лицом новых вызовов территориальной и политической сплоченности, которые с неизбежностью возникнут в связи с зеленым транзитом, включая ускорение инфляции, общее удорожание жизни, негативные явления на рынке труда вследствие его структурной перестройки, а также усиление экономической неоднородности государств-членов.

Новые цели в области политики энергосбережения, принятые парламентом в июле 2023 г., предусматривают коллективное сокращение энергопотребления не менее чем на 11,7% на уровне ЕС к 2030 г. (по сравнению с прогнозами Базового сценария на 2020 г.). Страны ЕС должны экономить в среднем 1,5% в год. Энергосбережение должно начинаться с 1,3% в год до конца 2025 года и постепенно достигать 1,9% к концу 2030 года. Для достижения этих целей местные, региональные и национальные меры будут охватывать различные сектора: государственное управление, здания, предприятия, центры обработки данных и т. д. Отметим, что депутаты Европарламента настаивали на конкретных достижимых целях: сокращение потребления энергии государственным сектором на 1,9%; обеспечение реконструкции не менее 3% общественных зданий в год с практически нулевым потреблением энергии или зданиями с нулевым уровнем выбросов и так далее. Однако, согласно оценкам экспертов Bruegel и экспертам самой Комиссии ЕС, данной снижения недостаточно, чтобы полностью закрыть потребность в энергии при полном прекращении поставок из РФ. Для достижения положительного сценария необходимо сокращение потребления энергии на 15–20%.

Также изменения коснулись пакета юридических документов ЕС «Fit For 55», принятого в 2021 году и направленного изначально на достижение как энергетических, так и климатических целей. «Fit For 55» — это набор предложений по пересмотру и обновлению законодательства ЕС и внедрению новых инициатив с целью обеспечения соответствия политики ЕС климатическим целям, согласованным Советом и Европейским парламентом, направленный на достижение цели ЕС по сокращению выбросов в ЕС не менее чем на 55% к 2030 году.

«Fit For 55» включает в себя пересмотренные нормативно-правовые акты и иные юридические документы ЕС в области климата и энергетики:

- Директиву о возобновляемых источниках энергии (COM/2021/557);
- Директиву об энергоэффективности (COM/2021/558);
- Директиву о налогообложении энергетики (COM/2021/563);
- Директива об энергетических характеристиках зданий (COM/2021/802);
- Директива о газе (COM/2021/803);
- Регламент (Четвертый энергетический пакет (2015–2020 гг.) «Чистая энергия для всех европейцев»).

«Fit For 55» сосредоточен на структуре рынка электроэнергии и вводил новые правила хранения электроэнергии, стимулы для потребителей, направленные на улучшение функционирования внутреннего энергетического рынка, ввели 10-летние национальные планы по энергетике и климату (NECP) на 2021–2030 годы и усиление роли ACER. Согласно «Fit For 55», в соответствии с действующей политикой энергосбережения, государства-члены ЕС должны устанавливать комплексные национальные планы по энергетике и климату на период с 2021 по 2030 год, представлять отчет о ходе работы каждые два года и разработать национальные долгосрочные стратегии для удовлетворения общеевропейских энергетических целей.

В феврале 2022 года начало Специальной военной операции на территории Украины изменило график пересмотра энергетической структуры. Сбои на энергетическом рынке спровоцировали быструю реакцию Европейского Союза и вынудили ЕС изменить свою нормативно-правовую базу в области энергетики. При поддержке Версальской декларации всех лидеров ЕС от 10 и 11 марта 2022 года Европейская комиссия опубликовала следующую серию нормативно-правовых актов и юридических документов, которые установили меры для повышения энергетической безопасности и реализации энергоснабжения ЕС, рассмотрим некоторые из них.

Создана платформа для совместных закупок газа. Платформа направлена на координацию действий ЕС и переговоров с внешними поставщиками, чтобы предотвратить перекупку цен между странами ЕС. Он также может использовать влияние ЕС, как одного из крупнейших потребителей газа в мире, для достижения лучших условий для всех потребителей ЕС. Платформа была инициирована в апреле 2022 года в соответствии с мандатом, данным Европейским советом в ответ на необходимость диверсификации от российского газа. Он охватывает ряд действий в отношении природного газа и СПГ (а в будущем и водорода) для поддержки безопасности поставок и доступа ЕС к доступной энергии, включая международный охват, агрегирование спроса и эффективное использование газовой инфраструктуры ЕС.

23 ноября 2022 года приняты правила и обязательства по хранению газа [Regulation (EU) 2022/1032 of the European Parliament and of the Council of 29 June 2022 amending Regulations (EU) 2017/1938], что было продиктовано повышением цен в связи с геополитической обстановкой, что коренным образом изменит стимулы для заполнения подземных хранилищ газа в ЕС. Новые правила нацелены на минимизацию ущерба от сокращения поставок газа.

Также в рамках принятых изменений были смягчены меры по обеспечению ликвидности для участников энергетического рынка, меры по снижению спроса на электроэнергию и газ и меры газовой солидарности между государствами-членами.

30 декабря 2022 года был принят Регламент Совета (ЕС) 2022/2576 (Council Regulation (EU) 2022/2576), который установил новые ориентиры цен на СПГ. Целью данного регламента является укрепление солидарности за счет лучшей координации закупок газа, надежных эталонных цен и трансграничного обмена газом.

В период с сентября по декабрь 2022 года ЕС принял ряд положений о мерах по сокращению спроса на электроэнергию, временном ограничении доходов сверхмаржинальных производителей электроэнергии, временном взносе солидарности на сверхприбыли от деятельности, основанной на ископаемом топливе, ускорении развертывания возобновляемых источников энергии и механизм приостановки сделок с природным газом в случае чрезвычайно высоких цен на газ.

В частности, были введены следующие временные рыночные меры:

- Целевое добровольное общее сокращение валового потребления электроэнергии на 10% и обязательное снижение потребления электроэнергии на 5% в часы пик.
- Ограничение рыночной выручки на уровне 180 евро/МВтч для производителей электроэнергии, использующих возобновляемые источники энергии, атомную энергетику и бурый уголь.
- Обязательный временный сбор солидарности для сектора ископаемого топлива.

В мае 2022 года ЕС внес изменения в установленный ранее план REPowerEU. Был установлена цель по повышению энергоэффективности еще на 11,7% к 2030 году относительно прогноза энергопотребления на 2030 год, сделанными в 2020 году. Это означает изменение предела конечного потребления энергии в ЕС в размере 763 млн. тонн нефтяного эквивалента и ориентировочных национальных целей в размере 993 млн тонн нефтяного эквивалента для первичного потребления. Как упоминалось ранее, годовые обязательства по энергосбережению для государств-членов составляют, в среднем, 1,49% от их конечного энергопотребления с 2024 по 2030 год. Для сравнения, до геополитических процессов, начатых в феврале 2022 года, данный показатель составлял 0,8% от конечного энергопотребления.

Помимо долгосрочных и среднесрочных перечисленных задач, в нормативно-правовых актах и юридических документах описаны краткосрочные изменения, направленные на сокращение спроса на газ и нефть на 5%. Помимо этого, прослеживается тенденция утверждения нормативно-правовыми актами и юридическими документами специальных коммуникационных рекламных кампаний, ориентированных на домохозяйства и промышленность с целью призыва экономии ресурсов. Приведем несколько примеров данных краткосрочных мер:

- в конце июля 2022 г. премьер-министр Испании Педро Санчес призвал чиновников отказаться от галстуков, чтобы меньше потеть и реже пользоваться кондиционерами;
- правительство Италии ввело правила, согласно которым ни один коммерческий объект не имеет права охлаждать помещения до температуры ниже 27 градусов по Цельсию;
- Правительство Италии ввело приказ, который действует до ноября 2023 года, запрещающий освещать памятники и требует выключать освещение в магазинах после 22:00;
- Правительства Франции и Италии также установили запрет на освещение памятников и выключение освещения в магазинах после 22:00.

Европейским союзом было предложено использовать и фискальные меры для содействия энергосбережению, такие как снижение ставок налога на добавленную стоимость на энергию, эффективные системы отопления, изоляция зданий, приборы и продукты. В нем также изложены меры на случай непредвиденных обстоятельств в случае серьезного перебоя в поставках и объявлено руководство по критериям определения приоритетов для клиентов и содействие скоординированному плану сокращения спроса в ЕС.

В период с июля по декабрь 2022 года действующая Директива [8] была дополнена введением новых целевых показателей сокращения спроса на внутреннем энергетическом

рынке, включая добровольное целевое сокращение потребления газа на 15 % в период с августа 2022 г. по март 2023 г., добровольное целевое сокращение валового потребления электроэнергии на 10 % в период с декабря 2022 г. по март 2023 г. и обязательное целевое сокращение потребления электроэнергии на 5 % в часы пик. В марте 2023 года реформа рынка электроэнергии была направлена на ускорение освоения возобновляемых источников энергии и поэтапный отказ от газа, чтобы снизить зависимость счетов потребителей от неустойчивых цен на ископаемое топливо.

Заключение

Таким образом, нормативно-правовые акты и юридические документы в области политики энергосбережения ЕС представляют собой информативные материалы, на основании которых можно проследить развитие геополитического конфликта. При этом анализ нормативно-правовых актов и юридических документов демонстрирует, что вводимые изменения оказывают влияние не только на экономику РФ, но также на экономику и энергетику стран ЕС, так как энергетические сектора этих стран взаимозависимы.

Библиография

1. Директива 2012/27/EU об энергоэффективности («Energy Efficiency Directive 2012/27/EU»). URL: <https://base.garant.ru/70390784/> (дата обращения: 31.05.2023).
2. Директива 2018/2002 об энергоэффективности (Energy Efficiency Directive 2018/2002). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0210.01.ENG (дата обращения: 01.08.2023).
3. Директива по увеличению доли использования возобновляемых источников энергии (Directive for the Promotion of the Use of Energy from Renewable Sources). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=Oj:L:2009:140:0016:0062:en:PDF> (дата обращения: 31.05.2023).
4. Прохоренко И.Л. Нарративы энергетического перехода в Европейском Союзе // Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativy-energeticheskogo-perehoda-v-evropeyskom-soyuze> (дата обращения: 01.06.2023).
5. A European Green Deal. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 31.05.2023).
6. COM (2015) 80 final - A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. URL: <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/com-2015-80-final> (дата обращения: 31.05.2023).
7. Council Regulation (EU) 2022/2576 of 19 December 2022 enhancing solidarity through better coordination of gas purchases, reliable price benchmarks and exchanges of gas across borders URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2576> (дата обращения: 31.05.2023).
8. Directive 2009/125/EC of the European parliament and of the council of 21 October 2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:285:0010:0035:en:PDF> (дата обращения: 31.05.2023).
9. Directive 2010/31/EU of the European parliament and of the council. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:153:0013:0035:EN:PDF> (дата обращения: 31.05.2023).
10. EU Energy Platform. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/eu-energy-platform_en#about-the-eu-energy-platform (дата обращения: 31.05.2023).
11. Governance Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action. URL: <https://www.eubelius.com/en/news/the-implementation-of-the-winter-package-clean-energy-for-all-europeans-continues#:~:text=The%20Winter%20Package%20contains%20a,2018%2C%20was%20the%20first%20step> (дата обращения: 31.05.2023).
12. McCormick J. European Union Politics / J. McCormick. — London: Palgrave Macmillan, 2011. — 384 p.
13. Nordtveit, Ernst, "International energy law in perspective", in Routledge Handbook of Energy Law ed. Tina Soliman Hunter, Ignacio Herrera Anchustegui, Penelope Crossley and Gloria M. Alvarez (Abingdon: Routledge, 06 мая 2020), accessed 01 August, Routledge Handbooks Online.
14. Regulation (EU) 2022/1032 of the European Parliament and of the Council of 29 June 2022 amending Regulations (EU) 2017/1938 and (EC) No 715/2009 with regard to gas storage. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3A0J.L_.2022.173.01.0017.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A173%3ATOC (дата обращения: 31.05.2023).

15. REPowerEU. Affordable, secure and sustainable energy for Europe. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 31.05.2023).

Changes in the energy saving policy in the EU countries after February 2022 reflected in the legal documents

Yana F. Khabirova

PhD in Law, Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
450076, 32, Zaki Validi str., Ufa, Russian Federation;
e-mail: yana_yasmin@mail.ru

Abstract

This article presents the results of a content analysis and a systematic literary review devoted to the study of regulations and other legal documents that reflect changes in energy saving policies in the countries of the European Union after the start of a special military operation in Ukraine (or since February 2022). Particular attention is paid to the change in EU legislation after February 2022 to eliminate dependence on Russian energy carriers. It was revealed that the EU is currently focusing on finding solutions to achieve full energy independence, which is reflected in the reviewed regulations and other legal documents. It should be noted that the studied documents broadcast the narrative of the energy transition, which became one of the reasons for public support for the energy saving policy implemented in 2022-2023. It should be noted that the start of a special military operation on the territory of Ukraine revealed a number of territorial, social, political and other challenges for the EU countries: the implementation of green transit, the growth of the economic heterogeneity of the member states of the union, the rise in the cost of living, restructuring in the labor market, and so on.

For citation

Khabirova Ya.F. (2023) *Izmeneniya v politike energosberezheniya v stranakh Evropeiskogo Soyuza posle nachala s fevralya 2022 goda, otrazhennye v yuridicheskikh dokumentakh* [Changes in the energy saving policy in the EU countries after February 2022 reflected in the legal documents]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 430-438. DOI: 10.34670/AR.2023.96.31.066

Keywords

European Union, energy, energy saving, energy security, energy saving policy

References

1. Directive 2012/27/EU on energy Efficiency ("Energy Efficiency Directive 2012/27/EU). URL: <https://base.garant.ru/70390784/> (accessed: 31.05.2023).
2. Energy Efficiency Directive 2018/2002 (Energy Efficiency Directive 2018/2002). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0210.01. ENG (accessed: 01.08.2023).
3. Directive on increasing the share of renewable energy sources (Directive for the Promotion of the Use of Energy from Renewable Sources. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=Oj:L:2009:140:0016:0062:en:PDF> (accessed: 31.05.2023).

4. Prokhorenko I.L. Narratives of the energy transition in the European Union // Bulletin of the Moscow University. Series International Relations and World Politics. 2022. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narrativy-energeticheskogo-perehoda-v-evropeyskom-soyuze> (accessed: 01.06.2023).
5. A European Green Deal. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 31.05.2023).
6. COM (2015) 80 final - A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. URL: <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/com-2015-80-final> (дата обращения: 31.05.2023).
7. Council Regulation (EU) 2022/2576 of 19 December 2022 enhancing solidarity through better coordination of gas purchases, reliable price benchmarks and exchanges of gas across borders URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022R2576> (дата обращения: 31.05.2023).
8. Directive 2009/125/EC of the European parliament and of the council of 21 October 2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:285:0010:0035:en:PDF> (дата обращения: 31.05.2023).
9. Directive 2010/31/EU of the European parliament and of the council. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:153:0013:0035:EN:PDF> (дата обращения: 31.05.2023).
10. EU Energy Platform. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-security/eu-energy-platform_en#about-the-eu-energy-platform (дата обращения: 31.05.2023).
11. Governance Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action. URL: <https://www.eubelius.com/en/news/the-implementation-of-the-winter-package-clean-energy-for-all-europeans-continues#:~:text=The%20Winter%20Package%20contains%20a,2018%2C%20was%20the%20first%20step> (дата обращения: 31.05.2023).
12. McCormick J. European Union Politics / J. McCormick. — London: Palgrave Macmillan, 2011. — 384 p.
13. Nordtveit, Ernst , "International energy law in perspective" , in Routledge Handbook of Energy Law ed. Tina Soliman Hunter , Ignacio Herrera Anchustegui , Penelope Crossley and Gloria M. Alvarez (Abingdon: Routledge, 06 мая 2020), accessed 01 August, Routledge Handbooks Online.
14. Regulation (EU) 2022/1032 of the European Parliament and of the Council of 29 June 2022 amending Regulations (EU) 2017/1938 and (EC) No 715/2009 with regard to gas storage. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_2022.173.01.0017.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A173%3ATOC (дата обращения: 31.05.2023).
15. REPowerEU. Affordable, secure and sustainable energy for Europe. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 31.05.2023).

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница].
Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как
[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.



Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.